ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Сборник материалов
Седьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов

Clio 2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
Российский государственный архив
социально-политической истории

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Сборник материалов
Седьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов

Clio 2017

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 930
ББК 63
И90

К 100-летию революции 1917 года в России

Редакционная коллегия:
М. Г. Алексашина, Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
С. А. Котов (отв. редактор), А. В. Лукашин (отв. секретарь),
Н. А. Лысенков, А. К. Сорокин (гл. редактор), А. А. Ширинянц

И90

Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2017» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 582 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2114-2

В сборник включены тезисы докладов участников Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая ежегодно, начиная с 2011 года, проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В год 100-летнего юбилея революционных событий 1917 г. в России центральным направлением конференции стало обсуждение феномена революций в целом и событий 1917 года в России и их последствий в частности. В работе конференции приняли участие более 170 молодых ученых из России, Азербайджана, Беларуси, Италии, Казахстана, США, Швейцарии и других стран.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2114-2

© Российский государственный архив социально-политической истории, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ[1]

Абдикаликова Динара Ниязбековна
(Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Революция 1917 года явилась эпохальным событием в мировой истории. В результате этой революции сменилась власть в России и последовала гражданская война, затем коллективизация и индустриализация. Революционная буря привела в движение политические партии и организации, советы рабочих и солдатских депутатов. Отношение общества к революции было неоднозначным. И в нашей статье мы хотели бы обратить внимание на содержание документов личного характера свидетелей тех событий.

По воспоминаниям священника Сергея Сидорова: «Москву охватила тревожная горячка революционных дней». После Октябрьской революции священник называет Русь умирающей и отмечает, что революция уничтожила его привычный мир, где он был по-своему счастлив. Из записок отца Сергия: «Была осень 1918 года. Еще гетман царствовал в Киеве, но в глубине Украины уже чувствовалась близость бунта, уничтожающего последние остатки поместий. Вечерами полыхали пожары, то там, то здесь слышалось об убийствах. Помещики спешили в города, где стояли немцы, где была возможность не ждать каждый день смерти».

В феврале 1917 года произошли голодные бунты в Москве, чуть позже начались погромы практически по всей стране. Так, например, автор пишет: «А кругом уже пылали усадьбы, и очередь разгрома подходила к Николаевке». В 1918 году Сергей Алексеевич поступает в Киевскую Духовную академию, он окончил два курса, одновременно устраивается на работу в Полиру, так назывался Отдел по ликвидации религиозной утвари при Киевском губсобесе. Апогеем революционных событий по отношению к этой семье был расстрел отца семьи Алексея Михайловича. Расстрел отца не отразился на служебном положении брата Сергея – Алексея, поскольку он работал в университете, был признанным специалистом. Вместе с тем он никогда не мог простить революции смерти своего отца[2].

Французский атташе Ж. Садуль в своих «Записках» повествует о событиях революции и гражданской войны, очевидцем и участником которых был

---

[1] Статья подготовлена под научным руководством д.и.н., профессора кафедры регионоведения Л.Н. Нурсултановой.

[2] *Сидоров С.А.* (протоиерей). Записки священника Сергия Сидорова: С прил. его жизнеописания, сост. дочерью, В.С. Бобринской. М.: Православ. Свято-Тихонов. Богослов. Ин-т, 1999. С. 183–187.

сам. Описаны встречи и даны меткие характеристики видных деятелей партии и Советского государства того периода.

Летом 1917 г. Жака Садуля назначили атташе при Французской военной миссии в Петрограде.

В своих почти ежедневных записях Садуль рассматривает революционные события в России сквозь призму интересов Франции, Антанты.

Но на Садуля очень сильно повлияла сама революция. Он сумел увидеть «наряду с неизбежной разрушительной и насильственной ломкой старого режима достойные восхищения созидательные усилия правительства рабочих и крестьян России, все возрастающее доверие народных масс к Советской власти – несомненное свидетельство консолидации сил Русской Революции». Несколько месяцев понадобилось французскому атташе, чтобы понять, что готовившаяся интервенция союзных войск в Россию – это не помощь ей в борьбе с Германией, как он убеждал себя и советское руководство в начале 1918 г., а борьба, прежде всего с революцией.

Став членом Французской коммунистической группы, Садуль выступал в печати, писал листовки, брошюры, обращения к французским солдатам. Объясняя истинные цели интервентов в России, излагал в доступной для понимания простых людей форме задачи и цели русской революции. Лейтмотивом всех его выступлений были слова «ни одного шага по русской земле, против русского народа! Ни одного выстрела против Революции!»

В своих многочисленных обращениях к солдатам Франции и французским трудящимся Садуль взывал к их патриотическим чувствам, будил их гордость за славное революционное прошлое. «Разве навсегда погас в нас революционный пламень, товарищи? Будем достойны нашего великого прошлого...» – читали французские матросы в апреле 1919 г. в листовке, тайно доставленной к ним на корабль из Одессы и подписанной именем мятежного капитана.

В конце 1918 г. Садуль издал в Москве на французском языке брошюру «Да здравствует Республика Советов!», получившую благодарственный отклик В.И. Ленина[3].

Воспоминания иностранных послов о русской революции 1917 г. представляют большой интерес для исследователей. Неслучайно воспоминания послов Франции и Англии были переведены и опубликованы в советской России еще в начале 20-х годов, и с тех пор неоднократно переиздавались. Морис Жорж Палеолог с июля 1914 по май 1917 г. был послом Франции в России, и его дневниковые записи, позднее расшифрованные и дополненные, несомненно, представляют большой интерес.

В своих дневниках автор оценивает реформы Столыпина, ухудшение положения рабочих, рост цен, подъем революционного движения и др.

События января 1917 г. в Петрограде, различные демонстрации, сессия Государственной Думы получили освещение в его воспоминаниях. В записях за дни, предшествующие 23 февраля 1917 г. он пишет: «Петроград терпит недостаток в хлебе и дровах, народ страдает». Среди причин, объясняющих положение, указывает на объективные: железнодорожный кризис, суровая и

[3] *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. С. 3–13.

снежная зима, приведшая к заносам дорог, но умалчивает о главной причине – неумении властей организовать снабжение продовольствием столицы.

Он отмечает, что в Петрограде проходили народные шествия и многолюдные демонстрации, были слышны выстрелы, и отмечает, что его беспокоил вопрос о продолжении войны, «как армии на фронте примут столичные события»[4].

Российский публицист Н. Суханов в своей книге повествует о начале революции, когда он был редактором межпартийного, но левого «Современника», взявшего во время войны интернационалистский курс.

«В первый день революции многие не могли поверить в это. Ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, «ощущали», но никто не мог себе представить, что он наступит так скоро. «Революция! – это слишком невероятно. Революция! – это, как всем известно, не действительность, а только мечта. Мечта поколений, долгих трудных десятилетий...» – пишет Н. Суханов.

По его словам, заводские митинги вышли за ворота и правительству не удавалось остановить их. Вместе с тем обнаружилась и слабость власти всего аппарата, а город наполнялся слухами.

Автор отмечает, что между тем движение все разрасталось. Бессилие полицейского аппарата становилось с каждым часом все очевиднее. Митинги происходили уже почти легально, причем воинские части, в лице своих командиров, не решались ни на какие активные позиции против возраставших и заполнявших главные улицы толп. В пятницу же, вечером, в городе говорили, что на заводах происходят выборы в Совет рабочих депутатов. Стали создаваться советы, как органы новой власти[5].

В нашей статье мы проанализировали воспоминания российских и французских свидетелей февральских событий 1917 года. Каждый из них по-своему описал революционные дни, которые изменили ситуацию в империи. Главным лейтмотивом воспоминаний российских очевидцев выступают вопросы голодных бунтов, погромов и трагедия отдельно взятой семьи. Вместе с тем показана слабость власти, массовые митинги, переросшие в демонстрацию и создание Советов.

Французские дипломаты обращают внимание на реформы Столыпина, ухудшение положения рабочего класса, рост цен, подъем революционного движения. Так, например, Ж. Садуль отмечает, что целью западных интервентов являлась борьба с революцией, в то время как сам автор симпатизировал ее идеям.

---

[4] *Рачковский В.А.* Февральская революция 1917 года в воспоминаниях посла Французской республики М. Палеолога // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 94–101.

[5] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. М.: Издание З.И. Гржевин, 1919. С. 3–18.

ФЕНОМЕН ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Авакян Дарья Айрапетовна
(Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России)

Вопросы развития промышленного производства, крупных городов и особенности процесса урбанизации являются актуальными для современности. Обусловлено это не только глобальными переменами в темпах количественного роста городов, но и повышением социально-политического значения в жизни людей проблем, связанных с урбанизацией. Увеличение численности городского населения, интенсивный рост городов, сосредоточение в них различных видов деятельности негативно сказываются на состоянии окружающей среды и здоровье, организации труда и быта городских жителей, часто сопровождаются обострением социально-политических конфликтов.

Такие проблемы впервые возникли в конце XVIII – начале XIX в. в связи с промышленной революцией. Именно в этот период в западноевропейской социально-политической мысли появились работы, посвященные осмыслению особенностей промышленного и городского развития Англии и Франции, всестороннему изучению городского пространства и критике недостатков городского образа жизни.

Социально-экономические процессы, происходящие на фоне развития промышленности, находили непосредственное отражение в политической жизни и социально-политической мысли западноевропейских государств в XIX в. Исторические, социально-экономические исследования последствий промышленной революции и урбанизации осуществлялись во взаимосвязи с другими социально-экономическими, культурными явлениями в рамках консервативного, либерального и социалистического направлений социально-политической мысли того времени.

Важную роль в процессе становления консерватизма сыграл труд английского мыслителя Э. Бёрка «Размышления о французской революции» (1790), который явления, связанные с промышленной революцией, оценивал резко негативно[1]. Особого внимания при исследовании последствий промышленной революции в консервативной традиции заслуживают взгляды Т. Карлейля, изложенные в работах «Герои, почитание героев и героическое в истории», «Прошлое и настоящее». Он полагал, что промышленная революция, за кото-

[1] См.: *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. С. 56–57.

рой последовала политическая революция, изменила традиционную систему социальных взаимосвязей, характерных для феодальных отношений[2].

Выступая в русле либеральной традиции, А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) утверждал, что государству, стремящемуся к развитию, в том числе и промышленному, необходимо принять такие законодательные нормы, которые способствовали бы достижению максимальной экономической свободы для всех членов общества, только тогда личная заинтересованность постепенно приведет к прогрессу рыночных отношений и промышленного производства[3]. Основной тезис концепции И. Бентама, изложенный в труде «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789), заключался в противопоставлении государства и общества, состоящего из независимых субъектов. По его мнению, наиболее гармоничным является то общество, где созданы возможности для реализации частных интересов, государство в данном случае выступает только как инструмент для достижения личных целей, как институт, защищающий частную собственность от любых угроз[4].

Представитель социалистического направления социально-политической мысли А. Сен-Симон в работе «О промышленной системе» (1821) подчеркивал объективный характер стремления современного ему общества к прогрессу и развитию промышленности[5]. Большое значение при исследовании этапов индустриальной урбанизации имеют идеи Р. Оуэна, Э. Кабе, Э. Говарда, воплотившиеся в форме утопических концепций, в которых обращалось внимание на город как на социальный феномен. Так, Оуэн в ряде работ, в том числе в «Книге о новом нравственном мире» (1836)[6], в статье «Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих» (1817) и др., обращает внимание на положительные последствия промышленной революции, развитие которых может в будущем привести к организации гармоничного общества, управляемого на основе принципов равенства и справедливости. Для этого он предлагает создать «поселки общества и сотрудничества», которые позволят улучшить условия жизни, прежде всего, рабочего класса[7].

---

[2] См.: *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 631, 698, 717; *Карлейль Т.* Прошлое и настоящее. М.: Книговек, 2014. С. 365–394.

[3] См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 165–187.

[4] См.: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. С. 10–11.

[5] См.: *Сен-Симон А.* О промышленной системе // Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 6; С. 100.

[6] См.: *Owen R.* The Book of the New Moral World, Containing the Rational System of Society: Founded on Demonstrable Facts, Developing the Constitution and Laws of Human Nature and of Society. London: E. Wilson, 1836.

[7] *Оуэн Р.* Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих // Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 109–139. См. также: Роберт Оуэн: Жизнь и идеи. М.: Издательство Московского университета, 2014.

Традиция поиска идеальной формы общежития также характерна и для французской утопической мысли. В частности, с именем и учением французского публициста, историка Этьена Кабе, автора знаменитого романа «Путешествие в Икарию»[8] (1838), связывают уникальный по масштабам и продолжительности коммунитарный эксперимент в истории XIX в.[9]

Особую популярность на рубеже XIX–XX вв. в западноевропейском обществе приобрела идея города-сада, в которой заложен принцип расселения крупных промышленных центров за счет развития пригородных зон. Эта идея впервые была сформулирована английским утопистом Э. Говардом.

[8] См.: *Кабе Э.* Путешествие в Икарию. М.; Л.: Academia, 1935.

[9] См.: *Геннер А.* Икарийцы в Северной Америке. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1906. С. 6–8; *Ревякин А.В.* Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М.: Наука, 1999.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ В КРЫМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НА ПРИМЕРЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА МОИСЕЯ ДАЯНА

Акимченков Виктор Владимирович
(Институт истории и политики МПГУ)

Моисей Исаакович Даян (настоящая фамилия Гинцбург, 1877–1940) – советский философ, критик, психолог, автор статей по еврейской истории. Родился 1 сентября 1877 г. в городе Нежин Черниговской губернии. В curriculum vitae, датированном 1 февраля 1929 г., так охарактеризовал свои первые попытки получить образование: «Не попав из-за "процентной нормы" в ср.[еднее] уч.[ебное] зав.[едение], держал экстерно на курс реального училища, за границей прошел курс философии и психологии»[1].

Действительно, Моисей Исаакович некоторое время обучался в Берлинском университете, однако с 1899 по 1902 гг. прошел курс обучения на историко-филологическом (медицинском) факультете Императорского Харьковского университета[2]. В начале XX в. двадцатичетырёхлетнего Моисея Гинцбурга увлекли революционные идеи. Уже в 1901 г. он примкнул к революционному движению. С 1909 по 1917 гг. проводил подпольную пропагандистскую работу в ряде городов Российской империи. Таким образом, события февраля 1917 г. застали М.И. Гинцбурга в рядах Бунда. Однако череда революционных событий привела к тому, что Моисей Исаакович порвал с бундовцами и примкнул к более радикальной левой фракции – Еврейской коммунистической партии.

Период пребывания М.И. Даяна в Крыму сопряжён с ключевыми страницами истории Гражданской войны на территории полуострова. В годы революционного лихолетья в Крым попало значительное количество не только деятелей культуры, но и разношерстная группа лиц, представлявшая весь политический спектр постреволюционной России, искавшие выгоду и покровительство от местной власти, а также «агенты» новой, Советской, власти, которые должны были подготовить «почву» для установления соответствующего режима в данном регионе. На Юго-Востоке Крыма, в Феодосии, все вышеперечисленные группы лиц были представлены в своеобразном детище своей эпохи – Феодосийском литературно-аристократическом кружке (ФЛАК).

[1] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 681. Оп. 1. Д. 705. Л. 1.

[2] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета за 1900–1901 академич. год. Харьков: [Типография Императорского Харьковского университета], 1900. С. 19.

Он возник после революции 1917 г. и просуществовал до установления Советской власти в Крыму. Частым гостем ФЛАКа был и Моисей Даян, входивший в обозначенный период времени в состав подпольной большевистской организации.

Свидетель этих событий, советский писатель Эмилий Львович Миндлин вспоминал о жизни ФЛАКа следующее: «<...> Кто здесь только не бывал! Белогвардейцы, шпионы, иностранцы, артисты, музыканты. Какие-то московские, киевские, петроградские куплетисты, поэты, оперные певцы, <...>, известные и неизвестные журналисты, спекулянты и люди, впоследствии оказавшиеся подпольщиками-коммунистами. <...> Бывали в кафе и какие-то странные девушки, похожие на блудливых монашек. Странные эти девушки сходили с ума от стихов, были очень религиозны, много говорили о христианстве. Вели себя, как язычницы, читали Августина, часто покушались на самоубийство и охотно позволяли спасать себя»[3].

Именно здесь, в обстановке белогвардейского Крыма, у Моисея Исааковича завязались долгие дружеские отношения с поэтом Максимилианом Александровичем Волошиным, были налажены контакты с будущим первым председателем Феодосийского ревкома тов. Жеребиным, будущим членом Феодосийского ревкома тов. Звонарёвым.

В составе подпольной большевистской организации М.И. Даян вёл активную работу по мобилизации трудящихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев. К марту 1919 г. в Феодосии был создан подпольный ревком, занявшийся подготовкой благоприятной обстановки в городе для успешного вооруженного наступления советских войск и мобилизацией феодосийских рабочих. Ломая упорное сопротивление белогвардейских войск, 21 апреля 1919 г. Красная Армия овладела Феодосией. В освобожденном городе вся полнота власти была сосредоточена в руках нового ревкома, созданного из числа бывших подпольщиков и представителей Красной Армии. Бывшие товарищи М.И. Даяна по ФЛАКу сыграли свою роль в его назначении на должность редактора «Известий Феодосийского военно-революционного комитета».

Однако вскоре Вооруженные силы Юга России под командованием А.И. Деникина занимают весь Крым, и Даян вместе с семьей обосновывается в Коктебеле, где, как и в Феодосии, в годы Гражданской войны по разным причинам оказались видные представители русской интеллигенции: писатели, поэты, музыканты, композиторы. В мае 1920 г. в Коктебеле был организован подпольный съезд крымских организаций РКП(б), сведения о котором, через провокатора А. Ахтырского, получила врангелевская контрразведка. Ею были предприняты все необходимые меры, место проведения было окружено, участники съезда, отстреливаясь, сумели укрыться в горах, а М.И. Даян решил укрыться на даче своего хорошего друга по ФЛАКу Максимилиана Волошина.

В тетради Максимилиана Александровича «Истории моей души» под 1920 годом мы встречаем следующую запись, относящуюся к этому периоду:

---

[3] *Миндлин Э.Л.* Необыкновенные собеседники: литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1979. С. 10.

«“Серафим”. Ссора с Эренбургом. Отъезд Татиды. Генерал Калинин и Князевы. Гинсбург. Приход большевиков. Феодосия. Террор»[4].

Свет на эти события проливают воспоминания старшей дочери М.И. Даяна – поэтессы и писательницы Раисы Моисеевны Гинцбург (1907(14)–1965): «Но помню отчетливо, что моего отца Максимилиан Александрович спас от белых. Потом мы уехали из Коктебеля. От высокого белого дома, между серыми маслинами, по громкому гравию дорожки быстро шел Максимилиан Александрович. Он поднялся на террасу стремительно и уверенно. Он позвал мою маму. Я стояла у толстой колонны и, угнетенная тревогой всего этого дня, прислушивалась. Не слыша тихих слов, я поняла, что Максимилиан Александрович успокаивает, что-то обещает. Сумерки. Быстро наступила ночь. Я с мамой вышла на шоссе, надеясь встретить папу. Но он не пришел из Феодосии. А в Феодосии, в “списках” была оценена его голова как “красного”. Мама сказала мне об этом тихим, недрогнувшим голосом. Ее белая блузка чуть виднелась в темноте. Мы постояли у гудящего столба у мостика и вернулись домой. Мама покормила нас мелкой, как орешки, картошкой – меня и четырехлетнюю сестру. Я лежала, слышала, как шумит прибой. Папа не пришел. А утром по гравию дорожки шагал белый генерал, белые офицеры. Мама не велела нам спускаться с террасы. Какие-то мальчишки за кустами ограды, на дороге, пели что-то про жидов и красных. Генерал с офицерами зашли в дом Максимилиана Александровича. Мама мне ничего тогда не говорила. Но когда на следующий день ушли белые и папа, живой, усталый, был с нами, я узнала, что Максимилиан Александрович спрятал его от белых в своей постели»[5].

В годы Гражданской войны на территории Крыма оказался и поэт О.Э. Мандельштам, пребывание которого на территории полуострова было не устроено и складывалось неудачно[6]. Также как и М.И. Даян, Осип Эмильевич был участником ФЛАКа и другом М.А. Волошина. Среди воспоминаний поэта, относящихся к этому периоду времени, мы находим фрагмент, который подтверждает пребывание Даяна в Феодосии в период нахождения там войск А.И. Деникина:

«<...> Тогда, в лихорадке, знакомой каждому бродяге, я метался в поисках ночлега. <...> Не принадлежа к уважаемым гражданам города, с наступлением ночи я стучался в разные двери в поисках ночлега. Норд-ост свирепствовал на игрушечных улицах. Гинзбурги[7], Ландсберги[8] и проч. пили чай с белой еврейской булкой «халой». Ночные сторожа-татары похаживали под окнами меняльных лавок и комиссионных магазинов, где чубуки и гитары драпировались в шелковый полковничий халат. Разве что, гремя подковами английских

---

[4] *Волошин М.А.* Биографическая канва [Электронный ресурс] // История моей души. М.: Аграф, 1999. 480 с.

[5] Там же.

[6] *Гинцбург Р.М.* Часы неизгладимые // Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В.П. Купченко, З.Д. Давыдов; ред. Л.Б. Воронин; предисл. Л. Озеров. М.: Советский писатель, 1990. С. 375–377.

[7] Под «Гинзбургами» подразумеваются братья Моисей Исаакович и Рауль (Иосиф) Исаакович Гинцбурги.

[8] Под «Ландсбергами» подразумеваются врач и провизор Эммануил Александрович Ландсберг и его сын Леонид Эммануилович.

ботинок, пройдет запоздалая юнкерская рота, потрясая воздух известным пэаном, с некоторыми нецензурными выраженьями, которые опускались днем по настоянию местного раввина <...>».

К ноябрю 1920 г. Красная армия под командованием М.В. Фрунзе подошла к Перекопу. Сумев в кратчайшие сроки преодолеть Сиваш, и, поддерживаемая десантом в районе Судака, она развернула массирование наступление. 16 ноября 1920 г. Южный фронт был ликвидирован, в Крыму была установлена Советская власть. Вслед за этими событиями М.И. Даян принимает решение перебраться из Крыма в Смоленск. Однако экономическое положение в молодой Советской республике оставалось крайне напряженным, транспортная связь между центром и провинциями была нарушена, да и в условиях чистки Крыма от контрреволюционеров купить куда-либо, а тем более в Москву, билет без спецпропуска, было невозможно.

Решить эту проблему вновь помог М.А. Волошин, который в этот период являлся главой Феодосийского отделения Всероссийского союза поэтов, в обязанности которого входило составление ходатайств о пропусках для литераторов, желающих уехать в Москву. По стечению обстоятельств из Крыма вместе с М.И. Даяном уезжал вышеупомянутый советский писатель Э.Л. Миндлин, оставивший об этом событии воспоминания:

<...> Нам дали отдельный вагон-теплушку, и мы вместе – Майя Кудашева с сыном и матерью, бывший подпольщик, член Ревкома поэт Звонарев, возвращавшийся к себе в Орел, бывший редактор «Известий Феодосийского ревкома» Даян, актриса Кузнецова-Гринева с дочерью, поэт Томилин, еще какой-то поэт, и еще какой-то, и я. <...>

Из Феодосии до Москвы мы ехали десять дней. <...> Мы ехали медленно, с частыми остановками. Вагон наш то и дело отцепляли на станциях, и мы по очереди ходили к начальникам станций умолять прицепить наш вагон к составу. Только на одиннадцатые сутки наш вагон остановился у Рогожской заставы Москвы. На вагоне мелом крупными пляшущими буквами было написано: «Вагон поэтов».

Мы выгружались недолго. Вещей было мало. Все, кроме меня, знали, где им провести первую ночь, некоторые возвращались на свои старые квартиры.

<...> Сообща наняли какие-то дрожки, погрузили на них свой скарб, и вялая лошадка, понукаемая дрогалем, потащилась через всю Москву. Мы табором шли за ней и время от времени останавливались то в одной части города, то в другой, чтобы попрощаться со спутниками, достигшими своего дома <...>[9].

В Крым М.И. Даян вернётся лишь в ноябре 1934 г., но, как и раньше, попадет в жерло нового противостояния. К концу 1934 года профессору Даяну припомнили былые «прегрешения». В 1935 году Моисей Исаакович «за скрытие своих ошибок <...> и не разоблачение контрреволюционной сущности троцкизма» был исключен из ВКП(б) и уволен с должности директора Севастопольского музейного объединения[10]. После этих драматических событий он был вынужден вернуться в Москву. В этот период профессор Даян неоднократно обращался за помощью к Н.А. Морозову, поскольку не мог найти

[9] *Миндлин Э.Л.* Указ. соч. С. 41.

[10] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.

работу. В 1939 году подготовил к публикации ряд статей, которые были направлены им Николаю Александровичу для рецензирования с последующей публикацией. Однако в силу сложившихся обстоятельств эти работы не были напечатаны в философском эссе «Будущее: мирный путь к реальным реформам» (1898)[11].

Обращение к наследию мыслителей прошлого, историко-политологической оценке их работ, является важным и актуальным в контексте не только развития собственно историко-политологической науки, но и, как представляется, может помочь установить основные причины, динамику, последствия промышленной революции и роста городов, выработать успешные политические подходы к решению современных проблем, обусловленных активным развитием городов.

[11] См.: *Howard E.* To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform. L.: Swann Sonn enschein, 1898. Книга Говарда была написана переиздана в 1902 г. под названием «Garden cities of to-morrow», а в 1911 г. в русском переводе получила заголовок «Города будущего» (*Howard E.* Garden cities of to-morrow. L.: Swan Sonnenschein & Co., Ltd. Paternoster Square, 1902; *Гоуард Э.* Города будущего. СПБ.: типография товарищества «Общественная польза», 1911).

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ВЕРНАДСКОГО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

Аксенова Екатерина Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Великий российский ученый В.И. Вернадский на протяжении всей своей жизни занимался как научно-исследовательской, так и общественно-политической деятельностью. Однако именно события февральской и октябрьской революций 1917 года настолько сильно повлияли на В.И. Вернадского, что баланс окончательно сместился в сторону научной работы.

Отправной точкой можно считать телеграмму, которую 26 февраля 1917 г. послали Николаю II члены Государственного совета. В ней предлагалось отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной думы. Среди подписавших этот документ четырех выборных членов был и Вернадский[1].

В творчестве Вернадского отразились главные вопросы, вставшие перед кадетской партией и Временным правительством после Февральской революции. Политическая позиция Вернадского в основном совпадала с идеями кадетской партии в целом, хотя он, как всегда, высказывал независимые суждения, не был профессиональным политиком, и в его публицистических выступлениях этого времени значительное место занимали теоретические аспекты актуальных исследований.

Вернадский одобрял и поддерживал внешнеполитический курс Временного правительства – соблюдение обязательств перед державами-союзниками и доведение войны до победы. Он был убеждён, что Россия и Франция являются «оплотом свободы Европы от Великой Германской империи». Кадетско-государственническая идеология проявилась и в аргументах в пользу продолжения войны с целью расширения сферы влияния России на ряд территорий. В частности, он пишет: «для России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о проливах, которые не могут находиться в руках чужого нам сильного государства»[2].

Вернадский считал Временное правительство демократическим. «Война ведется великими демократиями, в число которых вернулась, наконец, и наша родина не с завоевательными целями». В мае 1917 г. он писал о «новой свободной России». Он видит угрозу России – ее свободе, целостности, независимости в аморфности позиции, несамостоятельности большинства граждан. Он призывает соотечественников к гражданской ответственности, организо-

[1] *Аксенов Г.* Вернадский. М.: Соратник, 1994. С. 216.

[2] *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 224.

ванности и объединению в политические партии. «Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен сметь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны»[3].

Вернадский резко осуждал политику большевиков, вовлекавших народные массы в борьбу за переход всей власти к Советам, сознательно обострявших социальное и политическое противоборство и выступавших против Временного правительства – это «внутренняя кровавая распря, междоусобная война». «В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России»[4], –пишет он в мае 1917 года.

4 июня 1917 г. Вернадский выступает со статьей «Об автономии», в которой он, с одной стороны, поддерживает решение VII съезда кадетской партии о местной автономии, но, с другой стороны, выступает за большую самостоятельность и полномочия местной власти, не исключая и федеративное устройство государства.

В марте 1917 г. Вернадский вновь был избран ординарным профессором Московского университета по кафедре минералогии и геологии с оставлением в занимаемой им должности в Академии наук. Указом Временного правительства от 11 августа 1917 г. он был утвержден в должности товарища министра народного просвещения. Он проявляет инициативу в создании новых учебных и научных центров, широкой организации внешкольного образования. Основные направления его выступлений по вопросам науки, образования и государственности – единство государственных интересов России, государственного строительства и научных изысканий.

В статье Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (июнь 1917 г.) были конкретизированы основные направления научной работы, наиболее злободневные для России того времени с ее экономической разрухой, дезинтеграционными процессами в национальных и окраинных районах. Вернадский отмечал неоднородность физико-географических условий, этническое разнообразие России и, как следствие, центробежные тенденции. Учёный считал, что большое государство – великое благо для живущих в нем людей. Это прообраз мирного мирового сожительства народов. В сохранении единства Российского государства, уменьшении центробежных сил в нем Вернадский видел одну из наиболее важных задач государственной политики. Надо перейти, пишет Вернадский, к «политике национальной свободы, государственной поддержки национальных учреждений народностей, при сохранении государственного единства»[5].

Либеральная альтернатива общественного развития оказалась нереализуемой и невостребованной в бурной революционной ситуации 1917 года. Вер-

[3] Там же. С. 226.

[4] Там же. С. 231.

[5] Там же. С. 248.

надский как член Партии народной свободы отразил в своем мировоззрении основные стороны и черты ее тогдашних политических воззрений.

В Октябрьской революции Вернадский увидел разрушительную, а не созидательную силу. По его мнению, развертывалась «небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной пылинкой». Он приходит к выводу, что русский народ не подготовлен к жизни в условиях демократии: «Положение – трагическое: получили значение в решении жизненного строя силы и слои народа, которые не в состоянии понять его интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки». У него складывается убеждение, что интеллигенция не знала народа. И в то же время он признавал: «в сущности массы за большевиков», «несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного».

В размышлениях Вернадского звучит и оптимистическая нота: «Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударственное движение... Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить». Вернадский убежден, что поворот в развитии России в 1917 г. настолько «глубок, что то, что за ним сохранится, само по себе огромно»[6].

После победы большевиков Временное правительство, его министры не покинули своих постов. Вернадский принимал участие в работе этого подпольного правительства, а также ЦК кадетской партии, на заседаниях которого обсуждались вопросы, связанные с участием в выборах в Учредительное собрание и сопротивлением советской власти. Вернадский подписал два документа, принятые на нелегальном заседании Временного правительства в Петрограде 16 ноября 1917 г., – «Обращение к русским гражданам» и о созыве Учредительного собрания. В «Обращении к русским гражданам» сложившаяся в России ситуация характеризовалась как тягчайшая смута и разрушение государства Российского. Граждане призывались «штыку и насилию противопоставить право и закон», «сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли»[7].

В ноябре 1917 года, из-за опасений за свою жизнь и свободу Вернадский вынужден уехать в Полтаву, что ознаменовало завершение «революционного» периода общественно-политической деятельности великого российского ученого.

---

[6] *Вернадский В.И.* Из дневников октября–ноября 1917 г. // Огонек. 1990. № 49. С. 13; Его же: Дневники 1917–1921 гг. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев. 1994. С. 29, 32, 43; Его же. Из дневников октября–ноября 1917 г. С. 13–14.

[7] *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 299–301.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ТОМАСА СПЕНСА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Алексашина Мария Геннадьевна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Формирующийся, но в то же время еще не сформировавшийся как класс английский пролетариат в своих взглядах был тесно связан с крестьянством, из рядов которого он в значительной степени и выходил. Эта особенность идеологии английских рабочих в период перехода от мануфактуры к капиталистической фабрике наиболее отчетливо выразилась в социальном учении Томаса Спенса (1750–1814 гг.) – крупнейшего английского эгалитариста XVIII – начала XIX в.

Спенс предлагал уничтожить лендлордов и аристократию, конфисковать их землю и передать ее во владение приходам. При этом эта земля сдается в аренду, а рента, после погашения государственных и общественных расходов, делится поровну между каждым жителем прихода.

Изучение политической теории Томаса Спенса его соотечественниками, а также другими европейскими (и не только) авторами мы разделим на этапы.

Первый этап начинается после смерти Спенса и заканчивается 30-ми годами XX века.

Если говорить о первых попытках осмысления деятельности Томаса Спенса, которые были предприняты учениками после его смерти, а также английскими историками XIX – начала XX в., то можно выделить таких авторов как Т. Эванс[1], Е. Макензи[2], А. Давенпорт[3], А. Ватерс[4], О. Рудкин[5]. Здесь можно найти и биографии, и краткие очерки, и небольшие статьи.

Среди существенных работ англоязычных авторов, посвященных Спенсу, в начале XX века можно выделить книгу Макса Бера «История социализма в Англии»[6]. Как замечает Бер, доклад Спенса «Действительные права человека» содержит и социальную критику, и проект реформ. Критика навеяна Локком и Гроцием, она направлена против частной собственности на землю, но, сверх того, некоторые из предлагаемых Спенсом реформ тоже являются

---

[1] *Evanc T.* Life of Mr. Thomas Spence. London, 1821.

[2] *Mackenzie E.* Memoir of T. Spence. London, 1826.

[3] *Davenport A.* The life, Writings and Princioles of Thomas Spence. London, 1936.

[4] *Waters Arth.* Trial of Thomas Spence in 1801. Spence and his politicak works. Leamingston, 1917.

[5] *Rudkin O.D.* Thomas Spence and His Connections. New York, 1927.

[6] *Бер М.* История социализма в Англии. Москва: Гос. изд-во, гос. учебно-практ. школа-тип. им. тов. Алексеева в Пг., 1923.

в сущности критическими стрелами, так как он старается попасть ими в ряд определенных зол, существовавших в его время. Суть спенсианства, по мнению Бера, заключается, однако не в этом, а в его основной мысли: возвращении земли народу или общей собственности на землю.

В середине XX в. в изучении творчества Спенса наблюдается некоторый перерыв. Спенс как социалист не вызывал особого внимания у англоязычных авторов, и они начали обращаются к нему как к радикалу. Поэтому вторым этапом мы обозначим период с 80-х годов и до конца XX века.

В 1988 году издательство университета Кэмбриджа выпустило книгу австралийского профессора Яна МакКалмана «Radical underworld. Prophets, revolutionaries and pornographers in London 1795–1840»[7]. В этой книге и в других своих статьях, таких как «Ultra-Radicalism and Convivial Debating-Clubs in London»[8], «Unrespectable radicalism: infidels and pornography in early nineteenth-century London»[9] автор исследует английский народный радикализм периода между антиякобинским правительственным террором 90-х годов XVIII века и началом чартизма. Анализ основывается на новой информации, полученной из шпионских доносов и литературы того времени. Впервые подпольной революционно-республиканской группировке Лондона, основанной автором земельной реформы Томасом Спенсом, уделено столько внимания. Кроме того, автор продлил условные границы истории радикализма, показав, что спенсианцы сотрудничали с подпольными криминальными организациями и группами бедняков, включая западноиндийских черных мигрантов и банд черных вымогателей. Также они имели связи с популярными религиозными движениями и литературными объединениями, начиная от романтиков Шельяна, заканчивая уличными запрещенными художниками с Граб Стрит.

Западные исследователи политической доктрины Томаса Спенса рассматривали не только его аграрную программу, но они также касались взглядов английского радикала на женский вопрос. Француз Рюми Дюфилле[10] подчеркивает, что Томас Спенс уже давно признан одним из очень немногих защитников прав женщин в конце XVIII века. Э. Томсон[11] отмечает, что он был единственным среди якобинских пропагандистов, адресующий свои произведения работающим женщинам. Дикинсон[12] добавляет, что он был одним из очень немногих, кто выступал за предоставление женщинам избирательного права в 1790-е годы.

---

[7] *McCalman I.* Radical underworld. Prophets, revolutionaries and pornographers in London 1795–1840. Cambridge etc.: Univ. press, 1988.

[8] *McCalman I.* Ultra-Radicalism and Convivial Debating-Clubs in London, 1795–1838 // The english historical review, N 403, 1987.

[9] *McCalman I.* Unrespectable radicalism: infidels and pornography in early nineteenth-century London // Past and present Past and present, N 104, 1984.

[10] *Duthille R.* Thomas Spence on Women's Rights: A Vindication. Presses Universitaires de Bordeaux, 2014.

[11] *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. Harmondsworth: Penguin, 1980.

[12] *Dickinson H.T.* The Political Works of Thomas Spence. Newcastle upon Tyne: Avero, 1982.

Однако некоторые историки сомневаются в искренности феминизма Спенса. Д. Уоралл в свое книге «Radical Culture: Discourse, Resistance and Surveillance, 1789–1820»[13] утверждает, что Спенс был, в лучшем случае, оппортунистским феминистом и, что при внимательном чтении его работы представляли довольно антипрогрессивные картины в революционной обстановке. Дюфилле же считает, что такая критика несправедлива и, напротив, подчеркивает недостатки учения Спенса. Главным является его поразительное достижение по сравнению с антифеминистскими аргументами многих его современников, в том числе радикальных сторонников всеобщего избирательного права для мужчин.

Барбара Тейлор[14] признает, что памфлет «Права детей» содержит обещание реализации земельной собственности, которое распространено на женщин. Признавая, что в утопическом государстве Спенсония, мужчины и женщины будут пользоваться одинаковыми политическими правами, она настаивала на исключении женщин из светов из-за их домашней работы. При этом она говорила, что женский семейный статус будет во всех отношениях равным статусу мужа. Но Тейлор добавляет пояснение, которое придает некоторую весомость ее аргументам: она исключает из него домашнюю нагрузку.

Анна Кларк[15] предполагает, что, обращаясь, к женской персоне в «Правах детей», Спенс пытался устыдить и спровоцировать мужчин на действие. Обращение к женскому полу и принятие женского голоса было важнейшим достижением, что само по себе затрудняет попытки изобразить Спенса безусловным поборником патриархального статуса-кво.

Особое внимание заслуживает книга Дж. Била «English Pronunciation in the Eighteenth Century. Thomas Spence's Grand Repository of the English Language»[16]. Необходимо отметить, что это лингвистическая книга по английской фонетике XVIII века. Томас Спенс создал свой словарь английского языка «Великое хранилище», который в своей орфоэпии отличался от других словарей, существовавших в то время. Нам следует зафиксировать следующий факт. Издавая свой словарь, Спенс надеялся, что бедняки смогут в короткие сроки освоить простые правила. Он был уверен, что грамотному человеку легче ориентироваться и участвовать в общественной жизни. Но бедняки трудились на тяжелых работах большую часть дня, и у них не оставалось времени для обучения. Поэтому «Великое хранилище» было написано так, чтобы человек не тратил много усилий для его освоения.

Третий современный этап начинается с наступлением XXI века. Теперь Томас Спенс рассматривается как основоположник теории базовых дивидендов, которая становится очень популярной в наше время.

---

[13] *Worrall D.* Radical Culture: Discourse, Resistance and Surveillance, 1789–1820. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1992.

[14] *Taylor B.* Eve and the New Jerusalem: Socialism and Feminism in the Nineteenth Century. New York: Pantheon Books, 1983.

[15] *Clark A.* The Struggle for the Breeches: Gender and the Making of the British Working Class. Berkeley, CA: University of California Press, 1997.

[16] *Beal J.C.* English Pronunciation in the Eighteenth Century. Thomas Spence's Grand Repository of the English Language, Clarendon Press, Oxford, 1999.

О. Марангос в своей статье «Thomas Paine (1737–1809) and Thomas Spence (1750–1814) on land ownership, land taxes and the provision of citizen's dividend»[17] и в статье «Two arguments for basic income: Thomas Paine (1737–1809) and Thomas Spence (1750–1814)»[18], написанной совместно с Дж.Е. Кингом анализирует аграрную программу Томаса Спенса, акцентируя внимание на том, что выплаты постоянным жителям прихода схожи с сегодняшними гражданскими дивидендами.

Для англоязычных исследователей политической программы Спенса он выступает как основоположник раннего радикализма. Многие считают его защитником женщин, выступающим за предоставление им избирательного права, ратовавшего за то, чтобы статус женщины был во всех отношениях равным статусу мужчины. Кроме того, в теории разделения приходской ренты современные экономисты и юристы находят истоки сегодняшних базовых дивидендов, распространенных в странах Европы.

[17] *Marangos O.* Thomas Paine (1737–1809) and Thomas Spence (1750–1814) on land ownership, land taxes and the provision of citizen's dividend // International Journal of Social Economics. V. 35. Is. 5, 2008.

[18] *Marangos O., King J.E.* Two arguments for basic income: Thomas Paine (1737–1809) and Thomas Spence (1750–1814) // History of Economic Ideas. XIV. 2006.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ПЛАВИЛЬНОГО КОТЛА» И ПРОБЛЕМА ПОИСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИММИГРАНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. ЗАНГУИЛЛА «ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ» И М. ЭНТИН «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»

Амвросова Алина Раилевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

На рубеже XIX–XX вв. в США стояла довольно серьезная проблема интеграции массы представителей новых этнических групп в американское общество, в связи с чем переосмысливался облик американского гражданина. Каждый день в США приезжало от 50 до 100 тыс. чел., что в совокупности достигало около 20 млн. чел. за период с 1890 по 1910-е гг.[1] Они представляли собой выходцев теперь уже не только из Великобритании и Германии, но и из Италии, из Восточной Европы, из Азии, а это этнические группы, абсолютно непохожие на типичных представителей так называемого «англосаксонского мира».

Они трудно ассимилировались и едва ли интегрировались в американское общество, их число невероятно росло, они зачастую сохраняли свои первичные традиции и обычаи, свои ценности и культуру, но при этом иммигранты уже во втором поколении считали себя настоящими американцами и могли пользоваться правами и возможностями американских граждан[2].

Американское общество столкнулось с двумя альтернативами развития: либо принять в общество тех, кто был «чужим» для белого американца-протестанта (т.е. принять иммигрантов из разных этнических групп), и дать им возможность стать американцами, изменив при этом свои представления о том, каким должен быть американец по цвету кожи и вероисповеданию; либо оставить вне американского общества это огромное количество людей со своими национальными ценностями и стереотипами, сохранив при этом американскую национальную идею в неприкосновенности[3].

Довольно трудной ситуация представлялась не только для американцев, но и для самих иммигрантов: они приехали в Америку в поисках лучшей жизни, но для того, чтобы максимально пользоваться правами и возможностями

[1] *Hoerder D. and Rössler H.* Distant Magnets: Expectations and Realities in the Immigrant Experience, 1840–1930. N.Y.: Holmes & Meier, 1993.

[2] *Zolberg A.* A Nation by Design: Immigration Policy in a Fashioning America. Cambridge; London: Harvard University Press, 2008.

[3] *Gordon M.N.* Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and Natural Origins. N.Y: Oxford University Press, 1964.

американцев, чтобы реализоваться в полной мере, им необходимо было отказаться от своих старых традиций, от своего языка, а также от своей религии, что в совокупности составляет национальную идентичность индивида. В процессе принятия иммигрантами американских ценностей происходило изменение национальной самоидентификации, и поиск собственной национальной идентичности становился понятной реакцией на происходящие перемены в восприятии иммигранта.

В таких условиях не только у американцев, но и у иммигрантов была потребность в появлении новой концепции, которая бы отражала их национальную идентичность, которая бы дала ответ на вопрос о том, какой критерий лежит в основе американского полиэтнического общества и что представляет собой национальная идентичность американцев. Иными словами, всех волновал вопрос – кто таков американец, и можно ли им стать? В результате появилась концепция «плавильного котла» («Melting Pot»), авторами которой были И. Зангуилл[4] и М. Энтин[5].

Цель нашей работы – выяснить, как складывается национальная самоидентификация у героев, евреев-иммигрантов из России, в пьесе Зангуилла «Плавильный котел» и автобиографической повести Энтин «Земля обетованная» и как связана концепция «плавильного котла» с поиском их национальной идентичности в условиях развития США на рубеже XIX–XX вв.

Зангуилл в пьесе «Плавильный котел» (1908 г.) ставит вопрос о том, может или имеет ли право человек отказываться от своих культурных корней и выбирать себе национальность? Может ли он сменить национальность или отступиться от «старой» национальности, как отступается от религии? Зангуилл в лице главного героя пьесы Давида отвечает положительно на эти вопросы.

Критерии национальной идентичности и сама идентичность меняются в зависимости от места и общества, в которое попадает индивид – так мы видим, что религия выступает в качестве главного маркера национальной идентичности евреев в России; в Америке она также играет определенную роль, но уже не является главным критерием, по концепции «плавильного котла». На основе наших источников мы можем сказать, что национальная идентичность евреев, иммигрировавших в США, имеет территориальную и политическую привязку, не религиозную, а национальная идентичность евреев, живущих в России – наоборот, исходит только из религиозного критерия. При переезде иммигрантов в США их национальная идентичность трансформируется, на смену «старой» приходит «новая» – иммигранты начинают считать себя американцами с принятием американских ценностей, отсюда и происходит дифференциация в критериях до иммиграции и после нее.

Собственная национальная идентичность переосмысливается тогда, когда возникает какой-либо жизненный кризис, или кризис личности, когда создаются жесткие рамки внутри человека и вне его, которые вынуждают его осознать, к какой национальности он принадлежит. Таким образом, концепция

---

[4] *Zangwill I.* The Melting Pot. Chosen People // Works by Israel Zangwill: Vol. 6. N.Y: The American Jewish Book Company, 1921.

[5] *Antin M.* The Promised Land. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, The Riverside Press Cambridge, 1912.

«плавильного котла» возникла, как попытка избежать возможной ненависти и расово-национальных стереотипов в таком многонациональном государстве, как США. Оба автора, равно как и главные герои их произведений, являются евреями из Российской империи, столкнувшимися с расовой ненавистью и нетерпимостью русских к евреям. В результате концепция «плавильного котла» у Зангуилла и Энтин явилась ответом на вопросы о том, как себя воспринимать в полиэтническом обществе, и стала результатом поиска собственной национальной идентичности.

ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ И.Т. ПОСОШКОВА

Ананьев Дмитрий Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) – русский купец, предприниматель, экономист и публицист. Его наиболее значительная работа «Книга о скудости и богатстве» считается преимущественно экономическим произведением, однако она имеет важное значения и для русской социально-политической мысли. Также среди его трудов известно «Завещание отеческое к сыну», в котором выражены этические взгляды автора в виде поучений и наставлений. И.Т. Посошков активно пользуется понятием «правда», рассуждая о вопросах справедливого и должного, о социально-политическом устройстве России. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть место данного понятия в идеях И.Т. Посошкова и особенности его представлений о «правде».

Существенная особенность И.Т. Посошкова как мыслителя состоит в том, что он рассуждает в традициях XVI–XVII вв., его социально-политические идеи имеют явную духовную основу, что было характерно для русской мысли того времени. Среди его «предшественников» исследователи выделяют И.С. Пересветова[1], Ермолая-Еразма и Юрия Крижанича[2]. Это авторы камералистских сочинений, адресованных, обычно, правителю. Отмечается, что такие сочинения не были редким явлением, и в петровскую эпоху подобная литература с проектами по улучшению государственного устройства была довольно распространена[3]. Преемственность И.Т. Посошкова как мыслителя отражается и в его использовании понятия «правда», основного для русской политической мысли XVI в.

Данное понятие, близкое по смысловому наполнению с понятием «справедливости», имеет ключевое значение и в «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова.

И.Т. Посошков ставил перед собой две цели, разрабатывая систему преобразований, описанную в «Книге»: во-первых, объяснить «отчего содевается напрасная скудость и отчего умножитися может изобильное богатство» и «...како бы насадити прямую правду и во всякых делех изсправление и како

[1] *Латов Ю.В.* «Книга о скудости и богатстве» – голос безмолвствующего большинства» // Историко-экономические исследования. 2014. № 15. С. 26–44.

[2] *Покидченко М.Г.* Иван Тихонович Посошков – самобытный российский камералист // Историко-экономические исследования. 2016. № 1. С. 51–65.

[3] Там же.

бы водрузити любовь и безпечное житие народное»[4]. Более того, И.Т. Посошков ставит «правду» выше богатства, обозначенного даже в названии книги, и, подобно И.С. Пересветову, приравнивает «правду» к Богу[5], к Богу Отцу, а не к Христу, различие в данном случае незначительное.

Особенно интересно, что «правда» понимается И.Т. Посошковым в традиционном для духовно-политической мысли России XVI в. значении – как жизни людей, выстроенной угодным Богу образом[6]. При этом «правда» не сводится к «юридической» справедливости, она должна охватывать все сферы жизнедеятельности людей, организовывая их в соответствии с христианским вероучением. В дополнение к тому, что «правда» угодна Богу, И.Т. Посошков добавляет, что она позволяет народу и государству обогащаться. «Праведными» он считает и экономически эффективные, по его мнению, меры, не принося в жертву эффективности справедливость. Даже цену товара он предлагает мерять «самою правдою», что также подтверждает верховенство «правды» в его взглядах.

В духе традиций XVI в., И.Т. Посошков считает, что только царь способен установить «правду», «Яко Бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвалной...»[7], – самодержавный правитель, помазанник Божий должен обладать полнотой всей власти, чтобы установить «правду», чтобы царство жило по Божьей воле и процветало в богатстве.

Важно отметить, что мысль И.Т. Посошкова, несмотря на традиционную духовную основу, непротиворечиво включает в себя и рационализм XVIII в. «Правда» выступает не только как нравственный идеал, но и как непосредственная справедливость, необходимая в повседневной жизни государства. Кроме того, присутствует и категория «богатства», занимающая не последнее место в главном сочинении И.Т. Посошкова. Категория «богатство» сопутствует с понятием справедливости, так как последняя тоже в определённой степени считается богатством. И.Т. Посошков не сводит богатство к драгоценным металлам, подобно меркантилистам и к материальному имуществу вообще. Несводимость идей И.Т. Посошкова к традиционной русской духовной парадигме подтверждается и сходством его главного сочинения с трудами западных камералистов его времени: «Содержание книги Посошкова в целом совпадает с содержанием сочинений западных камералистов, от Карафы до Юсти, хотя он не был знаком с зарубежной камералистской литературой»[8].

При этом западные исследователи не всегда признают И.Т. Посошкова как полноправного европейского мыслителя-камералиста, говоря о наличии у него определённых характеристик мышления, нехарактерных для западных мыслителей. Среди этих характеристик выделяют искреннюю приверженность православию, поддержку автократии, ксенофобию и консерватизм[9].

---

[4] *Посошков И.Т.* Доношение Петру I. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47.

[5] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. С. 47.

[6] Там же. С. 75.

[7] Там же. С. 200.

[8] *Покидченко М.Г.* Указ. соч.

[9] *Pampehl K.* Pososhkov as a thinker// Slavic and East-European Studies. 1961. Vol. 6, No. 1/2. P. 80–87.

Первые две характеристики действительно присутствуют в мировоззрении И.Т. Посошкова, однако, это традиционные элементы русской духовно-политической мысли. Кроме того, они характеризуют наиболее общие моменты в идеях И.Т. Посошкова, не находя полноценного отражения в конкретных мерах, которые он предлагает. Таким образом, православие и поддержка авторитарного (самодержавного) правления не создают достаточного основания для того, чтобы отказать И.Т. Посошкову в том, что его идеи соответствовали духу времени. Две оставшиеся характеристики, ксенофобия и консерватизм, можно считать неточными. И.Т. Посошков высказывался против засилья иностранных купцов, однако не в силу их иностранного происхождения, а потому что это не соответствовало интересам Отечества[10]. Что касается консерватизма, то эту характеристику можно понимать лишь в положительном ключе, так как И.Т. Посошков не высказывался против тех нововведений, которые считал целесообразными, в частности, он поддерживал большинство петровских реформ. Так, вместо ксенофобии и консерватизма следует скорее дать следующую характеристику – рационализм.

Таким образом, можно заключить, что И.Т. Посошков, основываясь на старых, традиционных идеалах, формирующих его общее мировоззрение, в конкретных мерах не был ретроградом и рационально подходил к решению вопросов. Такое совмещение духовной основы и рациональных идей прослеживается и в его идее «правды». Он понимает «правду» как общий порядок, как жизнь государства, устроенную по божественным правилам, и как непосредственную справедливость, воздаяние должного в конкретных случаях, что прослеживается в его описании судов[11].

[10] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. С. 120–139.

[11] Там же. С. 75–120.

ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ананьев Никита Александрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Воплощение консервативных идей и ценностей в реальный политический процесс зависит от конкретных политических субъектов. В настоящих тезисах мы рассмотрим основных политических субъектов консервативной внутренней политики России в начале XX века.

Во-первых, председатели Совета Министров за период с апреля 1906 по февраль 1917 г. придерживались консервативных политических убеждений. Некоторые (И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов, князь Н.Д. Голицын) являлись приверженцами более «твёрдой» консервативной позиции, другие (П.А. Столыпин, граф В.Н. Коковцев) стояли на более «умеренных» консервативных позициях. И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов и князь Н.Д. Голицын при этом состояли в правой фракции Государственного Совета.

Во-вторых, правые и умеренно-правые депутаты в Государственной Думе. Если «правых» депутатов в I Государственной Думе не было вовсе, а во II – лишь 10, то численность «правой» фракции в III Государственной Думе составила 50 депутатов, в IV – уже 65 депутатов (64 «правых» и 1 «примыкавшего»[1]). Общая численность фракций «умеренно-правых», «националистов» и «центра» (большая часть представителей которых была членами «Всероссийского национального союза») в III и IV Думах составила 97 и 121 депутат соответственно[2]. Совокупная численность консервативных депутатов различных течений составляла весомую часть от общего числа депутатов Государственной Думы, а в союзе с октябристской фракцией в обеих Думах правые вполне могли получить большинство.

В-третьих, члены Государственного Совета, состоящие во фракциях «правых» и «правого центра». Самой крупной фракцией в Совете являлась фракция «правых», численность которой колебалась от 60 до 70 человек[3]. Её поочерёдно возглавляли последовательные консерваторы С.С. Гончаров, П.Н. Дурново, П.П. Кобылинский, граф А.А. Бобринский, И.Г. Щегловитов, А.Ф. Трепов. Представители этой группы были председателями Государственного Совета: М.Г. Акимов (1907–1914), А.Н. Куломзин (1915–1917) и

[1] *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте (1914–1917): от кризиса к краху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 59, 60.

[2] Там же.

[3] *Юртаева Е.А.* Государственный Совет в России (1906–1917 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2011. С. 65–67.

И.Г. Щегловитов (1917). В состав фракции «правых» входили также председатели Совета министров И.Л. Горемыкин (1906, 1914–1916), Б.В. Штюрмер (1916), А.Ф. Трепов (1916) и князь Н.Д. Голицын (1916–1917).

В-четвёртых, члены консервативных политических организаций. К 1908 году численность «Союза русского народа» (крупнейшего политического движения консервативного толка) и иных консервативных организаций, именовавших себя «черносотенными», превысила 400 тысяч человек[4] (по данным Департамента полиции – около 500 тысяч человек[5]). Союз русского народа стал самой крупной политической организацией Российской империи, а число людей, в совокупности входящих в черносотенные организации, превышало численность партийных сторонников либеральных и революционных партий вместе взятых. В социальном отношении Союз русского народа являлся фактически всесословной организацией, его сторонниками были представители всех социальных слоёв – дворяне и крестьяне, мелкие и средние предприниматели, рабочие, духовенство и казаки. Лидеры Союза русского народа полагали, что их ряды насчитывали до 3 миллионов человек[6].

В заключение стоит сделать следующий вывод. Идеи русского консерватизма пользовались широкой популярностью и в широких слоях населения, и в кругах политической элиты. В 1906–1917 гг. государственная власть в целом опиралась на консервативные идеи и консервативные политические организации. Председатели Совета Министров и Государственного Совета многие министры, сенаторы и губернаторы придерживались, в той или иной мере, консервативных политических убеждений, а численность консервативных организаций превышала численность едва ли не всех политических партий России того периода времени. При поддержке консервативных организаций проводились многочисленные преобразования, затрагивавшие все сферы российского общества. Тем самым, русский консерватизм проявил себя как динамичная идеология, которая оказалась способной не только к сохранению определённых государственных и общественных структур, но и к модернизации российского общества.

---

[4] *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России 1911–1917. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 82

[5] *Степанов А.Д.* «Чёрная сотня (черносотенцы)» // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2007. С. 582.

[6] *Степанов А.Д.* Чёрная сотня: взгляд через столетие. СПб.: «Царское дело», 2000. С. 50.

ХОДАТАЙСТВА О ПОМИЛОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ НА МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССАХ 1936 ГОДА И 1938 ГОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Артамонова Жанна Владимировна, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Судебные политические процессы – неотъемлемая часть репрессивной политики 1920–1930-х гг. Самые известные среди них – три открытых Московских процесса 1936 г., 1937 г., 1938 г. В 1938 г. советский писатель И. Евдокимов так сказал о третьем процессе: «В этом деле много еще темного, непонятного... Невозможно ведь это понять нормальному человеку». Эти слова были близки многим современникам писателя. Процессы ставили целый ряд вопросов, поиск ответов на которые заводил в тупик.

Подлинная история процессов тщательно скрывалась. Параллельно с физическим уничтожением 54-х обвиняемых, стиралась и любая память о них. Официальная трактовка этих событий оставалась неизменной почти до конца 1980-х гг. В подобной ситуации эта тема как научная проблема была закрыта. В связи с открытием архивов появились реальные возможности для ее глубокого изучения. Правда, и здесь исследователи сталкиваются с определенными проблемами – параллельное существование ведомственных и государственных архивохранилищ, неполнота архивных фондов и малодоступность принципиальных источников. Стоит открыто признать, что наиболее ценная и информативная часть фондов госбезопасности (прежде всего, документы внутреннего делопроизводства) остается практически недоступной.

В этой ситуации огромное значение приобретает метод источниковедческого анализа, позволяющий работать с разными типами источников, оценить их значение и аргументировано раскрыть их информационные возможности.

В настоящем выступлении предлагается рассмотреть ходатайства о помиловании осужденных на Московских процессах 1936 г. и 1938 г. как исторический источник.

В августе 1936 г. состоялся первый Московский процесс. Всему миру было объявлено о существовании в СССР масштабного заговора с участием Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.Н. Смирнова, С.В. Мрачковского, Е.А. Дрейцера и др., а также бывших членов КП Германии, эмигрировавших в СССР. На судебных заседаниях подсудимые признавались, что они, под руководством Троцкого и гестапо, организовали в 1934 г. убийство Кирова и готовили покушение на Сталина с целью государственного переворота. Все шестнадцать подсудимых были расстреляны.

В марте 1938 г. состоялся последний из Московских процессов. На скамье подсудимых оказались Н.И. Бухарин и А.И. Рыков – бывшие лидеры т.н. «правого уклона» в ВКП(б), Н.Н. Крестинский и Х.Г. Раковский, ранее при-

надлежавшие к троцкистской оппозиции, несколько видных региональных партийных руководителей (Ф.Г. Ходжаев, В.Ф. Шарангович), бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода и начальник его секретариата П.П. Буланов. В этом списке были известные кремлевские врачи, а также бывший секретарь М. Горького. Всего 21 человек. Подсудимые обвинялись в шпионаже, вредительстве, вплоть до подсыпания битого стекла и гвоздей в продукты питания, убийствах, в том числе осуществленных методом «неправильного лечения». Трое подсудимых были приговорены к тюремным срокам, остальные – к расстрелу.

Приговоренным давалась возможность подать ходатайства о помиловании или смягчении приговора. Все, кроме А.П. Розенгольца, воспользовались этой возможностью. Некоторые подали по два ходатайства. Одно было написано в зале суда сразу же после оглашения приговора, другое – в тюрьме. Президиум Верховного совета СССР и в 1936 г., и в 1938 г. отклонил поданные ходатайства, приговор был приведен в исполнение.

Ходатайства (прошения) в органы власти с просьбами о пересмотре уголовных дел, помиловании или реабилитации относятся к источникам личного происхождения. В архивах хранится большой массив подобных документов. Между тем, ходатайства осужденных на Московских процессах являются в этом ряду уникальными источниками. Это объясняется обстоятельствами их создания. Они были написаны людьми, находящимися в состоянии между жизнью и смертью, в сильнейшем психологическом и эмоциональном напряжении, написаны спонтанно, под влиянием беспрерывных судебных заседаний. У приговоренных не было ни душевных сил, ни времени для того, чтобы осмыслить происходящее и продумать каждое слово своего прошения.

Все ходатайства составлены с соблюдением официального стиля, присущего подобным документам. Они имеют стандартный набор реквизитов – адресат (Президиум Верховного совета СССР), адресант и дата составления.

Ходатайства 1936 г. отличаются друг от друга по содержанию, порядку изложения материала и стилю написания. Они отображают личностные особенности их авторов, темперамент и эмоциональное состояние. В них встречаются самые разные интонации (объяснительные, защитные, покаянные, жалобные, хвалебные и др.). Поэтому скорее они напоминают письма, нежели официальные документы.

В ходатайствах 1938 г. отсутствует бессистемность в изложении материала, сбивчивость, которую можно было бы ожидать, зная обстоятельства их создания. Они тождественны между собой в структурном и смысловом отношении, некоторые фразы повторяются почти дословно. Ходатайства написаны достаточно лаконично, без особенного отражения личных переживай и спектра настроений их авторов (за исключением, пожалуй, ходатайств Бухарина и кремлевских докторов). Интонации практически не улавливаются.

Затронутые в ходатайствах темы идентичны, что объясняется целью самого документа – путем перечисления определенных обстоятельств, заслуг или достоинств осужденного доказать, что он, несмотря на свои преступления, может быть помилован.

Первая тема – признание вины («вина моя тяжела, я это признаю» (Ваганян)[1], «я действительно совершил самые страшные преступления» (Пи-

[1] Здесь и далее цитаты по: Ходатайства 1936 г. – см. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64.

кель), «я глубоко виновен перед социалистической родиной и преступления мои безмерны. Я сознаю всю их глубину и весь их позор» (Бухарин)).

Вторая тема – момент полного искупления своего «греха» на процессе («от суда и органов охраны государственной безопасности ничего не утаил» (Пикель), «я был врагом социалистической Родины, но сейчас я уже таковым больше не являюсь» (Лурье М.), «я полностью раскаялся» (Крестинский), «полностью разоружился» (Чернов)).

Третья тема – последний шанс для доказательства благонадежности и восстановления идентичности с советским обществом («прошу даровать мне жизнь, чтобы хоть немного загладить трудом свою вину перед народом» (Икрамов), «я прошу Верховный совет СССР помиловать меня и дать возможность доказать на практической работе выраженное мне доверие» (Зубарев), «я хочу получить время, чтобы трудом и мыслями вновь приобрести право быть честным гражданином нашей Социалистической Родины» (Ходжаев), «хочется не только просто жить, но и активно участвовать в прекрасной созидательной работе со всеми трудящимися» (Смирнов)).

Оговоримся, что в ходатайствах 1938 г. эта тема становится основной – именно через нее обосновывается сама просьба о помиловании («прошу Верховный совет СССР верить моей искренности и дать мне возможность, где бы то ни было, в любых условиях, честной работой на пользу народа доказать это» (Иванов), «я заявляю, что если мое ходатайство будет уважено – остаток моих сил до конца отдать тому делу, которое поручит мне в заключении правительство или НКВД» (Зеленский)).

В 1936 г. подобные высказывания встречались не так часто. Вместо них просьба о помиловании могла выражаться, к примеру, через историческую рефлексию («напоминание»). Так, Смирнов напоминает о своем происхождении («из семьи рабочих низов») и жизни, наполненной этапами, тюрьмами и побегами. Прося о помиловании, Смирнов пишет: «Я много раз видел смерть в глаза, но это бывало тогда, когда я бился за свой родной класс и свою партию. И не испытывал я страха смерти тогда. Сейчас надо мной занесен меч пролетарского правосудия и ужасно умирать от руки своего же государства». Подобная рефлексия встречается и в ходатайстве Дрейцера: «Ведь было время, когда я был полезным членом Советской страны. Было время, когда меня даже отличали (награждали на фронтах двумя орденами Красного Знамени). Я сейчас не враг и не всегда им был». В ходатайствах 1938 г. подобных попыток (кроме ходатайств кремлевских врачей, напоминающих о своих научных достижениях) не было.

Как показало исследование, ходатайства о помиловании, несмотря на свою лаконичность, обладают большим информационным потенциалом и позволяют ответить на неочевидные (в силу отсутствия определенных документов) вопросы. Именно поэтому эти источники заслуживают самого внимательного прочтения.

В 1936 г. у приговоренных не было осведомленности относительно позиции руководства страны в отношении их дальнейшей судьбы. Подсудимые же процесса 1938 г. знали печальную судьбу своих предшественников. Тем не

Д. 1842; Ходатайства 1938 г. – см. Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 737–750.

менее ходатайства были написаны и ими. Являлись ли они формальным соблюдением правил игры с заранее известным финалом? Или приговоренные верили в силу этих документов, рассматривали их как «последний шанс» для спасения своей жизни?

Точно ответить на эти вопросы невозможно, поскольку еще не в полной мере доступны материалы о работе с подследственными. Упоминания об этом встречаются в материалах реабилитации 1950-х гг.: «Перед судом подготовка арестованных – говорится о третьем процессе – шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний (как правило – сохранения жизни) уговаривали твердо стоять на определенных позициях. С другой стороны – заранее формулировали ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их». М.П. Фриновский позднее показывал: «Долго говорил он (Ежов) с Ягодой, разговор этот касался, главным образом, убеждения Ягоды в том, что его не расстреляют. Ежов несколько раз беседовал с Бухариным и Рыковым и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют. Раз Ежов беседовал с Булановым, (...) говорил: “Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреляли”»[2].

Таким образом, наряду с физическими методами воздействия, организаторы процесса активно использовали и психологические приемы работы с подследственными, порождая у них соответствующие реакции и стратегии поведения (в данном случае, надежду на сохранение жизни). Обвиняемым были даны уверения, что смертный приговор – тоже часть сценария, за которым в этот раз и именно в отношении этого человека непременно последует помилование. Поэтому приговоренные и хватались за прошения как за «последний шанс» напомнить о выполненном предварительном условии. Подсудимые ждали от руководства страны не справедливости, а милости. Это был последний крик души затравленных людей, пытающихся доказать, что все требования, предъявленные им, выполнены.

[2] Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 856.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН В СПОРТИВНОЙ И ФИЗКУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Асатова Гульсара Рашидовна, к.и.н.
(Узбекский государственный институт физической культуры, Республика Узбекистан)

История Второй мировой войны освещена в значительном числе публикаций, однако до сих пор многие её страницы нуждаются в дальнейшем исследовании. И, создание более полной, достоверной картины той героической и трагической поры – всё еще стоит на повестке дня.

Изучение духовных сил и сознания народа в переломные периоды, – той социально-психологической платформы, на которой происходило единение народов, механизм мобилизации, представляют большой научный интерес.

Немаловажное значение в научной разработке имеет введение в научный оборот новых документальных источников. И среди обширного круга источников приоритетными выступают многочисленные документальные материалы архивохранилищ, в частности, материалы Центрального Государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз)[1]. Учитывая возможный объем публикации, мы выбрали лишь малую часть, стремясь ввести в оборот документы, ранее не использованные исследователями, а именно документы из фондов: Министерство Просвещения УзССР (Ф. Р-94, насчитывающий 7047 единиц хранения за 1930–1965 гг.), Совет Министров УзССР (Ф. Р-837, насчитывающий 22 404 единицы хранения за 1941–1964 гг.) и Совет Союза спортивных обществ и организаций Узбекистана при СМ УзССР (Ф. Р-2310, насчитывающий 1858 единиц хранения за 1935–1965 гг.)[2].

Война, несомненно, потребовала использования политических, военных, экономических и духовных ресурсов. Составной частью морально-психологической подготовки людей к защите была оборонно-массовая работа профсоюзов, добровольных обществ, Красного Креста. Наряду с этим, широкое развитие получила работа и спортивных обществ, массовое физкультурное движение.

С началом войны деятельность спортивных и физкультурно-массовых организаций, безусловно, претерпела большие изменения: сокращение потока финансирования; уход на фронт организаторов, спортсменов; снижение чис-

[1] ЦГА РУз, расположенный в Ташкенте, столице Республики Узбекистан, насчитывает более 2,5 тыс. фондов, укомплектованных 1,5 млн единиц хранения. В этом крупнейшем архиве Средней Азии отложился огромный массив документов по истории региона, в том числе и по истории периода Второй мировой войны.

[2] Каталог фондов советского периода. Центральный Государственный Архив Узбекской ССР. Т., 1975. С. 14, 109, 152.

ла спортивных мероприятий; прекращение строительства спортивных объектов. Более того, была поставлена задача – подготовка населения к жизни в условиях военного времени.

Перед Республиканским комитетом по делам физической культуры и спорта были обозначены цели, определяемые обстановкой военного времени и роли Узбекистана как тыловой республики. Понятно, что в эти годы, поставленные задачи осуществлялись с большим трудом. Спортивные и физкультурные организации совместно с военкоматами, школами, различными добровольными обществами, переориентировав свою деятельность на оборонно-массовую работу, обучали военно-прикладным упражнениям, проводили военизированные походы, эстафеты в условиях, приближенных к фронтовым, занятия по стрельбе из боевого оружия и т.д.

О предпринятых шагах свидетельствуют отчеты Совету Народных Комиссаров УзССР. В них отмечается, что физкультурные организации Узбекистана, руководствуясь приказом Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР от 25 июня 1941 г. за № 188 и указанием республиканского Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК УзССР от 26 июня 1941 г. «О работе физкультурных организаций по военной подготовке населения» проделали соответствующую работу[3].

В этом контексте отдельно выступает вопрос участия женщин. Как известно, у войны не женское лицо.

Подчеркнём, за исключением женщин, имевших медицинскую, ветеринарную, специальную техническую подготовку зачисление женщин в ряды Вооруженных Сил страны осуществлялось добровольно. Это многое объясняет. Прежде всего, изменилось сознание, большинство женщин, девушек были готовы к вступлению в ряды армии, и в этом единении раскрылись новые черты патриотизма, мужества, героизма. Кроме того, многие из них ещё до войны активно участвовали в сдаче норм ГТО, занимались военно-прикладными видами спорта.

Так, тысячи спортсменок Узбекистана ушли на фронт, став медсестрами, связистами, разведчицами. Многие, проявив отвагу и мужество, были удостоены орденами и медалями. Можно упомянуть лишь некоторые имена: Надежда Шак[4], Валентина Каужек[5], Надежда Борисова[6], Нина Лядяева[7].

---

[3] ЦГА РУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 3712. Л. 1.

[4] Надежда Шак – входила в сборную республики по плаванию, с 1928 г. участвовала во Всесоюзных соревнованиях. В 1936 г. окончила при Ташкентском аэроклубе инструкторские парашютные, а в 1937 г. – лётные курсы. Н. Шак ушла добровольно на фронт. Была командиром авиационного звена. Награждена 5-ю медалями.

[5] Валентина Каужек – до войны жила в г. Ургенч (Хорезмская область), занималась легкой атлетикой, была в числе победителей и призёров области и республики. Добровольно ушла на фронт. Была медсестрой в бригаде морской пехоты, затем артразведчиком полка. За мужество, проявленное в боях, была награждена орденом Славы III степени и медалями.

[6] Надежда Борисова – мастер спорта по легкой атлетике, рекордсменка республики. Добровольно ушла на фронт. Была связисткой, ходила «за языком». На фронте с бойцами занималась физической подготовкой. Награждена медалями.

[7] Нина Лидяева – гимнастка. В годы войны гвардии лейтенант, замполит 60-го отдельного батальона в 4-й танковой армии. Имела 7 боевых наград.

А в тылу, в Узбекистане, на хрупкие плечи женщин легла организация оборонно-спортивной работы в органах Всевобуча, школах, учебных заведениях, коллективах физической культуры и т.д.

Одним из серьёзнейших испытаний являлись нормативы по сдаче комплекса «Готов к труду и обороне!», «Будь готов к труду и обороне!»[8]. Введение этих норм, бесспорно, позволило улучшить физическую подготовку призывников. Удивляли и энтузиазмом. Например, согласно плану 1943 г. нормы по ГТО I ступени в системе Наркомпроса должны были сдать 19 525 человека, а сдали 22 990, в том числе девочек – 8637 (38%); в вузах и техникумах обязались сдать нормы ГТО I ступени – 1701, а выполнили – 3297 человек, в том числе девушек – 1026 (31%); по нормам ГТО II ступени в плане состояло – 198, выполнили – 205, в том числе девушек – 61 (30%); по нормам БГТО – 29 391, в том числе 9851 девушка[9]. И за перевыполнение плана по подготовке значкистов ГТО Узбекистан был награждён Почётной грамотой Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта[10].

Наряду с этим, женщины-физкультурницы старались успешно выполнять и другие нелёгкие задачи. Так, только за 1943 г. в добровольном спортивном обществе «Пищевик», при руководстве Н. Алексеевой, инструкторе Е. Костиной было подготовлено 240 снайперов и автоматчиков и 59 мотоводителей[11]. И уже во время проведения первых зачётов из 37 женщин-бойцов 33 сдали экзамены на «отлично»[12].

Важно и то, что работа шла и по привлечению девушек местных национальностей. Например, только в Ташкенте в 1943 г. различными видами военно-спортивного обучения было охвачено более 2,5 тыс. девушек, а по республике, по данным на 1944 г., свыше 5 тыс. девушек обучались различным военным специальностям[13].

Значительная работа физкультурными организациями проводилась и в сфере лечебной физкультуры. В госпиталях работали многие известные спортсмены, преподаватели физической культуры, тренеры. Среди них, например, М. Торорова – рекордсменка страны по метанию копья, Л. Лебедянская, С. Евдокимова и др. Одновременно с этим, в госпиталях не забывали и о досуге, а именно, систематически проводились показательные выступления лучших физкультурников.

Отметим, физкультурники Узбекистана принимали участие в оказании помощи фронту и сбором средств трудовых сбережений. Так, было собрано на вооружение армии свыше миллиона рублей, на подарки – свыше 500 тысяч

---

[8] Заметим, в 1942 г. в комплекс ГТО были внесены определенные изменения: сокращено общее количество норм, некоторые были изменены, введены требования знаний топографии, материальной части винтовки, кроссовый бег, прыжки, переправы вплавь, ползание, штыковой бой и др. (См.: *Сомоуков Ф.И., Столбов В.В., Торопов Н.И.* Физическая культура и спорт в СССР. М.: Физическая культура и спорт, 1967. С. 163.)

[9] ЦГА РУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

[10] ЦГА РУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

[11] ЦГА РУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 20, Л. 15.

[12] «Правда Востока», 2 июля 1943 г.

[13] ЦГА РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 4648. Л. 3.

рублей, а также продовольствие и зимние вещи[14]. А девушки-спортсменки организовывали платные спортивные выступления. Например, только в 1941 г. было проведено 50 таких выступлений, а собранная сумма – 74 411 руб. была передана в Фонд обороны[15].

Следует отметить, несмотря на тяготы времени, у общественности не ослабевал интерес к физической культуре и спорту. В годы войны широко отмечался Всесоюзный день физкультурника. А в 1943 г. была проведена Спартакиада республик Средней Азии и Казахстана. Готовясь к такому мероприятию, спортсмены провели ряд соревнований по отдельным видам спорта, при этом были продемонстрированы высокие результаты и установлены рекорды, в том числе и со стороны девушек.

Нельзя забыть и того, что физкультурники и спортсмены Узбекистана отличились и на полях сражения. В частности, из Ташкентского техникума физической культуры на фронт ушло более трети учащихся и преподавателей, в том числе и девушки – Н. Безродная, К. Мочаидзе, Н. Моисенко. Многие из них за проявление доблести и героизма были удостоены наград.

В заключение отметим, приведенные данные подчеркивают плодотворную работу в годы войны – спортивная жизнь не замерла, получила дальнейшее развитие. Эта война стала проверкой жизнестойкости, мощи не только государств, но и физических, духовных сил и моральных качеств народов, отдельных людей. Выявленные документы позволяют нам наглядно увидеть величие подвига, совершавшегося не только на прифронтовой полосе, но и в тылу. И с поставленными задачами женщины справлялись наравне с мужчинами.

[14] ЦГА РУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 3712. Л. 7.

[15] ЦГА РУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕЛА СИКАЧИ-АЛЯН В XIX – НАЧАЛЕ XX в.[1]

Ахметова Анна Валинуровна, к.и.н.
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Определение «нанайский народ» появилось в советское время в 30-е годы XX в. Название состоит из двух слов «на» и «ни», что в переводе на русский означает местный человек или туземец. Они себя считают предками маньчжуров, так как их язык является одним из видов тунгусо-маньчжурских языков. Следовательно, нанайские названия возникали в результате активного общения разных народностей[2].

Культура является сложно организованной системой, которая не пребывает в стабильном состоянии, а демонстрирует интенсивный динамизм. В ходе ее развития осуществляются трансформационные процессы, когда в пределах ограниченного исторического времени одни формы культуры уступают место другим, а вновь возникающие несут в себе новые черты. Важным аспектом понимания ситуации в современной культуре является то обстоятельство, что существенно изменились роль и соотношение факторов, влияющих на динамику культуры. Изменения, происходящие в культуре на протяжении всей истории коренных малочисленных этносов, влияли на образовательную систему, рынок труда, хозяйство и интенсивную миграцию населения[3].

Предметы материальной и духовной культуры нанайского этноса в селе Сикачи-Алян, находятся в музее, который располагается в недавно открывшемся социально-культурном центре. На входе представлены картины, которые были написаны в советское время коренными жителями Сикачи-Аляна. По словам экскурсовода В.Л. Донкан, многие жители, посещая музей, узнают своих родных, которые жили во время войны[4]. В музее представлены уникальные этнографические коллекции, сформированные и изученные педагогами советских времён школы Сикачи-Аляна. Экспонаты, собранные в нём,

[1] Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, договор № 14. Z56.16.5304-МК (Грант Президента).

[2] *Левкин Г.Г.* Сикачи-Алян: здесь живут души предков // Тихоокеанская звезда. 2011. 22 сентября (№ 176).

[3] *Бахтеева Л.И.* Динамика культуры коренных народов Севера в контексте глобализации. Автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Бахтеева Лариса Ивановна. Челябинск, 2007. 24 с.

[4] Донкан Виктория Леонтьевна. Экспертное интервью. 02.08.2016 г.

являются редчайшими. Даже самые крупные краеведческие музеи не имеют таких предметов культуры[5].

В музее представлена реконструкция модели селения нанайцев, которые проживали в XIX в. До 1930-х гг. нанайцы жили в ярангах, которые представляли собой деревянный каркас с коническим куполом. Свои селения нанайцы располагали на большом расстоянии и возле источников воды, потому что неотъемлемым видом хозяйственной деятельности являлось рыболовство. Рядом с жилищами находились амбары, в которых нанайцы хранили общеродовое имущество, продукты, оружия и ценности.

На большом расстоянии от дома обычно располагались мужские амбары, в которых хранилось промысловое снаряжение и оружие, а также проводили собрания, на которых обсуждали вопросы, касающиеся войны и мира, свадьбы и похорон. В маленьких женских амбарах хранили одежду и продовольствие, в а больших – работали женщины-мастерицы. Если возникали междоусобицы, то ценные вещи и предметы прятали в тайниках. В начале XX в. для укрытия стали строить подземные сооружения. В 1930-е гг. в Сикачи-Аляне началось строительство типовых домов, в которые переселялись жители из землянок. В 1935 г. жители села Сикачи-Алян объединили свои силы и построили медицинский пункт, центр культуры и проведения досуга – клуб, в который могло поместиться 150 чел.

Как и все древние люди, нанайцы были язычниками. Нанайцы в прошлом считали сэвэнов богами и отдавали им лучшее, что у них было, чтобы те не сердились на них. Каждый нанаец имел в своём доме различных сэвэнов и задабривал их, идя на войну и на охоту и прося удачи[6]. По словам учителя истории С.Н. Оненко, как раньше, так и сейчас, в селе есть шаман, который проводит различные обряды дома, когда люди болеют, на праздниках и похоронах, распугивая злых духов[7].

Нанайцы раньше повседневно носили национальную одежду, тип которой зависел от пола, сезона и назначения. Всю одежду можно было разделить на повседневную, промысловую, праздничную, ритуальную, погребальную и свадебную. Свадебное одеяние отличалось наибольшим богатством и разнообразием, пёстрой раскраской и особым орнаментом. По верхнему халату нанайцы определяли, к какому роду невеста принадлежит. В советское время культура нанайцев продолжала развиваться. И хотя под влиянием новой власти, одежду, которую шили мастерицы из нанайского народа, перестали носить, но они и сегодня шьют и одевают её на праздники.

Важнейшее значение для нанайской культуры имеют наскальные изображения на поверхности базальтовых валунов села Сикачи-Алян – петроглифы[8]. Каждый рисунок имеет своё значение, с помощью которого можно выявить существовавшие в те времена культурно-этнические связи, и, следовательно, увидеть становление и развитие культуры нанайского народа.

---

[5] *Мохова И.* История одного села // Гудок. 2004. 16 декабря (№ 236).

[6] *Пылаев В.А.* О чём рассказывают петроглифы Сикачи-Аляна // Ориентир. 2005. 31 октября (№ 10).

[7] Оненко Светлана Николаевна. Экспертное интервью. 02.08.2016.

[8] Петроглифы Сикачи-Аляна пострадали от наводнения в Хабаровском крае // Новости Интерфакса. 2013. 13 ноября (№ 11–13).

Первые сведения о наскальных рисунках стали известны в конце XIX в. из дневника Палладия Кафарова. Пётр Иванович Ветлицын в газете «Приамурские ведомости», охарактеризовав рисунки, технику их исполнения, сделал несколько зарисовок. Краткое описание петроглифов сделал известный дальневосточный исследователь Владимир Клавдиевич Арсеньев в 1908 г. В начале 1930-х гг. более подробное исследование провел Н.Г. Харламов, определив местонахождение петроглифов, сделал фотографии и собрал небольшую коллекцию археологических предметов.

В 1935 г. за изучение наскальных изображений взялся Алексей Павлович Окладников. Он вместе с участниками Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР провёл огромную научно-исследовательскую работу. Результатом ее стала монография под названием «Петроглифы Нижнего Амура», посвященная уникальным памятникам наскального искусства Приамурья[9].

Проблемы сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов остаются до настоящего времени. Макеты жилищ, предметы материальной и духовной культуры должно беречь современное поколение, чтобы история коренных малочисленных народов передавалась из поколения в поколения, а государство и мы, живущие в качестве пришлого народа, в свою очередь, должны их уважать и не препятствовать сохранению традиционного уклада.

[9] *Ласкин А.Р.* Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. 22 января (№ 2).

ОЦЕНКА СОВЕТСКИХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»

Баженова Рената Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

70-летний Советский период истории нашего Отечества оказывает непосредственное влияние на развитие сегодняшней России. Именно с ним связано большинство современных идеологических споров. Трудно однозначно оценить результаты политики ВКП(б), казалось бы, нацеленной исключительно на достижение всеобщего благосостояния и на выдвижение страны в число передовых стран.

Интерес представляет психологический аспект. Уже в начале 1920-х гг. сложилась система жесткой регламентации духовной, общественной и личной жизни населения. По словам В.И. Ленина, все члены общества «действовали как один человек»[1].

Железная дисциплина обеспечивала единство действий всего народа в переломные моменты истории, однако, это создало традицию приоритета внешнего принуждения перед сознательным подчинением. Большинство всегда оказывалось правым, а мнение отдельно взятой личности – изначально неверно. Сегодняшние поколения, воспитанные в русле современной демократической тенденции не понимают этого психологического феномена.

Тем не менее прошло уже 25 лет с момента распада СССР, а память о тех годах еще свежа. В высказываниях людей, рожденных в СССР, часто звучит ностальгия по счастливому детству. Как же советской власти удалось сформировать в людях жертвенную приверженность к партийной идеологии? Были созданы «институты просвещения и воспитания, которые не просто силой или убеждением стимулировали людей делать то, что в иных обстоятельствах они бы не сделали в силу своих взглядов, – они формировали в сознании людей изначальные предпочтения для заранее определенных действий»[2].

Процесс интеграции личности в любую социальную систему начинается в детстве. Именно в эту первую пору жизни закладывается основа для вхождения в социальную среду. В СССР наиболее ярким институциональным агентом воспитания подрастающего поколения была созданная в 1922 г. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина, способствующая успешному функционированию ребенка в социалистическом обществе.

Незаменимым помощником в пионерском воспитании была созданная в 1920–1930-х гг. разветвленная сеть детских газет и журналов, перед которыми стояла задача, не имевшая аналогов – «формировать мировоззрение человека

[1] М.А. Прокофьев и др. Народное образование в СССР. М., 1967. С. 35.

[2] *Соловейчик С.Л.* Воспитание по Иванову. М., 1989. С. 130.

нового советского типа, эффективно влиять на развитие личности будущих строителей общества социальной справедливости»[3]. Коммунисты видели в детской журналистике и детской литературе мощное орудие пропаганды, стремились с самого юного возраста взять воспитание ребенка под общественный и идеологический контроль. В качестве дополнительного средства воспитания в 1925 году в Москве начала издаваться газета «Пионерская правда», ставшая в последствии печатным органом ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации.

Девиз «Пионер – всем ребятам пример»[4] – не был пустым звуком. Носить пионерский галстук было честью, которую ещё следовало заслужить. Нельзя недооценивать советскую систему воспитания подрастающих поколений. Все созданные образовательные ячейки были направлены, прежде всего, на всестороннее развитие школьников. Они одновременно решали и общеобразовательные задачи и были призваны прививать детям идеалы дружбы, товарищества, взаимопомощи, любви к Родине, добра и справедливости.

Основное обращение к пионерам в газете: «Страна хочет, чтобы вы хорошо учились. Она делает для этого все». При этом каждый школьник должен твердо помнить, что подсказки – плохая услуга, и если товарищ не поспевает за остальными, необходимо с ним разобрать проблемные темы в дополнительное время.

Много внимания уделено формированию трудолюбия в детях. Пионер должен был думать, что советский человек – это, прежде всего творец, созидатель. Любое дело ему по плечу: он вздымает к облакам высотные здания, сооружает грандиозные гидростанции, прокладывает многоводные каналы. И школьник, чтобы тоже быть строителем и покорять природу, готовится к этому каждый день за партой.

Газета предлагает колоссальный набор интеллектуальных тем, начиная полетами на Марс и заканчивая первой русской арифметикой Леонтия Магницкого. Помимо физики и математики много обсуждалась литература: это и стихи Г. Ладонщикова, Бабиена Карапетяна и стихи итальянского писателя Джанни Родари в переводе С. Маршака. Судя по «Пионерской правде», Н. Некрасов – любимый поэт всех крестьянских детей, и его мечты о свободной и счастливой жизни народа осуществились с пришествием к власти В.И. Ленина и И.В. Сталина. Но это лишь одна сторона медали.

Детей обучали преданности власти, но это отнюдь не означает, что из них исключительно пытались сделать «солдатов советского строя». Советские педагогические технологии были направлены на выработку в пионерах устойчивых ценностей, характеризующих цельных духовно обогащенных личностей: готовность незамедлительно встать на защиту Родины, честность, порядочность, трудолюбие, нравственность, ответственность. Пионеры учились самостоятельно решать возникающие проблемы и стойко преодолевать трудности, чтобы быть достойной опорой государства. К ним обращались с призывом: «Пионер! К борьбе за дело коммунистической партии будь готов!». Но даже в XX в. эти слова могли звучать иначе: «Пионер! К делам на благо Родины, к добру и справедливости будь готов!»

---

[3] *Алексеева. М.И.* Советские детские журналы 20-х годов. М., 1982. С. 57.

[4] Пионерская правда: Орган ЦК ВЛКСМ и Центр. совета Всесоюз. пионерской организации им. В.И. Ленина I-VI N. 1-52/1953. Москва // ГПИБ. Ф. 6481.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА

Балачевцева Марта Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Английская революция носила общеевропейский характер, была первой буржуазной революцией. Английская революция провозгласила «...победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием...предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями»[1].

Идейное наследие революции было полезным арсеналом не только для политической жизни самой Англии, но и для многих европейских стран. Идеологические итоги Английской революции широко распространились, но их истоки, формировались непосредственно в Англии.

Накануне, революции определились два лагеря. В своей основе они представляли противоположные политические, религиозные и социальные интересы. Одни являлись представителями «старого» феодального дворянства, были опорой абсолютизма и сторонниками сохранения прежних порядков. В свою очередь, лагерь оппозиции объединил новое дворянство и буржуазию под общим названием пуритане. Они, добивались политических преобразований, хотели завершения реформации и создания новой, независимой от власти, церкви. Следует отметить, что религиозная оболочка, в действительности прикрывала ряд социально-политических требований имевших в своей основе, светский характер.

Пуританизм – знаменитое явление в духовной жизни английского народа, а также одна из основ возникновения иных политических течений во время Английской революции М.А. Барг отмечал, что «пуританизм отражал всю сложность и противоречивость социальных устремлений...»[2]. Пуританизм особенно проявился в 20–30 годах XVII века, но его возникновение приходится на XVI век. Например, Макс Вебер[3] и Тауни[4] нашли в нем основы политической экономии, политики и этики восходящего класса буржуазии[5].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 115.

[2] *Барг М.А.* «Народные низы в Английской революции XVII в. С. 66.

[3] *M. Weber* Die ProtestantischeEthik und der Geist der Kapitalismus. T bingen, 1922.

[4] *R.H. Tawney*. Religion and the Rise of Capitalism. London, 1929.

[5] *Барг М.А.* Указ. соч. С. 64.

Пуритане, прежде всего, требовали конфискации земель, оставшихся у церкви после ликвидации монастырского землевладения, отделения церкви от государства, сокращения числа религиозных праздников, отказа от соблюдения постов и почитания «святых». Выступали против театра и развлечений, пропагандировали бережливость, воздержание от жизненных удовольствий. Одним словом, пуританизм отражал черты кальвинистского мировоззрения. В конечном счете, он был главной идеологической предпосылкой распространения инакомыслия, а питательной почвой для него служил рост социального недовольства в народных массах.

Тем не менее, революционная оппозиция не была едина ни в социальном, ни в религиозном плане. В пуританизме определились два главных течения: пресвитериан и индепендентов.

Пресвитериане объединили крупную буржуазию и верхушку джентри. Их требование заключалось в ограничении королевского произвола и установлении конституционной монархии с сильной властью короля. Их Религиозно-политическая программа заключалась в очищении церкви от пережитков католицизма и ее реформу по шотландскому образцу. Пресвитериане хотели утверждения во главе церковно-административных округов пресвитеров из состоятельных граждан. В мирный или «конституционный» период с 1640–1648 гг. пресвитерианам удавалось удерживать власть, но после последовала гражданская война и установление диктатуры Кромвеля.

Индепенденты в годы Английской революции – это политическая партия, представителей более радикальных слоев дворянства и буржуазии, пришедших к власти после пресвитериан. Став во главе государства, индепенденты забыли о принципах свободы, поставив своей единственной целью удержание власти. Республика была полной противоположностью того к чему стремились народные массы и их идеологи. Теперь, когда переворот осуществлен судьба народа перестала интересовать новых господ. Индепенденты относились к народу также враждебно и пренебрежительно, как пресвитериане некогда относились к ним самим. Индепендентская республика – это «Новые цепи Англии», а Кромвель в ней – обманщик и цареубийца.

Таким образом, политические течения Английской революции – это движущая сила переломного периода в Англии. Теоретическое и практическое течений разнятся. Но именно их идейное размежевание задавало особый тон социально-политического строя и конфигурации управления. Многообразие политических течений подтверждает наличие противоречий между зарождающимся капиталистическим и старым феодальным укладами, между англиканской церковью и пуританизмом. Функционирование политических течений – это начало нового этапа в жизни Англии.

СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1831 ГОДУ

Барабанова Ксения Сергеевна

В 1831 г., когда в Санкт-Петербурге началась эпидемия холеры, первое упоминание о благотворительности в петербургской прессе появилось уже 23 июня в «Северной пчеле». В нем говорилось, что 19 июня 1831 г. попечитель Васильевской части В.И. Болгарский объявил на заседании Комитета, что ему было доставлено 20 тыс. руб. от корнета гвардии А.И. Яковлева, которые следовало употребить «в сем деле спасения страждущего человечества»[1]. Статья начинается с того, что во время крупных бедствий, которые затрагивают всех, «является дух благотворительности и человеколюбивых пожертвований».

Автор статьи предсказывает также, что в условиях эпидемии следует «ожидать» от благотворителей особого усердия в деле помощи страждущим. Особо отмечено в статье и то, что о пожертвовании Яковлева было сообщено Николаю I. В конце автор сообщает, что пожертвования следует доставлять попечителям частей, а о благотворителях будут и дальше докладывать императору и публиковать в газетах. Благотворителям не обещали никакой награды, но указывали, что ее они найдут в собственном сердце и «благословении Царя Небесного». Сообщение о пожертвование Яковлева было помещено и в «Санкт-Петербургских ведомостях»[2].

Представляется, что данная статья была направлена на то, чтобы стимулировать участие горожан в благотворительности. Корнет Яковлев становился примером для петербуржцев. Следуя его начинанию, они должны были присоединиться к благотворительному движению. В качестве стимула выступал тот факт, что о благотворителях узнает Николай I. Кроме того, использовалось обращение к христианским ценностям, что также должно было побудить петербуржцев начать оказывать помощь нуждающимся.

Вслед за сообщением о пожертвовании Яковлева в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано письмо от коллежского секретаря Ф.Л. Паскина, который, находясь в Петергофе с вверенной ему командой, собрал 155 руб. на помощь «семейным и престарелым людям», не способных из-за эпидемии снискать себе пропитания. Паскин со своей семьей пожертвовал 100 руб. Остальные жертвователи, чьи фамилии перечисляются в письме, внесли посильный вклад от 1 руб. до 5 руб.[3] В письме употребляются обороты, которые чаще встречаются в церковных проповедях или таких текстах как

[1] Северная пчела. 1831. № 138. 23 июня.

[2] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 146. 24 июня.

[3] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 148. 26 июня.

увещевание православным христианам, рассмотренном нами ранее[4]. Таким же языком написана и вторая часть статьи, ответ редакции на письмо.

Автор второй части пишет о том, что истинные сыны Отечества в тяжелое время для государства, «молясь за себя и драгоценную родину», протягивают руку тем, кому нужна помощь. Паскин и его команда сравниваются с теми «настоящими Россиянами», которых можно найти в старинных преданиях и теми, кто себя проявил в Отечественную войну 1812 года. Публикацию этого послания следует отнести к ряду статьей с благодарностями врачам. Через публикацию письма создается положительный образ благотворителя, а в статье говорится, что нужно помогать окружающим, следуя примеру Паскина, как настоящего россиянина, а не распускать нелепые слухи. Паскин стал для «Санкт-Петербургских ведомостей» корнетом Яковлевым, но только пожертвовавшим средства не на устройство больниц, а на помощь нуждающимся.

В середине июля в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась заметка о семье губернского секретаря М. Березайского, которую следует рассматривать как шаг по привлечению благотворителей. Кроме того, она была направлена на то, чтобы показать к чему привели холерные волнения в столице. «Петербургские ведомости» сообщили о том, что 22 июня во время холерного бунта на Сенной площади губернский секретарь М. Березайскин старший сын и опора семьи, был избит собравшейся толпой и умер 25 июня от побоев. Его мать, вдова протоиерея Гавриилы Березайского, от пережитого горя заболела холерой и скончалась 4 июля, а после 9 июля умерла и старшая взрослая дочь. Две сестры и брат, остались без каких-либо средств к пропитанию. На помощь осиротевшей семье было выделено 100 руб. от неизвестных благотворителей[5].

20 июля 1831 г. на статью «Петербургских ведомостей» последовал ответ «Северной пчелы», где прозвучали обвинения в искажении правды «непозволительным образом». По результатам тщательного журналистского расследования выяснилось, что Березайского никто не бил, а он был взят 22 июня казачьим разводом на Сенной площади в числе подозрительных людей и отведен на гауптвахту. Там у него началась холера, он был отправлен в больницу, где и умер через три дня. Его мать и сестра тоже умерли от холеры. К горю матери от гибели старшего сына автор добавил и то, что другого сына, служившего в губернском правлении, отдали по суду в солдаты, и отправили на службу в Ригу.

Остальное семейство состояло не из малолетних сирот, которые не могли найти себе пропитания, а из взрослого брата (21 год), служившего также в губернском правлении канцелярским чиновником на жаловании, и взрослых сестер (23 года и 26 лет). Эта семья получала пансион из кабинета его императорского величества и получила от митрополита разрешение бесплатно пользоваться квартирой в течение 17 лет. После рассказа о настоящем состоянии дел в семье Березайских, автор статьи отметил, что семейство все равно заслуживает материальной поддержки[6]. Сведения, опубликованные в «Север-

---

[4] Увещевание православным христианам // РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 1016. Л. 1–2.

[5] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 164. 15 июня.

[6] Северная пчела. 1831. № 160. 20 июля.

ной пчеле», подтверждаются материалами, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга[7].

Статьи о благотворителях звучали в унисон с публикациями, в которых сознательно создавался положительный образ врача. Власти использовали печать не только для того, чтобы изменить отношение к медикам, как представителям государства, но и чтобы привлечь горожан к общественной деятельности, в данном случае благотворительности. Эти посылы были обращены к широкому кругу читателей, так как, как заметила В.Г. Березина «Северная пчела» была ориентирована на «малотребовательного неискушенного «среднего» читателю – купцам, мещанам, ремесленникам, мелкому столичному чиновничьему люду»[8].

Сбором денег на помощь больным и оставшимся без средств к существованию занимались попечители частей. Они принимали также решение, куда эти средства должны быть направлены в дальнейшем. При этом имеется очень мало сведений, на что конкретно собирались и тратились деньги. Так, в одном из документов сказано, что попечитель Петербургской части Полетика собрал 31 399 руб. «для вспоможения бедным, от холеры пострадавшим, и на другие по сему случаю расходы»[9].

Следует отметить, что в России в этот период (как в прочем до конца XIX в.) не сложилась четкая схема сбора, учета и распределения пожертвований. Пожертвования поступали в правительственные учреждения, общественные организации, в редакции печатных изданий. В случае с «Санкт-Петербургскими ведомостями» мы видим, что пожертвования передаются не только попечителям части, но и в редакцию газеты, которая сама решает, кому их отдать. Так, 3 июля редактору было прислано 100 руб. для помощи беднейшим семьям, престарелым людям и сиротам[10].

---

[7] О вступлении в брак студента Александро-Невской семинарии Березайского Г.С. с дочерью священника Герасимовой Н.П. // ЦГИА СПб. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 14; О назначении пенсии вдове ораниенбаумского протоиерея Г. Березайского Н. Петровой // Ф. 19. Оп. 13. Д. 499.

[8] *Березина В.Г.* Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 гг.). Л., 1965. С. 16.

[9] Северная пчела. 1831. № 222. 2 октября.

[10] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 156. 5 июля.

ВИЛЬГЕЛЬМ РАЙХ
О СУЩНОСТИ «СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Бибичадзе Анна Георгиевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В современном мире всё, что дорого сердцу человека, становится ему чужим. Он перестаёт ощущать себя субъектом собственных действий, мыслящей, чувствующей и любящей личностью, находя лишь тень себя в созданных им вещах в качестве внешнего проявления своей силы. Преодолеть это рабство он не в состоянии – общество само его жаждет, навязывая стандарты поведения и ложную мораль. Так, жизнь обретает смысл только как средство существования; общество и государство, «гаранты защиты и благополучия», – своего рода Цербером, не позволяя «умершим» (читай: больным) вернуться в царство живых; а главной причиной болезни человека становится он сам.

Названием данной болезни является отчуждение, чей феномен был описан Карлом Марксом в своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Однако его понимание отчуждения простирается в большей мере на экономический аспект. Фромм же, известнейший социолог, философ и основатель фрейдомарксизма, эту идею развивает, говоря, что феномен отчуждения имеет многие клинические аспекты: все формы депрессии, зависимости, идолопоклонства, фанатизм, неспособность ощутить собственную идентичность, непомерное желание обрести богатство, власть, женщин. «Это приводит к внутреннему разладу с самим собой, он или утрачивает способность “желать что-нибудь”, или обретает некую страсть, которая становится идолом, которому он подчиняется, даже если он не может понять природу этого идола и дать ему много разных и часто звучных названий»[1].

Сравнивая воззрения Фрейда и Маркса, Фромм находит фундаментальное различие между ними, заключающееся в том, что Маркс считает, что человека формирует общество и, соответственно, корни патологии находятся в специфике социальной организации, в то время как Фрейд утверждает, что главным влияющим фактором для индивида является опыт семейных отношений, из которого напрашиваются выводы о воздействии этого социального института на мышление и чувства членов общества.

Ученик Фрейда, Вильгельм Райх, также вторит Фромму. Его важнейшим достижением, вероятно, стало объединение выводов марксистов своего учителя. В 1936 году он издаёт работу, получившую впоследствии мировую

[1] *Фромм Э.* Революция надежды. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда / пер. с англ. И.Е. Добровольский, Г.А. Новичкова, К.Л. Татаринова, Е.Н. Федина, М., Айрис-пресс, 2005. Глава VI. Больной индивид и больное общество.

известность и ставшую спустя четверть века наглядным пособием для перестройки общества, – «Сексуальную революцию»[2]. Он разделяет вышесказанное мнение, что общество больно, и называет пример реакций, говорящих и свидетельствующих о психической аномалии: «Голодать среди изобилия; мёрзнуть и мокнуть, несмотря на запасы угля; верить, что божественная сила в образе старца с белой бородой руководит всем и мир всецело зависит от неё; воодушевляться убийством людей, никому не причинивших зла, и считать необходимым захват страны, о которой толком и не слушали; ходить в тряпье и чувствовать себя представителями «великой нации»; вручать отдельным людям, пусть даже и государственным мужам, значительную власть над собственной жизнью и судьбой; лишать молодых людей счастья любви»[3] и т.д. В чём же заключается корень проблемы? Не столько человек и массы виноваты в своих болезнях: куда большую вину несут государственные деятели. Их психология и есть патология.

Все эти расстройства являются выражением нарушений гармоний вегетативной, в особенности половой, жизни. Подобно ране, они кровоточат и причиняют нестерпимую боль, порождая ответную реакцию человека, которая, чаще всего, принимает выражение крайне негативное. При помощи политики, экономики, внушения сверху якобы истинных устоев, подавляется суть, нутро человеческой натуры – его сексуальная энергия, которая является биологической созидательной энергией психологического аппарата, формирующего эмоциональную и мыслительную структуры. Данный факт равносилен утверждению, что сексуальность есть созидательная жизненная энергия, сдерживание, низведение которой нарушает жизненные функции, имеющие важнейшее значение. Таким образом, формами проявления этого нарушения являются бесцельные (иррациональные) действия людей, их сумасбродства, мистицизм, готовность воевать. Ярким примером этому явлению также может послужить следующее: «Оказалось, что люди, обретшие способность к оргастическому удовлетворению, гораздо более способны к моногамным отношениям, нежели те, у которых нарушена нормальная способность к разрядке. Неразборчивость в сексуальных контактах – следствие сексуального нарушения»[4].

Потребности человека формируются, постоянно изменяются, а также подавляются обществом. Усмирение, даже отравление влечений на протяжении тысячелетий создало в массовой психологии почву, некую мораль, состоящую из страха перед властью, послушания, «невероятной скромности, с одной стороны, и садистской жестокости – с другой». Но истинной причиной счастья может быть только свобода: ядром её – сексуальное удовлетворение. Но как ниспровергнуть власть вышестоящих и обернуть ситуацию в свою сторону, оздоровить общество? Райх призывает свершить революцию, которая для него является обращением к правде, публичным и открытым призывом к человеческой совести. Рациональный переворот крайне необходим для воз-

---

[2] *Райх В.* Сексуальная революция, 1936 г. / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: Серебряные нити, 2016.

[3] Там же. С. 14.

[4] *Райх В.* Сексуальная революция, 1936 г. / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М., 2016. Глава I. С. 33.

никновения и установления нового, рационального и научно обоснованного устройства жизни. Более того, немецкий учёный отождествляет сексуальную и культурную революции, целью которой в конечном итоге является обеспечение саморегулирования. Человек должен быть способен удовлетворить своё желание: лишь так он избавится от рабства, угнетения и отчуждения.

Мерами, необходимыми для сексуальной революции, объявляются: установление лишь истинной морали в обществе, заключающейся в воспитании ребёнка, основанном на положительном отношении к сексуальности и мерам по её защите; исключении воспрепятствования развития детской сексуальности со стороны родителей; естественном сексуальном регулировании половой жизни; противодействии религии; разрешении разводов и абортов. Сексуальная революция не есть ни воплощение теорией «стакана воды» (отрицания любви и сведения отношений к инстинктивной сексуальной потребности, которая должна находить удовлетворение, словно утоление жажды при помощи стакана воды), ни эроса у Платона и у древних в целом (что «есть суть простое половое влечение[5]». Что первое, что второе низводит всё до примитивного механизма, когда, в действительности, действия, предпринимаемые людьми, должны быть взаимными и добровольными, а также основанными на понимании и принятии причин, их обусловивших.

Несмотря на то, что Райх был одной из самых противоречивых фигур XX века, вызывавшим ненависть как у нацистов, так и маккартистов по причине неортодоксальных сексуальных теорий и симпатии к марксистским убеждениям, именно благодаря его трудам и влиянию сексуальная революция охватила мир с 1960-х годов, перевернула сознание множества людей и попросту их освободила. Разве в таком случае имеет значение, каких взглядов придерживался учёный? Важно лишь его стремление к истине и честности – научной и человеческой, а также то, что «сексуальная экономика не является ни левой, ни правой. Она направлена только вперёд, то есть на рациональный переворот»[6].

---

[5] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884 г. / пер. с нем. М., 1986. Глава II. С. 66.

[6] *Райх В.* Указ. соч. С. 320.

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Блохин Виктор Николаевич
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Республика Беларусь)

Основное различие в политическом развитии проходит не только между демократиями и автократиями, но и между порядком и беспорядком, т.е. между теми политическими системам, которые отличаются высокой легитимностью и эффективностью, и теми, где общества политически расколоты и эффективности управления либо недостает, либо правительства вообще не управляют. Некоторые исследователи, например С. Хантингтон, даже указывают, что с точки зрения степени управляемости разница между порядком и упадком носит более фундаментальный характер, чем разница между демократией и диктатурой[1].

Теория революций развивалась в последние сто лет в двух основных направлениях. Раскол мира на социализм и капитализм создал две основные концепции революций.

С первой точки зрения, революции – это «локомотивы истории», использующие энергию масс и законы общественного развития, и потому быстро выводящие общества на передовые рубежи.

Со второй точки зрения, революции – это «аномалии развития», возникающие из-за совокупности негативных факторов и отбрасывающие общества на десятилетия назад.

Первая – это концепция политического и идеологического наступления, вторая – обороны.

Первая – базировалась на ленинской модели революции, причем, на практике использовалась как модель социальной революции, так и политической, не делая на первых порах в практической плоскости особого различия между ними. Практическая сторона модели оказалась чрезвычайно эффективной и применимой далеко не только к странам с развитым пролетариатом, а практически к любым странам с закрытыми или полузакрытыми политическими системами и внутренними проблемами. Создание концепций слабого звена в цепи империализма, передовой партии нового типа, революционной ситуации сделали эту модель широко используемой в мире в XX веке. Наличие социалистической системы и соответствующих концепций заменяло работу по пропаганде социалистических идей в конкретной стране, упрощало создание и необходимость сплочения партии из представителей различных социальных групп, создание базы поиска союзников.

---

[1] *Чернов В.* Революция и порядок / В. Чернов // Палітычная сфера. 2007. № 8. С. 41–50.

Национально-освободительные революции использовали эту модель в значительно большей степени, чем собственно социально-классовые революции. Политические группы во многих странах стали поклонниками и успешными реализаторами этой модели революции. Следует заметить также, что критика этой модели революции, как правило, касается оценок движущих сил революции («пролетарская», «крестьянская»), ее политической и идеологической оценки («всемирная», «социалистическая», «закономерная», «Великая Октябрьская социалистическая революция» или «октябрьский переворот»), а не последовательности причин, социальных приемов и способов осуществления революции или переворота.

Вторая концепция опиралась на опыт противодействия революции, опыт установления военных режимов, переворотов, теорию противоповстанческой борьбы, а позднее на разрабатываемую теорию и практику мирной ненасильственной или «бархатной» революции, как стадии или основы революции. Последняя была рациональной моделью в борьбе с социалистическими государственными системами, поскольку на вооруженное сопротивление, а бывало и невооруженное, они отвечали широким применением насилия: ГДР – 1953 года, Венгрия – 1956 года, ЧССР – 1968 года, лишь наиболее известные примеры. Было ясно, что использование массового недовольства для восстания и смены власти против жестких режимов неэффективны, а использование эффективных в странах третьего мира военных переворотов для социалистических стран не годится. В 70-е и 80-е годы наиболее активно разрабатываются и применяются модели ненасильственных, «бархатных» революций, определяются основные факторы и вырабатываются способы делегитимизации центров власти в стабильно устроенных обществах[2].

Западные теоретики революции рассматривают, по крайней мере, три поколения в развитии теорий революции, обсуждая возможность появления четвертого. Первое поколение скорее описывало революции как явления, чем объясняло, почему революции возникали. Второе поколение создало и развило различные направления теории революции: марксистское, социально-психологическое, элитистское, акцентировало внимание на внутренних противоречиях и конфликтах, соединило теоретические представления и практику революции. Третье поколение в 70-х – 80-х годах XX века сделало акцент на причинах революций, которые виделись в слабых или уязвимых для государства политических, социальных и экономических структурах (элиты, крестьянские общины и т.д.), пыталось дать целостное представление о революциях, обсуждало их необходимые и достаточные причинные факторы. Четвертое поколение, как считают сами его сторонники, продолжало сравнительно систематизировать и описывать факторы революции на новом опыте, привлекло отброшенные на третьем этапе субъективные стороны революций: вопросы лидерства, идеологии, идентификации, как важнейшие факторы революции. Меньше уделяя внимания пополнению или пересмотру перечня причин революций, они сосредотачивались на первичной стадии,

[2] *Барсамов В.А.* «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты / В.А. Барсамов // СоцИс. 2006. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/08-2006/barsamov_color.pdf

стадии начала революции, рассматривая факторы стабильности и нестабильности власти.

Дискуссия о том, являются ли т.н. «цветные революции» революциями, разделила сторонников и противников революций и приняла, таким образом, еще и идеологический характер. Споры о признании за теми или иными явлениями имени революций не новы. Вслед за Л.Д. Троцким, который считал, что те люди, которые теряют от революции, редко склонны признать за ней ее настоящее имя, а те, кто хочет от революции приобрести, склонны прикрывать свои желания объективностью революционных процессов[3].

Для теории революций эта проблема не является новой, ни в идеологическом, ни в теоретическом отношении, и решается она в рамках понимания и классификации революций. Есть социальные революции и политические революции, есть восстания, мятежи, путчи и перевороты. Отдельно стоят реформы и так называемые революции сверху.

На одной стороне классификации находятся «великие», центральные, социальные революции, цель которых – создание нового типа общества в новых условиях, с глубочайшими преобразованиями после победы, а на другой – вторичные, периферийные, локальные, политические революции, разрешающие не совокупность, а лишь отдельные противоречия. Даже марксистская школа рассматривает часть политических революций как не обязательно закономерные, магистральные, как не обязательные события, попятные или боковые. Само разделение на социальные и политические революции имеет длительную историю и в различных научных школах трактуется по-разному: одна революция как составная часть другой, как этапы – стадии революции, как более или менее глубокие явления, как разноуровневые события в человеческой истории, как направления перемен.

Согласно обобщенному пониманию, суммирующему различные подходы к тому, что есть революция, можно выделить группу характеристик-критериев великой или идеальной революции:

1) эпохальность и глубина событий, изменений;
2) переход власти от одного класса к другому, смена элиты;
3) изменения ценностей и мифов общества;
4) изменения в социальной структуре;
5) изменения политических и социальных институтов;
6) изменение социального лидерства;
7) переход власти к иной правящей группе.

Таким образом, революция – это кардинальное социальное преобразование, которое затрагивает в той или иной степени социальные основы устройства общества. Революции имеют различные масштабы и последствия. Опасностью революций является радикализм, который может угрожать существованию и перспективам социума.

---

[3] *Штыков П.* Деконструкция революции. СПб.: Летний сад, 2003. 214 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.И. СЕРГИЕВА (ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО)

Бобылев Илья Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

На протяжении всего существования наше Отечество переживало трудную историю, определяемую как внешними, так и внутренними факторами. И в современном российском обществе на протяжении уже более 20-ти лет продолжаются споры о путях дальнейшего развития страны. Но многовековая история нашей Родины свидетельствует, что всегда в тяжелое время, в кризисную и неблагополучную минуту опорой становились выдающиеся личности – политические и религиозные деятели, мыслители, военачальники, талантливые и честные выходцы из простого народа. Одним из таких выдающихся деятелей в истории России был Иван Ильич Сергиев, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, прославившийся как отец Иоанн Кронштадтский (1829–1908).

Самой важной чертой концепции Иоанна Кронштадтского было представление о том, что истинная жизнь верующего совершается не на земле, а на небесах: земная жизнь – это в лучшем случае тень грядущей вечной жизни. Так, в соответствии с миропониманием о. Иоанна, все земное – временно, и имеет смысл только потому, что оно готовит к вечности. Поэтому отец Иоанн считал актуальной задачей человеческого общества («земного царства») не только устроение благополучной жизнедеятельности государства и народа, но и «умножение сынов для царства славы, или Царства Небесного, возвращении людей для Неба».

Иоанн Кронштадтский рассуждает о недопустимости идеологических разногласий между Церковью и царством, наоборот призывает к взаимопониманию, сотрудничеству и единодушию: «Церковь и государство должны находиться в тесном союзе»[1]. Если между государством и Церковью не будет достигнут консенсус, то это «повергает общество в нравственное и политическое бессилие»[2].

Но, следует заметить, несмотря на общую задачу, стоящую перед государством и Церковью по поводу устроения жизни русского народа на земле, решают они эту задачу различными способами: «Церковь – молитвами и словом Божиим, таинственными священнодействиями и духовным управлением, а государство – своей властью силой, правосудием и внешним достоянием»[3].

---

[1] Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Собрание сочинений в 6 т. Киев: Оранта, 2006. Т. 5. С. 162.

[2] Там же. С. 227.

[3] Там же. С. 162.

Иоанн Кронштадтский считал, что единственно «самой правильной, разумной и естественной формой государственной власти»[4] является самодержавие или по-другому – единодержавие. Но это не означает, что монарх осуществляет власть по собственному произволу и прихотям. Государь управляет по высшему духовному закону: «Сердце царя – в руках Господа», – говорил Иоанн словами из Священного Писания. Монархом, продолжает отец Иоанн, может быть тот, кому Господь временно вверяет власть над народом и государством: «Один Творец всех тварей и один царь самодержавный в царстве, Им врученном царствует»[5].

По мнению о. Иоанна, в обязанности царя как главы государства, входит забота обо всех и обо всем. Государь берет на себя ответственность быть отцом подданных всего государства, независимо от их религиозных верований, социального статуса или материального положения.

Царь обязан заботиться о «спокойствии и благоденствии» граждан «чтобы каждый в своем звании и состоянии мирно исполняли дела своего звания» и защита «от обид и неправосудия»[6], т.е. сохранение политической стабильности как внутри страны, так и за его пределами, а также создание справедливой судебной системы.

Однако обязанности ложатся не только на одного царя, но и вменяются подданным, которые, прежде всего, должны искренно любить своего царя и повиноваться ему и властям, поставленным им. Иоанн Кронштадтский определяет духовно-нравственные обязанности граждан и их гражданский долг: все граждане царства должны исправно трудиться на благо своего Отечества и своей семьи.

Отец Иоанн обозначает обязанности всех подданных в случае внешней угрозы: «Если бы иноземные народы посягнули на безопасность нашего отечества и нашей святой Церкви, тогда мы, как один человек, выступили бы на защиту отечества и нашей правой веры»[7]. Мысль Иоанна Кронштадтского сводиться к тому, что защита веры и своего отчества является святым долгом и обязанностью каждого гражданина.

Также, по мнению, священного старца Иоанна, для того, чтобы руководить народом недостаточно обладать трезвым умом, талантом, организаторскими способностями, одним словом не будет достаточно человеческих способностей, а необходимо благословление свыше. И такое благословление дается государю в особенном, только над ним совершаемым таинстве – венчания на царство.

Для Иоанна Кронштадтского звание «помазанник Божий» являлось самым великим из всех царских наград, потому что такое наречение предполагает «рукоположение его на царство от Самого Господа и неприкосновенность его личности и власти»[8]. Собственно, благодаря этому для Иоанна Кронштадтского посягательство на жизнь царя, ведет к греху не столько против человека, а против Бога и приравнивается к богоборчеству, это в свою оче-

---

[4] Там же. С. 112.

[5] Там же. С. 321.

[6] Там же. С. 162.

[7] Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Т. 6. С. 282.

[8] Там же. С. 325.

редь, является тягчайшим грехом для человека и отечества. Поэтому любая попытка перестроить порядок, который существует в государстве, или стремление устроить революцию – это не просто не рациональный поступок, это потрясение основ мироздания. А всех людей, которые мечтают, говорят, либо пытаются совершить подобные акты, отец Иоанн обличает их «злодеями».

Таким образом, посредством «помазание на царство», царь обретает дары, которые необходимы ему для того, чтобы «самодержавно управлять народом Божиим»[9] и мудро назначать «правителей, органов своей самодержавной власти, верных, ревностных, честных, правдивых, бескорыстных, горячо преданных правде, царю и царству»[10]. Для нормального функционирования государства, царю необходима сильная исполнительная власть, сила которой определяется их искренностью и преданностью. Отцом Иоанном указаны именно духовно-нравственные качества. И тогда, политика превратится из сегодняшнего ее понимания (корысть, цинизм) в политику правды, чести и справедливости: «В мире политическом, как в теле, непременно водворяется беспорядок, когда происходят беспорядки в человеческой нравственности, которая есть душа общества»[11].

Следует отметить, что в своих проповедях Иоанн Кронштадтский рассуждает о политической власти и призывает народ к подчинению ей. Он своим личным примером показывает образец искреннего верноподданничества. Он говорит о любви к царю и сам любит царя как представителя высшей Божеской власти на земле. Так как царь является «образом единого и единоначального Бога на земле», то и ясна к нему любовь его подданных. Она обусловлена не рабскими принципами, а высокими стремлениями послужить самому Господу Богу, выразить ему свою любовь через послушание монарху: под властью царя мирского, все обязаны «благоговеть пред державою Господа Вседержителя, поставляющего народом, для их блага и благоденствия, царей земных»[12].

Иоанн Кронштадтский считает, что фундаментом приемлемого функционирования государственной системы, представляется только жертвенным служением всех представителей общества друг другу. Прочная социально-общественная структура может быть построена благодаря взаимному служению и связано содействием «сильных – бессильным, просвещенных – непросвещенным, богатых – бедным»[13].

С точки зрения Иоанна Кронштадтского, в государстве, как в целом организме все взаимосвязано, существует в соподчинении и каждая часть нужна другой: «Государство, в совокупности с Церковью, издавна устроено так, что в нем, как в живом, огромном органическом теле, есть место всякому члену»[14]. Весь смысл состоит в том, что члены социального общества служат друг другу в добровольном и свободном подчинения себя остальным ради общего и своего блага, а не в насильственном и несправедливом подчинении.

---

[9] Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Т. 5. С. 326.

[10] Там же. С. 326.

[11] Там же. С. 124.

[12] Там же. С. 444.

[13] Там же. С. 128.

[14] Там же. С. 116.

О ДИХОТОМИИ «ПАНСЛАВИЗМ-НЕОСЛАВИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Болдин Владимир Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Особое внимание к изучению славянской проблематики в отечественной науке далеко не случайно. Близость языков, культур, исторических судеб ставит славянские исследования особняком в области различных междисциплинарных подходов. Не являются исключением и исследования, проводимые в рамках политической науки, зачастую стремящиеся объяснить многие социально-политические и экономические феномены, происходящие в славянском мире. Столь сильный интерес именно к политической повестке дня вполне объясняем, ведь зачастую социально-экономические и политические события, происходящие в славянском мире, оказывают существенное влияние на общеевропейский, а порою и на общемировой политический процесс в целом, изменяя не только геополитический ландшафт, но и во многом всю систему международных отношений.

Одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной и зарубежной науке является вопрос о сущности такого феномена как «панславизм»[1], и, в частности, об его влияние на многие социально-политические события европейской истории. Некоторые исследователи, утверждая изначальную несбыточность и утопичность взглядов панславистов, заявляют о том, что изучение данной идеологии не представляет научного интереса. Однако подобные выводы, на наш взгляд, крайне необоснованны. Несмотря на то, что нельзя утверждать о единстве взглядов всех сторонников славянского единения[2],

[1] В данной работе панславизм понимается как «идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей». См.: *Ширинянц А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. Ширинянца А.А., перевод на хорватский язык – Сабина Фолнович. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010. С. 11. См. также: *Ширинянц А.А.* Из истории панславизма: М.П. Погодин // Роман-журнал XXI век. Путеводитель русской литературы. 2006. № 12. С. 22–38; *Ширинянц А., Мирикова А.* Русофобският мит на «панславизма» // Политически изследования. Българска ассоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110.

[2] См.: *Гудков А.В., Ширинянц А.А.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.

идеи панславизма постоянно актуализировались в зависимости от изменений исторического контекста, и их жизнеспособность подтверждается тем, что зачастую современные политики, журналисты, общественные деятели и писатели до сих пор оперируют категориями дискурса панславизма. В частности, существует мнение, что «современный панславизм» вполне укладывается в проект евроинтеграции, уже объединивший в составе Европейского союза 6 из 13 славянских государств.

Одна из главных дискуссий по поводу идеологии панславизма разворачивается относительно эволюции панславизма в начале XX века. В отечественной науке четко прослеживается следующая дихотомия – в начале XX века панславизм качественно переродился в совершенно новое идейно-политическое течение неославизм, на корню порывавшее с взглядами предыдущих поколений российских панславистов. Российский исследователь З.С. Ненашева отмечает: «Неославизм – это общеславянское движение, появившееся на арене большой политики в начале XX века. Лидеры и сторонники этого движения пытались сформулировать наднациональную общеславянскую программу. В её основу была положена идея славянской общности как интегрирующей силы, призванной обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства в качестве своеобразной этнополитической и этнокультурной общности»[3].

По мнению З.С. Ненашевой, концептуальным отличием неославизма было то, что сторонники «нового славянского мировоззрения» стремились «отделить сотрудничество славянских народов в сфере культуры и экономики от политических связей, найти подходы к решению наболевших вопросов – польского и македонского, при непосредственном участии славянской политической элиты и на провозглашенных ею началах равноправия»[4]. Более того, Ненашева скорее склонна полагать, что неославизм как идеология зародился в кругах чешской национальной буржуазии.

В недавнем исследовании другой отечественный исследователь О.В. Павленко приходит к оригинальному выводу, что панславизм по своей сути есть «европейский феномен». Автор разделяет точку зрения американского историка Л. Снайдера на то, что панславизм был проявлением «макронационализма в Европе». Павленко подчеркивает, что «истинный панславизм» зародился скорее в западнославянских странах, пытавшиеся с помощью идеологии «всеславянства» решить свои собственные национальные задачи, «компенсируя сознание собственной малочисленности уже тем, что за ними стоит сила 80-ти миллионного славянства». Павленко приходит к заключению, что панславизм в XIX–XX вв. в России и других славянских странах развивался разными путями.

«Его адептов объединяла лишь идея исторической общности славянских народов и особой цивилизационной миссии славян в европейской истории. «Истинный панславизм», «имперский панславизм» (преобладавший, по мнению Павленко, в российской социально-политической мысли. – *В.Б.*), «ими-

---

[3] *Ненашева З.С.* Братья славяне // Родина. 2006. №.4. С. 60.

[4] *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1. С. 131–133; Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 67.

тационный панславизм», «австрофильский панславизм» различались по целям, интересам, ценностным ориентирам, геополитическим мотивам и социальным коммуникациям»[5]. Именно *концептуальные* отличия в трактовках панславизма, а также «острая конкуренция между различными славянскими центрами» в принципе не позволяют, на взгляд Павленко, говорить о преемственности или идейной гомогенности панславизма.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее удачное представление о соотношение понятий «панславизм-неославизм» было дано в недавнем исследовании А.А. Григорьевой. Автор пишет: «"Камнем преткновения" в понимании сущности славянской идеологии является также вопрос о разграничении понятий "панславизм" и "неославизм". В отечественной и зарубежной исторической науке принято считать, что к началу XX в. панславянская идея трансформировалась в "неославизм", который стал формой размежевания славянского движения на рубеже XIX–XX вв. и ранних российских славянофилов и панславистов»[6].

Тем не менее, проанализировав социально-политические взгляды сторонников неославизма в России, Григорьева пришла к интересным выводам. Во-первых, взгляды неославистов были крайне неоднородны. Многие из тех, кто самоидентифицировал себя с эти движением в открытую признавали себя последователями отечественных традиций панславизма (например, Ламанский или Данилевский), а в неославизме видели продолжение «истинного славянофильства». Во-вторых, нельзя говорить о том, что все неослависты отказывались от политических целей и задач, стремясь придать движению аполитичный характер. Таким образом, «речь шла не о трансформации, а лишь о расширении в начале XX в. средств достижения славянского единства. Поэтому отрицание преемственной связи «неославизма» с предшествующими течениями прославянской направленности, равно как и лишение его политического содержания, вряд ли соответствует действительности и является научно корректным»[7].

Схожего мнения придерживается и отечественный политолог Б.А. Прокудин, в своем исследовании, посвященном идее славянского единства в политической мысли России, утверждая, что нельзя проводить четкую линию демаркации между панславизмом в XIX и в начале XX века. «Идеологи славянского единства в последнее десятилетие XIX – начале XX в. вернулись к тому, с чего начинали "первооткрыватели" славянского мира, ученые слависты первой половины XIX в. – к деятельности по укреплению культурных связей «всех славянских народностей», к "культурному панславизму"»[8].

В заключение хочется отметить, что, несмотря на все отличия, существовавшие во взглядах сторонников панславизма, можно сказать, что эволюция

---

[5] *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 15.

[6] *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. С. 45.

[7] Там же. С. 46–47.

[8] *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. С. 104.

идеологии панславизма в начале XX века была обусловлена изменениями социально-экономического и исторического контекста, и во многом переход к неославизму был вынужденной мерой, ведь в новом мире «господствующего капитала», оперирование старыми идейными концептами эпохи модерна было уже попросту невозможно.

П.А. СТОЛЫПИН КАК ОРГАНИЗАТОР БОРЬБЫ ОХРАННЫХ СТРУКТУР ИМПЕРИИ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1906–1910 гг.)

Большакова Ольга Валерьевна
(Новомосковский филиал Тульского областного медицинского колледжа)

8 июля 1906 года, в день роспуска I Государственной Думы, П.А. Столыпин был назначен председателем Совета министров с сохранением за ним поста министра внутренних дел.

Первые слова, сказанные им после своего назначения главою правительства, были: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени»[1].

С целью побороть «революционный штурм», Петр Аркадьевич рассылал в наиболее беспокойные части России военные отряды. Примером является телеграмма Г.А. Скалону: «Вы имеете полное право пользоваться всеми предоставленными вам военным положением полномочиями без всяких ограничений. Задержанные революционеры подлежат суду военного времени. По убеждению Его Императорского Величества при предоставленных вам полномочиях, использованных в полном объеме, и при имеющейся в Вашем распоряжении военной силе порядок должен быть восстановлен без замедления и положен конец возмутительным насилиям над представителями власти и мирного населения»[2].

Многие осуждали П.А. Столыпина за применение силы в борьбе с революцией: «...так называемые карательные экспедиции, заливавшие кровью бессудных расстрелов свой путь, оставили по себе самую тяжелую память»[3]. Другие, наоборот, признают такую меру необходимой и пониманием относятся к действиям премьера: «Как государственный деятель, взваливший на свои плечи обязанности главы правительства в столь драматичное для России время, Столыпин видел свою задачу в скорейшем успокоении страны»[4].

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000.С. 156.

[2] Телеграмма Г.А. Скалону. 5 августа 1906 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М. 2006. С. 393.

[3] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 269.

[4] *Казарезов В.В.* О П.А. Столыпине. М., 1991. С. 144.

Тем не менее, 24 августа 1906 г. П.А. Столыпин опубликовал правительственную программу, состоящую из двух частей:

1-я часть – обоснование необходимости успокоения страны при помощи чрезвычайных мер и объявления в некоторых районах военного положения с введением там военно-полевых судов.

2-я часть – немедленное начало аграрной реформы.

Отношение к введению военно-полевых судов было различным. И это естественно. Демократическая общественность и, конечно, революционеры, их категорически осуждали и говорили, что с их введением не наступит успокоение, а наоборот, хлынет новая волна неповиновения. Так П.Н. Милюков утверждают, что военно-полевые суды введены по инициативе самого премьера: «12 августа этого (1906) года Столыпин сделался предметом покушения... Ответом был изданный через неделю в порядке 87-й статьи закон об учреждении «военно-полевых судов»...»[5]

Но В.А. Казарезов сообщает, что рядовые граждане «повсеместно осуждали правительство и Столыпина за непринятие мер к террористам, за разгул беззакония в стране»[6].

Со временем сам П.А. Столыпин все более утверждался в мысли о необходимости жестоких мер: «Беспримерное усиление революционной деятельности, выразившееся в целом ряде возмутительных покушений на должностных лиц, чинов полиции и воинских начальников, а также в попытках устройства вооруженных восстаний, ставит правительство в необходимость принять самые энергичные меры для борьбы с подобными злодеяниями... учреждать военно-полевые суды для суждения в них ускоренным порядком и с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени таких преступных деяний, которые являются настолько очевидными, что нет надобности в их расследовании»[7].

Революция пошла на спад и 20 апреля 1907 г. были отменены военно-полевые суды. Деятельность охранных структур была направлена на подрыв революционных мероприятий, недопущение агитаций против правительства. С этой целью активно использовались основные направления деятельности охранных структур:

1) Деятельность внутренней агентуры;
2) Наружное наблюдение;
3) Безагентурные методы борьбы;

1. Деятельность внутренней агентуры.

Основной задачей внутренней агентуры для охранения существующего правопорядка являлось получение информации о нелегальной политической деятельности различных противоправительственных организаций.

Важнейшим условием успешности такой работы являлось обеспечение безопасности сотрудника, но, к сожалению, не всегда удавалось сохранить секретность. Столыпин признал существование в революционных партиях платных осведомителей, высоко оценил их помощь полиции. Он открыто за-

---

[5] *Милюков П.Н.* Указ. соч.

[6] *Казарезов В.В.* Указ. соч.

[7] Циркуляр председателя Совета министров. 6 сентября 1906 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 98.

явил, что полиция не внедряет своих агентов в ряды социалистов, наоборот, сами революционеры предлагают свои услуги чиновникам департамента, и правительство идет на сотрудничество с этими лицами, потому что предотвращенный ими вред значительно превышает суммы, выплачиваемые казной этим людям[8].

2. Наружное наблюдение

Наружное наблюдение было одним из средств негласного расследования, которое осуществляли особые лица – филеры. Через наружное наблюдение шла разработка данных секретной агентуры, уточнялись и проверялись ее сведения.

Действия агентов не всегда были удовлетворительными. Так Департамент полиции подсчитал расходы на содержание агентов в Рязанской губернии и достоверность их сведений за период январь-июль 1908 г. И пришел к выводу что большинство сотрудников – бремя для Департамента полиции[9].

3. К безагентурным методам борьбы следует отнести: перлюстрацию, Регистационные бюро, заявления анонимов, издания революционных и оппозиционных партий и организаций.

Регистрационные бюро создавались, в первую очередь, для охраны монарха. Дело в том, что с наступлением «сравнительного спокойствия,... путешествия Государя стали носить постоянный характер»[10].

В качестве дополнительных источников информации охранка всемерно использовала случайных заявителей (попросту говоря, доносчиков), которые сообщали о готовящихся преступлениях или о политической неблагонадежности тех или иных лиц. Информацию, полученную таким путем, сначала тщательно проверяли, а затем предпринимали действия[11].

Также использовались брошюры-протоколы объединенного съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г., в Штутгарте в 1907 г.[12] И тексты двух резолюций съездов РСДРП, состоявшихся в 1907 г. в Лондоне и близ Гельсинфорса[13].

Петр Аркадьевия Столыпин стал Председателем совета министров в тревожный период истории нашей страны. Он, истинный монархист, охранитель государственной власти, стремился разными путями вывести страну из революционного кризиса.

---

[8] *Хлысталов Э.* Провокаторы // www.hrono.ru. (дата обращения: 12.02.2017).

[9] Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 383. Л. 67.

[10] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. С. 48.

[11] ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 171. Л. 14.

[12] ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 185. Л. 22.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д. 98 Л. 139.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1922 гг.)

Бондарева Анна Геннадьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Революция и гражданская война имели тяжёлые последствия для России. Объём промышленного производства в 1920-е гг. составлял 12% от довоенного уровня, валовый сбор зерна – одну треть, население страны сократилось на 14–16 млн человек[1]. Сейчас принято считать, что виной всему политика «военного коммунизма», которая сыграла не последнюю роль в разжигании гражданской войны. Но очень мало говорится о том, как удалось, несмотря на все ужасы войн и революции, стать пионером в области построения государства социальных услуг и обогнать по этому показателю развитые европейские страны на несколько десятилетий. Данная работа ставит своей целью раскрыть социальную политику в годы гражданской войны.

Уже первые шаги новой власти демонстрировали её социалистическую направленность: за ноябрь–декабрь 1917 г. были упразднены сословия, церковь отделена от государства, а школа – от церкви, женщины полностью уравнены в правах с мужчинами, окончательно ликвидировано помещичье землевладение, отменена частная собственность на землю, начата национализация банков и промышленных предприятий, введён 8 часовой рабочий день.

На II Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. было образовано новое правительство – Совет народных комиссаров, в его структуру, в том числе, вошли наркоматы труда, просвещения и государственного призрения. В ноябре 1917 г. была принята программа социального страхования, которая учитывала всю группу рисков: старость, болезнь, безработица, инвалидность, беременность; гарантировалось возмещение полного заработка в случае утраты трудоспособности. В 1918 г. был принят Кодекс законов о труде, который закрепил социальную защиту трудящихся, а также учреждена Инспекция труда, ставящая целью охрану жизни и здоровья рабочих. Позднее были установлены прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда. Таким образом, все завоевания рабочего движения получили правовое оформление. Кроме того, государство взяло на себя затраты по обеспечению рабочих, так как страховые фонды формировались за счёт взносов государственных и частных предприятий, а не работников.

29 октября 1917 г. был создан Наркомат государственного призрения, с 1918 г. – переименованный в Наркомат государственного обеспечения, под руководством А.М. Коллонтай. При наркомате были сформированы особые

[1] *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992.

отделы: по охране материнства и детства, помощи несовершеннолетним и др., которые курировали определённую категорию нуждающихся. Также были созданы органы НКГП на местах: при каждом исполкоме местного Совета учреждались отдел социального обеспечения и пенсионные отделы военно-увечных. Впервые в мире была создана целостная централизованная система государственной защиты и обеспечения граждан, со своими центральными, губернскими и уездными органами.

Во время гражданской войны особое внимание уделялось обеспечению красноармейцев и членов их семей. Декрет «О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-крестьянской Красной Армии и их семейств» был принят в августе 1918 г. В следующем году было введено Положением «О социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств». Число пенсионеров постоянно возрастало: если в 1918 г. государственные пенсии получали 105 тыс. чел., то в 1920 г. – уже 1 млн. Также осуществлялась помощь жертвам контрреволюции – им предоставляли жильё, работу, пенсии, материальную и медицинскую помощь, устраивали детей в приюты. На пенсии и пособия государство расходовало значительные средства – 7 и 9 млрд руб. соответственно по данным на 1920 г.[2]

Советское государство успешно решало задачи интеграции инвалидов в общественную жизнь и их социального обеспечения. Для этих целей были созданы Всероссийский союз кооперации инвалидов, Всероссийское общество слепых, Всероссийское объединение глухонемых. Государство занималось лечением, протезированием инвалидов, обучением и переобучением, создание облегчённых условий труда, а также трудоустройством и организацией социально-бытового обслуживания.

Особое внимание в СССР уделялось защите детей; эта функция возлагалась на Комиссию несовершеннолетних, Совет защиты детей и другие организации. В 1918–1920-х гг. начали создаваться сети домов матери и ребёнка, увеличилось число женских консультаций, стали открываться ясли, детские сады, детские дома; к 1920 г. уже существовало 1724 детских учреждений с 124 627 детьми[3]. Обострившаяся во время гражданской войны проблема детской беспризорности и преступности решались с помощью организации детских трудовых коммун, где подростки жили, учились и работали. Созданная 10 февраля 1921 г. Комиссия по улучшению жизни детей боролась с нищенством, проституцией, с эксплуатацией детей, жестоким обращением в семье. Таким образом, забота о детях, во многом, стала функцией государства: бесплатные детские сады гарантировали общедоступность содержания и воспитания, трудовые коммуны дали «путёвку в жизнь» многим бывшим беспризорникам. Кроме того, широкая сеть детских учреждений стала ещё одним элементом эмансипации женщин, способствовала их включению в общественную жизнь.

Большинство социальных достижений не распространялось на сельских тружеников, хотя массовый голод 1921 г. сделал приоритетным направлением социальной политики обеспечение крестьянства. Были созданы организации крестьянской общественной взаимопомощи, занимавшиеся оказанием инди-

---

[2] *Фирсов М.В.* История социальной работы в России. М., 1999.

[3] Там же.

видуальной помощи (материальной, трудовой), социальной взаимопомощи (общественная запашка, поддержка школ, больниц, изб-читален) и правовой. Учреждённая 18 июля 1921 г. Центральная комиссия помощи голодающим выясняла реальные размеры голода, выделяла госпайки, организовывала сборы пожертвований и эвакуацию детей из голодных районов.

Для медицинского обеспечения населения при исполкомах советов создавались медико-санитарные отделы. В июле 1918 г. был создан Наркомат здравоохранения, который руководил лечебным и аптечным делом, курортными учреждениями. Основными принципами советской медицины были: профилактика болезней, бесплатность и общедоступность здравоохранения. Такой поход дал свои результаты: к 1938 г. продолжительность жизни уже составляла 47 лет, в то время как до революции – лишь 32 года.

В 1919 г. нарком просвещения издал декрет, который обязывал учиться грамоте всех безграмотных в возрасте от 8 до 50 лет. За первые годы существования советской власти была создана система единых трудовых двухступенчатых школ. Государство частично обеспечивало школьников питанием, одеждой, обувью и учебниками. Изменения произошли в высшей школе: отменялась плата за образование, вводились стипендии для нуждающихся студентов, с 1919 г. для подготовки молодёжи к поступлению при высших учебных заведениях создавались рабфаки. Одновременно с этим увеличивалось количество школ и вузов, возрастало число учащихся (к 1920 г. было открыто 12 тыс. новых школ, 153 вуза, а число студентов удвоилось, по сравнению с дореволюционным временем)[4]. Благодаря усилиям государства в области просвещения только за 1917–1920 гг. 7 млн. человек ликвидировало свою неграмотность, а к 1939 г. общая грамотность населения составила уже 81% против 24% в 1913 г.[5]

В основе социальной политики советского государства лежали постулаты марксизма-ленинизма о всеобщем равенстве, социальной справедливости, построении такого общества, где каждый имеет равные условия для удовлетворения потребностей и всестороннего развития личности. Именно по идеологическим причинам государство взяло на себя все функции по социальной защите и социальной поддержке граждан. СССР был лидером в мире по построению государства социальных услуг. Но та же идеология помешала реализации главного принципа социалистического государства – общедоступности всех социальных благ. Долгое время в советской действительности существовала категория «лишенцев», которой было отказано в государственной поддержке.

---

[4] *Берхин И.Б. Беленький М.И.* История СССР – эпоха социализма. М., 1965.

[5] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913). М., 1956.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (НА ПРИМЕРЕ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Бондаренко Владимир Игоревич, к.и.н.
(Кубанский медицинский институт)

Тема межнациональных отношений в Российском государстве всегда вызывала интерес у исследователей. Россия является большим многонациональным государством и поэтому вопросы национальной политики имеют здесь первостепенное значение. Наше государство обладает большим опытом в вопросах межнациональных отношений. Особое внимание в этом плане стоит уделить советскому периоду отечественной истории.

В СССР национальная политика имела свои особенности и определялась такими терминами как «интернационализм» и «дружба народов». Сегодня многие исследователи ставят под сомнения данные определения, заявляя о том, что в вопросах национальной политики в СССР виден ряд просчетов и непродуманных решений. Тем не менее, дружба народов в советском государстве была и массово проявлялась в период тяжелых испытаний. На примере ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера рассмотрим особенности национальной политики и межнациональных отношений в СССР.

На протяжении всего существования советского государства с заметной регулярностью здесь случались стихийные и технологические бедствия. Только с конца 1940-х и по 1991 г. здесь произошло свыше 150 природных катаклизмов и техногенных аварий, имевших достаточно серьёзные политические, социально-экономические и экологические последствия, из которых более 40 пришлось на период 1985–1991 гг., именуемый в истории «ускорением», «перестройкой» и «гласностью»[1].

Несмотря на полный контроль за средствами массовой информации в СССР со стороны государства, периодические издания страны регулярно публиковали материалы, посвящённые природным и техногенным катастрофам. Исключением из этого списка являются только чрезвычайные ситуации, случившиеся на объектах атомной отрасли и военно-промышленного комплекса. К примеру, авария на ПО «Маяк» 1957 г. была обнародована только 3 июля 1989 г, когда факт утечки радиоактивных веществ был подтверждён на заседании Верховного Совета СССР[2].

---

[1] Посчитано по: Россия в борьбе с катастрофами. Книга 2. XX век – начало XXI в. / под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2007.

[2] *Рябов Л.Д.* Выступление на заседании Верховного Совета СССР 3 июля 1989 года // Известия. 1989. 6 июля. С. 3.

Основной упор в репортажах делался на пропаганду идей интернационализма, патриотизма, чувства сострадания и милосердия советских людей. По мнению представителей советских СМИ, процесс оказания помощи пострадавшим от стихийных и технологических бедствий регионам и гражданам СССР всегда приобретал всенародный характер. Именно со страниц газет, из теленовостей и радиорепортажей основная часть населения СССР узнала о землетрясениях в Ташкенте и Дагестане, Армении, аварии на Чернобыльской АЭС и пристально следила за ликвидацией последствий этих катастроф.

В дни борьбы с последствиями стихийных и технологических бедствий в Советском Союзе наблюдался значительный патриотический подъём. В это время по всей стране проводились митинги солидарности с пострадавшими от бедствий регионами, принимались решения об оказании помощи районам, находящимся в зоне бедствия. Например, Ташкентское землетрясение вызвало у большинства советских граждан не только чувства сострадания, солидарности с жителями столицы Узбекистана, но и желание помочь попавшим в беду соотечественникам. На помощь Ташкенту в зону бедствия из разных регионов страны отправились десятки строительно-монтажных поездов, эшелоны с техникой, которые, по информации правительственной комиссии, были встречены ташкентцами с большой радостью[3].

Восстановление районов Дагестанской АССР, разрушенных землетрясениями 1966 и 1970 гг., проходило подобно аварийным работам в Ташкенте. Ликвидация последствий этих стихийных бедствий также стала яркой страницей летописи взаимопомощи народов СССР, и особенно регионов Северного Кавказа.

Особый интерес представляют природные и техногенные катастрофы периода «перестройки».

Так, авария на ЧАЭС среди граждан СССР вызывала разные чувства. Однако, главным, объединяющим было чувство сострадания и желание помочь попавшим в беду соотечественникам. Попытка сокрытия Чернобыльской катастрофы возмутили общественность страны и спровоцировали общественную активность. Патриотизм советских людей в процессе ликвидации последствий аварии на ЧАЭС был массовым и искренним.

Большую известность в стране приобрёл так называемый «фонд помощи Чернобылю». Первоначально руководство СССР не решалось поддержать предложение о создании специального фонда. В докладной записке от 14 мая 1986 г., адресованной ЦК КПСС, говорилось, что Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС считала политически нецелесообразным придавать этой инициативе какие-либо организованные формы. Здесь же подчёркивалось, что осуществление этого предложения могло создать впечатление о тяжёлом положении советской экономики и трудностях в ликвидации последствий аварии[4].

Создание подобных чернобыльскому счёту специальных «фондов помощи пострадавших» является отличительной особенностью ликвидации последствий катастроф в СССР. Указанная инициатива руководства страны свидетельствует не только о проявлении высокой гражданской сознатель-

[3] ГА РФ. Ф. Р 5546. Оп. 100. Д. 267. Л. 6.

[4] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 5. Л. 1.

ности населения, но и о стремлении правительства покрыть некоторую часть затрат внебюджетными средствами. Именно с этой целью созданы «фонды помощи пострадавшим» от стихийного бедствия в Грузинской ССР 1987 г., взрывов в Арзамасе и Свердловске, крушения поездов в Башкирии 1989 г., землетрясения в Армении 1988 г.

Аналогичную с мероприятиями по локализации аварии на ЧАЭС общественную реакцию в Советском Союзе вызвало Спитакское землетрясение.

Названная природная катастрофа вызвала у многих советских людей чувство солидарности с армянским народом в его беде. По всему СССР проводились митинги, собрания, благотворительные концерты, субботники, на которых собирались денежные средства и гуманитарная помощь для соотечественников.

Ликвидация последствий стихийного бедствия впервые в истории СССР имела международный характер. Правительство страны, в связи с тяжёлым экономическим положением, открыто обратилось к мировому сообществу за помощью. На Западе это было воспринято как «падение гуманитарной стены» (fall of the humanitarian wall)[5].

Спитакское землетрясение 1988 г. случилось во время обострения конфронтации между Армянской и Азербайджанской ССР по вопросу Нагорного Карабаха. Советское правительство попыталось использовать ликвидацию последствий стихийного бедствия для урегулирования конфликта, сглаживания противоречий, разраставшихся в различных уголках СССР, сплотить страну вокруг трагедии армянского народа. Однако, несмотря на первоначальные успехи в этом направлении, эта инициатива руководства Советского Союза полностью провалилась.

В период «перестройки» советское руководство пыталось сплотить всю страну вокруг общей беды, тем самым отвести внимание простых граждан от внутренних политических и социально-экономических проблем государства. Эти усилия дали только кратковременные результаты и впоследствии большого успеха не имели.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что часто ликвидация последствий природных и техногенных бедствий во второй половине XX в. в СССР носила всесоюзный и всенародный характер. Советское правительство часто использовало борьбу с катастрофами для пропаганды идей интернационализма и дружбы народов, что благотворно сказывалось на поддержании комфортного межнационального климат внутри государства. В дни тяжелых испытаний народы, населявшие СССР, всегда откликались на призыв о помощи и оказывали поддержку своим соотечественникам. Эти особенности национальной политики и межнациональных отношений советского государства должны активно применяться в аналогичных ситуациях современности.

[5] *Miller D.E., Miller L.T.* Armenia: Portraits of Survival and Hope. California, 2003. P. 14.

1917: РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С 1991 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Борелли Андреа, Ph.D.
(Фонд Антонио Грамши, Италия)

В нашем докладе я хотел бы представить как можно более полную картину интерпретаций, предложенных англо-американской и итальянской историографией начиная с 1991 г. в отношении русских революций 1917 г. К анализу мы привлекли, прежде всего, работы Ричарда Пайпса[1], Орландо Файджеса[2], Шейлы Фитцпатрик[3] и Джеффри Хоскинга[4]; а среди работ итальянских исследователей – в первую очередь труды Франческо Бенвенути[5], Андреа Грациози[6] и Джованны Чильяно[7]. Фокус пал на книги и статьи, опубликованные после 1990 г., поскольку на исторические разыскания этой эпохи оказало решительное влияние открытие советских (в последствии – российских) архивов. Однако, в отличие от других крупных тем исторических исследований (как, например, сталинизм), нельзя сказать, что события 1917 г. предстали перед нами в принципиально новом свете при введении в оборот новых архивных материалов. Выработать новое видение темы историкам помогли прежде всего изменения в политическом климате, совершившиеся с окончанием Холодной войны и распадом Советского Союза. С этого момента российская история XX века перестала быть ареной борьбы исторических интерпретаций, зачастую диктовавшихся политическими интересами. Западная историография не должна была непременно оправдывать или осуждать «советский эксперимент» и могла сосредоточиться на новых проблемах и предложить различные периодизации широкого охвата. Как написала Ш. Фитцпатрик, события 1991 г. позволили по-новому взглянуть на события 1917 г. как эпизоды бескрайней реки русской истории.

Все известные нам труды англо-американских и итальянских исследователей сходятся в том, что в феврале 1917 г. имела место двойная революция:

---

[1] *Pipes R.* The Russian Revolution. Vintage House, New York, 1990.

[2] *Figes O.* A people's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924, Pilmico, London, 1997.

[3] *Fitzpatrick S.* The Russian Revolution. Oxford University Press, New York, 1994.

[4] *Hosking G.* Russia. People & Empire 1552–1917. Harper Collins Publishers, London, 1997.

[5] *Benvenuti F.* Storia della Russia contemporanea 1853–1996. Laterza, Roma-Bari, 1996.

[6] *Graziosi A.* L'Unione Sovietica 1914–1991. il Mulino, Bologna, 2011.

[7] *Cigliano G.* La Russia contemporanea. Un profilo storico. Carocci, Roma, 2013.

социальная и политическая. Городские массы возглавили социальный переворот, в то время как интеллигенция способствовала рождению первых демократических институтов. Меньшевики и эсеры, выбранные в первый петроградский Совет, поддержали власть Временного правительства, и вынуждены были разделить его неудачи. Только Ленин понял, что городские и крестьянские массы стремились к самоуправлению и не испытывали никакого доверия к парламентской демократии, и тем более к правительству, решившему продолжить участие в войне.

Кроме того, многие исследователи согласны в том, что в России не было условий для упрочнения демократической системы, но расходятся в оценке того, что именно этому помешало. Кто-то утверждает, что это были военные события (Хоскинг), кто-то признает вину интеллигенции в неуспехе (Пайпс), другие историки говорят о том, что у народных масс не было необходимой демократической культуры (Файджес). По мнению многих исследователей, демократия могла бы победить в России, но только если бы страна вышла из войны и если бы были претворены в жизнь реформы, которых после Февральской революции требовали крестьяне (Фитцпатрик, Смит[8]). Однако все сходятся в том, что после лета 1917 г. было уже невозможно построить парламентскую демократию и что Ленин воспользовался возможностью радикализации масс, чтобы осуществить государственный переворот, несмотря на сопротивление отдельных большевиков.

В основном западные ученые говорят о двух параллельных революциях 1917 г. С одной стороны, «большевицкая» революция: совершенная под знаменем Советов, но поведшая за собой уничтожение либерал-демократических институтов и местных органов самоуправления. С другой стороны, имела место социальная революция – переход земли к крестьянам и фабрик к рабочим. В то время как приход к власти большевиков представляет собой несомненный итог действий Ленина, социальная революция, по мнению многих западных историков, была неизбежна и могла произойти и без участия большевиков (Файджес, Грациози).

В этой связи разнится и периодизация революционных событий. Для одних исследователей смерть Ленина (1924) оказывается финальной точкой (Пайпс), другие говорят о том, что борьба между местным самоуправлением (в особенности крестьянским) и централизованным правлением завершилась окончательно только с началом сталинской «революции сверху» и Большого террора (Фитцпатрик).

Таким образом, мы видим, что интерпретации революционных событий 1917 г. в англо- и итальяноязычной научной литературе последних трех десятилетий расходятся в некоторых ключевых моментах. Однако по сравнению с предыдущей эпохой можно наблюдать переход от разногласий, нередко диктовавшихся идеологическими причинами, к выработке на отдельные проблемы более объективного взгляда, основывающегося в том числе на введении в оборот богатой архивной документации. Сегодня отдельные расхождения историографических концепций могут только способствовать более глубокому пониманию событий, определивших ход истории всего XX века не только в России, но и за ее пределами.

[8] *Smith S.A.* Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford University Press, New York, 2016.

УЧЕБНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК КОНСТРУКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА)

Борзых Наталья Евгеньевна
(Школа № 64, г.о. Самара)

Учебник истории – носитель памяти и орудие овладения исторической ситуацией. С одной стороны, учебная литература отражает состояние профессиональной историографии. Ещё сто лет назад каждая научная школа старалась воплотить свои идеи не только в специальных исследовательских трудах, но и в массовых изданиях. Популяризация различных интерпретаций исторического процесса, переплетавшегося с преподаванием в средней и высшей школе, стала обязательным элементом исторической науки. Историографическая практика 1990-х и начала 2000-х годов показала, что именно учебники истории часто являются первоисточниками исторических концепций, что новые подходы и оценки исторического прошлого звучат сначала в учебной литературе.

Историческая наука имеет выход в социальную практику через учебники истории, осуществляя тем самым связь между наукой и обществом. Через школьные учебники истории предлагается гражданам такой вариант исторических знаний, который позволяет ученикам идентифицировать себя со страной, ее прошлым и настоящим. Ценностные и оценочные составляющие являются неотъемлемой частью познавательно-мировоззренческой модели школьного курса истории, и, соответственно, попытки их отделить от школьной истории могут привести лишь к появлению мировоззренческого вакуума и распространению ценностных суррогатов.

Учебник по истории конструирует историческое сознание школьников и даже во многом определяет поведение нового поколения граждан страны. «...Забывая большинство дат и имен, а зачастую отбрасывая все оценки учебника, ученик усваивает модель мышления и стиль, заданные книжкой»[1]. Таким образом, учебник по истории играет важную роль в жизни общества. Испытывая постоянное влияние государственной идеологии, он представляет собой один из конкретных механизмов формирования знаний и представлений, памяти о прошлом в соответствии с установленными государством целями и существующими ценностями.

В историческом сознании нескольких поколений советских граждан одним из ключевых событий были события 1917 года. Школьнику полагалось

[1] *Портнов А.* Terra Hostica: Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный Запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 75–83.

знать о наличии предпосылок социалистической революции в России, о том, что «Россия – слабое звено в цепи империализма», в ней к началу 1917 года существовал политический кризис, грозивший в любое время вылиться во всенародное восстание. Первая мировая война ускорила назревание революции. Хозяйственная разруха достигла катастрофических масштабов. Чаша народного терпения переполнилась. Произошел подъем народной борьбы, в котором большую роль сыграли большевики. Царизм и буржуазия стремились предотвратить революцию, но не смогли.

В событийно-понятийный ряд входили следующие структуры: революционная ситуация, буржуазно-демократическая революция, образование Советов, двоевластие, кризисы Временного правительства, большевизация Советов, нарастание общенациональной катастрофы, подготовка большевиками вооруженного восстания, Второй Всероссийский съезд Советов, образование советского правительства, социалистическая революция. Ключевая установка учебника: «Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса»[2].

В 1990-е годы «историческая политика» Российского государства способствовала утверждению в образовательном пространстве плюрализма (десятки учебников по истории). Акцент в объяснении исторических событий и явлений смещался на личность учителя преподавателя, не свободного от политико-идеологических пристрастий и концептуального многоголосия современной историографии. В процессе обучения формировались полярные («советские» – «антисоветские») представления о феномене 1917 года: от «Великого Октября», «Великой российской революции» до «Второй Смуты» и «цивилизационной катастрофы». При этом обозначилась тенденция оскудения фактического запаса знаний у учащейся молодежи, размывания понимания конкретно-исторического содержания происходивших в 1917 году событий.

Цели и задачи исторического образования сегодня определяются в федеральном государственном образовательном стандарте основного и общего (полного) образования, и так же историко-культурном стандарте 2013 года. Звучат они следующим образом: формирование гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур; формирование мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики; владение комплексом знаний об истории России и человечества в целом.

Тема революции 1917 года является одной из самых сложных, объемных в курсе истории Отечества. Неслучайно в историко-культурном стандарте она отнесена к «двадцати трудным вопросам». Трудный вопрос № 9 сформулирован в ИКС так: «Причины, последствия и оценка падения монархии в России,

[2] *Берхин И.Б.* История СССР. 1917–1978. М., 1979. С. 134.

революции 1917 года, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне».

Пожалуй, один самых сложных аспектов современного учебника это терминология. В ИКС, утвержденным Российским историческим обществом и взятым в качестве теоретико-концептуальной базы новой линейки единого учебника, введено понятие «Великая российская революция» относительно событий 1917 года. В свою очередь новые учебники двух ведущих издательств или пропустили данное понятие (изд-во «Дрофа») или ввели, но никак не обозначили (изд-во «Просвещение»). Авторы учебника издательства «Просвещение» не объясняют, почему революция названа Великой, почему российская, а не русская и каковы ее хронологические рамки (заканчивается ли она в октябре 1917 года или в 1921 году?)

Революция 1917 года в новых учебниках истории получилась безликая. Роль личности никак не показана, если в советском учебнике, и даже в учебниках 1990-х – начала 2000-х гг. были характеристики и образы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и др., то новый учебник просто перечисляет имена, кто такой В.И. Ленин и какова его роль в партии и в самом событии останутся неизвестными для современного школьника и ответы придется искать в других источниках. Не прозвучало в новых учебниках и выводов и оценок событий 1917 года.

Таким образом, в историческом сознании закладываются не связанные фрагменты и смутные представления о том, что же произошло в России в 1917 году. Очевидно, что учебная литература не является сегодня достаточно релевантным источником формирования исторических представлений. Потоки мифологических откровений и «альтернативной» истории создают информационный шум, в котором порой теряются сигналы, идущие из образовательного пространства.

А.М. КОЛЛОНТАЙ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» В 1917–1918 гг.

Будаева Лина Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В 2014 г. один из первых отечественных женских журналов – «Работница» – отметил свое столетие. История журнала началась 8 марта 1914 г., когда вышел в свет первый номер журнала, состоявший всего из четырех листов. В первые годы судьба «Работницы» складывалась непросто – неоднократно журнал прекращали печатать[1], но с 1923 г. и по сей день он издается регулярно. Сегодня «Работница» – это издание для семейного чтения, отличающееся приверженностью традиционной системе ценностей, которое десятки тысяч[2] российских семей продолжают читать из поколения в поколение.

Как известно, инициатива создания «Работницы» принадлежала В.И. Ленину. Цель создания журнала состояла в том, чтобы вовлечь женщин в России в политическую борьбу в начале XX в. Поэтому каждый новый выпуск издания с лозунгом на обложке «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заполнен агитационными статьями. В журнале регулярно публиковали стихи, письма и рассказы самих работниц. В июле 1917 г. именно «Работница» была единственным печатным органом Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), и на страницах этого журнала была напечатана статья В.И. Ленина «Три кризиса».

Первым редактором «Работницы» в 1917–1924 гг. была Клавдия Ивановна Николаева, революционный и политический деятель, а ее заместителем в 1917–1918 гг. – Александра Михайловна Коллонтай, с именем которой связывается появление в России идеи о вовлечении женщин в классовую борьбу. Являясь с мая 1917 г. членом Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, она вела активную агитационно-партийную работу среди женщин. С 10 мая 1917 г., после возобновления издания журнала, А.М. Коллонтай регулярно публиковала свои статьи на страницах «Работницы». Названия этих статей говорят сами за себя: «Наши задачи», «Военнопленные – наши братья», «Женские батальоны» и др.

Александра Коллонтай считала, что необходимо «сплачивать силы работниц и рабочих вокруг той партии, которая защищает интересы пролета-

[1] 9 июля 1914 г. издание журнала «Работница» было прекращено из-за полицейских преследований. Было возобновлено в мае 1917 г. За период с начала издания до 26 января 1918 г. вышло 20 номеров, тираж в 1918 г. был 30–43 тыс. экз. Во время Гражданской войны издание было временно прекращено, с января 1923 г. журнал регулярно издается.

[2] Тираж журнала в 2013 г. – 35 тыс. экз.

риата России»[3]. Эту тактическую задачу она пыталась реализовывать и через публикацию статей в «Работнице», «продвигая большевистскую программу в понятиях, доступных женщинам, делая особый акцент на войну, высокие цены и условия труда»[4]. По мнению одного из ведущих зарубежных специалистов по русской истории XIX–XX вв. Ричарда Стайтса, А.М. Коллонтай «сводила сложные революционные теории к повседневным понятиям, которые были ясны каждой пролетарской домохозяйке: голодные дети, муж на фронте и политический разрыв между миротворцами-большевиками и спекулировавшими на войне капиталистами»[5].

В статье «Наши задачи», опубликованной в первом выпуске «Работницы» 1917 г., она открыто призывала женщин к политической борьбе: «Товарищи работницы, нет больше наших сил мириться с войной, с дороговизной! Надо бороться! Идите в наши ряды, в ряды социал- демократической рабочей партии! Но мало сорганизоваться в партию. Если мы действительно хотим ускорить мир, надо, чтобы рабочие и работницы повели борьбу за то, чтобы власть в государстве перешла бы из рук крупных капиталистов, истинных виновников всех наших слез, всей крови, что льется на полях битвы, в руки представителей наших – в Совет рабочих и солдатских депутатов»[6].

Помимо публикации агитационных материалов, сотрудники редакции журнала «Работница» активно работали над привлечением женщин к участию в государственной и общественной жизни молодого советского государства. Так, в начале июня 1917 г., в разгар второго правительственного кризиса в России, редакция журнала организовала многочисленный интернациональный митинг, посвященный «борьбе против преступной бойни и к мировой рабочей солидарности против общих врагов»[7]. В 1918 г. сотрудники журнала «Работница» участвовали в созыве общегородской Петроградской конференции по подготовке 1-го Всероссийского съезда работниц.

А.М. Коллонтай была не только активным организатором, но и идейным вдохновителем общественно-политической деятельности, которой занимался коллектив журнала «Работница». Она была талантливым агитатором и, несомненно, пользовалась огромным авторитетом среди сотрудников. Сама А.М. Коллонтай, судя по ее словам, с большой любовью относилась к своей роли партийного пропагандиста: «Тот энтузиазм, каким бывает «одержим» агитатор, проповедующий и борющийся за новую идею или положение, это душевное состояние сладко, близко к влюбленности... Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям. Я не доказывала, я увлекала их»[8]. Занимаясь активной политической пропагандой на митингах, А.М. Коллонтай отмечала, что ей не хватало времени даже на написание статьей для партийной прессы.

По ее воспоминаниям, В.И. Ленин при встречах говорил ей о необходимости находить время и для печатной пропаганды: «Пишите статьи, это важнее

---

[3] *Коллонтай А.М.* Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

[4] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004. С. 204.

[5] Там же. С. 204–205.

[6] *Коллонтай А.М.* Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

[7] *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 322.

[8] Там же. С. 3.

митингов, шире круг тех, с кем говорите через нашу прессу»[9]. Именно поэтому новые статьи А.М. Коллонтай продолжали регулярно появляться во многих советских и партийных изданиях того времени, в том числе и в «Работнице». В своих статьях она писала о необходимости «построить «новую Россию», страну, где рабочему люду жилось бы лучше и светлее»[10], настойчиво призывая женщин действовать сплоченно и бороться за свои права.

Сама А.М. Коллонтай прикладывала много усилий для реализации своих идей в жизнь. В составе первого советского правительства (СНК), созданного в 1917 г., она занимала пост народного комиссара государственного призрения (с 29 октября 1917 г. по 23 февраля 1918 г.), фактически став первой в истории женщиной-министром. Активная политическая деятельность А.М. Коллонтай была направлена на улучшение положения женщин в Советской России: под ее непосредственным руководством вырабатывались новые законы, призванные помочь женщине стать полноправным членом общества, – о труде, гражданском браке, об охране материнства и младенчества, о закрепление за будущими матерями отпусков по беременности и родам и др. Разработанные при участии А.М. Коллонтай законы об охране материнства заложили фундамент будущей советской правовой системы социального обеспечения в СССР.

А.М. Коллонтай вошла в историю не только как одна из первых женщин-политиков молодого советского государства и первая в мире женщина-посол, но и как борец за гендерное равноправие женщин в Советской России. Наглядными подтверждениями этому являются многочисленные статьи и книги А.М. Коллонтай на тему гендерного равенства и ее успешная деятельность в области обеспечения прав и свобод женщин, в том числе и ее значительная организаторская работа в редакции журнала «Работница». Об этом она написала в мае 1921 г. в статье «Работница и крестьянка в Советской России» так: «Для того, чтобы обеспечить общность работы и борьбы, потребовалось, чтобы Коммунистическая партия поставила в число своих задач и специальную задачу вовлечения женщин как в активное строительство нового будущего, так и в сознательное отстаивание от врагов внутренних и внешних первой в мире трудовой республики. Задача эта была поставлена партией большевиков на заре революции – весною 1917 г., когда при ЦК партии образована была редакция журнала «Работница», служившая не только центром агитации среди женского пролетариата, но и центром организации сил работниц вокруг знамени большевизма»[11].

Таким образом, журнал «Работница» сыграл свою важную роль в деле сплочения советских женщин и привлечении их к участию в общественно-политической жизни Советской России, подтверждением чему в 1933 г. стало награждение журнала орденом Трудового Красного Знамени, а в 1964 г. – орденом Ленина. А.М. Коллонтай, активно участвуя в работе редакции журнала «Работница», внесла свой личный посильный вклад в его успешную агитационную деятельность в 1917–1918 гг.

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке тезисов доклада.

---

[9] *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 9.

[10] *Коллонтай А.М.* Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

[11] *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 322.

«ЛИДЕРСТВО ИЗ-ЗА СПИНЫ» В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ[1]

Бычкова Нина Сергеевна
(Институт США и Канады РАН)

В условиях современного состояния системы международных отношений военная политика Соединенных Штатов Америки привлекает к себе внимание, поскольку государство стремится обеспечить себе лидерский статус на мировой арене. В контексте непрекращающихся заявлений американских лидеров о необходимости поддержания и обеспечения лидирующего статуса США актуальным представляется тщательное рассмотрение вопросов, связанных с трансформацией подходов к формированию и реализации военной политики, стратегиям участия в локальных конфликтах в различных регионах мира.

Джордж Буш-младший, в попытке гарантировать для США роль единственной мировой сверхдержавы, лидера и гегемона современного мира, привел государство к значительному перенапряжению. Это выразилось как в финансовой сфере, так и в активном использовании вооруженных сил Соединенных Штатов в конфликтах в различных регионах мира. Идея «перенапряжения сил» чаще всего лежит в основе описания положения Соединенных Штатов в 2009 году, когда президентом стал Барак Обама, который так же обозначил целью своей внешней и военной политики лидерство США в современном нестабильном и глобальном мире[2].

Администрация Барака Обамы изначально ориентировалась на необходимость уменьшения численности американских войск за рубежом, налаживания диалога с соперниками, сокращения односторонних силовых действий, что «означало усиление зависимости США от позиции «мирового сообщества»[3].

Говоря о военной политике США в последние годы нельзя не упомянуть «лидерство из-за спины» (leadership from behind), в качестве одного из инструментов, определяющих и обозначающих стратегию поведения Соединенных Штатов в локальных конфликтах. Учитывая тот факт, что обозначенную

[1] Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 15-07-00001 «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму».

[2] *Орлов А.А.* Барак Обама: предварительные итоги президентства URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/barak-obama-predvaritelnye-itogi-prezidentstva/ (дата обращения: 25.02.2017).

[3] *Шумилин А.И.* Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. С. 13.

концепцию иногда называют частью «доктрины Обамы», целью данной работы является рассмотрение «лидерства из-за спины» в качестве одной из идей, лежащих в основе военной политики Барака Обамы. Предполагается анализ ее появления, применения в локальных конфликтах на Ближнем Востоке.

Словосочетание leadership from behind стало применяться для обозначения военной политики администрации Барака Обамы с 2011 года. Считается, что в широкое употребление это понятие ввел обозреватель «The New Yorker» Райан Лизза[4], который в апреле 2011 года подобным образом описал стратегию поведения Соединенных Штатов в военном конфликте в Ливии. Военная операция в Ливии впервые наиболее четко продемонстрировала нежелание Барака Обамы осуществлять масштабные военные операции в одиночку, используя вооруженные силы США.

Сущность «лидерства из-за спины» заключается в отказе от односторонних действий США, привлечении к конфликту заинтересованных сил, которые, при поддержке Соединенных Штатов, могли бы достичь нужных результатов, обладая при этом большей легитимностью с точки зрения международного права. Среди основных целей перехода к концепции опосредованного участия в военных конфликтах можно обозначить снижение стоимости военных операций, попытка избежать чрезмерных потерь среди личного состава вооруженных сил США. Кроме того, путем перехода к ограниченному и опосредованному участию в локальных войнах администрация Барака Обамы стремилась переложить часть ответственности на своих партнеров и союзников, в том числе и в Европе[5]. Следует отметить, что по данным Pew Research Center уверенность в том, что президент США избрал правильную стратегию на мировой арене, постепенно снижалась с 2009 по 2016 год среди ключевых европейских партнеров Соединенных Штатов (Германии, Франции, Великобритании)[6].

Активное продвижение «лидерства из-за спины» в качестве концепции участия в локальных конфликтах по данным Pew Research Center привело к тому, что в 2016 году 57% респондентов внутри США высказали тезис о том, что другие страны должны справляться со своими проблемами самостоятельно без помощи Соединенных Штатов[7].

Большинство экспертов и аналитиков, говоря об итогах военной политики Барака Обамы, едины во мнении, что leadership from behind не сделало мир и международные отношения стабильнее. Локальные конфликты на Ближ-

---

[4] *Lizza R.* Leading from Behind / the New Yorker. URL: http://www.newyorker.com/news/news-desk/leading-from-behind (дата обращения: 25.02.2017).

[5] *Cohen R., Scheinmann G.* Lessons From Libya: America Can't Lead From Behind URL: http://ideas.time.com/2014/02/15/lessons-from-libya-america-cant-lead-from-behind/ (дата обращения: 28.02.2017).

[6] *Dimock M.* How America Changed During Barack Obama Presidency / Pew Research Center URL: http://www.pewresearch.org/2017/01/10/how-america-changed-during-barack-obamas-presidency/ (дата обращения: 28.02.2017).

[7] Public Uncertain, Divided over America's Place in the World URL: http://www.people-press.org/2016/05/05/1-americas-global-role-u-s-superpower-status/ (дата обращения: 28.02.2017).

нем Востоке, которые не были урегулированы, привели к серьезному миграционному кризису, негативно отразившемуся на европейском регионе.

«Лидерство из-за спины» зачастую признается в качестве продуманного элемента «доктрины Обамы». Несмотря на это существует точка зрения, согласно которой действия Соединенных Штатов в ходе военной операции в Ливии смотрятся не как продуманная стратегия опосредованного участия в локальном конфликте, а как непоследовательное и противоречивое поведение, которое не может демонстрировать государство, претендующее на лидерские позиции[8].

Таким образом, «лидерство из-за спины» оказало существенное влияние на стратегию участия вооруженных сил Соединенных Штатов в локальных вооруженных конфликтах последних лет. Опосредованное и ограниченное применение армии США не привело к повышению стабильности в отдельных регионах, например, на Ближнем Востоке и в мире в целом.

Если говорить о leadership from behind в качестве инструмента для улучшения имиджа Соединенных Штатов на мировой арене, то эта цель не была достигнута. Однако, даже учитывая сравнительное ухудшение восприятия политики Барака Обамы европейскими союзниками, его рейтинг все же до конца 2016 года остался значительно выше, чем был когда-либо у Джорджа Буша-младшего[9].

[8] *Boyle M.* Obama: “leading from behind” on Lybia / The Guardian URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2011/aug/27/obama-libya-leadership-nato (дата обращения: 28.02.2017).

[9] *Dimock M.* How America Changed During Barack Obama Presidency / Pew Research Center URL: http://www.pewresearch.org/2017/01/10/how-america-changed-during-barack-obamas-presidency/ (дата обращения: 28.02.2017).

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРОВОМ ЛИДЕРСТВЕ США В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. (НА ОСНОВЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ)

Верютин Максим Игоревич
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Идея лидерства – это концепция, под которой подразумевается превосходство США в мире посредством военного, экономического, технологического и идеологического доминирования над другими государствами. В конце XX века произошла глобальная трансформация международных отношений. С окончанием «холодной войны» Соединенные Штаты Америки остались единственной сверхдержавой. Тема американского доминирования в мире стала еще более актуальной в речах американских президентов. От того, как удачно выступит президент с речью, зависят его рейтинг и престиж, поэтому президент должен быть хорошим оратором, способным убедить свой народ в правильности своей внутренней и внешней политики.

В моем исследовании анализировались два самых важных типа речей президентов США: инаугурационные речи и послания к Конгрессу, которые произносятся каждый год в январе или феврале, что важно для того, чтобы исследовать эволюцию представлений американских президентов о лидерстве США.

Тема лидерства США в речах американских президентов занимала центральное место. В период биполярного мира Соединенные Штаты рассматривались, как лидер Запада. Они вели идеологическую войну с Советским Союзом, который был лидером блока социалистических стран. Эта схватка достигла своей кульминации при Рональде Рейгане, который в своих речах призывал к проведению жесткого внешнеполитического курса по отношению к Советскому Союзу, называя его «империей зла». Речь об «империи зла» была произнесена с целью увеличения военного бюджета и была также направлена на то, чтобы дать надежду тем силам, которые оказывали сопротивление просоветским режимам в странах третьего мира. В период второго президентского срока Р. Рейгана к власти в Советском Союзе пришел М. Горбачев, который начал осуществлять демократические реформы, что привело к снижению конфронтации СССР и США и переговорам по сокращению стратегических ядерных вооружений.

Для выражения идеи лидерства США Р. Рейган использовал эпидейктическую риторику[1]. Говоря о Соединенных Штатах, он использовал такие

[1] *Casey M.J.* Ronald Reagan`s epideictic rhetoric within the context of the State of the Union addresses during the cold war, 1945–1985. PhD dissertation. Washington State University, Washington, 1986.

выражения, как «благословенная земля», «особое место», «великая нация», «эта страна готова к величию». Он противопоставлял свою страну Советскому Союзу, который он связывал с такими выражениями, как «империя зла» и «силы угнетения». Моральным долгом американского руководства, по мнению Р. Рейгана, было оказание поддержки силам, стремящимся к демократии и свободе.

Республиканец Дж. Буш-старший продолжил политику Р. Рейгана по отношению к Советскому Союзу, который перестал быть главной угрозой Соединенным Штатам. США стали рассматривать СССР, как своего партнера, стремящегося стать частью капиталистического мира, а новыми вызовами становились режимы, угрожавшие международному праву, такие, как режим Саддама Хуссейна. Соединенные Штаты становились «мировым жандармом», следившим за выполнением норм международного права и готовым применить силу, чтобы наказать нарушителя и стабилизировать ситуацию. Новые концепции миропорядка в этот период до конца еще не оформились, и Дж. Буш продолжал проводить политику, которая на тот момент времени устарела. Как написал Зб. Бжезинский, «Дж. Буш-старший был искусным практиком силовой политики и традиционной дипломатии в нетрадиционное время»[2].

По мнению Дж. Буша-старшего, мир безопаснее, когда Соединенные Штаты являются мировым лидером. Именно американское лидерство позволило освободить Европу от коммунизма, объединить Германию, победить в «холодной войне»[3]. Президент Дж. Буш-старший называл свою страну «вдохновляющим примером свободы и демократии».

Президент Б. Клинтон начал поддерживать концепцию глобализации. По его мнению, после «холодной войны» наступила эпоха глобальной экономики, глобальных политических институтов и глобальных проблем, которые требуют совместного решения. Президент называл американцев «энергичными и дерзкими духом», а Соединенные Штаты – «сильнейшей экономической державой в мире»[4].

При Дж. Буше-младшем начался новый этап в истории Соединенных Штатов Америки. 11 сентября 2001 г. удар был нанесен по символу американского процветания (башни-близнецы) и символу американской мощи (Пентагон). США возглавили «крестовый поход» против терроризма, начались войны в Афганистане и Ираке. Президент использовал все свое ораторское искусство, чтобы убедить американский народ в том, какая опасность угрожает «свободе» и «демократии». Он использовал выражение «ось зла», говоря о таких странах, как Иран, Ирак и КНДР и обвиняя их в поддержке террори-

---

[2] *Бжезинский Зб.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержав / [пер. с англ.]. М.: АСТ, 2014, с. 555

[3] Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union, 1991 // American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley (http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19253).

[4] *Clinton B.* Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union, 1995 // American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley (http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=51634).

стов. Риторика Дж. Буша-младшего эмоциональна и звучит в духе формулы «Кто не с нами, тот против нас».

В некоторых речах президента Буша-младшего слово «террорист» употреблялось до 20 раз, в то время как в речах президентов Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона слова «терроризм» или «террорист», если и использовались, то максимум один-два раза. Помимо слова «терроризм» Дж. Буш часто использует слово «свобода», которую он ассоциирует с Соединенными Штатами Америки.

В итоге активная внешняя политика Дж. Буша-младшего и его администрации привела к серьезному расколу как внутри коалиции по борьбе с терроризмом, так и внутри страны, народ которой устал от войн и был недоволен экономическим кризисом, оставившим без работы многих людей. Кризис политики Дж. Буша-младшего и неоконсерваторов привел к власти демократа Барака Обаму.

Семантический анализ речей президентов помог определить частотность слов и выделить слова-маркеры, которые позволили понять, на чем в своих речах акцентируют внимание президенты, какие проблемы были наиболее важными для каждого из них.

Американские президенты часто используют такие слова и выражения, как «добро» и «зло», «правильная сторона истории», «свобода» и «тирания», «бастион свободы», «демократия», «угнетение», «права человека», «ось зла». Эти понятия позволяют придать выступлениям эмоциональность, помогают американскому народу понять, на чьей стороне Соединенные Штаты и против кого они борются. При этом президенты всегда стараются придать своему выступлению оптимизм, приободрить свой народ, ссылаясь на историю США или высказывания отцов-основателей государства, показывая, с какими трудностями сталкивался американский народ ранее и как достойно он выходил из них победителем. Президенты приводят такие примеры, как отмена рабства, победа во Второй мировой войне, победа в «холодной войне» (начиная с Дж. Буша-старшего). Когда идет какая-либо война, президенты стараются говорить увереннее, используя меньше слов, характеризующих неопределенность и замешательство.

Президентская риторика республиканцев отличается от риторики демократов большей эмоциональностью, иногда переходящей грань разумного. Они более религиозны и считают, что у США особая миссия помочь народам мира прийти к «свободе» и «демократии». При этом и демократы, и республиканцы считают, что Соединенные Штаты должны оставаться мировым лидером, однако имеют разное видение того, как США должны отстаивать свои интересы на мировой арене. В то время как республиканцы занимают более жесткую позицию и готовы к применению вооруженных сил даже вопреки решению Организации Объединенных Наций, демократы стараются решать проблемы путем ввода разного рода санкций и, если используют вооруженные силы, то в ограниченном масштабе.

При анализе представлений американских президентов об идее мирового лидерства США был важен анализ не только внешней, но и внутренней политики. Президенты США позиционируют свою страну как сильнейшую мировую державу, которая должна являться вдохновляющим примером для других, менее развитых стран, однако, она не сможет быть таковой, если внутри страны не будут решаться серьезные экономические или политиче-

ские проблемы. Президенты и их администрация выдвигают инициативы в здравоохранении, образовании, налоговой политике, бизнесе. Они пытаются сделать свою страну привлекательной для иностранных инвесторов, сократить внешний и внутренний долг страны, который влияет на ее престиж.

САНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОСТАШКОВА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Веселов Александр Александрович, к.и.н.
(НИУ «Московский энергетический институт»)

Регионоведческая тематика в современном историческом исследовании может способствовать решению многих комплексных научных проблем, актуальных в настоящее время: формирование и развитие новых научных школ, прогнозирование тенденций в условиях экономических, политических и духовных кризисов. Результаты таких работ могут использоваться и в конкретном исследовании. Например, проблема санитарно-гигиенической деградации российских городов в первые годы Советской власти. Санитарное состояние городов оставалось на протяжении долгого времени одной из главных проблем для российских властей всех уровней.

Город Осташков, будучи компактно расположенным на полуострове озера Селигер, в XIX столетии считался одним из самых передовых уездных центров России. Известный российский публицист В.А. Слепцов[1] отмечал, что Осташков был необычайно уютным и красивым городом. А вот как описывается санитарное состояние города на заседании Осташковского уездного исполнительного комитета от 3 марта 1922 года: «Город приведён в крайне бедственное положение. Особняки, ранее находившиеся на попечении городских купцов, ныне нуждаются в дополнительном досмотре, так как сами жители домов поддерживать должный порядок не желают»[2]. На такое заявление члены исполкома отреагировали достаточно жёстко. Вводилась дополнительная система налогообложения для лиц отказывавшихся следить за порядком и чистотой. А для того, чтобы покрыть расходы на вывоз мусора, штрафовались даже работники исполкома, курившие в зале заседаний[3]. Таким образом, местная власть чрезвычайно жёстко реагировала на проблемы, связанные с чистотой и порядком в городе.

Горожане в российской глубинке и до революции не были избалованы санитарным комфортом. Так, в Осташкове, где человеческие нечистоты при 10-тысячном населении накануне революции составляли в день 180 бочек (5400 ведер), а помои и кухонные отбросы – 1847, городской ассенизацион-

[1] *Слепцов В.А.* Письма об Осташкове // Сочинения / В.А. Слепцов. Воронеж, 1963. С. 10.

[2] ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

[3] ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

ный обоз насчитывал всего 50 бочек и едва ли мог вывезти десятую часть нечистот. Основная масса оставалась в городе, пропитывая почву[4].

Вследствие подпора почвенных вод многие выгребные и поглощающие колодцы в сырое время года отдавали содержимое обратно. Первый год революции был отмечен беспрецедентным даже для российских условий запустением городского хозяйства и одичанием быта. Все ветшало и приходило в негодность. К весне 1918 года не выдержала напора революционного хаоса и без того слабая ассенизационная служба. В Осташкове в 1918 году было вывезено в 1,5 раза меньше нечистот, чем в 1916-м. Отдел здравоохранения Тверского губисполкома в 1920 году ретроспективно описывал состояние ассенизации в губернском центре следующим образом: «С наступлением революционного 1917 года и периодическим занятием города разными властями, эвакуации его с вывезением имущества, особенно лошадей, отчасти и бочек, прекращением дел частными ассенизаторами, постепенным приходом частного инвентаря в полную негодность, – дело ассенизации города совершенно разрушилось и с начала 1918 г. город совершенно не очищался.

Вся ассенизационная деятельность сводится в настоящее время к тому, чтобы не дать нечистотам в общественных учреждениях перелиться через край выгребных ям и разлиться по городу, что удается далеко не всегда, частные обыватели совершенно не очищаются. Жильцы муниципальных домов очищаются в виде исключения»[5].

После завершения Гражданской войны уездные города представляли собой унылое зрелище. В сентябре 1920 года «Заря коммунизма» писала: «Наши улицы превращены в форменные помойные или выгребные ямы. Обыватели домов разучились, пожалуй, даже ходить так называемыми черными ходами. Выметенный ли сор, слитые ли помои, выеденную от яйца скорлупу и тому подобные лоскутки и объедки они смело и безнаказанно выносят в парадные двери и выливают в соседнюю с тротуаром канаву, рассчитывая на бесплатное санитарное действие дождевой воды. Даже еще проще бывает, сплошь да рядом все это просто летит из окна, попадая подчас прямо на головы проходящих.

В результате вышеизложенного уличные канавы до того изгажены и загружены без всякой периодической чистки, что мостики совершенно закупорились и бурлящей дождевой воде приходится размывать без того разбитые тротуары. Особенно это выявляется на улице Евстафьевской. На этой улице вместо прежних водосточных канав и мостиков – следы свиного постоя. Ко всему этому необходимо еще прибавить целое кладбище собачьих, кошачьих да крысиных трупов – и вот вам полная картина санитарного состояния нашего города»[6].

На протяжении 1917–1922 годов в ветхость и негодность приходили не только коммуникации и внешний облик городов, но и общественные заведения – столовые, гостиницы, бани, школы. Воплощением вопиющей антисанитарии являлись больницы: «все продукты, выдаваемые больным красноар-

[4] ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

[5] Известия Осташковского Совета рабочих и крестьянских депутатов и уездного земства // 1918. № 7.

[6] ГАТО. Ф. Р-260. Оп. 6. Д. 4. Л. 48.

мейцам, помещаются на грязном полу и на мокрых подоконниках, так как в комнате нет ни одного стола, ни одной скамейки. В передней прихожей стоит лужа мочи, а в углах масса каловых испражнений. Никаких предметов по уходу за больными не оказалось, вообще данное помещение совершенно не было приспособлено для помещения больных, даже нет простых нар, чтобы спасти больных от той липкой грязи, которой покрыт весь пол, кроме того, нет ни одной плевательницы, почему и пол покрыт гнойными плевками, а местами – рвотными массами» [7].

Санитарное зависело, главным образом, от того, каков был культурный облик тех, кто вливался в ряды городских жителей. Историки пользуются терминами «окрестьянивание», «архаизация» для описания политических и социальных трансформаций советского государственного порядка и структуры общества в Советской России и СССР[8]. Массовая восходящая мобильность выходцев из крестьянской среды, восхождение сельских жителей до вершин новой элиты достойно, однако, рассмотрения не только из социально-политической, но и культурной перспективы. Разрушение городских санитарно-гигиенических стандартов в революционной России позволительно интерпретировать как воплощение культурного «окрестьянивания» российского города[9].

Вчерашний крестьянин, будь он одет в деревенский армяк, солдатскую шинель, унтер-офицерский мундир, рабочую тужурку, кожанку чекиста или ответственного советского работника, приносил в город привычки сельского быта, культура гигиены которого находилась на самом низком уровне. Крестьяне пили из водоемов, в которые заходил домашний скот. Берега Селигера и прудов были превращены в свалки мусора и даже трупов домашних животных.

Стремительное разрушение гигиенической культуры, соединившись с другими обстоятельствами, привело к грандиозным по размаху, драматизму и длительности последствиям. Тверская губерния, как и вся взбаламученная революцией страна, был охвачен массовыми эпидемиями. К 1922 году в России от эпидемических заболеваний умерло, по приблизительным подсчетам, около 3 млн. человек – столько же, сколько на полях сражений Гражданской войны, и в 1,5 раза больше, чем в Первой мировой войне[10].

«Царем» эпидемий стал тиф, особенно сыпной, известный в народе как «голодный», «тюремный» и «вшивый». Эта болезнь, распространялась всеми тремя путями передачи инфекционных заболеваний (водным, пищевым и бытовым). В самом Осташкове на первом месте чаще всего был сыпной и возвратный тиф – следствие скученности населения и нарушения всех санитарных норм жизни. В уезде лидировал брюшной тиф – неразлучный спутник низкой гигиены питания.

---

[7] *Тагиров И.И.* Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антинародной политикой местных органов власти. Нижний Новгород., 1994. С. 33.

[8] *Кабытова Н.Н.* Власть и общество в российской провинции. М., 2006. С. 12.

[9] Там же. С. 19

[10] *Лозбенев И.Н.* Протестное движение населения центрально-промышленного региона России в годы новой экономической политики (1921–1929 гг.). М., 2012. С. 8.

Тема санитарно-гигиенической деградации оказалась вытесненной из воспоминаний современников, так как находилась в слишком опасной близости к вопросу об ответственности «маленького человека» за российскую катастрофу. Ее обсуждение без труда могло вывести на очевидный факт, что российские города были изгажены не царским или Временным правительством, не «буржуазией» и вчерашними помещиками, не белыми офицерами и ответственными советскими и партийными работниками, а простым российским обывателем, освобожденным революцией от систематического контроля и ответственности за происходящее.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА И АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕРИОД НЭП

Вишнякова Зоя Николаевна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Советская политическая карикатура сочетает в себе идеологическую и просветительную функции, что особенно характерно для становления и первого десятилетия власти Советов. С одной стороны, карикатура, как разновидность прессы, играла важную роль в идейно-политическом воспитании народа в парадигме марксистско-ленинской идеологии, тем более что после победы в гражданской войне большевики стремились закрепить свое влияние в самых широких слоях населения, используя для этого язык, который был бы понятен всем слоям населения.

С другой стороны, просветительная функция политической карикатуры напрямую связана с кругом ее читателей. В наследство советскому государству досталось населения царской России, которое в большинстве своем было неграмотным. Сатирический рисунок в доступной форме помогал малограмотным крестьянам и рабочим разобраться в политических событиях, получить информацию о том, что происходит в мире. Тем более что «поданный в виде карикатуры факт оказывал нередко более сильное воздействие, чем обычный репортаж или статья»[1].

В первое десятилетие советской власти политическая карикатура была революционной, так же как и «подпольная» карикатура конца XIX – начала XX веков, с той лишь разницей, что долгожданная революция в отдельно взятой стране все-таки произошла. Однако революционность политической карикатуры не была повсеместной. Существовавшие в обществе социально-политические проблемы никто не отменял.

Так, в период новой экономической политики тематика карикатур была сосредоточена вокруг наиболее характерных социальных явлений: повального пьянства населения СССР, появления так называемой «новой буржуазии» в советском обществе и антирелигиозной пропаганды в стране.

НЭП внес немалые коррективы в политику большевиков: он допускал ряд уступок не только в экономике, но и в религии. В.А. Алексеев, изучавший историю взаимоотношений Советского государства и церкви отмечает, что «в 1921 г. в РКП(б) была проведена широкая антирелигиозная компания, в зна-

[1] *Чепикова Л.И.* Политическая карикатура как средство идейного воспитания (На опыте партийной печати Ленинграда в годы первой пятилетки) // Деятельность коммунистической партии по осуществлению культурной революции в СССР. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 86.

чительной мере повлиявшая на обострение взаимоотношений государства и церкви»[2]. Оголтелая антирелигиозная пропаганда большевиков в итоге привела к еще большему увеличению числа верующих. Это подтолкнуло власть к ослаблению хватки во всеобщей социализации, в том числе и в отношениях с церковью.

Появление антирелигиозной политической карикатуры в различных печатных сатирических изданиях было необходимо ввиду изменения тактики государства в религиозном вопросе. Период «кнута» (издевательств над предметами веры и культа, грубого оскорбления чувств верующих и неприкрытого насилия в их отношении) решено было заменить серьезным анализом и объяснением, попыткой рассказать народу об ошибочности религиозных взглядов, провести так называемую идеологическую работу.

В 1922 г. в стране начала выходить антирелигиозная периодика. Появились газеты «Атеист» (редактор А.И. Шпицберг), а в 1923 г. «Безбожник» (редактор Е.М. Ярославский), а также сатирический журнал с одноименным названием «Безбожник» Московского комитета ВКП(б) позднее (с третьего номера) переименованного в «Безбожник у станка» (редактор М.М. Костеловская). В это же время (август 1922 г.) в советской печати начинает издаваться иллюстрированное еженедельное приложение к «Рабочей газете» (массовому изданию Центрального Комитета партии) – журнал «Крокодил», считавшийся в дальнейшем главным сатирическим изданием страны (редактор К.С. Еремеев). Стали устраиваться антирелигиозные семинары, лектории, кружки и т.д. для идеологической проработки масс. Однако «цивилизованная» атеистическая пропаганда опять вылилась в войну с религией.

На страницах сатирических изданий церковь представлялась культом растления, несдержанности, промонархической силой. Священнослужителей в советской политической карикатуре изображали «алчными субъектами со злобным оскалом», которые обманом, обещанием рая и прощением грехов выпрашивают деньги у прихожан[3]. Церковь воспевает богачей, жертвующих на монастыри, и осуждает тех, кто работает вместо того, чтобы чтить пастырей и ходить в храм[4]. Во многих сюжетах священники изображаются в паре с повальным пьянством населения, демонстрируя неразрывную связь двух «отрав»: религии и алкоголя[5]. Так, на карикатуре Д.С. Моора Иисус Христос предстает в роли создателя самогона[6].

Любопытно, что с активизацией антирелигиозной пропаганды в стране начало усиливаться сектантство, которое было еще более нежелательным для советской власти, чем церковь. В период НЭП оно увеличило вербовку новых членов в свои общины. Как отмечает В.А. Алексеев, ввиду сильного расслоения крестьянства в период новой экономической политики основную «базу

---

[2] *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 267.

[3] *Моор Д.С.* «Ад и Рай. Дела небесные и земные» // Крокодил. 1922. № 10. С. 12.

[4] *Моор Д.С.* «Отче наш, капитал!» //Безбожник. 1923. № 1. С. 3.

[5] *Черемных М.М.* «Святой Микола самогонный, всероссийский чудотворец» // Крокодил. 1923. № 11. С. 658.

[6] *Моор Д.С.* «Чудо в кане Галилейской или откуда пошла самогонка» // Безбожник. 1923. № 2. С. 5.

для многих сектантских общин в деревне составляли начинавшие торговать, богатеть крестьяне, образовавшие к тому же внутри религиозных общин товарищества, кооперативы по изготовлению и сбыту сельхозпродуктов. Таким образом, сектантство укрепляло экономическую основу своих общин, тем самым становясь еще более привлекательным для крестьян и все менее – для властей»[7]. В начале 20-х гг. число сектантов в России достигло 10 млн человек[8].

В политической карикатуре подчеркивается связь различных религиозных организаций с большевистской идеологией, что представляет собой некий компромисс между верой в Бога и верой в большевиков. На сатирическом рисунке И.А. Малютина, так называемый «красный» священник с буденовкой на голове и крестом в руке со знанием дела окропляет кадилом прихожан в церкви, на стенах которой иконы соседствуют с изображением К. Маркса и совсем не религиозными надписями: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Религия опиум для народа»[9].

А карикатура М.М. Черемных, на которой священнослужитель «красной церкви» пришел в Губком с просьбой зарегистрировать свою ячейку, в сатирической форме демонстрирует стремление альтернативной церкви к прямому взаимодействию с представителями власти: «Поп: – Зарегистрируйте нашу ячейку! Секретарь: – А вы из какого производства? Поп: – Дураков делаем»[10]. При этом власть в условиях относительной веротерпимости в период НЭП наметила новую тенденцию в политике партии, а именно более лояльное отношение к верующим, в том числе и различным религиозным организациям, которые не были замешанных в «контрреволюционных действиях».

Таким образом, в сатирических журналах периода НЭП антирелигиозная проблематика являлась распространенным сюжетом, что говорит о социально-политической значимости этого вопроса. Карикатурный образ церкви и религиозных деятелей в советской печати имел негативный характер в соответствии с атеистической пропагандой большевиков. Однако вынужденная либерализация в религиозном вопросе позволила власти не потерять свое влияние в обществе, и в то же самое время помогла православной церкви выжить в условиях всеобщей социализации.

---

[7] *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 272.

[8] Там же.

[9] *Малютин И.А.* «Красная церковь» // Крокодил. 1923. № 12. С. 681.

[10] *Черемных М.М.* «Тоже производство» // Крокодил. 1923. № 18. С. 780.

БЫТ РУССКИХ ПАРИЖАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИЗУЧАЯ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА

Вовк Алексей Юрьевич, к.и.н.
(Лицей № 1574, г. Москва)

События Второй мировой войны оказали серьезное влияние на жизнь русских эмигрантов, покинувших родину после революции 1917 г. Изучение быта сформировавшейся во Франции русской диаспоры в военный период представляется чрезвычайно важным и для исследования феномена Русского Зарубежья, и для изучения социальной истории войны. Например, потому, что во Франции в 1930-е гг. существовала наиболее крупная русская диаспора, чьей «столицей» считался Париж[1].

В нашем докладе проанализированы письма и дневники эмигрантов, проживавших в Париже в 1939–1945 гг. Объектом изучения стали ежедневные заботы русских парижан, бытовые проблемы: сложности с работой, жильем, отоплением квартир, питанием. Автор обратился к социальной истории войны, сделал попытку обратить внимание на то, как ощущали себя русские парижане, что их заботило, что волновало в разные периоды войны; попытался представить панораму жизни в условиях оккупации[2].

Письма и дневники – документы личного характера – крайне необъективны. Однако у них есть определенные плюсы. Во-первых, это довольно низкая вероятность фальсификации, а во-вторых, возможность избежать характерной для мемуарной литературы аберрации памяти.

Для написания работы автором использовались различные источники на русском и французском языках, часть из которых вводится в научный оборот

[1] Следует отметить, что вопрос о количестве русских эмигрантов во Франции является предметом споров историков. Так, цифру 70 тыс. человек указывает *Шкаренков Л.К.* Агония русской эмиграции. М., 1987. С. 181; 70–80 тыс. человек – *Гусефф. К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М., 2014. С. 11; 90 тыс. человек – *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология, проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 350; 50 тыс. человек – *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Les éditeurs français réunis, 1965. P. 25; 250 тысяч человек – *Балмасов С.С.* Белоэмигранты в борьбе с нацизмом // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, 2010. № 2–3. С. 65; 300 тысяч человек – *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970. С. 158.

[2] Следует отметить, что в сложных условиях оккупации русские эмигранты, с одной стороны, разделяли бытовые тяготы коренного населения, а с другой стороны, нередко были для местного населения «пятой колонной». Такое положение, безусловно, приносило дополнительные трудности в нелегкую жизнь беженца.

впервые. Например, документы из Архива Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд тезисов:

1) наиболее важными проблемами для русских эмигрантов стали расстройство транспорта, отсутствие еды и дефицит хозяйственно-бытовых товаров;

2) условия оккупации во Франции представлялись трудными и для коренного населения, и для русских беженцев;

3) эмигранты были озабочены не только проблемами выживания. Так, многие из них задумывались о послевоенном устройстве мира, об отношении к СССР.

Таким образом, доклад позволяет реконструировать повседневную жизнь русских парижан в годы войны, познакомиться с их надеждами и чаяниями.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Н.В. УСТРЯЛОВА НА РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Волкова Ольга Николаевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

2017 год – это год 100-летней годовщины Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Это одни из немногих дат в нашей истории, о которых необходимо помнить всегда. Человечество за всю свою историю пережило не одну революцию. Но только две из них именуются великими – это Великая Французская революция 1789–1799 гг. и Великая Российская революция 1917 года.

Великие события всегда порождают большие споры. Не утихают они и вокруг Российских революций 1917 года. Сегодня нет ничего запутаннее, чем эти страницы отечественной истории. Однако, несомненно, то, что одним из последствий Революции являлась эмиграция немалой части российской интеллигенции. Среди них были философы, политики и историки, которые посвятили свои жизни поиску места России в мире и «особого пути». Некоторые из них не меняли свои политико-философские идеалы на протяжении жизни, в то время как другие вынуждены были пересмотреть свои взгляды, в связи с изменившимся историко-политическими реалиями.

В первой волне русской эмиграции состояло более десяти крупных движений, значительная часть из которых пыталась реализовывать борьбу с коммунистическим режимом, не рассматривая никакие компромиссы. Лидер сменовеховского движения и идеолог «национал-большивизма» Н.В. Устрялов после неудачной попытки возрождения новой России с национальным лидером А.В. Колчаком во главе, обратился к новому пути и призывал русскую интеллигенцию к тому, чтобы она так же, как и он, пересмотрела своим взгляды на советскую власть. Устрялов считал, что государство, какое бы оно не было, и как бы оно не называлась, в конце концов, окажется русским, а идеи «мировой революции», коммунизма, марксизма-ленинизма можно направить на защиту державных интересов России в мире.

Однако до своего «прихода» к «национал-большевизму», Устрялову пришлось пройти долгий путь через сменовеховство, которое уже в середине двадцатых годов XX века начало исчерпывать себя. В своей работе «У окна вагона», которую Н.В. Устрялов написал после своей поездки в Москву, он говорил о вырождении «смены вех»[1].

В русской эмиграции существовали два больших направления – сменовеховство и евразийство, которые всегда шли параллельно, сторонники этих

[1] *Н.В. Устрялов* Россия: из окна вагона URL: http://lib.ru/POLITOLOG/USTRYALOV/rossia.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.02.2017).

движений старались не пересекаться друг с другом. Н.В. Устрялов увидел в российской эмиграции главнейшую опору молодого Советского государства, а потому идеолог сменовеховства признавал евразийцев и считал, что они могут выйти «на правильный путь». Он начинает переписываться с одним из ярких представителей евразийства П.П. Сувчинским.

В письме к П.П. Сувчинскому, Устрялов признается, что уже давно присматривается к евразийству: «Читал все ваши сборники. Чувствую в них много себе созвучного, слывя сменовеховцем, я в действительности ближе к евразийству, чем к недоброй памяти европейскому сменовеховству...»[2]

Невозможно отрицать пропасть между такими двумя весьма схожими течениями. Евразийцев не устраивал прагматизм сменовеховства, «Евразийство оперировало абстрактными категориями, а сменовеховство тяготело к практике»[3], отмечал это и сам Устрялов, однако признавал близость евразийского движения: «Вы, евразийцы, далеки от непосредственных и текущих злоб дня. Вы куете большую идеологию, расположившись вдали от политических битв, базаров и суетни. Вы – в эмиграции и ориентируетесь в лучшем случае на завтрашний день. И по-своему Вы правы и делаете нужное дело»[4].

В письмах к Сувчинскому он критикует евразийцев слева, говоря о том, что те хотят казаться контрреволюционными, хотя по факту являются пореволюционными, призывая Сувчинского изучать и читать «тома ленинских писаний».

Уже после раскола движения, П.Н. Савицкий признается в письме к Войцеховскому, что Сувчинского склонили в марксистскую сторону еще в 1927, когда тот начал увлекаться чтением коммунистических книг. И эта «странность» могла, таким образом, быть результатом влияния писем Н.В. Устрялова.

Сам будущий идеолог национал-большевизма писал в своем дневнике: «Чувствую, что мои письма в этой истории сыграли некоторую роль: “ориентация на реальную, наличную Россию, контакт с правящим слоем”. Отказ от “своей партии”. Большинство (Трубецкой и др.), по-видимому, стоят на прежних точках зрения, и все аргументы моих прошлогодних писем Сувчинскому бьют, значит, именно по большинству. Сувчинский переубежден, но что же вышло? Угрожает путь Накануне...»[5]

Однако повторение судьбы газеты «Накануне», которую «обвиняли» в открытом пособничестве советской власти, левому крылу евразийства, благодаря советам Н.В. Устрялова, не произошло. Он замечал крайнюю близость правого сменовеховства и левого евразийства, а потому не видел ничего плохого в том, что бы слегка «подтолкнуть» в нужном направлении некоторых

---

[2] *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. М.: Дом русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010.

[3] *Rusnak Svetlana* Н.В. Устрялов и евразийцы / Revue des études slaves, 2001. R. 317–335.

[4] *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. М.: Дом русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010.

[5] *Rusnak Svetlana* Н.В. Устрялов и евразийцы / Revue des études slaves, 2001. R. 317–335.

из евразийцев. Он возлагал надежды на то, что последовательная трансформация, в конце концов, приведет движение к единственному верному пути, к которому так долго шел сам Устрялов – к идее возвращенчества. «Возвращение – это, можно сказать, имманентный и единственный вывод»[6]. Выражая, таким образом, близость к евразийскому движению, Н.В. Устрялов верил, что эволюция сознания евразийства, в конце концов, сможет привести их к тому же – в 1935 году Н.В. Устрялов возвращается в Советский Союз.

[6] *Устрялов Н.В.* Из переписки с К.А. Чхеидзе URL: http://az.lib.ru/u/ustrjalow_n_w/text_1934_iz_perepiski.shtml (дата обращения: 14.02.2017).

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНЗУРЫ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Волошенко Ольга Владимировна
(Российский государственный архив новейшей истории)

Важность изучения влияния на общественно-политическое мышление со стороны государства не подлежит сомнению. В отличие от предшествующих лет, с момента провозглашения политики гласности, средства массовой информации оказались вовлечены в начавшийся процесс переосмысления основополагающих ценностей. СМИ фактически разрешали критиковать прошлое, поднимать проблемы настоящего. Факт того, что в стране происходили процессы демократизации и гласности, должен был позволить средствам массовой информации правдиво отражать действительность, за 70 лет молчания – заговорить в полный голос. Гласность должна была служить залогом «психологической перестройки» населения. Однако, нужно понимать то, что при провозглашении «обновления социализма» редакторам и авторам нужно было занимать определенную общественную позицию, которую им продиктовала партия. Редакторы доказывали правильность выбранного курса на перестройку.

В 1987 году официально провозгласили политику гласности. Известно, что демократизация началась еще во времена Хрущева, и затронула СМИ. «Однако в отличие от хрущевской оттепели, целевое назначение горбачевских преобразований было значительно глубже и шире – стала осуществляться демократизация духовной жизни, стержнем которой была гласность...»[1]

Практически с самого прихода М.С. Горбачева к власти, партия поняла, что СМИ – это ключ к достижению главных перемен, перемен в умах населения. Пресса стала очень важным средством для формирования «нового массового сознания», гражданской активности, заинтересованности населения. Основным содержанием массовой пропаганды стало историческое прошлое страны. Это способствовало тому, что в умах общественности стали происходить процессы изменения исторического сознания, все большему анализу подвергалось прошлое страны, было положено начало пересмотра официальной концепции развития государства.

Горбачев не раз призывал СМИ к тому, что бы они поддержали перестройку. «Публикуйте все. Должен быть плюрализм мнений. Но с такой направленностью, чтобы линию перестройки, дело социализма защищать и укреплять»[2].

---

[1] *Никулин Н.М.* Курс современной политической истории России М., 2007. С. 113.

[2] Правда. 1988. 25 сентября.

Расширение функций средств массовой информации помогало руководству страны проводить изменения в сознании людей. Именно средства массовой информации использовались правительством для донесения до населения происходящих в стране изменений.

Во всем этом оставался один важный вопрос. Как политика гласности, могла существовать совместно с советской политической цензурой.

Проанализируем структуру, содержание и механизмы советской политической цензуры. Необходима систематизация знаний о механизме функционирования политической цензуры в советский период. Без этого невозможно понять закономерности и особенности исторического развития советского общества.

Строение политической цензуры, зависело от составляющих эту цензуру компонентов – идеологические органы партии, государства, отраслевые идеологические инстанции – Госиздат, Гостелерадио, Госкино и пр. Сама политическая цензура является подсистемой в системе более высокого порядка – это часть политической системы общества. Важным звеном в системе к рубежам 1930–1940-х гг. стала политическая цензура, которая осуществлялась через государственные органы –Главлит и Главрепертком. 1940–1991 гг. – это годы уже сложившейся и отлаженной системы цензуры.

Остановимся на 1980-х годах, когда начались попытки что-либо изменить в формах идеологического руководства и политической цензуры были вызваны общей стратегией во взаимоотношениях между властью и обществом, которые партия стремилась модернизировать любыми способами, не утрачивая при этом своей руководящей роли. Созданное 6 июля 1922 года Главное управление по делам литературы и издательств, Главлит, (затем не раз меняющее название, последнее из которых – Главное управление по охране государственных тайн в печати). Именно Главлит осуществлял практический контроль за всеми публикуемыми материалами.

Перестройка знаменовалась в Главлите выработкой программы по самосохранению в новых условиях. Цензуре и ее органам необходимо было найти свое место в этой сложной и непонятной пока обстановке. Главлиту было поручено:

– совместно с соответствующими министерствами, ведомствами внести необходимые изменения в Перечень Главлита, исключив из него ограничения на опубликование: сведений политического характера, ответственность за публикацию которых возложена на руководителей средств массовой информации; отраслевых и ведомственных материалов, если их открытое опубликование не наносит ущерба оборонным и экономическим интересам нашей страны; сведений, легко получаемых потенциальным противником с помощью широко развитых технических средств разведки;

– сосредоточить внимание на вопросах, связанных с охраной государственных и военных тайн в печати, поскольку отбор произведений для публикации и ответственность за их идейно-политическое содержание возложены на руководителей органов печати, радио и телевидения, учреждений культуры и искусства;

– внести необходимые изменения и дополнения в Положение о Главлите СССР, вытекающие из его современных задач и функций[3].

Практика Главлита сводилась к выполнению следующих задач:

---

[3] РГАНИ. Ф. 5.Оп. 76. Д. 273. Л. 28.

1) «идеологически-политическое наблюдение и регулирование книжного рынка», контроль за журналистикой с помощью «идеологически-политического анализа отдельных видов литературы», статистический учет, разрешение и закрытие издательств и периодических изданий, утверждение их программы, издателей и редакторов, регулирование тиражей;

2) «предварительный и последующий просмотр литературы, который идет по линиям: а) идеологически-политической, б) сохранения экономической и военных тайн». Под этим подразумевалась предварительная и последующая идеологическая и политическая цензура, одновременно решающая и общие цензурные задачи по сохранению тайн государства;

3) Главлит изымал с книжного рынка, из обращения, библиотек вредную литературу, вышедшую как в до-, так и послереволюционные годы.

1966–1987 гг. можно назвать периодом «Благополучия и покоя», во время которого практически не менялась роль Главлита в политической системе государства. Период же 1987–1991 гг. можно охарактеризовать как период переломный, в процессе которого неоднократно в условиях развивающейся демократии и гласности предпринимались попытки реформирования Главлита вплоть до его окончательной ликвидации. Если разбираться по порядку, то несмотря на то, что уже к концу 1985 года зазвучали лозунги «перестройка», «гласность», цензура нисколько не ослабила свою хватки.

В феврале 1986 года усилилась компания гласности. Но кроме громкого провозглашения этого лозунга дело не двинулось. Е.К. Лигачев. (руководящий идеологией и пропагандой) не упускал возможности напомнить писателям и журналистам о «партийности». Однако демократические процессы провозглашенные перестройкой, укреплялись развивающейся законодательной базой. В июне 1990 г. Верховной Совет СССР принял Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Этот закон закрепил отсутствие какой бы то ни было предварительной цензуры. Но была создано другое управление, задачи которого мало чем отличались от задач Главлита – Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средств массовой информации (ГУОТ) при Совете министров СССР.

Несмотря на все эти попытки, принятый Российским Верховным Советом закон о СМИ привело к неизбежному распаду контролирующий системы. Всем это привело к тому, что 254 июля 1991 г. ГУОТ был преобразован в Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации при Министерстве информации и печати СССР. Все попытки восстановить прежний статус, вернуть полномочия и убедить общественность в значимости цензуры, увенчались неудачей.

О НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБ ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ВОВЛЕЧЕННОСТИ ИХ АВТОРОВ В ЕЕ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ

Волошун Полина Васильевна, к.и.н.
(Российский научно-исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова)

Личность последней российской императрицы Александры Федоровны Романовой по-прежнему остается неоднозначной и выступает в образах – остро негативном (распутница, преступница) и остро позитивном (святая страстотерпица). Такая тенденция сохраняется ввиду противоречивой оценки императрицы, оставленной современниками.

Суждения о распутстве Александры Федоровны, ее нетрадиционной ориентации, пособничеству немцам, оккультные практики и сектантство императрицы с одной стороны, и вера в ее святость с другой, – представляются одновременно истинными и ложными. Сравнение частных мнений выявляет их взаимоисключение, что позволяет авторам, в зависимости от их позиции (светской или церковной) исключать одни сведения и апеллировать к другим.

Данные противоречия не способствуют формированию истинного, исторически выверенного образа последней императрицы, поскольку, несмотря на работу на одном информационном поле, ни светскими, ни церковными исследователями не определена систематизация источников личного происхождения, что приводит к препятствиям в изучении других исторических личностей, в том числе представителей императорского дома Романовых.

Для решения данной исследовательской проблемы необходимо определить достоверность сведений на основании анализа вовлеченности их авторов в повседневную жизнь императрицы Александры Федоровны. А именно: классифицировать источники личного происхождения, выявить время и причины написания; рассмотреть родственное, социальное положение авторов, их личное отношение к императрице, непосредственное общение с ней, и тем самым определить их информированность.

В классификации источников личного происхождения, как наиболее достоверных, следует выделить письма и дневники, авторство которых принадлежит непосредственно самой императрице, как подлинный источник мыслей, чувств, намерений, планов, действий, и взаимоотношений.

Также достоверными источниками сведений представляются эго-документы членов семьи Александры Федоровны, а именно императора Николая II, великих князей и великих княгинь, великих княжон, вдовствующей императрицы. Однако, связь кровными узами с императрицей не гарантиру-

ет подлинности сведений о ней ввиду отсутствия ежедневного пребывания в ее обществе и во многом характера отношений как к невестке, свояченице, сестре, кузине, тете, и т.п. Несмотря на близкое родство с великой княгиней Елизаветой Федоровной, очевидно, что сестры были отдалены друг от друга не только территориально, но и эмоционально.

Что касается непосредственно участников повседневной жизни императрицы, а именно прислуживающих, приближенных лиц, к которым можно отнести фрейлин, гувернеров, сотрудников Дворцового лазарета в военные годы, – данная информация является отражением ежедневных переживаний Александры Федоровны очевидных ее окружению, а также их собственной пережитой повседневностью, что позволяет говорить о достаточно высокой степени достоверности. Воспоминания, написанные этими лицами, преимущественно вызваны слухами об императрице, и острой потребностью сказать правду (точнее, собственное видение).

Примечательно, что фрейлины испытывали неприязнь к Анне Вырубовой, которая была больше всех приближена к государыне, и относились к ней либо настороженно, либо откровенно враждебно. Что указывает на испытываемое ими чувство ревности. Несомненно, это подвергает сомнению объективность сведений фрейлин об императрице, которой они преданно служили; однако нельзя не согласиться с аргументом Ю. Ден: «На каждом шагу я слышу подобные отвратительные россказни, и при этом сплетники с сочувствием добавляют: “Но ведь вы любили Императрицу”. Да, это так. Но я еще и знала Императрицу»[1].

В следующую группу авторов можно отнести представителей более дальнего окружения императрицы Александры Федоровны, а именно воспоминания: В.В. Клейнмихель, княгини Ольги Палей, Т. Мельник-Боткиной, княгини М.С. Барятинской, Ю. Кантакузиной, князя В.М. Голицына, князя М.В. Голицына, княгини И.Д. Голицыной, Ф.Ф. Юсупова. Например, В.В. Клейнмихель не являлась непосредственно фрейлиной императрицы, однако ее золовка (сестра мужа) таковой была (С.И. Орбелиани), в то время как саму Веру Владимировну императрица лишь «знала в лицо». Информация от данного круга лиц является передачей слов через посредников, и не были переживаемы ими лично. Вероятно поэтому написаны они умеренно, без ярко-выраженных эмоций, и с некоторыми противоречиями, рожденными ввиду получения информации из вторых или третьих рук.

Далее следует рассматривать мнения лиц, чье сообщение с императорской четой было делопроизводственной необходимостью и частью рабочего процесса. Это деятели, или их окружение, чьи амбиции и ожидания сталкивались с семейными ценностями императрицы, и их собственное влияние на императора тормозилось. Сведениям от данной группы следует в большей степени доверять лишь тем, которые касались непосредственно рабочих вопросов, связанных с политикой и военными действиями, но в меньше степени – отзывам о частной жизни императорской семьи, анализе их личностей, о которых министры и дипломаты имели такое же представление, как и обыватели. Тем не менее, именно этот круг отличается особенной критичностью и категоричностью в оценке императрицы Александры Федоровны.

[1] *Ден Ю.* Подлинная царица. М., 2013. С. 100.

Таким образом, вырисовывается пять основных групп авторов, расставленных по принципу приближенности к императрице Александре Федоровне, что позволяет обозначить степень достоверности их свидетельств о ней.

Необходимо учитывать период написания источника, поскольку именно в военно-революционные годы кардинально менялись не только события, и устоявшийся уклад жизни, но и взгляды, их мнения и отношение к окружающей действительности.

Одним из таких примеров служит дневник В.И. Чеботаревой, вышедший в двух частях[2]. Сравнение этих частей одного и того же источника демонстрирует кардинальную перемену автора в отношении к императрице Александре Федоровне под давлением революционных событий. В первой части В. Чеботарева писала о государыне: «Эта благородная, чудная женщина»[3], и позже: «Все-таки она ужасный виновник всех бед родной земли. Она погубила и всю семью, несчастная, больная душой, больная мистицизмом и гордыней»[4]. Следует отметить, что изменилось не только отношение к императрице на страницах дневника, автор которого переживала ужасы и лишения повседневной жизни в дни революции, но в целом было переосмысление себя, своей жизни, мировоззрения. То же самое изменение происходит в дневнике великого князя Андрея Владимировича, однако его взгляды на императрицу меняются в обратную сторону, от настороженности и недоверия к ней до понимания и принятия[5].

Дневники представляются наиболее достоверными, поскольку, в отличие от корреспонденции, они написаны для себя, то есть искренни и эмоциональны, не содержат подтекстов, и, по сравнению с мемуарами, написанными спустя годы после трагических событий и с определенной целью (заработка, обелить имя усопших, придать значимость своей персоне в обществе), то есть написанные под конкретного читателя, – выигрывают бесстрастностью автора перед критикой, и отличаются наибольшей значимостью сведений для исследования.

Систематизация источников с целью определения степени достоверности на основании данных о вовлеченности авторов в повседневную жизнь личности снимает исследовательское напряжение и позволяет избежать идеологической составляющей в оценке и характеристике императрицы Александры Федоровны Романовой.

---

[2] *Чеботарева В.И.* В дворцовом лазарете в Царском селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918 / Новый журнал. Кн. 181. Нью-Йорк, 1990. Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918 / Новый журнал. Кн. 182. Нью-Йорк, 1991.

[3] *Чеботарева В.И.* Указ. соч. Кн. 181. С. 175.

[4] *Чеботарева В.И.* Указ. соч. Кн. 182. С. 235.

[5] Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. Ленинград, 1925. С. 82–83.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Ф. НИЦШЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Вуколов Александр Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Выдающийся немецкий мыслитель Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900 гг.), получивший за свой образ жизни поэтичное прозвище «базельский отшельник», является создателем поистине уникального философского учения, которое оказало сильнейшее влияние на развитие всей последующей западноевропейской мысли (М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.), а также нашло интеллектуальный отклик и в нашей стране (Л.И. Шестов, В.И. Иванов и др.).

Отличительной чертой наследия Ницше можно назвать его ярко выраженную бессистемность, обусловливающую неоднозначность его восприятия. Как указывает Б.В. Марков, «парадокс состоит в том, что все написанное им сохранилось, но от этого проблем с интерпретацией его наследия, кажется, не меньше, чем, если бы его рукописи отсутствовали»[1]. Всё дело в том, что самобытный философ, затрагивавший в своих работах многочисленные аспекты человеческой жизни: от теории познания до критики христианства, – имел обыкновение излагать свои мысли в форме афоризмов, которые порой допускают сразу несколько трактовок, одновременно претендующих на истинность.

Разумеется, «базельский отшельник» не мог обойти в своём творчестве и социально-политическую проблематику общества в её исторической динамике. Подобные рассуждения мыслителя всегда приковывали к себе интерес со стороны специалистов, подогреваемый тем обстоятельством, что Ницше не был сугубо политическим философом: его идеи, касающиеся сферы политики, как правило, слиты в одно целое с общим, далеко не политическим контекстом того или иного произведения. По этой причине исследователи зачастую прибегают к методу реконструкции, с тем, чтобы составить некое целостное представление о воззрениях Ницше относительно определённого политического феномена, несмотря на то, что посвящённые ему пассажи могут находиться в разных сочинениях. Упомянутый исследовательский приём будет использован и в данном докладе с целью предпринять попытку выявить и проанализировать взгляды философа на один из важнейших общественных институтов – государство.

Ключевой в понимании всей ницшеанской концепции государства выступает небольшая работа под названием «Греческое государство», являющаяся предисловием к незаконченной книге. В ней мыслитель определяет сущность и назначение этой политической организации. Согласно Ницше, государство

[1] *Марков Б.В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб., 2005.

возникает как мощная конституирующая сила, призванная оформить полноценное общество и простимулировать развитие в нём культуры. Иными словами, государство есть «железные тиски, которые насильственно создают социальный процесс»[2]. Первостепенную роль в его становлении играет фактор войны, приводящий к образованию военных каст, фундирующих новый общественный строй, который обязательно предполагает наличие людей, готовых к безусловному подчинению. Таким образом, квинтэссенцией данного этапа является «рождение военного гения»[3], вокруг которого объединяются множество обычных воителей на правах орудий его боевой деятельности.

В чём же кроется магистральная цель государства? По убеждению философа, она заключается в «рождении того привилегированного культурного человека, в службе которому должно исчахнуть все остальное»[4]. Её достижение происходит за счёт «химического разделения общества и его новой пирамидальной перестройки»[5], в результате чего наверху социальной иерархии оказываются подлинные творцы высшей культуры, а нижний уровень, в свою очередь, заполняется рабами.

В подобной модели древнегреческого государства угадываются некоторые черты социально-политического идеала самого Ницше. Поскольку философ «хотел оценивать политику по тому, что для политики не может быть обязательным, по тому, что может приниматься в качестве обязательного только для культуры»[6], то для него представляется образцовым такое общество, чья социальная структура будет всецело благоприятствовать прогрессу искусств: «каста работающих и каста праздных, способных к истинному досугу; или, выражаясь сильнее: каста принудительного труда и каста свободного труда»[7]. Представители последней касты наиболее предрасположены к возвышенным чувствам и тончайшим психологическим переживаниям (страданиям), что и наделяет их способностью творить культуру, в то время как «тяжелый труд и жизненная нужда должны будут выпадать на долю тех, кто менее всего страдает от этого, т.е. на долю самых тупых людей»[8].

Антиподом аристократического идеала Ницше предстаёт современное демократическое государство, которое философ устами Заратустры метафорически нарекает «самым холодным из всех холодных чудовищ»[9]. В своей речи Заратустра патетически призывает людей отвергнуть этот лживый и дурной

---

[2] *Ницше Ф.* Греческое государство // Полное собрание сочинений: В 13 т. / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2012. Т. 1/1. С. 282.

[3] Там же. С. 284.

[4] Там же. С. 279.

[5] Там же. С. 280.

[6] *Оттман Х.* Фридрих Ницше и его политика // Ницше и современная западная мысль: Сб. статей / Под ред. В. Каплуна. СПб.; М., 2003.

[7] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Сочинения в 2-х томах. М., 1990. Т. 1. С. 431.

[8] Там же. С. 440.

[9] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения в 2-х томах. М., 1990. Т. 2. С. 35.

идол, побуждает смотреть «туда, где кончается государство»[10], ибо там начинается путь к сверхчеловеку.

В произведении «Человеческое, слишком человеческое» мыслитель формулирует чрезвычайно важный тезис: демократия есть «историческая форма падения государства»[11]. Остановимся на нём подробнее.

Данная мысль содержится в конце афоризма 472, в котором Ницше рисует картину демократизации правительства и параллельно с ней происходящего упадка религии, некогда служившей моральной опорой для государства в его отношениях с людьми. С ослаблением в народе религиозной веры правительственный авторитет постепенно размывается, чему также способствуют политиканы, стремящиеся во власть из меркантильных интересов и тем самым ещё больше дискредитирующие её. В ситуации полного властного произвола доверие к политике окончательно утрачивается, что впоследствии может привести к неслыханному – «к отмене понятия государства, к устранению противоположности между «частным» и «публичным»»[12]. Между тем, упразднение государства, по мнению Ницше, вовсе не предвещает катастрофу – наоборот, рациональность людей позволит им установить иную форму общежития, превосходящую по своим достоинствам канувший в Лету политический институт.

Несмотря на весьма радикальный сценарий возможного развития политических событий, Ницше не следует причислять к анархистам: немецкий философ отнюдь не выступает за насильственное уничтожение государства, а, наоборот, питает надежду, что оно «теперь еще устоит добрый промежуток времени»[13]. Кроме того, Ницше вообще довольно критически относится к революции, утверждая, что она «хотя и может быть источником силы в ослабевшем человечестве, но никогда не бывает гармонизатором, строителем, художником, завершителем человеческой природы»[14]. Следовательно, силовая ломка имеющихся институтов общества, по Ницше, никогда не несёт в себе конструктивного начала.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что Ф. Ницше считал государство «мудрой организацией для взаимной защиты личностей»[15]. Мыслитель не ставил под сомнение саму необходимость его существования, однако был убеждённым противником «упаднической» формы государства в лице современной ему демократии, где пребывающее у власти посредственное большинство не способно создавать творения по-настоящему высокой культуры.

---

[10] Там же. С. 37.

[11] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Сочинения в 2-х томах. М., 1990. Т. 1. С. 445.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 446.

[14] Там же. С. 440.

[15] Там же. С. 365.

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ (1990–2000-е гг.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Гарифуллин Артур Тахирович
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Актуальность исследования проблем возникновения, разработки и реализации государственной молодежной политики определяется, прежде всего, местом, занимаемым молодежью, и ее значимостью в современном социуме. Участие молодежи в социально-политической жизни Татарстана остается одной из важнейших проблем современного общества, что связано с социальной ролью, которую молодежь объективно играет в социально-политических отношениях. Направленность ее интеграции в те, или иные общественно-политические структуры, устойчивость идентификаций с ними, характер политических представлений является фактором формирования солидарных отношений в обществе и сохранения его целостности и безопасности.

Согласно данным мониторинга Росмолодежи по объемам финансирования в субъектах Российской Федерации на поддержку общественных объединений, республика Татарстан относится к числу регионов с наибольшим объемом финансирования общественных объединений молодежи, занимая по РФ в целом второе место после Приморского края[1].

Для Татарстана – как региона, ставящего масштабные и амбициозные задачи, очевидна необходимость и важность максимальной включенности молодежи в ход основных процессов политического развития, укрепление прочности демократических институтов, ускорение экономического роста, внедрение инновационных технологий, реализацию социально значимых инициатив. Это находит свое выражение в стержневых федеральных и республиканских нормативных правовых актах и программах, в первую очередь, в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года.

Построение эффективной молодежной политики республики Татарстан невозможно без учета опыта последних десятилетий, а именно – 1990-х и нулевых годов. В свою очередь, последнее требует изучения историографии по исследуемой тематике.

Таким образом, цель настоящей статьи – охарактеризовать современное состояние изученности проблемы становления молодежного движения в Та-

[1] *Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Монография. М., 2016.

тарстане в 90-е и нулевые годы и обозначить проблемы и перспективы исследований в данном направлении.

Прежде всего, что касается историографии изучаемого вопроса, следует отметить, что комплекс историко-политической и историко-социологической литературы по исследуемому периоду и региону продолжает находиться в стадии формирования.

В настоящей статье сделан акцент на историографии молодежного движения, охватывающей монографии и диссертации по рассматриваемой проблематике.

Современные исследователи отмечают значительный вклад в теорию молодежной политики таких известных отечественных ученых, как И.М. Ильинский[2], Вал.А. Луков[3], А.А. Королев[4], В.К. Криворученко[5], Б.А. Ручкин[6], а также В.А. Родионов[7]. Эти исследователи, в целом оценивая советскую молодежную политику позитивно, критически переосмыслили прежний опыт советского государства по работе с молодежью. Именно труды этих ученых положили начало историографии, посвященной реализации государственной молодежной политики в нашей стране.

Что касается Татарстана, здесь государственная молодежная политика в рассматриваемый период проводилась достаточно последовательно, ее становление относится к 1993 году, когда был принят важнейший в данной сфере Закон от 19 октября 1993 года № 1983-XII «О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан». В рамках реализации указанного Закона вскоре произошло создание специальной структуры республиканского уровня – Государственного комитета Республики Татарстан по делам детей и молодежи, затем – образование Министерства по делам детей и молодежи, впоследствии проделана значительная работа в части развития соответствующей нормативно-правовой базы, начата реализация ряда специальных тематических государственных программ «Молодежь России», «Молодежь Татарстана» и др.

В 1990-е годы с дальнейшим развитием суверенизации регионов и распадом Советского Союза происходит и изменение историографической ситуации в сторону усиления регионализации исследований, что касается и республики Татарстан.

---

[2] *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М., 2001 и др.

[3] *Луков В.А.* Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М., 2012 и др.

[4] *Королев А.А.* Политика КПСС по координации деятельности государственных и общественных организаций по коммунистическому воспитанию молодежи (вторая половина 60-х – 80-е гг.). Дисс. д-ра ист. наук. М., 1990.

[5] *Криворученко В.К.* Комсомол в советском обществе. М., 1986 и др.

[6] *Ручкин Б.А.* Деятельность ВЛКСМ по привлечению молодежи к реализации экономической политики КПСС в 70–80-е годы. Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 1989; Ручкин Б.А., Гришина Е.А., Серикова Н.А. Российская молодежь: десять главных проблем. М., 1999 и др.

[7] *Родионов В.А.* Теория и политика советского государства и общества в отношении молодого поколения и юношеского движения. 1917–1941 гг.: диссертация д-ра ист. наук. М., 1998 и др.

Источниковой основой для исследований молодежного движения в Татарстане в 90-е и нулевые годы стал широкий круг разнообразных опубликованных и архивных источников. Это, в первую очередь, документы из фондов таких архивов, как Центральный государственный архив историко-политической документации РТ, Национальный архив Республики Татарстан, отдел хранения документальных источников, принадлежащий фондовому хранилищу республиканского Национального музея, а также некоторые текущие архивы, которые ведут организации и учреждения Татарстана.

Вторую группу источников по тематике молодежного движения образуют документы, которые хранят в следующих фондах: текущие архивы ГосСовета Республики Татарстан, архивы Министерства по делам молодежи, спорта и туризма РТ, архивы Центризбиркома Татарстана (ТА ЦИК РТ), архивы, принадлежащие Информационному центру МВД Республики Татарстан, а также Военному комиссариату РТ.

Третья группа источников, служащих для изучения различных вопросов общественно-политической обстановки в Татарстане, характеризующих основные направления и особенности государственной молодежной политики в республике – представлена материалами фондов, принадлежащих: Президиуму Верховного Совета ТАССР, Татарскому республиканскому комитета КПСС, Президиуму ГосСовета Татарстана, а также документы, находящиеся в Текущем архиве Министерства по делам молодежи, спорту и туризму Татарстана.

Источниковую базу, служащую анализу процессов, которые характеризуют политические предпочтения и установки молодежи, а также поведенческие и иные проявления политического сознания молодежи образуют материалы фондов таких организаций, как Татарский республиканский комитет ВЛКСМ, редакция периодического издания «Комсомолец Татарии», Татарский республиканский комитет КПСС и комитет ВЛКСМ, Татарский общественный центр, партия «Иттифак», Текущие архивы Информационного центра Министерства внутренних дел Татарстана, республиканская Центральная избирательная комиссия.

Четвертую группу источников образует большой массив источников статистики. В него входят, в частности, опубликованные и отложившиеся в хранилищах архивов табличные данные статучета по широкому спектру показателей, которые проводят различные учреждения и организации – в отношении численности, возрастно-полового состава и движения населения в РТ, различных социально-экономических показателей, состава партийных и комсомольских местных организаций и т.д. Указанные документы отражают, как изменялась социально-демографическая динамика, трансформацию положения молодежи и особенности развития инфраструктуры (а именно – молодежных объектов) в Татарстане, характеризуют динамику объективных изменений в историческом фоне развития и политическом сознании молодежи.

Пятая группа источников, становящихся базой для исследований молодежного движения в Татарстане в обозначенный период, образована материалами разнообразных социологических исследований, проводившихся в республике в 90-е – нулевые годы, в том числе: социологические исследования, которые проводили в России в целом и в РТ в том числе в 1990-х гг. крупные исследовательские российские центры (представленные ВЦИОМом, РОМИРом, Российским независимым институтом социальных и национальных

проблем и др.); а также непосредственно результаты исследований, которые проводили социологические службы, действовавшие при Правительстве РТ и другие социологические организации Татарстана. Этот источник ценен, поскольку социологические опросы являются наиболее действенным инструментом «обратной связи», позволяющим получать информацию непосредственно от молодежи, касающуюся ее проблем, забот, воззрений и позволяющую оценить эффективность предпринимаемых мер со стороны государства по решению указанных проблем.

Большая группа научной литературы представляет результаты теоретических и прикладных исследований, опросов общественного мнения в республике по различным вопросам жизни молодежи. Так, коллективная монография Р.М. Мухаметшина, Я.З. Гарипова, Р.В. Нуруллина «Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация»[8] (2012 г.) посвящена анализу особенностей социализации и процесса становления идентичности мусульманской молодежи в Республике Татарстан. Исследование, проведенное авторами, охватывает и период 90-х – нулевых годов. Анализ по поставленным авторами проблемам был проведен на основе результатов и выводов всероссийских социологических исследований, охвативших молодежь Республики Татарстан; на базе вторичного анализа их данных, а также по результатам собственного эмпирического исследования.

Проведенный нами историографический анализ литературы по вопросу становления молодежного движения в Татарстане в 90-е и нулевые годы нами проблематике позволяет сделать следующие выводы.

В результате нашего исследования литературы по обозначенным направлениям темы научной работы нами были сделаны выводы о том, что дискуссионными остаются вопросы о времени возникновения молодежной политики, об элементах ее структуры на различных этапах развития российской государственности, а также выделение позитивных и негативных параметров исследования молодежной политики как объекта изучения.

Итак, общий анализ сложившейся историографии изучаемой проблемы позволил нам заключить, что вплоть до настоящего времени история формирования государственной молодежной политики республики Татарстан в 1990-х – нулевых годах еще не стала предметом специального комплексного исследования, охватывающего в равной степени как историю молодежного движения в указанный период, так и становление и развитие государственной молодежной политики республики, ее нормативно-правовой базы, системы органов, реализующих ее в практике государственного и социального управления. Молодежное движение в Татарстане изучалось специалистами различных отраслей науки, однако системный подход присутствует лишь в некоторых исследованиях проблемы. Таким образом, можно говорить о наличии пробелов в изучении становления молодежного движения в Татарстане в 90-е и нулевые годы и актуальности данного вопроса для последующей научной разработки.

---

[8] *Мухаметшин Р.М., Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В.* Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация. М., 2012. 150 с.

ШАХМАТЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Герасимов Иван Сергеевич
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Возникновение шахматного движения в конкретный исторический момент, как и любое другое социально-историческое явление, обусловлено целым рядом определённых объективных причин и является звеном в цепочке причинно-следственных связей.

Уже во 2-й половине XVIII – первой половине XIX в. шахматы были достаточно распространены в Казани и Казанской губернии. В библиотеке Казанского университета отложилась достаточно обширная специальная шахматная литература на иностранных языках, относящаяся к этому времени. Наиболее старым обнаруженным изданием является французская книга небольшого формата, вышедшая в 1752 г. Она представляет собой 2-й том трёхтомной «Самой новой универсальной академии игр или невинных развлечений, содержащей правила разрешённых игр». В нём представлены разделы, посвящённые различным салонным играм: картам, бильярду, триктраку (нарды). Однако, больше половины тома – с 185 по 392 страницы – занимает раздел «Le royal jeu des Echess» – «Королевская игра в шахматы»[1].

Следующая обнаруженная книга датирована 1797 г. и написана на немецком языке – «Обучение игре в шахматы в обществе любителей. С добавлением 100 партий Филиппа Стаммы»[2]. Это уже специализированное издание, рассчитанное на людей с определённым уровнем подготовки, так как Ф. Стамма был крупным английским шахматистом и шахматным композитором арабского происхождения первой половины 18 в., автором книг по теории шахмат и одним из изобретателей алгебраической шахматной нотации.

Получил распространение в Казани и первый шахматный русскоязычный учебник, написанный А.Д. Петровым[3]. Наличие подобной литературы убе-

[1] La Plus Nouvelle Academie Universelle Des Jeux, Ou Divertissemens Innocens, Contenant Les Regles Des Jeux de Cartes Permis: du billard, du mail, de la courte-paume, de la longue-paume, du trictrac, du revertier, du tout-table, du tourne-case, des dames rabattues, du plain, du toc et des echecs. Amsterdam et Leipzig, chez Arkstée et Merkus, 1752.

[2] Unterricht im Schachspiele: von einer Gesellschaft von Liebhabern. Berlin-Leipzig: K.U. Nicolai, Sohn, 1797.

[3] *Петров А.Д.* Шахматная игра, приведённая в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечание на оные. Ч. 1–2. СПб., 1824.

дительно свидетельствует о том, что уже в конце XVIII – первой половине XIX в. в Казани имелся круг людей, специально интересовавшихся теорией шахмат на достаточно высоком уровне. Это подтверждается тем, что вышеназванными книгами достаточно активно пользовались: их листы разрезаны, на страницах имеются карандашные пометки и пр.

Р. Кильматов отмечал, что в 1-й половине XIX в. шахматистов в Казани было немного, а шахматная жизнь протекала на частных квартирах, реже в салонах или ресторанах. Любители собирались в домах высокопоставленных лиц на «шахматные вечера», куда вход был строго ограничен[4]. Относительно данного времени имеются лишь отдельные отрывочные сведения о шахматной жизни города, которые, тем не менее, позволяют говорить о достаточно широкой популярности шахмат. Так, известно, например, что 7 сентября 1833 г. шахматную партию сыграли посетивший Казань А.С. Пушкин и Э.П. Перцев, у которого Пушкин остановился[5]. Э. Перцев был писателем, драматургом, публицистом, по словам биографа – «первым двигателем умственной общественной жизни» города[6]. Таким образом, шахматы имели популярность среди местных литераторов.

Большим любителем игры в шахматы являлся выдающийся геометр, ректор Казанского императорского университета в 1827–1846 гг. Н.И. Лобачевский, считавший что «теория шахматной игры сродни математике»[7]. Во время светских приёмов у него дома он предпочитал шахматы карточным играм. Его постоянным партнёром по игре был близкий друг, профессор, заведующий кафедрой турецко-татарского языка в университете Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) Казем-Бек.

В казанский период жизни уделял большое внимание шахматам Л.Н. Толстой. В дневнике, который он начал вести именно в период обучения в Казанском университете (1844–1847 гг.), встречаются его первые упоминания о шахматах в жизни. В шахматы хорошо играл его старший брат – Н.Н. Толстой, также учившийся в Казанском университете в 1841–1844 гг. и, по всей видимости, научивший игре младшего брата. Также в этот период Л.Н. Толстой увлекался творчеством и идеями французского философа Ж.Ж. Руссо, который кроме прочего был активным шахматистом, имел знакомство с Филидором и высоко оценивал значение шахмат. Вероятно, всё это повлияло на увлечение шахматами Толстого. Судя по записям в «Журнале ежедневных занятий», Толстой в течение марта и апреля 1847 г. регулярно, почти каждый день посвящал занятиям шахматами до трёх часов. Он видел в занятиях шахматами средство развития умственных способностей, воображения, способ заставить «постоянно ум твой действовать со всею возможною силою»[8].

В дневнике от 7 апреля 1847 года им была сделана следующая запись: «Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю ...окончить

---

[4] *Кильматов Р.Ф.* Казань шахматная. Казань, 1988. С. 5.

[5] *Хасанов М.* Очерки истории шахмат в Татарии. Казань, 2014. С. 15.

[6] *Сидорова М.М.* Перцов Эраст Петрович // Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань, 2008. Т. 4. С. 609.

[7] *Колесников М.С.* Лобачевский. М., 1965. С. 34.

[8] Цит. по: *Линдер И.* Толстой и шахматы. М., 1960. С. 10.

правила внутреннего образования и отыграть потерянное Лиле в шахматы»[9]. Из этой записи можно сделать вывод, что в шахматы, причём достаточно хорошо, в Казани играли, в том числе, и женщины. Фамилия шахматной партнерши Толстого точно не установлена. Исследователи предполагают, что ею являлась Е.М. Молоствова, с семьёй которой Толстой был близко знаком в Казани[10].

В пользу широкой популярности шахмат в Казани свидетельствует то, что уже в конце 1-й половины 19 в. была предпринята попытка создания организации, где бы на постоянной основе играли, в том числе, и в шахматы. В 1847 г. было подано прошение о разрешении на открытие в Казани «Клуба (Собрания) купечества и иностранцев», одной из уставных целей которого было «приличное препровождение свободного времени позволительными играми в карты, бильярд, шахматы и др.»[11]

Подписали прошение 50 человек, в число которых входили крупные купцы и общественные деятели А. и Г. Унженины, купец первой гильдии, торговец и фабрикант А. Месетников, татарские предприниматели И. Аппаков, И. Юнусов, А. Юнусов, И.-Г. Юнусов, Я. Ишимов, а также насчитывалось около 30 лиц иностранного происхождения[12]. Данный факт свидетельствует о том, что шахматы были достаточно популярны не только среди дворянства и интеллигенции, но и среди купеческо-предпринимательских слоёв. Устав был благополучно утверждён в департаменте полиции МВД, но по каким-то причинам эта организация не начала действовать.

Позднее, в других сословных организациях шахматы также практиковались. §65 Устава Благородного собрания (клуба при Дворянском собрании, функционировавшего с начала 19 в.) в г. Казани, принятого в 1867 г., гласил: «Кроме карточных игр и билиарда дозволяются в собрании шахматная и другие, не воспрещённые игры»[13]. В Уставе Купеческого собрания, возобновлённом в 1873 г. (данная редакция Устава была утверждена в 1869 г., само собрание (Купеческий клуб) функционировало с 1861 г.[14]), уже в §1 говорилось: «Казанское Купеческое собрание имеет целью сближение членов Общества для полезного и приятного препровождения времени, заключающегося в обмене мыслей и коммерческих сведений, чтении газет, журналов и книг, в дозволенных играх в карты, шахматы, домино и на биллиарде; сверх сего с тою же целью в Собрании бывают: чтение публичных лекций, литературные, музыкальные, танцевальные, семейные и другие вечера, маскарады и обеды»[15]. В то же время, стоит заметить, что шахматы в данных случаях рассматривались лишь как одна из настольных игр, форма интересного «препровождения времени», т.е. развлечения, а не спортивных занятий.

---

[9] Цит. по: *Коган М.С.* Очерки по истории шахмат в СССР. М., 1938. С. 324.

[10] Там же. С. 386.

[11] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 573. Л. 4.

[12] Там же. Л. 6–8.

[13] Устав Благородного собрания в г. Казани. Казань, 1890. С. 24.

[14] Купеческий клуб // Татарская энциклопедия. Т. 3. С. 525.

[15] Устав Купеческаго собрания в Казани, возобновленный в 1873 году. Казань, 1910. С. 3.

В тоже время, шахматы продолжали развиваться, достаточно активно и успешно, и вне рамок этих сословных досуговых организаций. Появляются люди, посвящавшие время систематическим занятиям шахматам, изучению шахматной теории.

Таким образом, развитие шахматной жизни в XIX в. в Казани протекало в основном в русле таких же тенденций и форм, которые сложились в столицах и других городах страны. Первоначально шахматисты собирались на частных квартирах в виде «шахматных вечеров», в ресторанах, в рамках сословных общественных организаций. Развитие шахмат, объединяющих в себе элементы спорта, искусства и науки, всегда было неразрывно связано с уровнем культуры общества. Шахматы, как игра, были уделом, в первую очередь, образованных людей. Поэтому, особой популярностью шахматы пользовались среди преподавателей и студентов Казанского университета. Рост популярности шахмат привёл в итоге к формированию неофициального шахматного кружка.

Всё это свидетельствует о том, что и в Казани сложились все предпосылки для возникновения организованного шахматного движения на основе общественной инициативы и самодеятельности.

МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ 1930-х гг.

Голбин Артем Юрьевич
(Историко-архивный институт РГГУ)

С первых лет своего существования советская власть уделяла значительное внимание искусству, видя в нем мощный инструмент воздействия на народные массы. Особенно это касалось пропагандистской составляющей искусства – руководство СССР использовало все многообразие имеющихся средств агитации и художественных образов для того, чтобы вложить в головы населения «нужные идеи». По выражению В.И. Ленина искусство «...должно объединять чувство, мысль и волю народных масс, подымать их»[1].

Поворотной точкой в истории советского искусства можно считать постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.04.1932 «О перестройке литературно-художественных организаций»[2], провозгласивший ликвидацию различных творческих организаций и создание системы союзов: писателей, композиторов, художников и т.д. Основным, и, по сути, единственным разрешенным методом художественной выразительности становится социалистический реализм, провозглашавший «исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии»[3].

Эта концепция была верна для описания и изображения «современности» (1930-х гг.), а также для художественного переосмысления исторических событий. Важнейшее место в советской художественной культуре и пропаганде занимает образ Октябрьской революции и гражданской войны.

В соответствии с марксистской концепцией, революция мыслится советскими идеологами не просто сменой государственного строя и общественного устройства, но началом новой эпохи в истории человечества. Этой идее вполне соответствует задача «Выковать новых людей», озвученная И.В. Сталиным[4]. Революция и приход к власти большевиков в данном случае является «нулевой точкой отчёта» и советской руководство всячески старается подчеркнуть значимость данного события, в том числе посредством художественной культуры.

---

[1] *Клара Цеткин*. Воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1976. С. 15.

[2] Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.

[3] Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы. М., 1985. Ч. 1. С. 142.

[4] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 66–77.

Уровень культуры основной части населения СССР, несмотря на отдельные успехи в ликвидации безграмотности, оставался невысоким, в стране преобладала т.н. традиционная, крестьянская культура[5].

Это ставило перед советским руководством задачи «перековки» людей, выросших при старом режиме, а также прививания «нужных» идей подрастающим поколениям, воспитания идейных и лояльных советскому строю граждан. Подобная ситуация предопределяла основные формы и принципы пропаганды при работе с населением, ими были: наглядность, доступность (простота), массовость и прямые формы общения с людьми.

Идеологизации подвергаются практически все сферы жизни населения – работа, досуг, наука и культура, при этом многие средства воздействия на общественное мнения применяются в СССР впервые, впоследствии они станут «эталоном» тоталитарной пропаганды[6].

Согласно марксисткой концепции общественно-экономических формаций, революция является своеобразной формой перехода к новому строю. Руководство СССР использует данную теорию для того, чтобы поставить советскую государственность на исторический фундамент. В художественной культуре и пропаганде это выражается в создании исторических романов («Петр Первый» А.Н. Толстого, пьеса «Кабала святош» М.А. Булгакова и др.) и кинофильмов («Петр Первый», Ленфильм 1937 г., «Александр Невский», Мосфильм 1938 г.). Таким образом, пропагандируется закономерность, неизбежность и необходимость революции.

Образ революции – отправной точки «нового мира», образы её вождей и рядовых участников идеализируются. При этом особо подчеркивается народный характер революции, её движущая сила – рабочий класс, крестьянство, солдаты. Рабочий Василий, помогающий В.И. Ленину выбраться с оцепленного жандармами вокзала в фильме М. Ромма «Ленин в октябре» (1937 г.), солдаты и матросы захватывающие Зимний дворец в фильме С. Эйзенштейна «Октябрь» (1927 г.) – эти и другие образы позволяют зрителю ассоциировать себя с героями, почувствовать причастность к делу революции. Советская пропаганда подчеркивает интернациональный характер революции, противопоставляя всеобщее равенство и братство, ограничению прав отдельных национальностей в Российской империи.

Революционные события, демонстрируемые на киноэкранах и описываемые в книгах, отчасти, документальны или основаны на реальных событиях, так культовый фильм «Чапаев» (1934 г.) повествует о боях за город Любищенск[7]; для «рассказа о революции» в техникумы, клубы, парки культуры приглашаются ветераны Гражданской войны[8]. Однако проблемные вопросы о поражениях красной армии, крестьянских восстаниях, «красном терроре» фактически не затрагиваются, факты и события зачастую искажаются в целях создания позитивного образа большевиков и их сторонников[9].

---

[5] *Кухер К.* Культура досуга в сталинскую эпоху. М., 2012. С. 69–70.

[6] *Taylor P.M.* Munitions of the mind. A history of propaganda from the ancient world to the present day. Manchester; New York, 1995. С. 231.

[7] *Долинский И.Л.* История советского кино. 1917–1967. В 4 т. Т. 2. 1931–1941. М., 1973. С. 102–121.

[8] *Хазин Е.* Отдых миллионов. М., 1932. С. 42.

[9] 1917–1987: Unsuccessful and Tragic Attempt to Create a “New Man” [Элек-

Особенно ярко пропаганда выделяла контраст между «старым» (дореволюционным) и «новым» (советским) государством. Наглядный пример – выставка в Центральном Парке культуры и отдыха им. М. Горького в 1935 г., когда снятые с Кремлевских башен облезлые и ржавые двуглавые орлы соседствовали с яркими и блестящими красными звездами, которые впоследствии установили на башни[10].

Подобный контраст можно было увидеть при проведении праздников, парадов и других массовых мероприятий, где народному герою-революционеру противопоставлялись гротескно-вычурные образы представителей «буржуазных классов».

Противников революции – «реакционные классы» (дворянство, духовенство, буржуазия, казачество),сторонников белого движения в ходе исторических реконструкций, праздников и парадов[11], на киноэкранах, агитационных плакатах[12] страницах литературных произведений демонстрируют исключительно в негативных тонах. Советская пропаганда подчеркивает их оторванность от общества, противопоставляет «правящая меньшинство» «угнетенному большинству». Их образы невежественные, порочные и отталкивающие – тучные священнослужители, «тёмные», жестокие казаки, самодовольные твердолобые чиновники, глупые высокомерные дворяне, оторванные от реальности интеллигенты[13]. Подобные изображения должны были вызвать у зрителя непонимание и отторжение, а также показать естественность и необходимость революции, продемонстрировать триумф победы разумного начала на темнотой и невежеством.

Идеологизация культуры, создание сакрального, идеализированного образа революции, отторжение «старого мира», разделение общества на «своих» и «чужих», создание лояльных режиму граждан, путем прививания им «революционных», а зачастую мифических нужных государству ценностей посредством художественной культуры – характерная особенность внутренней политики Советского Союза в 1930-е гг. Перемены пропагандистского курса наступают только в условиях внешней угрозы – с началом Великой Отечественной войны.

тронный ресурс] Orthodox America cop. 2009. Режим доступа: http://www.roca.org/OA/76-77/76f.htm, свободный.

[10] *Доможиров Г.* Первые звёзды Кремля // Куранты. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 54–58.

[11] *Хазин Е.* Отдых миллионов, М., 1932. С. 34.

[12] Печать СССР за сорок лет, 1917–1957: статистические материалы / Отв. ред. Ю.И. Масанов. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. С. 139.

[13] *Хазин Е.* Отдых миллионов. М., 1932. С. 37–38.

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА СССР В 1930-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЖСКИХ ПАРОХОДСТВ)

Гоманенко Олеся Александровна, к.и.н.
(Волгоградский государственный университет)

Накануне Великой Отечественной войны в СССР достаточно остро стояла проблема обеспечения речного флота квалифицированными кадрами. На протяжении 1930-х гг. специалисты для водного транспорта готовились в небольшом количестве. Из 69 начальников крупнейших портов и пристаней страны к 1940 г. только шестеро имели высшее образование[14]. Однако не хватало и неквалифицированной рабочей силы (особенно грузчиков).

В это время высока была текучесть кадров по причине сезонного характера работы речного транспорта. Текучесть рядового состава флота и берега волжских пароходств доходила до 80% годового приема. Не хватало квалифицированных специалистов. Треть речников не имела документов на занятие командных должностей[15]. Это были люди с большим практическим опытом, долголетней работой на водном транспорте, но без специального технического образования.

Для обучения водников в волжских пароходствах под руководством областных комитетов ВКП(б) создавалась система подготовки квалифицированных специалистов. Были организованы отделения стажистов при речных техникумах Горького, Куйбышева, Сталинграда и Астрахани, а также школы командного состава. На отделения стажистов пароходства направляли лучших практиков-судоводителей и механиков. Занятия проводились в межнавигационный период в течение пяти лет. Помимо этого, на централизованных курсах при Наркомате речного флота (НКРФ) обучались практики и заочники. Непосредственно в пароходствах организованы были курсы для руководящих работников[16].

В школах комсостава при пароходствах велась переподготовка руководящих кадров флота. Занятия проводились круглогодично в течение 8–16 месяцев и были направлены на обучение более узких специалистов для работы на речной транспорта. Такие школы не могли одновременно готовить большое количество речников. Увеличение численности обучаемых привело

[14] Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 142.

[15] Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113. Оп. 11. Д. 144. Л. 87.

[16] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 7. Д. 3. Л. 22; Государственный архив астраханской области. Ф. 151. Оп. 1. Д. 903. Л. 80.

бы к оголению флота. В свою очередь Управления пароходств рассматривали пути расширения объемов работы школ командного состава, так как это было основным способом получения соответствующего образования, как для практиков на флоте, так и на берегу. Этот вид обучения давал возможность сдать экзамен Государственной квалификационной комиссии и получить диплом с правом управления судном.

Проверка знаний у речников Государственной квалификационной комиссией позволяла получить более полные сведения не только о профессиональном уровне, а также о характере использования, расстановки специалистов по пароходству. Сохранялось такое положение, когда на двух инженеров-производственников приходилось три инженера-руководителя. Волжские пароходства были неравномерно насыщено специалистами. Большую часть со специальным высшим образованием составляли конторско-канцелярские рабочие в аппаратах предприятий[17].

С октября 1940 г. вводилось в действие положение об организации и проведении ремонта судов с привлечением командного состава. Эти меры были направлены на сохранение штатов в межнавигационное время, разгрузку предприятий, удешевление стоимости ремонта с помощью овладения судовыми командами вторыми (ремонтными) специальностями. Однако плавающий состав не был заинтересован в приобретении дополнительной квалификации, поэтому с нежеланием проходил обучение судоремонтным специальностям.

Для привлечения новых кадров была организована работа вербовщиков. Острая нехватка людей ощущалась, главным образом, на самых крупных пристанях пароходств Волги. Из-за огромной нехватки людей в пароходства принималась масса новых рабочих, в том числе женщины.

Подготовка рядовых кадров велась на курсах технического минимума и в стахановских школах. На курсах техминимума рабочие получали минимальные теоретические знания, необходимые для успешного овладения специальностью. В конце 1938 г. на водном транспорте стали организовываться стахановские школы, как форма передачи передового опыта, где обучение проводилось непосредственно на рабочем месте. С открытием навигации 1939 г. стахановские школы стали создаваться и на судах, в целях борьбы за экономию топлива, качества вождения караванов, освоения плеса.

За 1940 г. по волжским стахановскими школами было выпущено гораздо больше человек, чем запланировано[18]. Это происходило по причине того, что многие речники рядового состава, так же как и командного, давно работавшие на водном транспорте, не имели соответствующих документов. Сдача техминимума, окончание стахановских школ, курсов массовых профессий или среднетехнического звена позволяла узаконить права на занятие должности. Вместе с этим это было связано с заниженным планом, данным НКРФ, и с большой текучестью кадров.

Таким образом, подготовка рабочих и служащих в волжских пароходствах шла по трем основным направлениям: подготовка новых и повышение ква-

---

[17] *Гоманенко О.А., Сидоров С.Г.* Эффективность работы предприятий нижневолжского водного транспорта накануне Второй мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2014. № 2 (26). С. 91–92.

[18] РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 7. Д. 3. Л. 28 об.

лификации массовых рабочих кадров; повышение квалификации среднего и командного состава флота и берега; обучение плавсостава ремонтным специальностям. К тому же проводились мероприятия по подготовке работников берега и флота к сдаче технического минимума, расширению работы стахановских школ. Кроме того, проводились курсы мастеров. Также в пароходствах работали школы фабрично-заводского ученичества. Однако проблема обеспеченности водного транспорта Волги специалистами сохранялась вплоть до Великой Отечественной войны.

НОВАЯ ЭЛИТА КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕВОЛЮЦИИ: НОМЕНКЛАТУРА

Гончаренко Ян Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Одной из основополагающих идей революционного процесса в России в 1917 – начале 1920-х гг. было освобождение трудящихся от власти эксплуататорских классов и установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Предполагалось, что будет создано бесклассовое общество, управлять которым будут сами трудящиеся. Однако в действительности в советском обществе сложилась новая элита, сменившая прежнюю – высшие слои дворянства, бюрократии и буржуазии. Традиционно применяемым в исследованиях этого слоя термином стало слово «номенклатура». Каковы истоки появления элиты в условиях «реального социализма», провозглашавшего главным лозунгом всеобщее равенство?

Термин «элита» является одним из основных в социальных науках. В данном исследовании автор опирается на структурно-функциональный подход к определению элиты, согласно которому это «функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции и, в связи с этим, имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов»[1].

Насколько неизбежно существование элиты в обществе? Еще древнегреческие философы считали, что в обществе с необходимостью существует слой, который должен управлять остальными людьми. Классики элитистского подхода – В. Парето, Г. Моска и Р. Михельс – и их последователи развили эти идеи, критикуя демократию и социализм. С их точки зрения любая демократическая организация (и государство) приходит к разделению на правящих и подвластных. Революция в этом контексте понимается как форма смены правящей элиты в рамках элитного цикла, который, по оценке В.П. Мохова, включает четыре стадии: «зарождение и становление элиты», «развитие элиты», «деградация элиты» и «гибель элиты». «При этом гибель старой элиты и становление новой элиты рассматриваются как взаимопересекающиеся процессы»[2].

---

[1] *Дука А.В.* Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Полития. 2003. № 2. С. 127.

[2] *Мохов В.П.* Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 8–9.

В рамках такого подхода можно сказать, что деградация правящей элиты Российской империи, ее неспособность решить стоявшие перед обществом проблемы и задачи, а также активные действия контрэлиты привели к падению монархии в 1917 году. Дальнейшая борьба между элитарными группировками, вылившаяся в Гражданскую войну, завершилась победой большевиков.

Результатом стало одно из редких в истории явлений: старая элита полностью потеряла положение в обществе. Постепенно начали проявляться контуры новой элиты. Как указывает один из крупнейших исследователей советской элиты М.С. Восленский, «организация профессиональных революционеров» и стала «зародышем нового правящего класса»[3]. Потребность в увеличении числа управляющих (особенно в условиях огосударствления экономики) привела к притоку в партию новых людей, зачастую не разделявших идеи большевиков. В элиту стали активно включаться выходцы из рабочей, крестьянской и интеллигентской среды в ходе так называемой политики «выдвижения», которая «означала меры по обеспечению интенсивной вертикальной мобильности, открытого характера процесса рекрутирования элиты и высокие темпы ротации элитного слоя»[4]. В 1930-е гг. смена элиты вылилась в массовые репрессии против нее, произошла «ликвидация ленинской гвардии сталинской номенклатурой»[5]. «Можно выделить четыре поколения советской элиты. Для первого – «ленинской гвардии» – приоритетной была идея мировой революции... Для второго и третьего поколений приоритетной была перевоплощенная имперская идея... Второе поколение – сталинисты, дисциплинированные исполнители воли И. Сталина. Третье поколение – элита бюрократии и партийных функционеров... Наконец, четвертое (и последнее) поколение советской элиты было весьма неоднородным, хотя тон в нем задавали реформаторы во главе с М. Горбачевым, стремившиеся модернизировать застойную социально-политическую систему»[6]. Таковы оценки исследователей относительно этапов развития элиты СССР. Каковы ее характеристики?

Партийно-государственная номенклатура состояла из двух основных частей: партийных и комсомольских функционеров и государственных и хозяйственных руководителей. Партийцы в этой системе занимали господствующее по отношению к остальным положение. Ключевые решения на всех уровнях принимались именно партийными органами.

Важную роль играли патрон-клиентные отношения. Продвижение или падение патрона влекли аналогичные последствия для его протеже. Смена высшего руководства и открытые конфликты внутри элиты (1953, 1957, 1964 гг.) сопровождались интенсивной циркуляцией элит. «С середины 50-х и особенно 70-х до середины 80-х годов система номенклатурной селекции стабилизировалась. Возможности продвижения наверх в условиях застоя были ограничены низкой сменяемостью элит: высшие государственные должности

---

[3] *Восленский М.* Номенклатура. 3-е изд. М., 2016. С. 53.

[4] *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 258.

[5] *Восленский М.* Указ. соч. С. 100.

[6] *Ашин Г.К.* Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 43.

занимались фактически пожизненно»[7]. Рекрутирование элиты становилось все более закрытым: возникали тенденции наследственности, создания элитарных учебных заведений, а людям невысокого социального происхождения доступ в элиту был затруднен.

Обратная связь элиты с населением ослабевала все больше по мере развития советского общества. Степень отчуждения была настолько велика, что М.С. Восленский говорит о появлении страны «Номенклатурии», в которой номенклатура и живет, почти не соприкасаясь с подвластным населением[8]. Это привело к формированию контрэлиты, причем как в недрах самой номенклатуры, так и за ее пределами (диссиденты).

Как отмечают многие исследователи, именно советская элита инициировала ликвидацию СССР, его общественно-политического и экономического строя. Она стремилась сделать привилегии наследственными, конвертировать власть в собственность, что стало одной из причин краха СССР: элита «из носителя миссии стала приватным субъектом»[9]. Перестройку иногда называют «революцией вторых секретарей», которые хотели повысить свой статус в рамках номенклатуры, где власть много лет была у их начальников пожилого возраста («геронтократия»). Элита последовательно поддерживала тех политиков, которые удовлетворяли ее интересам: сначала М.С. Горбачева, а затем – радикальных реформаторов. В ходе перестройки в элиту стали широко включаться диссиденты, интеллигенты, представители теневого бизнеса советской эпохи.

Таким образом, модель разделения общества на элиту и подвластное население воспроизвелась и в советском обществе в результате революционного процесса 1917 – начала 1920-х гг. На неизбежность этого указывали многие деятели Белой эмиграции, а впоследствии признали и некоторые большевики (Л.Д. Троцкий). Номенклатура многие десятилетия успешно (но дорогой ценой) выполняла задачи по модернизации страны и ее обороне. Однако к концу 1980-х гг. стало очевидно, что власть номенклатуры в ее прежнем виде не отвечает вызовам времени и вызывает недовольство населения. Крах СССР обозначил начало нового цикла в развитии как общества в целом, так и элиты в частности.

---

[7] *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 90.

[8] См.: *Восленский М.* Указ. соч.

[9] *Гаман-Голутвина О.В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. № 3. 2012. С. 46.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ МЕСТНЫХ АРХИВОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ РЯДОВОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ МАРИИ ОСКАРОВНЫ АВЕЙДЕ)

Горшенин Александр Владимирович
(Медицинский университет «РЕАВИЗ», г. Самара)

Биографии деятелей революционного движения стали появляться сразу же после Октябрьской революции. На протяжении советской эпохи было создано множество очерков о видных революционных деятелях. К сожалению, рядовым членам партии, отдавшим свою жизнь служению революции, посвящено гораздо меньшее число публикаций. В большинстве случаев они ограничиваются статьями местных исследователей-краеведов.

Такая ситуация сложилась и с жизнеописанием Марии Авейде. Перспективная задача состоит в создании документальной биографии этой незаурядной революционерки. В рамках данного исследования ставится цель осветить архивные источники, которые помогут реконструировать её жизнь.

Мария Авейде родилась 14 февраля 1884 г. в Вятке в семье присяжного поверенного Оскара Эдуардовича Авейде и учительницы Марии Аркадьевны Бабиковой. Оскар Авейде был сослан в Вятку за участие в польском восстании 1863 г. Он принимал участие в его подготовке и входил во временное национальное правительство. Был арестован и в процессе допроса дал подробные показания[1]. Оказавшись в Вятке, он стал присяжным поверенным, так как за несколько лет до восстания окончил юридический факультет Петербургского университета. В Вятке он обзавёлся семьёй. Кроме Марии в семье были ещё дети – Елена и Ярослав.

После окончания гимназии в 1900 г. Мария Авейде стала трудиться домашней учительницей. Будучи гимназисткой, она стала участницей кружков самообразования, организованных политическими ссыльными. С 1902 г. она стала руководить социал-демократическим кружком, а уже в 1904 г. она вступает в партию и отправляется для работы в Пермь. Здесь вместе с Н.Н. Бушеном, который будет её мужем, она становится членом горкома.

С началом Первой русской революции участвовала в революционных выступлениях в Перми, Мотовилихе, Екатеринбурге. В этот период она становится верной помощницей Михаила Заводского (Н.Е. Вилонова) и товарища Андрея (Я.М. Свердлова). В феврале 1906 г. принимала участие в под-

[1] *Авейде О.Э.* Показания и записки о Польском восстании 1863 года Оскара Авейде / предисл. Миллер И.; текст к печати подгот. Давыдова В., Морозова О.; АН СССР, Ин-т славяноведения, Гл. арх. упр. СССР. М.; Wroctaw: Изд-во АН СССР, 1961. 663 с.

готовке Уральской конференции РСДРП. Работой конференции руководил Я.М. Свердлов, а секретарём была М.О. Авейде.

Её арестовывают, но через 2 месяца из-за недостатка улик выпускают. Пользуясь возможностью, они с мужем выезжают в Самару, где Мария Оскаровна проживёт более 12 лет. В период жесточайшей реакции она будет вести подпольную работу. Здесь она также будет работать домашней учительницей, но только теперь большая часть учеников была из рабочей молодёжи, которых она готовила к сдаче экзаменов за курс гимназии.

После Февральской революции она стала руководить кружком молодёжи фельдшерской школы. Чуть позже при Самарском горкоме партии будет создана агитаторская группа молодёжи (предшественник комсомола в Самаре), которую возглавит Мария Оскаровна.

В этот период Мария Оскаровна разошлась с мужем, вследствие политических взглядов – Н.Н Бушен примкнул к меньшевикам. Мария Оскаровна продолжила нести беззаветное служение большевистской партии, между прочим, с тремя детьми на руках – Сашей, Марией и грудной Галей.

В июне 1918 г. Самара была захвачена легионерами восставшего чехословацкого корпуса. Они устанавливают власть КОМУЧа.

Мария Оскаровна участвовала в обороне города, в то время как горком партии вместе с лидером В.В. Куйбышевым эвакуировались в Симбирск. Она осталась в городе и стала одним из лидеров подпольного комитета. В августе 1918 г. её арестовывают. В начале октября 1918 г. чехи, готовясь к отступлению, решили вывезти заключенных в «поездах смерти».

В таком оказалась и Мария Оскаровна. Под Иркутском ей удалось бежать. Она направилась в Челябинск и Екатеринбург, где включилась в работу подпольного комитета под руководством А.Я. Валека.

31 марта по доносу провокатора Авейде, Валек и ряд товарищей были арестованы. Все они были подвергнуты пыткам. 8 апреля 1919 г. во дворе Верх-Исетского завода Мария Оскаровна вместе с товарищами была казнена.

Мария Оскаровна Авейде

Архивные источники здесь представлены официальными документами дореволюционной России и воспоминаниями старых большевиков, собранными Истпартом.

В фонде Самарской земской управы[2] был обнаружен аттестат об окончании Марией Оскаровной Вятской Мариинской женской гимназии. Отсюда мы узнаём, что в гимназии она обучалась на протяжении 1892–1900 гг. По результатам учёбы была награждена серебряной медалью. А в течение 1900–1901 гг. училась в VIII дополнительном педагогическом классе, благодаря чему ей было предоставлено звание домашней наставницы.

Из этого же фонда становится известно, что Мария Авейде очень настойчиво пыталась устроиться работать в Самарскую губернскую земскую управу. Своим решением от 9 октября 1910 г. самарский губернатор запретил брать её на работу. Но от Авейде последовали новые прошения, да и управа нуждалась в грамотном работнике. В связи с этим, решением от 23 октября 1910 г. губернатор разрешил «определить М.О. Авейде на должность временной счётчицы оценочного отделения, но с тем, чтобы служебные обязанности Авейде не были связаны с командировками»[3].

Фонд Самарского губернского жандармского управления проливает свет на судьбу младшего брата Марии Оскаровны – Ярослава. Выяснилось, что и он с ранних лет принимал участие в революционном движении. Так, в январе 1906 г. он был арестован в Самаре, где жил под именем крестьянина Николая Афанасьевича Пермякова. Оказалось, что Ярослав Авейде был приговорён Казанской судебной палатой по делу Вятского вооружённого восстания к тюремному заключению на 3 года и 4 месяца, но бежал от данного наказания в Самару, где у него проживала сестра[4].

Стоит также обратить внимание на фонд историка-краеведа Ф.Г. Попова, который много лет работал над сбором материалов по истории революционного движения в Самарской губернии. В виду этого он вёл обширную переписку со старыми большевиками. Среди писем, отложившихся в его фонде, отметим письмо от А.Н. Зыкова, датированное июлем 1961 г., где он рассказывает о деятельности Авейде в Челябинске. Становится известным, что М.О. Авейде приехала в Челябинск осенью 1918 г., после того как сбежала с чехословацкого «поезда смерти». Бежать ей удалось из Омского лагеря, благодаря помощи большевиков-подпольщиков.

В Челябинске она жила под именем Марии Фёдоровны Матвеевой. Её жильё на Ключевской улице было явочной конспиративной квартирой. Здесь 11 декабря 1918 г. состоялась подпольная конференция, где был подтверждён подпольный комитет и утверждены инструкции для работы в подполье[5].

Весьма примечательны воспоминания об Авейде З.И. Мерзловой, отложившиеся в фонде партийного архива Куйбышевского обкома КПСС.

З.И. Мерзлова была ученицей Авейде, а после революции вступила в партию. Интересны подробности о её учительской деятельности. «Она готовила у себя на дому по программе гимназии. Мария Оскаровна принимала учеников из бедных рабочих семейств. За подготовку брала 3 руб. в месяц, а некоторых готовила бесплатно. Она имела большую популярность, и, конечно,

---

[2] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 18. Д. 749а. Л. 1.

[3] ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 46. Л. 321–322.

[4] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 920. Л. 1.

[5] ЦГАСО. Ф. Р-1000. Оп. 3. Д. 97. Л. 201.

от учеников, не было отбоя. Помню, как мы удивлялись её выносливости и трудолюбию, ведь начиная с 9 ч. утра и до 6–8 ч. вечера она занималась с группами в 10–12 чел. по 2 часа с каждой группой. Бывало, занимается с одной группой, а другая шумная ватага ждёт в маленькой кухне. Тут же находилась и старушка-няня с тремя детьми...»[6].

В фонде Самарского бюро Истпарта собрано немало воспоминаний. Так видная деятельница коммунистического движения С.И. Дерябина, работавшая рядом с Авейде, вспоминала о её отношениях с рабочими. «Помимо молодёжи, беззаветно любили "Оскаровну" и рабочие. Без неё не обходилось ни одного семейного праздника, к ней они шли со своим личным горем, семейной неурядицей, со всеми сомнениями, печалями и радостями. Она умела установить с ними совершенно невиданную товарищескую близость... Авейде умела не только организовать рабочего, но наложить глубокое облагораживающее влияние своей индивидуальности на всю личность пролетария: внедрить коммунизм не только в убеждения рабочего, но и в его чувства, привычки и повседневный быт. Рабочий, поработавший с Оскаровной, не только входил в ячейку, но переставал шляться в дома "с фонарём", бить свою жену, тиранить ребятишек, пить денатурку и т.п. В партийной работе она делал чудеса – могла наладить связь партии с самой серой, самой озлобленной толпой»[7].

А большевик Ярцев так вспоминает об участии Авейде в митинге осенью 1905 г. в Екатеринбурге: «Митинг в театре. Товарищ Андрей (Свердлов) громовым голосом призывает собравшихся к борьбе, к отпору наступающей реакции. Копошится чёрная кучка в театре и вокруг него: мясники, извозчики и лавочники готовят нападение на революционное собрание. Провокационный выкрик. Начинается паника. Звонкий голосок маленькой женщины со светлыми волосами в белой шапочке успокаивает собрание. Авейде рядом со Свердловым, она готова его защитить» [8].

Комплексное использование архивных источников, представленных официальными документами земских управ и жандармских управлений, а также воспоминаниями старых большевиков, позволяют создать объективную биографию рядовой революционерки, избегая при этом идеологический пафос.

---

[6] Самарский областной государственный архив Самарской области (далее – СОГАСПИ). Ф. 651. Оп. 18. Д. 12. Л. 3.

[7] СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 356. Л. 16–17.

[8] Там же. Л. 19.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1917 ГОДУ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ И СОХРАНЕНИЕ ЕГО НАУЧНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА[1]

Григорьева Ольга Игоревна, к.и.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

1917 год – поворотный в истории нашей страны. В жизни Московского университета он ознаменовался чередой кардинальных изменений, на фоне предшествующих событий его истории носивших позитивный характер.

Говоря о предыстории, следует отметить, что в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. университет получил некоторую автономию, которую так ждали профессора. Однако для радикально настроенного студенчества университет стал в большей степени площадкой для «отработки политических методов борьбы», нежели научной школой[2]. Многолетнее противостояние царского правительства, революционного студенчества и по преимуществу либеральной профессуры достигло своего пика в 1911 г. и привело к «небывалому в академической жизни разгрому Московского университета» (*П.Н. Милюков*).

Ввиду невозможности выполнения университетской администрацией возложенных на неё обязанностей ректор А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков подали в отставку.

Л.А. Кассо, министр народного просвещения в правительстве П.А. Столыпина, отставку принял, и отстранил их не только от административных должностей, но и от научной и педагогической деятельности в университете. Вслед за этим в знак протеста в отставку подали около 130 профессоров и приват-доцентов Московского университета.

Как писал Е.Н. Трубецкой, «правительство решилось вышвырнуть вон все порядочное или заставить профессоров выйти самих, сделав им жизнь невозможною. Вообще положение безвыходное: если победят студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится во что-то среднее между участком или чайною русского народа. Я люблю университет, крайне боюсь поэтому, что отставка с минуты на минуту может стать нравственно обязательною... Вообще невесело, потому что университет в данном случае – частное проявление зла более общего и большего – разрушения культуры дикарями слева и справа. Неужели не дадут они ничему порядочному у нас образоваться?»

---

[1] По материалам: Летопись Московского университета [Электронный ресурс], 1993–2017. URL: http://letopis.msu.ru/

[2] *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве нач. XX века // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 435.

В созданном после Февральской революции Временном правительстве бывший ректор *А.А. Мануйлов* получил пост министра просвещения, и уже в марте 1917 г. в университет возвратились профессора, уволенные в 1911 г.

Возвращение профессоров после Февральской революции 1917 г. – один из ключевых моментов истории Московского университета. Практически все, уходившие в 1911 г. профессора и преподаватели вернулись, и остались здесь и после Октябрьской революции, сохранив уникальный научный и образовательный потенциал МГУ. Вопрос, приняли они большевистскую революцию или нет, – предмет для отдельного исследования. Но именно идея сохранения и развития Московского университета помогла им пережить годы крушения страны.

Во многом позицию учёных объясняют слова ректора М.А. Мензбира, сказанные при вступлении в должность в апреле 1917 г.: «В университете не должно быть места политике, так как наука является достоянием всего человечества», а автономия высшей школы должна служить «интересам науки и научного преподавания».

Развитие науки, усложнение самого процесса научного исследования, уже к началу XX в. выявили потребность в самостоятельной организации научного исследования в Московском университете. Первая мировая война подтвердила эффективность организованной работы учёных университета: ведя научные исследования в помощь воюющей армии Московский университет впервые в своей истории стал частью оборонного потенциала страны. Однако создать организационную систему для научной работы университет смог только после революций 1917 года.

В поисках оптимального взаимодействия с новой властью учёные Московского университета нашли способ сохранить и развить научные школы университета. К началу 1920-х гг. в университете была создана система научно-исследовательских институтов как «надстройка над высшей школой»[3], вынесенная за пределы сферы подготовки массового специалиста, в рамках которой велись широкомасштабные эксперименты. В 1922 г. при физико-математическом факультете была создана Ассоциация научно-исследовательских институтов, ставшая «первым опытом» организации в высшей школе страны научно-исследовательской работы по точным и естественным наукам «на новых началах».

Ассоциация НИИ находилась в ведении Главнауки, состояла на госбюджете и имела своей целью: а) организацию научных исследований в соответствующих областях знания; б) изучение с научной точки зрения вопросов, вызываемых государственными потребностями; в) подготовку научных работников; г) популяризацию научных знаний. Она объединяла институты: Математики и механики (дир. Б.К. Млодзевский, среди членов – Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин, С.А. Чаплыгин); Физики и кристаллографии (дир. В.И. Романов, среди членов А.К. Тимирязев); Химии (дир. И.А. Каблуков, среди членов Н.Д. Зелинский); Антропологии (дир. Д.Н. Анучин, среди членов П.А. Минаков); Зоологии (дир. М.А. Мензбир); Геологии (дир. А.П. Павлов); Ботаники;

[3] *Гулевич В.С.* Ассоциация научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете Московского государственного университета // Известия Ассоциации НИИ при физ.-мат. фак. МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 1.

Географии; Геофизики; Почвоведения; Минералогии и петрографии; Астрономо-геодезический.

В этих институтах протекала вся научно-исследовательская работа кафедр МГУ, а педагогическая работа институтов была сосредоточена на подготовке специалистов высшей квалификации – будущих учёных – через аспирантуру[4]. К 1928 г. в аспирантуре Ассоциации было 320 аспирантов – более 75% общего числа аспирантов по точным наукам в РСФСР[5].

Опыт работы организованных в системе Московского университета НИИ оказался настолько удачным, что постановлением СНК РСФСР 4 июня 1933 г. Наркомпросу было указано на «целесообразность дальнейшего развёртывания в системе университетов научно-исследовательских институтов по естественным и физико-математическим наукам»[6].

Самостоятельная Ассоциация НИИ при физмате просуществовала до 1930 г., затем институты были переданы факультетам. В начале 1950-х при переезде в новые здания МГУ на Ленинских горах большинство институтов были объединены с факультетами, с передачей их функций отделениям.

Если продолжение традиций и развитие научных школ университета в естественных и точных науках после Октябрьской революции очевидно, то ситуация в гуманитарном секторе университета неоднозначна и требует более пристального рассмотрения.

В связи с революционными изменениями в стране в 1918 г. был упразднён юридический факультет, а в 1921 г. – историко-филологический. Параллельно с этим в 1919 г. был создан факультет общественных наук (ФОН).

20 января 1921 г. Временный президиум университета представил на утверждение в Государственный учёный совет проект «Положения об Ассоциации словесно-гуманитарных научных институтов, состоящих при МГУ в качестве автономных учреждений». Цель Ассоциации – «содействие разработке наук словесно-гуманитарного цикла и совершенствование подготовки в данных науках заинтересованных лиц». В итоге были созданы 7 НИИ при ФОН МГУ: Исторический, Искусствознания и археологии, Теории и истории права, Языковедения и истории литературы, Социологии, Научной философии, Психологический. В 1924 г. НИИ при ФОН МГУ были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук МГУ. В 1926 г. Ассоциация была выведена из состава университета и преобразована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов (РАНИОН).

Изучив списки *действительных членов НИИ на 1 июля 1922 г. мы видим, что из 87* представленных *учёных-гуманитариев подавляющее большинство – около 70%* – и до революции были связаны с Московским университетом: половина из них была профессорами до 1917 г., другая половина состояла из выпускников и бывших студентов университета, ставших профессорами после 1917 г. Новыми для университета были около 20% процентов профессоров-членов НИИ. (Из-за недостатка биографических сведений 10% чле-

---

[4] См.: Московский государственный университет: к XX-летию Великой социалистической революции. М., 1937. С. 44–45.

[5] *Гулевич В.С.* Указ. соч. С. 2.

[6] Уставы Московского университета 1755–2005. М., 2005. С. 352.

нов осталось за рамками подсчёта). Таким образом, можно утверждать, что к 1922 г. в Московском университете костяк классического гуманитарного образования был сохранён.

«Старые» профессора и «новые» профессора, сформировавшиеся в дореволюционном университете, стали проводниками традиций классического образования и науки в МГУ. Созданием сети НИИ при физико-математическом факультете и факультете общественных наук впервые в истории Московского университета был образован развернутый научно-исследовательский сектор, строго дифференцированный по отраслям фундаментальной науки: с этого момента МГУ является не только учебным, но и научным учреждением.

К ВОПРОСУ О НЕМЕЦКОМ ВЛИЯНИИ НА РАЗВИТИЕ ШВЕДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Гриценко Святослав Александрович
(Московский технологический университет (МИРЭА))

Значение социалистических идей, равно как и правящей в настоящей момент социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) в этой стране и в целом в Скандинавии сложно переоценить. Однако если XX столетие действительно прошло под знаком «шведского социализма», то в последние десятилетия XIX века, в момент зарождения шведской социал-демократии, все было далеко не так очевидно.

В указанную эпоху, когда и в Швеции, и в «колыбели социализма» Германии правили монархи-традиционалисты Оскар II Бернадот и Вильгельм II Гогенцоллерн соответственно, нарождавшийся социализм был «внутренним врагом», общим для немецких лояльных сторонников кайзера и шведских консерваторов. На севере Европы социализм пришел в Швеции на смену религиозным исканиям и местечковой активности «народных движений», а равно либеральным «рабочим союзам». Первопричину зарождения социалистических идей в Швеции следует искать в сравнительно позднем (по сравнению с Германией – на несколько десятилетий) промышленном перевороте, вызвавшем в 1870–80-х гг. отток рабочих из сельской местности в города и увеличение численности пролетариата[1]. Сами условия жизни в городе объективно повышали организованность и «сознательность» рабочих, их желание бороться за свои права[2].

Социалистические идеи были занесены в Швецию из Германии так же, как и комплекс правых, милитаристских, монархических веяний, породивших прогерманские настроения короля Оскара и его окружения десятилетием ранее[3]. Портной Август Пальм, основатель шведской социал-демократии, признавал, что датские социалисты, которые познакомили его с новой идеологией, находились под прямым немецким влиянием[4]. Кроме самого факта происхождения социалистических идей, в первые годы существования шведских социалистов они получали активную поддержку товарищей из Герма-

[1] *Miller G., Gerger T.* Social Change in 19th-century Swedish Agrarian Society. Stockholm, 1985. P. 118–119.

[2] *Богданович Т.А.* Страна, правительство и народ в Швеции. СПб., 1906. С. 68.

[3] Подробнее см.: *Гриценко С.А.* Прогерманские взгляды короля Оскара II как фактор политической жизни Швеции // Россия XXI. №. 3. 2016. С. 66–76.

[4] *Blomquist, H.* The read thread: the history of the labour movement – an alternative overview. Stockholm, 1989.

нии, и даже пропагандистская литература первоначально поступала в Швецию на немецком языке[5].

Однако стоит подчеркнуть, что ориентация шведских социал-демократов на немецких «коллег», их интернационализм и – в своих крайних формах – отрицание патриотизма резко противостояли национализму и «прогерманизму» аристократов, интеллектуалов и высших военных чинов, близких по своим убеждениям к королю Оскару II. В определенной степени, к расколу, наметившемуся в Швеции в 1880-х гг. между прогерманскими верхами и частично воспринявшими немецкий социализм низами общества, применима разработанная специалистами по истории Германии теория «двух традиций» исторического развития, абсолютно противоположных друг другу – монархически-милитаристской и социал-демократической[6].

Применительно к шведской истории теория «двух Германий» позволяет разъединить и даже противопоставить друг другу милитаристский и консервативный «прогерманизм» Оскара II и его сторонников и ориентацию на немецкие образцы первых шведских социалистов-интернационалистов. Сам А. Пальм в первой же своей речи о социализме на шведской земле в 1881 г. противопоставил «ужасных кайзеров и королей», столетиями провоцировавших «войны и массовые убийства» с целью сохранения своих тронов, и социалистов, призывавших «покончить с национальной гордостью, которая лишь разжигает ненависть между нациями», и построить справедливое общество всеобщего достатка[7].

Первые шведские социалисты и его последователи, в первую очередь ученик рано отошедшего от дел Пальма и фактический основатель СДРПШ Яльмар Брантинг[8], определенно находились под влиянием немецких левых мыслителей и «шведизировали» многие их программные положения. Вместе со своими немецкими товарищами они резко противостояли кайзерскому режиму и подражавшему ему Оскару II в Швеции, следуя тезису социалиста И. Якоби о том, что «малейшая рабочая организация будет для историков будущего важнее, чем битва при Садове»[9], в которой прусская армия в 1866 г. наголову разбила австрийскую, открыв тем самым путь к образованию Германской Империи.

В целом, к рубежу 1870–80 гг. в развитии шведской внутренней политики можно увидеть грядущее противоречие между демократизмом народных низов, выраженным в многочисленных «народных движениях» либерального толка и появлении первых социалистов, и консерватизмом верхов, немалую роль в котором играло влияние устойчивого образца для подражания – Германской империи. «Монархический идеал и державная мощь»[10] Германии по-

---

[5] *Мелин Я.* Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 212.

[6] См.: *Платошкин Н.* ГДР как наследница идеалов Ноябрьской революции 1918 г. // Ноябрьская революция в Германии: Взгляд через 90 лет. Сборник материалов круглого стола. М., 2009. С. 118–119.

[7] *Palm A.* Speech at Hotel Stockholm, Malmö, 6 November 1881 // http://www.marxists.org/archive/palm-august/1881/speech.htm (09.05.16).

[8] *Hadenius S.* Svensk politik under 1900-talet. Stockholm, 1985. S. 13.

[9] *Palm A.* Op. cit.

[10] *Hedin S.* Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig, 1938. S. 12–13.

степенно становились единственным возможным идеалом для многих шведских аристократов, интеллигентов и военных.

В соответствии с этой германской ориентацией обоих полюсов шведского политического спектра между ними началась борьба, отчасти схожая с подобными событиями в Германии. Многие шведские правые политики, включая главу влиятельнейшей парламентской «партии сельских хозяев» Арвида Поссе, хотели по примеру Бисмарка дать рабочим определенные социальные и экономические права, лишь бы «удушить страшное слово «социализм»[11]. Конечно, в риксдаге были и сторонники «американского пути» экономического и политического либерализма, но в итоге все большее и большее количество депутатов находило в Германии образец социальной и экономической политики[12], основой которой был твердый национализм. И действительно, на первые стихийные стачки рабочих 1870-х – нач. 1880-х гг. власти отвечали «по-бисмарковски», мелкими подачками и уступками[13].

Правившие Швецией на протяжении 1880-х гг. королевские правительства, правда, еще слабо представляли себе своего нового противника – социал-демократов, и пытались бороться с ним консервативными методами, стремясь не подрывать ценности традиционного крестьянского общества[14]. При этом шведские социал-демократы, с основанием СДРПШ взявшие за образец в 1889 г. Готскую программу немецких социалистов (1875), нацеленную на классовую борьбу, ставили перед собой достаточно радикальные цели и задачи. Лидер социал-демократов Яльмар Брантинг в статье «Почему рабочее движение должно быть социалистическим?» (1886) призывал шведских рабочих следовать примеру «немецких товарищей». При этом он утверждал, что «идеальные государства» в глазах короля Оскара II, «врага рабочих» – это «тиранические» Россия и Германия, равные по степени подавления гражданских свобод[15]. Так «германская» ориентация социал-демократов встала в открытую оппозицию к консервативному «прогерманизму».

Таким образом, могущественная Германская империя сильнейшим образом повлияла на политическую жизнь Швеции в конце XIX – начале XX вв. Ирония судьбы в том, что консервативный политический «прогерманизм», и немецкий по происхождению шведский социализм с началом нового столетия вступят в ожесточенную борьбу между собой, и именно она во многом будет определять политический ландшафт страны вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 году. Только освободившись от немецкого влияния и исключив из своих рядов чрезмерно прогермански настроенных деятелей (Г. Стеффена, И. Ларссона, О. Ярте), СДРПШ смогла адекватно ответить на потребности развития своей страны и стать для Швеции тем ядром политической системы, которым она и оставалась большую часть прошлого века.

---

[11] *Berggren H., Nillson G.B.* Liberal socialpolitik. 1853–1884. Uppsala, 1965. S. 215–217.

[12] Ibid. S. 221–223.

[13] *Peters J.* Branting und die schwedische Sozialdemokratie. Berlin, 1975. S. 52.

[14] *Ахметшина Р.Т.* Шведская общественная мысль о рабочем вопросе и промышленном развитии страны // Идейная борьба в эпоху империализма в странах Западной Европы и Америки. М., 1983. С. 92–93.

[15] *Branting H.* Why the worker's movement must become socialistic. Gävle, 1886 // http://www.marxists.org/archive/branting/1886/workers-movement.htm (10.05.16)

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг. И РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ПАРФЮМЕРНОЙ ИНДУСТРИИ XX ВЕКА

Дмитриев Иван Евгеньевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В истории мировой индустрии моды XX в. занимает особое место. Это было время стремительного изменения эстетических ориентиров в обществе, появления новых имён в мире моды и оформления в полноценную индустрию, прежде достаточно разрозненных производителей одежды и аксессуаров. Парфюмерная отрасль как неотъемлемая часть модного бизнеса переживала схожие процессы. Открытия в области химии позволили наращивать количество выпускаемой продукции и разрабатывать принципиально новые ароматы. Среди тех, кто создавал историю парфюмерии XX в., были и выходцы из Российской империи, бежавшие от революционных событий 1917 г. и начавшейся гражданской войны в России, в мировой центр парфюмерного производства, во Францию.

Отправной точкой радикальных изменений в модной индустрии первой половины XX в. стала Первая мировая война 1914–1918 гг., разделившая жизнь европейцев на «до» и «после». Франция, которая была на тот момент неоспоримым лидером в области моды, потеряла в войне почти полтора миллиона человек только убитыми. В основном, это были взрослые мужчины, отсутствие которых на производстве и в быту не могло не сказаться на гендерном состоянии послевоенного общества. Европейские женщины начинают массово устраиваться на работу, используя своё право свободно распоряжаться заработанными средствами, а катастрофическое уменьшение численности мужского населения приводит к определенной либерализации нравов. Мода, являясь своеобразным зеркалом происходящего в социуме, немедленно отреагировала на происходящее. Начиная с 1910-х гг. женская мода черпает вдохновение в мужском стиле и в образе жизни. Модницы носят короткие стрижки, темные цвета, прямые юбки до колена, брюки, блейзеры, джемперы, блузы с открытым воротом и прочие элементы мужского гардероба. Дизайнеры вдохновляются образом девушки flapper (анг. «хлопушка») и garçonne (фр. «холостячка»), молодой прожигательницы жизни, которая обожает джаз, танцует чарльстон, курит, водит автомобиль и занимается спортом.

Наряду с изменениями моды на одежду, изменилась и мода на парфюм. Новую женщину более не устраивали привычные ароматы садовых цветов, которые предписывалось носить добропорядочной даме. Ей хотелось иметь в распоряжении более чувственный и сложный парфюм, не воспроизводящий аромат лишь одного цветка. Изобретение новых синтетических молекул – альдегидов позволило создавать ароматы, имитировавшие запах целого цветочного букета. Эти обстоятельства, вкупе с общим ростом производства и

появлением целой плеяды новых дизайнеров, привели к росту парфюмерного рынка и спросу на новые духи. Именно в это время, произошедшие в России социальные потрясения обусловили появление русских имен во французской парфюмерной индустрии.

Участие русских эмигрантов «первой послереволюционной войны» в индустрии моды не было чем-то особенным для 1920-х гг. Среди тех, кто бежал от революционных событий весны–осени 1917 г. в России было значительное количество хорошо образованных, обладавших тонким художественным чутьем и вкусом мужчин и женщин, готовых начать карьеру в модной индустрии Франции. Беженцы из России работали моделями, художниками по тканям, портнихами и вышивальщицами, управляющими, владели модными домами и ателье. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в области парфюмерного искусства отчетливо проявился «русский след». Мода на все «русское» стала отличительной чертой этого времени. Характерное для 1920-х гг. увлечение этническими мотивами, особенно русскими, позволяло эмигрантам успешно создавать и продавать изделия в стиле «а-ля рюс». Парфюмерная индустрия не стала здесь исключением. Среди тех, кто внес наибольший вклад в развитие парфюмерного искусства XX в. можно назвать эмигрантов из России – Э.Э. Бо (1881–1961), К.М. Веригина (1898–1982) и Ю.Д. Гутсаца (1914–2005).

Э.Э. Бо родился в Москве в семье парфюмера фабрики Rallet & Co, на которой в 1898 г. он и начал свой профессиональный путь. Еще до революции 1917 г. Бо создал ароматы Bouquet de Napoleon и Rallet № 1, но настоящий успех пришел к нему после эмиграции во Францию, где он в 1920 г. познакомился с Коко Шанель. В результате их долгого сотрудничества на свет появились такие ароматы как Chanel № 5, № 22, Cuir de Russie, Gardenia, Bois des Iles, Bourjois Soir de Paris и Kobako. Chanel № 5 стал ароматом-легендой, гимном собственной эпохе, появление которого было ранее невозможно ни с технической стороны, ни сточки зрения общественной морали. Э.Э. Бо изменил мир парфюмерии благодаря широкому использованию новейших синтетических молекул – альдегидов, которые ему удалось сделать устойчивыми[1]. При создании ряда композиций Бо вдохновлялся русской культурой и природой, что отчетливо прослеживается в ароматах Chanel № 5, № 22, Cuir de Russie и Bois des Iles[2].

К.М. Веригин родился в Санкт-Петербурге и был отпрыском древнего дворянского рода. Как и его друг, и коллега Эрнест Бо, Веригин был участником белого движения, но непосредственно в боевых действиях участия не принимал. В 1920 г. он покидает Россию, в эмиграции поступает учиться на химический факультет Католического университета в Лилле, после чего оказывается в компании Chanel, где за 35 работы изучает все этапы производства косметики и парфюмерии. Ценным источником по истории развития парфюмерии XX в., являются мемуары Константина Веригина – «Благоухан-

[1] См.: Mazzeo Tilar J. The secret of Chanel No. 5: the intimate history of the world's famous perfume. N.Y.: HarperCollins Publishers, 2011. 281 p.

[2] См.: *Дмитриев И.Е.* Русские мотивы в ароматах Chanel (1920-е гг.) // Запахи и звуки как элемент повседневной жизни. Материалы XL Международной научной конференции. 19 декабря 2016 г. СПб., 2016. С. 53–58.

ность. Воспоминания парфюмера»[3], посвященные развитию парфюмерной индустрии Франции первой половины XX в. и вкладу русских эмигрантов в создание новых ароматов.

Ю.Д. Гутсац эмигрировал из России вместе с родителями в возрасте 10 лет. Позднее, обосновавшись в Париже, он работал в известнейших парфюмерных домах Parfums Mury и Jean Marie Farina, прошел обучение в доме Chiris, а в 1945 г. стал парфюмером одного из крупнейших парфюмерно-химических концернов – Roure Bertrand Fils & Justin Dupont, где он трудился бок о бок с такими известнейшими парфюмерами, как Жан Карль, Жермена Селье, Франсис Фаброн и др. Можно с уверенностью утверждать, что Ю.Д. Гутсац создавал ароматы для Balmain, Balenciaga, Carven, Jacques Fath, Robert Piguet, Nina Ricci, Mary Quant, Emilio Pucci, Emmanuel Ungaro, Estee Lauder и других известных компаний. В 1975 г. он основал один из первых домов селективной парфюмерии – Le Jardin Retrouve, призванный сохранить парфюмерию как авторское искусство.

Первая мировая война 1914–1918 гг. и революция 1917 г. в России коренным образом изменили мировую индустрию моды, в частности, парфюмерию. Возникшая в обществе мода на новые ароматы придала мощный импульс развитию парфюмерной индустрии, и русские эмигранты «первой послереволюционной волны» стали важной движущей силой этого прогресса. Не вызывает сомнений и тот факт, что выходцы из России во многом сформировали лицо парфюмерной моды послевоенных десятилетий, внеся существенный вклад в развитие парфюмерной индустрии XX в. Тем не менее, недостаточная изученность данной темы в российской историографии и наличие еще не введенных в научный оборот новых исторических источников, позволяет сделать вывод о научной актуальности представленной проблематики.

[3] *Веригин К.М.* Благоуханность. Воспоминания парфюмера. М.: КЛЕОграф, 1996. 223 с.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 ГОДА В ОЦЕНКАХ БУДУЩИХ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ ГЕРМАНИИ

Добровольский Евгений Сергеевич
(Череповецкий государственный университет)

9 ноября 1918 г. в Берлине Германия была провозглашена республикой. Монархия пала. Творцами революции были левые партии СДПГ, НСДПГ, «Союз Спартака». 19 января 1919 г. в Веймаре состоялись выборы в Национальное собрание. Судя по отданным голосам, поддержкой среди народа пользовались не только левые силы, но и другие партии, стоящие правее. Католическая партия Центра и Баварская народная партия получили 19,7%, либеральная Немецкая демократическая партия – 18,5% голосов[1]. После событий ноября эти партии численно увеличились. Из рядов этих партий вышли будущие христианские демократы.

Спустя почти 30 лет после описываемых событий, в послевоенной Германии был образован Христианско-демократический союз – консервативная биконфессиональная партия. Ранняя история ХДС достаточно интересна. Союз не были единой партией: ХДС действовал как в Западной Германии – ФРГ, так и в Восточной Германии – ГДР. В силу сложившихся политических и социально-экономических условий в послевоенной Германии представления об основах христианской демократии у политиков ХДС были различными. Споры о том, кто прав, кто является истинным христианским демократом, велись достаточно продолжительное время[2]. Историками учитывались многие факторы: деятельность в годы Веймарской республики, отношение к национал-социализму, степень борьбы с режимом Третьего рейха, участие в сопротивлении в годы Второй мировой войны. Не проанализированным остается такой аспект, как отношение будущих христианских демократов к революционным событиям 1918 г. в Германии.

Самый известный христианский демократ Германии Конрад Аденауэр[3] к революционным событиям относился отрицательно, так как верил в порядок, а его изменение допускал лишь легитимным способом. Ноябрьские выступления Аденауэр принял как нелогичные и случайные, хотя ушедшую империю он не жалел, считая прежнее государство полностью себя изжившим[4].

---

[1] *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 45.

[2] *Добровольский Е.С.* Идейно-организационное становление и развитие Христианско-демократического союза в Восточной Германии/ГДР в 1945–1952 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Череповец, 2016. С. 4–9.

[3] *Петелин Б.В.* К. Аденауэр, Я. Кайзер и судьба ХДС в Восточной Германии // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 112–113.

[4] *Ежов В.Д.* Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 33.

Неприятие Аденауэром революции также было связно с тем, что он в это время занимал должность обер-бургомистра Кёльна. Этот город играл очень важную роль в событиях ноября 1918 г. В Кёльне даже раньше, чем в Берлине была провозглашена республика. Аденауэру необходимо было обуздать революционные массы, которые в случае слабости местных властей могли бы поднять бунт. Ему – ревностному католику были чужды левые идеи. Важен был порядок, никаких экспериментов.

Противоположная реакция на события революции была у Отто Нушке[5]. Будучи в то время шеф-редактором леволиберальной «Берлинской Народной газеты», он способствовал появлению статей против действий Вильгельма II в Первой мировой войне. Сам Нушке, выступая против «прусско-немецкой реакции», приветствовал результаты Ноябрьской революции. В своих статьях он выступал против министра обороны Веймарской Германии правого социал-демократа Густава Носке. Когда стало известно, что убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта было санкционировано Густавом Носке, прессинг со страниц газеты против него особенно возрос. Само убийство 15 января 1919 г. Нушке назвал «трусливым кровавым злодеянием развратной солдатни»[6].

Нушке – один из лидеров ХДС ГДР, сыгравший важнейшую роль в создании нового имиджа христианских демократов Востока уже в годы Ноябрьской революции стоял на левых позициях. Такой человек и необходим был СВАГ в качестве председателя одной из партий антифашистско-демократического блока во время создания ГДР.

Поддержал итоги революции и Якоб Кайзер[7]. Будучи активным участником христианского профсоюзного движения с 1912 г., Кайзер видел различные проявления несправедливости в отношении рабочих страны: отправка на фронт, война за погибающие идеалы монархии. Революционная ситуация, вызванная поражением в войне, возвысила в глазах трудящихся профсоюзное движение. После ноября 1918 г. количество членов всех профсоюзов возросло. Революция придала Кайзеру политический вес. Он стал одним из руководителей христианских профсоюзов Рейнской области[8].

Кайзеру были чужды левые взгляды. Он был членом католической партии Центра, добился там определенных успехов. Скорее Ноябрьская революция была для него удобным случаем начать политическую карьеру. В 1947 г. Кайзер был отстранен от председательства ХДС Восточной Германии за отказ от участия в Народном конгрессе – политической акции СВАГ, направленной против капиталистических стран. Христианский демократ воспринял это как очередной удобный случай для дальнейшей политической деятельности. Он уехал в Западный Берлин, где стал министром внутригерманских отношений в кабинете Конрада Аденауэра.

Отдельного внимания заслуживают оценки тех христианских демократов, кто события ноября 1918 г. встретили в качестве военнослужащих. Так, для

---

[5] Занимал пост председателя восточногерманского ХДС в 1948–1957 гг.

[6] *Otto Nuschke*. Mensch. Politiker. Journalist. Berlin, 1953. S. 26.

[7] Занимал пост председателя восточногерманского ХДС в 1945–1947 гг.

[8] Christliche Demokraten der ersten Stunde. Bonn, 1966. S. 180.

Андреаса Гермеса[9], революция стала поводом вернуться домой в Берлин с болгарского фронта[10]. Иные настроения были у тех, кто в дни революционных потрясений находился в Германии.

Будущий генеральный секретарь ХДС Восточной Германии и министр иностранных дел ГДР Георг Дертингер в 1918 г. обучался в кадетском корпусе в Берлине. В большинстве своем 16-летние кадеты, воспитываемые в уважении к героическим страницам прусской военной истории, «были готовы бороться против революции «красных» выступать за империю и императора»[11].

Немецкий историк П.И. Лапп в своей монографии о Дертингере так передавал переживания молодого кадета в ноябре 1918 г: «...в те беспокойные дни он убежал в кадетской форме домой и попал в революционную демонстрацию. Толпа избила его и разорвала военную форму, трудящиеся сорвали погоны и кокарду. Это еще больше озлобило 16-летнего юношу против «таких элементов». Он ожидал от командования приказа «к оружию». Каково же было разочарование молодого кадета, когда командир кадетской школы генерал-лейтенант появился перед ними без погон и с красной революционной повязкой. Увиденное шокировало Дертингера. Капитуляция его командиров перед революцией была хуже, чем удары палками от демонстрантов. Его антипатия к «красным» еще более усилилась, когда они лишили его профессионального будущего. По условиям Версальского мира в рейхсвере могло служить только 4 тысячи офицеров...»[12].

Георг Дертингер, став журналистом, вступил в ННПП. Это был единственный высокопоставленный христианский демократ ГДР, бывший членом национальной партии в годы Веймарской республики. В итоге витиеватая политическая судьба Дертингера и вера в Бога привели его в ряды ХДС.

Ноябрьская революция 1918 г. помогла раскрыть политические взгляды будущих лидеров ХДС. Оценки, даваемые политиками революции, характеризуют их взгляды на послевоенную историю Германии и роль в этих событиях Христианско-демократического союза. Консерватор Аденауэр был противником левых экспериментов, леволиберальный Нушке видел в единстве Германии ключевую роль СССР, а центрист Кайзер видел для Германии третий путь – между капитализмом и советским социализмом. Сама же Германия, по его мнению, должна была стать «мостом между Востоком и Западом». Как и любая революция, Ноябрьский переворот 1918 г., дал импульс для политических изменений в стране.

---

[9] Занимал пост председателя восточногерманского ХДС в 1945 г.

[10] Ibid. S. 159.

[11] *Lapp P.J.* Georg Dertinger: Journalist – Außenminister – Staatsfeind. Freiburg, 2005. S. 24.

[12] Ibid. S. 25.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕЗЕРТИРСТВА КРЕСТЬЯН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 ГОДА

Долгова Анжела Валерьевна, к.и.н.
(Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка)

После занятия Перми 24 декабря 1918 г. войсками генерала А.Н. Пепеляева 26 декабря его же приказом Советская власть объявлялась «низверженной».

6 января 1919 г. А.Н. Пепеляев приказал бывшим солдатам 1911, 1912, 1913 и 1914 годов службы явиться к 12 января в волостные и уездные правления для укомплектования «партизанских отрядов», формируемых при полках 1-го Средне-Сибирского корпуса «временно» (на 8 месяцев). Этот «временный призыв» назначался на участках от левого берега Камы в Соликамском уезде, Пермском и Кунгурском уездах, а также от правого берега Камы в Чердынском, Соликамском, Оханском уездах соответственно начдивами 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий»[1].

Белые, оперировавшие на территории Пермской губернии, были готовы к дезертирству со стороны местного населения. И обоснованно: в приказе А.Н. Пепеляева от 7 января 1919 г. упоминалось, что «часть офицеров и солдат призывного возраста до настоящего времени не явилась на службу»[2]. И это при том, что официально выражалась полнейшая поддержка военным властям со стороны «благодарного населения».

Дезертирство начиналось уже в тылу. В приказе А.Н. Пепеляева от 27 февраля 1919 г. говорилось: «За последнее время стали наблюдаться случаи, когда воинские чины, как солдаты, так и офицеры, следующие в свои части из отпусков, командировок, лазаретов, и даже дезертирствующие пристают к другим частям, начальники которых самовольно, никого не уведомляя, заносят их в списки своей части»[3].

В приветственной телеграмме командиру 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса председатель Чердынского уездного земского собрания Марков 23 января 1919 г. писал: «Вашей могучей рукой славные, верные, самоотверженные двинуты на наше спасение и мы, земские люди далекого Чердынского края, вновь ожили в гражданской жизни. Возродившееся земское собрание от лица всего населения уезда шлет земной поклон Вам и Вашим войскам. Душу и тело отдадим на создание нашей Родины. Из своих скудных, ограбленных

[1] Пермский государственный архив новейшей истории (ПГАНИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 94.

[2] ПГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 96.

[3] ПГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 264.

большевиками средств земское собрание единогласно ассигновало на нужды армии 50 000 рублей»[4].

Само по себе то обстоятельство, что губернию рассекал фронт, на котором между красными и белыми велись боевые действия, что эта линия фронта постоянно колебалась и перемещалась, стало серьезной предпосылкой для уклонения и дезертирства крестьян из Красной армии. Когда же в конце весны и начале лета колчаковские войска стали терпеть поражение и отступать с территории Пермской губернии, в них неизбежно началось разложение, которое прежде всего проявилось в росте дезертирства и перебежках к красным.

Согласно данным бюллетеней Пермской ГубЧК в управление ОСО ВЧК за период с 12 августа по 31 декабря 1919 г. при отступлении колчаковских войск с ними ушло более 60 000 человек, преимущественно из состоятельных групп, из среды городского мещанства[5].

К лету 1919 г. ситуация на фронте решительно менялась в пользу красных. 7 июня был взят Ижевск, 11 июня – Воткинск, 13 июня – Глазов, 20 июня – Оса, 29 июня – Оханск, Нытва. 1 июля была освобождена Пермь. Руководил операцией начальник 29-й дивизии В.Ф. Грушецкий. Тогда же В.И. Ленин направил частям РВСР Восточного фронта поздравительную телеграмму, в которой также указал на необходимость мобилизации рабочих в связи с дальнейшим освобождением Урала[6].

24 июня 1919 г. был образован Пермский губернский военно-революционный комитет (далее – ВРК)[7] под председательством Сивкова. В заседании от 29 июля 1919 г. по вопросу «об отношении к убежавшим с белогвардейцами» губвоенревком постановил: «Опубликовать воззванием политический взгляд власти к добровольно убежавшим и насильно уведенным белогвардейцами рабочим и крестьянам, гарантируя сохранность и неприкосновенность их хозяйств и имущества, а также положение об организации учета оставшегося живого и мертвого инвентаря убежавших с белыми»[8].

Власти ясно осознавали, что крестьяне, уклонившиеся от мобилизации или дезертировавшие позднее, добровольно по призыву не явятся, что все они – злостные дезертиры, всех придется разыскивать и ловить. Так и произошло. Военный комиссар Карьевской волости 3 сентября 1919 г. докладывал в Осинский военкомат: «В пределах волости рабочих фабрик и заводов не имеются, а граждане, подлежащие мобилизации от 19 до 35 лет, укрываются

---

[4] ПГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 159.

[5] ПГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

[6] *Ленин В.И.* Телеграмма Реввоенсовету Восточного фронта 1 июля 1919 г. // ПСС. Т. 51. С. 3.

[7] Временный чрезвычайный орган военной и гражданской власти на территории губернии. Обеспечивал восстановление Советской власти и поддержание революционного порядка, подготовку и проведение выборов в Советы, возобновление работы промышленных предприятий, снабжение продовольствием населения и Красной Армии. Действовал до передачи полномочий исполкому Пермского губернского Совета, избранного 27 сентября 1919 г. третьим съездом Советов губернии.

[8] ПГАНИ. Ф. 90. Оп.4. Д. 940. Л. 13.

по лесам все вооруженные, ни в коем случае нельзя с ними бороться»[9]. Иначе говоря, волвоенкомат (и, вероятно, не только указанный) не имел сил, да и намерений, бороться с дезертирами. Тем не менее, власти приступили к розыску бежавших из белой армии. Летом 1919 г. волостные исполкомы и волостные военкоматы регулярно отчитывались перед уездными властями о числе задержанных. Например, в Осинском уезде в среднем таковых приходилось на одну волость от 3-х до 20-ти человек. В некоторых случаях препровождаемые «в уезд» дезертиры – белые снабжались ходатайствами местных советских властей. Так, 29 июля 1919 г. Совет Рябковской волости Осинского уезда писал: «Осип Павлович Логинов 18 лет, был мобилизован в марте месяце. Логинов поведения хорошего, не любил белых... Покорно просим отпустить Осипа Логинова домой на полевые работы»[10]. Брюховской волвоенком, препровождая 20 сентября 1919 г. трех перебежчиков в Осинский уездный военкомат, в «примечании» напротив одной фамилии указал: «Совершенно бедняк. Как собственник хозяйства. Бедняк, у белых служил мало. В ряды белых был взят насильно и почти все время находился в тылу. Сирота. Не имеющий ни отца, ни матери»[11].

На дезертирство влияли внутренние и внешние факторы. Создание Красной армии из рабочих и крестьян, сети военных комиссариатов выявили неоднородность населения. Желание пойти служить в РККА было присуще беднейшим крестьянам и небольшому количеству рабочих, не считая рабочих Ижевско-Воткинского завода. Против выступали и представители иных национальностей – татары, башкиры, черемисы, вотяки, евреи.

Следует отметить добровольные начала мобилизации. На основании данных, составленных Пермским губернским военным комиссариатом за 10 августа 1918 г., норма количества призываемых выполнялась практически на 100%, мобилизовались, в основном, крестьяне, что соответствовало пролетарскому характеру формирования Красной армии[12].

В ноябре-декабре 1919 г. в Осинском уезде процент добровольцев превышал процент состоящих на учете и составлял примерно 120%. Правда, процент уклонившихся от призыва и «забракованных» по состоянию здоровья также превышал 50% от подлежащих призыву[13].

К внешним факторам, влиявшим на масштабы дезертирства, следует отнести близость фронта, своевременную организацию военных комиссариатов, призывных и агитационных пунктов, дальность расстояния. Где не было мобилизационных пунктов, показатели количества желающих служить в РККА были весьма скромные.

В период первых мобилизаций дезертирство не носило массовый характер. Чтобы какое-либо явление стало массовым, необходимо было и массовое убеждение сделать его таковым. О самом дезертирстве, Красной армии, программах политических партий, да и целях в Гражданской войне крестьяне в то время имели слабое представление.

---

[9] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 181. Л. 32.

[10] ГАПК. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[11] ГАПК. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 4. Л. 108.

[12] ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 158. Л. 436 об., 437.

[13] ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 158. Л. 436 об., 437.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ

Елисеев Алексей Борисович, к.и.н.
(Минский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Республика Беларусь)

7 ноября отмечается в Республике Беларусь как День Октябрьской революции и является общереспубликанским праздничным днём. Со стороны государства и общества это является признанием важной роли, которую сыграла революция в судьбе Беларуси. Октябрьская революция ускорила процесс национально-государственного самоопределения и привела к образованию государства на советской основе – Белорусской Советской Социалистической Республики.

До Октябрьской революции 1917 г. ни одна из национальных белорусских организаций, действовавших на неоккупированной территории, не ставила вопрос о создании самостоятельного белорусского государства. Максимум их требований в это время – предоставление Беларуси национально-территориальной автономии в составе России. В то время как белорусские партии и организации спорили о том, должна ли Беларусь быть отдельной областью или автономией в составе России, лидер большевиков В.И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной ещё до взятия власти, первым обмолвился о необходимости немедленного восстановления полной свободы для Беларуси[1]. Через полгода, будучи уже председателем правительства, Ленин подписал Декрет СНК о создании при Наркомате по делам национальностей так называемого Белнацкома – Комиссариата по делам белорусов[2]. В персональном отношении основу Белнацкома составили представители Белорусской социал-демократической рабочей партии (БСДРП), одним из лидеров которой был А.Г. Червяков (он и стал комиссаром Белнацкома), и левого крыла самой крупной белорусской партии – Белорусской социалистической громады (БСГ), лидером которого был писатель Д.Ф. Жилунович. Работники Белнацкома видели своей задачей разработать концепцию белорусского государства, неразрывно связывая национальные и классовые интересы. В печатном органе Белнацкома газете «Дзянніца» эта задача была выражена так: «Национальное самоопределение должно идти через руки рабочих и крестьян – тогда оно достигнет цели, а не станет самоопределением буржуазии. С этой точки зрения перед нами стоит великая цель – осветить перед всем трудовым народом дело национального самоопределения

[1] *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль–октябрь 1917. М., 1969. С. 299.

[2] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 460–461.

со стороны его интересов к нему и четко выявить эту потребность в настоящее время»[3].

Однако в своей деятельности Белнацком столкнулся с решительным сопротивлением Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзапа), которому с 26 ноября 1917 г. принадлежала власть на неоккупированной территории Беларуси. Большевики, которые были во главе советской власти в Беларуси, отрицали существование белорусской нации, стояли на позициях так называемого «областничества», полагая, что белорусам достаточно того, что у них уже есть – отдельной Западной области в составе РСФСР. Один из руководителей Облискомзапа В.Г. Кнорин недоумевал: «Я спрашиваю, что такое белорус-коммунист? До последнего времени мы особых “белорусских коммунистов” не знали. Мы считали, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашею задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых националистических рогаток. Белорусское же движение является таким воздвижением новых националистических рогаток, не существовавших до сих пор, а потому коммунисты не могут в каком бы то ни было виде принимать участие в этом движении»[4]. Деятелей Белнацкома облискомзаповцы называли не иначе, как «“советскими” социал-шовинистами», обвиняли их в предательстве классовых интересов трудящихся, измене интернациональному долгу.

Со своей стороны работники Белнацкома доказывали, что классовые и национальные интересы совместимы, что национальное самоопределение может осуществляться через рабочих и крестьян, и выступали за такое самоопределение на советской основе. В качестве первого шага они предложили переименовать Западную коммуну (так к сентябрю 1918 года называлась бывшая Западная область) в Белорусско-Литовскую. Но кроме очередной порции обвинений со стороны Облискомзапа ничего не получили. В ответ на это Д.Ф. Жилунович публично заявил, что поведение деятелей Облискомзапа не достойно коммунистов, что все вокруг как будто нарочно отворачиваются от белорусского вопроса, и что попытки обратить на него внимание разбиваются, как стекло о камень. И чтобы еще более усилить эффект, он заявил, что действия Облискомзапа на руку врагам революции, Советской России и деятелям так называемой Белорусской Народной Республики, которые говорят приблизительно так: «Посмотрите, братья-белорусы, даже край ваш большевики боятся назвать его настоящим именем – Беларусь! А называют его по-царски – Западный край. Где же их искренность?»[5].

Пик конфликта между Облискомзапом и Белнацкомом пришелся на декабрь 1918 г. – время окончания немецкой оккупации, открывавшее возможность решить вопрос об образовании самостоятельной белорусской республики. Для Облискомзапа парадокс ситуации заключался в том, что подпольной

---

[3] Дзянніца. 1918. № 4.

[4] *Кнорин В.Г.* Еще раз о «советских» социал-шовинистах (Ответ управляющему делами Белорусского комиссариата) // Избранные статьи и речи. Минск, 1990. С. 32–33.

[5] Дзянніца. 1918 г. № 35.

и партизанской борьбой на территории, которая была занята немцами после подписания Брестского мира, он содействовал консолидации белорусского населения, тем самым приближая решение вопроса о его национальном самоопределении. Развертывание в феврале–ноябре 1918 г. революционно-освободительной борьбы против немецких оккупантов – заслуга большевиков Западной области.

21–23 декабря 1918 г. по инициативе Белнацкома в Москве состоялась конференция Белорусских секций РКП(б) (большевистских организаций белорусов-беженцев, возникших в различных городах России и входивших в состав местных партийных организаций), высказавшаяся за создание Белорусской Советской Республики и образование рабоче-крестьянского правительства Беларуси. Со стороны СНК практическими вопросами образования БССР занимался И.В. Сталин как народный комиссар по делам национальностей. 25 декабря 1918 г. он встретился с Д.Ф. Жилуновичем и другими работниками Белнацкома и предложил им составить список членов будущего правительства Беларуси. В этот же день Сталин позвонил председателю Облискомзапа А.Ф. Мясникову и сообщил решение ЦК РКП(б) о создании БССР.

30–31 декабря 1918 гг. прошла VI Северо-Западная конференция РКП(б), которая объявила себя Первым съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруской республики и приняла решение о провозглашении Западной коммуны Белорусской Советской Республикой. В ночь с 1 на 2 января 1919 года был обнародован написанный Д.Ф. Жилуновичем Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси. В нем Беларусь провозглашалась независимой советской республикой с передачей всей власти Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов[6].

Несмотря на все сложности и противоречия, сопутствовавшие созданию БССР, Белорусская Советская Социалистическая Республика стала первым реальным национальным государством белорусов. В том, что оно было создано, большую роль сыграл Белорусский национальный комиссариат. Кнорин впоследствии откровенно признавался, что борьба против Белнацкома была серьезной ошибкой Облискомзапа. Но и у Облискомзапа была несомненная заслуга. Она заключалась в том, что уже к лету 1918 г. Беларусь покрылась широкой сетью антиоккупационных подпольных организаций. Как только национальная задача освобождения от оккупации была решена, она поставила в повестку дня как вопрос непосредственной практической реализации создание белорусского государства. 1 января 1919 г. оно было создано.

[6] 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: Документы и материалы. Минск, 2005. С. 13–16.

«ЗВУКОВОЙ» КОНТЕНТ ПЕРИОДА НЕМОГО КИНО (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АКТРИСЫ ВЕРЫ ГЕОРГИЕВНЫ ОРЛОВОЙ)

Еремина Елена Александровна
(Всероссийский Государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова)

Ушёл в историю XX век. Век великих политических событий – войн и революций, век, первая четверть которого, названа серебряным, эпохой завоеваний и откровений в искусстве и эпохой кризиса и тупиков в культуре.

Будучи новым, массовым, промышленным искусством, кино, последним может претендовать на место в пространстве художественной культуры Серебряного века, не имеющим за плечами ни классического Золотого Века, ни определённых традиций. Но именно на его долю в России в первые годы существования выпали большие испытания: отрицание и забвение в период зарождения и становления новых советских традиций и направлений, переплетенных с судьбами и творчеством людей, которых окутал своими серебряными сетями кинематограф, манящий своей притягательной силой неведомого, незнакомого.

Эта неопределенность одновременно и пугала, и вызывала интерес у многих актеров театров, которые стремились постичь тайну «серебряного» экрана. Одной из таких актрис была **Вера Георгиевна Орлова** (1894–1977). Отдав свое творчество кинематографу, она не получила высоких званий и наград, но ее труд не остался незамеченным в истории российского кино.

После окончания гимназии в 1911 году В.Г. Орлова приехала в Москву, и по протекции отца, поступила на работу в контору Казённых железных дорог, получив должность конторщицы. Но мечта стать актрисой не оставляла молодую девушку. Она стала брать частные уроки по актёрскому мастерству у актёра МХТ и педагога **Николая Осиповича Массалитинова** (1880–1961). Из воспоминаний актрисы: «...В 19 лет – конкурсный экзамен в Московский Художественный театр, в театр своей мечты. И стала актрисой, ученицей ВЕЛИКИХ Мастеров К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, Е. Вахтангова и Л. Сулержицкого. Началась жизнь в Искусстве, жизнь волшебная, фантастическая, и горькая, и счастливая...»[1].

В 1915 году В.Г. Орлова впервые пришла на студию **Иосифа Николаевича Ермольева** (1889–1962), которому заявила, что хочет сниматься в кино. «...Сказанное со всей смелостью и легкомыслием молодости «хочу» перевер-

[1] Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2952. Оп. 1. Д. 38.

нуло всю мою жизнь...»[2]. Здесь В.Г. Орлова встретилась с режиссером **Яковым Александровичем Протазановым** (1881–1945), в фильмах которого ей удалось создать яркие реалистические образы, и познакомилась со своим партнером выдающимся актером немого кино **Иваном Ильичом Мозжухиным** (1889–1939).

Приступив в 1916 году к экранизации повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», Я.А. Протазанов обратился к либретто, написанному для одноименной оперы П.И. Чайковского. Игра В.Г. Орловой, сумевшей создать путём проникновения в образ живую и правдивую героиню, отличалась реалистичностью, искренностью, музыкальностью. В картине уже тогда на основе философского изображения жизни сквозили нотки смятений и поисков, охватившие молодёжь тех лет.

Свое развитие эта идея получила в картине Я.А. Протазанова «Сатана Ликующий» (1917). Немой фильм наполнен ярким звукозрительным рядом. В.Г. Орлова в фильме исполняет роль Инги – девушки, влюблённой в музыканта Сандро (II серия картины). Наряду с мягкостью и трепетностью в образе героини, созданном актрисой, показана ее настойчивое преодоление пут, окутавших главного героя.

Революционные события февраля 1917 года побудили многих режиссёров обратиться к теме свободомыслия. Я.А. Протазанов экранизирует в это время повесть революционера-народника, участника вооружённых восстаний сербов и итальянцев, публициста Сергея Степняка-Кравчинского «Жизнь нигилиста» – «Андрей Кожухов». Снятая в двух сериях, картина вышла на экраны в апреле 1917 года. В фильме на фоне убедительного рассказа о судьбе революционера, отмечается точная проработка актёрами И.И. Мозжухиным и В.Г. Орловой историко-бытовых деталей, окружённых действующей средой. По-видимому, это могло определить то, что лента не сходила с экранов вплоть до 1925 года.

Задумав снять фильм по произведению Л.Н. Толстого «Отец Сергий», Я.А. Протазанов смог осуществить свой замысел только после Февральской революции 1917 года, так как до этого цензурой было запрещено изображение представителей царствующей династии и церкви. В фильме на нескольких этапах жизни князя Касатского показано его духовное перерождение: от светских балов с весело звучащей мазуркой – до трагических канонов ее завершения. Большое испытание выпало в фильме В.Г. Орловой. Роль купеческой дочки с отклонениями здоровья, казалось бы, никак не подходила к данным весьма популярной актрисы.

Из воспоминаний актрисы: «...Купеческая дочка... Я полюбила эту роль, за которую потом получила много похвал от Якова Александровича и от Владимира Ивановича Немировича-Данченко, который позднее, почти десять лет спустя, поздравил меня также с успехом и в другой роли – Маши в картине «Аэлита...»[3]

В этом же году на экраны выходит лента «Царь Николай II, самодержец всероссийский», снятая А. Ивониным и Б. Михиным, где роль Насти была отдана В.Г. Орловой, которая создала новый образ женщины – не болезненный и утончённый, утомлённый страстями, а цветущий, здоровый и телом и духом, полный жизненных сил. Понимание и осмысление революционных

[2] Там же.

[3] РГАЛИ. Ф. 2952. Оп. 1. Д. 38.

событий героями картины передавались здесь через биографию простого крестьянина. Фильм по своей сути, хроникальный.

В нем собраны кадры «царской хроники», хроники Первой мировой войны и Февральской революции, придав ленте значение исторического документа. Динамичность хроникальных и ритмичность художественных кадров позволили создать общий, ритм контента всего фильма. В.И. Ленин дал картине положительную оценку. В конце 1917 – начале 1918 года по его указанию были дополнительно напечатаны десять копий и отправлены за границу.

Значение звукового контента в немых фильмах интересовало и помощника Я.А. Протазанова режиссера **Александра Викторовича Ивановского** (1881–1968). «Кино без музыки не живёт!.. – писал он. – Но Особенно его привлекала природа пушкинских строк. Он считал, что «...ритм пушкинской прозы, ее музыкальность являются необходимыми элементами кинодвижения...»[4].

Именно это понимание движения А.В. Ивановский вложил в картину «Станционный смотритель» (1918), где роль Дуни исполнила В.Г. Орлова. Актриса наделила свою Дуню трепетностью и женственностью, по сравнению с «фоном» «холодных», «позирующих» героинь.

С введением в действие в 1919 году Декрета «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению» у кинематографистов открылись перспективы развития образа нового человека – современника-революционера. Эта идея была воплощена в короткометражном фильме **Чеслава Генриховича Сабинского** (1895–1941) «Рабочий Шевырев» (1919), где В.Г. Орлова сыграла роль портнихи, вынужденной идти на содержание к богатому лавочнику. Главный герой также окружен нищетой и беспомощностью простых людей. Но за право не быть униженным, платит своей жизнью. Здесь он пока один. Но уже в том же 1919 году выходит картина «Товарищ Абрам» (1919) режиссёра **Александра Ефимовича Разумного** (1891–1972), поводом для создания которой послужило обращение Московского комитета к частным кинофирмам с предложением принять участие в постановке агитфильмов, посвящённых первой годовщине Красной Армии. Образ жены генерала, созданный В.Г. Орловой, которая уже вынуждена сама прятаться, следя за солдатами и командирами Красной армии, наполнен осторожностью, хитростью, притворством. Из воспоминаний В.Г. Орловой: «...Вспоминаю 1919 год. Май. Поездка группы МХАТа во главе с В.И. Качаловым... Наступали «деникинцы»... Дальше, дальше, ночь...Теплоход... Из Батуми в Константинополь. Дальше... Болгария, Австрия, Чехословакия, Германия... Нет, не забыть ночи погрузки на пароход. Все стояли на палубе, обнявшись, и плакали, плакали. Все дальше, дальше отрываясь от Родины... Нет, никогда не забыть этой ночи!!!..»[5].

Фильмы немого периода Российского кинематографа в своем контенте положили начало звуковой эры киноискусства. Начав развиваться в эпоху войн и революций, кинематограф впитал в себя не только эстетику уходящего века, но и обогатил ее новой палитрой красок музыкального звукоряда революционных событий в России. И в этом немалая заслуга творчества актрисы Веры Георгиевны Орловой.

---

[4] *Ивановский А.* Фильмы и годы // Из истории Ленфильма. Л.: Искусство, 1968. В. 1. С. 30–52.

[5] РГАЛИ. Ф. 2952. Оп. 1. Д. 38.

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В НОВОРОССИИ В 60-х ГОДАХ XIX ВЕКА[1]

Ерёмина Ксения Вячеславовна
(Российский государственный гуманитарный университет)

К середине XIX века в Новороссии прочно закрепилась общеимперская система управления, за исключением лишь нескольких специфических учреждений. Несмотря на весьма отдалённое положение от центра, этот регион активно включается во все внутригосударственные процессы, поэтому Великие реформы 60-х годов коснулись его самым непосредственным образом.

В данной статье рассматривается процесс введения новой судебной системы на территории Новороссии и анализируются общие и особенные черты в осуществлении этой реформы по сравнению с центральными российскими губерниями.

20 ноября 1864 года в Российской империи были введено Учреждение судебных установлений, ознаменовавшее переход к новой судебной системе[2]. Впервые в России появился гласный и всесословный суд, независимый от администрации. Практически сразу после обнародования Учреждений начала работать комиссия по разработке плана реализации реформы. Наконец, 19 октября 1865 года последовал именной указ, который предписывал в течение 1866 года ввести судебные уставы в округах Санкт-Петербургской и Московской судебных палат, а в течение четырёх лет, начиная с 1866 года – во всех губерниях, которые управляются на основании общего губернского учреждения, а также в Бессарабской области[3].

На территории Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства судебная реформа была введена постепенно в течение 1867–1869 годов. Следует отметить, что ещё до обнародования указа в канцелярию генерал-губернатора П.Е. Коцебу был направлен «Журнал соединённых департаментов законов и гражданских дел Государственного совета о преобразовании судебной части в России», так что у местных судей и прокуроров была возможность предварительно ознакомиться с грядущей реформой, а также выразить своё мнение. Больше всего вопросов вызывало отсутствие переводчиков в штате новых судов, что могло привести к множеству проблем в таком многонацио-

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10147а(ц)).

[2] Указ № 41.475 от 20.11.1864 г. / Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание (1649–1825). (Далее – ПСЗ-2). СПб., 1830. Т. 39. С. 180–215.

[3] Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20-го ноября 1864 года (Далее – Узаконения). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 44–46.

нальном регионе, как Новороссия. Тем не менее, эти замечания не были учтены и судебные уставы вводились здесь на общих основаниях[4].

Это означает, что, как и во всех остальных российских губерниях, здесь вводилось три типа судов: мировой, окружной, а также судебная палата. Среди них мировой судья был выборной должностью, а члены окружной суда и судебной палаты назначались императором.

Для создания сети мировых судов уезд делился на несколько участков, в каждом из которых уездные земские собрания или городские думы избирали мирового судью сроком на три года. В его юрисдикцию входили гражданские иски и мелкие криминальные преступления. Следующей инстанцией был съезд мировых судей, объединявший судей одного мирового округа (как правило, совпадал с уездом). Здесь можно было обжаловать решение мирового судьи.

Округ окружного суда распространялся на несколько уездов, однако не совпадал с губернией. В окружной суд входили председатель, два члена, прокурор и его товарищи, а также следователи и адвокаты. Здесь рассматривались практически все гражданские и уголовные дела. Судебная палата состояла из председателя, четырёх членов и трёх сословных представителей. В её полномочия входило рассмотрение очень важных уголовных и политических дел. Высшей инстанцией для всех судебных учреждений были два департамента Сената: уголовно-кассационный и гражданско-кассационный.

Право первенства в открытии новых судебных учреждений досталось Бахмутскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии, которые вошли в состав судебного округа Харьковской судебной палаты (округ Изюмского окружного суда). Здесь судебные уставы были введены уже в 1867 году[5]. Остальной же части Екатеринославской губернии, так же как и губерниям Херсонской и Таврической пришлось ждать своего часа вплоть до 1869 года. Так, в июне 1868 года было принято решение образовать округ Одесской судебной палаты, который объединил большую часть новороссийских земель. В частности, уезды Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний были разделены на пять окружных судов:

1) Херсонский окружной суд распространялся на Херсонский уезд Херсонской губернии и Днепровский уезд Таврической губернии;

2) Одесский – на Одесский, Тираспольский, Ананьевский, Елисаветградский и Александрийский уезды Херсонской губернии;

3) Екатеринославский – на Екатеринославский, Новомосковский, Верхнеднепровский, Павлоградский, 1-й и 2-й станы Александровского уезда Екатеринославской губернии;

4) Таганрогский – на 3-й и 4-й станы Александровского, Мариупольский, Ростовский уезды Екатеринославской губернии, Таганрогской градоначальство и Бердянский уезд Таврической губернии;

5) Симферопольский – на Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Ялтинский, Феодосийский и Мелитопольский уезды Таврической губернии.

---

[4] *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX ст. К., 2005. С. 223.

[5] Узаконения. С. 188–150.

Государственный совет предполагал ввести на этих территориях судебные уставы в течение первой трети 1869 года[6]. Последовавший за этим именной указ назначил ответственным за открытие округа Одесской судебной палаты сенатора А.А. Шахматова, который становился её старшим председателем[7]. Однако все заботы о проведении судебной реформы возлагались, главным образом, на земства. Так, в каждом уезде было создано особое присутствие, состоящее из членов уездной земской управы, уездного предводителя дворянства, полицмейстера, всех мировых посредников уезда и местного мирового судьи[8]. В этом присутствии обсуждались новые судебные уставы, разделение уездов на участки, работа мировых съездов, оклады судей и прочее. Принятые решения поступали на обсуждение губернских особых присутствий[9].

К апрелю 1869 года все подготовительные работы были завершены, и в регионе были открыты новые судебные учреждения: 2 апреля в Одессе, 8 апреля – в Екатеринославе, 13 апреля – в Херсоне, 22 апреля – в Симферополе, 30 апреля – в Таганроге[10].

В этом же месяце Государственный совет принял решение о введение в действие судебных уставов на территории Бессарабской области. Учреждаемый Кишинёвский окружной суд должен был подчиняться судебному округу Одесской судебной палаты[11]. Открытие новых судебных мест назначалось на 20 декабря 1869 года,[12] и официально всё именно так и произошло, однако фактически суды начали свою работу только в январе 1870 года.

Необходимо отметить, что до обнародования реформы, в Бессарабии также шла горячая дискуссия её основных положений. В частности, молдавские юристы ратовали за то, чтобы хотя бы частично сохранить здесь местные законы, а также вести судопроизводство как на русском, так и на молдавском языках[13]. Правительство не удовлетворило ни одну из этих просьб, однако на практике мировые судьи выбирались в Бессарабии из числа местных землевладельцев, которые знали молдавский язык и обычаи, а судебные дела велись на языке подсудимого[14].

После введения судебной реформы в Новороссии стало ясно, что социальный состав мировых судей здесь также мало чем отличается от других гу-

---

[6] Узаконения. С. 363–366.

[7] Указ № 46.682 от 23.01.1869 г. / ПСЗ – 2. Т. 44. С. 85.

[8] Узаконения. С. 48.

[9] *Кочергін І.О.* Соціальна трансформація Катеринославського дворянства С. 244–245.

[10] *Биюшкина Н.И.* Пореформенный окружной суд. Проблемы становления // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. Нижний Новгород. 2001. № 1. С. 47.

[11] Узаконения. С. 436.

[12] Там же. С. 451.

[13] *Кустрябова С., Захария С.К.* Судебная система Бессарабии 1812–1869 гг. в контексте молдово-российского законодательства XVIII в. – 60-х гг. XIX в. Каграт, 2004. С. 155.

[14] *Боршевский А.П.* Судебная реформа 1864 года и её особенности в Бессарабии // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. С. 81.

берний. В связи с высоким имущественным цензом (земельная собственность площадью не менее 500 десятин), на эту должность могли претендовать в основном лишь дворяне. Так, в 1875 году в Екатеринославской губернии среди участковых мировых судей числились исключительно дворяне, а на 129 почётных мировых судей-дворян приходилось лишь 8 купцов, 5 из которых находились в Ростовском уезде. Это легко объяснить тем, что в таком крупном торговом центре, как Ростов-на-Дону, значительную часть состоятельных граждан составляли купцы. Однако и здесь среди почётных мировых судей дворян оказалось на 7 человек больше[15].

Таким образом, судебная реформа не заставила себя долго ждать в Новороссийском крае. Благодаря активной поддержке местной администрации, реформа была проведена здесь эффективно и в полном объёме. А то обстоятельство, что к 60-м годам XIX века Новороссия принимала активное участие в жизни всей империи, позволило провести здесь все необходимые преобразования без каких-либо значительных отличий от остальных российских губерний. Процесс инкорпорирования края не имел обратной силы, поэтому все последующие изменения в судебной системе (к примеру, введение института земских участковых начальников[16]) равным образом отразились на этих учреждениях и в Новороссии

[15] *Кочергін І.О.* Указ. соч. С. 247.

[16] Указ № 6.195 от 12.07.1889 г. / ПСЗ – 3. Т. 9. С. 507–508.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ Т. СКОЧПОЛ

Ермаков Вадим Андреевич, к.и.н.
(Московский финансово-юридический университет (МФЮА))

В период 100-летнего юбилея Великой русской революции 1917 г., когда общество, власть и наука находятся в поисках консенсуса в отношении оценки и понимания событий, имеющих существенное значение для российской и мировой истории, особое значение приобретает анализ данного факта в контексте современных социологических и политологических теорий. Следует отметить, что в западной теоретической традиции данному факту отводилось определенное положение в связи с разработкой макросоциологических теорий, касающихся объяснения процессов радикальной трансформации социальных систем. Существует целый ряд теоретиков революции, среди которых Теда Скочпол, по классификации Джека Голдстоуна, относится к «третьему поколению» исследователей, отличием которых является «государственно-центричная модель»[1] процесса.

Взгляды Скочпол на революцию 1917 г. являются составной частью структуралистской теории революции, разрабатываемой американской школой в 60–70-е гг. XX в. и предлагающей компаративистский подход в понимании феномена революции в целом. В сравнительном анализе французской 1789–1794 гг., русской 1917 г. и китайской революций 1911 г. она дает социально-структурное объяснение факторов, механизма и динамики конкретно-исторических трансформаций социальной системы на национальном уровне.

Исходным пунктом для понимания феномена русской революции имеют дефиниции определения, предложенные в ставшей уже классической работе «Государства и социальные революции»(1979): «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу»[2]. Таким образом, отмечая динамичность, интенсивность и глубину социальных изменений в период революции, автор отмечает в качестве ключевого актора процесса – классовые структуры, а его источника – социальные движения снизу. Проблему революционной трансформации в России, а также Франции и Китае она рассматривает в соотношении с государством и его институтами, полагая, что «режимы часто

[1] *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. 5 (56). С. 58–103.

[2] *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge University Press, 1979. С. 4.

разваливаются из-за своей внутренней неэффективности и слабости своего международного положения»[3].

Катализатором подобных изменений, создающих условия для революционной ситуации, по мнению Скочпол, становятся внешнеполитические конфликты – войны. Относительно русской революции необходимо отметить, что ее позиция по этому поводу согласуется с оценками российских и западных историков, полагающих, что именно Первая мировая война стала существенной причиной революции 1917 г. Фактором риска, усиливающим революционную динамику и демонстрирующим неэффективность механизма государственного управления в кризисных условиях, является неспособность урегулирования внутреннего положения посредством применения репрессивных и чрезвычайных методов, а также силовых структур – армии и полиции. В этой связи факты начальных этапов Февральской революции 1917 г. подтверждают данный тезис и позволяют сделать вывод о верифицируемости выдвигаемых положений.

Анализируя каузальные предпосылки фундаментальных социальных трансформаций, происходящих на национальном уровне, Скочпол стремится отразить в своей теории взаимодействие целой серии внутренних и внешних факторов. Причинами русской революции, согласно Скочпол, являются, с одной стороны, внутренние факторы, к числу которых относятся ослабление, раскол и конфликт элитарных групп вместе с усилением роли крестьянского движения. Касаясь процесса деструктуризации элит или «кризиса верхов» в традиционном российском обществе, она отмечает, что именно их консенсус в лице крупных земельных собственников и бюрократически-имперской администрации, обеспечивал легитимность и преемственность власти, а нарушение его баланса способствовало дестабилизации внутреннего положения. В дополнении к внутренним факторам стоит отнести особенности экономического развития, его аграрный характер, а также актуальность аграрного вопроса, породившего социальный конфликт между различными классами.

С другой стороны, следует также учитывать внешние факторы – невыгодная внешнеполитическая конъюнктура и положение страны в международных отношениях в тот период, влияние транснационального фактора на дестабилизацию внутриполитической ситуации. Подводя итог и соотнося роль внутренних и внешних факторов, необходимо отметить, что фундаментальной предпосылкой русской революции, имеющей исторический генезис, Скочпол считает аграрно-бюрократических характер социальной системы России. Подчеркивая сходство политических режимов династий Романовых, Бурбонов и Маньчжурской накануне революций, она полагает, что неспособность элит своевременно провести реформы, решить актуальные вопросы, трансформируя социальную систему сверху, порождает радикальные инициативы ее переустройства снизу. Рассуждая об изменениях, происходящих в ней в период революции, она считает, что они носят кумулятивный и взаимодополняющий эффект, который усиливает социальные противоречия и конфликт между различными социальными группами.

Для Скочпол русская революция 1917 г. не является специальным предметом теоретического анализа, скорее она относится к выборке и определен-

[3] *Хейвуд Э.* Политология. М., 2005. С. 275.

ному типу революций, в которых возможно проследить серию повторяющихся факторов и аналогичных характеристик. Сравнивая ее с другими на уровне эмпирического анализа, она делает акцент, как и в остальных случаях, на позитивности и успешности результатов, в качестве которых она считает укрепление централизации и бюрократического аппарата национального государства, а также рост его престижа и авторитета в международных отношениях.

Конечно, указанный тезис требует более детального фактологического рассмотрения и доказательства, учитывающего специфику российского исторического процесса, тем не менее, в качестве гипотезы, такое объяснение возможно использовать для объяснения эволюции и тенденций развития государственных институтов в России, включая и признавая революционные трансформации на различных этапах.

ТРУДНОСТИ РОСТА ДВОРЦОВЫХ ГОРОДОВ НА ПРИМЕРЕ ПЕТЕРГОФА ПРИ НИКОЛАЕ I

Ефимов Андрей Александрович, к.и.н.
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Одним из важнейших вопросов, стоявших перед Министерством императорского двора при управлении дворцовыми городами, являлось их территориальное урегулирование, предусматривавшее, в том числе, прокладку новых улиц и обустройство новых кварталов. В существующих исследованиях работа Министерства императорского двора в этой области практически не рассматривается, а основное внимание обращается на императорские резиденции, а не на городские кварталы. Исключением стоит считать незавершенный многотомный труд выдающегося краеведа В.А. Гущина «История Петергофа и его жителей»[1], однако и он затрагивает отмеченный вопрос лишь по касательной. В данном сообщении на архивных материалах будут кратко рассмотрены осложнения и трудности разного рода, вставшие перед служащими Петергофского дворцового управления при решении вопросов, связанных с расширением территории этого города при Николае I.

Император Николай Павлович уделял Петергофу повышенное внимание, не только заказывая возведение зданий для членов императорской фамилии, но и предназначив «много новых участков к отведению безвозмездно для постройки дач[2]». Реализация планов по наращиванию городских территорий встречалась с разными сложностями, одна из которых коренилась в отмеченной выше заинтересованности государя. Примером этого является история прокладки одной улицы в Малой Петергофской слободе. В 1827 г. управляющий Петергофским дворцовым правлением генерал-майор Я.Я. Эйхен представил главноуправляющему Царским селом, Петергофом и Гатчиной генерал-лейтенанту Я.В. Захаржевскому проект прокладки новой улицы «почти параллельно Конюшенной», который с приложением плана был вскоре представлен государю, утвердившему его в начале октября[3].

Однако уже в ходе реализации этой инициативы император дважды менял своим решением трассировку дороги. В первый раз в конце августа 1830 г. Николай I указал «сию улицу вести прямо и соединить с Большой почтовой дорогой у дома смотрителя Провиантского магазина». Воплощение этого распоряжения не вызвало особых затруднений[4]. Вторично государь вмешался

---

[1] *Гущин В.А.* История Петергофа и его жителей. СПб., 2001–2005. Кн. 1–3.

[2] Материалы о городах Придворного ведомства. Город Петергоф. СПб., 1882. С. 5.

[3] РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 96. Л. 1–4.

[4] Там же. Л. 14.

в конце 1832 г., когда распорядился задать улице другое направление, лично указав его на плане. На этот раз чиновники Придворного ведомства уже не имели свободы маневра, поскольку «по означенной улице места почти все розданы и на некоторых по высочайше утвержденным фасадам построены уже дома[5]». Кроме того при возведении жилых зданий по новому плану была бы нарушена противопожарная зона отчуждения Провиантского магазина, и дома могли оказаться менее, чем в 20 саженях от оного. На этих основаниях было принято решение доложить о «неудобстве» изменения линии улицы[6]. Тем не менее, император настоял на своем, разрешив обывателям «на прибавляемых к участкам их местах развести сады». Такое решение избавляло от необходимости переносить на красную линию уже построенные дома[7].

Однако развитие Петергофа вскоре вынудило чиновников Придворного ведомства озаботиться вопросом перевода Провиантского магазина на другое место, поскольку к сентябрю 1834 г. по плану застройки прилегавшей к нему площади жилые здания оказывались на расстоянии 16 саженей вместо предусмотренных правилами 40 саженей. Совместно с генерал-провиантмейстером управляющий Петергофским дворцовым правлением генерал-лейтенант Я.Я. Эйхен уже к концу месяца, осмотрев окрестности города с учетом предложенных императором вариантов, выбрал для склада продовольствия новое расположение[8].

В 1832 г. велась работа по составлению очередного плана Петергофа, предусматривавшего выделение земель под строительство домов городскими обывателями. При этом после проведения генерал-майором Корпуса путей сообщения С.М. Лихардовым осмотра указанных участков было установлено, что для возведения там зданий предварительно необходимо провести мелиорацию. Это обстоятельство значительно осложнило решение вопроса о дальнейшем градостроительном развитии территории. Вначале чиновники Придворного ведомства надеялись обойтись малой кровью, изыскав свободные земли в существовавших кварталах; однако таковых оказалось недостаточно для удовлетворения всех застройщиков. На этом основании генерал-лейтенантом Я.В. Захаржевским было дано предписание генерал-майору С.М. Лихардову составить подробный проект осушения назначенного под застройку участка[9].

Согласно представленным расчетам на эти цели требовалось 33 830 руб. Николай I отверг этот план и рекомендовал другой подход к решению проблемы. Однако после выполненного С.М. Лихардовым в соответствии с указаниями императора перерасчета общая стоимость работ не только не снизилась, но даже выросла более чем в полтора раза до 53 120 руб. При этом прежний проект оставлял возможность уложиться в 14 000 руб. Но и это не содействовало немедленной реализации плана, поскольку 8 декабря 1832 г. император распорядился из-за отсутствия свободных средств отложить его «впредь до времени». Необходимая сумма нашлась лишь в середине августа 1834 г., когда

---

[5] Там же. Л. 37.

[6] Там же. Л. 38–39.

[7] Там же. Л. 41.

[8] РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 233. Л. 1–1 об., 5.

[9] РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 153. Л. 3, 10–11, 14.

из средств Кабинета Е.И.В. на осушение и устройство новых мест под обывательские дома в Петергофе была выделена 31 870 руб.[10].

Растущий город распространялся не только на свободные земли, но и на уже обжитые территории. Так, весной 1832 г. при подготовке очередного плана Петергофа с обозначением на нем территорий новых кварталов для передачи под застройку, император дополнительно распорядился перевести на другое место деревню Новую[11]. Для выполнения этого поручения генерал-лейтенант Я.Я. Эйхен, по его собственным словам, предложил самим ее жителям подыскать себе место для переезда. В результате выбор пал на участок «за большой Петергофской слободой между дорогами, ведущими к Собственной даче и нижней почтовой к Ораниенбауму».

Однако эти земли находились в совместном владении Петергофских и Ораниенбаумских крестьян и сдавались в аренду; а для организации переезда предварительно требовалось провести разграничение владений, договориться о компенсации арендаторам за досрочный разрыв договора и обеспечить пособием крестьян-переселенцев. Последний вопрос был решен к середине июня 1832 г., когда по рапорту управляющего Петергофским дворцовым правлением было установлено выдать каждому домовладельцу деревни Новой по 500 руб. без возврата. Еще через месяц удалось достичь соглашения с огородниками-арендаторами Парфеном Андреевым и Михаилом Афонасьевым, которые согласились освободить землю после уборки овощей и сена при условии выплаты им 1 000 руб.

Намного больше времени заняло размежевание земель Петергофского дворцового управления, входившего в состав Министерства императорского двора, и Ораниенбаумского, принадлежавшего великому князю Михаилу Павловичу. Процесс этот, начавшись в августе 1832 г., был завершен лишь в феврале следующего года. Лишь после этого стало возможным начать переселение крестьян деревни Новой на новые места[12]. При этом освобожденная территория долгое время оставалась «в резерве» и лишь в январе 1851 г. Николай I распорядился разделить ее на 6 участков для будущего строительства[13].

В представленном докладе на примере Петергофа эпохи Николая I были рассмотрены проблемы, с которыми при решении вопросов расширения городских территорий могли сталкиваться чиновники Придворного ведомства. При этом стоит отметить, что эти сложности могли возникать, и скорее всего, возникали в действительности и у других административных органов Российской империи. Особенность же Министерства императорского двора была в его более тесной связи с императором, что могло упрощать их решение.

---

[10] Там же. Л. 17–19, 23–23 об., 31–32, 34–34 об.

[11] РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 154. Л. 1

[12] Там же. Л. 2–3, 8–9 об., 11–11 об., 20–20 об.

[13] РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 913. Л. 1.

ПОЛОЖЕНИЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Зверева Мария Александровна
(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

К началу XX века в России сформировался новый слой общества, совершенно особый, это рабочий класс. Непростая жизнь обыкновенного рабочего часто отягощалась сложными взаимоотношениями с предпринимателем, длительностью рабочего дня, низким жалованием и частыми штрафами. Цель данного исследования – проанализировать социальное положение рабочих в Новгородской губернии.

Источниковую базу исследования составили документы из фондов Государственного архива Новгородской области (ГАНО): Ф. 98 – Новгородская губернская земская управа; Ф. 274 – Старший фабричный инспектор Новгородской губернии. В составе данных фондов были выявлены документы, которые позволили нам установить уровень жизни рабочих, их годовую заработную плату, условия проживания при фабрике или заводе, уровень медицинского облуживания и взаимоотношения между рабочими и фабрикантом. Кроме этого, мы опирались на информацию, опубликованную в сборнике документов из фондов ГАНО и в статистических справочниках[1]. Отдельные аспекты данной темы нашли отражение в работах новгородских исследователей В.И. Ромашовой[2] и Т.Н. Курочкиной[3], авторы которых используют материалы фабрично-заводской статистики.

В целом по России более половины (57,2%) всех фабрик и заводов находилось в сельской местности. Неравномерность размещения промышленности в Новгородской губернии не была исключительным явлением в капитали-

[1] Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX // Сб. документов / Сост.: Т.А. Данько (отв. сост.), Т.Н. Курочкина, Е.Ф. Михайлова и др.; Отв. ред. Н.В. Салоников. Великий Новгород, 2014. С. 432.

[2] *Ромашова В.И.* Фабрично-заводская промышленность Новгородской губернии в начале XX в. // Новгородский край. Материалы науч. конф. Л.: Лениздат, 1984. С. 105–112.

[3] *Курочкина Т.Н.* Промышленность Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: статьи III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 3 марта 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 255–272.

стической России[4]. В Новгородской губернии в начале XX века более 90% (91,49) фабрик и заводов размещалось в селах и деревнях, на них было занято 98% фабрично-заводских рабочих, производивших 97% от объема промышленной продукции губернии (в рублях)[5].

Среди новгородского фабрично-заводского пролетариата пришлые рабочие составляли незначительную часть. Чаще всего они относились к группе рабочих высокой квалификации, которые, как пишет старший фабричный инспектор Новгородской губернии М.А. Рубакин: «от деревни отстали и домом для них служит та фабрика, где они работают»[6].

У промышленного рабочего Новгородской губернии длительное время сохранялась тесная связь с землей. Работая зимой на фабрике, в летнее время он продолжал заниматься сельскохозяйственным трудом. В этом отношении интересны наблюдения новгородского фабричного инспектора, который отмечал, что массовый уход местных рабочих в разгар полевых работ вынуждал владельцев мелких и средних фабрик и заводов порою даже приостанавливать производство в разгар сельскохозяйственных работ[7].

На промышленных предприятиях Новгородской губернии продолжительность рабочего дня составляла от 8 часов (при трехсменной работе) до 12 часов (при односменной работе). Рабочая неделя, как правило, составляла 6 дней, в субботу рабочий день сокращался на несколько часов. Кроме воскресных дней нерабочими были двунадесятые православные праздники, Новый год и некоторые другие дни, специально оговоренные в правилах для рабочих.

Условия труда на некоторых новгородских предприятиях были крайне вредны для здоровья. Тяжелой была работа в гуте – «горячем» цехе стекольного завода. На бумажных фабриках для беления целлюлозы использовались токсичные соединения хлора. Вредным было серно-фосфорное производство спичек. В 1869 г. на 7 спичечных фабриках губернии трудилось 260 рабочих, большей частью которых были подростки 12–17 лет. Они выполняли работу по обмакиванию спичек в серу и фосфор, «... по тесноте помещения воздух на этих фабриках до того удушлив, что свежему человеку трудно дышать, между тем малолетки постоянно дышат этим нездоровым воздухом, пропитанным испарением серы и фосфора. Это гибельно действует на здоровье, и все они осуждены на преждевременную смерть»[8].

---

[4] Очерки истории хозяйственного развития Великого Новгорода и Новгородской земли: учеб. пос. Великий Новгород, 2009. С. 104.

[5] *Ромашова В.И.* Фабрично-заводская промышленность Новгородской губернии в начале XX в. // Новгородский край. Материалы науч. конф. Л.: Лениздат, 1984. С. 111.

[6] *Рубакин М.* Иски рабочих об уплате заработанных денег // Вестник Новгородского земства. 1900. № 21. С. 39.

[7] ГАНО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.

[8] Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX // Сб. документов / Сост.: Т.А. Данько (отв. сост.), Т.Н. Курочкина, Е.Ф. Михайлова и др.; Отв. ред. Н.В. Салоников; Великий Новгород, 2014. С. 24.

В Российской империи начало развитию фабричного законодательства было положено 1 июня 1882 г., когда Александром III был утвержден закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Закон запретил труд детей до 12 лет, рабочий день подростков (12–15 лет) ограничивался восемью часами, запрещалась ночная работа, работа в воскресные и праздничные дни. Таким образом, законодательная инициатива новгородских властей могла оказать влияние на фабричное законодательство Российской империи[9].

В начале XX в. помимо земской медицины в Новгородской губернии формировалась и фабрично-заводская. Постановление Новгородского губернского земства о врачебной помощи рабочим, принятое в 1909 г., вменило в обязанность промышленникам организовывать необходимый минимум медицинского обслуживания: на предприятиях с численностью рабочих от 50 до 100 человек – оборудовать приемный покой с ежедневным приемом фельдшера и еженедельным визитом врача, для заводов, на которых численность рабочих была более 500 – постоянный врач и больница[10].

Подводя итоги, можно констатировать, что постепенный переход от мелкого кустарного производства и крестьянских промыслов к организации промышленных предприятий в Новгородской губернии в начале XX века, ставил перед обществом новые проблемы. Уровень жизни большинства рабочих в Новгородской губернии был достаточно низким из-за нехватки средств, тяжелого труда без выходных, не всегда качественного медицинского обслуживания. Но, нельзя так сказать про каждую фабрику. Существовали и добропорядочные фабриканты, которые старались создать вокруг фабрики развитую инфраструктуру, создать для рабочих приемлемые условия труда и быта.

Например, в фабричном поселке Кошели, где располагались Кошелевские писчебумажные фабрики, были простроены больница, школа, церковь, проведена работа по улучшению жилищных условий и досуга рабочих. В тоже время на Знаменской бумажной фабрике удобства жилых помещений были весьма ограничены, школы, больницы и церкви не было. Вот ещё один пример. На всех фарфоровых фабриках Е. Кузнецова – Чудовской, Волховской, Грузинской и Бронницкой производилось систематическое понижение заработной платы, практиковавшееся в связи с установленными вычетами (бани, квартиры), а существовавший там тяжелый режим и крайне грубое и бессердечное отношение к рабочим со стороны администрации всегда поддерживали среди рабочих недовольство и глухое волнение.

---

[9] *Курочкина Т.Н.* Промышленность Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: статьи III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 3 марта 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 260.

[10] ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1455. Л. 175 об.

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ИСКУССТВЕ XIX–XX вв.

Зверева Мария Семеновна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В 1789 году в Европе случилась крупнейшая трансформация социальной и политической системы Франции – Великая Французская революция. Это событие поразило весь мир, и, несомненно, повлияло на его жизнь. Многие правители не приняли такой поворот событий и боялись возможности такой революции у себя в стране. Другие же наоборот, поддерживали революционное движение во Франции и, опасаясь контрреволюционной интервенции, объявили войну реакционным монархиям.

Несомненно, Французская буржуазная революция открыла новый период в истории Европы. Следует отметить, что XIX век – одна из увлекательнейших страниц не только мировой социально-политической истории, но и искусства.

Ожесточенная классовая и политическая борьба нашла своё отражение в изобразительном искусстве и литературе. Многие произведения искусства не принимались на государственные выставки, не покупались музеями, запрещались к показу вообще. Официальное искусство стало отдаляться от идей, волнующих общество.

Развитие капиталистических отношений, борьба за национальную культуру привели к возрождению многих художественных школ[1]. В это время развивается революционный классицизм, который обращается к образам античного мира. Идеалы античности для этого течения были тесно связаны с современной историей: прославление патриотизма, гражданской доблести. Другое течение, к которому активно обращаются – романтизм. К этому направлению относятся те деятели культуры, которые были разочарованы результатами революции.

Обращаясь к живописи и художественной литературе, следует отметить, что в центре всех произведений находится народ с его переживаниями, отвагой и героизмом. Можно вспомнить картину Жак-Луи Давида «Зеленщица»[2].

В данном портрете художник создал образ волевой, сильной женщины из народа – участницы революции.

Образ народа, обведённого для борьбы за своё будущее, отражается и в творчестве французского художника Эжена Делакруа, в частности в его картине «Свобода на баррикадах»[3]. В этой картине приобретает значение символ свободы, изображённой в центре картины в виде женщины с флагом

[1] *Гнедич П.П.* Всеобщая история искусств. М., 2008.

[2] Там же.

[3] *Ионина Н.А.* 100 великих картин. Изд. «Вече». М., 2002.

республиканской Франции, ружьем и в фригийском колпаке. Обнаженная грудь символизирует самоотверженность французов, которые с голой грудью шли на врага во время революции 1830 года. Вокруг Свободы изображены люди совершенного разных социальных слоёв и профессий – так художник передавал единство французского народа. Стоит сказать, что эта картина из-за революционного контекста на протяжении последующей четверти века не выставлялась на публике.

Наряду со «Свободой на баррикадах» можно выделить и горельеф скульптора Франсуа Рюда на Триумфальной арке площади Этуаль в Париже «Выступление в поход в 1792 году (Марсельеза)». Женская фигура в доспехах и с мечом в руке символизирует непреодолимое стремление народа бороться за свою свободу.

Здесь нельзя умолчать о главном марше Французской революции, ставшей в последующем гимном Франции. «Марсельеза» поражает своей экспрессией, напором и опять же, в ней говориться не о стране в целом, не об отдельных людях, а о всём народе, как едином. Главный герой – народ Франции, готовый к бою.

В 1905 году в России прогремела Первая русская революция. Чуть более, чем через 10 лет произошли ещё две, которые положили конец монархическому правлению в России. По масштабам ее можно сравнить с Великой французской революцией. И, естественно, она тоже нашла отражение в культуре.

Революции в России изображали немного по-другому по сравнению с французской. Часто в картинах, плакатах или литературе помимо образа идеала, за что сражались люди, появлялся и образ главного врага – против чего они боролись. Это были либо портреты членов царского рода, либо духовенство, либо буржуазия. Такой пример можно встретить в картине Ивана Владимирова «Взятие Зимнего дворца»[4]. Также, в отличие от образа французских революций, где им обычно была некая женщина, ведущая народ к победе, российские революции ассоциировались с вполне конкретным человеком: с Лениным. Причём соединение символа и исторической личности в одной фигуре было сделано не случайно, а скорее для усиления эффекта и наглядности.

В изображении русских революций нет и намёка на женственность и некоторую лёгкость, присущую античным мотивам эпохи классицизма. Здесь скорее все наполнено маскулинность и твердостью. На картине Бориса Кустодиева «Большевик» мы увидим не просто русского мужика, который несёт красный флаг, но собирательный образ русского народа и, в частности, того героя, который привёл страну к победе. На полотнах Казимира Малевича «Два крестьянина на фоне полей», «Лесоруб», «Сложное предчувствие (Торс в желтой рубашке)»[5] практически нет гендерных различий: существует только член одного общества, одного народа.

Так можно сказать, что главный образ революции, который обыгрывается в искусстве – борьба за свободы народа, причем народ показывается как единое целое. Весь образ революции концентрируется в какой-то одной фигуре – исторической личности или аллегоричном персонаже.

---

[4] *Александров В.Н.* История русского искусства. Минск, 2009.

[5] Там же.

Обращение художников к переломным моментам национальной истории поднимало гордость народа. Поэтому главным героем произведений всегда был именно народ – главное действующее лицо революции. Революция всегда изображалась в образе борьбы, при этом борьбы всегда справедливой и за правое дело. Если сравнить, как описывали французские революции и русские, можно сделать вывод, что первые показывали в виде некой античной женщины, указывающей народу путь к победе, и всему изображению была свойственна некая женственность, то вторые – наоборот, в виде устремлённых вперёд людей с жестокой решительностью добивающихся своей цели.

«ВЕРХОВНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ПЛАТОНА» МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКИМ И ОКТЯБРЬСКИМ ПЕРЕВОРОТОМ 1917 ГОДА

Зотова Екатерина Николаевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Революция поставила множество проблемных вопросов. Это и поиск альтернативных путей развития государства, и слом привычной модели самосознания и мышления, и многие другие. Духовный кризис требовал ответов, необходимых для выстраивания новых основ жизнедеятельности общества.

Русская интеллигенция не оставляла попыток внести свой уникальный вклад в решение насущных проблем. К классике политической философии в межреволюционный период обращается И.А. Ильин; в 1917 г. он защищает диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». В это же время Эрн, опираясь на традиции, заложенные еще Э. Берком, идейно противопоставляет кровавому революционному рационализму – платонизм, органически укрепившийся в отечественной философской традиции. Эти взгляды русского философа нашли свое отражение и в написанном им в 1917 г. труде «Верховное постижение Платона».

Как отмечает в своей работе «Владимир Эрн как читатель Платона» М.Ю. Немцев, В. Эрн обращается к Платону за новой «нормой организации философской мысли»[6], своеобразной методологией восхождения к философии, эффективной и актуальной в условиях нынешнего дня. Эрн стремится к творческому развитию мысли Платона в ее герменевтическом применении, то есть чтении текста с практической целью изменения собственного мышления и деятельности в опоре на него. В сущности, речь идет о поиске универсальных механизмов постижения высоких смыслов. Таким образом, наследие Эрна и его работа представляют колоссальный интерес и для современного читателя.

С чего В. Эрн начинает «Верховное постижение Платона»? Прежде всего. Он утверждает необходимость особого подхода к исследованию творчества философа. Труды Платона необъятны в своем масштабе, поэтому наиболее оптимальным в исследовании его наследия будет изучение его работ с высоты наиболее значимой, сущностной идеи всей его философии. Такой философской вершиной, по мнению Эрна, является идея «солнечного постижения»[7], иллюстрацией которой является миф о пещере в диалоге Платона «Государство».

---

[6] *Немцев М.Ю.* Владимир Эрн как читатель Платона // ΣΧΟΛΗ. 2014. Vol. 8. С. 522.

[7] *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда. 1991. С. 472.

Как и другие исследователи философии Платона, под солнечным светом он понимает «само Благо, т.е. источник всякой благости и всякого блаженства»[8]. При этом, он утверждает, что акт солнечного постижения был совершен самим Платоном, пережит им в личном опыте, что позволяет применять его философскую схему в современности. Раскрыть возможности приложения данного опыта к действительности он не успел, однако заложил фундамент в своем исследовании природы «солнечного постижения».

Прежде всего, стоит пояснить, почему Эрн уверен в том, что Платон пережил «солнечное постижение»? Наиболее яркий отклик на произошедшее откровение он находит в диалоге «Федр» и чуть более спокойное и взвешенное осмысление в «Пиршестве». Важно, что образ пещеры еще не используется философом. Многие ученые считают, что сам символ пещеры был известен еще до Платоновского «Государства»; многие находят истоки его появления у пифагорейцев. Замечая это, Эрн делает значительный методологический вывод: пещера – лишь символическая религиозная форма, которая наполняется философским содержанием и появляется в диалоге Платона как вместилище его мифологического переживания.

Одним из важнейших условий восхождения к Солнечному свету в концепции Платона, по мнению Эрна, является «экстатический опыт высшего эротического вдохновения»[9]. Природа Эроса по Платону двойственна, что отражается и в наименовании двух Афродит – земной и небесной. Истинный опыт солнечного постижения может произойти только при восхождении к Небесной Афродите, в то время как Лисий, герой диалога «Федр», отстаивает позиции Афродиты земной, страстью и враждой опутывающей людские души, закрывающей им путь к свету Блага.

Эрн отмечает, что Лисий – представитель популярной морали времен Платона, и тем более велик Платон в своем искусном и смелом противоборстве с ней, Выступая провозвестником чистой философии, свободной от софизма и пещерной морали. Эрн подчеркивает еще одну важную особенность философской концепции Платона, а именно: восхождение к Свету Солнца – это первейшая задача человечества, но она не имеет смысла, если не будет выполнено, как может показаться, очень простое условие. Воспринявшие свет Блага должны вернуться в пещеры и передать свой опыт другим пленникам. Именно в открытии этой стороны платоновской философии, на мой взгляд, заключается наивысшая ценность «Верховного постижения Платона».

«Солнечное постижение» – есть явление «непостижимо-разумное, т.е. потенциально всеобщее. Отсюда частное по своей сути содержание реплики Сократа «видно, и я – провещатель»[10] переходит в более общее и универсальное: «душа есть нечто провещавающее»[11].

Таким образом, по мнению В.Ф. Эрна, философия Платона есть диалектически истолкованная запись внутреннего опыта, который наиболее полно

---

[8] Там же. С. 476.

[9] *Немцев М.Ю.* Владимир Эрн как читатель Платона // ΣΧΟΛΗ. 2014. Vol. 8. С. 523.

[10] *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 530.

[11] Там же. С. 470.

транслируется в идее «солнечного постижения» – «транскрипции всего платонизма»[12]. Вследствие наличного акта переживания «солнечного постижения» самим Платоном, философ, по мнению Эрна, приходит к выводу о необходимости трансляции своего опыта другим людям, что и происходит в момент тонкого погружения в его диалоги. Так как суть платонизма не может быть понята рациональна, Эрн предлагает рассматривать путь «солнечного постижения» как самодостаточную методическую призму, в рамках которой и может быть совершен поворот обратно, к истокам Античности, а вместе с этим – и возвращение на путь восхождения к потерянным истинам в условиях тяжелого времени 1917 года.

[12] Там же.

ЛАПЛАНДСКАЯ ВОЙНА 1944–1945 гг. КАК ЧАСТЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Иванов Вячеслав Александрович
(Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко, Украина)

Большой интерес спустя более 70 лет вызывает у исследователей Лапландская война 1944–1945 гг., которую вели между собой бывшие союзники по гитлеровской коалиции «Ось» Берлин – Токио – Рим нацистская Германия и Финляндия, при активном участии Советского Союза. Север Скандинавии представлял большую значимость для Третьего рейха и поэтому нацисты просто не могли допустить, даже после подписания перемирия Финляндии с участницами антигитлеровской коалиции 19 сентября 1944 г., чтобы ценные экономические и сырьевые ресурсные центры Северной Финляндии и Норвегии попали в руки Советского Союза. Твердый курс финляндского демократического правительства соблюдать заключенные соглашения с СССР, Великобританией и США и порвать всяческие отношения с нацистской Германией, привели к началу серьезного вооруженного конфликта, который стал известен в историографической традиции, как Лапландская война (по названию расположенного в Северной Европе региона Фенноскандии), которая продолжалась с 15 сентября 1944 г. по 27 апреля 1945 г. В зарубежной историографии этот вопрос серьезно изучен английскими, американскими и финскими, как военными, так и политическими историками[1]. Попробуем же разобраться с основными работами, которые освещают и анализируют события Лапландской войны 1944 / 45 гг.

В начале 1950-х гг. глава отдела военно-исторической службы армии США Э. Земке написал ряд книг, в которых уделил внимание, на фоне развернувшейся «холодной войны», ряду факторов, которые, по его мнению, привели к тому, что Советский Союз стал сверхдержавой[2]. Земке отметил и разъяснил

[1] *Kijanen K.* Suomen Laivasto 1918–1968. Helsinki, Meriupseeriyhdistys/Otava, 1968.; *Sampo A.* Aseveljet vastakkain – Lapin sota 1944–1945. Helsinki, Kirjayhtymä, 1980.; *Vehvil'inen O.* Finland in the Second World War: Between Germany and Russia. New York, Palgrave Macmillan, 2002. 200 p.; *Leskinen J., Juutilainen A.* Jatkosodan pikkujättiläinen. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 2005.; *Tuunainen P.* The Finnish Army at War: Operations and Soldiers, 1939–45 // Finland in World War II: History, Memory, Interpretations. Leiden, Brill, 2011. P. 139–188.; *Nenye V., Munter P., Birks C.* Finland at War: the Continuation and Lapland Wars 1941–1945. Oxford, Osprey Publishing, 2016. 336 p.

[2] *Ziemke E.* Stalingrad to Berlin: the German Defeat in the East. – Washington,

важность Севера Европы для нацистов и дал первые военно-аналитические характеристики Лапландской войны. По его мнению, после успешного наступления Красной Армии летом 1944 г. у финляндского правительства просто не оставалось шансов, кроме как заключить в сентябре 1944 г. перемирие с Советским Союзом и англо-американским альянсом. Гитлера это решение откровенно взбесило, так как, морской путь, через который осуществлялись поставки сырья и иных ресурсов из Финляндии и оккупированной немцами Норвегии в Германию, перекрывался Красной Армией. Поэтому, нацисты разработали стратегический план, согласно которому должны были удержать острова Аландского архипелага, о. Гогланд, Печенгу и близлежащие территории Северной Финляндии. Зимке пишет, что финны и немцы поддерживали в Северной Финляндии дружеские и партнерские отношения до начала военных действий 15 сентября 1944 г., и что виновником нарушения этих отношений было именно немецкой командование. Немцы «успешно» защитили свои коммуникации наиболее уязвимых участков между Шиботном и Лаксэльвом, применив тактику «выжженной земли»[3].

Совместный труд английского и норвежского военных историков, К. Манна и К. Йоргенсена, описывал военные действия на территории Скандинавии и северной части Советского Союза в целом[4]. Исследователей интересовали вопросы подготовки, организации, ведении военных операций нацистов и противостоящих им сил (в частности, они убедительно доказывали, что «странная война» закончилась вторжением немцев в скандинавские страны 9 апреля, а не 10 мая 1940 г., как было принято ранее в зарубежной историографии), оккупации, создании коллаборационистских правительств Дании и Норвегии и роли Советского Союза в противостоянии на Севере Европы в годы Второй мировой войны, начиная с советско-финляндской («Зимней») войны 1939 / 1940 гг. Историки считали, что немецкая военная операция «Северное сияние», проведенная осенью – зимой 1944 / 45 гг., завершилась вполне успешно, немцы потеряли убитыми, раненными и пленными около 52 тыс. человек, при чем вся 200-тысячная группировка нацистских войск успешно ускользнула от Красной Армии, была разоружена только англо-американскими союзниками 7 мая 1945 г.[5]

Цену за отход немецких войск на территорию Норвегии заплатили, по мнению К. Манна и К. Йоргенсена финское и норвежское население: «Рендулич с гордостью похвалялся, что эвакуации смогли избежать только 200 норвежцев». Красная Армия, несмотря на участие финских войск в этом

Center of military history United States army, 2002. 549 p.; *Зимке Э.* Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945 / [пер. с англ. Е.А. Каца]. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.

[3] *Ziemke E.* Stalingrad to Berlin: the German Defeat in the East. – Washington, Center of military history United States army, 2002. P. 391–401.; *Зимке Э.* Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945 / [пер. с англ. Е.А. Каца]. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 360–382.

[4] *Mann C., Jörgensen C.* Hitler's Arctic War: The German Campaigns in Norway, Finland, and the USSR 1940–1945. London: Ian Allan Publishing, 2002. 224 p.

[5] *Mann C., Jörgensen C.* Hitler's Arctic War: The German Campaigns in Norway, Finland, and the USSR 1940–1945. P. 185.

вооруженном конфликте, так и не смогла взять немецкие войск в «клещи», подобно сталинградским или черкасским, что позволило ей записать в свой победный счет только тактическую, а не стратегическую победу над войсками гитлеровской Германии. В неудачах командование РККА обвинило финнов, дескать они позволили, бывшему союзнику, без потерь покинуть территорию Финляндии беспрепятственно, с незначительным сопротивлением.

Американский военный историк, норвежец по происхождению, Х. Лунде, преподаватель университета г. Сиракузы, издал книгу, где в критическом ключе рассмотрел вопросы о военном сотрудничестве немецких и финских войск в 1941–1945 гг.[6] Лунде считал, что немецкое военное командование разработало стратегический план ведения войны против Финляндии, на случай если она выйдет из коалиции, еще в феврале 1944 г., при чем отдельные варианты плана уже подготовлены в сентябре 1943 г.[7] Военный исследователь подчеркивает, что эвакуация 250-тысячной немецкой группировки осенью 1944 г. не имела себе аналогов в военной истории, и что благодаря железной дисциплине и полной самоотдачи Л. Рендуличу удалось избежать поражений немецких войск, подобно Сталинграду и Тунису (февраль 1943 р., где капитулировали гитлеровские войска численностью более 100 тыс. человек).

Финны были заинтересованы в вытеснении противника со своей территории, но проявляли мало охоты в помощи Красной Армии в разгроме нацистской группировки. Усталость от войны, недостаток огневой мощи и взаимодействии между наступающими силами Красной Армии и Северного флота, – все эти факторы по мнению Х. Лунде, привели к тому, что немецкая группировка Л. Рендулича в целом успешно выполнила поставленную перед ней задачу и сдержала наступающие советские войска, дав немцам необходимое время для эвакуации своих сил и реквизированных экономических ресурсов на территорию нацистского Рейха.

Таким образом, мы выяснили, что в зарубежной историографии ведется большая работа по изучению событий военных кампаний, особенно 1940–45 гг. на Севере Европы, представляющих интересные поля для научных дискуссий и исследований взаимоотношений между скандинавскими странами, Финляндией, Третьим рейхом, Советским Союзом и англо-франко-американскими союзниками в годы Второй мировой войны. К сожалению, в российской и украинской постсоветской историографической мысли данному вопросу не уделено должного внимания, это объясняется в первую очередь тем, что ученых интересуют прочие проблемы советско-финляндских взаимоотношений 1939–44 гг., а также недостатком источников и историографических ресурсов для изучения данного вопроса.

---

[6] *Lunde H.O.* Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in WWII. Havertown, Casemate Publishers, 2011. 409 p.

[7] *Lunde H.O.* Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in WWII. P. 322.

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯМИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ДУХОВЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Иконников Сергей Анатольевич, к.и.н.
(Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I)

Священнослужители Православной Церкви на протяжении всей отечественной истории играли важную роль в духовном окормлении паствы, в формировании основ государственной идеологии, в просвещении и образовании народов Российской империи. Депутат Государственной думы IV созыва воронежский протоиерей Тихон Попов совершенно справедливо называл Православие «ангелом-хранителем русской государственности»[1].

В XIX веке влияние религиозных институтов на общество достигло апогея. Внешне Церковь переживала эпоху своего максимального благополучия, о чем со всей красноречивостью свидетельствуют статистические данные. Так, например, в период с 1881 по 1890 гг. в империи появилось 160 новых монастырей[2]. В среднем ежегодно в России открывалось по 16 новых обителей. Такого роста численности монастырей не знал ни один период отечественной истории.

Роль духовенства в жизни простого народа в конце XIX – начале XX века была особенно значима. Часто священно- или церковнослужители являлись единственными образованными лицами в крупном селе с населением в несколько тысяч человек. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, храм в дореволюционной России был по сути единственным духовным, культурным и образовательным центром в жизни крестьян. Последнему главе военного и морского духовенства нередко приходилось видеть картину, когда мать, по причине своей неграмотности, вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередким было явление, когда на волость с населением 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30–40 детей)[3].

---

[1] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 1410.

[2] *Фирсов С.Л.* Русская Церковь на заре XX века // Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. 1., 2014. С. 14.

[3] Шавельский Г., прот. Русская церковь пред революцией. URL: orthos.org/biblio/history_scan/archiv (дата обращения: 24.02. 2017).

Несмотря на значимость Церкви, выполнявшей целый ряд не только религиозных, но и политических, социальных функций, приходское духовенство, а также представители высшей иерархии в ходе февральской революции 1917 г. заняли позицию, вызывающую у современных историков непонимание и осуждение. Николай II отрекся 2 марта, а уже 9 марта Синод издал свое знаменитое обращение к пастве, в котором не прозвучало ни слова сожаления в связи с падением самодержавия в России. «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути... В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением... ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству»[4].

Приходское духовенство Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий также приняло февральскую революцию с надеждой на будущее. В официальных епархиальных изданиях клирики призывали друг друга активнее разъяснять населению всю важность революционных событий в стране. В «Орловских епархиальных ведомостях» за май 1917 г. можно встретить следующие пассажи: «Хотя духовенство и не принимало непосредственного участия в перевороте, но теперь оно должно оценить происшедшие события, должно не только приветствовать новый строй, но и вместе со всею демократической Россией содействовать утверждению и укреплению новых свободных начал государственной жизни, проникновению их в толщу народную... Сейчас духовенству необходимо принять все меры к возможному политическому просвещению деревни, к прояснению неясного политического сознания крестьянства»[5].

Возникает вопрос, чем же была обусловлена подобная позиция приходского духовенства, верно служившего российскому государству на протяжении столетий, являвшегося составной частью имперской идеологии: «Православие, Самодержавие, Народность», и стоит ли подвергать священно – церковнослужителей огульной критике за отказ от поддержки Помазанника Божьего?

При более детальном рассмотрении становится понятным, что, несмотря на официально привилегированный статус духовенства, его правовое, материальное и социальное положение имело ряд существенных недостатков, часто подвергавшихся серьезной критике приходских клириков. Особую озабоченность вызывало материальная необеспеченность подавляющего большинства священно- и церковнослужителей. Основным источником благосостояния духовенства являлось требоисполнение. Последнее носило «доброхотный» характер, что ставило служителей Церкви в невыгодное положение. Уровень получаемых доходов был крайне неудовлетворительный. Средний размер до-

[4] Обращение Священного Синода ко всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения Императора Николая II и отказа Великого Князя Михаила воспринять власть до решения Учредительного Собрания. 1917 г. // Церковные ведомости. № 9/15. С. 57.

[5] Духовенство и современный момент // Орловские епархиальные ведомости. 1917. № 20–21. С. 318–320.

хода священника Воронежской епархии со всех источников по состоянию на 1891 г. составлял 450 руб.[6] Учитывая традиционную многодетность семей духовных лиц, запросы жизни, продиктованные статусом (как уже говорилось, священник порой являлся единственным образованным лицом среди своей паствы, что, естественно, ставило его на более высокую социальную ступень), можно сказать, что подобные суммы не могли удовлетворить порой даже самые необходимые потребности. Воронежский священник Михаил Аполлосов утверждал, что для нормального безбедного существования священнику необходимо в год получать не менее 1 000 руб.[7] Однако к началу 1917 г. подобными доходами могли похвастаться лишь только клирики некоторых городских и богатых сельских приходов. Ситуация значительно ухудшилась после начала мировой войны, так как обедневшие прихожане старались платить за требы своим пастырям как можно меньше. Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) в отчете Синоду за 1914 г. отмечал: «Материальное обеспечение духовенства в отчетном году было ниже среднего. Духовенство, существуя на добровольные пожертвования прихожан, лишилось в отчетном году главного источника своих доходов – платы за браки, так как молодые люди отобраны были на войну и венчать было некого»[8].

Характерной чертой требоисполения, вызывавшей недовольство духовенства, являлся добровольный характер платы. В пореформенный период, как и в начале XX века, не существовало законодательно закрепленных норм, регламентировавших правила оплаты труда священников. Клирики были вынуждены заискивать и унижаться перед своими прихожанами, просить их заплатить больше. Подобное положение дел снижало авторитет пастырей, приводило к частым конфликтам между духовными лицами и верующими мирянами. Царская власть так и не смогла кардинальным образом решить проблему материального обеспечения духовенства. Бездействие коронной администрации привело к тому, что к началу февральской революции степень недовольства государством со стороны приходских клириков достигла своего апогея. Поддерживать власть у приходского духовенства не оставалось ни малейшего желания.

---

[6] *Иконников С.А.* О трудностях в материальном обеспечении приходского духовенства Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Воронежской епархии) // Труды Института российской истории Российской академии наук. 2014. Вып. 12. С. 156–168.

[7] Аполлосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 126.

[8] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2734. Л. 45.

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1922 гг.)

Ильязова Рената Витальевна
(Государственный архив новейшей истории Ульяновской области)

2017 год – год столетия революционных событий 1917 г., ставших наиболее неоднозначными в российской истории. В связи с этим внимание исследователей снова приковано к самым различным аспектам анализа документов этого периода. В государственных архивах Российской Федерации хранятся многочисленные текстовые документы, повествующие о причинах, предпосылках, событиях, действующих лицах и результатах революции: делопроизводственные документы государственных органов власти, ячеек и групп РКП(б), агитационные листовки, эпистолярные источники, воспоминания, материалы периодической печати и др. Однако в 1960-х гг., все более распространенной становится тенденция введения в научный оборот фотодокументов[1].

Предметом настоящего исследования стал значительный пласт фотодокументов, отложившийся в фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, посвященный революционным событиям 1917 г. и установлению Советской власти в Симбирской губернии – 139 фотографий фондов №5968 – Коллекция фотодокументов партийного архива Ульяновского обкома КПСС и в №57а – ОГБУ «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области».

Большая часть фотографий представляет собой образец любительской съемки XX в., запечатлевшей события, происходившие преимущественно на территории Симбирской губернии в 1917–1922 г.: заседание Совета рабочих и солдатских депутатов в Доме Свободы в декабре 1917 г., первомайский митинг у здания Губернского комитета РКП(б) предположительно 1919 г., антирелигиозный митинг весной 1918 г. в с. Промзино Симбирской губернии и др., а также участников установления Советской власти на территории края: М.А. Гимова, Е.Н. Аблова, А.В. Швера, М.Д. Крымова и др. Таким образом, в состав тематической коллекции вошли 58 портретных снимков, 21 – групповых и 8 – событийных, 25 – видовых, 14 фотокопий документов и 13 фотокопий рисунков.

[1] *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. С. 8.

Большинство портретных снимков (41шт.) вошли в состав фонда 57а архива в качестве приложений к воспоминаниям участников Февральской и Великой Октябрьской Социалистической революции, об установлении Советской власти в различных уголках Симбирской губернии. В 1950–60-х гг. сотрудниками Партийного архива Ульяновского обкома КПСС велась подготовка к празднованию 40-летнего и 50-летнего юбилеев Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г., в рамках проведения научно-исследовательской работы был объявлен сбор текстов воспоминаний. Так, в архив попали 116 рукописных и машинописных воспоминаний участников подпольных большевистских кружков, членов Советов Рабочих депутатов, крестьян, железнодорожников, солдат, рабочих[2].

Поскольку превалирующее количество воспоминаний было написано значительно позднее революционных событий, приложенные фотографии участников зачастую датированы более поздним периодом от 1930-х[3] до 1960-х гг. Стоит отметить, что фотографии 50-х гг. XX в. чаще подвергались ретуши, вероятно, в процессе подготовки к печати в том или ином издании, что в условиях советской действительности было довольно частым явлением[4]. К портретному снимку Василия Соколова – члена солдатского дивизионного комитета, участника демократизации «старой армии», приложен дубликат портрета на газетной бумаге, что свидетельствует о его публикации в материалах прессы[5].

К сожалению, лишь немногие портретные фотографии революционных лет являются оригиналами[6], большая их часть – фотокопии[7]. Вероятно, это связано с тем, что планомерная работа по комплектованию фондов Ульяновского партийного архива текстовыми и фотографическими документами периода 1917–1918 гг. началась значительно позже описываемых событий. Некоторые из оригинальных фото представлены лишь фрагментарно, как вырезка из групповой фотографии: фото члена Симбирского уездного исполнительного комитета Степана Антоновича Кашеварова, датированное 1918 г.[8], фото Захара Ивановича Маслова – участника Сызранского революционного движения[9].

Оригиналы групповых и событийных фотографий, датируемых 1917–1918 гг., также редко встречаются в фондах архива. Тем не менее, это не умаляет значимости и достоверности представленной на них информации. В материалах воспоминаний хранятся фотокопии групповых фото членов оперативного Штаба обороны при подавлении кулацкого вооруженного мятежа в с. Промзино в марте 1919 г.[10], фотографии группы делегатов II-го съез-

---

[2] Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 57а. Оп. 2. Д. 51–167.

[3] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 81.

[4] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 80, 82, 85, 86, 89, 91, 95, 124, 136.

[5] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 115.

[6] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 109, 121, 124.

[7] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 68, 96, 101,

[8] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 80. Л. 19.

[9] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 89. Л. 60.

[10] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 96. Л. 79, 80.

да профсоюза текстильщиков представителей суконных фабрик Симбирской губернии с участием 1-го председателя правления профсоюза текстильщиков Симбирского промышленного района Петра Харитоновича Гладышева[11], оригиналы фотографий 1917 г., на которых изображены красногвардейцы отряда Симбирского Патронного завода[12], фотокопии снимка участников Октябрьского переворота в Симбирске, датируемого 1927 г. и многих других[13].

Интерес также представляют фотографии, которые лишь условно можно отнести к групповым – фотоколлажи: участники революционного движения в Мелекессе: на снимке фото погибших в 1917–1920-х гг. в борьбе за установление Советской власти[14], а также коллаж из отдельных снимков типографии Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов[15], что свидетельствовало о некотором развитии фотоискусства в начале XX в.

Значительный интерес для исследователей составляет комплекс документов Александра Швера – одного из руководителей Симбирской большевистской организации в 1917–1926 гг., редактора газеты «Известия Симбирского Губернского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов». Красочные воспоминания 1923 г. дополнены подлинными фотографиями дореволюционного времени и 1917–1930-х гг. В действительности уникальными являются кадры, запечатлевшие еще четырехлетнего Сашу Швера в 1902 г., его двух сестер и бабушку[16]. Значительной ретуши подверглись два фотопортрета Швера, датированные приблизительно 1918 и 1923 гг.[17] Ценностью коллекции является групповое фото симбирских революционеров А. Швера, В. Новикова и Г. Каучуковского[18], датированное 1918 г., фото Швера за беседой с крестьянами Воронежской губернии 1930 г.[19], а также фотография, запечатлевшая Иосифа Варейкиса на реке Воронеж с детьми Швера в 1931 г.[20]

Почти все фотографии, входящие в состав коллекции не имеют четко установленной авторской принадлежности. Лишь некоторые, такие как гимназические фото Александра Швера, выполненные в типичной для дореволюционной России манере, на паспарту с подписью фотографа – А. Горбунова[21].

Видовые фотографии фотоколлекции представлены оригинальными фотоснимками зданий, где была установлена Советская власть по всей Симбирской губернии: Симбирск, Мелекесс, Карсун, Алатырь, Ардатов, Сызрань[22], а также фотографии зданий, где жили участники революционного движения. Все фотографии являются типичными позитивами 1950–1960-х гг. В эти годы

---

[11] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1.

[12] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 70. Л. 37 ,38.

[13] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 61. Л. 8.

[14] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

[15] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 88.

[16] ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 137. Л. 6, 12.

[17] Там же. Л. 10, 11.

[18] Там же. Л. 8.

[19] Там же. Л. 13.

[20] Там же. Л. 7.

[21] Там же. Л. 2, 3.

[22] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 2. Д. 4, 9.

начиналась подготовка Ульяновской области к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, а значит и массовая застройка Ульяновска и районных центров новыми монументальными зданиями, что, несомненно, стало причиной появления значительного количества подобных фотографий – как стремление зафиксировать внешний облик города времен революции.

Историческую ценность представляют фотокопии текстовых документов – удостоверений, благодарностей, телеграмм. Несмотря на то, что превалирующее количество фотографий представляют собой позитивы в черно-белом цвете, отпечатанные на фотобумаге, в фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области также хранятся негативы фотоотпечатков таких документов, как телеграмма из Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов с текстом удостоверения Владимира Леонтьевича Вишняковского – делегата на Всероссийский Съезд Советов от Карсунской организации большевиков от 28 октября 1917 г.[23], Удостоверение Якова Михайловича Свердлова об изъявлении согласия баллотироваться в Учредительное собрание[24], Телеграмма Военно-революционного комитета Симбирского Совета в Карсун об установлении Советской власти в Симбирске от 12 декабря 1917 г.[25], а также номер газеты «Симбирская правда» от 21 октября 1917 г.[26]

Интереснейшим источником о жизни заключенных, в том числе за политические преступления, в тюрьмах являются фотокопии зарисовок Петра Харитоновича Гладышева[27].

Таким образом, подобранная по тематическому принципу фотоколлекция из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области представляет собой видовое, качественное и информативное разнообразие фотодокументов. Важно отметить, что несмотря на то, что в основе выявления документов для проведения исследования стояло отнесение фотографий к событиям Великой Российской революции 1917–1922 гг., возможности данной фотоколлекции как исторического источника выходят за рамки предложенного периода: портретные фотографии позволяют судить как о жизни участников революции впоследствии, так и о тенденциях в фотоискусстве 1940–1960-х гг., групповые и событийные фотографии позволяют визуализировать события прошлого века, фотокопии текстовых документов решают проблемы ограниченности источниковой базы региональных государственных архивов, видовые фотографии Ульяновской области 1950–1960-х гг. дают возможность не только увидеть те самые «революционные тропы», но оценить архитектурный, исторический облик города в более поздние годы. Данное разнообразие позволяет использовать фотоколлекцию в выставочно-экспозиционной и исследовательской деятельности не только по истории революционных событий 1917 г., но и для привлечения их в качестве исторического источника в исследованиях, посвященных другим вопросам региональной истории

[23] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.

[24] ГАНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 225. Л. 1

[25] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

[26] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–2.

[27] ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 74–79.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ ИСТОЧНИКОВ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Исповедников Дмитрий Юрьевич, к.и.н.
(Российский государственный военный архив)

В источниковой базе по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке важное место занимают материалы иностранного происхождения. Анализ методов их публикаций позволяет сравнить особенности развития отечественной и зарубежной археографии, оценить степень изученности хранящегося в архивах других стран комплекса документов по теме.

В 1920-е гг. в условиях информационной войны выпускались оперативные агитационно-просветительские издания, документы обнародовались в расчете на широкий общественный резонанс.

С началом интервенции зарубежная пресса активно доказывала необходимость присутствия союзников на русском Дальнем Востоке. Призывалось оказать помощь чехам, бескорыстным борцам за свободу, героически сражавшимся с интернационалистами на Транссибе. Такую красочную картину изображала американская брошюра, в основу которой легла литературная переработка доклада капитана В.С. Урбана профессору Т.Г. Масарику о положении Чехословацого корпуса[1].

Сборник, подготовленный Комитетом общественной информации США, представил сфальсифицированные приказы и письма, которые подтверждали версию о финансировании немецким правительством революции в России[2]. Перевод отдельных документов сопровождался факсимиле оригинала, НСА содержал примечания, комментарии, а также заключение специальной комиссии о подлинности источников.

Материалы, доставленные с Дальнего Востока полковником Р. Робинсом, наряду с ранее опубликованными включил сборник о российско-американских отношениях[3]. Отказ составителей от комментирования документов создавал иллюзию беспристрастности, позволяя сосредоточить внимание читателя на содержании источников, из коих следовало, что США старались не вмешиваться во внутренние дела России.

---

[1] «Across Siberia toward Liberty!», сентябрь 1918 г. РГВА. Ф. 1198/к. Оп. 1. Д. 180, Л. 181–195.

[2] «The German-Bolshevik conspiracy», октябрь 1918 г. РГВА. Ф. 1198/к. Оп. 1. Д. 264.

[3] Russian-American relations. March, 1917 – March, 1920 / comp. and ed. by C.K. Cumming and W.W. Pettit, under the direction of J.A. Ryan, J.H. Scattergood, W.A. White. N.Y., 1920.

Несмотря на ограниченность ресурсов, издательская деятельность развернулась и на Дальнем Востоке. В 1919 г. Читинская словолитня напечатала тираж «Библии японского солдата и матроса»[4]. Брошюра знакомила читателя с текстом воинской присяги, выдержками из приказа «О воспитании и обучении армии», что стало попыткой создать позитивный образ главных союзников атамана Г.М. Семенова.

В противоположном лагере аналогичная работа шла продуктивнее. Редакция газеты «Амурская правда» включила в сборник о революции в Благовещенске список расстрелянных военнопленных армий Германии и Австро-Венгрии и их предсмертные письма[5]. Частично эти сведения поступили от комитета интернационалистов-коммунистов[6].

В апреле 1921 г. читинский журнал «Творчество» предал огласке дословные переводы телеграмм японского интервенционного командования военному министерству в Токио[7]. Как отмечал в предисловии журналист Н.Ф. Насимович-Чужак, переписка свидетельствовала «о результативности предохранительной тактики коммунистов на Дальнем Востоке».

Сенсационные материалы, в том числе по секретному соглашению между Францией и Японией о создании на Дальнем Востоке марионеточного государства, опубликовала делегация ДВР в стремлении привлечь внимание Вашингтонской конференции к сибирскому вопросу[8].

В ходе осмысления итогов Гражданской войны источники иностранного происхождения заняли важное место в исследовательских работах, осуществлялось их введение в научный оборот[9].

В 1930–50-е гг. на фоне временной стагнации археографической практики в СССР, внушительный комплекс документов о событиях 1917–22 гг. представила американская серийная публикация. Тома включили телеграммы и письма американских послов о работе органов местного самоуправления на Дальнем Востоке, обстановке на железных дорогах, противостоянии Омска и Читы[10]. Освещались переговоры с ДВР по торговым вопросам.

Правила выявления, отбора и оформления дипломатической документации в США изменились в соответствии с послевоенными принципами ведения внешней политики. Отсеиванию подлежали источники, содержавшие не поддерживаемое правительством мнение автора. Расширилась редакторская правка текста. Увеличился объем НСА.

---

[4] РГВА. Ф. 39536. Оп. 1. Д. 17. Л. 19–32.

[5] Красная Голгофа / сост. И.И. Жуковский. Благовещенск, 1920.

[6] РГВА. Ф. 25909. Оп. 1. Д. 105. Л. 22.

[7] РГВА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 15. Л. 78–81.

[8] Japanese intervention in the Russian Far East. Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America. W., 1922.

[9] Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке / сост. П.М. Никифоров. М., 1923; *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции, 1914–1924 гг. Харбин, 1924.

[10] Papers relating to the foreign relations of the United States. W., 1931–1938. 1918. Russia. Vol. I–III; 1920. Vol. III; 1921. Vol. II; 1919. Russia; 1922. Vol. II.

Одним из примеров использования иностранных публикаций советскими историками стала работа[11], критикующая «корыстную и агрессивную» политику союзников в годы Гражданской войны, где цитировались документы госсекретаря США Р. Лансинга[12]. Для достижения цели допускались смысловые искажения источников, отсутствовали заголовки, номера страниц в ссылках. Примечательно, что американские сборники содержали целый ряд материалов, изобиловавших нелестными отзывами о лидерах Белого движения на Дальнем Востоке, которые остались без внимания авторов.

В 1960-е гг. удалось достичь прогресса в сотрудничестве с зарубежными научными центрами. Публикации архивов СССР и МНР внесли вклад в изучение операций НРА и Красной Армии против Р.Ф. Унгерна и А.С. Бакича[13]. Однако через призму дипломатической и военной переписки отношения между странами были показаны как идиллические, лишенные прагматизма.

Обострившиеся разногласия Москвы и Пекина воспрепятствовали подобному взаимодействию с КНР. Как следствие, роль Китая в Гражданской войне на Дальнем Востоке освещалась весьма односторонне. В единственном документальном сборнике по теме, куда вошла переписка Сун Ятсена с А.А. Иоффе и Г.В. Чичериным, история советско-китайских отношений в 1917–22 гг. сводилась к выстраиванию НКИД диалога с Пекином и Кантоном[14].

В сборнике воспоминаний китайских партизан, воевавших в районе Читы, Благовещенска, Хабаровска, ни один рассказ не описывает процесс включения иррегулярных формирований в НРА[15]. Два эти периода резко контрастировали по духу, и служба в армии не вызывала энтузиазма у китайцев, которых за неподчинение приказам лишали жалования и приговаривали к расстрелу[16].

Одновременно археографическая практика развивалась совместно со странами Варшавского договора. Первым шагом стал перевод мемуаров участников боев в Забайкалье и на Амуре[17]. Были опубликованы выдержки из

---

[11] Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / общ. ред. Е.М. Жукова. М., 1951. С. 247–307.

[12] Papers relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing papers. 1914–1920. W., 1940. Vol. II. P. 374–375, 380.

[13] Революционные мероприятия народного правительства Монголии 1921–1924 гг. / пер. и ред. Ц. Пунцагноров. М., 1960; Советско-монгольские отношения. 1921–1966 гг. / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1966; Советско-монгольские отношения 1921–1940 гг. / сост. Ф.И. Долгих, Гумааширын Цэрэндорж. М.; Улан-Батор, 1975. Т. 1.

[14] Советско-китайские отношения, 1917–1957 гг. / отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М., 1959.

[15] Дружба, скрепленная кровью: Сборник воспоминаний / под ред. Лю Юньань. М., 1959.

[16] РГВА. Ф. 118. Оп. 1. Д. 8. Л. 21, 39, 59; Д. 25. Л. 96–97; Ф. 39729. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 об.

[17] Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции / сост. Жено Гыоркей, Йожа Анталь. М., 1959; Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской

рукописи А.И. Штиллера, основанной на стенограммах заседаний немецкой секции землячества интернационалистов при ЦДСА в 1930-е гг.[18] За рамками издания осталась часть рукописи, где повествовалось о драматической гибели немцев и мадьяр в дальневосточной тайге[19].

В трансграничных сборниках тема получила фрагментарное отражение[20]. Введенные в научный оборот приказы и воззвания создавали образ военнопленных, как идейных революционеров. Документы об устройстве концентрационных лагерей, о положении заключенных, фотоматериалы – игнорировались. В наиболее информативном советско-чехословацком сборнике аргументировалась позиция, что антибольшевистские настроения чешским солдатам внушали лидеры буржуазии, контролируемые из Парижа и Вашингтона[21].

Документы на иностранных языках в советских сборниках практически не печатались, хотя соответствующие рекомендации существовали[22]. С этой точки зрения интересно сопоставить, как в разное время публиковались письма военнопленного Ю. Конрада[23], копии оригинала которых хранятся в РГВА[24]. Особенности вариантов перевода характеризуют уровень развития отечественной археографии.

На современном этапе разработка трансграничных изданий ведется не столь интенсивно, что можно объяснить напряженными отношениями РФ с Восточной Европой. С другой стороны, выстраивание контактов с государствами, входившими в «недружественный лагерь» времен холодной войны, актуализировало освещение международных аспектов революционных событий 1917–22 гг.

С открытием доступа к фондам РЦХИДНИ вышли документальные публикации о работе Коминтерна в странах Азии. Однако двустороннего сотрудничества установить не удалось. Исключением стал крупный сборник, подготовленный РГВА совместно с архивами Монголии[25].

Широкое распространение получили публикации источников в Интернете. В 2012 г. был создан сайт о канадской интервенции на Дальнем Востоке.

социалистической революции и гражданской войны в СССР / пер., ред. и предисл. В.Д. Карякина. М., 1961.

[18] Ноябрьская революция в Германии: Сб. ст. и материалов. М., 1960.

[19] РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 114. Л. 8–10.

[20] Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР / ред. П.А. Жилин, сост. О.С. Рябухина. М., 1968. Т. I-II; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР / сост. П. Дамьянович. М., 1976.

[21] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / под ред. П.Н. Поспелова, В. Краля. М., 1973. Т. I.

[22] Правила издания документов советского периода. М., 1960; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969.

[23] Красная Голгофа. Благовещенск, 1920; Бессмертие. Л., 1936; Ноябрьская революция в Германии. М., 1960.

[24] РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 119.

[25] Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) / сост. И.И. Кудрявцев. Улан-Удэ, 2008. Т. 1.

В оцифрованном виде здесь размещены фотоальбомы со снимками Владивостока, Омска, газетные статьи за 1918–19 гг., выдержки из дневников, аудиозаписи с интервью солдат из семейных коллекций.

На сайте Национальной парламентской библиотеки Японии выложен изданный в 1918 г. альбом фотографий, сделанных в первые месяцы пребывания экспедиционных сил на территории России.

Как показывает анализ, освещение истории Гражданской войны на Дальнем Востоке в отечественной и зарубежной археографической практике, преследуя на каждом историческом этапе различные цели, строится на введении в научный оборот дипломатической и военной переписки. Малоизученными остаются экономическая документация, материалы общественных организаций, нарративные источники. Исследование отложившихся в фондах РГВА документов иностранного происхождения позволяет определить наиболее перспективные направления развития трансграничной публикаторской деятельности для полного и всестороннего отражения тематики[26].

[26] *Исповедников Д.Ю.* Международные аспекты Гражданской войны на Дальнем Востоке по документам РГВА // «История Гражданской Войны в России 1917–1922 гг.»: мат. межд. научно-практической конф. М., 2016. С. 146–153.

АДМИНИСТРАТИВНО ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ НАХЧЫВАНА В 20-е гг. XX ВЕКА (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Кальбизаде Эльнур Хашимович, к.и.н.
(Института истории, археологии и этнографии Нахчыванского отделения НАНА, Азербайджан)

В 28 июля 1920 году, после того как части XI Красной Армии вошли на территорию этого края, Нахчыван был провозглашен Советской Социалистической Республикой. Один документ из фондов Государственного Архива НАР позволил нам более подробно изучить административно-территориальное деление Нахчывана на тот период. Копия данного документа хранится в Центральном научном архиве Нахчыванского Отделения НАНА. Документ, датированный 16 марта 1921 года, называется «Схема администратвно-территориального деления Нахичеванской АССР».

Документ был составлен слушателем академии Генерального штаба М. Перешином в виде доклада Чрезвычайному комиссару Азербайджанской ССР и Народному военному комиссару Нахичеванской ССР. В нем проходит название существующих на тот момент трех уездов (Нахчыванский, Шарурский и Ордубадский) и 9-ти районов (Тумбулский, Джагринский, Шахбузский, Яйджинской, Абрагунисский, Чаненабский, Баш Норашенский, Шантахтинской, и Садеракской) в составе Нахчыванской ССР.

В 1924 году в составе Нахчыванской АССР было 3 уезда (Нахчыванский, Шарурский и Ордубадский) и 9 округов. А уже в 1925 году, в с переходом на районное деление по всему Советскому Союзу, уъездное деленииие в Нахчыванской АССР также была упразднена. Тогда в Нахчыване было 9 округов.

В 1925 году названия некоторых деревень в регионе были изменены, и созданы следующие районы: Баш Норашененский, Кыврагский, Джагринской, Тумбулский, Наримановский, Абрагунисский, Джульфинской, Ордубадской, Парагинское, Азаский.

Источники подтвеждают, что в 1927 году административно в составе Нахчыванской Автономной Республики было в 8 округов (районов) и 227 населенных пунктов.

Таким образом, по целому ряду исследований и авхивным фактам мы можем прийти к следующим выводам:

1. В течение этого периода были сделаны экспериментальные изменения в административно-территориальной структуре региона.

2. Архивные и исторические документы свидетельствуют о том, что территория Нахчывана в 1921 году была большей по территории, чем нынеш-

няя площадь автономии. Находящиеся в настоящее время ряд приграничных территорий и сельских населенных пунтов, на сопредельной территории Республики Армения, были частью Нахчыванской Республики.

После упрочения здесь позиций Советской власти произвольно и безосновательно подвеглись изменениям названия целого ряда населенных пунктов, и они подверглись советизации.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД 1939–1945 гг.: ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМА «ОБУЧЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ» КАК ОПЫТ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОЕКТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Карафизи Анна-Мари Ивановна
(Воронежский институт высоких технологий)

Тема национал-социалистического принудительного труда и его жертв не находит должного отражения в культурной памяти и науке современной России. Она практически не представлена и в школьных учебниках. Пришло время напомнить обществу о забытых жертвах войны, ранее – «фигурах умолчания», к которым относятся работники принудительного труда. Отсутствие внимания к данной проблеме мешает установлению связей между поколениями. Создание и развитие образовательных проектов, посвященных жертвам принудительного труда, играет при этом важную роль. Одним из таких проектов является онлайн-платформа «Обучение на основе интервью: принудительный труд 1939–1945 гг.».

Основой для создания обучающей платформы стал онлайн-архив «Принудительный труд 1939–1945. Воспоминания и история», который предоставляет доступ к значительному числу нарративно-биографических интервью с бывшими работниками принудительного труда в аудио- и видеоформатах.

На фоне различных историко-дидактических подходов и многообразия национально-обусловленных культур памяти в рамках данного проекта может быть раскрыт и апробирован дидактический потенциал аудиовизуальных источников. В основе проекта лежит совместная работа дидактиков, историков и специалистов в сфере информационных технологий.

В процессе обсуждений проектной деятельности с партнерами и экспертами из разных стран (в 2014 г. и 2016 г.), была разработана историко-дидактическая и техническая концепция онлайн-платформы «Обучение на основе интервью: принудительный труд 1939–1945 гг.».

Платформа включает: а) образовательную среду, отвечающую историко-дидактическим и техническим требованиям; б) редакционную систему, которая позволяет легко управлять платформой и настраивать ее содержимое.

Онлайн-платформа предоставляет следующие возможности:

– Она доступна постоянно при использовании любых операционных систем.

– Приспособленная под конкретные требования редакционная система / система управления материалами позволяет российским партнерам из Воронежского института высоких технологий наполнять платформу контентом. Редакционные поправки и внесение дополнений, например, к биографиям, осуществляются удобным способом.

– Появляются новые дидактические возможности.

– Продуманный дизайн позволяет использовать материалы платформы на мобильных устройствах.

Российская версия онлайн-платформы «Обучение на основе интервью: принудительный труд 1939–1945 гг.» имеет следующую структуру. В ее основе лежат 6 биографических фильмов с респондентами, которые представляют различные группы жертв нацистского принудительного труда: «восточные рабочие», евреи, советские военнопленные, участники польского Сопротивления, немцы-коммунисты, молодые граждане Франции. К каждому фильму поставлен ряд заданий, в том числе повышенной сложности. К заданиям предлагаются материалы (фото, документы, информационные тексты, видео), которые помогают познакомиться с биографией респондента и историческим контекстом. Интервью сопровождается краткой биографией и биографической картой. Также в помощь учителю и ученику предлагаются словарь терминов и хронологическая шкала. Результатом работы ученика с платформой может быть как биографическое сочинение, так и проектная деятельность. Итогом последней может стать презентация или создание буклета к отдельным интервью.

Целевая аудитория платформы – это учащиеся 9–11 классов, студенты (прежде всего педагогических университетов), учителя и преподаватели вузов.

Большое значение при определении исторического контекста к каждому биографическому фильму имеют архивные материалы. В онлайн-платформе «Обучение на основе интервью: принудительный труд 1939–1945 гг.» использованы материалы российских, немецких и польских архивов – Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, архива Государственного музея Аушвиц-Биркенау, Федерального архива Германии – часть из которых впервые вводится в научный оборот в России.

Применение обучающей онлайн-платформы будет способствовать утверждению междисциплинарного подхода и метода устной истории в процессе освоения старшеклассниками и студентами гуманитарных дисциплин.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМЯНО-ГРИГОРИАНСКОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кащеев Андрей Владимирович
(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

В вооруженных силах Российской империи особенное внимание уделялось обеспечению религиозных нужд военнослужащих, что было связано с ролью религии и религиозных институтов в жизни общества и государства. Для обслуживания военнослужащих существовало специальное ведомственное военное духовенство, которое включалось в штат вооруженных сил. Накануне Первой мировой войны оно было представлено православными, католическими, мусульманскими, евангелическо-лютеранскими и евангелическо-аугсбурскими священно- и церковнослужителями[1].

Первая мировая война внесла свои корректировки в конфессиональный состав военного духовенства. Еще 27 августа 1914 г. Синод Святого Эчмиадзина отправил запрос в Главный штаб и штаб Кавказской армии о возможности назначения в действующую армию армяно-григорианских священников для удовлетворения религиозных нужд военнослужащих армяно-григориан[2]. Начало боевых действий на Кавказе привело к притоку армян в действующую армию, большинство из которых было армяно-григорианского вероисповедания. Армяно-григорианская церковь активно поддерживала войну с Турцией и помогала войскам. Так как штатом действующей армии должности армяно-григорианских священников не предполагались, епископу Месропу, уполномоченному вести переговоры с военным командованием, было поручено узнать о возможности назначения временных священников для причащения военнослужащих-армян в Кавказской армии. Однако позиция Святого Эчмиадзина в войне была замечена военным командованием действующей армии, которое в начале 1915 г. вместо временных, решило ввести штатные должности армяно-григорианских военных священников[3]. На фронтах эти должности вводились при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов, а в Кавказской армии – при штабе.

---

[1] *Кащеев А.В.* Участие Министерства внутренних дел Российской империи в формировании военного духовенства в годы Первой мировой войны // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: сборник тезисов докладов. Минск, 2016. С. 256–256.

[2] *Степанянц С.М.* Участие армянского духовенства в Первой мировой войне на стороне России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 125.

[3] *Степанянц С.М.* С. 127.

Для замещения введенных должностей мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба (далее – мобилизационный отдел) или начальники канцелярий главных начальников снабжений армий фронтов, связались с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД (далее – ДДДИИ), которому было подведомственно все неправославное духовенство Российской империи. В свою очередь ДДДИИ направлял запросы епархиальному руководству с просьбой назначить на вакантные должности священнослужителей. После получения ответов из епархий, для проверки благонадежности представленных кандидатов, направлялись запросы губернаторам, из губерний которых предполагалось назначить священнослужителей. После получения положительного ответа от губернаторов ДДДИИ направлял в мобилизационный отдел информацию о кандидатах.

В случае если со стороны военного командования не было возражений, кандидаты утверждались в должностях. Первым армяно-григорианским военным священником в действующей армии, к штабу Кавказской армии, был назначен приходской священник Рубен Бекгулянц[4]. Позднее, на должности армяно-григорианских священников при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов, были назначены священник Хорен Мнацаканианц (на Северо-Западный фронт)[5] и священник Акоп Сарикян (на Юго-Западный фронт)[6]. В конце лета 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный. Хорен Мнацаканианц сохранил свою должность на западном фронте, а на Северном должность армяно-григорианского священника была введена только 29 апреля 1916 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 557. Для подбора кандидата на эту должность ДДДИИ обратился к руководству Астраханской армяно-григорианской епархии[7], которое предложило кокандского армянского священника Нерсеса Абрамяна[8]. 3 августа 1916 г. его назначили на должность после прохождения всей процедуры проверок и согласований и откомандировали в Псков[9].

Летом 1916 г. начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта сообщил в мобилизационный отдел, что на место заболевшего и отбывшего с фронта священника Сарикяна предлагается настоятель Белецкой, Оргиевской и Хотинской армяно-григорианских церквей Мартирос Затикянц, который с марта 1916 г. числился прикомандирован-

---

[4] Там же.

[5] Наградной лист Хорена Мнацаканианца // РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 221. Л. 243.

[6] О назначении Мартироса Затикянца священником при канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта // РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 407. Л. 16.

[7] Отношение ДДДИИ к начальнику Астраханской армяно-григорианской епархии № 2777 от 21.05.1916 // РГИА. Ф. 821. Оп. 7 Д. 407. Л. 2.

[8] Ответ начальника Астраханской армяно-григорианской епархии // РГИА. Ф. 821. Оп. 7 Д. 407. Л. 3.

[9] О ходатайстве Нерсеса Абрамяна об удовлетворении его содержанием РГИА. Ф. 821. Оп. 7 Д. 407. Л. 13–14.

ным к канцелярии[10]. По этому вопросу мобилизационный отдел вступил в переписку с ДДДИИ. Так как кандидат на назначение в действующую армию был предложен военными, ДДДИИ необходимо было уточнить, нет ли препятствий к назначению со стороны епархиального и губернского руководства. Руководство Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархий[11], как и Бессарабский губернатор[12] претензий к назначению Затикянца не имели.

В конце 1915 г. главнокомандующий Кавказской армией получил право комплектовать армянские стрелковые батальоны из числа добровольческих дружин[13]. За 1916 г. было сформировано шесть батальонов, в каждый из которых осенью 1916 г. были назначены священники. В первый батальон в Эрзерум был назначен священник Степанос Папаян, до его назначения обязанности священника исполнял ефрейтор Арутюн Арутюнов, который не являлся духовным лицом[14]. Во второй батальон в Хныс был командирован Егише Тер-Парсамян, в третий, четвертый, пятый и шестой, расположенные в Манаде – Мартирос Тер-Наапетян, Аствацатур Медникянц, Баграт Сукиасян, Петрос Маткишян[15]. Все они были приходскими священниками, часть из которых еще в начале войны изъявили желание служить в действующей армии.

Как и все военное духовенство действующей армии в военно-административных вопросах армяно-григорианские священники были полностью зависимы от своих непосредственных руководителей. У армяно-григорианских священников при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов это были начальники канцелярий, у Рубена Бекгулянца – дежурный генерал штаба Кавказской армии, а у священников батальонов – командиры батальонов. В то же время религиозные и церковно-административные вопросы находились в ведении руководства армяно-григорианской церкви. Дежурный генерал штаба Кавказской армии Е.Е. Вышинский обратился в 1916 г. в Синод Святого Эчмиадзина с просьбой назначить для батальонных священников благочинного, который получал право определить священников по батальонам. При этом в качестве кандидата на эту должность указывался Рубен Бекгулянц, который в итоге и был назначен[16].

---

[10] О назначении Мартироса Затикянца священником при канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта // РГИА. Ф. 821. Оп. 7 Д. 407. Л. 16.

[11] Ответ начальника Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии на запрос ДДДИИ // РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 407. Л. 23.

[12] Ответ Бессарабского губернатора на запрос ДДДИИ // РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 407. Л. 25.

[13] *Подпрятов Н.В.* Армянские стрелковые батальоны в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 160.

[14] Там же.

[15] *Степанянц С.М.* С. 127.

[16] *Степанянц С.М.* С. 127.

Таким образом, к началу 1917 г. в действующей армии Российской империи было семь армяно-григорианских военных священников. В комплектовании, которых участвовали военное командование, ДДДИИ и руководство армяно-григорианской церкви. В Кавказской армии армяно-григорианское духовенство было объединено в отдельную административную единицу (благочиние) Армяно-григорианской церкви во главе со священником при штабе армии.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭКСПОЗИЦИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1950–1960-х гг.

Каюмова Мадина Расуловна
(Национальный архив Республики Карелия)

Карельский государственный краеведческий музей, центральный музей Карело-Финской союзной республики позиционировался как научно-исследовательское и культурно-просветительское учреждение. Основной своей задачей коллектив музея видел «собрание и показ в экспозиции музейного материала с целью распространения знаний о республике среди широких масс населения»[1].

Историческая экспозиция музея делилась на два раздела: историю дореволюционного прошлого и историю Советской Карелии. На границе между этими разделами, занимая центральное место в экспозиции, находилась музейная репрезентация событий Октябрьской революции.

Цель данной работы – выявить основные тенденции и особенности музейной репрезентации Октябрьской революции, а также динамику их изменений в экспозициях Карельского государственного краеведческого музея (далее – КГКМ).

Основными источниками исследования стали исторические музейные экспозиции, текст которых, представленный в форме тематических экспозиционных планов (далее – ТЭП), можно рассматривать как связное, логичное повествование о прошлом.

В 1950 г. была открыта вторая по счету послевоенная экспозиция КГКМ. В разделе экспозиции, посвященном событиям Октябрьской революции, большее место было уделено историческим сюжетам, связанным с установлением Советской власти в Москве и Петрограде, а также роли И.В. Сталина в победе революции. Посетитель имел возможность ознакомиться с революционными событиями в Карелии только в конце экспозиции. Таким образом, в музейной экспозиции преобладал иллюстративный подход, подразумевавший превалирование текстовых средств музейной репрезентации и отсутствие внимания к подлинным музейным памятникам[2].

В 1951 г. экспозиция музея была закрыта по причине необходимости проведения ремонтных работ в здании музея. Было принято решение о подготовке очередной реэкспозиции отдела Советского периода[3]. Открытие

[1] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/31. Л. 4.

[2] *Поляков Т.П.* Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М.: 1997. С. 31.

[3] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/31. Л. 3.

экспозиции было приурочено к 35-летней годовщине Октябрьской революции[4].

Раздел новой экспозиции, представляющий события 1918–1922 гг. в Карелии, получил наименование «Карелия в годы Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской войны и военной интервенции».

В 1950-х гг. в историографии во многом сохраняются тенденции довоенного периода, связанные с изданием в 1938 г. учебника по истории партии большевиков «Краткого курса истории ВКП(б), являвшегося вектором, задающим направление для написания национальных историй советских республик. Концепция истории СССР в том виде, в котором она представлена в указанном труде сохраняла свою актуальность вплоть до середины 1950-х гг.[5]

Экспозиция 1952 г. создавалась как полноценный постоянный музейный показ, рассчитанный на десятилетие экспонирования. Однако после оглашения решений XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., некоторые тенденции в советской исторической науке, характерные для сталинской эпохи стали оцениваться как «субъективистские ошибки в изучении истории», «чуждые марксизму-ленинизму»[6].

Период со второй половины 1950-х до начала 1970-х гг. в советском музееведении ознаменовался противоборством двух подходов к построению экспозиции. Иллюстративный подход к репрезентации исторических событий воспринимался в музейном сообществе как явный недостаток экспозиции, однако у сторонников музейной подлинности не было альтернативных музейных средств для преодоления этого недостатка[7].

Отголоском этого противоборства можно считать отзыв Института музееведения на ТЭП новой экспозиции 1957 г. В отзыве отмечалось, что существенным недочетом ТЭПа является чрезмерное обилие объяснительных текстов и многословие[8]. Также было подчеркнуто, что в музейных экспозициях обязательно должны присутствовать подлинные исторические памятники, и в этом отношении в экспозиции Карельского музея оставался очень большой пробел[9].

В 1960 г. завершилась реконструкция здания музея, увеличилась экспозиционная площадь[10], что привело к необходимости разработки новой

---

[4] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/40. Л. 21.

[5] *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. С. 336.

[6] *Данилова Л.В.* К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России// Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР: Сборник статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962 г. С. 65.

[7] *Поляков Т.П.* Указ. соч. С. 38.

[8] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/80. Л. 51

[9] Там же.

[10] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 29.

экспозиции. Кроме того, 1960 г. был юбилейным для республики, отметившей свое 40-летие. Согласно плану мероприятий Министерства культуры КАССР по подготовке к 40-летию КАССР, краеведческому музею поручалось открыть новую экспозицию по разделам «КАССР за годы Советской власти»[11].

Новая экспозиция была лишена объемной «вступительной части», детально репрезентирующей события октября 1917 г. в Петрограде и Москве, она строилась на местном материале, не упуская, тем не менее, показ общеисторического контекста революционных событий в Карелии.

На музейные витрины и стенды были возвращены портреты революционеров и участников Гражданской войны, репрессированных в 1930-е гг. Например, предметный ряд экспозиции 1960 г. дополнился необычным экспонатом – фрагментом игрушки, подаренной В.И. Лениным сыну К. Ровио, у которого он жил во время пребывания в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1917 г.[12]

В 1963 г. ТЭП, посвященный истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Карелии, был изменен и дополнен. В частности был обновлен фонд цитат классиков марксизма-ленинизма. В историческом музейном повествовании большее место занимала репрезентация становления и деятельности партийных органов в Карелии после Октябрьской революции.

В середине 1960-х гг. снова назрел вопрос о капитальном ремонте здания музея, основные ремонтные работы были завершены весной 1967 г.[13] Открытие новой экспозиции по истории Великого Октября по традиции было приурочено к юбилею Октябрьской революции.

К 1967 г. сформировался своеобразный канон репрезентации Октябрьской революции и установления Советской власти в Карелии, который оставался практически неизменным до конца Советской эпохи. Таким образом, на протяжении 1960–1980-х гг. посетителей неизменно встречали гипсовый бюст В.И. Ленина, включенный в экспозицию 1963 г., и красное знамя коллектива Кировской (Октябрьской) железной дороги, на стендах были представлены те же портреты большевиков-революционеров, а на стендах располагались копии одних и тех же архивных документов.

Экспозиция 1967 г. просуществовала до 1979 г. и была демонтирована в связи с необходимостью проведения ремонтных работ в музее.

Завершив рассмотрение истории и особенностей разделов постоянных экспозиций КГКМ, посвященных событиям Октябрьской революции, необходимо подвести некоторые итоги. Репрезентация Октябрьской революции в Карелии имела следующие характерные черты:

– структура экспозиций повторяла основные этапы развития общества, принятые советскими историками, руководствовавшимися марксистско-ленинской философией и формационным подходом;

---

[11] Там же. Л. 16.

[12] Научный архив НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 33.

[13] КУ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/178. Л. 12.

– раздел экспозиции, посвященный событиям Октябрьской революции в Карелии, занимал центральное место среди всей системы постоянных экспозиций КГКМ;

– каждый юбилей Октябрьской революции знаменовался открытием новой экспозиции по истории Великого Октября;

– к 1967 г. сформировался определенный канон показа революционных событий, просуществовавший до конца 1980 г.

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. В ПРЕССЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ГЕРМАНСКОГО ФЛОТСКОГО СОЮЗА

Киктева Евгения Викторовна
(Историко-архивный институт РГГУ)

Русско-японская война, представленная в историографии всеобщей истории как важный фактор международных отношений довоенного периода, во многом предвосхитила мировые войны XX века в техническом и военном отношении. Хорошо известен резонанс, который она вызвала в странах Европы, ее влияние в странах Востока, роль в судьбе Российской империи. Цель данного исследования более локальна – продемонстрировать рефлексию русско-японской войны в немецком публичном пространстве.

В данном случае показательным представляется позиция Германского флотского союза, т.к. эта организация, с одной стороны, непосредственно по роду своей деятельности специализировалась на проблематике военно-морского флота, а с другой – имела в период русско-японской войны значительное влияние в немецком обществе.

Германский флотский союз (Deutscher Flottenverein, далее – ДФФ; 1898–1934), являлся одним из т.н. «национальных союзов» (nationale Verbände) периода вильгельмовской Германии. Созданный первоначально в качестве лоббистской организации для продвижения идеи строительства крупного и современного немецкого флота (программа А. фон Тирпица), уже к 1902 г. он становится крупной массовой политической организацией. Численность союза в 1904–1906 гг. составляла 250–300 тыс. человек (вместе с членами аффилированных организаций 680–900 тыс. чел.), тираж печатного органа ДФФ – газеты «Die Flotte» достигал 340 тыс. экземпляров[1]. Союз оказывал влияние на значительную часть немецкого общества, прежде всего на буржуазные круги, армейских и морских офицеров, учителей и преподавателей университетов.

Специальных работ, посвященных ДФФ, в настоящее время в отечественной историографии не имеется[2]. В зарубежных работах, посвященных ДФФ,

[1] *Diziol S.* «Deutsche, werdet Mitglieder des Vaterlandes!»: Der Deutsche Flottenverein 1898–1934. Bd. 2. Kiel, 2015. S. 777.

[2] За исключением работ С.П. Шилова, где ДФФ затрагивается в контексте взаимоотношений с Военно-морским ведомством. См., напр.: *Шилов С.П.* Русско-японская война и Германское военно-морское ведомство // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 52–68.

русско-японской войне не уделялось заметной роли, она перечисляется в ряду тем, которым организация уделяла внимание[3].

Важность такого события, как русско-японская война, проявляется, если рассмотреть ДФФ не только сквозь призму милитаризма и гонки вооружений, но и как элемент «культуры безопасности» (Sicherheitskultur)[4] общества вильгельмовской Германии. Данная относительно новая методологическая концепция ранее не применялась по отношению к ДФФ.

Исследование источников продемонстрировало, что тема русско-японской войны множество раз встречалась не только в периодической печати союза (что естественно), но и в пропагандистских листовках ДФФ. Пресса ДФФ активно и достаточно оперативно освещала события русско-японской войны. Более того, еще до начала войны в журнале, связанном с ДФФ, вышла статья, посвященная возможным сценариям развития военных действий в случае войны между Россией и Японией[5]. Особое внимание было сконцентрировано на Цусимском сражении, оно подавалось в качестве урока для Германии, из которого необходимо было сделать соответствующие выводы. Авторы крупных статей о русско-японской войне – Э. фон Ревентлов, А. Кайм – относились к радикальному крылу ДФФ, которое в рассматриваемый период доминировало в Союзе. В листовках данного периода русско-японская война, которая демонстрирует угрозу национальной безопасности, исходящую от устаревшего флота[6]. Помимо этого, русско-японская война была темой многочисленных докладов в местных ячейках ДФФ.

Русско-японская война не была лишь удобным примером пропаганды, но оказала влияние на риторику и цели ДФФ – помимо агитации за форсированное строительство крейсеров и линкоров появляется требование немедленного списания устаревших кораблей и обновления флота Германии в соответствии с последними достижениями техники[7]. Данная пропагандистская линия прослеживается в листовках и более позднего времени, в форме алармистских напоминаний, что японский флот может вскоре обогнать немецкий по количеству линейных и панцирных кораблей[8].

Русско-японская война, несмотря на нейтральную позицию Германии, вызвала значительный резонанс в крупнейшей на тот момент правой полити-

---

[3] *Diziol S.* Ibid; *Eley G.* Reshaping the German right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven; London, 1980.

[4] *Bauerkämper A.* Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive // Sicherheitskulturen im Vergleich: Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert. Paderborn, 2014. S. 7–34.

[5] *Reventlow E.* Betrachtungen über einen japanisch-russischen Krieg // Überall. 6. Jahrgang [1903]. S. 121–125.

[6] *Fricke D.* Deutscher Flottenverein und Regierung 1900–1906 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. H. 2. 1982. S. 151 [Листовка в приложении № 5].

[7] Staatsarchiv Hamburg. Bd. 614-2/1. III.4. [An die Landesverbände, Hauptausschüsse etc. des Deutschen Flotten-Vereins, 08.10.1906].

[8] Staatsarchiv Hamburg. Bd. 614-2/1. III.4. [Листовка «Schneller bauen!», не ранее 1909 г.].

ческой организации – Германском флотском союзе. Особенное внимание ей уделяло радикальное крыло ДФФ, что послужило одним из факторов дальнейшего размежевания данной группировки, а вслед за ней и Союза, с официальной программой строительства флота, выдвинутой Военно-морским ведомством А. фон Тирпица.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ МЕТОДОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В СССР В 1970-е ГОДЫ

Кирсанов Роман Геннадиевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)

70-е гг. в СССР были отмечены поиском коллективами многих предприятий новых, эффективных методов работы. Смелые начинания отдельных трудовых коллективов получили широкую известность в стране: комплексная система работы с меньшей численностью персонала при увеличении объемов производства на Щекинском химическом комбинате[1]; разработка и утверждение рабочим личных производственных планов, являющихся составной частью плана предприятия, по методу московского завода «Динамо»; пересмотр норм труда по инициативе рабочих, применявшийся на Аксайском заводе пластмасс; львовская система управления качеством; нормирование производственных мощностей по опыту Сумского машиностроительного объединения им. М. Фрунзе и др.

В строительстве стал внедряться метод бригадного подряда. Большую известность получил опыт бригад под руководством Героя соцтруда Н. Злобина из управления «Зеленоградстрой», Героя соцтруда Н. Панюшкина из Дедовского монтажного управления Минмонтажспецстроя СССР и лауреата Госпремии СССР М. Бубякина из треста «Вологдасельстрой»[2]. Хозрасчетная бригада вместо привычных нарядов получала план-задание на весь год. В договоре с администрацией прописывались все виды работ, срок их выполнения, фонд заработной платы и размеры поощрений. Бригада отвечала за качественное и своевременное выполнение объема работ, а администрация гарантировала снабжение материалами и оборудованием. Оплата труда производилась по конечным результатам, что обеспечивало прямую связь с объемом выполненных работ и стимулировало достижение более высоких результатов. Бригадам, переведенным на подряд, удавалось перевыполнить задания по росту производительности труда в среднем на 7–8 % и снизить плановую себестоимость работ.

Однако эффективность хозрасчетных бригад снижалась из-за того, что по такому методу они работали лишь 60 % годового рабочего времени. В основном это происходило из-за недостаточной подготовки производства, а в ряде случаев искусственно сдерживалось хозяйственными руководителями.

Большой интерес представлял появившийся в те годы узловой метод проектирования, подготовки, организации и управления строительством слож-

[1] *Валовой Д.В.* Реформы. М., 2012. С. 82.

[2] *Фединин В.* Организация соревнования и хозяйственный расчет // Вопросы экономики. 1979. № 9. С. 82.

ных объектов и крупных промышленных комплексов. Сущность этого метода заключалась в том, что в составе пускового комплекса выделялись конструктивно и технологически обособленные части (узлы) с целью организации технологически обоснованного объема работ и достижения в возможно короткие сроки технической готовности, необходимой для автономного опробования и наладки отдельных технологических линий и установок. Преимущества узлового метода объяснялись рациональной концентрацией и использованием материально-технических и трудовых ресурсов внутри комплекса, возможностью совмещения работ по комплексу за счет организации параллельных потоков и четкой координации работ в пределах каждого узла.

Узловой метод был впервые разработан и внедрен на стройках Украины, где с его помощью были сооружены: комплекс кислородно-конверторного цеха и стан «3600» на заводе «Азовсталь», доменная печь № 9 завода «Криворожсталь», Харцызский трубный завод, комплексы по производству аммиака на северодонецком ПО «Азот», Одесский припортовый завод и другие объекты. На большинстве из них сроки ввода в действие мощностей были сокращены до шести месяцев. Но несмотря на декларативные заявления многих министерств о необходимости широкого внедрения такого метода, за рамки локального применения он практически не вышел.

Щекинский метод позволил увеличить объем производства за счет роста производительности труда без увеличения численности работников. Имея стабильный фонд заработной платы на несколько лет вперед, предприятие стремилось выполнить запланированный объем работ с меньшей численностью персонала, а вся экономия оставалась в распоряжении коллектива. После перехода в 1967 г. на работу по принципу «персонала меньше – продукции больше» это предприятие за десять лет увеличило объем продукции в 2,7 раза, производительность труда – в 3,4 раза[3].

При внедрении новых методов работы на Щекинском комбинате было высвобождено более 1000 человек при значительном увеличении объема производства. На заводе «Динамо» за годы девятой пятилетки объем продукции был увеличен на 46,7 % при плане 36,5 %, а производительность труда повысилась на 52,4 % при плане 35,5 %. Машиностроительное объединение в Сумах добилось повышения коэффициента сменности в работе до 1,6, что намного превышало средние показатели по машиностроению. На Аксайском заводе пластмасс за 8 лет производительность труда возросла в 3,5 раза.

Однако передовой опыт распространялся медленно, а эффективность его использования на предприятиях была невысока[4]. Говоря о причинах неудач внедрения новых методов, многие исследователи ставят на первое место рост числа безработных, что для советской власти, гарантировавшей своим гражданам полную занятость, было неприемлемо[5]. На самом деле все «высвобожденные» рабочие в короткое время оказывались трудоустроены. Основ-

---

[3] *Валовой Д.В.* Экономика в человеческом измерении: Очерки-размышления. М., 1988. С. 166.

[4] *Кудров В.М.* Экономика России в мировом контексте. СПб., 2007. С. 410.

[5] См. *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008. С. 42.

ная проблема состояла в том, что новые формы и методы организации труда пытались втиснуть в рамки старой системы управления и оперативно-производственного планирования. Хозрасчетная бригада была заинтересована в конечном результате, в досрочной сдаче объекта, между тем как строительное управление или трест – далеко не всегда. Для них подряд создавал дополнительные хлопоты и дополнительную ответственность перед вышестоящими организациями, в то время как управленческий аппарат и заработная плата его работников оставались прежними. Конечной целью у них был не сданный в эксплуатацию объект, а объем реализации. Отсюда и получалось, что многие управленцы вместо внедрения подряда составляли формальные отчеты о создании хозрасчетных бригад и практически ничего не меняли в структуре управления.

Кроме того, каждому передовому опыту хозяйствования была свойственна своя определенная сфера применения. Так, щекинский метод работы был разработан на предприятии с аппаратурными, агрегатными процессами и повременной оплатой труда, в связи с чем основной сферой его распространения должны были стать предприятия металлургии, энергетики, нефтехимии, микробиологи, т.е. предприятия тех отраслей, для которых, как и для химии, характерны аппаратурные и агрегатные непрерывные технологические процессы, управление которыми осуществляется рабочими-повременщиками, как правило, объединенными в бригады.

В обрабатывающих отраслях промышленности (в которых были задействованы рабочие-сдельщики) был бы востребован опыт завода «Динамо» и Аксайского завода пластмасс. Поэтому массовому внедрению опыта передовых предприятий должна была предшествовать подготовка новых отраслевых нормативов и методических рекомендаций, однако действовавший хозяйственный механизм был заинтересован не столько в качественных, сколько в количественных характеристиках деятельности предприятий, объединений и министерств.

В итоге положение по распространению щекинского метода было подвергнуто критике в центральной печати. Динамовский метод разработки и утверждения личных производственных планов внедрялся в промышленности с большими трудностями. Необходимы были методические рекомендации предприятиям по использованию личного планирования производства. Отдельные министерства подготовили такие документы, но разработка межотраслевых рекомендаций, представлявших типовую модель передового опыта хозяйствования без учета конкретных организационно-технических условий предприятия, все время откладывалась. А между тем без определения типовых условий применения данного метода было невозможно ни прогнозирование, ни планирование его распространения.

Таким образом, новые методы и формы организации труда в различных отраслях народного хозяйства хотя и доказали свою эффективность в ходе локальных экспериментов и были взяты на вооружение целым рядом предприятий и объединений, так и не получили массового внедрения и остались предметов острых дискуссий и полемик вплоть до начала формирования основ многоукладной экономики в стране.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА «РЕФОРМЫ-КОНТРРЕФОРМЫ»

Кирсанова Екатерина Геннадьевна, к.полит.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Тенденция «реформы-контрреформы» в истории России является одной из особенностей политической традиции нашего государства. Принятые реформы через определенные исторические периоды сменялись контрреформами. В данной статье автор постарается проанализировать особенности такой тенденции.

Изучение политической истории России сквозь призму принципа «реформы-контрреформы» представляет собой подход, акцентирующий внимание на диалектическом развитии государства. Приверженцы данного подхода утверждают, что «за последние два века Россия пережила целый ряд циклов реформ и контрреформ, когда этапы либерализации, усложнения социально-политической системы и раскрепощения общества сменялись периодами подавления прав и свобод широких слоев населения, усиления государственного контроля во всех сферах общественной жизни и попыток принудительно сформировать идеологическое, культурное, политическое единообразие»[1].

Практически все концепции российских циклов можно разделить на несколько групп: схемы долгих циклов (к примеру, Р.В. Вишневский) и схемы коротких циклов (к примеру, А.Л. Янов, В.В. Лапкин, В.И. Пантин). На взгляд автора, эти подходы органично сосуществуют, а порой и накладываются друг на друга, что дает возможность рассматривать историю России через циклы модернизации без кардинального акцента на длине анализируемых периодов.

Что же такое реформа и контрреформа? Философский словарь дает следующее определение понятия реформы – это «способ изменения общественного строя, социального института или отдельного, значимого для общества явления, осуществляемого управляющей (властной) структурой с четким осознанием цели преобразования»[2]. Говоря о политических реформах стоит отметить, что они подразумевают, в первую очередь, изменения в политической жизни общества, не затрагивая основу существующего строя. Вне зависимости от вида реформ, они всегда представляют собой путь постепенного, эволюционного изменения. Успех или неудача реформ зависит от многих факторов: правильность определения целей и задач, точный анализ возможностей их воплощения, приемлемость ее элементов для населения, поддержка

[1] *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности.М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2007. С. 10.

[2] Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 491.

заинтересованных лиц, предотвращение препятствий и угроз, которые могут возникнуть и т.д.

Всемирная история может дать значительное множество примеров политических реформ в деятельности практически всех государств. Это и изменения избирательных систем, парламентские реформы, различные изменения в законодательстве.

В истории России также много примеров политических реформ: крестьянская реформа 1861 года, Манифест 17 октября, реформы местного самоуправления и т.д.

Под контрреформами следует понимать изменения, оказавшие значительное влияние на политическую систему и приведшие к резкому ужесточению политического режима. Ряд авторов при этом добавляют, что контрреформы также приводят «к снижению эффективности управления государством, застою и кризисным явлениям в обществе»[3]. Однако на наш взгляд, последний тезис является, по крайней мере, дискуссионным ввиду того, что не каждая контрреформа снижала эффективность управления страной. К примеру, руководство государства в условиях военных действий может принять кардинальные и жесткие меры, исходя из того или иного военного положения.

Реформы и контрреформы в России можно рассматривать как одну из особенностей политического процесса. В. Пантин и В. Лапкин отмечают, что за реформами первого периода правления Александра I последовали контрреформы того же самого императора во время его второго периода правления, а также контрреформы Николая I; на смену реформам Александра II пришли контрреформы Александра III; «военный коммунизм» вслед за реформами С.Ю. Витте и П.А. Столыпина; политика НЭПа и последовавшая впоследствии за ней сталинская коллективизация и террор; «оттепель» Н.С. Хрущева и перестройка М.С. Горбачева.

Что же было общего во всех этих циклах реформ-контрреформ? Какие сходные механизмы преобразований прослеживаются в различные исторические периоды? Исследователи акцентируют внимание на ряде тезисов, связанных с участием населения в политической жизни, последствии проведения реформаторских преобразований, степени подготовленности реформ и т.д. Попробуем разобраться более детально.

Во-первых, осуществление реформ зачастую не сопровождалось поддержкой со стороны различных слоев населения. Постоянно давала о себе знать несформированность институтов гражданского общества. Эта особенность связана с одним из важных факторов – эффективностью инновационного развития. В данном случае автор имеет в виду способность той или иной среды воспринимать и использовать инновации или их отвергать. Здесь мы затрагиваем достаточно сложный и дискуссионный вопрос. С одной стороны, изменения в различных сферах жизни зачастую сменялись в России контрреформами, т.е. другими словами можно сказать, что новшества в какой-то степени не приживались. С другой стороны, инновации могли дать толчок к модернизации страны (к примеру, реформы Петра I). На сегодняшний день, по мнению автора, данная проблематика должна лежать в плоскости ответа на

[3] *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2007. С. 10.

следующий вопрос: каким субъектам политического процесса выгодно инновационное развитие и выгодно ли вообще?

Потенциал и возможности России достаточно большие, однако они не используются в полной мере: российская экономика до сих пор носит ресурсно-ориентированный характер, инновационная активность бизнеса невысока, социальное обеспечение населения постепенно улучшается, но далеко от необходимого уровня, заявленные цели и задачи построения национальной инновационной системы переписываются из одного официального документа в другой (при этом запланированные показатели не выполняются) и т.д. В чем причина?

Одна из проблем кроется в том, что в научном дискурсе понятия «инновация», «инновационное развитие» используются в классическом понимании и вполне отвечают духу времени. В официальных же документах понятие «инновация» зачастую превращается фактически в фикцию, в некий метаязык, который используется в политических целях. В политических целях используется данная терминология в заявлениях и выступлениях высшего руководства страны. Однако создание инноваций – это длительный процесс воплощения реальных действий, сопряженный со множеством рисков и ресурсных затрат.

Безусловно, это не единственная причина, которая может объяснить сложность и противоречивость инновационного развития нашей страны. Проблемы, возникающие при построении национальной инновационной системы, носят комплексный характер.

Во-вторых, на ряде примеров мы можем пронаблюдать следующую тенденцию: происходит исчезновение реформаторов с политической сцены, как только в дело запускаются преобразования. Реформирование продолжается в силу того, что оно уже запущено и осуществляется как бы по инерции. В результате этого появляется большое количество недовольных: одни неудовлетворенны тем, что нет общей сбалансированной государственной политики, другие – тяжелыми социально-экономическими последствиями.

В-третьих, четко непроработанная и неподготовленная либерализация российского общества зачастую становилась причиной его раскола.

Обозначенные особенности связаны с вопросом ответственности выбранных стратегий развития и принятых решений. История может привести немало примеров, когда при разработки государственных решений привлекались ученые, однако их мнение, в конечном счете, не было учтено. Яркий пример – период перестройки. Большое количество ведущих экономистов страны участвовало в разработке перехода от одной социально-экономической системы к другой. Однако фраза «мы обсудили и я решил» может характерно описать принцип принятия решения в тот период.

Таким образом, мы видим, что каждый последующий цикл реформ-контрреформ представлял собой продвижение по пути усовершенствования, или, другими словами, модернизации. Также чередование реформ и контрреформ рассматривается как способ разрешения общественных противоречий, которые порождаются реформами.

ИЛЬИНСКИЙ БОЕВОЙ УЧАСТОК МОЖАЙСКОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ 1941–1942 гг. (ОБЗОР ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Клименко Юлия Николаевна
(Центральный государственный архив Московской области)

Значение Московской битвы трудно переоценить. Она стала первой крупной победой Красной Армии, повлиявшей на дальнейший ход Великой Отечественной войны. В ходе Московской битвы был сорван немецкий план «молниеносной войны». 145 тысяч немецких захватчиков остались на полях сражений Московской битвы. Но и советские войска понесли значительные потери, остановив врага буквально у стен Москвы. 5 декабря 1941 г. под Москвой началось контрнаступление Красной Армии, которое завершилось 7 января 1942 г. Оно переросло в общее наступление Красной Армии, продолжавшееся до 20 апреля 1942 г.

За прошедшие 75 лет о Великой Отечественной войне и Московской битве написано значительное количество художественных и документальных книг, их истории посвящены многотомные энциклопедические труды, монографии, исторические очерки, газетные статьи. Опубликованы также многие архивные документы, мемуары военачальников, воспоминания участников тех событий. Эта обширнейшая историография в основном объективно и подробно излагает ход Великой Отечественной войны и Московской битвы, роль армии и флота, партизан и подпольщиков[1].

В фондах личного происхождения Центрального государственного архива Московской области (*далее ЦГАМО*) было выявлено значительное количество дел, содержащих сведения об обороне юго-западных подступов к Москве в октябре 1941 года. А это, прежде всего, знаменитый подвиг 2000 курсантов подольского пехотного и 1500 курсантов подольского артиллерийского учи-

[1] См., напр.: *Андреев П.П.* Военная работа московских коммунистов в период героической защиты столицы // Военно-исторический журнал. 1961. № 7; *Васильев А.В.* Великая победа под Москвой. М., 1953; *Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М.* Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1953; *Караев Г.* Битва под Москвой. М., 1951; *Подорожный Н.Е.* Ликвидация Наро-Фоминского прорыва. М., 1942; *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М., 1991; *Телегин К.Ф.* Московская зона обороны // «Военно-исторический журнал». 1962. № 1*; Самсонов А.М.* Поражение вермахта под Москвой. М., Московский рабочий,1981; *Самсонов А.М.* Великая битва под Москвой. 1941–1942. М., 1958.

лищ, которым была поставлена задача удержать врага любой ценой. По боевой тревоге 5 октября курсанты были сняты с занятий, спешно сформировали сводный отряд, боевая задача которого заключалась в том, чтобы занять Ильинский боевой участок Можайской линии обороны Москвы на Малоярославецком направлении и преградить путь противнику на 5–7 дней, за которые должны были подойти резервы ставки из глубины страны.

Командование отрядом осуществлялось начальником пехотного училища генерал-майором В.А. Смирновым и его помощником по артиллерии полковником И.С. Стрельбицким. Фонд № 953 ЦГАМО содержит документы личного архива Стрельбицкого Ивана Семеновича (1900–1980 гг.) генерал-лейтенанта артиллерии, участника гражданской и Великой Отечественной войн.

Основную массу документов фонда И.С. Стрельбицкого составляют воспоминания и документы, собранные для них.

Воспоминания Стрельбицкого богаты материалом о Московской битве, а точнее об участии Подольских курсантов в битве под Москвой[2]. Следует отметить, что большое количество воспоминаний И.С. Стрельбицкого издано, но в фонде содержатся многочисленные варианты этих мемуаров, которые по разным причинам не публиковались. Часто рукописи превышают объем опубликованного в несколько раз.

Переписка Ивана Семеновича включает в себя более 300 дел. И это, прежде всего, письма бывших Подольских курсантов, которые содержат автобиографии, воспоминания, фотографии и другие документы бойцов. Все эти документы могут послужить ценнейшим источником для изучения первого периода Московской битвы[3].

Так, например, о деятельности ополчения и его роли в обороне Москвы мы узнаём из воспоминаний Новохатского И.К.[4] Иван Кириллович добровольцем ушел в народное ополчение 33-й армии 17-й Москворецкой дивизии в 17-летнем возрасте. В своём письме Стрельбицкому он описывает мероприятия по обороне Москвы, участником которых он был с момента вступления в народное ополчение 6 июля.

Письмо Ирадиона Илларионовича Мусеридзе, который в январе 1941 года был переведен в Подольское артиллерийское училище, где проходил службу на должности командира взвода и был командиром батареи до 1943 года мая месяца, содержит воспоминания, в которых помимо общих сведений о сражении, описан героический подвиг командира батареи Алешкина: «в течение 2-х суток сколько не старались фашистские захватчики прорваться к доту где находился Алешкин одним орудием 45 мм он уничтожил 4 вражеских танка и много живой силы противника, и который погиб и не сделал ни шага назад»[5].

Одними из наиболее полных и подробных воспоминаний о событиях в районе Подольска осенью 1941 года являются воспоминания полковника в

---

[2] ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 86, Д. 77, 78, 79, 82, 81, 83, 84, 85, 87–90, 66, 120.

[3] ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 122, 124–130, 143, 145–147, 149, 153, 157, 159, 160, 163, 167, 171, 185, 193, 194, 196, 199, 203–205, 207, 213, 220, 224, 225, 228, 227, 231, 234, 336, 240–242, 248, 250, 251, 257, 259, 262, 267, 270, 272, 273а, 278, 279, 280–284, 288, 289, 296, 302, 300, 304, 306, 317, 318, 320, 325, 327, 331–333, 338, 339, 344.

[4] Там же. Д. 327.

[5] Там же. Д. 320. Л. 4.

отставке Леонова Серафима Васильевича[6]. Он в хронологической последовательности, с указанием фамилий командиров, бойцов излагает события.

Подробные сведения о боевом пути 517 полка и некоторая информация о боевых единицах (структуре войск) содержатся в письмах Ануфриева В.И.[7]

Исследователям, интересующимся более подробно именно ролью Подольского Пехотного училища следует обратить внимание на воспоминания Бабакова Г.А., где автор очень живо и интересно вспоминает деятельность ППУ, отмечая при этом, что в повести Ивана Семеновича «12 дней одного года» роль ППУ не продемонстрирована в достаточной мере[8].

Воспоминания Деремян А.К.[9] интересны наличием различных списков: список особо отличившихся в боях курсантов (Л. 3); список личного состава 4-й батареи (Л. 4–5); список личного состава взвода ПТО приданного 8 батареи с указанием звания, должности и домашнего адреса (Л. 6–7); список личного состава 8 батареи (Л. 8–9).

Букашкин А.Е. к своим воспоминаниям прилагает собственноручную схему боев на Ильинском рубеже[10], как и Кравченко Н.Т.[11]

Сведения об оккупации г. Юхнов, обстрелах города, эвакуации жителей описаны в воспоминаниях Кузовлевой Ф.А., которой чудом удалось выжить вместе с маленькими детьми и всё-таки эвакуироваться из города, за помощь в чём она выражает сердечную благодарность курсантам[12].

О героическом выходе из немецкого окружения ценой невероятных усилий мы узнаем из воспоминаний Куренкова И.В.[13] Подробностью и яркостью изложения также отличаются воспоминания Большакова И.И.[14]

Великанов И. описывает интересный случай схватки с противником в воронке от взрыва, когда только смелость и сообразительность спасли ему жизнь[15].

Отдельно хотелось бы отметить наличие в фонде собранных И.С. Стрельбицким вырезок из газет и журналов о битве под Москвой, о Подольских курсантах за период 1957–1973 гг.[16] Иван Семенович активно принимал участие в общественной деятельности и в фонде содержатся материалы о его работе в Совете ветеранов Подольских военных училищ. Особенно здесь интересны документы о создании мемориала курсантам в с. Ильинское и памятника в г. Подольск[17].

---

[6] Там же. Д. 284.

[7] Там же. Д. 130.

[8] ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 143.

[9] Там же. Д. 204.

[10] Там же. Д. 167. Л. 2.

[11] Там же. Д. 262. Л. 4.

[12] Там же. Д. 270.

[13] Там же. Д. 273 (а).

[14] Там же. Д. 163.

[15] Там же. Д. 172.

[16] Там же. Д. 500, 501.

[17] См. напр.: ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 498, 499.

Кроме того, в фонде № 953 можно обнаружить материалы, касающиеся такого интересного социально-психологического феномена, как женщины на войне.

Женщины добровольно уходили на фронт, они хотели внести свой вклад в общее дело, в приближение дня Победы. Так, вольнонаемные работницы Подольских артиллерийского и пехотного училищ не захотели оставлять бойцов, о чём пишет в своих воспоминаниях Стрельбицкий И.С.[18]

Разумеется, чаще всего женщины шли на фронт санитарками и медсестрами, о чем свидетельствуют воспоминания Лякишева А.Ф.[19], где перечислены фамилии медсестер, дело 144 фонда № 953 представляет собой воспоминания Бабенко Н.Д., которая была санитарным инструктором на войне. Из её воспоминаний можно почерпнуть сведения о сложностях оказания медицинской помощи на фронте, о том, как тяжело было перевозить раненых, машины с которыми преследовали немецкие бомбардировщики[20].

Героический подвиг Подольских курсантов в битве за Москву в октябре 1941 года на Малоярославецком боевом участке Можайской линии обороны имеет неоспоримое историческое значение. Своим мужеством, отвагой, массовым героизмом и самопожертвованием они вместе с частями 43-й армии сорвали гитлеровский план молниеносного захвата Москвы.

Они выиграли драгоценное время, позволившее нашему Верховному командованию подтянуть резервы из глубины страны в самые трудные для Москвы дни.

Подольские курсанты дали возможность нашим войскам создать прочную оборону на реке Наре и вновь возродить Западный фронт.

Фонд ЦГАМО № 953 Ивана Семеновича Стрельбицкого содержит большое количество свидетельств, воспоминаний, писем участников тех кровопролитных боёв в октябре 1941 г. На основании листов использования в делах можно сделать вывод о крайней низкой степени изученности просмотренных материалов. Чаще всего дела вообще не использовались или же привлекались при составлении справочника по архиву.

[18] Там же. Д. 86. Л. 6.

[19] Там же. Д. 296.

[20] Там же. Д. 144.

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ВЛИЯНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В АРХИВНОЙ СИСТЕМЕ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: 1918–1929 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ И ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Князев Александр Сергеевич
(Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

Отечественная историография называет разные даты начала попыток укрепления партийного влияния в архивной системе страны: от 1920 года[1] до 1924 года[2]. Различны также и оценки их результатов – от положительных[3] вплоть до прямо противоположных[4]. Вместе с тем, рост влияния партии в архивных учреждениях регионов имел и свои локальные особенности, которые, как и история некоторых областных архивов, на текущий момент остаются малоизученными. В частности, малоизученной по ряду аспектов остаётся история архивных управлений Костромской, Ярославской и Иваново-Вознесенской губерний в 1918–1929 гг. В данной статье кратко рассматривается процесс усиления влияния коммунистической партии (РКП(б), позднее (с 1925 г.) – ВКП(б)) в архивной системе Верхнего Поволжья на примерах Костромского, Иваново-Вознесенского и Ярославского губернских архивных бюро.

Начавшая формироваться в конце 1918 – начале 1919 года архивная система Верхнего Поволжья была мало подвержена влиянию партии. Практически весь личный состав губернских архивных бюро был беспартийным, а в Костромской и Ярославской губерниях состоял в большинстве своем из представителей дореволюционной интеллигенции, членов губернских ученых архивных комиссий и краеведческих обществ.

В 1924 году Центрархивом была предпринята попытка изменить сложившуюся ситуацию: выпущены циркулярные указания об усилении архивных

---

[1] *Хорхордина Т.И.* История и архивы. М., 1994. С. 90–91.

[2] *Черкасова М.В.* Архивы Среднего Поволжья: организация и деятельность (1918–1938 гг.). Самара, 2011. С. 76–78.

[3] *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945 гг. М., 1969. С. 100.

[4] *Черкасова М.В.* Архивы Среднего Поволжья: организация и деятельность (1918–1938 гг.). Самара, 2011. С. 79–80.

бюро членами партии[5]. Следом за этим была произведена замена ряда беспартийных заведующих губернскими архивными бюро, опрошен при помощи анкет личный состав (по вопросам партийной принадлежности, сословной принадлежности до революции), введено обязательное наличие членства в партии для занятия ряда должностей (например, должности заведующего политсекцией) в архивных бюро.

Все эти меры, несомненно, отразились и на личном составе архивных управлений Верхнего Поволжья. В 1924 году были отправлены в отставку заведующий Ярославским губархивбюро А.И. Смирнов и заведующий Костромским губархивом Е.Ф. Дюбюк. Они оба не состояли в партии, следовательно, не соответствовали новым требованиям к руководящему составу архивных управлений, и не могли руководить далее. Место А.И. Смирнова в Ярославле занял Г.И. Петровичев[6], на должность Е.Ф. Дюбюка был назначен А.В. Яковлев[7]. Новые заведующие, в отличие от предыдущих, не имели никакого опыта в архивной работе – определяющим фактором для назначения в данном случае стал партийный стаж.

Борьба за политическую благонадежность сотрудников обострила одну из повсеместных проблем губернских архивных бюро – нехватку личного состава, вызванную низкой оплатой труда и специфическими условиями работы. Немногочисленных претендентов на должности в губернских архивных бюро приходилось проверять, и при выявлении несоответствий – отказывать в приёме на работу или запрашивать разрешение на трудоустройство политически неблагонадёжного кандидата в Центрархиве, а иногда – увольнять уже принятых на службу архивистов. Так, в 1926 году Костромское губернское архивное бюро было вынуждено переложить на инспектора Центрархива решение вопроса о принятии на архивную службу отставного военного В.Г. Кручинина[8].

Стаж членства в ВКП(б), имевшийся у кандидата (6 лет), в данном случае не являлся определяющим фактором – В.Г. Кручинин был участником Первой Мировой войны, служил в императорской армии в младшем офицерском чине, и, следовательно, был лицом политически неблагонадёжным [9]. По политическим мотивам (некоторое время состоял в розыске в ОГПУ) был уволен со службы секретарь Костромского губархивбюро К.М. Вайнин[10], а позднее, в 1928 году – секретарь Н.М. Фролов[11] и архивариус Н.Ф. Приклонский[12].

Циркулярные указания Центрархива по вопросам усилении архивных бюро членами партии, несомненно, привели к росту числа членов партии в губархивах: если в 1923 году в провинциальных архивных бюро было 2,5 %

---

[5] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р. 5325. Оп. 9. Д. 665. Л. 29.

[6] Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. Р. 1411. Оп. 1. Д. 169. Л. 16 ж об.

[7] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 59.

[8] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 55.

[9] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 45.

[10] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 56.

[11] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 69.

[12] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 71.

личного состава, состоявшего в партии, то в 1926 году – уже 30%. Значительно выросло и количество заведующих архивными бюро, состоящих в партии – с 11% в 1923 году вплоть до 63% в 1926[13]. Однако, 80% остальных сотрудников архивных бюро были беспартийными[14], и Верхнее Поволжье, в большинстве своём, не было исключением. Если Ярославское губернское архивное бюро, по мнению Центрархива, было удовлетворительно укомплектовано партийными кадрами (девять сотрудников из двадцати двух человек личного состава)[15], то в Костромском и Иваново – Вознесенском губархивах личного состава, имеющего членство в ВКП(б), было немного. На 1926 год в Костромском губернском архивном бюро из имевшихся в штате девяти сотрудников в ВКП(б) состояли всего двое (заведующий бюро Яковлев А.В. и заведующая политсекцией Прохорова А.И.)[16]. В Иваново-Вознесенском губархиве на тот же 1926 год в партии числились три сотрудника бюро из общего штата в шестнадцать человек[17].

В уездных архивах Иваново-Вознесенской губернии членов партии также было немного – в начале 1928 года из одиннадцати уездных архивариусов лишь два состояли в ВКП(б)[18]. Нехватка партийных кадров, по мнению проверяющих из Центрархива, была серьёзным недостатком[19], и её следовало устранять, однако, несмотря на все усилия, увеличить количество «партийных» архивистов не удавалось.

Следует отметить, что увеличение числа состоящих в партии сотрудников архивных управлений проводилось не только с целью поставить архивные учреждения под контроль ВКП(б), но и по ряду социальных и даже экономических причин. Не имея эффективных рычагов пропаганды архивного дела в народных массах, Центрархив создавал новый облик архивов в глазах населения при помощи партийных кадров: требовалось показать, что архивист – это обыкновенный советский чиновник, действующий на благо народа. Вместе с тем, увеличение числа членов партии в личном составе архивов было попыткой приостановить процесс постоянной смены кадров из-за низкой оплаты труда, преследовавший губернские архивные управления с начала их формирования. Однако часть целей, для достижения которых шло массовое замещение беспартийных архивистов членами партии, оказалась не выполненной. Удалось добиться лишь некоторого увеличения количества партийных кадров – и как следствие, большей политической благонадёжности и частичного улучшения образа архивов в глазах советских граждан. Низкая заработная плата, тяжелые условия труда оказались более весомыми факторами, чем членство в партии и номинальная важность архивного дела, провозглашаемая Центрархивом – постоянная смена кадров не была приостановлена.

---

[13] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 8. Л. 13.

[14] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 8. Л. 13.

[15] ГАЯО. Ф. Р. 1411. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–2 об.

[16] ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 5. Д. 37. Л. 59.

[17] Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. Р. 354. Оп. 1. Д. 59. Л. 6 об, 7.

[18] ГАИО. Ф. Р. 354. Оп. 1. Д. 73. Л. 23.

[19] ГАИО. Ф. Р. 354. Оп. 1. Д. 59. Л. 7 об.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что попытка решить ряд политических, социальных и экономических задач, стоявших на тот момент перед архивной системой Верхнего Поволжья при помощи усиления влияния партии и увеличения числа партийных кадров в личном составе губархивов привела к незначительным успехам в виде некоторого роста политической благонадёжности сотрудников архивных бюро, частичному улучшению образа архивов в глазах советских граждан, и, вместе с тем, к весьма серьёзным негативным последствиям – нестабильности личного состава, выводу из штата опытных архивистов.

МЕЖДУ РЕФОРМАЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ: ХАРАКТЕРИСТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СОЧИНЕНИЯХ АБРАХАМА КЁЙПЕРА

Князев Павел Юрьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Осмысление революционных потрясений конца XVIII в. – первой половины XIX в. оказало серьезное влияние на становление политических идеологий. Примером тому может служить идеология влиятельной нидерландской партии второй половины XIX в. – первой половины XX в.[1], носившей название Антиреволюционной партии. Её лидер Абрахам Кёйпер (1837–1920), в 1901–1905 гг. председатель совета министров Нидерландов, известен как влиятельный неокальвинистский теолог и мыслитель, основатель своей церкви, газеты, существующего и ныне университета[2]. Политические взгляды Кёйпера были осмыслены как рядом зарубежных, так и отечественных исследователей[3], однако их изучение представляет актуальность и в настоящее время.

Середина XIX века в Нидерландах была эпохой господства либеральной идеологии[4]. Тем не менее, в нидерландском обществе достаточно быстро возникли политические движения, бросившие либеральным принципам вызов. Примером тому может служить группа консервативно настроенных интеллектуалов, сформировавшаяся вокруг известного историка и политического деятеля Ван Принстерера[5]. В своей книге «Неверие и революция», написанной в качестве ответа на события 1848–1849 гг. в Европе, он противопоставлял революции «свободе под Богом»[6], которая не нарушала сложившиеся

[1] *Zwart R.S.* Gods wil in Nederland: Christelijke ideologieën en de vorming van het CDA (1880–1980). Kampen: Kok, 1996. Blz. 213.; *Koole R.A.* Politieke partijen in Nederland: onstaan en ontwikkeling van partijen en partijstelsel. Utrecht: Het Spectrum, 1995. Blz. 122.

[2] *De Bruijn J.* De sabel van Colijn: Biografische opstellen over religie en politiek in Nederland. Hilversum: Verloren, 1985. Blz. 15.

[3] К примеру, *Weringh J. van.* Het Maatschappijbeeld van Abraham Kuyper. Groningen, 1967.; *Шатохина Г.А.* Абрахам Кёйпер и его проект реформирования нидерландского общества // Европейский альманах. М.: Наука, 2002. С. 151–158.

[4] *Riel H. van.* Geschiedenis van het Nederlandse liberalisme in de negentiende eeuw. Assen: Van Gorcum, 1982. Blz. 216–224.

[5] *De Bruijn J., Harinck G.* Groen van Prinsterer in Europese context. Hilversum: Uitgeverij Verloren, 2004. Blz. 31.

[6] *Groen van Prinsterer G.* Ongeloof en revolutie. 3e uitg. Amsterdam: H.A. van Bottenburg, 1903. Blz. 133.

веками устои и права религиозных общин. Именно идеи Ван Принстерера повлияли в дальнейшем на взгляды Кёйпера, ставшего его учеником[7].

Своими главными противниками Кёйпер считал тех, кто принял на вооружение принципы восставших «против всякой веры» вождей Французской революции конца XVIII века[8]. Кёйпер характеризовал основополагающие принципы революции как антихристианские, считая, что в своей борьбе с Церковью революционеры разрушили систему, в которой вера играла важную роль и вытеснили религию светскими идеологиями[9]. Тем не менее, Кёйпер говорил о революционных идеях не совсем как о «неверии». Пастор рассматривал их как своего рода «новую веру». Революционные принципы, по мнению Кёйпера, были опасны тем, что могли заменить собой религию, вытеснить ее, став основой мировоззрения потерявших веру граждан.

Кёйпер отмечал, что у революций имелись объективные причины, связанные с социальными и политическими проблемами, а также с ошибками правителей. Однако движущая сила Французской революции состояла не просто в недовольстве злоупотреблениями[10], но и в желании ее участников поменять общественное устройство. Именно поэтому Кёйпер определял революцию не просто как смену политического строя, но как «государственно-правовую и социальную систему, которая нашла своё воплощение в ходе Французской революции»[11]. «Атомизированная» система общественного устройства, при которой каждый гражданин участвовал в жизни государства индивидуально, а не в рамках своей общины, конфессиональной или территориальной, виделась Кёйперу социальной системой, порожденной революциями.

Политик отмечал, что революция является резким разрывом с прошлым, противопоставляя ее поступательному развитию и «разумным преобразованиям». Кёйпер был знаком с наследием и, безусловно, испытал влияние Эдмунда Бёрка, считавшего, что французская революция не смогла «сохранить живыми прежние принципы и образцы всеобщего европейского закона, улучшив и приспособив его к современной ситуации»[12]. Стоит отметить, что Бёрк также увидел и подверг критике противоречия социального строя, возможности развития которого открыла революция[13]. Данное представление британского мыслителя также повлияло на взгляды Кёйпера.

Кёйпер отстаивал характерный неокальвинистской доктрине принцип «Божественного Суверенитета», распространявшегося на все сферы обще-

---

[7] *Eglinton J.P., Harinck G.* Neo-Calvinism and the French Revolution. London: Bloomsbury, 2014. P. 157.

[8] *Kuyper A.* Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober 1898 te Princeton gehouden. 3e druk. Kampen: J.H. Kok NV., 1959. Blz. 3.

[9] Ibidem.

[10] Ibid. Blz. 56–47.

[11] *Kuyper A.* Ons program. 5e druk. Hilversum: Höveker & Wormser, 1907. Blz. 18.

[12] *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993.

[13] *Чудинов А.В.* Французская революция. История и мифы. М.: Наука, 2007. С. 134.

ственной жизни[14]. Акцент здесь ставился на том, что конечная, наивысшая власть в мире принадлежала лишь Богу, и что вмешательство Провидения в жизнь общества не только не подлежало никакому сомнению, но и не терпело сопротивления, с которым пастор и связывал «богоборческие» революции.

Тем не менее, в некоторых случаях «революция» даже оправдывалась Кёйпером: пастор считал, что ниспровержение власти допустимо, когда речь идет о сопротивлении «безбожной тирании» и игу иностранных государств. Именно к таким, «справедливым» революциям Кёйпер причислял Нидерландскую революцию XVI в., английскую «Славную революцию» 1688–1689 гг. и Войну за независимость США, в некоторых случаях – восстание нидерландцев против Наполеона в 1813 г.[15] В таких, «благих» и «протестантских», восстаниях он видел не разрушение, но наоборот восстановление «органического народного единства», попранного тираном или иностранными захватчиками. Важную роль в таких революциях с точки зрения Кёйпера играл протестантизм.

Более того, по мнению Кёйпера, кальвинизм был связан с установлением «конституционного правления» в странах Европы и Америки[16]: с одной стороны, христианское учение воспитывало в подданных покорность государственной власти, с другой – способствовало ограничению государственного вмешательства в некоторые сферы общественной жизни[17], что и в XIX в. помогало, по мысли Кёйпера, защитить традиционные устои и конфессиональные различия от вмешательства либерального государства.

Подводя итог, мы можем отметить две важнейшие особенности восприятия революции Кёйпером. Во-первых, он понимал революционный процесс как комплекс не только политических, но и социальных трансформаций, выраженных как в принципах организации общества государством, так и в сознании людей. Во-вторых, важно отметить, что Кёйпер не обобщает революционный процесс, противопоставляя «благие» и «вредные» революции. «Умеренные» по своей природе восстания раннего Нового времени он связывает с Реформацией и по сути оправдывает, рассматривая «освободительные» восстания как борьбу «во славу Бога» и «против тиранов». Проникнутые же идеалами общественного равенства и глубоких социальных преобразований, основанные на принципах 1789 г. революции Кёйпер считал «настоящими», и потому опасными потрясениями, предотвращение которых и считали своей основной задачей нидерландские «антиреволюционеры».

---

[14] *Kuyper A.* Souvereiniteit in eigen kring: rede ter inwijding van de vrije Universiteit. Amsterdam: J.H. Kruyt, 1880. Blz. 8–9.

[15] Ons program. Blz. 18–19.

[16] Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober 1898 te Princeton gehouden. Blz. 6.

[17] Ibid. Blz. 45.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРАЖЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 г. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ковалев Максим Константинович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Деятельность либеральных партий в начале XX в. оставила после себя огромный политический опыт и неразрешенные проблемы. В частности, почему виднейшие люди русской интеллигенции, имевшие серьезное политическое влияние, проработанную программу и возглавившие страну в марте 1917 г., так быстро потерпели полное поражение к октябрю 1917 г.

Одним из главных факторов поражения либеральных партий стала их программа, в частности программа кадетов, по преобразованию России в либерально-демократическую капиталистическую страну, которую население отвергло. Кадеты изначально делили революцию на политическую и социальную. Под политической революцией они понимали переход власти (желательно мирный) в руки либеральных буржуазных кругов. Однако социальная революция как резкое социальное переустройство общества в сторону социализма либералами считалась «музыкой весьма далекого будущего»[1]. Но именно этого и хотели массы, в которых были популярны антибуржуазные настроения. «После февраля 1917 г. Всероссийский съезд крестьянских депутатов, поддержав Временное правительство, потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли»[2]. Несмотря на значительные уступки населению в социальной сфере в своей программе, за которые кадетскую партию в деловых кругах называли «красной»[3], кадеты не реализовали их и не получили массовой поддержки. Как результат – противоречие: либералы совершали свою революцию, отличную от революции народа.

Еще одним фактором неудачи либеральных партий стала система двоевластия, сложившаяся после февраля 1917 г. С одной стороны – «либерально-буржуазное» Временное правительство, с другой – «социалистические» Советы. Отсюда антагонизм между ними, что вело к «дестабилизации политической обстановки»[4]. Кроме того, Советы имели ряд преимуществ перед

---

[1] *Шелохаев В.В.* Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. Истории. М.: Наука, 2005. С. 414, 418–419.

[2] *Кара-Мурза С.Г.* Партии в 1917 году. От Февраля к Октябрю // Там же. С. 296.

[3] *Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // Там же. С. 121.

[4] *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Там же. С. 419.

Временным правительством. Первое – стихийное возникновение и поддержка масс, т.к. «общероссийским органом власти Петроградский Совет сделало давление снизу, те ожидания, которые питали рабочие и солдаты, посылая в Совет своих депутатов»[5]. Второе – «Советы представляли собой некий новый тип государственности, где не было классического "разделения властей"», т.к. «российский опыт "толчения воды в ступе", полное бессилие против правящей бюрократии, в немалой мере, развеивал в глазах народа парламентские иллюзии»[6].

Еще одна причина поражения либералов заключалась в их позиции по продолжению войны. Требование мира было одним из главных требований масс и солдат в том числе. Более того «Приказ №1» вывел многие части из подчинения Временному правительству. «...Во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а только своим комитетам и Петросовету»[7].

Важной вехой политического краха либеральных партий после февраля 1917 г. стал их сдвиг «вправо», в сторону военной диктатуры. В.В. Шелохаев пишет: «Усилившийся натиск леворадикального крыла социалистической демократии на "буржуазную демократию" способствовал нарастанию консервативных тенденций в руководстве Партии народной свободы»[8]. В. В. Шульгин в своих воспоминаниях пишет: «Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ»[9]. «Милюков еще в начале июля 1917 г. вступил в переговоры с А.В. Колчаком о возможности установления в стране военной диктатуры»[10]. 20 августа, после событий 4–5 июля, на заседании кадетского ЦК «большинство его членов высказалось за немедленное установление военной диктатуры»[11]. Однако, после провала корниловского мятежа позиция кадетов еще больше ослабла. «Колеблющиеся элементы городской демократии» перешли на сторону леворадикальных партий, одновременно обострились отношения с умеренными социалистами, в частности с Керенским[12].

После Февральской революции либералам также не удалось оказать влияния на массовое сознание. В народе кадетов называли «буржуями», их выступления, программы и проекты решения проблем были непонятны и неприемлемы для большинства населения. П.Н. Милюков признавал: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»[13]. П.П. Марченя отмечает: «Конституционно-де-

---

[5] *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Там же. С. 327.

[6] Там же. С. 330.

[7] Там же. С. 328.

[8] *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Там же. С. 420.

[9] *Шульгин В.В.* Дни. Белград, 1925. С. 183.

[10] Там же. С. 420–421.

[11] Там же. С. 421.

[12] Там же. С. 422.

[13] *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое

мократическая партия... не имела никаких шансов на победу в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 г., так как просто не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием "свободы"»[14]. Эту позицию частично разделяет С.В. Тютюкин: «..."Своей", "народной" партией рабочие и крестьяне их никогда не считали, относя их к числу не заслуживающих доверия "господских" политических организаций»[15].

Против либерального блока играл и культурный фактор. Тот же Тютюкин задается вопросом: «...Почему в начале XX в. россияне не пошли за либералами, рисовавшими такие заманчивые картины цивилизованной жизни под девизом: свобода, собственность, закон»? И отвечает: «Идеи социализма... во многом созвучны радикально-бунтарским, общинно-уравнительным, коллективистским и в целом антибуржуазным настроениям основной массы россиян и вдобавок вполне корреспондировались с христианскими и мусульманскими заповедями, которые веками жили в их сознании как символ справедливости и добра»[16].

Наконец, одной из основных причин поражения либеральных партий после 1917 г. считают откладывание решения главных вопросов революции – о мире, хлебе и земле. В.Т. Логинов констатирует: «Неспособность буржуазного правительства решить вопросы о мире, хлебе и земле, попытки установить военную диктатуру, вызывали в массах такую бурю отчаяния и ненависти, которая в любой момент могла привести к неизбежному стихийному взрыву»[17]. Также он отмечает, что для всех революций характерно нарастание до определенного момента. Этим моментом является удовлетворение основных революционных требований. «Лишь удовлетворив их, можно добиться умиротворения и направить вырвавшуюся наружу энергию и инициативу масс не на разрушение, а на созидание...»[18] Исходя из этого, он делает вывод: «Складывался таким образом исторический парадокс: те, кто громче всех твердил о своем стремлении предотвратить смуту, избежать междоусобия и распада, по существу, вели именно к такому исходу»[19].

Таким образом, можно наблюдать, что после февраля 1917 г. либеральные партии потерпели поражение под натиском как объективных, так и субъективных факторов. Однако их опыт, хоть и отрицательный, актуален до сих пор, т.к. его изучение имеет научную ценность для понимания, в том числе и современных процессов.

сознание как фактор революции // Электронная библиотека Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/March_polit_partii.pdf. С. 89.

[14] Там же.

[15] *Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. Истории. М.: Наука, 2005. С. 122.

[16] Там же. С. 114–115.

[17] *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Там же. С. 336.

[18] Там же. С. 335.

[19] Там же.

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЧИН РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Козлова Наталья Алексеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Революция 1917 года затронула все стороны общественной жизни и жизнь каждого человека, перевернув общественный и политический строй, и изменив ход развития страны. До сих пор остается актуальным вопрос о причинах февральской и октябрьской революций, которые принято разделять на объективные и субъективные. Что же послужило предпосылкой к свершению таких масштабных событий, потрясших весь мир за такой непродолжительный срок? Что привело к ним?

Среди главных объективных предпосылок революции называют внутри общественное и экономическое развитие российской империи. Россия в начале XX века находилась в процессе модернизации, то есть в переходе от феодального общества к индустриальному, однако в отличие от других европейских стран ее развитие замедлялось аграрным характером страны, не разрушенными до конца феодальными устоями, инертным правительством, отсутствием передового класса буржуазии, способного повлиять на политическую жизнь общества[1].

Царская власть не была готова учитывать объективные изменения и подстраиваться под них, используя старые методы управления и ведения политики, не проводя своевременных реформ, что стало толчком к появлению социальных кризисов. Положение в стране к тому же усугубил внешний фактор – Первая мировая война.

По мнению российского историка А.А. Искандерова, решающую роль в начале революционных событий сыграло стечение внешних обстоятельств, а не внутренние особенности развития стран[2].

Именно война стала тем фактором, который предопределил выбор революционного пути развития. Первая мировая война, привела к снижению уровня национального дохода на период с 1913 по 1918 г. в два раза и привела к краху национального хозяйства. Объем доступного продовольствия на душу населения в Российской империи сократился более чем на 50%, из-за чего от голода в первую очередь пострадали горожане[3]. Именно перебои с по-

[1] *Калашников В.В.* Октябрьская революция: предпосылки, причины и механизмы падения капитализма в России // Альтернативы. 2013. № 1.

[2] *Искандеров А.А.* Очерки новейшей истории советского общества // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 88.

[3] Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: националь-

ставками продуктов в крупные города стали поводом к началу Февральской революции.

Также следует рассмотреть политические факторы, приведшие к революции. По мнению многих историков, главный корень проблем был заключен в политической ситуации, сложившейся к 1917 году. Падение авторитета императорской власти в связи с поражениями в войне и ухудшившейся ситуацией в стране привело к падению монархии.

Пришедшее к власти на смену императору временное правительство не смогло справиться с наследством проблем, доставшихся от царской власти. Выход из войны откладывался на неопределенный срок, ключевой вопрос с землей не был решен, вместо этого была выбрана политика «непредрешенчества». До созыва Учредительного собрания, временное правительство отказывалось брать на себя ответственность совершать какие-либо важные шаги. Однако такая позиция лишь усугубила положение на фронте и в тылу: солдаты отказывались исполнять приказы офицеров и дезертировали, а внутри страны повсеместно наблюдалась хозяйственная разруха.

В последнее время идет пересмотр точки зрения, господствующей в советское время, о том, что одна из объективных причин социалистической революции заключалась в том, что к 1917 году в России наблюдался достаточно высокий уровень производительных сил и «сравнительная развитость» капитализма[4], т.е. назрели все материальные условия для революции[5]. Например, М.И. Воейков считает, что довоенную Россию нельзя считать развитой капиталистической страной, а все манипуляции, производимые с этим фактом в советское время – всего лишь попытка «подогнать» исторические факты под научные концепции[6].

Так, по показателям средних доходов на душу населения и приросту национального валового продукта Россия была в числе самых отсталых европейских стран[7].

По мнению М.И. Воейкова, считать, что в России были предпосылки для социалистической революции несправедливо, поэтому на первый план выходят субъективные причины ее свершения.

Одним из субъективных факторов принято считать роль личности в революционных событиях 1917 года. Такие историки, как А.В. Шубин и Г.О. Павловский, находят причины падения монархии и начала революции не только в мировой войне, но и в слабости власти Николая II, его просчетах и ошибках. Такой подход имеет право на существование, однако не стоит забывать, что упор только на этот фактор не может полностью объяснить случившихся событий.

ный доход России в 1913–1928 гг. / Андрей Маркевич, Марк Харрисон; авторизованный пер. с англ. Е. Артемовой. М., 2013. С. 21–25.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 301.

[5] История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976. С. 17.

[6] *Воейков М.И.* Российская экономика 100 лет назад или о причинах октябрьской революции 1917 года // Альтернативы. 2014. № 4.

[7] *Ханин Г.* Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1917) // Альтернативы. 2013. № 4. С. 79–80.

В отличие от императора и людей, стоявших во главе временного правительства, большевистское руководство в лице Ленина и Троцкого захватившее власть в результате социалистической революции, отличались энергичностью, решительностью, умением действовать исходя из ситуации, а не идеологических воззрений, имело четкий план действий, сделало ставку на активный рабочий класс. Таким образом, рассмотренные причины следует рассматривать в их совокупности, так как без учета одних факторов мы не можем получить полную и достоверную картину событий и, следовательно, не сможем объективно описать и проанализировать ее.

ГРУППЫ ПО ЗАЩИТЕ ЖЕНЩИНЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1943–1945 гг.)

Козлова Светлана Юрьевна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Движение Сопротивления в Италии во время Второй мировой войны было одним из мощных в Европе. Его размах приходится на 1943 г., когда был создан Комитет национального освобождения (КНО), куда вошли все антифашистские политические партии (коммунисты, социалисты, Партия Действия, христианские демократы, либералы и т.д.), подобные комитеты появились и на местах.

При партизанских отрядах компартии на Севере страны стали возникать Группы по защите женщины для поддержки борцов за свободу, имевшие целью мобилизовать женские массы в борьбе против фашизма и немецкой оккупации. Первоначально группы были небольшими, по 3–5 человек, собирались в крестьянских домах или хозяйственных постройках (конюшнях, хлевах и т.д.)[1]. Первые группы появились либо в Пьемонте и Ломбардии[2], либо в Эмилии-Романье (Модене), а массово стали возникать после 28 ноября 1943 г., когда компартией были выпущены «Директивы для работы в женских массах»[3]. Основными центрами и зонами деятельности групп были Милан, Бергамо, Виченца, Фриули, Эмилия, Пьемонт, Тоскана, Ломбардия, Лигурия, Венето и Марке[4]. Программное обращение групп было принято в ноябре 1943 г. в Милане и одобрено КНО[5]. Женские группы занимались пропагандистской и издательской деятельностью, собирали гуманитарную помощь для партизан, помогали их семьям, оказывали помощь заключённым, интернированным в Германии, и всем жертвам нацистской оккупации; женщины выполняли роль курьеров, поддерживали связь между бригадами в горах и центрами партизанского движения в городах, занимались органи-

[1] Donne, guerra, politica. Esperienze e memorie della Resistenza / Lorena La Rovere. Bologna: CLUEB, 2000. P. 181.

[2] Ibidem. P. 111.

[3] Ibidem. P. 267.

[4] *Casmirri S.* L'Unione donne italiane (1944–1948) // Quaderni della FIAP. N. 28. 1978. P. 3–4.

[5] *Rodano M.* Memorie di una che c'era. Una storia dell'Udi. Milano: il Saggiatore, 2010. P. 20; Le donne italiane nell'insurrezione contro i tedeschi. – L'Unità, 1945.16 maggio.

зацией протестов и саботажа немецких производств и борьбой с нелегальной иммиграцией[6]. Дж. Флореанини, видный деятель Сопротивления, упоминала о массовом участии женщин в забастовках 1943 г.[7], а А. Бей, одна из организаторов групп в Риме, отмечала активное женское участие в протестах 1944–1945 гг.[8] 15 сентября 1944 г. в Риме был создан Комитет по инициативе Союза итальянских женщин и принят устав организации[9]. В состав комитета вошли коммунистки, социалистки, представительницы Партии Действия и левого течения ХДП[10]. В уставе были обозначены основные задачи союза: помощь бойцам и их семьям, сотрудничество с правительством, организация медицинской и социальной помощи[11]. К весне 1945 г. представители организации входили в региональные и городские комитеты освобождения, занимались вопросами здравоохранения и гигиены, питания, жилья и школы[12].

Первоначальная установка на объединение женщин любого социального положения, вероисповедания и партийной принадлежности определяла цель создания организации «всех женщин» Италии[13]. Женщины редко вносились в списки членов партизанских отрядов, однако, по данным компартии, в период подпольного существования в организации состояли порядка 50 тыс. женщин, «а самый значительный приток новых элементов пришёлся на первые дни освобождения»[14]. Участницы Сопротивления по-разному оценивали численность групп. К. Равера исчисляла присоединившихся к группам примерно 70 тыс., а Дж. Флореанини уточняла, что признанных партизан-бойцов среди женщин было 35 тыс., и 20 тыс. были признаны патриотами (те, кто действовал в подпольных типографиях)[15]. Таким образом, по отношению к общей численности партизанской армии Сопротивления к концу войны женщины составляли не менее 17 %.

Группы по защите женщины имели свой печатный орган, журнал «Ной Донне» (ит. «Noi Donne»), однако дата его создания является спорной. С. Кассмирри отмечает, что печатный орган с названием «Ной Донне» появился у групп в конце 1943 г., издавался подпольно в форме информационного листка в Турине, Флоренции, Генуе, Реджо-Эмилии и Милане (с начала 1944 г.), первые легальные копии журнала были изданы в июле 1944 г. в освобожденном

---

[6] *Rodano M.* Op. cit. P. 20; *Ombra M.* Introduzione // Guida agli Archivi dell'Unione Donne Italiane. Roma, 2002. 9; Donne, guerra, politica... P. 180, 316.

[7] *Casmirri S.* Op. cit. P. 3.

[8] Reggio E.: il contributo delle donne comuniste alla lotta di Liberazione. – L'Unità, 1964. 19 luglio.

[9] *Gabrielli P.* Il 1946, le donne, la Repubblica. Roma, 2009. P. 54; *Casmirri S.* Op. cit. P. 6, 57; I Quaderni del C.I.F. Emilia Romagna 2/2010. Bologna, 2010. P. 7.

[10] *Gabrielli P.* Op. cit. P. 54.

[11] *Casmirri S.* Op. cit. P. 58.

[12] *Renzoni C.* Una città su misura. Servizi sociali e assetto urbano nella pubblicistica e nei Congressi dell'Unione donne italiane (1960–1964) // Territorio della Ricerca su Insediamenti e Ambiente. Rivista internazionale di cultura urbanistica. Vol 6. № 10. Napoli, 2013. P. 124.

[13] *Rodano M.* Op. cit. P. 40.

[14] Le donne italiane nell'insurrezione contro i tedeschi. – L'Unità, 1945. 16 maggio.

[15] *Casmirri S.* Op. cit. P. 4.

Неаполе, а с конца 1944 г. журнал издавался в Риме с периодичностью раз в две недели[16]. Участница Сопротивления М. Родано в своих мемуарах пишет о том, что первые два номера журнала вышли в Неаполе в июле и августе 1944 г., а, начиная с сентябрьского номера, журнал издавался в типографии старого антифашиста Альчидо Менгарелли, расположенной в римском квартале Прати[17].

К сентябрю 1944 г. журнал стал одним из основных средств связи между группами[18] и был официально признан КНО[19]. Журнал выходил нерегулярно, не всегда мог быть отпечатан типографским способом, поэтому зачастую текст гектографировали или печатали на машинке и затем копировали вручную. Варьировались качество бумаги, формат издания, его цветовое оформление и количество страниц, предпринимались попытки изменить шрифты и печатать фотографии. Издательскую деятельность сопровождали объективные (перебои с получением бумаги от союзной комиссии, перебои с электричеством, отсутствие средств и т.д.) и субъективные (прежде всего, отсутствие опыта) сложности.

Коммунисты подчёркивали: «Сопротивление – это первое историческое событие в Италии, в котором женщины участвовали широко и автономно»[20], а союз называли «славной женской организацией, активно сражавшейся на стороне партизан»[21]. Культивируя понятие о Сопротивлении как втором Рисорджименто (были общие идеалы республики, демократии и независимости), коммунисты, однако, отмечали, что автономия движения в годы войны являлась важным отличием и не имела в прошлом аналогов. Несмотря на активное участие, роль женщин в Сопротивлении часто принижается, недооценка со стороны современников и историков происходит из-за сохранения стереотипов[22]. Руководители женских отрядов были награждены 16 золотыми и 17 серебряными медалями за партизанскую доблесть[23], что являлось проявлением общественного признания женского вклада в антифашистскую борьбу.

Таким образом, женское участие в Сопротивлении являлось фактом, существенно потрясшим конформистский порядок и активизировавшим процесс женской эмансипации, который являлся источником обновления итальянского общества и фактором активизации женского движения в послевоенный период.

---

[16] Ibidem. P. 5.

[17] *Rodano M.* Op. cit. P. 32.

[18] *Ombra M.* Op. cit. P. 7–8.

[19] *Conca T.* Nel nome della Resistenza concluso il congresso UDI. – L'Unità, 1964. 8 giugno.

[20] Quattordici anni fa cominciò una battaglia che dura ancora. – L'Unit , 1959. 23 aprile.

[21] Reggio E.: il contributo delle donne comuniste...

[22] Donne, guerra, politica... P. 184.

[23] Le tappe del cammino del movimento femminile. – L'Unità, 1961. 23 febbraio.

РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ БЕЛОЭМИГРАНТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БРИТАНСКИХ СТАТЕЙ

Комкова Мария Станиславовна
(Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского)

В основу данной работы был положен фонд созданный Беляевым Н.Т.[1] «Вырезки из иностранных газет за март–октябрь 1917 г.»[2]. Данный материал привлек внимание исследователя тем, что в чаще всего в англо-американской историографии изучают Февральскую и Октябрьскую революции в совокупности, а работа с данными документами показывает, что при анализе английской прессы, можно выделить особенности именно февральской революции в восприятии английского общества.

Отнюдь не случайно в основу фонда была положена пресса того периода, ведь именно она является зеркалом общественной жизни, она одновременно является и продуктом и отражением общества (в данном контексте британского).

Хронологические рамки фонда март–октябрь 1917 г. охватывают период формирования в английском обществе отношения и образа Февральской революции в России. В подборке встречаются публикации из таких изданий как[3]:

№	Название издания	Количество статей из издания
1	The Times	28
2	The Daily Telegraph	9
3	The Glode	9
4	The daily news	4
5	The Westminster gazette	3
6	The Sunday Times	2
7	The Daily Graphic	1
8	Pall mall gazette	1
9	The observer	1
10	The evening news	1

[1] Беляев Николай Тимофеевич (1878–1955) – русский учёный-металлург, историк, почётный член Association technique de Fonderie и Societe des Ingenieurs-Docteurs de France.

[2] См.: ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94.

[3] По публикациям, у которых удалось установить издание.

Как мы видим, больше всего вопросы, связанные с событиями в России, присутствуют на страницах консервативной, но весьма популярной не только в Великобритании, но и за ее приделами The Times.

Получить какой либо визуальный образ России того времени работая с данным фондом не представляется возможным. Поскольку в нем очень мало статей с картами (всего 3 и связаны с военными действиями в рамках Первой мировой войны), фотографии (всего 4). Единственная карикатура относится не к ситуации в России, а по отношению к Германии и в целом ситуации на фронтах Первой мировой войны[4].

На личности фондообразователя хотелось бы остановиться более подробно, поскольку именно от его видения зависела подборка информации, которая дошла до нас, а, следовательно, сформировано определенное представление об исследуемом периоде. Николай Тимофеевич был сводным братом участника Первой мировой войны генерала Ивана Тимофеевича Беляева, родным братом генерала Сергея Тимофеевича Беляева, двоюродным братом генерала, последнего военного министра Российской империи Михаила Алексеевича Беляева. После окончания обучения был командирован за границу. Ему довелось работать в лабораториях Германии, Англии, Франции. В Санкт-Петербурге был признан профессором Михайловской артиллерийской академии. Принимал участие в Первой мировой войне. Работал в Англии в Русском заготовительном комитете по снабжению русской армии. После революции остался в Англии. В 1920 г. вошёл в члены правления Русского экономического общества в Лондоне, в деятельности которого принимал активное участие.

Именно в это период и был создан изучаемый фонд, первоначальное название, которого «Вырезки из газет от Буржуазной до пролетарской революции март-октябрь 1917»[5]. Кроме этого, на характеристике фонда читаем: «Фонд: Документальные материалы Русского правительственного комитета в Англии, заготовительно-ликвидационной комиссии (г. Лондон) и некоторых белоэмигрантских организаций (членом которых был Беляев Н.Т) собраны белоэмигрантом Беляевым Н.Т.»[6]

Исходя из выше сказанного, в подборке материала четко прослеживается не принятие революций и целенаправленный поиск в иностранной прессе «союзников» для защиты существовавшего режима.

К сожалению, в данном фонде отсутствует рубрикация, материалы предположительно (не везде) расставлены в хронологическом порядке. У большинства вырезок сложно установить издание, в котором оно было напечатано, и время публикации. Помимо этого, в фонде присутствуют вырезки из французских газет (что подтверждает образованность фондообразователя, владеющего как минимум двумя иностранными языками), есть эмигрантские листовки на русском языке.

---

[4] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 42 (оборот) Карикатура: «Hindenburg discovers that he hasn't won yet».

[5] Авторское название фонда.

[6] Цит. по: ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Титульный лист. Вырезки из иностранных газет за март–октябрь 1917 г.

Первое, с чего начинается формирование подборки, это манифест об отречении Николая II на английском языке[7]. Царь и царская семья, великие князья находятся под пристальным вниманием английской прессы приблизительно до мая месяца.

В июне на первый план выходит тема сохранения достижений революции и обеспокоенность о выходе России из Первой мировой войны. Например: мы видим в примечаниях сделанных карандашом к статье «No separate peace. Russian congress vote»[8] -«Появляются новые ноты – боятся за революцию»[9]. А в тексте самой статьи читаем: «Эта война приводит к полному истощению всех стран и народов, и толкает российскую Революцию в пропасть. ... Впоследствии Конгресс категорически отклоняет каждое намерение, склоняющее фактически к заключению отдельного мира или к его прелюдии, отдельного перемирия»[10]. Часть вырезок посвящено ситуации в российской армии. Например: «Новые инструкции для армии»[11], «Дисциплина русской армии»[12] и другие.

Фактически газета того времени стала одним из мощнейших факторов формирования образа России 1917 года. Заложив тем самым определенные стереотипы в умах англичан на ближайшие семьдесят лет.

Февральская революция в России вызвала в Англии серьезную озабоченность. С одной стороны, свержение самодержавия и обретение демократических свобод было встречено английским общественным мнением с одобрением, но, с другой стороны, события в России вызывали опасения, что Англия может потерять союзницу на Восточном фронте. Кроме того, все осложнялось семейными узами Николая II и Георга V.

Революция 1917 года означала новый этап в развитии взаимовосприятия России и Запада. Первая реакция английского общества на свержение самодержавия была скорее благоприятной, тем более что Временное правительство поспешило подтвердить свою верность союзническим обязательствам и, в частности, готовность к продлению войны до победного конца.

---

[7] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

[8] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.

[9] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.

[10] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.

[11] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

[12] ГА РФ. Ф. Р5822. Оп. 1. Д. 94. Л. 7.

ОБ «АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ» В ИСТОРИИ РОССИИ

Комочев Никита Алексеевич, к.и.н.
(Историко-архивный институт РГГУ)

Толковый словарь определяет революцию как «коренной переворот в жизни общества» или «резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому»[1]. В более раннем классическом словаре В.И. Даля понятие имеет выраженный негативный оттенок: «переворот, внезапная перемена состоянья, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство»[2]. Научными революциями называют эпохи радикальных перемен в науке. Так, период 1990-х гг. получил в историографии название «археографического взрыва» (В.П. Козлов[3]) или «археографической революции» (А.Д. Степанский[4]). Основные признаки данного явления следующие:

– ликвидация, точнее говоря, изменение направленности и формы идеологического контроля в археографической сфере. В сочетании с «открытием» архивов (рассекречивание, передача архивов КПСС на госхранение) это привело к разработке новых, ранее закрытых, проблем и, наоборот, угасанию ряда традиционных для советской археографии сюжетов;

– активный общественный интерес к публикациям источников и, как следствие этого, значительное число популярных (ненаучных) изданий;

– отказ от обязательного следования «Правилам издания» и складывание «альтернативных» археографических принципов;

---

[1] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1972. С. 620.

[2] Революция // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка (URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=36529).

[3] *Козлов В.П.* Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. Режим доступа: http://new.rusarchives.ru/debate/d1.shtml; *Он же.* Бог сохранял архивы России. М., 2009; *Он же.* Современные реалии археографической деятельности в России // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 2006 год. М., 2011. С. 17–22; *Он же.* Итоги и перспективы подготовки в России отечественных документальных публикаций (1991–2009) // Он же. Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М., 2013. С. 9–27; *Он же.* О необходимом и достаточном в археографии документальных источников по истории XX века // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 3–21 и др.

[4] *Степанский А.Д.* Археография отечественной истории XX века. М., 2004. С. 99–104; *Он же.* «Археографическая революция» в постсоветской России // Труды Историко-архивного института. М., 2014. С. 303–318 и др.

– в изменившихся экономических условиях выход на первый план финансовых проблем подготовки изданий, что поставило новую для археографии задачу – окупаемости и прибыльности;

– появление проблем археографии, связанных с авторским правом и вопросами этики;

– изменение системы археографических центров, с выходом на первый план архивов как учреждений, специально занимающихся публикацией источников;

– открытие археографического сотрудничества (и конкуренции) с западными коллегами;

– новые технические – электронные и цифровые возможности в археографии;

– увеличение возможности частных инициатив в археографии.

Конечно, обстановка 1990-х годов в России по-своему уникальна, однако встает вопрос, насколько возможно применение понятия «археографическая революция» к другим эпохам и странам. Наиболее важными признаками, на наш взгляд, будут: 1) количественный рост публикаций; 2) новая тематика изданий; 3) широкий общественный интерес к документальным публикациям. Всем этим признакам вполне удовлетворяет первая треть XIX века в России, когда публикация источников впервые стала и государственным делом и вопросом любительских занятий энтузиастов[5]. Очевидно, новой «революцией» в археографии могла бы стать эпоха первой трети XX в. Достаточно вспомнить выход дисциплины на новый методологический уровень («Правила издания Сборника грамот коллегии экономии» А.С. Лаппо-Данилевского[6]) и сближение отечественной исторической науки с западноевропейской. Но бурные события русской истории смешали карты и привели в итоге к созданию такого особого явления, как «советская археография».

Еще один вопрос связан с дальнейших судьбой «археографических революций» – что ждет археографию после того, как с годами острота сенсаций и новизна открытий меркнут? Ведь одним из следствий «археографической революции» является превращение документальных публикаций из узкоспециальной сферы занятий в дело, имеющее широкий общественный резонанс и даже государственное значение. Очевидно, после этого наступает период, характеризующийся меньшим общественным интересом, но заполненный постепенным освоением новых возможностей и переходом археографии в более сбалансированное состояние.

Время 1990-х годов высветило и негативные стороны «археографических революций». Они прямо противоположны крайностям советской системы: неровность археографического качества изданий вместо отработанной системы рецензирования и согласований; вседозволенность вместо идеологического диктата; бессистемность публикаций вместо формального планирования[7]; сложности разных источников финансирования вместо единого

---

[5] Подробнее об эпохе см.: *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

[6] *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 43–51.

[7] Сводные планы подготовки и издания документальных публикаций касались публикаций Росархива.

«государственного заказа»; желание получения быстрого результата вместо многолетней скрупулезной работы и т.д. Думается, вопрос о том, является ли «археографическая революция» для науки явлением положительным или отрицательным, поставлен некорректно. И подходить к эпохе следует с учетом разных ее сторон, отмечая и плюсы, и минусы, но всегда принимая в том виде, как она раскрывается перед нами в вышедших документальных публикациях.

Возможно, главным результатом «археографической революции» стало утверждение понимания каждой документальной публикации как «штучного» продукта. Подготовка изданий подчас заменяет собой научные исследования и является результатом творческой научной работы одного человека или коллектива составителей. С возрастанием свободы творчества археографа возросла и мера его ответственности перед обществом и наукой. Эпоха высветила крайности – и настоящие провалы и подлинные шедевры археографии. Все это вновь доказывает научное и общественное значение документальных публикаций, важность подготовки профессионалов в этой сфере и перспективы археографии как научной и прикладной дисциплины.

ПАРТИЯ «АЛАШ» КАК ОДНА ИЗ ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кононенко Олег Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

1917-й год – время, безусловно, переломное для российской государственности. Помимо того, что была свержена тысячелетняя монархия, установлено демократическое правительство и, в конце концов, восторжествовала советская власть, интересны сценарии развития Февральской и Октябрьской революции на национальных окраинах Российской Империи. И если ситуация, складывавшаяся на западных рубежах России, изучена более или менее хорошо, то наши сведения о революционных процессах в Средней Азии, к сожалению, полны «белых» пятен. Однако потребность в исследовании того, что происходило в российской Средней Азии, существует, и результаты таких исследований, безусловно, будут полезны в восстановлении полной картины событий 1917-го года.

Для того чтобы дать общую картину того, как проходила революция на среднеазиатских территориях Российской империи, необходимо проанализировать, какой вклад внесла каждая из политических сил в революционные события. Особенно интересно, какую роль могли сыграть в революции национальные партии и движения, каким образом они взаимодействовали с всероссийскими политическими силами и был ли у них шанс на победу в таком противостоянии.

Основные события революционного 1917 года в Средней Азии разворачивались на территории Оренбургской губернии, Тургайской, Уральской областей, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Следует отметить, что в памяти населения этих регионов были свежи ещё воспоминания о мятеже 1916 года, в советской историографии считавшимся актом национально-освободительной борьбой Средней Азии и Казахстана против царизма[1], жестоко подавленном царскими войсками[2]. Возможно, именно память об этом событии и обусловила такое отношение к революции, которое выразил в телеграмме, напечатанной 24 марта 1917 года в газете «Казах», представи-

[1] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Государственное издательство Узбекской ССР, Ташкент, 1962.

[2] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг. М., 2008. С. 152–214.

тель казахской интеллигенции, член 1-й Государственной Думы[3] А. Букейханов: «Для всех народов России взошло солнце братства, равенства и свободы. Чтобы поддержать новое правительство, казахам надо объединиться. Для укрепления нового порядка необходимо усилить братские узы с другими народами. Надо готовиться к выборам в Учредительное Собрание. Боритесь за единство и справедливость!.. Не бойтесь никого, кроме Бога, трудитесь усердно, поддерживайте новое правительство...». В этой же телеграмме даётся начало описанию политического проекта, по которому Россия должна стать демократической республикой.

Движущей силой казахской политической жизни стала национальная демократическая интеллигенция. Она сформировалась ещё в 1905 году из группы этнических казахов, входивших в партию кадетов. Среди них были, помимо вышеупомянутого А. Букейханова, А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Ермеков, Ж. Досмухамедов и Х. Досмухамедов. Тогда, собственно, и образовалось движение «Алаш», которое по итогам Первого Всеказахского съезда, проходившего в г. Оренбурге с 21 по 28 июля 1917 г., было организационно оформлено в партию. На этом же съезде был разработан политический проект, по которому в России должна быть демократическая федеративная парламентская республика, а казахские области должны получить областную территориально-национальную автономию[4].

Программа «Алаш» сразу обеспечила партии широкий электорат. Выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 года и январе 1918 года продемонстрировали это: «Алаш» получила в Учредительном собрании 43 места, что значило, что партия занимала 8 место среди множества партий, существовавших в России до Октябрьской революции.

Захват власти большевиками члены партии «Алаш» встретили неоднозначно. С одной стороны, в Обращении Совета Народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно»[5]. Эти слова были встречены казахами одобрительно, однако приход к власти большевиков угрожал проекту по установлению автономии, за которую боролась партия.

В декабре 1917 года состоялся Второй общеказахский съезд, на котором была провозглашена Алашская автономия и был установлен Всеказахский Народный Совет Алаш-Орда из 25 человек. Позже А. Букейханов, избранный председателем этого совета, указывал, что постановление о создании автономии было вызвано желанием предотвратить анархию на территории, населённой казахами, не допустить возможности развития большевизма в Степи[6].

---

[3] Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 70.

[4] *Аманжолова Д.* Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М., 1994.

[5] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 113–115.

[6] «Алаш Орда» (Сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Кызыл-Орда, 1929), переизд. Алма-Ата: «Айкап», 1992.

С этого момента начинается противостояние Алаш-Орды и большевиков: издаются декреты, объявляющие постановления Советского правительства недействительными на территории Алашской автономии, а действующими – декларации и законы Временного правительства, лидеры Алаш-Орды входят в правительство А.В. Колчака, сотрудничают с другими силами белого лагеря. Некоторые после поражения белого движения, как, например, бывший председатель Алаш-Орды А. Букейханов, переходили на сторону большевиков и участвовали в создании и деятельности советских органов власти.

Однако дальнейшая судьба деятелей партии «Алаш» сложилась трагично. Сама партия была сразу же упразднена после прихода большевиков к власти, однако руководители тогда преследования избежали. Однако в 1928 году начались массовые репрессии против бывших членов партии. Им предъявлялись следующие обвинения: в участии в вооружённой борьбе против советской власти в целях её свержения, ведении националистической пропаганды, связи с иностранными государствами, борющимися против СССР[7]. В числе репрессированных были А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Букейханов и многие другие, кто состоял в партии «Алаш» и с кем ассоциировался подъём казахского национального самосознания. Главная политическая сила, объединившая казахов в их стремлении к автономии в составе демократической Российской Республике, была истреблена, подобно другим политическим силам, в которых советский режим видел своих конкурентов.

Таким образом, нужно признать, партия «Алаш», несмотря на участие её лидеров уже после её упразднения в советской власти, потерпела поражение, то есть не смогла выдержать борьбу против советской власти, «триумфальное шествие» которой, по сути, не оставило надежд на реализацию своего политического проекта. Партия «Алаш» является примером политической силы, представляющей интересы национальной окраины России, которая смогла обрести поддержку населения, представить вариант альтернативного развития, но не смогла одержать победу в политической борьбе с более сильными конкурентами.

[7] Алашское дело // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: аза энциклопедиясы, 2004. Т. I.

«БУДЕМ СТАРАТЬСЯ ВЫЯСНИТЬ СЕБЕ ИСТИНУ»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАПРОСЫ РОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Кононова Ольга Алексеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Начиная с пореформенного периода (1860-е) вплоть до революционных событий 1905 г. (которые зафиксировали социальные и культурные изменения), наблюдается тенденция роста уровня культурного развития рабочих, как социальной группы[1].

Пролетариат не был однороден. Существовала разница между фабричными (низкоквалифицированными) и заводскими (высококвалифицированными) рабочими. Последние находились в более сносном экономическом положении. Фабричные работали больше и получали меньше. Главное же их различие заключалось в общем культурном уровне: «У него *(фабричного рабочего – мое прим.)* были более прочные связи с деревней, чем у заводского рабочего. Он знал и читал гораздо меньше, чем заводской, и вообще был ближе к крестьянину. Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным: фабричный – что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим. К кому он был ближе по своим понятиям, к крестьянину или заводскому, – это зависело от того, как долго прожил он в городе»[2].

К 1897 г. грамотность среди российских промышленных рабочих обоего пола достигала 54%, в то время, как в целом по стране она равнялся 21%[3]. Процесс «окультуривания» рабочих происходил, скорее, вопреки действиям государства, а не благодаря. Министр внутренних дел (1882–1889 гг.) гр. Толстой Д.А., например, полагал, что «обязательность посещения школ ма-

---

[1] «Уже в 1900–1901 гг. среди рабочих стало попадаться немало людей, которые сильно интересовались как положением труда в других странах, так точно и своим собственным положением. В то время в квартирах рабочих уже часто попадались более или менее серьезные книги». Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000 г. С. 746.

[2] *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989 г. С. 68.

[3] *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса в России. М., 1958 г. С. 579. Для сравнения, ситуация с грамотностью в Европе обстояла иначе: «уровень 90% грамотного населения был достигнут почти во всех странах Запада в 1890-х гг.». См.: Лайонис М. Новые читатели в XIX в.: женщины, дети, рабочие. // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М., 2008 г. С. 399.

лолетними рабочими неприемлема, т.к. вообще не признана обязательность обучения». Формально закон 1882 г. говорил о «предоставлении возможности посещения учебных заведений» малолетним рабочими, т.е. ответственность за их обучение ложилась на владельцев предприятий.

На Западе основной «разлом» в рабочей среде проходил по лини политики – по одну сторону находились сторонники профессионально-экономического движения, а по другую – революционно-политического. Конечно, так же, как и в России, в Европе, существовали рабочие, обладающие высокими профессиональными навыками, и те, чей труд не требовал специальной подготовки и знаний (то, что в Англии обозначалось словами «skilled» и «unskilled»). Но и именно в России получил широкое использование термин «рабочая интеллигенция». Он вводится в оборот социал-демократами[4], которые противопоставили «сознательного» рабочего, и «темным массам», и антидемократической интеллигенции. Осознание своих интересов и готовность к политической борьбе за них – вот те качества, которые отличали рабочего-интеллигента по мнению Аксельрода и Плеханова.

В конце 1880-х – 1890-х гг. резко увеличился объем издаваемой печатной продукции (в 1887 г. в стране всего было издано 24,4 млн книг различного содержания, а в 1901 г. эта цифра уже составляла 56,3 млн экз.)[5]. Известный российский книговед и библиограф Рубакин Н.А. полагал, что причиной этому является возросший интерес к чтению в народной среде и, в первую очередь, в среде городских рабочих. Он называет это явление «самонаростанием читателя» – когда недостаток образования заменяется *начитанностью (*курсив мой. – *О. К.)*.

Зависимость между уровнем начитанности и готовностью отстаивать свои права наблюдалась только в России. Она была обусловлена отсутствием возможности направлять свои силы на прямое социальное действие, что влекло за собой углубление в самообразование и породило умозрительную связь между интеллектуальным развитием и социальными запросами. Причем факт «осознания своих прав» еще не означал их реализацию, а свидетельствовал о

---

[4] В 1884 г. в объявлении об издании «Рабочей библиотеки», подписанным Аксельродом П.Б. и Плехановым Г.В., говорится о том, что первая задача «рабочей интеллигенции» – организоваться в «самостоятельную силу». Это объявление предваряло брошюру Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», открывавшую цикл публикаций, предназначавшихся для самообразования рабочих. // См.: *Аксельрод П.Б.* «Рабочее движение и социал-демократия». Женева, 1884 г. С. XIV. В 1889 г. опубликована очередная брошюра Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим», где речь шла пока еще о «немногочисленном слое более или менее развитых людей» среди «трудящихся классов». В предисловии к изданию этой же работы в 1893 г., Аксельрод констатирует собственно появление интеллигентных рабочих как отдельного социального слоя: «...вы – рабочие-социалисты, рабочие-«интеллигенты» – существуете и ...вы собираетесь взять в свои руки дело политического пробуждения угнетенных, бесправных масс России». // *Аксельрод П.Б.* Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим». Женева, 1893 г.

[5] Данные по: *Иванов Л.М.* Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 335.

некой «готовности к борьбе», как отмечалось выше, которая имела свойство накопительности, аккумулятивности. Можно констатировать следующий парадокс в российском рабочем вопросе – невозможность принимать самостоятельные решения даже в отношении хозяйственных нужд, автоматически, политизировал, казалось бы, совершенно неполитические сферы жизни людей.

Разрыв с традицией, питавшей народное сознание на протяжении веков, породил чувство растерянности, которым сопровождался надлом в некогда устойчивой ценностной структуре и, как следствие, попытку найти новые идейные ориентиры. Действительно, порой, от представителей рабочего класса можно было услышать совершенно парадоксальные суждения, например: «Долой самодержавие, а царя оставить»[6]. Среди интеллигенции даже было распространено мнение о неспособности большинства рабочих мыслить последовательно, их упрекали в шаткости мировоззрения, ненадежности: «Аресты среди рабочих вели обыкновенно за собою и разрушение революционных организаций, имевших соприкосновение с ними»[7]. Но эти же духовная опустошенность и растерянность вынуждали бывшего крестьянина на поиски новых смыслов, можно сказать, приводили в движение мыслительный процесс, который размеренная деревенская жизнь и полная зависимость от помещика в недалеком прошлом, лишь тормозили.

Не смотря на разницу в культурном уровне, российские рабочие, все же не были так стратифицированы по этому признаку, как, например, английские. И деревенская община имеет в данном контексте не то значение, которым ее наделяли идеологи народничества, а, скорее, выступает в качестве недавнего общего прошлого, культурной базы, того самого «языка», по которому узнавали «своих». Эта сплоченность обнаруживала себя именно в городе. В тексте листовки рабочий Бабушкин И.В. обращается к своим товарищам: «Братья, товарищи, как тяжело видеть, что мы так низко стоим в своем развитии. ... Не будем же, братья, товарищи, поддаваться обманным речам тех, кто нас держит в тьме невежества, будем стараться выяснить себе истину...»[8].

Растерянность и социальная незащищенность по-разному проявлялась в поведенческих тенденциях. Знаменитый врач-гигиенист Эрисман Ф.Ф. смело заявлял, что «пока социальные условия, вызывающие пьянство, не заменятся лучшим общественным строем, до тех пор все попытки к ограничению потребления водки останутся несовершенными»[9]. Автор исследования о последствиях алкоголизма и борьбе с ним, доктор Коровин А.С. также отмечал, что «добрых советов, хороших книжек, чайных» недостаточно. Необходимо комплексное решение социальных проблем.

Государство, следуя своим надзирательно-попечительским установкам, пыталось повлиять на образ жизни рабочего, как воспитатель на подопечно-

---

[6] Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Менталитет рабочих в России на рубеже XIX–XX веков // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 гг. СПб., 1997. С. 59.

[7] *Жук В.П.* Крестьянские и рабочие волнения (1885–1888 гг.). 2-ая глава // Свободная Россия. № 1. 1889 г. С. 37.

[8] Цит. по: Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1. 1895 г. М., 1992 г. С. 134.

[9] Цит. по: *Петров Б.Д.* Ф.Ф. Эрисман. М., 1970 г. С. 56.

го – «уменьшить в массе разгул и пьянство», «смягчить грубые нравы», «возвысить нравственный уровень»[10].

«Занимательные чтения» и душеспасительные беседы, организованные «с надлежащею осторожностью, под непосредственным надзором Правительства»[11] не могли в полной мере удовлетворить запросы рабочего класса. Не только потому, что их повседневность физически была тяжела и невыносима – уровень экономического и социального развития не только рабочего, но и общества в целом требовал уже иных подходов, иного отношения к личности. Строгий надзор во имя сохранения благочиния как принцип взаимоотношения власти и общества встречал противодействие уже далеко не только в кругах интеллигенции. Отмена крепостного права, индустриальный рост, реформированная судебная система – все это находило отражение в народном восприятии действительности.

Рабочие начинали воспринимать себя как нечто целое, проявляли солидарность, «дух единомыслия», как называли это явление служащие III отделения в одном из своих донесений царю[12].

К концу XIX столетия уже отчетливо проявилась общая для России потребность в изменении существующего порядка вещей, объединяющая самые разные слои населения. У российского рабочего, в массе, отсутствовало понимание идей социализма[13]. Но в рабочей среде уже начала формироваться собственная политическая культура. Она складывалась внутри класса, а ее особенности были продиктованы спецификой российской действительности.

---

[10] Очерк деятельности учрежденной по Высочайшему повелению Постоянной комиссии народных чтений за первое двадцатипятилетие ее существования. 6 апреля 1872–1897. СПб, 1897 г. С. 4.

[11] Очерк деятельности учрежденной по Высочайшему повелению Постоянной комиссии народных чтений за первое двадцатипятилетие ее существования. 6 апреля 1872–1897. СПб, 1897 г. С. 10.

[12] «Рабочие сознали, что завод без рабочих рук немыслим. Это сознание и породило в настоящее время тот дух единомыслия, который так часто стал проявляться между рабочими». Цит. по: *Мирошников И.Я.* Виктор Обнорский. М., 1960 г. С. 47–48.

[13] Плеханов Г.В. констатировал, что идеи социализма не вполне ясны даже тем, кто принимает активное участие в стачках.

СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА «ДЕКОМПОЗИЦИИ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1914–1918 гг.

Косован Елена Анатольевна, к.и.н.
(Российский государственный гуманитарный университет)

В начале XX в. в различных геополитических проектах Германской империи, нацеленных на максимальное политическое и экономическое ослабление России, полное ее устранение от участия в европейских делах, актуализировалось украинское направление. Среди этих проектов следует выделить концепцию «декомпозиции» Российской империи, как одну из наиболее продуманных и почти полностью реализованных.

До сих пор украинская составляющая политики «декомпозиции» исследовалась на материалах архивов ФРГ и Украины, поэтому актуальной научной задачей представляется освоение обширного корпуса источников из фондов российских архивов (ГАРФ, РГВИА, АВПРИ и др.).

Концепция «декомпозиции» была создана П. Рорбахом и Т. Шиманном на рубеже XIX–XX вв. и включена в германскую внешнеполитическую доктрину в 1905–1907 гг. Посредством «политики революционизирования» («Revolutionierungspolitik») России, то есть стимуляции рабочих и национальных движений, планировалось взорвать империю изнутри, раздробив ее по внутренним этнографическим границам («Dekomposition des russischen Vielv lkerreichs»).

Украине же в данном проекте отводилось особое место не только из-за ее высокой экономической и военной значимости, но и потому, что украинский этнос наравне с русским и белорусским был одним из ключевых компонентов триединой русской нации. Добиться разрыва этого триединства означало уничтожить Российскую империю как национально-культурный феномен.

Германский МИД приступил к стимуляции сепаратистских настроений среди украинской интеллигенции сразу после Первой русской революции. К 1914 г. стало очевидно, что украинцев в России еще только предстоит «революционизировать», поскольку идеи «самостийничества» распространены здесь слабо, но украинскую политическую эмиграцию уже можно считать субъектом политики «декомпозиции».

В целом, накануне Первой мировой войны украинская политэмиграция в Европе только зарождалась и на роль избавителя украинцев Российской империи от «ненавистного господства русского царизма»[1] не годилась. Ис-

[1] Воззвание Украинских социал-демократических партий России и Австрии на XIII чрезвычайном интернациональном социалистическом конгрессе в Базеле. 1912 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5325.

ключение составляла лишь австрийская Галиция. Здесь сложилась община выходцев из России, среди которых выделялась группа эмигрантов – социал-демократов, перешедших на позиции радикального «самостийничества» или, по терминологии тех лет, «мазепинства»[2]. Они не просто желали войны с Россией, но ждали ее как победоносного «шествия против русского владычества» и не скрывали, что собираются выступить на стороне Австрии и Германии, взяв на себя борьбу на идеологическом фронте[3].

4 августа 1914 г. представители этой группы эмигрантов – В.В. Дорошенко, А.И. Жук, Н.К. Зализняк, Д.И. Донцов и др. создали во Львове Союз освобождения Украины (Спілку визволення України, СВУ), провозглашенный «беспартийной общенациональной организацией», «органом представительства национальной политики украинского народа, живущего в пределах русской Украины». Главной целью СВУ стало «образование независимого правительства и свободного украинского государства»[4].

Прогерманская ориентация СВУ проявилась не сразу. Первоначально Союз рассчитывал на помощь и Германии, и Австро-Венгрии. Однако нерешительность Вены, для которой приоритетным был не украинский, а польский вопрос, заставила СВУ уже в 1915 г. переориентироваться на Берлин и перенести туда свою штаб-квартиру.

Деятельность СВУ координировалась и финансировалась Прусским военным министерством, германским Внешнеполитическим ведомством, а также Обществом по содействию внутренней колонизации[5]. В ней можно выделить три основных направления.

Во-первых, это пропаганда сепаратизма в лагерях для военнопленных, а после Февральской революции, когда началось движение Украины к независимости, – и формирование из числа пленных первых частей украинской национальной армии, которые, по соглашению между Центральной Радой и германским командованием, должны были защищать страну от большевиков[6].

Во-вторых, это революционизирование Юго-Западного края Российской империи через сеть созданных СВУ ячеек, филиалов и студенческих круж-

---

Оп. 4. Д. 34. Копии документов Департамента полиции о деятельности украинских националистических организаций. 1907–1916 гг. Л. 1.

[2] Отношение Начальника Варшавского Охранного Отделения Начальнику Полтавского Губернского Жандармского Управления. 14 июня 1914 г. № 4247 // ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 35. Копии документов жандармских органов о деятельности украинской организации «Сичь». 1914–1915 гг. Л. 13–17, 20–22.

[3] Воззвание «К болгарскому народу» // Вістник СВУ. 1914 г. / ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 33. Копии документов жандармских органов о деятельности националистических организаций на Украине. 1913–1916 гг. Л. 9.

[4] По поводу инсинуаций Н. Троцкого в газете «Голос»; По поводу статьи г. Алексинского в «Современном мире» // Вістник СВУ. 1915 г. // ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 33. Копии документов жандармских органов о деятельности националистических организаций на Украине. 1913–1916 гг. Л. 10, 31.

[5] *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 166–168.

[6] ГА РФ. Ф. Р-5889. Оп. 1. Д. 9. Краткий отчет о деятельности Военно-Санитарной Комиссии Украинского Военного министерства по делам военнопленных в Германии за время председательствования в ней К. Новохацкого. 1918 г. С. 5–13.

ков, распространявших среди населения «революционную» литературу и воззвания «с призывом к мятежу»[7]. Это способствовало усилению «самостийничества» и германофильских настроений в украинском обществе, особенно среди молодежи.

Наконец, СВУ вел обширную международно-дипломатическую работу, начиная с проекта создания в Турции украинского легиона, который должен был совместно с турецкими войсками высадиться на Черноморском побережье и развернуть «повстанческое движение» на юге Украины, и заканчивая попытками привлечь на сторону Центральных держав Румынии[8]. В контексте политики «декомпозиции» наиболее значима работа СВУ в период становления Украинской Народной Республики (1917–1918 гг.). Так, не стоит забывать, что Союз приложил максимум усилий, чтобы украинская сторона вступила в брестский переговорный процесс и заключила сепаратный мирный договор с Центральными державами, тем самым помешав России выступить «в качестве единственного правомочного правительства бывшей Российской империи»[9].

Итоги деятельности СВУ можно назвать парадоксальными, хотя осмысление с позиций исторической логики позволяет считать их закономерными: СВУ объективно способствовал закреплению прогерманского вектора сначала украинского национального движения, потом «украинской национальной революции» 1917–1920 гг., однако, именно этот вектор во многом предопределил их поражение и распад первого независимого украинского государства.

---

[7] Циркуляр Департамента Полиции от 11 марта 1915 года за № 167326 // ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 33. Л. 15–18.

[8] Патер І. Міжнародна діяльність Союзу Визволення України (1914–1918 рр.) // Галичина. 2013. Ч. 22–23.

[9] *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 20.

МАРТИН ЛЮТЕР И РЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ КАК «РАННЕБУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НОВОГО ВРЕМЕНИ

Кошелева Марина Евгеньевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Как писал Фридрих Энгельс, Реформация в Германии была первым крупным столкновением европейской буржуазии и феодализма, первой буржуазной революцией в Европе.

Началом реформационного движения в Германии принято считать выступление Мартина Лютера в 1517 г. с речью против папской власти. Энгельс писал: «Лютер дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было вовлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи. Тезисы оказали воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха. Многообразные стремления нашли в этих тезисах общее на первых порах, всеобъемлющее выражение и объединились вокруг них с поразительной быстротой»[1].

В основе Реформации лежали серьезные религиозные и национальные противоречия (разобщенность немцев как нации), заимствованная и насаждаемая религия, с обрядовой стороной которой и боролся Мартин Лютер. Политические силы Германии были слишком малы, и католическая церковь завладела в стране одной третью всех земель. Германия времен Лютера – это также огромная, «рыхлая» империя, соединенная династически, в ней было множество внутренних социальных конфликтов и усобиц[2].

Обобщая, можно сказать, что в Германии существовало три рода социально-политических противоречий: между феодалами и крестьянами, между деревнями и городами, между национальными интересами и интересами папства. Так как разрешить эти противоречия сверху не удавалось, начало зарождаться революционное движение снизу[3].

1513–1514 годы считаются этапом оживления религиозно-политической жизни в городах. В это время становится очевидно: единственное, что могло бы объединить страну – это недовольство поведением католической церкви.

Именно в этих условиях эпохи и возникло учение Лютера. Его идеи привели в движение все слои германского общества, очень быстро снискав от-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. 2-е изд. М., 1956. С. 392.

[2] *Гейсер Л.* История Реформации. Т. 1: Реформация в Германии. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 92.

[3] *Глинчикова А.Г.* Россия и Европа: два пути к Современности. М.: Культурная революция, 2008. С. 348.

клик в народе и создавая большой резонанс[4]. Это можно подтвердить тем, что его тезисы вскоре после их первого обнародования были переизданы и очень быстро распространялись в массах.

Первый этап революции был развернут в форме религиозных войн, и это произошло неслучайно. Как указывает Ф. Энгельс, «для того, чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»[5]. Люди были сильно зависимы от церкви, подвержены ее влиянию. Именно поэтому революционное движение, по мнению Ф. Энгельса, должно было обязательно принять религиозную окраску.

В трактате «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютер обращается не только к идеям о реформе церкви, но еще и предлагает провести коренные преобразования во многих сферах жизни общества: на смену церковной иерархии должен был придти принцип демократического равенства и выборности[6]. В 1520 году Лютер пишет трактат «О свободе христианина», где провозглашается идея свободы совести индивида, что само по себе является новшеством этого времени.

В октябре 1521 года народ активно включается в преобразовательный процесс; без всякого влияния Лютера его идеи начинают влиять на общественные процессы, конечно, не совсем в том направлении, которое он изначально хотел им придать, но как получается в любой революции – сторонники зачастую привносят новые смыслы, изменяя первоначальный посыл.

Как известно, реформационное движение состояло из разных слоев населения, поэтому оно быстро разделилось на два течения: бюргерско-умеренное, во главе которого стоял сам Лютер, и плебейско-революционное, представителем которого был Томас Мюнцер[7]. С 1521 года известны такие случаи, когда студенты и бюргеры врывались в церковь и устраивали там погромы алтаря. После таких событий Лютер выступает с «Открытым увещеванием ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа». В этой работе он говорит о различии между духовным и общественным мятежом и призывает ограничиться духовным неповиновением. Процесс, однако, уже невозможно было замедлить, в том числе из-за появления идеологов новой волны: уже упоминаемого Томаса Мюнцера, а также Марка Томе, Томаса Дрехзеля и других реформаторов, которые проповедовали идеи о том, что не стоит ограничиваться духовным протестом и призывали к открытому религиозному сопротивлению. Для обоснования своих революционных идей Мюнцер использовал модернизированную формулу «оправдания верой», созданную Лютером. Сторонники Мюнцера требовали гражданского равенства и устранения значительных имущественных различий.

Крестьянское движение, возглавляемое Томасом Мюнцером, и стало высшей точкой реформационного движения в Германии. Однако Крестьянская

---

[4] *Голубкин Ю.А.* Из любви к истине // Мартин Лютер. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520–1526 года. Харьков, 1994. С. 247–248.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 377.

[6] *Мартин Лютер.* К христианскому дворянству немецкой нации // Сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. СПб., 2002. С. 17–86.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 370.

война 1525 года закончилась поражением восставших и казнью Томаса Мюнцера.

В рукописи Энгельса «Крестьянская война» встречаем такое суждение: «Лютеранская реформация – это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода... которая была более европейской и распространилась в Европе гораздо быстрее, чем французская»[8]. Другие страны, как пишет Энгельс, заимствовали себе некоторые тезисы из учения Лютера и применяли их на практике (Нидерланды, Швеция).

Успех реформационного движения в Германии – это успех его религиозной формы. Не стоит забывать, что революция закончилась поражением восставших. И как отмечают исследователи, Германия на 300 лет утратила свое лидирующее место на мировой арене.

Дискуссионным остается вопрос о том, какие еще последствия несла за собой Реформация в Германии. Одни историки склонны говорить о ее негативных последствиях, другие считают ее исход положительным: идеи Лютера были мощным средством национального объединения, но в то же время Реформация стала причиной разобщенности нации.

Бесспорным фактом, однако, является то, что Реформация и Крестьянская война были крупнейшими событиями в истории немецкого народа, которые смогли внести прогрессивный вклад в развитие революционных и демократических традиций.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 360.

ФЕМИНИЗМ КАК РЕСУРС РЕВОЛЮЦИИ

Крадецкая Сусанна Вячеславовна, к.и.н.
(Московский политехнический университет)

Революция как чрезвычайно сложное явление всегда соединяет в себе множество факторов, движущих сил, ресурсов. Для того, чтобы наиболее полно проанализировать революционные события, необходимо по возможности детально изучить все факторы, сыгравшие ту или иную роль не только в организации, проведении непосредственно политического переворота, но и в его подготовке, в том числе социокультурного характера. Ни одна политическая революция никогда не происходит случайно, на пустом месте. Любые подобные изменения всегда готовятся, созревают на протяжении длительного времени, и часто первые ростки будущих революций незаметны и неочевидны. Это могут быть малейшие изменения в культуре, в системе ценностей, в общественной атмосфере, которые в дальнейшем разрастаются и служат питательной почвой для возникновения полноценных революционных настроений в обществе. Все силы, так или иначе провоцировавшие эти изменения, все недовольные, открыто требовавшие перемен, являются источником и ресурсом для революции. От того, как эти ресурсы используются в ходе революции, во многом зависят ее итоги. Изучение этих сил позволит дополнить традиционную картину революции, показать все многообразие и сложность этого явления.

Одним из подобных ресурсов революции является феминизм как идеология и феминистское движение как стратегия и практика. Стоит отметить, что в условиях традиционного общества этот ресурс всегда оставался незамеченным, а феминистский протестный потенциал – практически невостребованным.

История идеологии феминизма насчитывает несколько столетий[1]. Традиционно начало развития феминистских идей относят к XVII–XVIII вв. Феминизм изначально являлся революционной идеологией, т.к. в основе его лежала критика существующей гендерной системы и призывы к радикальным социокультурным и политическим изменениям. Стоит отметить, что феминизм никогда не ограничивался только требованиями политического равноправия. Его идеологи подвергали анализу и критике все сферы общества, не ограничивая себя никакими рамками.

Исследователи отмечают, что, уже начиная с конца XVIII в. образованные женщины принимали активное участие в европейских революциях[2]. При

[1] См. об этом *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М., 2001.

[2] *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 241–259.

этом они не являлись членами либеральных или революционных организаций (за редкими исключениями), т.к. представители этих групп всегда относились к женщинам на баррикадах крайне скептически. Идеи этих женщин не укладывались ни в традиционные, ни в либеральные или революционные представления о мироустройстве. Они отстаивали новые идеи, которые формулировали первые феминистские авторы (Мэри Уоллстонкрафт, Олимпия де Гуж), и их сразу же признавали бунтарками. Их протестные идеи послужили основой для возникновения нового движения, в котором участвовали недовольные женщины, стремившиеся изменить свое положение в обществе. Однако это движение всегда занимало маргинальное положение среди всех остальных общественно-политических направлений, что было связано, прежде всего, с традиционными патриархальными представлениями о роли женщины в обществе и о недопустимости ее присутствия в публичном пространстве.

Таким образом, феминистский протестный потенциал в ходе многочисленных европейских революций XVIII – XIX в. не использовался. Обычно все ограничивалось простым участием женщин в митингах и демонстрациях. Как отмечают исследователи, «женщинам в этой исторической драме обычно отводилась закулисная роль участниц хлебных бунтов»[3].

При этом для многих феминисток революция, право на активное участие в ней являлись признаком желанного равноправия. Уже во второй половине XIX в. появляются феминистские организации, представительницы которых призывали не просто к реформам, но заявляли о женской революции как единственно возможном пути достижения равноправия. Ярким примером здесь является деятельность Женского социально-политического союза и одного из его лидеров – Э. Пэнкхерст. Призывы к неповиновению, борьбе, митингам, восстаниям и революциям звучали едва ли не в каждом публичном выступлении Пэнкхерст. В одном из них она прямо сообщала английскому правительству, что призывает всех женщин к восстанию[4].

Далеко не все феминистки той эпохи были согласны с тактикой действий Пэнкхерст и ее соратниц. Однако, несмотря на откровенный провокационный характер организации, на ее скандальные акции, в основе своей радикалки были очень близки к более умеренным представительницам феминизма. Не все феминистки открыто призывали к политической революции, но, рассуждая о политических правах женщин, о праве на равное образование и труд, они уже совершали революцию, связанную с радикальным изменением всей системы ценностей. Каждая участница феминистского движения на рубеже веков была в определенной степени бунтаркой, ведь она выступала против многовековых гендерных предрассудков, связанных с традиционным взглядом на женщину и ее роль в обществе.

Однако, несмотря на развитие движения, на возникновение международных организаций, этот ресурс по-прежнему оставался невостребованным и был практически невидим в публичном пространстве. По замечанию иссле-

---

[3] *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 241.

[4] *Пэнкхерст Э.* Я призываю собравшихся к восстанию // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992.

дователей, политика все еще оставалась сферой мужского влияния, где роль женщины определялась мужчиной. «Мужчины-лидеры никогда не спешили делать уступки женщинам, несмотря на их роль в политической жизни. Напротив, они лишь терпели такое участие, пока оно помогало им добиваться собственных целей»[5]. В итоге ни одна европейская революция XVIII–XIX вв. не привела к каким-либо решительным изменениям в положении и правах женщин.

Российское общество второй половины XIX – начала XX в. не осталось в стороне от этого процесса. В пореформенное время и в России начинает развиваться женское, а затем и феминистское движение[6]. Для российского феминизма были также характерны идеи об угнетении женщин, о несправедливости их подчиненного положения и о необходимости активной борьбы с этими явлениями. При этом своеобразным водоразделом для развития движения и его идеологии послужил 1905 г., что само по себе является показательным.

Ситуацию до 1905 г. исследователи называют «равенством в бесправии»[7]. Дарование же мужчинам избирательных прав при всех оговорках разрушило это «бесправное» равенство. Женщины, всегда боровшиеся вместе с мужчинами за одинаковые права, вдруг оказались исключены из пространства публичной политики. Удивление вызвал и тот факт, что вчерашние союзники по борьбе – представители либерально-демократических партий – не спешили распространять избирательное право на женщин.

Таким образом, в условиях первой русской революции была реализована традиционная схема участия женщин в подобных событиях, что делало их протестный потенциал практически невостребованным. Похожая ситуация повторилась и в феврале 1917 г., когда единственная форма массового участия женщин в публичных акциях сводилась к «хлебным» демонстрациям и бунтам.

Однако это не означает, что деятельность феминисток не влияла на модернизацию общества, на изменение культурных ценностей и роли женщины в обществе. Подобные эмансипационные идеологии всегда являются основой для формирования и развития современной культуры и современного человека, главной характеристикой которого является свобода. Освобождая женщину, пусть только в теории, феминизм вносил свой вклад в этот процесс а, значит, являлся безусловным, хотя и не востребованным в условиях патриархального общества, ресурсом для революции, как культурной, так и политической.

---

[5] *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 247.

[6] См. об этом *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

[7] *Юкина И.И.* Женское движение в России, ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 283.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАБОТЫ ЦК РКП(Б) С РУКОВОДЯЩИМИ КАДРАМИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОДНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Крылова Анна Владимировна, к.и.н.
(Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева)

Тема создания номенклатуры, системы кадровой работы в органах власти советского государства за весь период его существования привлекала очень многих исследователей[1]. Это не удивительно: столь масштабны были произведенные изменения, такой многогранный опыт можно извлечь из них.

Революция привела во власть людей, мало знакомых с управленческим процессом. Еще до Октября В.И. Ленин рекомендовал, чтобы партработник «переменял место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большей опытности, не расширит своего кругозора»[2]. Вполне естественно, что основные приемы кадровой работы в послереволюционные годы – набор и ротации. Однако перемещения вызывали «секретарскую чехарду» в губкомах, конфликты между парткомитетами и хозорганами.

Архивные документы свидетельствуют, что советскими специалистами были созданы весьма любопытные техники работы с управленческими кадрами уже в начале 1920-х гг. Данная статья посвящена анализу одной из них, а точнее, одной из первых методик оценки и отбора, разработанной сотрудниками Учраспредотдела в 1923 г.[3]

В основу ее была положена «Анкета для характеристики ответственных административных постов разного типа и масштаба», в которой успешная служба связывалась с наличием у работника определенного комплекса психофизиологических качеств, познаний и стажа. Анкета вручалась нескольким лицам (кому именно, сейчас сказать невозможно). Эти «сведующие товарищи – соответственно тому отчетливому представлению, которое у них имеется относительно каждой из... должностей, – выскажут свое суждение о том, какое качество в какой степени... безусловно требуется для работника на том, или ином посту, – какие знания и какой стаж».

---

[1] *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Джилас М.* Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1957; *Харина Ф.Н.* Некоторые проблемы формирования номенклатуры и региональных управленческих кадров 1920-х – начала 1930-х гг. в современной историографии // КЛИО. 2014. № 7 (91). С. 47–55; и др.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 133.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 87. Л. 80–82.

Далее разработчики скрупулезно уточняют содержание каждого из перечисленных в анкете 16 качеств (инициатива, активность, распорядительность, здоровье и т.д.) – во избежание различного толкования этих понятий. Более того, «все качества умышленно взяты в житейско-деловых, обиходных формулировках». Например, под «распорядительностью» подразумевалось «не уменье командовать ..., но и уменье ... людей ставить на надлежащее место, уменье объединить разрозненные усилия, устанавливать дисциплину». Суждения о качествах должны были быть подкреплены «числовой баллировкой», т.е. «сведующим товарищам» надлежало поставить баллы от 0 (данное качество для данной должности необязательно) до 3 (необходимо в высокоразвитой форме).

Числовая градация вводилась и для блока «Знания» – отметки относительно необходимого их объема для конкретной должности следовало проставить против соответствующих граф: 1 – начальная ступень; 2 – первая ступень; 3 – вторая ступень; 4 – Рабфак; 5 – ВУЗ. Объем знаний просчитывался отдельно для «общих познаний» и «специальных», причем последние делились на: технические, коммерческие, финансовые, учетные, военные, путейские, службы связи, судебные, следственные, охранно-милицейские, профессиональные, тарифные, продовольственного снабжения, земельно-устроительные, кооперативные и педагогические. Как видим, перечень затрагивает наиболее важные для большевиков сферы. Правда, остается непонятным в данном контексте введенный в анкету вид знаний – «профессиональные».

Блок «Стаж» включал в себя отметки относительно необходимого масштаба работника: 1 – малого, 2 – среднего, 3 – крупного. Разработчики выделяют три вида стажа: партийный, профессиональный и служебный (в т.ч. актуальный «литературный»).

Замечательно, что сами разработчики видели слабые места в своей работе и предупреждали о возможных трудностях в процессе проведения обследования. «Может случиться, что полученные ... «профили» должностей будут очень мало отличаться между собой ... если упущены какие-либо качества, весьма характерные для той или иной из должностей, просьба к товарищам вписать эти качества в дополнительные графы».

Для дальнейшего изучения характера распределительной работы решено было «по отдельным Центральным учреждениям, 30–40 выборочным Губкомам и 150–200 укомам и Райкомам... подготовить материалы... по... листкам... оценки»[4]. В результате планировалось выявить «кругооборот» ответственных работников за год, его причины, цели и эффективность. Были разработаны положения и программы работ Учраспредотдела и его подотделов; Положение о подкомиссии по определению квалификации партработников; Положение об изучении ответработников; памятки для инструкторов и информаторов.

Вскоре было организовано еще одно социсследование. Пионером в нем выступил Нижегородский губком, партврачебная комиссия которого, проведя медобследование политической элиты региона, получила неутешительные результаты: признано здоровыми в 1924 г. только 3,5% работников[5]. ЦК

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 96. Л. 230–230 об.

[5] Отчет Нижгубкома за период от XVI до XVII губконференций. Н. Новгород, 1925. С. 83.

постановил остальным организациям последовать примеру нижегородцев[6] и провел широкомасштабную акцию с применением уже известных методик: анкетирование управленцев, рассылка опросных листов в низовые комитеты, дабы получить их «соображениях по изжитию ненормальностей». Результатом стали мероприятия, разработанные в духе НОТ, смещение в кадровой работе акцента на обучение мало использованных работников.

Приведенные примеры анкетирований представляют собой образец весьма оригинальной организации оценки и отбора кадров: дистанционного, с совмещением централизованного и децентрализованного подхода. Подбор выступает как сосредоточение на определённом расстоянии от субъектов управленческого процесса ресурсного, интеллектуального, и личностного потенциала, способного препятствовать или содействовать решению как собственных, так и извне заданных руководителю задач[7].

В 1923 г. партия перешла от стихийного количественного набора к плановому качественному отбору. Нельзя не согласиться с Баруновым В.Ю. в том, что «система учета ответственных советско-партийных работников в начальный период нэпа была бюрократически основательной»[8]. Причем организаторы обследований обладали знанием управленческих терминов, европейских принципов кадровой работы (необходимость «тейларизовать работу наших инструкторов»[9]). По мнению Л.М. Кагановича, «у нас... небывалый в Отделах ЦК достаточно многочисленный квалифицированный кадр крупных партработников, сосредоточившихся в Учраспреде...»[10].

Первые опыты применения собственных инструментов анализа управленческого персонала, предпринятые партией в 1923 г., показывают «поисковый характер исследуемых процедур, которые заложили своеобразный фундамент для дальнейшей кадровой политики нашего государства»[11].

---

[6] *Крылова А.В.* Политика в сфере рекреации номенклатурных работников в период НЭПа // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 2 (16). С. 246–252.

[7] *Калинин И.В.* Практика подбора управленческих кадров в период 1917–1924 годов // Акмеология. 2004. № 3 (11). С. 37.

[8] *Барунов В.Ю.* Постановка учета ответственных советско-партийных работников уездно-губернского масштаба в начальный период нэпа: теория и практика // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 50.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 27. Л. 40.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 96. Л. 134.

[11] *Калинин И.В.* Указ. соч.

СИСТЕМА СЕМЕЙНОГО ЗАЛОЖНИЧЕСТВА КАК СПОСОБ ВЕРБОВКИ НЕМЕЦКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Кулинок Святослав Валентинович, к.и.н.
(Белорусский государственный архив научно-технической документации, Республика Беларусь)

Одним из способов борьбы немецких разведывательных и оккупационных органов с партизанским движением была вербовка, подготовка, обучение и засылка в партизанские отряды агентуры с задачами разведывательно-диверсионного характера. Масштабы этой работы, фактически, были «конвейерными». По неполным данным в годы войны партизанами было «взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584 человек»[1]. В белорусской и российской историографии до сих пор используются данные о том, что на территории БССР в годы войны было открыто 22 (25) разведывательно-диверсионных школы и курсов[2], в то время как исследования автора статьи, основанные на новых архивных документах, показывают, что по самым заниженным подсчетам на территории Беларуси за весь период оккупации действовало минимум 50 таких учебных центров[3].

Вместе с этим отметим, что значительное количество готовившейся агентуры вербовалось из числа гражданского (невоенного) населения Беларуси. При этом не делалось никаких исключений для различных половозрастных, национальных и социальных групп населения. Так для подготовки женщин-разведчиц на территории Беларуси было открыто более 20 школ и курсов, которые располагались в следующих населенных пунктах: Барановичи, Белый Переезд, Бобруйск, Борисов, Брест, Вилейка, Волковыск, Ганцевичи, Гомель,

[1] Отчет о разведывательной работе Белорусских партизан. Том 2. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115. Л. 24–27.

[2] Например: *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 170; *Доморад К.И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. Минск, 1995. С. 222; *Иоффе Э.Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. Минск, 2007. С. 219.

[3] *Кулинок С.В.* К вопросу о количесте разведывательно-диверсионных, полицейских, казачьих и других школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Вып. 14. Мінск, 2016. С. 135–142.

Колдычево, Куренец, Лепель, Марьина Горка, Минск, Могилев, Орша, Полоцк, Сенно, Слоним, Слуцк, Сосны[4]. Аналогичные разведывательно-диверсионные заведения были открыты и для подготовки агентуры из числа несовершеннолетних. Они располагались в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Вилейке, Городке, Куренце, Минске, Могилеве, Сенно, Слуцке, Орше и Шумилино. По самым минимальным подсчетам через эти школы прошло более тысячи подростков[5].

Начиная с середины 1942 г. в архивных документах систематически встречаются сведения о подготовке агентов из числа молодых девушек и женщин, как в немецких спецшколах, так и в индивидуальном порядке. В конце 1942 г. Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) уже располагал данными о массовой подготовке женщин-агентов в Гомельской и Слуцкой школах[6]. Аргументом при вербовке в шпионы достаточно часто выступала возможность увоза на принудительные работы в Германию, либо угроза тюрьмы или лагеря. В условиях всеобщего голода и нужды не последнюю роль при вербовке играло и материальное вознаграждение (не только продуктами питания, но и товарами широкого потребления и деньгами). Однако наиболее действенным способом была система заложничества, когда в случае отказа выполнять задания, под угрозу ставилась жизнь родных и близких. В одном из партизанских отчетов указывалось, что засылая агентов «насильственным путем в партизанские отряды и зоны для шпионажа, гестапо в качестве заложников оставляет их семьи – матерей, отцов, братьев и сестер и в случае невыполнения приказания расстреливает их»[7]. Окончательное оформление вербовки всех отобранных лиц производилось в школе или проверочном лагере. После этого в большинстве школ на каждого агента заполнялась подробная анкета, отбиралась подписка о добровольном согласии сотрудничать с германской разведкой, в которой также указывалось об ответственности за родных и близких в случае невыполнения задания. Аналогичные подписки могли браться и у родственников. В них они предупреждались об ответственности, вплоть до смертной казни, в случае побега или измены агента[8].

Аналогичные методы вербовки применялись и к детям. К этому следует добавить и психологический фактор: подростка тянет на приключения, путешествия, к подражанию военным, а это значит – возможность иметь оружие,

---

[4] *Кулинок С.В.* Агенты в юбках // Беларуская думка. 2014. № 11. С. 85–86.

[5] *Кулинок С.В.* Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941–1944 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб XIX–XXI веках. М., 2016. С. 222.

[6] Дополнительный протокол допроса Севастьяновой Нины Ивановны от 9.12.1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 57. Л. 286–297; Разведывательная сводка БШПД № 32 от 29.05.1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 129–130.

[7] Отчет о работе Особого Отдела соединения партизанских отрядов по Минской области за май 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 2. Л. 35–35 об.

[8] Краткий обзор о положении на оккупированной территории Могилевской области (по материалам партизанской разведки на 15 апреля 1943 г.) // НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 38. Л. 22.

испытать опасность. Трагическим примером такой деятельности является судьба 15-ти летнего Вани Иванова из Бреста.

6 сентября 1943 г. в одной из партизанских разведсводок сообщалось о том, что «в Бресте существует фашистская организация под названием «Русское объединение» (далее «РО» – С.К.), состоящее из русской молодежи, организованная в марте сего года. Ее организаторы – белогвардейцы Богданов, прибывший из Германии, и работник тайной полиции Малюкевич. К 1 августа организация насчитывала 25–30 человек. Задачи организации: проникновение в партизанские отряды с целью шпионажа и террора, вовлечение в нее новых членов... Работой организации руководит гестапо»[9].

Иван Алексеевич Иванов был вторым из четырех детей в семье. К началу войны вся семья переехала в Жабинковский район и поселилась на Муромских хуторах. Найти работу в оккупированным Бресте было не просто, а на плечи Вани легла забота о престарелой матери, 10-ти летней сестре Зине и 4-х летнем брате Толе. В сентябре 1941 г. молодому человеку чудом удалось найти работу на Брестской скотобойне. В июле 1943 г. состоялась вербовка Вани Иванова сотрудником тайной полиции Бреста Николаем Демчуком. Вот как в своих показаниях партизанам он рассказал об этом: «Свое согласие на работу я дал потому, что тайная полиция узнала о моей связи с Василием Нестеренко и Леонидом Быковым, которые ушли в партизаны. За эту связь мне и моей семье угрожали расстрелом. Мне стало очень жалко моей семьи, и поэтому я дал согласие. Я дал подписку о том, что обязуюсь работать...»[10]. Агент «РО» практически сразу был разоблачен партизанами и на очной ставке с другим членом этой организации признал себя виновным. Иванов был перевербован и направлен обратно в Брест, но через месяц мальчика застрелил на явочной квартире сотрудник гестапо.

Подводя итог, отметим, что немецкие спецслужбы активно привлекали к разведывательно-диверсионной работе местное гражданское (невоенное) население, в том числе женщин и детей, а одним из основных способов их вербовки была практика семейного заложничества.

---

[9] Разведсводка № 52 от 6.9.1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 46.

[10] Протокол допроса Иванова Ивана Алексеевича от 16.8.1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 54. Л. 136–138.

К ИСТОРИИ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ БУХАРЫ: АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ Т.Ф. ГЕЛАХА

Курбанов Фируз Голибович
(Бухарский Государственный музей-заповедник,
филиал «Тарикат Накшбандийа», Республика Узбекистан)

В Бухарском Государственном областном архиве хранится папка[1], где собраны документы Тараса Федоровича Гелаха, археолога, преподавателя Бухарского Педагогического Института (ныне Бухарский Государственный Университет), сотрудника Бухарского областного краеведческого музея (ныне Бухарский Государственный архитектурно-художественный музей-заповедник), ученого-исследователя памятников старины Средней Азии, автора одного из первых путеводителей «Бухара»[2].

Тарас (Тарасий) Федорович Гелах, родился в 1890 году в городе Вильно (ныне Вильнюс), белорус по национальности. Получил образование в Виленской 2-й гимназии. Окончил её в 1911 году и поступил в Санкт-Петербургский Университет, который закончил в 1923 году[3]. Так как надо было зарабатывать на жизнь, ему приходилось прерывать образование и работать, поэтому он закончил уже переименованный Петроградский Государственный Университет, факультет общественных наук. Будучи студентом, он заинтересовался археологией. Участвовал в археологических раскопках под руководством профессора А.А. Спицына (1858–1931).

В 1937–1938 гг. были арестованы его братья, занимавшие ответственные посты в советской системе[4] и Т.Ф. Гелаху было предложено отправиться на летние учительские курсы в Среднюю Азию. Он пишет в своей автобиографии, что здесь он и остался «жить добровольно»[5].

Первоначально Т.Ф. Гелах жил в Туркмении в городе Ташауз, где преподавал в средней русской школе. Его интерес к науке не угас: он занимался раскопками мусульманских могильников, исследовал городскую стену Ташауза.

---

[1] Бухарский Государственный областной архив. Ф. 1235. Д. 17.

[2] Бухара. Краткий справочник-путеводитель / Сост. Я.С. Ашуров, Т.Ф. Гелах, У. Камалов. Ташкент, 1956.

[3] Бухарский Государственный областной архив. Ф. 1235. Д. 17: фотография студента Т.Ф. Гелаха, запись студента Императорского С.-Петербургского Университета, историко-филологического факультета, 1911 года с перечислением курсов.

[4] Позже братья Ф.Ф. Гелах и Г.Ф. Гелах были реабилитированы: в деле присутствуют копии постановлений Военного Трибунала Московского Военного Округа, 1956 г. и Верховного суда РСФСР 1958 г.

[5] Бухарский Государственный областной архив. Ф. 1235. Д. 17: автобиография, составлена в 1960 г.

уза и собирал материалы по этнографии. В дальнейшем эти материалы легли в основу его статей по этнографии туркмен: украшения, история арбы – повозки. Многие статьи не опубликованы и сохранились в рукописях и представляют собой ценные источники информации. В 1939 году он перешел на преподавательскую работу в Ашхабадский Университет, в 1940 г. в Комитет по делам Науки при СНК Туркменистана.

С начала войны Т.Ф. Гелаху предложили работу в Узбекистане: Ташкенте или Бухаре. Он выбирает Бухару, зная, что здесь его ожидает богатейший археологический и этнографический материал.

В годы войны с 1941 года он работает не только в Бухарском Педагогическом Институте, но и Бухарском областном краеведческом музее, преподает и создает краеведческие кружки в школах (краеведение было одним из любимых его направлений), читает лекции на предприятиях, ходит в походы с детьми по архитектурным и археологическим комплексам. Одновременно он занимается научной работой, и готовит диссертационное исследование на тему «Очерки по археологии и этнографии Средней Азии», состоявшей из 6 глав. В 1950 году в Бухару приезжает археолог А.Д. Арциховский (1902–1978), который одобрил работу Т.Ф. Гелаха и порекомендовал внести отдельные изменения перед защитой. Но Т.Ф. Гелах заболел, защита была отложена и состоялась только в мае 1956 года. Постоянные научные командировки в Москву, предоставляемые Бухарским Университетом, позволили ему восстановить утерянные прежде научные связи и вернуться к интенсивной исследовательской деятельности.

Диссертационная работа Т.Ф. Гелаха на соискание ученой степени доктора исторических наук «Оборонительные стены феодальных городов Средней Азии (по материалам Туркмении и Узбекистана» не потеряла актуальности и научной значимости для современных исследователей[6].

Автор начал изучать городскую стену Бухары сразу по прибытии в Бухару. В конце 1946–начале 1947 гг. будучи сотрудником Бухарского музея, он исследовал стену с археологом А.И. Тереножкиным (1907–1981)[7] и музейным сотрудником Р.Г. Канским. Основной задачей было выяснение соотношения развития города и крепостной стены, установление даты возведения стены. Археологами была собрана керамика внутри монолитов стены, датированная не ранее XV в. В своем исследовании Гелах пишет, что еще в 1941 году городская стена Бухары сохранялась почти полностью с её 11 воротами. Он восторженно пишет в диссертации, перемежая текст восклицательными знаками: «Исключительно эффектное зрелище представляла бухарская стена в то время, в начале 40-х годов! Надо было видеть её, чтобы в этом убедиться! ... И недаром, она была зарегистрирована в списке памятников, подлежащих охране под № 1». С горечью автор отмечает, что стены средневековых городов разрушаются, уступая место новым стройкам коммунистической эпохи. Говоря о крепостной стене Ташауза и Мерва, автор отмечает, что все его попытки сохранить и защитить стену были безрезультатны. Описывая городскую стену Бухары, Т.Ф. Гелах отмечает, что «стена исчезает

[6] Работа не была завершена и не защищена Т.Ф. Гелахом.

[7] О Тереножкине А.И. см.: *Ремпель Л.И.* Мои современники. Ташкент, 1992. С. 422.

на наших глазах». В связи с возведением новых построек стену стали усиленно разрушать. Последним значительным разрушением, которой подверглась городская стена Бухары, был период лета 1958 года, когда систематическими взрывами уничтожались стены и ворота городской стены. Учитывая важность фортификационной системы средневековой Бухары как источника по истории города, его развитию, топографии, он пишет «история крепостной стены – история города Бухары». Именно поэтому одну из глав своей работы он посвятил мероприятиям по охране оборонительных стен Бухары. В диссертации автор уделил пристальное внимание сохранившимся в его время деталям конструкции стены, описал декоративное убранство внешней стороны стены, т.е. то, что недоступно сегодняшним исследователям.

Одним из уникальных сооружений города Бухары является городская крепостная стена, построенная в XVI веке и являющаяся важнейшим источником по истории фортификации средневековых среднеазиатских городов. Городские крепостные стены во многом обеспечивали безопасность городов и населявших его горожан. Поддержанию их в порядке уделялось во все времена большое внимание.

Размеры средневекового города Бухары не являлись постоянными и изменялись в периоды расцвета и упадка городской жизни. Крепостные стены отмечают эти изменения. Особенности крепостной архитектуры позволяют представить характер обороны города на разных этапах его истории. Т.Ф. Гелах отмечал, что бухарская городская крепостная стена является классическим памятником военно-инженерного и оборонительного искусства.

Материалы, представленные в архиве Т.Ф. Гелаха, являются ценным источником для изучения истории, архитектуры, культуры, искусства Средней Азии. Введение данных документов в научный оборот является важнейшей задачей.

К ВОПРОСУ О КРУШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лагузова Мария Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

На протяжении нескольких столетий, предшествующих событиям начала XX в., Россия существовала как государство с «непрерывной суверенной историей»[1]. Все изменилось 17 октября 1905 г., когда Николай II под давлением оппозиции подписал манифест, ограничивающий его власть. Россия перестала быть абсолютной монархией.

После принятия законов 1906 г. в стране произошла политическая модернизация: появилось избирательное право, провозглашены неприкосновенность частной собственности, свобода слова, вероисповедания, создания союзов, свободный выезд за границу и другие принципы гражданской свободы. Законодательная власть была дарована Государственной Думе.

Однако передача власти народным избранникам и вожделенная свобода лишь на какое-то время смогли отсрочить падение Российской империи и 300-летней династии Романовых. Народные волнения и забастовки в стране становились все масштабнее, почти каждый день происходили убийства государственных служащих. Страна погружалась в хаос. Это было начало череды трагических событий, определивших судьбу российской государственности в начале XX в.

В год 100-летнего юбилея революционных событий еще раз обратимся к проблеме, которая долгое время вызывает острые дискуссии и споры, находится в национальной повестке дня. Несмотря на различные оценки и интерпретации, все сходятся в одном: 1917 год – важнейший год не только для отечественной, но и мировой истории.

При обсуждении приводится множество причин и предпосылок: ввязывание в Первую мировую войну, слабая экономика, развал в армии, недееспособное и нерешительное самодержавие, недоверие к власти, оппозиционная олигархия и интеллигенция, поддержка революции из-за рубежа, «придворная камарилья» и т.д. Остановимся подробнее на некоторых из этих аспектов.

Если говорить об участии России в Первой мировой войне, то, вероятно, Николай II считал, что победой он сможет восстановить утраченное доверие. Россия, которая выступила бы в числе государств, победивших Германию, Австрию и Венгрию, стала бы своего рода историческим оправданием[2]. Воз-

[1] *Никонов В.А.* 1917 год в истории России. Выступление на научной сессии Общего собрания РАН, посвященного Году российской истории. 17–18 декабря 2012 г.

[2] См.: Россия в Великой войне 1914–1918 годов. Образы и тексты / Под ред. А.К. Сорокина и А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, Б.С. Котов, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Ширинянц. М., 2014.

ложение Николаем на себя обязанностей верховного главнокомандующего вызвало неоднозначную реакцию даже среди непосредственных участников тех событий. Вот что писал в своих воспоминаниях А.И. Деникин: «*В армии этот... акт не произвел какого-либо впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос, кто будет начальником штаба*»[3]. *А вот слова А.А. Брусилова: «Преступны те люди, которые не отговорили... императора Николая II возложить на себя те обязанности, которые он по своим знаниям, способностям, душевному складу и дряблости воли, ни в коем случае нести не мог»*[4]. Со стороны Николая II это действительно был рискованный шаг. Ведь все поражения, которые страна переживала после этого, связывались бы непосредственно с личностью императора, а это дополнительно дискредитировало монархический принцип.

Рассматривая экономическое положение России после столыпинских реформ, можно констатировать, что страна имела определенные успехи в этой области. Так, промышленное производство в период с 1860-х гг. и до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на 5% в год. Этот показатель был даже выше, чем в некоторых странах Западной Европы. Доля отечественной промышленности в мировом производстве в это время составляла 8,2 %, что позволяло России занимать четвертую позицию в мире по индустриальным показателям.

Однако эти достижения, в контексте нашего исследования, имели и отрицательную сторону. Капиталистический путь развития способствовал возникновению в России в короткие сроки класса очень богатых людей – промышленников. При этом в конце XIX в. годовой доход жителя Российской империи был в среднем в 3 раза меньше дохода немца, в 4 раза меньше дохода француза, в 5 раз меньше дохода англичанина и в 6 раз меньше дохода гражданина США. Безусловно, новоявленная российская буржуазия в лице банкиров, владельцев заводов и фабрик, железнодорожных магнатов и т.д. не только не имела поддержки в народе, но и вызывала ненависть и раздражение. Расслоение общества на очень богатых и очень бедных вызывало недовольство простых людей, провоцировало их на совершение протестных действий, подогревало революционные настроения в обществе.

Кроме того, предпринимательский класс принимал участие в организации военно-промышленных комитетов, которые впоследствии стали инструментом дестабилизации власти Николая II. Из этой среды вышли деятели, которые активно участвовали в революции и даже вошли в состав Временного правительства. Например, лидером октябристов стал Александр Гучков, представитель известной и влиятельной семьи банкиров.

Ситуация при царском также дворе не способствовала усилению доверия к монархии. Многие полагали, что Николай подвергался сильному влиянию со стороны Григория Распутина и Александры Федоровны, слух о предательстве которой широко тиражировался в обществе. Присутствие во дворце Распутина дало повод воспринимать его как человека, подчинившего своей воле царскую семью. Политическое убийство придворного фаворита *17 декабря 1916 г. в Петрограде* ничего не смогло изменить. В умах людей уже сложился

---

[3] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (Февраль–сентябрь 1917 г.) // Соч. в 5 т. Т. 1. Париж, 1921. С. 11.

[4] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 41.

образ Николая как слабого, ведомого, склонного к мистицизму человека. Оппозиция умело пользовалась ситуацией: новости о скандалах при дворе быстро доносились не только до гражданского населения, но и до воюющей армии. Чехарда с главами ведомств тоже отрицательно влияла на стабильность в стране. Так, с сентября 1915 по февраль 1917 г. произошло 24 назначения на посты министров. Как следствие, революционные настроения в обществе и армии все больше набирали силу.

Говоря о причинах революции, невозможно обойти стороной вопрос участия в ней интеллигенции. Особенностью российской интеллигенции было то, что она сильнее, чем где-либо, противопоставляла себя действующей власти. Вот что писал П.Б. Струве: *«В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции – ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции... В момент государственного преобразования 1905 года отщепенские идеи... всецело владели широкими кругами русских образованных людей...* Ни в одной великой революции идея низвержения монархии не являлась наперёд выброшенным лозунгом»[5]. *Отечественная интеллигенция, находясь под влиянием* идей французских просветителей XVIII в. и немецких материалистов XIX в., с энтузиазмом принялась за свержение государственного строя. Именно из образованных людей состояли политические партии, выступавшие против самодержавия, в том числе и террористическо-экстремистской направленности. О роли интеллигенции пишет и А.А. Ширинянц в статье «Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв.»[6].

Можно еще много рассуждать о других возможных причинах революционных событий в России: нерешительности Николая, его неспособности дать отпор оппозиционным силам, отсутствии поддержки со стороны церкви и армии, неудачах на фронте, подковерной дипломатии, иностранных пиар-кампаниях и т.д. Самодержавие в России стало жертвой череды ошибок, событий и обстоятельств.

Однако революция – это всегда дело рук человеческих. Это попытка получить власть одной группой людей, манипулируя проблемами или светлыми идеалами других. События в России начала XX в. показали важность вопроса ответственности власти, элит и всего общества за свою страну и народ.

Сегодня чрезвычайно важно прийти к пониманию того, что единственный правильный способ решения проблем и конфликтов – это умение вести диалог, вместе искать выход из сложившейся ситуации. Анализируя прошлое, мы не должны допустить раскола общества на тех, кто поддерживает революционные события в России и тех, кто их не приемлет. Все должны усвоить важный и до сих пор актуальный урок, который преподнес нам 1917 год, найдя при этом не разъединяющие, а консолидирующие начала, опираясь на максимально объективную оценку исторических фактов.

Сегодняшние драматические события на Украине – вот пример плохо выученного урока столетней давности.

---

[5] *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 1909. С. 137.

[6] *Ширинянц А.А.* Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 9. С. 28–32.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР В 1989 ГОДУ

Лапаева Антонина Сергеевна
(Челябинский государственный университет)

Прошла почти четверть века с момента отстранения от власти КПСС и распада СССР. События 1980-х гг. повлияли на смену социально-политической и экономической систем государства, произошла трансформация сознания советских граждан. Реформы, проводимые руководством с целью укрепления социалистической системы, привели к противоположным результатам.

В данном контексте представляет особый интерес формирование и деятельность институтов государственной власти в годы перестройки, одним из которых являлся Съезд народных депутатов СССР. Избирательная система претерпевала изменения, оставаясь по-прежнему в условия однопартийности.

1 декабря 1988 г. Верховный Совет СССР принял Закон СССР «О выборах народных депутатов СССР», в котором закреплялась новая избирательная система. Одновременно были внесены поправки в Конституцию СССР, касающиеся системы и принципов деятельности Советов народных депутатов, избирательной системы СССР.

Отныне на выборах в местные Советы депутатов трудящихся граждане СССР впервые получили возможность ограниченного выбора между несколькими кандидатами. Законом вводился важнейший принцип избирательного права – принцип состязательности.

В 1936–1987 годах выборы в СССР были всеобщими, равными, прямыми и тайными. Формально советская избирательная система обладала всеми наиболее важными признаками последовательно демократической системы выбора народных избранников. Фактически же выборы, сохраняя свою легитимизирующую роль, приобрели характер формальной, ритуальной процедуры, которая ни в какой мере не влияла на характер и состав руководящих государственных органов[1]. Теоретически выдвигать альтернативных кандидатов согласно доперестроечному законодательству не запрещалось. Правом на выдвижение обладали общественные организации, а также трудовые и воинские коллективы[2]. Но на практике участие населения в выборах превратилось в необременительную привычку, а роль института выборов была крайне незначительна.

---

[1] *Журавлев В., Фортунатов В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 49.

[2] *Фокин А.А.* «Депутат – слуга народа»: принципы выдвижения кандидатов как элемент советской демократии в 1960–1970-х гг. // Управление в современных системах. 2014. № 3. С. 47.

Согласно новому Закону о выборах народных депутатов на территории СССР было образовано 1500 одномандатных округов: 750 территориальных и 750 национально-территориальных. Кроме того, одна треть депутатов избиралась от общественных организаций, что вызвало особое недовольство сил, называвших себя демократическими[3].

На этапе выдвижения от общественных организаций, на съездах, конференциях, пленумах их общесоюзных органов на 750 депутатских мандатов претендовало более двух тысяч кандидатур. Руководство многих общественных организаций составило список рекомендованных претендентов – 8 общественных организаций – имевших в сумме 216 мандатов, обошлись без альтернативных кандидатов[4].

На рассмотрение вышестоящих партийных комитетов было предложено 31,5 тысячи кандидатов. Пленум ЦК КПСС в январе 1989 г. принял без изменений список, подготовленный Политбюро из 100 человек (выбранный из 312 предложенных кандидатур)[5] – «Красная сотня», как сразу окрестили список в народе.

Но все же время бесконфликтного «единодушия» прошло. Достаточно вспомнить собрание в Академии наук СССР с его неожиданным финишем, протестами во все инстанции, митингом недоверия к собственной избирательной комиссии. Более 50 писем и телеграмм (в т.ч. коллективных) пришло Центральную избирательную комиссию с несогласием по поводу выдвижения кандидатов в народные депутаты от АН СССР.

С 22 января 1989 г. в Рязани, Москве, Куйбышеве и других городах происходили несанкционированные предвыборные митинги, организованные группами поддержки депутатов А.Д. Сахарова, Б.Н. Ельцина и других.

Новизна общественной атмосферы особенно ярко проявилась в накале страстей при выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР. Если в прошлые выборы в Центральную избирательную комиссию поступило лишь 245 писем и телеграмм, касающихся непосредственно этой процедуры, то за 1,5 месяца до выборов 1989 г. этих обращений в 10 раз больше[6].

Тем не менее, безальтернативными были 26,6 % выборов по территориальным и национально-территориальным избирательным округам (в 399 из 1500 округов в избирательные бюллетени было включено по одному кандидату)[7].

По большинству округов баллотировались не менее двух кандидатов – те, кто прошел окружные избирательные комиссии. Данный орган служил своеобразным «фильтром» на пути к официальной регистрации кандидатов.

---

[3] Закон СССР от 01.12.1988 «О выборах народных депутатов СССР». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=14.

[4] Избрание народных депутатов СССР в 1989 году от общественных организаций. URL: http://www.cikrf.ru/banners/20let_vib/churov_20let_vib_izbranie.html

[5] Материалы Пленума ЦК КПСС. М., 1989. С. 14.

[6] Закон СССР от 01.12.1988 «О выборах народных депутатов СССР». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=14

[7] Сообщение Центральной избирательной комиссии // Правда. 1989. № 95. С. 1.

К примеру, по 10 территориальным округам Челябинской области в сумме было выдвинуто 82 кандидата, а прошли окружные избирательные комиссии и были представлены к регистрации лишь 22 кандидата[8].

Во время выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР проявились нарушения Закона о выборах, вызванные как отсутствием достаточного опыта в этом деле, так и сохранением стереотипов мышления. Зачастую нарушался главный принцип избирательного права, пропагандируемый в данной кампании – гласность при подготовке и проведении выборов (ст. 7). К примеру, из бесед с коллективом одного из заводов г. Челябинска было ясно, что о собрании по выдвижению кандидатов в Совет народных депутатов члены коллектива узнали лишь в тот день, когда пришли на работу и о повестке узнали только на нем. А некоторые считали, что это производственное совещание[9]. Трудовые коллективы из-за отсутствия полной информации о выдвижении не могли воспользоваться правом на выдвижение своих кандидатов, а также правом самовыдвижения, соглашаясь с уже выдвинутыми кандидатурами.

Что касается такого важного аспекта как фальсификация результатов выборов, то документальных подтверждений этому предположению нет. В наибольшей степени корректировке подвергались данные о явке. Как считает ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Л. Бызов, явка, превышающая 70 %, подтасована. В выборах народных депутатов СССР по избирательным округам приняли участие 89,8 % избирателей: самая высокая явка была в Азербайджанской ССР – 98,5 %, самая низкая – в Армянской ССР – 71,9 %. По РСФСР явка составила 87 %: от 96,6% в Тамбовской области до 76 % в Мурманской области[10]. Искажались и цифры, отражающие протестное голосование, хотя в меньшей степени.

26 марта 1989 г. были избраны 1958 народных депутатов СССР из 2250. Среди депутатов членов и кандидатов в члены КПСС – 87,6 %; беспартийных – 12,4 %; членов ВЛКСМ – 5,8 %[11].

Несмотря на общенародные ожидания и надежды, связанные с созывом и деятельностью СНД, значительная часть избирателей критично оценивала состав депутатского корпуса страны. 52 % опрошенных считали, что из них достойны своего высокого звания лишь примерно половина, меньшинство или даже отдельные депутаты, 18 % затруднились определить[12].

Новая практика выборов по сравнению с предыдущим опытом советской избирательной системы была весьма прогрессивна. Менялось и само восприятие народного депутата как нового типа руководителя государства. Но все же советское общество еще не научилось пользоваться инструментами демократии, сохранялось стереотипное мышление, поэтому первые шаги были сопряжены со многими трудностями.

---

[8] ОГАЧО. Р-274. Оп. 10. Д. 3416. Л. 44.

[9] ОГАЧО. Р-274. Оп. 10. Д. 3276. Л. 69.

[10] Сообщение Центральной избирательной комиссии // Правда. 1989. № 95. С. 1.

[11] Там же.

[12] *Афанасьев А.* Выбор. Время революционных преобразований. М., 1988. С. 86.

ВОПРОС ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ДИСКУССИЯХ ПРЕЗИДИУМА АН СССР В ОКТЯБРЕ 1989 – ЯНВАРЕ 1990 г.[1]

Лаптева Татьяна Николаевна
(Архив РАН)

Вопрос создания отдельной республиканской Академии наук для РСФСР впервые публично был поднят академиками АН СССР Н.Н. Моисеевым и В.А. Коптюгом в их интервью для прессы[2]. В эпоху «парада суверенитетов» идея витала в воздухе. Оба ученых призывали к созданию самостоятельной российской академии и передаче в ее ведение всех научно-исследовательских институтов, расположенных на территории России.

Обсуждение в стенах Президиума АН СССР началось после обращения Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В.И. Воротникова и Председателя Совета Министров РСФСР А.В. Власова в ЦК КПСС с предложением о создании российской академии, в которую они предлагали включить институты Дальневосточного, Сибирского и Уральского отделений АН СССР, научные филиалы и центры союзной академии. Записку поддержали президент АН СССР Г.И. Марчук и главы названных выше отделений: В.А. Коптюг, Г.А. Месяц и В.И. Ильичев. К этому моменту существовало не менее четырех проектов Академии наук России.

Объявление данного вопроса в стенах Президиума АН СССР на заседании 10 октября 1989 г. вызвало недоумение, академики не были готовы обсуждать эту тему[3]. Первым же предложением прозвучали слова А.В. Фокина: «А если вообще не создавать?» На что председатель собрания Г.И. Марчук, проясняя ситуацию, ответил: «Я думаю, мы не сможем этот вопрос удержать»[4]. Таким образом, начало обсуждения и все последующие дискуссии прошли в формате вынужденности и навязанности.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Фундаментальная наука в дискуссиях Президиума Академии наук в период смены идеологической парадигмы (1980-е – 1990-е годы): комплексное исследование уникального архивного фонда» № 16-01-00403.

[2] *Моисеев Н.Н.* Мысли о будущем Российской академии [беседа с акад. Н.Н. Моисеевым / вел В. Денисов] // Советская Россия. 1989. 16 августа. С. 4; *Коптюг В.А.* Быть ли Российской Академии наук: [беседа с пред. Президиума СО РАН акад. В.А. Коптюгом / вел И. Глотов] // Наука в Сибири. 1989. 22 сентября. С. 2–3.

[3] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 10 октября 1989 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1542. Л. 197–199.

[4] Там же. Л. 197.

Первая полноценная дискуссия в Президиуме академии состоялось неделю спустя и продлилось почти 5 часов[5]. Рассматривались два основных варианта организации новой академии: в качестве научного общества без исследовательских институтов, координирующего работы по экономическим, социальным и культурным проектам российской тематики, и второй вариант, связанный с созданием на первом этапе российского отделения союзной академии и передачей ему всех ресурсов, находящихся в России, с последующей уступкой ему всех полномочий и превращением союзной академии в научное общество без институтов.

Самые острые споры вызвал вопрос возможной передачи исследовательских институтов в республиканское переподчинение, чреватое разрывом научных связей и снижением эффективности их работы. Одни (В.А. Кириллин, В.А. Коптюг) предлагали передать в РАН все научно-исследовательские институты союзной академии, другие (Н.Н. Боголюбов, М.А. Марков, А.А. Логунов) настаивали на том, чтобы не передавать ни одного, третьи (П.Н. Федосеев, Г.А. Месяц, В.И. Субботин, И.Ф. Образцов) предлагали передать часть институтов или подчинить республиканской академии ведомственные институты и центры. Несмотря на критические высказывания ряда авторитетных членов Президиума (А.А. Гончар, Ю.А. Буслаев, В.Т. Калинников, Г.П. Свищев, В.М. Тучкевич) три четверти выступивших на этом заседании одобрили создание РАН в ближайшее время.

В ходе дискуссии так и не удалось сформировать общность мнений, необходимую для конструктивного обсуждения. С одной стороны, РСФСР в разваливающемся Советском Союзе действительно нуждалась в собственных общественных институтах. Наиболее эмоционально этот тезис отстаивал Г.А. Месяц: «Товарищи, мы каждый вечер слушаем выступления в Верховном Совете: “Сувэрэнная рэспублика Литва...” Я считаю, что суверенная республика Россия имеет право поставить вопрос о Российской академии, если она думает о будущем»[6]. С другой стороны, все научные интересы и потребности России были полностью обеспечены системой АН СССР. Наиболее ярко эту мысль выразил В.А. Кабанов, заявивший, что «для того чтобы понять положение, в котором мы сейчас находимся, [...] представьте себе, что нет республик. Тогда было бы достаточным переименовать нашу академию в Академию наук России. И вопрос был бы решен»[7]. Объединяло участников дискуссии желание не навредить большой академии, выражавшееся в призывах сохранить ее целостность.

Для анализа всех прозвучавших мнений и аргументов 24 ноября 1989 г. состоялось заседание рабочей группы Президиума, на котором должны были быть подготовлены конкретные предложения по организации новой научной структуры. Академики имели более месяца для обдумывания, консультаций и избрания наиболее подходящей модели новой академии. Открывая засе-

---

[5] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 17 октября 1989 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1543. Л. 15–150.

[6] Выступление Г.А. Месяца на заседании Президиума АН СССР 17 октября 1989 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1543. Л. 100.

[7] Выступление В.А. Кабанова на заседании Президиума АН СССР 17 октября 1989 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1543. Л. 145.

дание, Г.И. Марчук просил группу ограничиться серьезным рассмотрением единственного варианта – академии без научных институтов, но с собственными материальными ресурсами для финансирования необходимых России исследований путем выделения грантов союзным академическим институтам.

Четкого представления о том, чем могла бы заниматься эта академия? никто не имел. Г.И. Марчук и Ю.А. Осипьян предложили определить четыре сферы, в которых она могла бы работать: культура, экология, природные ресурсы и проблемы региональной экономики. Был поднят вопрос о персональном составе российской академии, но развития не получил, так как в этой части проект не был проработан. Не совсем ясным оставался также вопрос о фундаментальных исследованиях.

Главным достоинством проекта было то, что состав, структура и принципы работы союзной академии не менялись. Проект имел ряд недостатков, наиболее очевидным из которых была его недостаточность для удовлетворения общественного мнения, очевидная неполноценность этой академии. Тем не менее предлагаемый вариант был признан «наиболее оптимальным, наиболее здравым»[8], его поддержали все присутствующие, кроме А.А. Гончара.

9 января 1990 г.[9] члены Президиума АН СССР обсуждали представленный председателем рабочей группы Верховного Совета РСФСР по созданию РАН В.А. Коптюгом доклад по вопросам структуры будущей академии и порядку избрания ее членов. Проблемы вызвали оживленную дискуссию, прозвучало множество предложений. В течение недели после заседания все замечания были учтены, и 16 января 1990 г. Президиум утвердил проект устава новой структуры, предполагающий, что АН РСФСР не имеет институтов, работает как фонд и управляет наукой путем выделения грантов, координирует свою работу с АН СССР на уровне Президиумов, персональный состав новой академии будет избран академиками и членами-корреспондентами АН СССР.

В ходе дискуссии члены Президиума постоянно возвращались к принципиальным вопросам обсуждаемого проекта, к решению неизбежно имеющих возникнуть в будущем противоречий, особенно касающихся взаимодействия союзной и российской академий. После яркого выступления А.А. Гончара многие (Ж.И. Алферов, С.С. Шаталин, Л.М. Бреховских, А.С. Спирин и др.) предлагали вернуться к обсуждению целесообразности основания РАН, выдвигая многочисленные основания в пользу мнения, что «создавать российскую академию сегодня – это вредно, преждевременно и неправильно»[10], что это решение «совершенно неправомочно, оно не будет соответствовать тому, чего требует жизнь»[11]. Многие академики изменили свое мнение, сторонники немедленного создания РАН оказались в меньшинстве.

---

[8] Выступление Г.А. Месяца на заседании рабочей группы Президиума АН СССР 24 ноября 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1546. Л. 245.

[9] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 9 января 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1597. Л. 150–187.

[10] Выступление В.И. Субботина на заседании Президиума АН СССР 16 января 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1598. Л. 236.

[11] Выступление В.М. Тучкевича на заседании Президиума АН СССР 16 января 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1598. Л. 240.

На изменение позиции большинства собравшихся повлияло понимание того, что роль российской академии на протяжении всей своей истории исполняла академия Союза ССР. Открыто эту позицию высказывали В.А. Котельников, А.Д. Мирзабеков и В.А. Кабанов, заявивший: «Мы были российской академией по существу всегда. Мы – она и есть»[12].

Участники обсуждения сознавали, что вопрос российской академии предрешен. В этом смысле дискуссии были обсуждением принятых решений. По словам А.А. Гончара «Президиум обсуждает некоторую проблему с наперед заданным ответом»[13]. Было ясно, что вернуть обсуждение вспять не удастся; устав, учитывающий поправки собравшихся, был одобрен.

24 января 1990 г. был подписан указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об учреждении Академии наук Российской Федерации». Дальнейшая организация РАН шла без участия союзной академии как организованного сообщества

[12] Выступление В.А. Кабанова на заседании Президиума АН СССР 16 января 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1598. Л. 224.

[13] Выступление А.А. Гончара на заседании Президиума АН СССР 16 января 1990 г. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1598. Л. 224.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989 гг.)

Лепаловская Валерия Александровна
(Уральский государственный военно-исторический музей)

Официальные документы по истории вооруженных конфликтов второй половины XX века часто остаются засекреченными и недоступными для изучения. К ним относится и участие Ограниченного контингента советских войск (далее – ОКСВ) в Афганской войне (1979–1989 гг.).

Среди официальных источников[1] можно выделить незначительное количество документов, встречаемых в книгах участников войны, находившихся на командных должностях в 40-й армии. Кроме того, поскольку 40-я армия входила в состав Туркестанского военного округа на нее распространялись приказы и директивы Министерства обороны СССР по этому округу, которые доступны как утратившие силу. Некоторые данные мы можем выявить и в СМИ.

Однако существуют доступные для изучения материалы, к которым относятся эго-документы и устные исторические источники. Безусловно, они не могут стать основой для исследования хронологии войны, но позволяют раскрыть другие важные аспекты: повседневную жизнь военнослужащих и психологию комбатанта на войне.

Источники личного происхождения представлены свидетельствами участников событий.

Наиболее доступные из них – воспоминания. В них за основу взяты реальные события, пережитые автором. Но в силу особенностей личности, мировоззрения, свойств памяти факты в них излагаются выборочно и подаются под оценочным суждением автора[2]. Именно это делает воспоминания ценными источниками для понимания комбатанта.

Публикация воспоминаний участников Афганской войны началась еще до её окончания и, как правило, занимаются этим общественные ветеранские организации. Пишут не только участники войны, имеющие высокие звания и должности, но и рядовые военнослужащие. Воспоминания последних пред-

[1] За основу взята классификация Л.Н. Пушкарева.

[2] *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 634.

ставлены обычно в составе сборников и объединены либо по принципу места службы[3], либо места проживания ветеранов[4].

Источником личного происхождения, раскрывающим историю повседневной жизни, также являются эпистолии участников событий. Письма несут фрагментарные, бессистемные сведения и минимум фактологической информации. Однако их текст дает специалистам возможность проанализировать эволюцию личности, оказавшейся в экстремальных условиях войны, и воссоздать фронтовую повседневность[5]. Но для более полного раскрытия темы требуется привлечение большой совокупности писем.

Опубликованных сборников писем участников Афганской войны на данный момент нам не известно. В рамках Свердловской области удалось выявить значительные коллекции эпистолий в фондах Музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави» и Музея ВДВ «Крылатая гвардия», а также отдельные письма в музеях области. Всего было введено в научный оборот 320 писем 56 военнослужащих.

Анализ писем участников войны в Афганистане показал, что при их изучении следует уделить внимание таким факторам. Во-первых, письма подвергались проверке военной цензуры, о чем помнили военнослужащие. Во-вторых, бойцы стремились оградить близких от тревоги за них.

Несмотря на то, что по содержанию «афганские» письма достаточно схожи, эпистолии можно разделить на две группы – к родственникам и друзьям. От адресата часто зависела степень достоверности и круг тем. Бойцы писали своим семьям чаще об устройстве быта, распорядке дня, тоске по дому, мечтах о будущем и т.д. В письмах к друзьям прослеживаются те же темы, но в них они более откровенно делятся своими ощущениями от участия в боевых действиях. Последних сохранилось значительно меньше, т.к. чаще писали домой, и именно семьи выступали сдатчиками писем в музей.

Для изучения повседневной жизни следует также привлекать устные исторические источники, созданные с помощью методологии «oral history». Устная история – это практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированная специалистами[6]. Интервью позволяют реконструировать прошлое, воссоздать такие факты, явления, которые были бы недоступны исследователю иным путем. Данные источники обладают рядом особенностей. Во-первых, рассказам очевидцев событий присуща субъективность. Во-вторых, интересующие факты и момент интервью разделены временным промежутком. С течением времени

---

[3] 15 бригада спецназа: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев. М., 2009.

[4] Афганистан живет в моей душе. Воспоминания качканарцев – участников Афганской войны. Сост. *Титовец М.И.* Екатеринбург, 2006.

[5] *Сенявская Е.В.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежедневник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–19.

[6] *Шмидт С.О.* Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 262.

происходит ослабление событийной насыщенности и эмоциональной составляющей памяти человека, а на индивидуальный исторический опыт оказывают воздействие созданные обществом и государством формулы «официальной» памяти.

Нами был разработан опросник для ветеранов войны, состоящий из двух блоков. Первый включал вопросы об устройстве быта, второй затрагивал морально-психологические аспекты пребывания бойца в экстремальных условиях войны. Беседа строилась по принципу «вопрос-ответ», но виделось целесообразным не прерывать рассказчика, если он отходил от темы. В результате были получены не только ответы на вопросы, но и затронуты важные для респондента темы. Всего было опрошено 17 ветеранов, проживающих в Свердловской области. Текст интервью анализировался с помощью парадигматического метода[7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что источники личного происхождения и устные исторические источники могут дать богатый материал для изучения повседневной жизни Ограниченного контингента советских войск, а также позволяют исследовать морально-психологический аспект пребывания человека в экстремальных условиях войны, понять его ментальность.

[7] *Грил Р.* Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью // Хрестоматия по устной истории / Пер., составитель, введение, общ. ред. М.В. Лоскутова СПб: Издательство Европейского университета. С. 297.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МАКСИМАЛИСТОВ

Лепихина Наталья Александровна
(Государственная Дума Федерального Собрания РФ)

В начале XX в. некоторые революционные организации активно использовали терроризм в борьбе за изменение государственного режима и экономического строя. Особое место в волне политически мотивированного насилия занимает деятельность Союза эсеров-максималистов (ССРМ), сформированного в октябре 1906 г. на базе течений, отколовшихся от Партии социалистов-революционеров (ПСР).

Для реализации террористических планов в центре и на местах максималисты создали боевые подразделения. Осуществление покушений общегосударственного значения было поручено Боевой организации (БОМ), образованной в Петербурге весной 1906 г. еще до формального учреждения Союза. Ее работой руководил Исполнительный комитет, возглавляемый М.И. Соколовым-«Медведем», в состав которого вошли Н.С. Климова, Н.А. Терентьева, В.Д. Виноградов, М.Д. Закгейм, К.С. Мыльников и С.Я. Рысс[1]. По подсчетам, к июлю 1906 г. Боевая организация насчитывала 60 человек[2].

Непосредственной подготовке покушений Союза предшествовало формирование его собственного видения вопросов программы и тактики. Проанализировав историю практического применения терроризма эсерами, максималисты решили не отбрасывать накопленный ими опыт, а усовершенствовать принципы подготовки террористических актов в духе партийной программы.

Методы боевой работы, отраженные в Уставе Боевой организации Партии социалистов-революционеров (БО ПСР), не вызвали противоречий в рядах максималистов. Устав БО ПСР был принят в августе 1904 г. в Женеве на пике популярности и эффективности применения терроризма[3]. В нем сильнее, чем в проекте, составленном весной 1903 г. П.С. Поливановым, проводилась идея минимального контроля над деятельностью Боевой организации со стороны партии[4]. Устав, авторство которого принадлежало эсеру-террористу Б.В. Са-

---

[1] *Нестроев Г.А.* Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 62–63; *Григорович Е.Ю.* Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925. С. 36.

[2] *Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 166–167.

[3] Устав Боевой организации ПСР // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М., 1996. С. 149–151.

[4] *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 68.

винкову, закрепил устоявшиеся формы подготовки покушений и сложившиеся отношения с руководством ПСР.

Во-первых, главной задачей Боевой организации провозглашалась «борьба с самодержавием путем террористических актов»[5]. Во-вторых, в Уставе подчеркивалась техническая и организационная самостоятельность БО ПСР, апогеем которой можно считать наличие собственной кассы, что гарантировало ей финансовую независимость и свободу выбора методов подготовки покушений. В-третьих, было зафиксировано осуществление связи с руководством партии через уполномоченного, избираемого Комитетом Боевой организации. Комитет считался ее коллегиальным руководящим органом, состоящим из числа всех ее членов[6]. В-четвертых, устанавливалась зависимость БО ПСР только от общих указаний ЦК ПСР, касающихся круга лиц, против которых должна быть направлена ее деятельность, и момента полного или временного прекращения подготовки террористических актов по политическим мотивам. В-пятых, в Уставе подчеркивалось, что деятельность Боевой организации строилась на началах строгой конспирации[7]. Все это позволило боевикам быть свободными от контроля со стороны партии над деталями подготовки покушений при соблюдении строгой дисциплины внутри организации и подчинении ее непосредственному руководителю.

Рассмотренные выше методы подготовки террористических актов, взятые за основу деятельности Боевой организации Союза, были доработаны в соответствии с партийным видением террористической борьбы. Во-первых, целью боевой работы максималистов была не только подготовка покушений против высшего руководства Российской империи, но и осуществление актов экономического террора. Во-вторых, хотя за основу деятельности БОМ был взят внедренный эсерами метод наружного наблюдения, но применялся он не против конкретного представителя властных структур, чья политика негативно оценивалась партией, а против любого, кого легче было устранить, вызвав общественный резонанс. Согласно сведениям М.М. Энгельгардта, Союз не имел одной намеченной цели и одновременно выяснял «условия и возможность выполнения различных террористических предприятий»[8].

В-третьих, максималисты осуждали сохранившийся минимальный контроль эсеровского руководства над деятельностью Боевой организации, связанный как со следованием общепартийных указаний, так и жесткой дисциплиной внутри организации. С точки зрения максималистов, БО ПСР «была крайне централизованной вплоть до полного подчинения всех членов организации одному, «сверху» назначенному... и отсутствия права обсуждать план террористического нападения, который передавался им готовым и выполнять который они должны были беспрекословно»[9]. Такой принцип построения, по оценке теоретика Союза Г.А. Нестроева, имел как плюсы, важнейшим из

---

[5] Устав Боевой организации ПСР // Указ. соч. С. 149.

[6] Там же. С. 150–151.

[7] *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 2009. С. 77–78, 82–83.

[8] *Энгельгардт М.М.* Взрыв на Аптекарском острове // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Под ред. О.В. Будницкого. Ростов-на-Дону, 1999. С. 259.

[9] *Нестроев Г.А.* Указ. соч. С. 59–64, 152–153.

которых являлось сосредоточение всех сил и средств воедино, так и минусы, главнейшим из которых была опасность проникновения в организацию провокатора[10].

Боевая организация Союза, созданная еще до его непосредственного учреждения, согласно воспоминаниям Г.А. Нестроева, вошла в него на началах практически полной независимости: «Фактически это была совершенно самостоятельная, ничего общего не имеющая с Союзом, организация, поставляющая и исполняющая свои дела независимо»[11]. Осуждая эсеровский централизм, максималисты построили свою боевую работу на принципе децентрализации. Не руководство ССРМ выбирало конкретную цель террористической компании, а сами боевики, которые лишь извещали его о произведенном ими теракте. Все это еще больше минимизировало контроль над деятельностью Боевой организации.

Подводя итог рассмотренным выше организационным принципам деятельности Боевой организации максималистов, можно сделать следующие выводы. Союз эсеров-максималистов в соответствии с его представлениями о террористической борьбе попытался усовершенствовать разработанную эсерами модель ее ведения. Представления неонароднических партий о методах подготовки покушений имели как общее, так и существенные разногласия.

Признавая базовые принципы организации террористических актов, зафиксированные в Уставе Боевой организации ПСР, максималисты дополнили их собственными положениями, идущими в русле расширенной трактовки террористической тактики, сторонниками которой они являлись. Призывая к массовому не только политическому, но и экономическому террору, Союз считал возможным принимать решение о целесообразности осуществления покушений силами самих боевиков, исходя как из их резонансности и влияния на политическую ситуацию, так и быстроты их осуществления. Таким образом, партийное руководство и контроль над деятельностью Боевой организации сводился к минимуму, что фактически делало ее независимой структурой. Модернизированные организационные принципы подготовки терактов должны были стать залогом успеха террористической компании Союза, способствуя дальнейшей дезорганизации, деморализации, дестабилизации власти и общества путем использования всех возможных видов террора.

[10] Там же. С. 153.

[11] *Нестроев Г.А.* Указ. соч. С. 75.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ТРУДАХ ИДЕОЛОГОВ ПОЧВЕННИЧЕСТВА

Лещева Венера Рафаэльовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Главным призывом, который провозглашали почвенники, было объединение всех сословий российского общества. И основой этого объединения должно было стать новое национальное самосознание, многообразие черт которого идеологи суммировали в смыслообраз «почва». В контексте критики почвенниками «оторванности» русского образованного общества от «почвы», принципиальным вопросом для них стало определение границ национального и общечеловеческого.

Будучи убежденными, что каждая нация имеет свою самостоятельную роль в мировом историческом и политическом процессе, почвенники активно выступали против призывов насаждать в России черты западного буржуазного прогресса. По мнению почвенников, после реформ Петра I мы все живем в расколотом обществе. Его агрессивная политика заимствования привела к появлению пропасти между народом и европейски образованным дворянством. Европейская образованность, по мнению почвенников, на Руси продолжает конфликтовать с самобытностью русского национального мирочувствия на уровне базовых ценностей. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору. Он называл их немецкими, последователей великого царя – иностранцами. Уже одно нравственное распадение народа с его высшим сословием, с его вожатаями и предводителями показывает, какою дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь»,[1] – писал Ф.М. Достоевский.

«Народ – это не просто группа людей, объединенная общим языком, территорией и культурной традицией, – писал один из главных идеологов почвенничества А.А. Григорьев. – Народ, прежде всего, понимается как народный организм, которому свойственна надындивидуальная целостность и единство. Такой народный организм выступает основным субъектом истории и составляет вместе с другими народами ее живую органическую ткань»[2]. Григорьев говорил, что на народные интересы нужно смотреть именно с такой

[1] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч., СПб., 1883. Т. 13. С. 497.

[2] *Григорьев А.А.* Критический взгляд на основы, значения и приемы современной критики искусства // *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность. М., 1986. С. 50.

точки зрения. Он продолжал: «Каждое общество, каждый народ – подразумевается правильно и свободно развившиеся – носят в себе известные органические начала жизни, отражающиеся более или менее определенно и неуклонно во всех внешних явлениях их существования, – в нравах, обычаях, даже предрассудках, освященных веками. Этих начал, если они есть действительно, ни мысль, ни литература трогать безнаказанно не могут, даже и в самых предрассудках... Если наши вопли поднялись именно за такую органически народную нравственность, тогда факт становится и утешителен и занимателен, как свидетельство зрелости самосознания. А если нет?»[3]

По мнению почвенников, индивидуальность имеют народы, семьи, «расы», а также личности, а народность – это «индивидуальность нации», нечто характерное для народа как целого.

Важно отметить, что хотя почвенники и принимали народ как основной субъект исторического развития и как единую целостность, отдельная личность, по их мнению, не могла «стоять» превыше нации. Однако почвенники считали, что личность и есть «органическая» часть нации, потому в отношениях между личностью и нацией не может быть конфликта. Национальное и личностное выражают себя друг через друга, что говорит об их сложном диалектическом соотношении.

Почвенники подвергали критике славянофильскую идею о «растворении» личности в общине. Они доказывали, что для русского народа всегда были чужды понятия «коллективизм» и «централизация», потому что все эти понятия родом из западноевропейской культуры. «Германо-романская национальность выработала идею централизации, то есть поглощения личности общностью, все равно будет ли эта община папство, ветхозаветная республика пуритан, террор Конвента или фаланстера Фурье»[4], – писал Григорьев. «Близкими» русскому народу почвенники считали идеи соборности, «воцерковления земного порядка».

Будучи непримиримыми противниками заимствования различных форм и институтов западноевропейской культуры, почвенники не разделяли всеобщую убежденность в «прогрессивности» этих институтов для других народов. Достоевский писал: «Народ наш не пойдет по следам европейских революционеров и, не веря в новую пугачевщину, будет терпеливо ждать решения своей судьбы от верховной власти... ни в какой иной путь он не верит»[5].

В своей статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский подчеркивал: «Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому, что только после тщательного изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто общечеловеческий интерес»[6]. Именно такая интерпретация «общечеловеческого» легла

---

[3] *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность // *Григорьев А.А.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990. С. 58.

[4] *Григорьев А.А.* Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Время. 1861. № 4. С. 192.

[5] Письма С.Д. Яновского к Ф.М. и А.Г. Достоевским // Достоевский. Статьи и материалы. М., 1924. Сб. 2. С. 391–392.

[6] *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков // Достоевский Ф.М. Собр. соч. Л., 1993. Т. 11. С. 236.

в основу понимания Достоевского уникальности русского народа, характерными чертами которого для него стали: «всецелость», «всепримиримость» и «всечеловечность».

Н.Н. Страхов, еще один идеолог почвенничества, говорил, что уже два столетия западники выдают западное за общечеловеческое. Это неверно, так как невозможно ограничить мир одними только идеалами Запада. Россия – это самобытная нация, которая имеет особенный путь развития и не нуждается в подражании Европе. По мнению почвенников, данная интерпретация их идеологии основана на понимании народности.

«И думается, что если физически невозможно заставить народ отрешиться от всего им нажитого и выработанного в пользу, положим, и общечеловечного идеала, только добытого в других странах, то неизбежно надобно обращать внимание на народность, если мы хотим какого-нибудь развития народу... Народные инстинкты слишком чутки ко всякому посягательству со стороны, потому что иногда рекомендуемое общечеловечным как-то выходит никуда не годным в известной стране и только может замедлять развитие народа, к которому прилагается. Даже казалось нам иногда, что это желание нивелировать всякий народ по одному раз навсегда определенному идеалу в основе слишком деспотично. Оно отказывает народам во всяком праве саморазвития, умственной автономии»[7].

Таким образом, при решении вопроса о национальном и общечеловеческом, почвенники придерживались принципа исторического национализма. Они говорили о реальности взаимодействия отдельных наций и народов, но не абстрактном прогрессе человечества в целом. Потому понятие «общечеловеческое» рассматривается почвенниками как нечто отвлеченное и неорганическое.

[7] *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков // Достоевский Ф.М. Собр. соч. Л., 1993. Т. 11. С. 55.

ЭКРАННЫЙ ОБРАЗ НИКОЛАЯ II В 1917 ГОДУ

Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив РАН)

Ах, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту!..
Повернул ручку назад – и пошло-поехало...[1]

Революционная борьба в России начала XX в. была борьбой «за умы», за информационное и идеологическое пространство. Одним из первых достижений Февральской революции стало провозглашение Временным правительством свободы слова, собраний и печати. Страницы газет и журналов пополнились публикацией самых разных материалов. Не остался в стороне от потока «сенсационных новостей» и подцензурный ранее кинематограф.

К концу 1916 г. по всей империи насчитывалось около 4 тыс. кинотеатров, которые ежедневно посещало порядка 2 млн человек. В 1917 г. столичный репертуар насчитывал 514 фильмов, половину из которых составляли импортные кинокартины[2]. Как вспоминал монтажер Л.Б. Фелонов, наибольшей популярностью у зрителей пользовались в то время любовные сюжеты и фильмы с трагическим концом. Если какие-то иностранные картины, завершавшиеся, например, счастливым поцелуем, казались недостаточно трагическими, «русские прокатчики от себя снимали трагические концы: она его убивала или он ее убивал. Публика жаждала крови»[3]. В этом изобилии киноисторий были и кинокартины, внесшие свою лепту в развенчание «священного образа» императора[4].

Распутинская аллегория

2 марта Николай II подписал отречение от престола, 8-го был арестован, а уже 12 числа на экраны вышла первая «сенсационная картина» «Темные си-

---

[1] *Аверченко А.Т.* Кубарем по заграницам. М., 2013. С. 97.

[2] *Ханжонков А.А.* Первые годы русской кинематографии. М., 1937. С. 102. См.: *Росоловская В.С.* Русская кинематография в 1917 г. М.; Л., 1937. С. 100–101.

[3] *Фелонов Л.Б.* «Всю свою жизнь я без конца перематываю куски пленки...» // Киноведческие записки. 1999. № 4. С. 359.

[4] Кинематограф начала XX в. хорошо изучен с точки зрения развития киноиндустрии, в гораздо меньшей степени – сами экранные образы, их вариативность, влияние на формирование личностных взглядов и т.д. Сложность подобного анализа фильмов за 1917 г. состоит в том, что многие из них утрачены или сохранились лишь частично.

лы – Григорий Распутин и его сподвижники». Появление нового киногероя (антигероя) по времени совпало с известием о прекращении расследования дела об убийстве Распутина и слухами об осквернении его могилы. Объект многочисленных сплетен и похабных карикатур последних лет царской власти будто вновь «ожил» на киноэкране. «Святой черт», «лучший друг» и «главный советчик» императора – какими только эпитетами не награждали Распутина. В демонизации его образа, намеренном утрировании «способностей» и «влияния» проглядывало не что иное, как продолжение уничижения свергнутого монарха.

Кинокартина пришлась кстати и была востребована публикой. Менее чем через месяц вышло ее продолжение, а затем еще целая серия фильмов аналогичного содержания – «Любовные похождения Гришки Распутина», «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря» и т.п. Образ Распутина, воплотивший весь мрак и безнадежность царского режима, занял прочное место в ассоциативном ряду рядом с Николаем II. Аллегоричность сравнения была замечена не только в России. Быстро и надолго забытый у себя на родине, киногерой Распутин оказался «живуч» и крайне популярен в западном кинематографе[5].

Претензия на достоверность

Фильмы о Распутине во многом вызывали интерес еще и потому, что, помимо банального игрового сюжета, включали кадры кинохроники. В конце 1916 г. кинофирме А.О. Дранкова удалось заснять поиск полицией трупа Григория Распутина и само место убийства у Юсуповского дворца. Использование кинохроники придавало бóльшую убедительность всему происходящему на экране, проецируя иллюзию достоверности и на сцены, сыгранные актерами. Успех «распутинского кино» был построен на злободневности (действующие лица – реальные люди), трагичности (убийство Распутина) и наличии любовной линии («Гришка и Александра», «Николай и Балерина»).

Исследователи советского кино были невысокого мнения о художественной ценности подобных кинокартин, называя их «псевдо-разоблачительными». Дальше показа на экране порочности правящей верхушки дело не шло: Временному правительству выгодно было очернить личность Николая II, но не саму систему, т.к. после Февральской революции продолжали существовать «буржуазные порядки»[6]. Вот почему фактически проигнорированным осталось открытое письмо группы киноактеров, выступивших с протестом против выпуска картины «Темные силы»[7].

Эйфория вседозволенности

Хотя до 1917 г. так и не была установлена государственная монополия на кинематограф, в отношении кинопоказов действовала предварительная цензура. Однако уже тогда владельцам кинотеатров, имеющим большие доходы от кинопрокатов, «не хотелось отказываться от картин, которые пользовались популярностью населения, но запрещались полицией»[8]. Отмена «царской

[5] См.: *Федоров А.В.* Трансформация образа России на западном экране. М., 2015. С. 62–67.

[6] *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 352–353.

[7] Летопись Российского кино. 1863–1929. М., 2004. С. 212, 214.

[8] *Перегудова З.И.* Кинематограф и полиция в России до 1917 г. // Россия и современный мир. 2012. № 2 (75). С. 202.

цензуры» и вовсе породила эйфорию вседозволенности. Помещения театров и кинозалов превратились в пространства политических дискуссий, а содержание кинокартин оставалось на совести кинодеятелей, стремившихся не упустить своей выгоды.

К «распутинскому циклу» добавились фильмы о покушениях террористов на царских чиновников и представителей династии Романовых – «В борьбе обретешь ты право свое», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Софья Перовская» и др., а также кинокартины, выводящие разных одиозных персонажей недавнего прошлого – «Люди греха и крови», «Георгий Гапон», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко» и т.д. В конце концов Временное правительство было вынуждено вернуться к частичной цензуре.

«Царские кинохроники»: новое прочтение

Новый подход в изобличении проблем и противоречий завершившегося правления продемонстрировал фильм «Царь Николай II, самодержец всероссийский». Снятый по сценарию А. Вознесенского режиссером А. Ивониным при участии публициста В. Бурцева, он строился на чередовании кадров «царской хроники» с игровым сюжетом (крестьянский мальчик Петя Горелов попадал в большой город и, увидев все ужасы царской власти, становился революционером). В рекламных объявлениях фильм обозначался как «народная трагедия», рецензенты называли его «агитационной брошюрой на экране». На афишах размещалось шаржированное изображение Николая II в короне, со скипетром и державой в руках на фоне виселиц с повешенными [9]. Это было абсолютно новое прочтение хорошо известных публике «царских кинохроник», демонстрируемых ранее в кинотеатрах с обязательным соблюдением особых предписаний[10].

Картина вышла незадолго до Октябрьской революции, поэтому ее мало кто увидел. Зато, по сведениям «Кине-журнала», показ «некорректированной копии» заинтересовал американских инвесторов, и якобы даже был заключен контракт на продажу негатива фильма в Европу и Америку[11]. В дальнейшем аналогичная техника «параллельного монтажа» с использованием кинохроник применялась в фильмах Э. Шуб «Падение династии Романовых» (1927 г.) и Э. Климова «Агония» (1975 г.), имевших большой успех.

Столичные киноленты 1917 г., посвященные людям и событиям правления Николая II, вывели на экран и закрепили в сознании зрителей резко негативный образ отрекшегося императора. Попустительство Временного правительства и жажда наживы кинопрокатчиков сыграли свою роль в окончательной дискредитации династии. На протяжение веков создаваемый и поддерживаемый облик «помазанника божьего» заменила жалкая экранная копия царя-неудачника, зависимого от своего окружения. Контрастность восприятия, характерная для того периода, прослеживается и в современном кинематографе, что выражается в амбивалентности кинообразов Николая II.

---

[9] *Росоловская В.С.* Русская кинематография в 1917 г. С. 140.

[10] См.: *Лиманова С.А.* «Царская кинохроника» и экранный образ Николая II // Неприкосновенный запас. 2016. № 3 (107). С. 33–44.

[11] Летопись Российского кино... С. 227.

ПОКОЛЕНИЕ РЕФОРМАТОРОВ В КИТАЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Лобова Алиса Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

События периода конца XIX – начала XX века в истории Китая стали во многом переломными для страны, приведя к революции 1911 года, свержению императорской династии Цин и провозглашению *Китайской* республики.

Эти явления стали результатом значительных сдвигов в китайском обществе, появлению нового поколения политических деятелей, таких как Лян Ци-чао, Сунь Ятсен и Тан Сытун, распространению революционных настроений и европеизации, которая угрожала свергнуть традиции конфуцианства.

Началом поворотных событий XIX века для Китая стали две Опиумные войны 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.[1] – военные столкновение Китайской Империи с западными державами (Англия, Германия, Франция, Россия, Япония).

Опиумные войны продемонстрировали слабость династии и усилили социальный кризис. Это побудило многих китайских интеллектуалов признать потребность в изучении западной науки и техники, а также в преобразовании старой системы образования[2].

Данная политика заимствования западных технических знаний известна как политика «самоусиления», выразившаяся в реформах, которые осуществлялись в период с 1861 г. по военный конфликт между Китаем и Японией 1894–1895 гг.[3]

В целях подготовки кадров в рамках нового движения было решено отправлять китайских студентов в иностранные высшие учебные заведения для освоения заморских наук. Это способствовало развитию академической свободы и отходу от конфуцианской системы экзаменов, тем самым изменяя интеллектуальный ландшафт Китая.

В 1871 г. первая китайская образовательная миссия отправилась в Йельский университет Соединенных Штатов Америки. Студенты пребывали там в течение 9 лет[4]. Образовательная миссия была только частично успешна,

---

[1] *Li Shou-kong*. 李守孔 Zhongguo jindai shi 中「近代史 (China's modern history). Taipei: Hsueh-sheng bookshop, 1968.

[2] *Zhixin Su*. A Critical Evaluation of John Dewey's Influence on Chinese Education, American Journal of Education 103. No. 3. 1995. P. 304.

[3] *John K. Fairbank, Kwang-ching Liu*. The Cambridge History of China, Volume 10: Late Ch'ing 1800–1911, 1978.

[4] *Stacey Bieler*. "Patriots" or "Traitors"? A History of American educated Chinese students, Armonk. 2004.

консервативная партия Цинского правительства относилась с подозрением к молодым людям, вернувшимся на Родину, и не спешила их привлекать.

Наравне с образовательными обменами шло создание первых школ, где преподавались западные языки и науки.

Первым истинным учреждением западного типа была государственная школа Тонгвенгуань в 1862 году в Пекине. Школа соединила изучение иностранных языков и международных академических дисциплин, таких как химия, биология и др.

Тонгвенгуань провозгласила смену парадигмы образовательной отсталости[5]. Успех Тонгвенгуань зажег желание открытия новых языковых школ западного образца в других городах: Кантон, Шанхай, Фучжоу, и открытых портах[6].

Однако, как отмечает Чудодеев Ю. В., "выпускники новых учебных заведений западного образца не имели достаточного конфуцианского образования, вследствие чего и не могли сдать экзамен на чин и получить возможность продвижения по службе в административном аппарате, традиционно формировавшемся из лиц, сдавших конфуцианские экзамены. Создавалась прослойка образованных людей, не имевших перспектив, что увеличивало социальную напряженность"[7].

Следующим событием, обусловившим специфику восприятия молодым поколением китайцев их страны, стало поражение в китайско-японской войне. Оно заставило их думать не только о материалистической интерпретации западных достижений, как это предполагала политика самоусиления, но и о необходимости более глубоких реформ в политических и в социальных областях. Китайская элита была вдохновлена успешным переходом к западным методам управления государством после культурной реставрации Мэйдзи в 1860-х гг. Китай увидел в Японии пример того, как возможно перейти к западным институтам, при сохранении императорской власти и культурного превосходства конфуцианской традиции[8].

Новые взгляды китайской элиты выразились в организации образовательных обменов с Японией. Китайские студенты изучали достижения европейской социально-политической мысли, часто не вступая в прямой контакт с Западом, но усваивая их японскую трактовку[9]. С одной стороны, это облегчало процесс перевода трактатов западных мыслителей на китайский язык с использованием японских языковых клише, с другой могло стать причиной искаженного восприятия теорий. Именно в этот период западные мыслители,

---

[5] *Sturniolo, Anthony C.* Influences of Western Philosophy and Educational Thought in China and their Effects on the New Culture Movement. Buffalo State College, 2016.

[6] *John K. Fairbank, Kwang-ching Liu.* The Cambridge History of China, Volume 10: Late Ch'ing 1800–1911, 1978.

[7] *Чудодеев Ю.В.* Крах монархии в Китае. М., 2013.

[8] *Hayhoe, Ruth.* China's Universities and the Open Door. Armonk, 1989.

[9] *John K. Fairbank, Kwang-ching Liu.* The Cambridge History of China, Volume 11: Late Ch'ing 1800–1911. Part 2. 1980.

такие как Руссо, Монтескье, Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер становятся известны китайской аудитории[10].

Возвращаясь после обучения из-за рубежа, студенты занимались просветительской деятельностью, открывали частные школы, педагогические училища. Они распространяли идеи гендерного равенства, необходимости реформ[11].

По мнению Джозефа Левенсона, новое поколение китайской интеллигенции стремилось оставаться верным традициям, но только лишь «эмоционально»[12]. Они не были готовы игнорировать практические проблемы национального восстановления, продолжая искать решение в опыте западных стран. Китайские и западные элементы были ими объединены в китайское видение демократии. Например, в работах Лян Цичао это выразилось в поспешной идентификации интересов народа и государства.

Китайские студенты, отправляющиеся за границу, были, главными свидетелями западной жизни и могли сравнивать китайский и зарубежный опыт. Таким образом, в конце XIX века формировалась новая китайская элита, имеющая довольно четкое восприятие европейских стран и США. Они оказывались недовольны правлением коррумпированной Манчжурской династией и становились первыми революционерами и реформаторами и пропагандистами западных идей.

---

[10] *Li Shou-kong.* 李守孔 Zhongguo jindai shi 中┌近代史 (China's modern history). Taipei, 1968.

[11] *Sturniolo, Anthony C.* Influences of Western Philosophy and Educational Thought in China and their Effects on the New Culture Movement. Buffalo State College, 2016.

[12] *Joseph R. Levenson. Confucian China* and *its Modern Fate*: the Problem of Historical Significance. Levenson Routledge and Kagan Paul, 1965.

АВТОРСКОЕ «Я» ИЛИ О ПЕРЕВОДЕ СЛАВЯНСКОЙ ЭКЛОГИ ЗАКОНОВ

Лоза Сергей Николаевич
(Государственный академический университет гуманитарных наук)

Византийский юридический памятник, известный под названием Эклога законов (Ἐκλογή τῶν νόμῶν) Льва Исавра и Константина Копронима, принадлежит к числу наиболее популярных источников в Византии и стран, в которых этот источник стал наиболее значимым по истории права и по социально-экономическим отношениям.

Изучение рукописей славянского перевода такого распространённого кодекса, как Эклога законов, показывает, что нам известны только восточнославянские списки[1].

Эклога сохранилась в четырёх различных текстах целиком или во фрагментах, которые имеют разное происхождение: Древнеславянская Кормчая, известная по старшему списку как Ефремовская, включающая 14 титулов[2], 55 статей Эклоги включены в состав «Книг Законных»[3], Полная редакция перевода – Печатная Кормчая 1650 г.[4], включающая в себя 140 глав и Сокращённая редакция перевода – сборник «Мерило Праведное»[5], 29 глав с внутри статейным делением.

На основе сборника «Мерило Праведное» (Далее МП), по Троицкой рукописи XIV в., автор этих строк сделает попытку показать, насколько средневековый славянский автор на Руси периода XI–XIII вв.[6], вмешивался в текст перевода греческой рукописи Эклоги[7] и вносил дополнения исходя из своего

---

[1] См. подр.: *Щапов Я.Н.* Эклога законов в русской письменной традиции // Византийский временник. Т. 54. С. 93.

[2] *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая. XIV титулов без толкования. Т. 2. София, 1987.

[3] *Павлов А.С.* Книги законные, содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные // СОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 3.

[4] Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912.

[5] Мерило Праведное по рукописи XIV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.

[6] О времени создания сборника см. *Вершинин К.В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. Проблемы политической истории и источниковедения. Вып. 11. М., 2014. С. 150–264.

[7] Используется греческий текст Эклоги по Афинской рукописи XVI в. см. Ecloga Leonis et Constantini / Ed. A.G. Monferratus. Athenis, 1889.

представления описываемого вопроса и местных условий жизни на Руси времени перевода.

Средневековые переводы часто воспринимаются как «темные»[8], однако современные исследователи показывают, что авторы переводов, работавшие с текстами, в большинстве своём были людьми образованными, мастерами своего дела, кроме филологической интуиции, они обладали глубокими знаниями и хорошо понимали, как переводить материал, с которым они работали[9]. Тем не менее любой перевод несёт в себе потери. Как отмечал М.М. Бахтин «текст никогда не может переведёт быть до конца»[10].

С этим невозможно не согласиться, ряд статей славянской Эклоги в МП, указывают на то, что при всей потере конкретизирующих элементов и пропусков слов, смысл нормы не искажается, а из-за произошедших отрицательных операций, присущ лишь временный эффект неясности, который исчезает при повторных чтениях. А.Я. Гуревич писал, что «переводчик не принимает во внимание того обстоятельства, что, обращаясь к средневековому тексту, он имеет дело не с литературой, а с несравненно более обширной полифункциональной системой, в которой находили выражение и удовлетворение... иные потребности человека – от религиозных до бытовых»[11]. Поэтому сокращение текстового пространства, которое создается при помощи включения в текст дополнительных семиотических знаков и средств, заменяющие оригинальные конструкции, не всегда формируют аутентичный смысл переводимого источника[12].

Другие случаи показывают, что во время перевода славянский переводчик добавляет новый материал, отсутствующий в греческой версии Эклоги. Это возможно лишь в том случае, если автор обладает соответствующими знаниями, для того что бы адекватно отразить экстралингвистические факторы, формирующие текст.

Первая статья второй главы МП гласит, что соглашение о браке может быть заключено как в устной, так и в письменной форме. Заключение брака требует предварительного обручения и достижение определённого возраста для вступления в брак. Для мужчин – 15 лет, для женщин – 13 лет. Обоюдное желание обоих вступить в брак и согласие родителей.

В первую статью второй главы славянского перевода Эклоги, переводчиком были внесены изменения. К обязательным условиям бракосочетания, а именно достижению обоих брачного возраста, славянский переводчик добавляет предварительное обручение. Данный фрагмент отсутствует в греческом

---

[8] См. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси. СПб., 1903.

[9] *А.А. Смирнова (Гусева).* Перевод философских текстов Средневековья: слово и познание // Журнальный клуб Интелрос» VOX». № 6. 2009. С. 3.

[10] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1993. С. 285.

[11] Цит. по: *Гуревич А.Я.* Средневековая литература и ее современное восприятие: о переводе «Песни о Нибелунгах» // История – нескончаемый спор. М., 2006. С. 71.

[12] *Шубина Н.Л.* Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. № 97. 2009. С. 188.

тексте Эклоги[13]. По мнению Я.Н. Щапова, подобное вмешательство в текст, позволяет считать, что традиционно предварительное обручение было обязательным условием для вступления в брак[14].

Первая и вторая статья XV главы МП содержат указания, кто имеет право свидетельствовать, а кто не нет.

Преимущественно свидетелями могут быть лица, которые имеют воинское звание, занятие (или благосостояние) и торговлю (куплю).

Славянский перевод Эклоги говорит о категории лиц, которые занимаются торговлей – «купля», что соответствует греческому слову ἐμπορία. Можно было бы предположить, что свидетели, занимающиеся каким-либо ремеслом или занятием (обладающие благосостоянием), что подразумевает под собой лиц, занимающихся торговлей, переводчик ошибочно переводит слово ἐπιτήδευμα. Но термину ἐπιτήδευμα соответствует – «начинание», на что обращает внимание Я.Н. Щапов. По его словам, согласно переводной письменности, греческое слово ἐπιτήδευμα – занятие или дело нередко переводиться славянским термином – «начинание»[15]. Но ведь в тексте и присутствует упоминание о «купле»?

«Послухи» были необходимы сторонам в качестве поддержки их притязаний в процессе, так как на них ссылаются состязающиеся. Если судья самостоятельно не может определить вину, то стороны убеждают его ссылками на «добрых людей» – послухов[16]. В категорию «добрых людей», обязательно входил человек свободный согласно ст. 59 и ст. 81 Русской Правды и ст. 66 Пространной Русской Правды, незаинтересованный ст. 22 по Псковской судной грамоте и с достатком. В перечисленные выше критерии человек занимающейся – «куплей», подходит. Можно сделать вывод, что торговец или купец, являющийся лицом публичным и авторитетным, социальный престиж купцов был весьма высок (хотя отношения общества к купцу было очень противоречиво[17]), часто привлекался к свидетельствованию, хотя конкретного фиксирования в законодательстве не получил.

Подобные примеры наглядно показывают, что перевод греческой рукописи Эклоги на Руси периода XI–XIII в., помещённый в сборник МП, происходил осознанно. С привнесением дополнительного материала, соответствующего реалиям местной жизни на Руси и представлений средневекового автора.

---

[13] См. подр.: Ecloga Leonis et Constantini / Ed. A.G. Monferratus. Athenis, 1889. P. 7.

[14] *Щапов Я.Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции СПб., 2011.С. 67.

[15] *Щапов Я.Н.* Византийская «Эклога законов» ... С. 133.

[16] *Амплеева Т.Ю.* По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М., 2005. С. 171.

[17] *Гуревич А.Я.* Средневековый купец / ОДИССЕЙ. Человек в истории. Личность и общество. 1990. М., 1990. С. 97–132.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ С ПОЛИТИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ФИНЛЯНДИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

Лысенков Николай Александрович, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Февральская революция означала поворот в политике по отношению к Финляндии на 180 градусов по сравнению с прежним курсом русификации. Манифестом от 7 (20) марта Временное правительство подтвердило автономию великого княжества, отменило законы, противоречащие финляндскому законодательству, объявило политическую амнистию. Оно также обещало созвать сейм (который не созывался в связи с военным временем), внести в него проект новой формы правления для великого княжества Финляндского (основного закона), расширив его автономию[1]. В тот же день было принято еще два постановления: о созыве сейма и о назначении новым генерал-губернатором М.А. Стаховича[2]. Как объяснил в интервью журналистам Ф.И. Родичев, назначенный Временным правительством комиссаром по финляндским делам, целью этих шагов было создание атмосферы взаимного доверия между Россией и Финляндией[3].

Несмотря на такое прекрасное начало, очень скоро между финляндскими властями и Временным правительством возник конфликт по поводу разграничения полномочий. Финляндский сенат представил Временному правительству законопроект, предлагавший значительно расширить полномочия сената, передав ему большую часть вопросов, ранее входивших в компетенцию великого князя Финляндского (императора)[4].

Законопроект был передан для экспертизы в Юридическое совещание при Временном правительстве, которое решило, что Временное правительство получило все полномочия императора, в том числе как великого князя

---

[1] Манифест об утверждении конституции великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме от 7 (20) марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. № 3. 1917. 8 марта.

[2] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 45.

[3] Речь. 1917. 14 (27) марта.

[4] Предложение правительства сейму Финляндии о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–10 об.

Финляндского, и вопрос о перераспределении этих полномочий может быть решен только Учредительным собранием[5].

Созыв сейма в апреле 1917 г. еще более усложнил ситуацию: сейм заявил, что Временное правительство не имеет права решать внутренние дела Финляндии, поскольку не является правопреемником великого князя Финляндского, и поэтому сенат не имел права вносить на утверждение Временного правительства упомянутый выше законопроект[6]. Таким образом, проект расширения автономии Финляндии повис в воздухе, так как был отвергнут обеими сторонами, и русским правительством, и сеймом Финляндии.

Переработав проект закона о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору в желаемом духе (чтобы не было сомнений, кто унаследовал права великого князя Финляндского), Временное правительство в конце мая внесло его в сейм[7]. Последний, однако, не одобрил этот законопроект и, ободренный полученной на Первом Всероссийском съезде Советов поддержкой[8] (где особенно активно выступали в защиту финнов большевики), вместо него принял предложенный имевшими абсолютное большинство в сейме социал-демократами «Закон об осуществлении верховной власти в Финляндии», согласно которому все полномочия великого князя во всех внутренних делах переходили к сейму (за русским правительством оставались внешняя политика и военные дела)[9].

В ответ Временное правительство своим манифестом от 18 (31) июля распустило сейм и назначило новые выборы, сославшись на то, что сейм не имел права присваивать полномочия великого князя, которые перешли к Временному правительству[10]. Неоднократные попытки социал-демократов созвать сейм, несмотря на запрет Временного правительства, и организовать всеобщую забастовку, закончились неудачей. А на внеочередных выборах, состоявшихся 1 и 2 (14 и 15) октября, социал-демократы получили меньше голосов и, таким образом, утратили большинство. Решение судьбы Финляндии перешло в руки правых (на языке того времени, буржуазных) партий.

До созыва нового сейма Временное правительство опубликовало грамоту о передаче некоторых дел на окончательное решение финляндского сената[11]. Грамота расширяла права сената и предваряла обсуждение законопроектов,

---

[5] Запись Юридического совещания при Временном правительстве от 8 апреля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–17.

[6] Отношение комиссии основных законов сейма Финляндии в хозяйственный департамент сената от 10 мая (27 апреля) 1917 г. (перевод) // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 24–25 об.

[7] Журнал заседаний Временного правительства. Т. 2. Май–июнь 1917 года. М., 2002. С. 140–141.

[8] The Constitutional Conflict Between Finland and Russia // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 525. Оп. 1. Д. 69. Л. 130.

[9] Закон об осуществлении верховной власти в Финляндии от 5 (18) июля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.

[10] Вестник Временного правительства. № 110. 1917. 21 июля.

[11] Грамота о передаче некоторых дел на окончательное решение Финляндского сената от 30 августа (12 сентября) 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6.

которые были разработаны в Комиссии основных законов сената Финляндии. Эти два законопроекта – о форме правления Финляндии[12] и о взаимных правовых отношениях России и Финляндии[13] – рассматривались на совместных заседаниях членов Юридического совещания и Комиссии основных законов, состоявшихся в Гельсингфорсе 2 и 3 (15 и 16) октября.

В центре дебатов снова оказался вопрос о том, кто же осуществляет верховную власть. В отличие от социал-демократов, желавших передать власть сейму, в котором они имели большинство в прошлом и рассчитывали на большинство в будущем, представители буржуазных партий хотели установить в Финляндии «твердую власть» в лице правителя (президента), находящегося в Гельсингфорсе[14]. Юридическое совещание в то же время осталось на своей старой точке зрения, что верховная власть в Финляндии может принадлежать до созыва Учредительного собрания только Временному правительству[15]. Переговоры не привели к какому-либо результату, поскольку их участники не имели полномочий что-либо решать и могли только обозначить свои позиции.

Юридическое совещание обсуждало финляндский вопрос еще на трех своих заседаниях, состоявшихся 13, 15 и 17 октября. На заседании 13 октября новый финляндский генерал-губернатор Н.В. Некрасов сообщил, что буржуазные партии готовы пойти на сговор с Временным правительством: сейм избирает «правителя» Финляндии, которому затем, до Учредительного собрания, Временное правительство своим манифестом передает всю полноту власти во внутрифинляндских делах[16]. Очевидно, такая мера усилила бы буржуазные партии в их политическом противостоянии с социал-демократами (именно поэтому Некрасов считал, что они согласятся на комбинацию); что касается России, то генерал-губернатор объяснял необходимость принять его предложение тем, что оно позволит избежать восстания в Финляндии и возможной высадки там германских войск[17].

Предложение Некрасова долго обсуждалось Юридическим совещанием, которое в итоге так и не пришло к единому мнению. Как сказал сам Некрасов, «политическая конъюнктура принуждает русское правительство по возможности тянуть дело окончательного разрешения вопроса о взаимных правовых отношениях России и Финляндии»[18]. Оттягивание вопроса в итоге завершилось тем, что Временное правительство было отстранено от власти, и вопрос о независимости Финляндии был решен уже новым правительством, Советом народных комиссаров.

---

[12] Предложение правительства сейму Финляндии о форме правления Финляндии // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 125–139 об.

[13] Предложение правительства сейму Финляндии о взаимных правовых отношениях России и Финляндии // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 140–146.

[14] Там же. Л. 101.

[15] Там же. Л. 94.

[16] Запись Юридического совещания. Заседание 13 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 184.

[17] Там же. Л. 185 об.

[18] Запись Юридического совещания. Заседание 17 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 191.

ФОРМИРОВАНИЕ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ЛОББИ В МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ 1949–1957 гг.

Любомирова Екатерина Сергеевна
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

На протяжении 1949–1957 гг. в ФРГ возникали и активно действовали многочисленные лоббистские движения и организации, как правило, консервативно-охранительного толка, возникавшие из формирующегося гражданского общества. С помощью потока писем парламентариям, публикаций в прессе, мобилизации общественного мнения в свою пользу они стремились донести свою позицию до федерального уровня и тем самым оказать нужное им влияние на ход молодёжной политики.

Судя по документации, сохранившейся в Федеральном архиве Германии (Кобленц), наибольшему давлению со стороны лоббистов подвергался сам федеральный канцлер. Как глава федерального правительства и обладавшей парламентским большинством партии ХДС/ХСС Аденауэр имел огромный политический вес и пользовался всеобщим уважением. В надежде привлечь такую авторитетную личность на свою сторону, лоббисты обрушили на него настоящую лавину писем и обращений. Так, в разгар подготовки закона «О распространении изданий, опасных для молодёжи» Союз немецких писателей писал канцлеру, что выступает против принятия закона, ограничивающего свободу творчества и искусства[1]. Примерно в это же время ведомство по делам школ г. Бергхайм просило канцлера «принять закон как можно скорее» из-за «ужасающего размаха бульварной и порнографической литературы и общественной безнравственности»[2]. Католическая церковь Германии также не осталась в стороне и от имени всех епископов требовала «скорейшего принятия закона о защите молодёжи»[3].

Опасаясь резкого всплеска общественной дискуссии, Аденауэр не стал публично обозначать свою позицию и отвечать на поток поступающих писем. Тем не менее, в письме архиепископу Кёльна кардиналу Фрингсу он сооб-

[1] Das Schreiben des Verbandes Deutscher Autoren an den Herrn Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer vom 05.08.1950 // BArch B 136/5520.

[2] Das Schreiben des Schulamtes Bergheim an den Herrn Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer vom 22.09.1950 // BArch B 136/5520.

[3] Das Schreiben des Vorsitzenden der Fuldaer Bischofskonferenzen Sr. Eminenz Jos. Card. Frings Erzbischof von Köln an den Herrn Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer vom 08.08.1950 // BArch B 136/5520.

щил[4], что лично даст поручение министру юстиции и министру внутренних дел проверить возможность «более решительного наступления на бульварную и порнографическую литературу» с помощью судов и полиции – наступления, которого так желают кардинал Фрингс и епископы[5].

Министр внутренних дел, будучи ответственным за практическую реализацию молодёжной политики, также подвергался письменным атакам лоббистов. В итоге «стражам нравственности» удалось одержать верх над земельными правительствами Рейнланд-Пфальца и Баварии, которые пытались саботировать принятие закона «О распространении изданий, опасных для молодёжи», не желая признавать приоритет федерального центра в этой области[6]. Кроме того, регулярно посылая министру «срочные и необходимые» предложения об улучшении защиты молодёжи, якобы исходившие «ото всех слоёв населения»[7], им удалось добиться включения своих требований в редакцию закона «О защите молодёжи в общественных местах» 1957 г.[8]

Параллельно с давлением на власти лоббисты занимались формированием общественного мнения через подконтрольные им периодические издания (например, «Наша молодёжь», «Немецкая молодёжь», «Право молодёжи», «Защита молодёжи» и др.)[9]. На их страницах молодёжь была представлена в негативном свете, поскольку «стражи нравственности» стремились легитимировать свои усилия по поддержке охранительного направления молодёжной политики и ограждения молодёжи от всевозможных «нравственных угроз».

Стоит отметить, что «стражи нравственности» были очень разнородной группой: наряду с сотрудниками управлений по делам молодёжи и работниками в сфере попечения несовершеннолетней молодёжи в неё входили представители духовенства, учёные, учителя, врачи и даже полицейские. Объединяло их то, что все они говорили, в духе национал-социалистической

---

[4] Die Antwort des Herrn Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer an den Vorsitzenden der Fuldaer Bischofskonferenzen Sr. Eminenz Jos. Card. Frings Erzbischof von Köln vom 22.08.1950 // BArch B 136/5520.

[5] Das Schreiben des Herrn Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer an den Herren Bundesminister der Justiz sowie an den Herrn Bundesminister des Innern vom 22.08.1950 // BArch B 136/5520.

[6] Der Vermerk für den Herrn Dr. von Lerkatz vom 05.04.1950 // BArch B 144/819 fol. 77–78.

[7] Для сравнения: «Ко мне не поступали заявления от населения о необходимости редакции закона. Подобных заявлений не было и от управлений по делам молодёжи». In: Das Schreiben des Herrn Kultusminister in Niedersachsen an den Herrn Bundesminister des Innern vom 24.09.1954 // BArch B 153/313 fol.113; «Мы не считаем целесообразным менять текст закона». In: Das Schreiben des Hauptjugendamtes Berlin an den Herrn Bundesminister des Innern vom 02.09.1954 // BArch B 153/313 fol. 56.

[8] Das Schreiben des Herrn Bundesminister des Innern an die Obersten Jugendbehörden der Länder vom 09.07.1954 // BArch B 153/313 fol.44; Das Schreiben des Innenministeriums Baden-Württemberg an den Herrn Bundesminister des Innern vom 19.10.1954 // BArch B 153/313 fol.51.

[9] Unsere Jugend. München, 1951–1969; Deutsche Jugend. München, 1953–1969; Recht der Jugend. Berlin-Frohnau, 1954–1967; Recht der Jugend und des Bildungswesens. Berlin, 1968–1969; Jugendschutz. Darmstadt, 1956–1969.

риторики, о необходимости «оздоровления народа» и укрепления его «иммунитета», выдвигали требования «народной цензуры»[10] и «психогигиены»[11] и ставили всех, кто, по их мнению, не проявлял должного усердия в деле «защиты молодёжи», в один ряд с убийцами, отравителями и клятвопреступниками[12]. «Стражи нравственности» открыто заявляли, что больше всего на свете опасаются освобождения молодёжи от оков пуританской сексуальной морали и поэтому активно борются с этой «негативной тенденцией»[13]. Однако для большинства из них на первом месте стояла не столько борьба с некими многочисленными «злыми силами», которые якобы со всех сторон окружают молодёжь, искушают её и подталкивают к нравственному «грехопадению», сколько стремление к максимально возможному влиянию на неё и возвращение к традиционному ещё для кайзеровских времен контролю власти над «подданными»[14].

Позиция охранителей ярко проявилась во время скандала вокруг фильма Вилли Форста «Грешница». Изначально носивший провокационное название «Святая грешница», он был одобрен FSK, а также комиссией из представителей политических партий, прессы и христианских церквей[15]. Однако непосредственно перед и вскоре после премьеры стали раздаваться призывы к немедленному бойкоту фильма[16] и угрозы забросать гранатами кинотеатры, осмелившиеся показать его на большом экране[17]. Несмотря на это, «Грешница» имела большой успех: всего за несколько месяцев её посмотрели более 7 млн зрителей. А пыл «стражей нравственности» в итоге остудил Федеральный административный суд[18], решив, что запреты фильма к показу являются незаконными[19], поскольку несовместимы со свободой искусства, гарантируемой Основным законом[20].

---

[10] StenBerBT 2/22, 1954. S. 751.

[11] Fischer, Jörg. Kinder- und Jugendnot als Folge gestörter Ehe- und Familienordnung // Soziale Welt, № 1/1951. S. 33–38.

[12] Jugendliteratur zwischen Trümmern und Wohlstand. Weinheim, 1993. S. 321.

[13] Die Entschließung des Katholiken-Ausschusses Bonn vom 15.02.1950 // BArch B 144/819 fol. 38–39.

[14] Vgl. dazu: Wandlungsprozesse in Westdeutschland. Göttingen, 2003. S. 409.

[15] Stellungnahme des Beirats des Bürgschaftsausschusses, Oktober 1950 // BArch B 102/44923.

[16] Hirtenbrief des Kölner Erzbischofs Joseph Frings vom 28.03.1951 // BArch B 106/36588.

[17] Skandale in Deutschland nach 1945. Bielefeld, 2007. S. 28.

[18] Bericht des Bundesministeriums des Innern an Bundesminister Lehr vom 31.01.1955 // BArch B 106/36588.

[19] Verfügung des Koblenzer Polizeidirektors vom 09.02.1951 // BArch B 106/36588.

[20] „Sünderin“ – Verfahren des Bundesverwaltungsgerichtes // BArch B 139/110.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ (АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА)

Магдеев Сабир Игоревич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Имя Хосе Ортеги-и-Гассета, в первую очередь, ассоциируется с его главной работой «Восстание масс», в которой он раскрывает свое видение общества, его настоящее, возможное будущее и должный образ. Динамическое взаимодействие двух элементов общества, масс и элит, по мнению Х. Гассета, является ключом к рассмотрению социально-политической действительности на протяжении всей истории. Это взаимодействие основано на сложном механизме взаимозависимости элит и масс, нарушение которого ведет к революциям. Что же представляет собой этот механизм и на чем он основан?

В своей социальной философии Ортега-и-Гассет исходит из «Я» жизни, как радикальной реальности, в которой укореняются остальные реальности. Когда «Я» человека обнаруживает в мире (обстоятельствах) «другого», ему, как и «другому», необходим свод правил установок, который бы смог регламентировать их деятельность. «Очевидная невозможность для обоих предугадать взаимное поведение»[1] приводит их к пониманию необходимости соглашения, обычаю. После установления обычая в процессе взаимодействия «я» и «другого» происходит «объективизация» наличного бытия, тождественного тому общезначимому миру людей, который предшествует индивиду. В результате мир видится субъекту «сквозь» усвоенные им идеи[2]. Жизнь, обстоятельства, в которых себя обнаруживает индивид, – уже интерпретированы.

Обычай как уже сложившаяся нормативная форма, с которой сталкивается индивид, имеет ряд отличительных свойств: его происхождение анонимно и дегуманизированно, его выполнение не зависит от нашей воли, он не является осознанным действием. «Я знаю, что должен сделать это, но я не знаю и не понимаю того, что я должен сделать»[3]. Генезис обычая Ортега-и-Гассет видит в творческой воле личности, противостоящей обстоятельствам и выходящей за устоявшиеся общественные рамки: «личность в любом своем действии оперативнее заурядного человека»[4]. Со временем любая творческая идея обезличивается, приобретая форму обычая и как бы застывая в социальности.

---

[1] Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М., 1997.

[2] Там же. С. 554.

[3] Там же. С. 624.

[4] Там же. С. 645.

«Все социальное, по сути, анахронично»[5]. Следует отметить, к социальному относится не только обычай, но также язык, который посредством передачи идей формирует общественное мнение. «Наше социальное окружение перенасыщено словами, а значит и мнениями»[6], говорит Ортега-и-Гассет.

Отличительной чертой социального является потенциальная возможность санкций со стороны общества в случае отклоняющегося поведения. «Принуждение – когда мы не можем безнаказанно принять стиль поведения, который бы отличался от общепринятого»[7]. Общественное мнение и обычай предстают тем самым в форме социального требования, подчиняющего индивида. Уклоняясь от подробного раскрытия вопроса становления социального требования, Ортега-и-Гассет отмечает два выделяющих его крайне принципиальных признака: социальное требование находится вне индивида, не зависимо от него и поэтому с ним необходимо считаться; к нему можно апеллировать как к внешней инстанции. Общество, принуждая и поддерживая, представляет собой власть, «неодолимую силу, противостоящую индивиду»[8]. Любое общественное мнение опирается на эту власть, реализуя ее на разных уровнях социального существования. Эту форму власти Ортега-и-Гассет называет гражданской. Но в какой степени общественное мнение опирается на гражданскую власть, в той же степени «гражданская власть» зиждется на общественном мнении, «едином для всех и обладающем огромной силой воздействия»[9]. Принимая во внимание, что в обществе существуют наравне с центростремительными силами также сепаратистские настроения, Ортега-и-Гассет отмечает необходимость насильственных действий со стороны гражданской власти. При отсутствии единого общественного мнения частные и групповые мнения не в силах реализовать механизм гражданской власти, что ведет к периоду раздробленности, гражданских войн и революций.

Так как общество всегда косно и не способно адекватно реагировать на вызовы времени (обстоятельства), для продолжения существования, ему необходимы принципиально новые идеи. Такими идеями обладает «духовная» власть (элиты), которая привносит идеи извне, «как смазку в механизм»[10], устанавливая новое мнение в качестве господствующего и, тем самым, реализуя себя. Но, отмечает Ортега-и-Гассет, «ни одна власть на Земле не держалась, на чем-то ином, чем общественное мнение»[11]. Только масса способна даровать творческому индивиду право на власть. Она должна признать за ним превосходство и наделить его «социальной энергией»[12], тем самым выразив поддержку. Поэтому Ортега-и-Гассет называет эту власть «духовной», т.е. держащейся на господстве мнений и взглядов. «Повиновение возможно лишь, когда подчиненные действительно даруют право на власть»[13]. Важно

---

[5] Там же. С. 645.

[6] Там же. С. 691.

[7] Там же. С. 658.

[8] Там же. С. 695.

[9] Там же. С. 697.

[10] Там же. С. 121.

[11] Там же. С. 119.

[12] Там же. С. 322.

[13] Там же. С. 339.

отметить, что признание своей несостоятельности массой происходит именно в эпоху национального подъема, когда люди сплочены для достижения какой-либо цели и « ощущая себя безымянным сообществом, избирают себе «героев»»[14].

Отсутствие взаимозависимых отношений между общественным мнением и «духовной» властью ведет к распаду общества и к тому, общественные группы замыкаются в себе, неспособные создать «гражданскую» власть. За неимением единой идеи, ради которой общество должно объединиться, т.е. в ситуации, когда массы отрицают кого-либо над собой, общественные классы чувствуют «себя в праве ни с кем не считаться»[15].

Рассматривая общественные отношения в данной перспективе, Хосе Гассет приходит к выводу, что революция, основанная на обособлении класса (к примеру, пролетарская), обречена на провал, т.к. не несет за собой какой-либо общей идеи, способной объединить многие слои общества. Любые революции такого рода являются следствием отсутствия общественного мнения и непринятия массами элит. Стоит отметить, что данный вывод Ортега-и-Гассет делал исходя из неудавшейся попытки республиканско-пролетарской революции в Испании. Подлинные революции, считает Х. Гассет, несут в себе идеи, способные объединить всю нацию, создав общественное мнение. Заразить такими идеями способны лишь избранные меньшинства, которым, в свою очередь необходимо признание, потому что «их «величие» не в них, а в общественном мнении»[16].

[14] Там же. С. 322.

[15] Там же. С. 310.

[16] Там же. С. 322.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ 1917 ГОДА В РГАВМФ ИЗ СОБРАНИЯ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА В АМЕРИКЕ

Мажара Петр Юрьевич, к.и.н.
(Российский государственный архив военно-морского флота)

11 мая 1923 г. в Нью-Йорке состоялось собрание русских эмигрантов – морских офицеров, на котором было учреждено «Общество бывших русских морских офицеров в Америке» (с 1953 г. – Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке). В 1943 г. при Обществе была учреждена историческая комиссия во главе со старшим лейтенантом С.В. Гладким. С этого времени, когда дальнейшая судьба эмигрантских архивов в Европе оставалась неясной, началось формирование собственного архива, который долгое время хранился на частной квартире С.В. Гладкого в Нью-Йорке. В 1963–1967 гг. коллекция была передана на хранение другой культурно-просветительской и благотворительной организации – обществу «Родина». 12 ноября 1967 г. состоялось торжественное открытие объединенного «Национально-исторического музея» в Лейквуде (штат Нью-Джерси), в котором было выделено отдельное подразделение – Русский морской музей имени адмирала Степана Осиповича Макарова.

В 1990-е гг. началась передача материалов в Россию. При этом некогда единое собрание оказалось рассредоточено по нескольким учреждениям культуры (Центральный музей вооруженных сил, Центральный военно-морской музей, Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Центральная военно-морская библиотека, Российский фонд культуры и др.). В РГАВМФ документы поступали разными путями в несколько этапов: в 1999 г. – 2004 г. поступили документы при посредничестве Российского фонда культуры и Н.П. Рождественской; в 2005–2010 гг. поступила бóльшая часть документов при посредничестве Росархива и Росохранкультуры. Значительная часть материалов, переданная в 1999–2004 гг., была описана П.В. Петровым и составила опись № 1 фонда Р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» (190 ед. хр.). Среди этих документов есть и относящиеся к революционным событиям 1917 г. (копии приказов по Свеаборгскому порту, материалы по истории Моонзундской сухопутной оборонительной операции 1917 г., материалы по истории Ревельского укрепленного района с интересными сведениями о революционных процессах в Прибалтике и др.)

В настоящее время завершаются работы по научному описанию большей части материалов, поступивших позднее, составлена опись № 2 к фонду Р-2246 (порядка 500 единиц хранения). Среди новых для отечественного исследователя архивных документов есть и те, что были созданы в революционную эпоху 1917 г. или несут информацию о ней. О некоторых из них автор уже сообщал широкой публике в Петербурге на конференции, посвященной

Первой мировой войне[1]. В настоящем же сообщении мы остановимся на сюжете, связанном с раскрытием возможностей, которые дают эти документы для изучения революционных процессов.

В составе эмигрантской коллекции отложились документы 1917–1918 гг. из личного архива Дмитрия Иосифовича[2] Дарагана (1884–1978). Они проливают свет на обстоятельства ухода офицера со службы на флоте. Попытка увольнения по собственному желанию со службы вызвала его конфликт с Центробалтом (ЦКБФ) и даже привела к аресту. Отметим, что случай с капитаном 2 ранга[3] Дараганом, ветераном Русско-японской и Первой мировой войн, на момент конца 1917 – начала 1918 г. был ещё в числе единичных[4], а потому вызвал пристальное внимание ЦКБФ и породил интересную переписку. После игнорирования первого рапорта[5] об увольнении 21 декабря 1917 г. был подан повторный с жесткими и категоричными формулировками: «Позор и предательство, нависшие над Родиной, и непонятное для меня отношение к этому демократических организаций и лиц, мнящих себя законной властью, заставляют меня, не ожидая ничего более, отстраниться от своей бывшей службы и сдать корабль следующему по старшинству офицеру»[6]. Эти слова были повторены в приказе по вверенному ему эсминцу «Автроил» от 22 декабря 1917 г. Случай с Дараганом вызвал недовольство в ЦКБФ, т.к. его действия отражали настроение значительной части недовольного офицерства.

В ответ на решения I Всероссийского съезда военного флота (18–25 ноября 1917 г.) и распоряжения Верховной морской коллегии о полном переходе руководства флотами и флотилиями к центральным комитетам флотов и флотилий офицерство Балтийского флота 4 декабря 1917 г. приняло резолюцию с угрозой отказа от званий и занимаемых должностей[7]. Упорство Дарагана привело к взятию его под стражу. Следственная секция ЦКБФ потребовала письменных разъяснений к 10 января 1918 г. В них офицер утверждал, что «никаких определенных лиц в заговоре для «продажи родины и флота» не обвинял», поясняя, что, тем не менее, «многие мероприятия правительства <...> являются полезными для врага и вредными для родины». Завершались

---

[1] *Мажара П.Ю.* Новые материалы по истории Первой мировой войны в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке // Елагинские чтения. Вып. VIII / Под ред. В.Г. Смирнова. СПб., 2016. С. 13–20.

[2] Следует отметить, что Дмитрий Иосифович часто именовал себя «Дмитрием Осиповичем», этот вариант написания отчества нередко встречается в источниках.

[3] 2 октября 1919 г. был произведен в капитаны 1 ранга генералом Е.К. Миллером. (*Лобыцын В.В.* Мартиролог русской военно-морской революции: По изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 52.)

[4] *Назаренко К.Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918. Приносим благодарность автору монографии за возможность ознакомиться с её рукописью. Книга должна увидеть свет в 2017 г.

[5] От 7 декабря 1917 г.

[6] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 79.

[7] Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917–1918 / Под ред. Д.А. Чугаева. М.; Л., 1963. С. 25.

разъяснения не лишенной горькой иронии фразой о том, что его слова выражают «частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия, что, конечно, позволительно всякому гражданину свободной страны»[8].

Трагедия отсутствия взаимопонимания между представителями офицерской корпорации и нижними чинами на флоте[9], со временем вылившаяся в полномасштабную Гражданскую войну, находит свое отражение и в других архивных документах, создававшихся уже позднее, в эмиграции.

Так, в воспоминаниях старшего лейтенанта[10] Максимилиана Оскаровича фон Кубе (1885–1955), написанных в 1940-е гг. и посвященных службе автора на Дунайской речной флотилии в 1916–1917 гг. можно найти описание неприятия офицерской корпорацией революционных преобразований в России: «...Никто не ощущает никаких восторгов перед «зарей свободы» и прочими трескучими шаблонами революционной фразеологии... В душе звучит похоронный звон...»[11]. Из мемуаров фон Кубе, читатель узнает, что в марте 1917 г. начальник штаба Отдельного отряда обороны устьев Дуная и дунайских гирл Е.И. Доставалов прилюдно избил писаря за неуважительные отзывы об офицерстве.

Не выдержав унижений, несчастная жертва застрелилась. Гарнизонный совет потребовал привлечения подполковника Генерального штаба Доставалова к ответственности за побои и доведение до самоубийства. Но офицерская корпорация встала на защиту своего члена и не допустила никаких разбирательств в отношении него. При этом мемуарист указывает, что ему «до сих пор непонятно», почему не было ни одного покушения на Доставалова, чье поведение, по всей видимости, было демонстративно пренебрежительным по отношению к нижним чинам[12].

Не столь трагичной предстает картина взаимоотношений между офицерством и матросами в описании деятельности Николаевского совета рабочих и солдатских депутатов из письма старшего лейтенанта Петра Петровича Баля (1885–?) старшему лейтенанту Ю.В. Соловьеву от 17 апреля 1968 г. Баль, в 1917 г. – флаг-офицер при командире Николаевского порта вице-адмирале А.Г. Покровском, одобрительно отзывался о председателе совета, матросе Печенкине, бывшем сельском учителе. «Я несколько раз приходил на эти собрания. Дисциплина замечательная! Матрос должен сначала поднять руку и просить разрешения говорить. Во всех случаях Печенкин всегда защищал офицеров и объяснял, что флот без офицеров не может существовать»[13]. Все

---

[8] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 79.

[9] О социальных корнях этого явления см.: *Бажанов Д.А.* Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 71. и более подробно: *Назаренко К.Б.* Флот, революция и власть в России 1917–1921. М., 2011. С. 84–86, 89, 144–145.

[10] По некоторым данным, в эмиграции был произведен в капитаны 2 ранга по Корпусу Императорских армии и флота (КИАФ). Сообщено канд. ист. наук А.Ю. Емелиным.

[11] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 91.

[12] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 91.

[13] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 309.

это, конечно, не означало, что в Николаеве не было социальных конфликтов, и город оставался в стороне от общего движения.

Можно отметить и другие интересные документы, связанные с событиями 1917 г.: материалы к книге Б.П. Дудорова, посвященной биографии убитого матросами адмирала А.И. Непенина; сделанные в 1917 г. фотографии людей и кораблей. Подводя некоторый итог, укажем на то, что русская эмиграция в XX в. как явление, порожденное революцией, несла в себе отпечаток этих грозных событий. Это в полной мере проявилось и в ее документальном наследии, позволяющем изучать самые разные аспекты революционных процессов. Надеемся, что внимание исследователей привлекут и материалы, собранные усилиями моряков-эмигрантов.

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 1850–1860-е ГОДЫ

Малютин Георгий Александрович, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Общественная мысль в середине XIX в. богата разнообразием рассматриваемых проблем: место России в мировой цивилизации, специфика национального самосознания, отношения власти и общества, государство и его роль в истории народа и т.д. Однако есть и малоисследованные аспекты споров русских мыслителей XIX века. Одним из таких аспектов является «польский вопрос».

«Польский вопрос» в сочинениях славянофилов обширная тема, которая ещё не достаточно изучена. Одним из интересов славянофилов был и «польский вопрос». Это было обусловлено как внутриполитическими интересами государства, так и собственной заинтересованностью мыслителей в судьбе славянского народа.

Ситуация в ЦП в начале 1861 г., желание властей начать там перемены, несмотря на то, что император Александр за несколько лет до этого говорил полякам: «никаких мечтаний», усилило необходимость славянофилов ознакомиться лучше с «польским вопросом». И.С. Аксаков неодобрительно отозвался о первых правительственных мероприятиях весны 1861 г., призванных остановить «польское брожение». 26 марта было объявлено об учреждении комиссии исповеданий и просвещения во главе с поляком, маркизом А. Велепольским и установлении выборных губернских, уездных и муниципальных советов. Но уже 6 апреля Велепольский, на которого смотрели как на примирителя поляков с русским правительством, распорядился об упразднении двух самых авторитетных в Царстве Польском общественных организаций – Земледельческого общества и варшавской Дирекции. Такая непоследовательность лишала правительство, считал Аксаков, всякого доверия в глазах поляков[1]. Другие представители славянофилов также не были довольны действиями властей в Царстве Польском. А.И. Кошелев писал в письме М.П. Погодину 27 февраля того же года: «Польский вопрос выдвигается на первый план. Адресс из Варшавы, говорят великолепен умеренностью и благоразумием. Тамошние беспорядки произведены не гражданами, а, как и всегда у нас, Полициею. Когда-то повесят Муханова»[2]. Кошелев видел причину

[1] *Китаев В.А.* Польский вопрос в публицистике И.С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв. Сборник статей. Вып. 1. Горький. 1975. С. 70–71.

[2] Государственный архив Российской Федерации (Далее ГА РФ). Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 359. Л. 20.

ухудшения обстановки в неумелом управлении российских властей краем. Он отрицательно относился к деятельности администраторов николаевской эпохи, подобным Муханову. Надеялся, что с их уходом порядок управления Царством улучшится.

С 1861 г. начинает выпускаться газета «День» славянофила И.С. Аксакова. Осенью 1861 г. он находил тактически более оправданным смягчать осуждение территориальных претензий поляков указанием на возможность «покаяния» и мирного соединения со славянским миром. Об этом он писал в письме М.О. Кояловичу в сентябре 1861 г.[3] Аксаков получил различные отклики на свою статью о Городельском акте. Активные действия поляков, начавшиеся с 1861 г. заставило высказаться Аксакова. В письме Д.Е. Кожанчикову он пишет: «Я считаю, например, требование Киева безумным: след. все, кто разделяет это мнение, – безумны. Если же вы думаете, что таково мнение большинства Польского и что таковое мнение не следует называть безумным, – так Вы, значит очень сбились и запутались в Ваших понятиях и чувствах. Если бы Поляки отняли у нас Россию до Смоленска, то ваши Петербургские либералы и Вы в том числе не только бы не пошли с ними драться, как пошёл бы я, но, из деликатности и из боязни прослыть узкими патриотами, – ещё отдали бы им в придачу земли по самую Москву. Ведь это безобразие! Ведь у вас, там, дошло до того, что нельзя сказать: – я русский»[4]. Перед Аксаковым встаёт проблема того, что и в самом русском обществе нет единого мнения, и мнение в Петербурге отличается от его тем, что они готовы согласиться с претензиями поляков.

Один из корреспондентов газеты «День» В. Елагин в полемике доказывает, что славянское государство и Россия, в частности, не может вредить народам и притеснять их. Следовательно, Россия ни при каких условиях не сможет сломить польскую национальность. Она в этом не нуждается и полякам не нужно опасаться России. «Если какое-нибудь Славянское государство имело когда-нибудь силу – душительную для народностей, то мы надеемся, что оно уступит её навсегда тем Австрийским и Прусским её представителям, которым, по всем историческим правам принадлежит в этом случае и право первенства и честь изобретения и слава успеха. Что Немцу здорово, то нам смерть»[5].

В другой статье автор писал: «Польша теперь не государство, а по преимуществу общественная сила. Россия по преимуществу государство и простой народ – без сильного общества. До этого состояния Польша и Русь дошли не вдруг, – в древние времена имели гораздо больше сходства между собой»[6]. Поляки видят в русских одно только государство, т.е. государственный аппарат, чиновников, военных и не видят общественную силу русского наро-

---

[3] *Китаев В.А.* Польский вопрос в публицистике И.С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв. Сборник статей. Вып. 1. С. 72.

[4] ГА РФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 383. Л. 1–2

[5] *Елагин В.* Ответ В.А. Елагина автору письма из Литвы // День. 1862. № 32. С. 10.

[6] *Елагин В.* Письмо к редактору по поводу статьи Г. Грабовского // День. 1862. № 24. С. 8.

да (хотя бы в лице дворянства). «С другой стороны, и мы в них видим одно только общество, слишком притязательное, и забываем о правах Польского народа и Польской земли. Если бы они повернулись к нам своею народною и государственною стороною, а мы бы оборотились к ним нашею общественною, а не одною только простонародною и государственною, то тяжба была бы вероятна, близка к примирению. Но это нелегко, потому что вся их сила в обществе, а государство у них мечта; вся наша в государстве и простом народе (а общество наше слабо).

Укрепление общества у нас и укрепление государства у них поведут Россию и Польшу к вечному миру»[7]. Автор даёт очень важное и правильное замечание по поводу русско-польских отношений. Действительно, на тот момент со стороны России на поляков была направлена в основном государственная машина, которая преследовала свои интересы в данной сфере. Общественное русское движение мало влияло на поляков, не могло сформировать чёткой и взаимной концепции относительно поляков. Скорее следует говорить о влиянии польского общества на русское, хотя бы на его демократическую половину. Елагин пророчит вечный мир русским и полякам, если они усилят свои слабые стороны, но на это необходимо потратить много сил. Он полагал, что общественное оцепенение в России плохо сказывается на русско-польских отношениях. И особенно это заметно по положению дел в Северо-Западном крае. В целом Елагин не предсказывал конфликт между двумя народами и, наоборот, советовал помогать друг другу.

Можно выделить несколько вопросов, которые так или иначе вставали перед всеми фигурантами, когда они пробовали найти решение злободневному «польскому вопросу». Положение поляков в ЦП и их будущее. Эволюция взглядов русских общественных деятелей, представителей охранительной идеологии зависела как от личной заинтересованности того или иного лица в этом вопросе, так и от политических процессов происходивших в ЦП и вокруг него. В 1850 нач. 1860-х гг. русские мыслители, выдвигали идею автономии ЦП и планировали, что поляки согласятся на это и такая форма управления Царством приживётся и разовьётся в будущем. При этом ЦП будет служить образцом управления российской власти для других славянских народов. И.С. Аксаков высказывал возможность самостоятельности ЦП, но при этом оговаривался, что вероятнее всего она продлится недолго и Польша не сможет удержать свою независимость в окружении противников. Но при этом он высказывал идею теоретической возможности независимости Польши. Славянофилы могли предположить автономизацию ЦП, но предложить его полную независимость от России не могли.

«Польский вопрос» в Западных губерниях изначально имел свою специфику, и она передалась основным представителям общественно-политических течений в России. Они видели больше законных прав на обладание этими землями Россией, чем ЦП. Славянофилы признавали данное утверждение, но с годами их уверенность ослабевала под напором нарастающего украинского самоопределения и с большим пониманием особенностей Западного края. Этническое разделение ареалов проживания польского наро-

[7] *Елагин В.* Письмо к редактору по поводу статьи Г. Грабовского // День. 1862. № 24. С. 9.

да, украинцев и белорусов способствовало проведению границы между ЦП и Западным краем. Русские публицисты наталкивались на явное противоречие в Западных губерниях, которое заключалось в принадлежности дворянства к польской национальности, остального населения к украинской и белорусской национальности.

Все направления общественно-политической мысли признавали, что эти земли русские и совершенно не польские и со временем создали предложения обрусения данного края. В процессе эволюции своих воззрений мыслители выделили религиозный фактор, согласно которому дворянство было католическим, а крестьянство православным. Со временем они стали признавать этнические особенности украинцев и белорусов отличавшие их от русского народа, хотя и делали это нехотя. Славянофилы считали, что Западный край должен безоговорочно входить в состав Российской империи. И.С. Аксаков возмущался притязаниями польской шляхты на Западные губернии. В некоторых аспектах у разных направлений были точки соприкосновения. Даже, несмотря на многие слабые места в теории «польского вопроса» в рассмотренный период, можно найти немало характерных для русской общественной мысли моментов и существенных решений. Это пример того, как русская мысль, несмотря на давление и помехи, а также определённое влияние со стороны официальной идеологии, смогла сформировать свою точку зрения и убеждение по «польскому вопросу». В данный период, невзирая на различные недоработки, общественная мысль сформировала достаточно оптимальную позицию для решения «польского вопроса».

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СВЕТСКОГО ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Мамонова Виктория Борисовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В 1703 году Петром I был основан город на Неве – Санкт-Петербург. Это неожиданное решение – построить город на болоте, требовало весьма серьезного объяснения, никто не понимал, для чего царь переносит столицу в столь неподобающее для этого место. Петру I, уже снискавшему себе славу антихриста, пришлось подкреплять свои решительные действия, требующие огромных усилий и даже страданий русского народа, процедурами сакрального характера.

Новой столице был необходим небесный покровитель, которому народ мог бы смело доверить свою судьбу, им и стал Александр Невский. Святой и благоверный князь не был первым святым, которому новая столица должна была быть отдана под покровительство. Апостол Петр, в честь которого был назван Петербург, Андрей Первозванный – ни один из этих святых так и не смог закрепиться в сердцах петербуржцев, как вошел в их души князь Александр. Его личность оказалась близкой людям разных социальных групп, прежде всего, Александр Невский был символом защиты. Те цели, которые князь ставил перед государством в XIII веке, оказались актуальны для православного человека и в XVIII столетии. Литература XVIII века и государственные процедуры, которые она освещает, создают иную петербургскую традицию понимания жизни и деятельности князя. Теперь, несмотря на всю сакральность церемониалов, подчеркивается, что сильная рука государя, его воля является основной причиной преобразований в Отечестве.

В 1710 году у впадения Черной реки в Неву, где по преданию была одержана победа «над соединенными силами Шведских, Датских и Лифляндских войск» в честь Троицы и Александра Невского был основан монастырь. Этот шаг можно назвать началом той идеологической процедуры, по завершении которой, Александр Невский становится не на словах, а на деле защитником и покровителем нового города.

Самым важным этапом на пути к тому, чтобы окончательно связать Петербург с именем Александра было перенесение мощей из Владимира, уполномоченное государственным указом, который был оглашен устно 29 мая 1723 года. Церемония перенесения мощей св. Александра Невского была спланирована и подготовлена по образцу перенесения из Соловецкого монастыря в Москву святых мощей Филиппа митрополита в1652 году[1]. Каждая

[1] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра 1713–1913. СПб., 1913. С. 293.

деталь церемонии была тщательно прописана: время, точный путь, участники – все это было строго оговорено в указах Святейшего Синода[2].

В примечании к указу о перенесении мощей св. Александра Невского 4241 говорится о том, что параллельно перенесению мощей Петр I хотел учредить «в честь сему Российскому герою кавалерский орден Его имени», однако болезнь и смерть императора помешали довести дело до конца, осуществить это удалось при императрице Екатерине Алексеевне. Эти факты еще раз свидетельствуют о том, как много сил и времени было уделено возвеличиванию Александра Невского.

Однако теперь интерес к личности князя был обусловлен не его христианскими добродетелями, а его заслугами как мудрого монарха. Его мирская деятельность делала его образцом, идеалом, на который должен равняться каждый подданный государства Российского. С помощью государства были выделены важные аспекты «нового» образа Александра Невского. Во-первых, благоверный князь Александр Невский больше не рассматривался только как ревнитель веры, а главным образом отмечалось, что он был причислен к лику святых как князь-воин. Александро-Невский монастырь был воздвигнут с мыслью, «что сей великий князь здешних пределов Российских от нападения шведов был всегдашний охранитель». Стоит отметить, что храм основывается не на месте захоронения, а на месте победы, тем самым, подчеркивается, что, прежде всего, Господь прославил Александра как святого, за служение миру в роли князя[3]. Главным смыслом в жизни Александра Ярославича является защита и охранение Русской земли.

Петр I распространил эту миссию – миссию служения государству на каждого жителя страны, определив это более конкретным понятием – служение Отечеству. Стремление показать, что Александра Невского нужно воспринимать как светского человека, нашло свое выражение в постановлении Святейшего Синода от 15 июня 1724 года, который запретил писать святого благоверного великого князя Александра Невского в монашеской персоне, отныне писать его дозволялось только в одеждах великокняжеских[4].

Источниками, в которых служение Александра Невского миру рассматривается как служение в качестве сильного правителя, стали произведения Гавриила Бужинского. Его проповедь 1723 г. «В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии» раскрывает и описывает ключевые моменты церемонии перенесения мощей. Особое внимание он уделяет тому, что именно проявление благодати, а не только обладание ею в душе позволило Александру прославиться в роли святого. В его действиях он усматривает

---

[2] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 7: 1723–1727. СПб., 1830. С. 74.

[3] *Сморжевских-Смирнова М.* Перенесение мощей Александра Невского: «водный путь» в имперском церемониале // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения Зары Григорьевны Минц; К 85-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009. С. 38–59.

[4] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра. СПб., 1913. С. 265–268.

проявление трех ипостасей Святой Троицы, показывая, таким образом, что место, выбранное для перенесения мощей, не случайно.

Гавриил Бужинский характеризует Александра Невского как правителя «...не токмо защищал богоданное сіе Россійское достояніе, но и о малѣйшихъ цѣлости и блгосостояніи промышляя»[5]. На первый план выходят заслуги Александра Невского перед Отечеством, мудрая внутренняя и внешняя политика князя. Сложно не заметить, что социально-политическая обстановка XIII века, которую рисует в своей проповеди Гавриил Бужинский очень похожа на Россию петровского времени: главные враги-«свеи», угрожающие границам государства, и внутренние проблемы, которые являются такими же опасными как и внешний враг. «От времен Батіевыхъ в злочестивыхъ руках Ординскихъ, от запада воставше в лютости своей обикновенны Левъ Свейский, внутръ самаго гдраства между кнзи и властелины несогласия»[6]. Христианским добродетелям предпочитается активное выражение сопротивления и готовность сражаться до конца, защищая свою родную землю.

На первый план выходит Александр Невский – политик, мудрость и решительность которого, сыграли решающую роль в событиях XIII века. И если в конце XIII века Церковью освещались два пути спасения: смерть во имя веры и борьба за жизнь, то в XVIII веке борьба объявляется государством единственно правильной возможностью существования в условиях того мира, который сложился. В своей проповеди Гавриил Бужинский ставит Александра Невского в один ряд с князьями-мучениками за веру, демонстрируя, что Александр готов пожертвовать своей жизнью ради Отечества.

Но в тоже время подвиг Александра Невского признается более значимым, он сумел сохранить свою жизнь, тем самым, сохранив жизнь своему народу. «Были следы Михаила кнзя Тверскаго, были слѣды кнзей Черниговскихъ, Ростовскихъ, Муромскихъ, но токмо в Орду, а назадъ слѣдовъ никакихъ не видѣть»[7]. Эти князья ничем не смогли помочь своему Отечеству, своему народу, что же касается Александра Невского «возвратися в крѣпости с почестію и дарами великими». Петровское время окончательно установило, что канонизация производится не для неба, а для земли. И этот принцип был успешно использован. Придав образу Александра Невского светские черты, правительству удалось показать, как духовные силы народа могут содействовать преображению и возвеличиванию государства Российского

[5] *Петухов Е.В.* Проповеди Гавриила Бужинского. Юрьев, 1901. С. 519.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 521.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ ЛИДЕРСТВА В МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Манухин Алексей Анатольевич, к.и.н.
(Московский государственный технический университет имени. Н.Э. Баумана)

Всякая революция ставит вопрос о лидерах, их способности апеллировать к различным социальным слоям в своей стране и во внешнем мире. Для революций в развивающихся странах в XX в. была характерна значительная роль региональных политических сил. Их военно-политическая борьба с конкурентами, проекты социальных преобразований неизбежно сопровождались контактами с внешними силами. Одним из ярких примеров того, как соотношение национального и регионального факторов сказывалось во внешней политике, служит мексиканская революция. Мексика с колониальных времен отличалась большой региональной и локальной обособленностью. Важное значение имело понятие «малой родины» (patria chica), с которой себя идентифицировали как рядовые жители, так и представители различных «элит»: военные, помещики, предприниматели и интеллигенция[1]. Эта политическая модель вступала в противоречие с идеалом Мексики как национального государства[2].

Мексиканская революция открылась борьбой Партии противников переизбрания (el Partido Anti-Reeleccionista) во главе с крупным либеральным помещиком Франсиско Мадеро из северного штата Коауйла против многолетней диктатуры Порфирио Диаса. Мадеристов нельзя было назвать националистами, их деятельность зависела от поддержки американского бизнеса[3]. США и державы Старого Света настороженно восприняли программу реформ, обещанную Мадеро. Однако до определенного момента они оказывали поддержку его правительству против повстанческих лидеров, недовольных переделом руководящих постов или темпом аграрной реформы[4]. Свержение

[1] *Knight A.* Peasants into Patriots: Thoughts on the Making of the Mexican Nation // Mexican Studies. 1994. Vol. 10. No. 1. P. 144–145.

[2] *Morris S.D.* Reforming the Nation: Mexican Nationalism in Context // Journal of Latin American Studies. 1999. Vol. 31. No. 2. P. 370–371.

[3] U.S. Congress. 62nd Congress, 3rd session. Senate. Hearing before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. Revolutions in Mexico. Wash. (D.C.), 1913. P. 763–764.

[4] Pascual Orozco to William Howard Taft. April 6, 1912 // William Howard Taft Papers. Microform. Library of Congress. Manuscript Division. Series 6. File 3130. P. 1875.

Мадеро консервативными военными в 1913 г. получило фактическое одобрение иностранной дипломатии. Надежда на восстановление «железной руки» столицы над провинцией возлагалась многими на режим временного президента генерала Викториано Уэрты (1913–1914 гг.).

Претензии на общенациональное руководство борьбой против диктатуры Уэрты заявила Партия конституционалистов во главе с губернатором Коауйлы, Венустиано Каррансой, который объявил себя «первым вождем». Важное место в идеологии каррансизма занимал национализм[5]. В поддержку Каррансы выступило множество «полевых командиров» северных штатов, движение Эмилиано Сапаты на юге. Самыми успешными формированиями стали Северная дивизия Франсиско Вильи в Чиуауа и Северо-Западная дивизия Альваро Обрегона в Соноре. Здесь была наиболее велика прослойка населения с прочными традициями самоорганизации[6].

В результате сложного сочетания соображений материального расчета и идеологических убеждений, дипломатия американской администрации президента Вудро Вильсона стала оказывать поддержку революционерам. В 1914 г. в США в качестве «героя дня» рассматривался Вилья. Он установил широкие связи с бизнесом в США, взяв под контроль работу значительной части рудников и ферм, что давало ему доход для снабжения своей армии. Ущемляя права одних иностранцев, он пользовался услугами других[7]. Вилья не подверг серьезной критике американскую оккупацию Веракруса – важнейшего порта Мексики. Тем не менее, конфликт между Революционным Конвентом, где значительная часть влияния принадлежала Вилье и Сапате, и Каррансой, к концу 1915 г. завершилась победой последнего.

Поведение местных командиров из среды каррансистов по отношению к иностранцам также отличалось стремлением захватывать максимум ресурсов и с выгодой реализовывать их за границей, но их подчинение номинальному лидеру было куда слабее[8]. Тем не менее, «карательная экспедиция» 1916–1917 гг., предпринятая после нападения Вильи на территорию США, осталась ограниченной по масштабам. В 1917 г. Карранса был официально избран президентом. Несмотря на возрастающие трения с ним из-за его попыток усиления национального контроля добычи и экспорта полезных ископаемых после принятия новой конституции Мексики, США, как и другие державы, были заинтересованы в едином и стабильном национальном правительстве.

В то же время местный партикуляризм стал принимать кардинально отличные друг от друга формы. Если в одних штатах и районах революционные вожди просто стремились обособиться для личного материального накопления, то в других они начинали энергично проводить революционные преобразования в аграрной, рабочей, образовательной и других областях. Приме-

---

[5] *Richmond D.W.* Venustiano Carranza's Nationalist Struggle, 1893–1920. Lincoln, 1983. P. 28–35.

[6] *Ramos M.E.* La elite militar revolucionaria en México, sus orígenes socioculturales y ligas personales // Estudios de la História Moderna y Contemporánea de México. 1988. 1988. Vol. 11. P. 222–223.

[7] *Katz F.* The Life and Times of Pancho Villa. El Paso, 1998. P. 301.

[8] Leon José Canova to Robert Lansing. February 8, 1916 // Henry Prather Fletcher Papers. Library of Congress, Manuscript Division. Container 4. P. 45–46, 70–71, 75.

ром первого сценария была деятельность армии генерала Мануэля Пелаэса в штатах Веракрус и Тамаулипас. Пелаисты вымогали денежные средства у иностранных нефтяных компаний под угрозой нанесения ущерба месторождениями[9]. Наиболее характерным во втором случае было положение штата Юкатан в правление губернатора-социалиста Сальвадора Альварадо (1915–1918 гг.). Юкатан издавна был одним из самых изолированных и традиционалистских регионов Мексики. «Импорт» революции привел, помимо других важных направлений работы, и к созданию Регулирующей комиссии в сфере продажи за рубеж хенекена, важной технической сельскохозяйственной культуры. Защитники крупного американского бизнеса называли Альварадо главным мексиканским большевиком, хотя его взгляды были продуктом собственного духовного и политического развития[10]. Однако позднее именно социалисты Юкатана выступили с инициативой налаживания торговли с СССР[11].

Иностранные дипломаты и разведывательные службы внимательно следили за всеми повстанческими движениями. Часто для давления на каррансистов допускались «утечки» оружия и боеприпасов даже тем, кто заведомо не имели шансов на успех[12]. Из-за того, что в 1920 г. Карранса выдвинул кандидатом на президентские выборы непопулярного гражданского политика, большинство революционной армии восстало против него.

Вдохновителем борьбы стал наиболее популярный генерал Обрегон, который был избран президентом. «Революция» 1920 г. надолго привела к власти решительно настроенных революционных военных из штата Сонора. Однако Обрегон проявил умение предоставлять свободу действия местным революционным общественно-политическим силам. Это, а также большая готовность к компромиссам с иностранными интересами, к 1923 г. обеспечили ему признание за рубежом. Так внутренние изменения мексиканского общества под влиянием революции постепенно вели к укреплению позиций страны на международной арене

---

[9] U.S. Congress. Senate. 66th Congress, 1st session. Hearing before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. Investigation of Mexican Affairs. In 2 Vols. Vol. 1. Wash. (D.C.), 1920. P. 279–280.

[10] *Carey J.C.* The Mexican Revolution in Yucatan, 1915–1924. Boulder and L., 1984. P. 73–88.

[11] Д. Дубровский – С.И. Братман-Бродовскому. 5 марта 1923 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0110. П. 101. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–6.

[12] Proposed Felicista Revolutionary Expedition. March 22, 1918 // National Archives and Records Administration. Investigative Reports of the Bureau of Investigaton, 1908–1922. M1085. Roll 870. P. 1–10.

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ К. МАНГЕЙМА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ЭПОХИ: ТЕОРИЯ И МЕТОД

Маргушева Алина Зауровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Фигура Карла Мангейма привычно сочетается с такой дисциплиной, как социология знания. Социология – поскольку, как был уверен Мангейм, «существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней»[1], для чего возникает необходимость подвергнуть их методическому изучению для нахождения единообразных социокультурных критериев познания. Знания (а не науки) – так как мышлению свойственны не только рациональные мотивы, но и иррациональная подоплека, вместе образующие определенный комплекс предпосылок, служащих, в конечном счете, причиной возникновения отличных друг от друга форм мышления.

Такая постановка проблемы моментально отсылает нас к марксистскому учению с его известной формулой «бытие определяет сознание». Поправка Мангейма состояла, во-первых, в том, что социальное влияние на мышление носит характер не детерминации, а скорее обсуловливания. Следует отметить, что единственной формой социальной детерминации идей марксизм признавал идеологию, исследование которой «мотивировалось исключительно "разоблачением" того, что было продиктовано материальным интересом»[2]. Потому, во-вторых, Мангейм, не пытаясь отрицать тесную связь между социологией знания и учением об идеологии, все же ставит принципиально иную задачу для первой: не разоблачение лжи и маскировки, применяемой отдельными группами людей (в случае с идеологией), а именно анализ «структуры мышления во всей ее целостности так, как она обнаруживается в определенных направлениях мышления и у различных "коллективных субъектов"»[3]. Расширительная трактовка Мангейма действует и там, где в отличие от догматического марксизма под социальными единствами, располагающими собственной картиной мира, Мангейм понимает не только классы, но и поколения, группы статусов, секты, профессиональные группы, школы и т.п. Помимо марксистского учения, другая исследовательская традиция, легшая в основу предмета данного проекта социологии знания, – гуссерлианская феноменология, – прослеживается в обосновании обращения к жизненному опыту,

[1] *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 8.

[2] *Мангейм К.* Проблема социологии знания // Очерки социологии знания. М., 1998. С. 236.

[3] *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 254.

который в обязательном порядке должен предшествовать любого рода попыткам достижения объективности.

Следует подчеркнуть, что подобная исследовательская траектория в социологии, представленная Мангеймом, обладает двойственной природой. Необходимо различать социологию знания как теорию и как метод – условие, превращавшееся в упущение ее критиков, таких, как К. Поппер и М. Хоркхаймер. В качестве теории она стремится проследить и одновременно выявить источники того, как «“мир” познается различным образом, поскольку несколько одновременно существующих (хотя не одинаковых по происхождению и ценности), противоположных друг другу тенденций мышления борются за свои отличающиеся друг от друга истолкования “общего” мира, данного им в опыте»[4]. Разумеется, сложно спорить с предположением, что «деревенский» образ мышления, характерный для сына крестьянина, который вырос в узком деревенском кругу, явным образом отличается от типа мышления «городского» именно в силу влияния бытия на содержание и формы результатов мышления. Коротко говоря, теоретическая часть социологии знания по части ее аргументов не может вызывать особых возражений, ведь в действительности идея о социальной обусловленности обыденного знания отнюдь не является чем-то новым (М. Шелер, Э. Дюркгейм и др.) и давно зарекомендовала себя в поле социологического анализа.

Бóльшую часть возражений собрала именно методологическая часть, предлагаемая Мангеймом для реализации цели социологии знания. Преимущественно она заключается в достижении объективности нового типа в социальных науках: «нейтрализация экзистенциальной обусловленности, возможность подняться над ней»[5]. Функциональное выполнение этой задачи Мангейм возлагает на интеллигенцию, поскольку именно этот слой дает обществу людей, «главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира»[6].

Представители этой группы интеллектуалов[7] рекрутируются из постоянно меняющихся социальных слоев и жизненных ситуаций, благодаря чему их интерпретационный инструментарий, набор «картин мира» расширяется за счет пребывания во множестве социальных позиций. Основной метод, которым пользуется интеллектуал или исследователь социологии знания, определяется как «реляционирование», которое в значении расходится с релятивизмом. Реляционизм представляет собой соотношение суждения с определенной интерпретацией мира, присущей некоторой социальной структуре, что делает возможным «свободное парение» интеллекта над какими бы то ни было проявлениями идеологий и «расплетает» мышление господствующих групп и социальные ситуации, как порождающие соответствующую модель мышления.

Такого рода метод достижения высшей степени объективности навлекает на себя серьезную критику К. Поппера, попытавшегося обратить социоло-

---

[4] Там же. С. 261.

[5] Там же. С. 298.

[6] Там же. С. 15.

[7] Мангейм использует понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы» в качестве синонимов.

гию знания против самой себя, задавшись следующим вопросом: «Мы можем спросить, не является ли теория социологии знания в целом просто выражением классового интереса этой отдельной группы – интеллигенции, которая единственная из всех социальных групп не имеет жестких связей с традицией, но, впрочем, связана с традицией достаточно сильно, чтобы признавать своим родным языком гегельянский[8] язык»[9]. Более того, анализ обусловленности знания необязательно гарантирует полное освобождение от влияния социальных детерминант, что можно наблюдать на примере политической тирании как обусловливающего фактора, одно осознание которого вряд ли позволит избежать его влияния и давления.

В действительности сложно не применять принцип историзма к самому проекту социологии знания Мангейма, ведь его появление довольно ясно отвечает интеллектуальным запросам первой трети XX века. «Мы можем надеяться на то, что с течением времени научимся контролировать бессознательные мотивы и предпосылки, послужившие, в конечном счете, причиной возникновения различных форм мышления[10]». Опыт непредсказуемости и иррациональности политической жизни Европы стал для Мангейма мотивом поиска адекватного своему времени и собственным возможностям способа влияния на социально-культурную и политическую жизнь с целью препятствовать разрушительным тенденциям той эпохи, формирующим, в частности, политическую склонность масс к легитимации авторитарных режимов.

[8] Поппер делает вывод о родстве социологии знания и гегельянства, проведя аналогию между методом реляционизма и диалектическим методом Гегеля.

[9] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 250.

[10] *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 5.

ДВЕ ЖЕРТВЫ «КРАСНОГО ТЕРРОРА» – АРХИЕПИСКОП АНДРОНИК (НИКОЛЬСКИЙ) И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ РОМАНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРОФЕССОРА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Г.В. ВЕРНАДСКОГО

Марченко Никита Алексеевич
(Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

14 октября 1916 года (все даты приводятся по новому стилю. – *прим. авт.*) в Перми произошло знаменательное событие: по распоряжению императора Николая II было торжественно открыто Пермское отделение Императорского Петроградского университета[1]. В июне 1917 г. постановлением Временного Правительства оно было преобразовано в самостоятельный Пермский университет[2].

Пермский университет создавался усилиями ученых-энтузиастов, приехавших в 1916–1917 гг. в основном из Петрограда и Москвы. Молодые приват-доценты вскоре стали профессорами, крупными специалистами в своих областях науки. Все они придерживались либерально-демократических взглядов, многие являлись членами партии кадетов[3].

Университет испытал огромное влияние церковной среды тех лет. В его открытии принял участие архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский), представители православного духовенства Пермской епархии[4]. Носителями церковного сознания в его стенах были, прежде всего, студенты – сыновья и дочери православных священнослужителей, составлявших самую многочисленную социальную группу вуза – 341 чел. (33 %) учащихся. Немало «поповичей» оказалось среди пермской профессуры. Из 37 профессоров и преподавателей университета, работавших здесь до

[1] Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (по 1-е июля 1917 г.). Пермь, 1918. С. 1–16.

[2] Постановление Временного Правительства «Об учреждении университета в городе Перми»//Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1917. № 141 от 20 июня. С. 1215–1216.

[3] *Обухов Л.А.* Власть и профессура (Из истории Пермского университета 1917–1931 гг.) // Г.В. Вернадский в Пермском университете (1917–1918).// Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С. 145.

[4] Андроник (Никольский), епископ. Приветственная речь на молебне при открытии Пермского Университета 1/14 октября 1916 года. Пермь, 1916. С. 1–3.

1919 г., 9 (27 %) происходили из семей священнослужителей. Среди них: первый ректор университета астроном, К.Д. Покровский, историк-медиевист А.П. Дьяконов, юрист Н.Н. Фиолетов, философ А.И. Сырцов, этнограф и искусствовед П.С. Богословский и др[5].

Кроме профессоров – «поповичей» религиозностью отличались профессора математики А.А. Фридман и В.И. Смирнов, литературовед А.П. Кадлубовский, бывший лейб-медик семьи императора Николая II В.Н. Деревенко. Многие профессора и преподаватели университета в те годы поддерживали постоянную связь с православными приходами Перми[6].

Одним из них был известный историк Георгий Владимирович Вернадский, занимавший с октября 1917 г. должность приват-доцента, а с января по август 1918 – ординарного профессора кафедры русской истории историко-филологического факультета Пермского университета[7].

Тесное общение будущего «евразиста» Г.В. Вернадского с Православной Церковью позволили ему стать свидетелем расправы пермских большевиков с архиепископом Пермским и Кунгурским Андроником и Великим князем Михаилом Александровичем Романовым. Эти две жертвы «красного террора» нашли свое отражение в его воспоминаниях, опубликованных в зарубежной прессе, а затем и в России[8].

После захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Православная Церковь и университетские корпорации в России оказались в крайне тяжелом состоянии. В это трудное время перемен интеллигенция и духовенство, ощутив весь ужас существования в условиях «красного террора», особенно тяготели друг к другу. Из воспоминаний Г.В. Вернадского становится ясно, какое огромное значение для местной пермской общественности, в том числе для верующей университетской профессуры, имела выдающаяся личность архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника. В силу сложившихся обстоятельств молодой преподаватель университета оказался очевидцем ареста большевиками пермского архипастыря. Описанные им трагические события, развернувшиеся в Перми летом 1918 г., являются важным свидетельством репрессивной политики советского государства против духовенства.

Вернадский писал: «Архиепископ Андроник был верующим человеком и хорошо совершал церковные службы... <...> Вероятно, вскоре по издании декрета об отделении церкви от государства и в связи с этим о конфискации церковного имущества и сдачи в наем церквей обществам верующих (прихожанам), архиепископ Андроник произнес в соборе резкую проповедь про-

---

[5] Список преподавателей и служащих Пермского университета. Пермь, 1918. С. 1–3.

[6] *Марченко А.Н., прот., Софьин Д.М.* Сто лет под Поровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. Пермь, 2016. С. 11–112.

[7] Государственный архив Пермского края – ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62; Шилов А.В. Вернадский Георгий Владимирович // Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь, 2001. С. 24–25; Селянинова Д.Г. В. Вернадский в Пермском университете (1917–1918) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 2 (19). С. 115–124.

[8] *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1.

тив советского правительства. О его намерении заранее сделалось известным. Верующие собрались на службу в большем, чем обычно, количестве, чтобы предотвратить предполагавшийся арест владыки. Мы с Ниной были в церкви. Большевики не решились арестовать Андроника при выходе его из церкви, но арестовали по возвращении его в архиерейский дом. Владыка Андроник наложил интердикт на все церковные службы и требы в его епархии. Это распоряжение оказалось неосуществимым. Верующие не могли оставаться без церкви и обратились к викарному епископу. Тот своей властью отменил интердикт. Большевики посадили Андроника в тюрьму, а позже убили (убили, вероятно, уже после нашего отъезда из Перми, так как там мы об этом не слышали)»[9].

Необходимо отметить, что В.Г. Вернадский довольно точно описал обстоятельства, предшествовавшие аресту архипастыря пермской ЧК в ночь с 16 на 17 июня 1918 г. Объявленный им интердикт, на случай своего ареста, был отменен его викарием – епископом Соликамским Феофаном (Ильменским) с разрешения Святейшего Патриарха Тихона. Неизвестные В.Г. Вернадскому факты расправы большевиков над Преосвященным Андроником сегодня установлены. Владыка Андроник в ночь с 19 на 20 июня 1918 г. был закопан живым в лесу в 5 верстах от Перми по Сибирскому тракту[10].

Вспоминал Г.В. Вернадский и о том, как в Перми при весьма смутных и малоизвестных для него обстоятельствах большевиками было совершено коварное убийство Великого князя Михаила Александровича Романова.

«Не помню точно, когда это было – кажется в декабре 1917 года (а может быть уже в январе 1918 года) в Перми некоторое время в Королевских номерах жил инкогнито Великий князь Михаил Александрович. Раз мы с Ниной пошли на всенощную в одну из пермских церквей и заметили (не сразу), что в стороне от других стоит Михаил Александрович и, очевидно, его адъютант (оба в штатском). В церкви было необычно много так называемых салопниц (богомольных купчих или богатых мещанок в салопах). Служба еще не окончилась, как несколько из них подошли ко мне (не знаю, почему они именно ко мне обратились) и сказали: “Видишь сколько нас здесь. Мы великого князя не выдадим. Веди нас на помощь ему”. Я ответил: “Да что же мы можем сделать? Ему легче уехать и скрыться одному”. Вскоре великий князь уехал в сопровождении офицера, который (как рассказывали потом) взялся его везти в Сибирь на Дальний Восток, но вместо того предал его, и большевики его расстреляли»[11].

Действительно, с 17 марта по 13 июня 1918 г. Михаил Александрович находился в ссылке в Перми. Здесь он получил право «свободно проживать». Некоторое время Михаил Александрович со своими спутниками проживал в гостинице Благородного собрания, а затем переехал в «Королевские номера». За ним был установлен гласный надзор, согласно которому он был обязан являться в милицию, а с 20 мая 1918 г. – в ЧК.

Рассказ Г.В. Вернадского свидетельствует о глубокой религиозности Великого князя. Известно, что в Пермской ссылке М.А. Романов часто посещал богослужения в православных храмах. Этот факт подтверждается и

---

[9] *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний... С. 145.

[10] ГАПК. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 298. Л. 3 об.

[11] *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний... С. 144.

другими источниками, в том числе воспоминаниями семьи Кобяк. «Почти ежедневно Михаил Александрович посещал Спасо-Преображенский кафедральный собор. Во время его прогулок по городу верующие люди – «набожные старушки» собирались около Михаила Романова, создавая нечто вроде паломничества...»[12].

В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. Великий князь Михаил Романов и его секретарь Б. Джонсон были арестованы ЧК в гостинице «Королевские номера», вывезены по Старому Соликамскому тракту на окраину поселка Мотовилихинского завода и расстреляны[13]. В воспоминаниях В.Г. Вернадского явно передается ложная версия о побеге Великого князя в результате офицерского заговора, распространенная большевиками после его убийства.

Автор выражает благодарность доктору исторических наук Марченко Алексею Николаевичу за помощь в написании данной статьи.

[12] *Стогова Л.И., Стогова А.А. Ермакова А.Г.* Пермь, Кобяк. Семейная хроника. Пермь, 2001. С. 46.

[13] *Мясников Г.И.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 48.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА» ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ИЗ ДНЕВНИКОВ РЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И.С. ГАЛКИНА (1898–1990 гг.))

Меркулова Анастасия Михайловна, к.и.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Илья Саввич Галкин – ученый-историк, 39-й ректор Московского университета. И.С. Галкин – человек, ставший свидетелем и участником эпохальных событий отечественной истории. Революцию 1917 г. он встретил уже зрелым человеком. Поддержав большевиков, добровольно участвовал в Гражданской войне, работал в партийных органах – стоял у истоков создания СССР. В период Великой Отечественной войны И.С. Галкин фактически руководил Московским университетом, а в 1945 г. встречал Парад Победы уже как ректор МГУ. Будучи историком, он оставил опыт прожитых лет в воспоминаниях, которые охватывают его работу до 1980-х гг. Тем ценнее для понимания исторической действительности являются его неопубликованные мемуары, его дневники.

Записи дневников выполнены в форме эссе, которые датируются периодом 1984–1989 гг. Список затронутых тем достаточно обширен: состояние и перспективы развития исторической науки, международные отношения и идеологическое соперничество, вопросы педагогики, реформирование системы образования, нравственные и религиозные аспекты человеческой деятельности. Ряд заметок И.С. Галкина – это мысли историка, на глазах которого приходила в упадок его воплощенная мечта – советское государство и происходила «революционная перестройка».

В опубликованных мемуарах ректора прослеживается приверженность социалистическим идеалам и коммунистической партии. В то же время в дневниках он критикует существующую советскую систему и заостряет внимание на необходимости ее реорганизации – «революционной перестройке». И.С. Галкин ставит акценты на нескольких негативных явлениях.

Во-первых, бюрократизм советского государственного аппарата. «В стране развернулось движение, борьба против бюрократизма, против партийных и государственных кадров, использующих свое положение в корыстных целях, занимающихся взяточничеством и мошенничеством»[1].

Во-вторых, внешнеполитические задачи. В-третьих, потребность перезапустить экономику и промышленное производство. В-четвертых, внутриполитические преобразования и реконструирование идеологии.

[1] Личный архив И.С. Галкина. Дневник И.С. Галкина (1984–1989 гг.). С. 30.

Все эти задачи, по мнению И.С. Галкина, должна решить «революционная перестройка», которая стала бы следующим этапом смены общественных формаций после Октябрьской революции. Такой «процесс смены общественных формаций будет происходить на более широкой исторической основе, чем мы ранее предполагали»[2]. Основная цель «революционной перестройки» – догнать эпоху. Илья Саввич осуждал догматизм и отрицание многовариантности социалистического развития. В обновленном социалистическом обществе после свершения революции должно появиться место для плюрализма мнений, рыночной экономики, религии, правового государства и гражданского общества.

В то же время в заметках И.С. Галкина о перестройке нет отречения от социалистического пути развития страны. Основные элементы государственного устройства в идеях историка сохранялись. КПСС становилась партией социалистической демократии, гарантом национальной безопасности, надежных союзов миролюбивой и дружественной политики в отношении всех государств и народов[3]. При этом увеличивалась значимость местных партийных органов, сокращалась диктатура партийного аппарата, а под партийным единством должен был подразумеваться синтез различных мнений.

«...В области внутренней политики усилия СССР направлены на обновление социалистических общественных отношений, на правовые вопросы демократизации социалистического общества, на процессы обновления в культурно-идеологической сфере...»[4].

Отличительной особенностью нового революционного переворота является его метод – это ненасильственные преобразования. Необходимо отказаться от конфронтационной (классовой) борьбы. Однако Илья Саввич акцентирует внимание на том, что «это не исключает из истории развития мирового процесса классового противоборства в прошлом, особенно в конце и в период Великой Октябрьской социалистической революции и в годы Гражданской войны»[5].

Итог «революционной перестройки» – это общество социалистической демократии.

Знакомясь с очерками И.С. Галкина за 1984–1988 гг., складывается впечатление, что он поддерживает перестройку и идеи, провозглашенные на XXVII Съезде КПСС. Однако с конца 1988 г. в его записях начинает появляться критика процессов, протекавших в стране. Последние эссе, посвященные «революционной перестройке», датируются концом 1989 г. В них автор подмечает основные пороки проводимых преобразований, главным из которых является «превращение демократии в безответственность»[6].

Следствием перестроечной государственной политики стало нарушение законодательства, кризис производства, упадок культуры и нравственности. Отдельные строки дневника посвящены гласности. Несмотря на то, что И.С. Галкин был противником идеологической зашоренности, ему претило

---

[2] Там же. С. 21.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 45.

[5] Там же. С. 57.

[6] Там же. С. 65.

«изобличительство», столь модное в конце 1980-х гг. Он пишет, что нельзя очернять свою историю и народ в угоду собственным социальным амбициям.

«Гласность не должна попирать чести и достоинства Человека, социальных групп и слоев – это, во-первых. Во-вторых, атмосфера гласности должна обеспечить возможность каждому высказать свое мнение, и, в-третьих, гласность – это не вседозволенность, это не возможность проявить все, даже низменные, инстинкты»[7].

Таким образом, надежда на обновленный социализм превратилась в осознание кризиса советского государства. И.С. Галкин позитивно воспринял начало «революционной перестройки», но отрицательно оценил итоги ее пятилетки. Уйдя из жизни в апреле 1990 г., он так и не застал новую общественную формацию, сменившую советский социализм.

[7] Личный архив И.С. Галкина. Дневник И.С. Галкина (1984–1989 гг.). С. 74.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ АНАРХИСТСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 г.)

Мигачева Алина Николаевна
(Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки)

Выходивший с августа 1919 г. в Москве журнал «Жизнь и творчество русской молодежи» первоначально издавался «коммуной» молодежи «Единение» и редактировался Николаем Васильевичем Марковым, выдвинувшим идею создания Общероссийской федерации «Союзов вольной молодежи». Вокруг редакции журнала осенью того же года оформился Московский Свободный Союз молодежи, выступавший в качестве своего рода конкурента с возникшим в октябре 1918 г. РКСМ за влияние на молодежь. Немного позже журнал стал органом Московской анархической ассоциации молодежи.

26 января 1919 г. появилась декларация о создании Всероссийской Федерации анархистской молодежи (далее ВФАМ). На совместном заседании редакции журнала с Московской анархической ассоциацией молодежи 2 февраля был образован временный Секретариат ВФАМ. С апреля 1919 г. началось активное сотрудничество с журналом поэтов-имажинистов, и прежде всего, В.Г. Шершеневичем, провозгласившего с его страниц: «Под наши знамена – анархического имажинизма – мы зовем всю молодежь, сильную и бодрую». Вадим Шершеневич привлек к сотрудничеству в журнале своих соратников по имажинизму Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа, Бориса и Николая Эрдманов и др. В мае члены секретариата ВФАМ встретились в подмосковном Дмитрове с П.А. Кропоткиным, который всячески приветствовал их деятельность. На 29 июня был запланирован и созван Первый Всероссийский съезд анархистской молодежи, на третий день своей работы внезапно арестованный чекистами в полном составе.

В 2006 г. известный нижегородский исследователь революционного движения, доктор исторических наук В.П. Сапон, выпустил учебно-методическое пособие «Идейно-политическая оппозиция в Нижегородском крае в период гражданской войны и НЭПа», в котором опубликовал архивные документы, извлеченные из фонда архивно-следственных дел (ф. 2209) Центрального архива Нижегородской области. В том числе им были опубликованы материалы об аресте группы нижегородских анархистов 19 ноября 1919 г. Однако вне поля его зрения осталась заметка в журнале «Жизнь и творчество русской молодежи», касающаяся ситуации с предшествовавшему этому аресту, противодействию комсомольцев деятельности анархистской молодежи в слободе Канавино близ Нижнего Новгорода.

Изложу содержание заметки «Юные «коммунисты» недалеко откатились от своей «яблони»». Из нее следует, что еще 7 мая в этом населенном пункте, где располагались Московский вокзал и Макарьевская ярмарка, было созвано общее собрание анархисткой молодежи, в количестве 50 человек. После доклада о целях и задачах анархистской молодежи присутствовавшие на собрании коммунисты задали вопрос, почему среди анархистов превалируют люди старшего поколения. На этот комментарий был дан ответ, что возрастной ценз не является ограничением для тех, кто разделяет взгляды анархистов. В результате мирное по духу собрание превратилось в митинг негодующих комсомольцев и свободолюбивых анархистов.

Как следует из заметки, на импровизированный митинг были привлечены лучшие агитаторские силы комсомольцев, но собрание проявляло сочувствие к анархистам, вследствие чего один из членов Комитета Союза Молодежи пригрозил всем присутствующим на собрании арестом. Заканчивалась заметка словами: «Мы, анархисты, поговорив между собою, решили устроить собрание анархистов в Гордеевке для того, чтобы соорганизоваться в федерацию, так как Нижегородская Федерация Анархистов распалась, потому что некоторые из активных работников ее разъехались»[1].

Из публикации видно, что арестованные в ноябре нижегородские анархисты проживали в Канавине, за исключением студента Казанского университета Евгения Подгорского. На допросе в Нижегородской губЧК Владимир Потехин признался, что «собрания до июня с/г мы делали в Гордеевке...»[2]. Как видим, названия населенных пунктов в анонимной заметке в журнале и в протоколе допроса полностью совпадают. Таким образом, автора заметки нужно искать в числе арестованных активистов. Предположительно, им мог быть «совсем молодой юноша» (как его охарактеризовал лидер и секретарь Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов А.А. Карелин[3]) Михаил Смолин, по профессии машинист-электротехник.

В свою очередь лидер ВФАМ Н.В. Марков возмущался действиями комсомольцев на страницах журнала «Жизнь и творчество русской молодежи». В статье «Сами себя хоронят. (Два слова о коммунистических союзах молодежи)» он писал: «На 8 съезде Российской Коммунистической Партии коммунистические союзы молодежи подчинили себя партии и таким образом окончательно превратили себя в послушное, безвольное стадо баранов, из которого делалось все, что было нужно для властвующих верхушек, но ничего для самих баранов». В качестве примера контрдействий РКСМ по отношению к анархистам он приводил такие факты: « ...в Нижнем они срывают афиши и объявления о собраниях наших товарищей-анархистов, в Москве они не разрешают выступать нашим товарищам на митингах, устраиваемых рабочей молодежью и т.д. и т.д.»[4].

Однако, как вскоре выяснилось, дни самого журнала уже тоже были сочтены. Во время разгрома съезда анархистской молодежи в Москве Марков

---

[1] Жизнь и творчество русской молодежи. 1919 г. № 34–35. С. 8.

[2] *Сапон В.П.* Идейно-политическая оппозиция в Нижегородском крае в период гражданской войны и НЭПа. Нижний Новгород, 2006. С. 5.

[3] Там же. С. 14.

[4] Жизнь и творчество русской молодежи. 1919 г. № 34–35. С. 3.

был арестован вместе с другими участниками в «количестве 23–24 человек», из которых «6–7 человек были освобождены», а 17 остались арестованными и «переведены в Бутырку» (в том числе и Н.В. Марков[5]). Так было пресечено разворачивание деятельности и институализации анархистской молодежи во всероссийском масштабе.

[5] Сборник материалов IVМеждународных Кропоткинских чтений: к 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. (Материалы и исследования). Дмитров, 2012. С. 137–138.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ПОЛИЦЕЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ ПРОТИВ РАЦИОНАЛИЗМА

Мигланов Максим Александрович
(Московский педагогический государственный университет)

XIX столетие явилось периодом крушения абсолютизма в странах Западной Европы под натиском революций и накопившихся общественно-политических противоречий. Россия того времени не стала исключением – для нее это период напряженной политической и социальной борьбы, проходившей в условиях серьезного противостояния между властно-государственным механизмом и общественной средой.

На протяжении столетий (вплоть до начала XX века) в российском государстве, в отличие от западноевропейских стран, отсутствовали иные политические силы, кроме личности монарха и его единственной социально-политической опоры – дворянского сословия. Самодержавная система в своем функционировании опиралась на массивный бюрократический аппарат, в котором руководящая роль была закреплена за дворянством[1]. При этом большая часть населения империи находилась в крепостном состоянии, что, естественно, обуславливало постепенное социально-экономическое отставание страны от развитых европейских государств.

В 1801 году в результате дворцового переворота к власти пришел император Александр I, который определил начало либерального периода во взаимоотношениях общества и государства. В начале своего правления император всячески стремился соответствовать общественным ожиданиям: происходило оформление идей по реформированию всех отраслей государственной жизнедеятельности, была упразднена сенатская Тайная экспедиция. Это должно было подчеркнуть невозможность существования в просвещенном государстве тайных, надзорных организаций. Тем самым происходила постепенная либерализация российского общественного сознания. Однако вторая половина царствования Александра I ознаменовала окончательный отказ государя от реформаторских планов. Вероятной причиной тому послужил радикальный европейский революционизм, на борьбу с которым была направлена внешнеполитическая деятельность Александра I.

Император посчитал российское общество не способным принять форсированные преобразования. В результате последовала отмена планов по разработке российской Конституции, а также остался без решения крестьян-

[1] *Мухин О.Н.* Абсолютизм vs. самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ. 2013. № 2 (130). С. 144–145.

ский вопрос[2]. Революции в центральных и южных частях Европы убедили Александра I во мнении, что абсолютистский властный режим не может обходиться без участия полицейских структур. Этим объясняется в эпоху его царствования выделение из структуры ранее созданного МВД отдельного Министерства полиции (1810), а также организация тайной полиции в армейских частях (1821).

Общество, воспитанное в атмосфере либеральной половины правления Александра I, находившееся под влиянием революционных европейских событий и видевшее правительственный отказ от реформаторского пути, стало готовить свой ответ. Программы возникших тайных обществ, представленных активной и политически развитой частью дворянства, предусматривали в духе гражданско-правовых теорий самые радикальные меры – упразднение самодержавия и отмену крепостного права. Александр I, разумеется, был информирован о деятельности тайных обществ, но решительных действий против них не предпринял. Результатом чего и послужили события 14 декабря 1825 г.

Декабристский «мятеж реформаторов» в форме военной революции явил собой протест передовой части общества против самодержавной системы и ее порядков. Идеи декабристов базировались на необходимости изменения существующего строя, создания и развития институтов государственного и гражданского права. Однако надежды на обновление государства согласно западноевропейским представлениям о праве в конечном итоге были обречены. Победившее в конфликте самодержавие в лице нового императора Николая I направило все усилия на выстраивание патриархально-консервативной системы управления, опиравшейся на разветвленный бюрократический аппарат и жесткий полицейский порядок. Своей главной задачей Николай I видел недопущение возможности революционных событий в России через формирование «законной монархии» и «законного общества»[3].

С момента вступления на престол Николая I этатистский политический строй России приобрел завершенные очертания, российское самодержавие окончательно оформилось и укрепилось как цельное, системное мировоззрение. Власть монарха опиралась на широкий слой чиновничества и чрезвычайную бюрократизацию всего управления страной. Созданная административная система должна была работать в направлении усиления внутригосударственной дисциплины, установления законности в стране и «правильного» воспитания общества, его «очищения» от инакомыслия и вольнодумия.

С целью реализации государственной системы, построенной на армейских принципах централизации и единоначалия, в 1826–1827 гг. был создан особый механизм политического контроля – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и подведомственный Корпус жандар-

---

[2] *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 136–137.

[3] *Тараборин Р.С.* Влияние эволюции российского общества и государства XVIII – первой половины XIX вв. на развитие гражданского права // Вопросы управления. 2015. № 3 (15). С. 271.

мов, которые возглавил генерал А.Х. Бенкендорф, являвшийся ближайшим доверенным лицом Николая I.

Полицейская организация Бенкендорфа была призвана контролировать деятельность всех государственных учреждений империи, следить за социальными изменениями и общественными настроениями, при этом жестко и заблаговременно пресекать любые попытки посягательств на действующую власть. Четкая полицейская система совместно с идеологической надстройкой в виде теории «официальной народности» (1833) позволили самодержавию закрепиться на патриархально-консервативных основаниях[4].

Выстраиваемый Николаем I порядок казался А.Х. Бенкендорфу единственно возможным и соответствующим духу русского государства, ведь монархия «есть неотъемлемая часть бытия русского народа и главный политический капитал власти», а благополучие общества Бенкендорф видел в «повсюду царствующей тишине и спокойствии»[5]. Следуя данным принципам, он и осуществлял руководство III отделением С.Е.И.В. канцелярии. Однако практиковавшиеся под его началом методы работы политической полиции (слежка, доносительство, провокации, вербовка агентов), а также особое, возвышенное положение III отделения в системе органов власти, вседозволенность и подконтрольность исключительно императору – все это, разумеется, вызывало негативную общественную реакцию.

Таким образом, концепция власти, которую на протяжении 30 лет своего правления реализовывал Николай I, не предполагала ведение равного диалога с передовой общественностью. Патриархальный уклад жизни и жесткая сословная дисциплина, основанные на повсеместном полицейском контроле, стали нормой его режима власти. Император в своей политике не стремился опереться на общество, т.к. не испытывал доверия ни к дворянам, ни к иным представителям народных масс. И Николай I, и А.Х. Бенкендорф в общественном мнении видели силу, которую стоило обуздать, поставить под контроль, но никак не сотрудничать с ней. Последовавшая попытка власти реформировать общество без опоры на его передовые силы потерпела неудачу, а исключительно силовой механизм взаимодействия с годами выявил свою неэффективность, что следовало из только возраставшего общенародного недовольства и общественного увлечения социалистическими и анархическими идеями, что в итоге привело к оформлению революционных кружков и движений.

---

[4] *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 362–363.

[5] *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 116–126.

РЕФОРМИСТСКИЙ КУРС МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Милованов Константин Юрьевич, к.и.н.
(Институт стратегии развития образования РАО)

К началу 1917 г. система народного образования России находилась в ожидании кардинальной модернизации, были определены фундаментальные принципы поступательного эволюционного развития в сторону дальнейшей либерализации национальной образовательной системы (с опорой на традиции русской педагогики и передовой зарубежный опыт). Министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев в 1915–1916 гг. заложил фундамент полноценной реформы и заявил о готовности открытого сотрудничества с педагогической общественностью. Система народного образования, руководимая министром-реформатором, была полностью подготовлена к последовательной модернизации без форсированных и насильственных изменений, были созданы условия для планомерного демократического преобразования отечественной школы.

Для реализации реформационной образовательной программы требовалась политическая стабильность и демократизация основ общественной жизни. Государственная политика имперского периода в сфере образования по сравнению с западными странами существенно запаздывала с пониманием судьбоносного значения образования как важнейшего социокультурного института, что, в значительной мере и способствовало возникновению общенационального кризиса, породившего революционную смуту. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что процесс создания многоуровневой структуры отечественного образования так и не был завершен вплоть до краха российской государственности в 1917 г. Однако передовые образовательные проекты начала XX в. были использованы уже в ранний советский период, что доказывает определенную преемственность дореволюционной и советской систем образования[1].

В период нахождения у власти различных составов Временного правительства Российской республики министерство народного просвещения последовательно возглавляли профессор А.А. Мануйлов (март–июль 1917 г.), академик С.Ф. Ольденбург (июль–август 1917 г.), профессор С.С. Салазкин (сентябрь–октябрь 1917 г.). С самого начала министр народного просвещения А.А. Мануйлов фактически утратил контроль над аппаратом министерства и

[1] Преемственность и новаторство в развитии основных направлений в отечественной педагогической науке (конец XIX–XX вв.): монография / Под ред. М.В. Богуславского. М., 2012. С. 38.

территориальными структурами – учебными округами, тем самым, парализовав систему управления народным образованием в центре и на местах.

Нахождение на посту главы образовательного ведомства С.Ф. Ольденбурга довершило развал вертикали управления народным образованием, так как министр вообще не проявлял интереса ни к школьной реформе, ни к самой школе. Лишь третий министр народного просвещения Временного правительства С.С. Салазкин тщетно пытался в условиях революционной смуты следовать реформистской «игнатьевской» линии. Находясь на прогрессивной образовательной платформе кадетской партии, он активно поддерживал работу министерского Государственного комитета по народному образованию. С.С. Салазкин отстаивал базовые демократические принципы в области образования – бесплатное начальное и среднее образование, децентрализацию системы управления народным образованием, «автономизацию» высшей школы и др.

Весной 1917 г. Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства начал подготовку реформы системы общего среднего образования в духе министерского проекта П.Н. Игнатьева. Одним из организаторов и лидеров Государственного комитета стал В.И. Чарнолуский. Помимо него в Комитет вошли десятки прославленных ученых, педагогов и общественных деятелей, а в их числе В.П. Вахтеров, В.А. Герд, Я.Я. Гуревич, А.У. Зеленко, Н.Н. Иорданский, А.П. Пинкевич, Н.В. Чехов. В структуре Комитета В.И. Чарнолуский играл ключевую роль, став ведущим координатором реформаторской деятельности и фактическим руководителем аппарата – глава Бюро, а также двух основных комиссий (общих вопросов и комиссии по объединению ведомственных школ под общим управлением).

В условиях «напряженной работы (7 сессий, около 70 сессионных заседаний, а число заседаний подготовительных и исполнительных органов выражается в сотнях) за пять месяцев Комитетом было разработано около сорока вполне законченных законопроектов»[2]. Знаменательным итогом плодотворной работы стали стратегические документы: «О единой общественной общеобразовательной школе» и «Временное положение о единой общественной общеобразовательной школе» (октябрь 1917 г.), вызвавшие бы в случае их реализации демократические изменения в системе народного образования.

В данных законодательных проектах содержались: гарантии фундаментальных прав на образование народов Российской республики; принципы преемственности ступеней школы и децентрализации системы управления народным образованием; поддержка на официальном уровне государственно-общественного управления. Но в связи с известными событиями в октябре 1917 г. данные документы не вступили в силу после их опубликования, а уже в ноябре Совет народных комиссаров упразднил Государственный комитет по народному образованию.

Изменения в области народного образования последовали почти сразу же после взятия власти большевиками. Партия активно включилась в деятельность по решению насущных проблем образования, видя в них решающее

[2] *Дедловская М.Ю.* Рыцарь народного просвещения // Инициативы XXI века. 2009. № 1. С. 76.

значение для судеб революции и социалистического государства. 26 октября 1917 г. решением Второго съезда Советов был создан Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос). 29 октября 1917 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский в обращении «К гражданам России» сформулировал ведущие направления государственной образовательной политики. Сущность большевистской политики в области образования заключалась в реализации партийной программы в части народного образования, а именно планировалось введение всеобщего начального обучения (обязательного и бесплатного); отстаивался принцип светскости; учитывалась национальная и региональная специфика в деле организации учебного процесса; обеспечивалась общедоступность школы всех ступеней; увеличивался бюджет народного образования.

9 ноября 1917 г. был опубликован совместный декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о создании Государственной комиссии по просвещению, которой поручалась общая организация школьного дела в Советской республике. Во главе правительственной Комиссии встал А.В. Луначарский, а в ее состав вошли профессиональные революционеры Н.К. Крупская, П.Н. Лепешинский, М.Н. Покровский. Комиссия должна была не руководить образовательными учреждениями, а оказывать финансовую, хозяйственную и методическую помощь школе. В связи с этим центральный аппарат бывшего Министерства народного просвещения становился своеобразной структурой по административному сопровождению и материально-техническому обеспечению образовательных учреждений. В декабре того же года Совнарком принимает постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного Комиссариата по просвещению».

Таким образом, насильственная замена февралистской демократической линии внутриполитического развития на леворадикальную в октябре 1917 г. привела к демонтажу сложившейся традиционной системы образования. Она способствовала формированию новой концепции модернизации народного образования на иной законодательной основе, иными методами и средствами, с вновь созданной структурой управления образованием в центре и на местах. Отвергнув «государственную педагогию» имперской эпохи и демократическую педагогику Временного правительства Российской республики, большевики создавали свою «новую педагогику» и «новую школу», напрямую увязывая успех данного дела с достижениями всего масштабного стратегического проекта государственного социалистического строительства в молодой рабоче-крестьянской стране.

Р. ОУЭН И Д. БЕЛЛЕРС: ТЕОРЕТИКИ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Милославская Софья Павловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Среди политической общественной мысли сложно назвать течение, которое бы так яро отрицало наличие своих предшественников как утописты. Однако Роберт Оуэн стал исключением в этом вопросе. Достигнув больших высот не только на политическом поприще, но и приобретя значительный вес в английском высшем обществе XIX века, он занимался как социальными преобразованиями (такими как улучшения условий жизни и производства поселка Нью-Ланарк, а также стремление к повторению его успехов в штате Индиана; ему обязан своим появлением и первый английский профсоюз), так и активно выступал с продвижением своих идей. Оуэн был одним из лучших ораторов своего времени, привлекая внимание на многочисленных собраниях и лекциях, которые он проводил, а также широко публикуясь в печати с пропагандой своих замыслов, отстаивая их точность, достоверность и правильность, будучи уверенным, что именно ему открылась абсолютная истина.

Данное откровение заключалось в том, что «характер человека создается не им, но для него»[1]. Из этого простого тезиса следует следующее: для того, чтобы улучшить жизнь любого человека следует иметь в виду прежде всего повседневные условия, а не политические. Именно путем реорганизации таких банальных вещей можно будет достигнуть всеобщего благоденствия, что Оуэн и доказал на живом примере Нью-Ланарка, превратив его из захудалого производства в процветающее и образцовое, слава о котором разнеслась по всей Англии. Секрет успеха был прост. Новый управленец, которым и явился Оуэн, вместо того, чтобы увеличивать рабочий день для повышения уровня производства, наладил «качество» жизни трудящихся: отстроил дома, построил школу, ввел пенсии и пособия; что сказалось прежде всего не только на самом облике местного общества, но и на темпах экономического роста.

Примечательным является тот факт, что после 1813 года, когда Р. Оуэн начинает активно заниматься общественной деятельностью, в Лондоне под его началом переиздается труд почти столетней давности под названием «An Essay for Employing the Poor to Profit»[2], впервые вышедший в свет в 1723 году, написанный Джоном Беллерсом, квакером во втором поколении, который был весьма видной фигурой в данном сообществе, а также близким другом У. Пенна. Д. Беллерс в своих многочисленных трудах продвигал идеи о занятости и трудоустройстве бедных, о больницах для них, а также о школах

[1] *Андерсон К.М., Ширинянц А.А.* Роберт Оуэн. Жизнь и идеи. М., 2014. С. 10.

[2] *J. Bellers.* An Essay for Employing the Poor to Profit, 1723.

для детей бедняков, что, по его мнению, способствовало бы не только становлению морального облика общества, но и «всеобщему счастью», к которому бы было причастно гораздо большее количество людей.

По сути, оба мыслителя, Оуэн и Беллерс, имели в виду одно и то же: улучшение жизни основной массы общества, которую и составляли бедняки и малоимущие, путем социальных преобразований. Они оба настаивали на том, что помощь о ближнем не должна тяготить человека (что делали «Законы о бедных», которые обязывали выплачивать процент с полученной заработной платы в фонд бедных, что было весьма тягостным для среднего класса), это, в начале, должно войти в привычку, а потом настолько укорениться в обществе, что и никто не вспомнит, что когда-то это было обязательным. Однако существует одно существенное различие между этими мыслителями: в основе своих идей Беллерс опирается на церковную догматику, приводя ее в пример, в то время как Оуэн в своих многочисленных выступлениях призывает отказаться от всех вероучений, считая их ложными и порождающими нетерпимость и распри между людьми.

Почему же при таком противоречии, когда с одной стороны ярый сторонник церкви, а с другой – ее противник, второй называет первого своим предшественником? Убедительным кажется ответ, что Оуэн готов мириться с церковностью Беллерса потому, что тот считает допустимым при переустройстве общества оставить богатым все, что те имеют (также как и сам Оуэн). Он также вторит Оуэну, что стоит лишь обратить большее внимание на бедняков: обучить их мастерству (для этого, согласно плану Беллерса, создадутся специальные Колледжи, которые станут «последними» благотворительными капиталовложениями), наладить их быт и домашние условия и тогда они сами будут работать с большим усердием и прилежностью, находясь в состоянии самостоятельно себя достаточно обеспечить.

Следовательно, с точки зрения Оуэна, было весьма логичным опереться на подобного предшественника в лице Беллерса. Ведь несмотря на одно лишь замечание – церковное вероучение, оба стремились к одному и тому же – наладить жизнь огромной массы населения в лице формирующегося рабочего класса путем заботы о нем не только на самом производстве, но и за его пределами, что Оуэн видел в формирующихся при его жизни профсоюзах, а Беллерс – в финансовой поддержке квакеров, которые во многом приобрели известность благодаря своей филантропической деятельности.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ ДЖОНА РИДА

Миронова Ольга Юрьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Революция 1917 года явилась значительным поворотным моментом в истории российской государственности. Смена власти и общественного строя, сдвиги в сословном устройстве – всё это мы привыкли видеть с отечественной точки зрения, перечитывая учебники, очерки, труды наших земляков, чья принадлежность к стране, в которой и разворачивались описываемые ими события, неизбежно накладывала отпечаток на их восприятие. На этот счёт Н.К. Крупская заметила, что русские авторы «иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку её, или описывают те эпизоды, участниками которых они являлись»[1].

В этой связи попытка взглянуть на Революцию и её последствия глазами иностранцев, носителями иного культурного кода представляет для нас особый интерес.

«Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают», – рассуждает Крупская и тут же делает оговорку: «Правда, очевидцами революции были очень немногие»[2].

Одним из таких свидетелей перемен стал американский журналист Джон Рид, зафиксировавший и отразивший увиденное им в книге «Десять дней, которые потрясли мир» (1919). В статье Артема Кречетникова для BBCRussian.com «Перечитывая Джона Рида» отмечается его пытливость, желание докопаться до самой сути: «Он был настоящим репортером, и несколько дней почти не спал, постоянно находясь в местах главных событий и разговаривая с огромным количеством русских – от министров и партийных вождей до швейцаров и извозчиков»[3]. Лев Выготский в рецензии на труд Джона Рида называет автора «художником правды»[4], а о книге пишет: «верный перечень событий и фактов, еще очень сложная и тонкая композиция сцен, диалогов, описаний, рассказов, которая читается как роман»[5]. Сам Джон Рид в преди-

---

[1] *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир // Неизвестная революция. Сборник произведений Джона Рида. СПб., 2015. С. 13.

[2] Там же.

[3] *Кречетников А.* Перечитывая Джона Рида // BBCRussian.com.

[4] *Выготский Л.* Десять дней, которые потрясли мир // Полесская Правда, 23 декабря 1923. № 1081. С. 3.

[5] Там же.

словии признаётся: «...я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину»[6].

Хотя мы не можем не учесть: абсолютно беспристрастным Джону Риду остаться не удалось. И сам автор понимает это: «В борьбе мои симпатии не были нейтральны»[7]. Артём Кречетников обращает наше внимание: «Он был левым, не столько даже политически, сколько эстетически»[8]. Действительно, американский журналист перед тем, как приступить к описанию событий Революции, пытается оправдать большевизм. «...Когда большевики разбили в прах все пустые компромиссы, меньшевики и эсеры оказались участниками борьбы на стороне буржуазии... В настоящее время то же самое можно видеть почти в любой стране мира»[9] – фиксирует Рид. «Большевики, представляется мне, – это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести её в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...»[10] – таково мнение автора. Также он пишет: «После целого года существования Советской власти всё ещё модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантюр, на какие когда-либо осмеливалось человечество, – авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и всё поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений»[11].

Однако Джон Рид оправдывает не столько лидеров большевистского движения, сколько простых рабочих, рядовых солдат. «Ну не нравились ему хорошо одетые, воспитанные и упитанные русские, похожие на людей, «какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню»! Его сочувствие – на стороне «обносившихся солдат, измазанных рабочих и крестьян»»[12] – восклицает Артем Кречетников в своей статье. Это же замечает Лев Выготский: «Революцию сделали не Ленин и Троцкий, а рабочие и солдатские массы, революционные народные низы – вот о чем говорит каждая строка книги Рида. И героизм, безымянный, безвестный, неуловимый героизм масс, улавливает и рисует она прежде всего»[13].

Это проявляется в предисловии к «Десяти дням...», где Джон Рид приводит цитату Уильяма Инглиша Уоллинга: «Русский рабочий – революционер, но он не насильник, не догматик и не лишён разума. Он готов к боям на баррикадах, но он изучил их, и – единственный среди рабочих всего мира – изучил на собственном опыте. Он готов и горит желанием бороться со своим

---

[6] *Рид Д.* Указ. соч. С. 22.

[7] Там же.

[8] *Кречетников А.* Указ. соч.

[9] *Рид Д.* Указ. соч. С. 21.

[10] Там же.

[11] *Рид Д.* Указ. соч. С. 21.

[12] *Кречетников А.* Указ. соч.

[13] *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

угнетателем, капиталистическим классом, до конца»[14]. Это видно и из повествования Рида. Можно вспомнить эпизод, где у автомобиля, в котором ехали Антонов и Дыбенко, лопнула шина, и Антов попытался отобрать машину у проезжающего мимо солдата: «Мне нужна эта машина», – заявил Антонов. «Не дам!» – ответил солдат. «Да вы знаете, кто я такой?» – и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров. «Хоть бы вы были сам дьявол, мне всё равно! – с жаром ответил солдат. – Эта машина принадлежит первому пулемётному полку, и мы везём в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины...»[15]

Лев Выготский делает вывод: «...не будь этого упрямого, никому не подчиняющегося сознания, этой воли к победе, к отстаиванию своего у рядового солдата – не было бы и самой революции. Солдат не уступит самому чорту то, что принадлежит его первому пулеметному полку. Все дело вождей было только согласовать, слить воли этих отдельных полков, но революционная воля шла снизу вверх, от сердца к мозгам революции, как кровь в теле, от солдата к главнокомандующему, а не наоборот»[16].

Также вспомним эпизод, где член Викжеля отказывался пропускать вооружённых матросов на поезд, повторяя: «Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск»[17]. Однако затем «в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояло двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то ещё. «Сюда товарищи! – кричали они. – Мы повезём вас в Москву, во Владивосток – куда хотите! Да здравствует революция!»[18]. Лев Выготский подводит итог: «И он – этот многомиллионный кочегар повез революцию в Москву, во Владивосток, – куда вы хотите. А вожди были нейтральны: они сразу оказались вне событий – растерянные и жалкие»[19].

Но не стоит думать, что «Десять дней, которые потрясли мир» – чисто коммунистический манифест. Артем Кречетников пишет: «Рид был коммунистом, но, кроме того, человеком, рожденным в свободной стране, и занимался журналистикой, а не пропагандой. Он не скрывал своих симпатий и антипатий, но твердо придерживался древнеримского правила: выслушаны должны быть обе стороны»[20]. Поэтому в книге звучат слова, например, Керенского и Карелина, упомянуты эпизоды, вразрез идущие с последующими советскими учебниками. Так, «в Смольном до переворота уже появилась отдельная столовая для членов ЦИК, где отпускали хлеб с маслом и «неограниченное количество стаканов чая»»[21], а сама Революция во многом приобретает вид военного путча: «Митингуют и берут власть исключительно люди в серых шинелях»[22].

---

[14] *Рид Д.* Указ. соч. С. 18.

[15] *Рид Д.* Указ. соч. С. 214.

[16] *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

[17] *Рид Д.* Указ. соч. С. 243.

[18] Там же.

[19] *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

[20] *Кречетников А.* Указ. соч.

[21] Там же.

[22] Там же.

Лев Выготский подводит итог произведения: «Едва ли не самая трудная проблема в истории – это вопрос о соотношении массы и героев в великих событиях. Книга Рида вскрывает правду этой проблемы: горячее сердце, посылающее кровь во все артерии революции, отточенный мозг, подчиняющий эту кровь математически – точной мысли»[23].

Так, на примере «Десяти дней...» Джона Рида мы смогли увидеть Революцию глазами иностранца. Что предстало перед нами? Становление «единственно возможной»[24] в сложившихся условиях власти, осуществление неслыханно смелой авантюры, противоречивость взглядов на происходящее... И простой народ во всех своих проявлениях: честный, страстный, решительный и потому оказавшийся способный потрясти мир.

[23] *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

[24] *Рид Д.* Указ. соч. С. 21.

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ АУРОБИНДО ГХОША

Мишина Анастасия Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Ауробиндо Гхош (1872–1950), широко известный в Индии как Шри Ауробиндо, – не только философ, поэт и йогин, но также участник и идеолог индийского национально-освободительного движения. Его социально-политические идеи, наряду с идеями великого М. Ганди, легли в основу борьбы Индии за независимость. Более того, он не был «кабинетным» мыслителем, напротив, принимал активное участие в освободительном движении до 1910 года, на практике реализуя предлагаемые им методы.

Для начала необходимо установить, как Ауробиндо Гхош определял понятия «нация» и «национальность», в чём их различия и особенности. Ключевое понятие «нация» в статье «Нация и империя: единство истинное и политическое»[1] Гхош определяет как устойчивый психологический союз, созданный Природой в различных формах, который в процессе своего развития приходит в состояние физического и политического единства. Нацию невозможно разрушить, она, в отличие от других форм объединения, является «бессмертной». Национальность, в свою очередь, формируется в большей степени на физическом и биологическом принципе. Более того, существует ряд условий, необходимых для существования национальности: «...географическое единство, общее прошлое, сильный общий интерес, побуждающий к единству и определённые благоприятные политические условия, дающие импульс к самореализации в виде организованного управления, выражающего национальность и сохраняющего её существование в единстве»[2]. То есть, нация отличается от национальности и от любого другого объединения людей именно психологическим фактором, который в учении Гхоша облекается в форму «национальной души». Придание большого значения духовной составляющей характерно для социально-политических и философских взглядов индийского мыслителя. Например, можно вспомнить его идею духовного общества, как конечной точки эволюции человечества.

Ауробиндо Гхош считает, что для формирования психологического единства нации необходимо три главных условия: сильная монархия, закрепленная социальная иерархия и иностранное господство. В статье «Интерна-

[1] *Шри Ауробиндо*. Нация и империя: единство истинное и политическое // Идеал человеческого единства / Пер. с англ. О.В. Сафронова. СПб., 1998.

[2] *Sri Aurobindo*. The foundations of nationality // The complete works of Sri Aurobindo. Vol. 6–7. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Trust, 1997. С. 643.

ционализм и человеческое единство» он говорит о том, что национальное самосознание является продуктом соединения инстинкта независимости и инстинкта единства. Более того, «должна существовать своего рода разновидность религии страны, постоянное, но не всегда, правда, ясное понимание священного характера не только самого физического истока, земли, но также [...] и его народа, олицетворяющего собой коллективную душу»[3]. Задача каждого человека – стараться сохранить её жизнь, бороться за её спасение и свободу, исцелять и оживлять её.

Каждая нация на протяжении своей жизни, по Гхошу, должна пройти две стадии. На первой, когда происходит консолидация и «застывание», преобладающие интересы национальной единицы могут превосходить чувство приверженности и долга по отношению к общностям на местном уровне. На второй стадии, когда нация уже стала организованной и крепкой, она должна минимизировать свои местнические и территориальные требования, а также сохранить себя в многонациональном образовании, не уничтожая себя как единицу, так же, как личность сохраняет себя в семье, семья – в классе, а класс – в нации.

Такое понимание нации лежит в основе совершенно уникального явления – индийского национализма. Исследователь политической мысли Гхоша Ш.К. Митал отмечает, что индийский национализм – современный феномен: «Генезис и рост национализма в Индии был, в первую очередь, мотивирован реакцией против Запада. Национализм Востока – это попытка достичь лучшей социальной и политической организации и гомогенности в борьбе с Западом»[4]. Однако при этом корни данного явления уходят в далёкую древность: в Ведах встречается сравнение страны с матерью, герои индийского эпоса выражают патриотичные чувства по отношению к своей родине. Возможно, именно такой подход к пониманию индийского национализма стал основополагающим для Ауробиндо Гхоша и позволил ему назвать национализм религией, в которой присутствие Бога возможно только в единой нации. Основным принципом каждого человека, таким образом, является жизнь во благо других.

Колониальное господство Британии способствовало формированию национального единства и развитию индийского национализма: кроме чувства единения это привело к активной деятельности борцов за независимость. Ауробиндо Гхош, ставший лидером движения свадеши (экономический бойкот) в Бенгалии, характеризовал его «не просто как проявление эгоистического политического интереса, а как попытку воплощения Бога в нации и своих соотечественниках»[5]. Более того, он был сторонником бойкота западного образования в пользу национального, бойкота судебной системы в пользу национальных судов, бойкота системы управления общества, навязанной англи-

---

[3] *Шри Ауробиндо*. Интернационализм и человеческое единство // Идеал человеческого единства / Пер. с англ. О.В. Сафронова. СПб., 1998. С. 441.

[4] *Shiva Kumar Mital*. Sri Aurobindo's integral approach to political thought. New Delhi: Metropolitan, 1981. С. 180.

[5] *Палишева Н.В*. Становление и развитие индийского национализма: вторая четверть XIX – первая половина XX века: дисс. ... канд. историч. наук. Томск, 2013. С. 153.

чанами, в пользу национальной организации. Важную роль для Гхоша играла идея свараджа (самоуправления): «Сварадж как воплощение устоев древней Индии в современных условиях, возвращение к Сатьяюге национального величия и возобновление ею её великой роли учителя и проводника, самоосвобождение людей для реализации идеала веданты в политике – только это могло являться истинным свараджем для Индии»[6].

Внимание исследователя привлекает «Доктрина пассивного сопротивления», опубликованная в еженедельнике Bande Mataram в апреле 1907 года[7]. Её суть заключается в несоблюдении несправедливых навязанных законов и указаний, отказ от уплаты налогов и службы в армии. Цель такого метода борьбы заключалась в том, чтобы лишить правительство поддержки, особенно если ранее оно характеризовалось, в основном, постоянством и пользовалось молчаливым согласием со стороны населения.

Все эти методы борьбы и идеи, на которые опирались участники национально-освободительного движения Индии, были направлены не на достижение независимости ради независимости, а на более высокую цель. Как уже отмечалось, индийский национализм представлял собой уникальное явление. По мнению Гхоша, нация должна была сохранить единство и своеобразие для того, чтобы стать частью ещё большего образования. Одна из основных социально-политических идей Ауробиндо Гхоша – идеал человеческого единства, который предполагал единство всей наций в сохранении их многообразия. «Возрастание человеческого единства, от которого зависит выживание самого человечества, может быть достигнуто, только когда мы осознаем всю глубину истины в нашем существе, единство нашего существа, единство всего мироздания и неотъемлемое единство человечества, и построим свою жизнь и взаимоотношения на основе этих принципов»[8].

Только национализм, который в представлении индийского мыслителя является религией, может привести к интернационализму, где каждая нация имеет все условия для самореализации. Роль свободной Индии в мире заключается в том, чтобы «возглавить новую фазу человеческой эволюции», вывести мир «на духовный путь»[9]. Гхош пишет: «Мы верим, что человечество нуждается в нас, и именно любовь к человечеству, нашей стране, людям, нашей религии и служение им очистят наше сердце и вдохновят на деятельную борьбу»[10].

В заключение, стоит отметить важную роль теоретической деятельности Ауробиндо Гхоша и значимость его личного вклада в национально-освободительное движение Индии, которое, в конечном счёте, привело к обретению Индией независимости. Его идеи и предложенные им методы заложили прочный фундамент для дальнейшей деятельности борцов за свободу Индии, среди которых, несомненно, ведущее место занимает М. Ганди.

---

[6] *Палишева Н.В.* Указ. соч. С. 155.

[7] *Sri Aurobindo.* The doctrine of passive resistance // The complete works of Sri Aurobindo. Vol. 6–7. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Trust, 1997.

[8] *Shiva Kumar Mital.* Sri Aurobindo's integral approach to political thought. New Delhi: Metropolitan, 1981. C. 221.

[9] *Палишева Н.В.* Указ. соч. С. 154.

[10] *Sri Aurobindo.* The ideal of the karmayogin // The complete works of Sri Aurobindo. Vol. 8. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Trust, 1997. С. 23–24.

РАСКОЛ ПЛСР В 1918 ГОДУ И ГЕНЕЗИС ПАРТИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОММУНИЗМА

Новгородцев Максим Викторович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Партия революционного коммунизма (ПРК) образовалась в сентябре 1918 года в Москве, вследствие откола части Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР).

Саратовская организация левых социалистов-революционеров 7 сентября 1918 года выдвинула лозунг создания единого фронта социалистической революции и обратилась ко всем комитетам и фракциям с просьбой принять участие во всероссийском съезде парторганизаций.

В бюро по организации съезда вошли: А. Александров, В. Безель, А. Биценко, М. Доброхотов, А. Колегаев, А. Устинов.

25 сентября 1918 года в Москве открылся съезд левых эсеров, разделяющих положения о недопустимости:

1) насильственного срыва Брестского мира;

2) террористических актов на Советской территории от имени Советской партии;

3) активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти;

4) всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущий через гражданскую войну к социализму[1].

Большинством голосов было принято решение о выходе из состава ПЛСР и создании самостоятельной партии. Решением съезда был принят принцип строительства партии снизу вверх, предусматривающий автономность местных организаций.

Заявляя о своей программной преемственности по отношению к ПЛСР, ПРК отвергла тактику левых эсеров и выступила в поддержку советской власти: «Партия революционного коммунизма не только программно приемлет советскую власть, как выражение власти трудящихся, но и содействует всячески её укреплению»[2]. Кроме того, ПРК выступала за единый революционный фронт с партией большевиков «в интересах успеха мировой борьбы за социализм»[3].

Однако просуществовала Партия революционного коммунизма недолго. На последнем, шестом съезде ПРК (состоялся 22 сентября 1920 года в Мо-

[1] Воля труда. 1918. № 1. С. 1.

[2] Воля труда. 1918. № 1 (68). С. 15.

[3] Там же.

скве) было принято решение о самороспуске и слиянии с РКП(б). Своё решение революционные коммунисты объясняли тем, что для обеспечения скорейшей победы нужно не дробить силы, а сделать так, чтобы в каждой стране все лучшие и самые боевые элементы трудящихся сплотились в единую коммунистическую партию, подчиненную Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала[4].

Ключевым для понимания идеологии ПРК является понятие «интегральный социализм». Наибольший вклад в разработку этой концепции внес А.М. Устинов.

Партия революционного коммунизма внесла свой вклад в революционный процесс, советское партийное и государственное строительство.

Фактом своего появления в 1918 году, ПРК легализовала бывших членов ПЛСР, которые не поддержали позицию своего ЦК по отношению к Брестскому миру, что позволило бывшим левым эсерам продолжать работать в Советах и официально считаться советской партией после событий 6 июля 1918 года.

Теория интегрального социализма, являвшаяся идеологическим фундаментом ПРК, представляет собой оригинальную социалистическую теорию, оппозиционную марксизму-ленинизму.

Исследование данной темы позволяет лучше понять общую картину идейно-политических противостояний среди социалистов различных направлений в период революции и гражданской войны, а также отношение РКП(б) к оппозиционным советским партиям.

[4] Воля труда. 1920. № 20 (87). С. 11–12.

ДИЛЕММА «ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ»: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ И ДИКТАТОРСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВОЙ

Новикова Мария Олеговна, Пучков Владимир Михайлович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Коренные изменения в жизни России, вызванные Февральской революцией, создали почву для возникновения демократической культуры и принципиально новых институтов государственной системы. События Второй русской революции активизировали общественность, привели к развитию многопартийности и небывалому росту политической инициативы. Население почувствовало реальную возможность повлиять на судьбу своей страны и определить ее новую форму государственного устройства.

Не будет преувеличением сказать, что общество, столь стремительно осуществившее свержение тысячелетней монархии, находилось в состоянии полного идейного разлада и непонимания происходящего, а это, безусловно, отягчало процесс формирования нового уклада жизни государства. Ситуацию, в свою очередь, осложняло также сложившееся двоевластие и межпартийная конкуренция в верхах. На момент начала работы Временного правительства наибольшими политическими силами обладали либералы, в особенности кадеты. Они играли важнейшую роль в Госдуме и многих организациях того периода[1]. В Советах же большинство принадлежало эсерам и меньшевикам, имеющим весомый авторитет среди населения[2]. Численность большевиков была не столь высокой и на момент Февральской революции составляла не больше 10 тысяч человек. Они не занимали значительных позиций в существовавших на тот момент органах и стремились к свержению Временного правительства. Ситуация кардинально изменилась ближе к Октябрю, когда в рядах партии насчитывалось уже около 200 тыс. членов[3]. Всего к 1917 году существовало более 100 партий, и все они по-своему видели будущее страны и стоящие перед ней задачи. Пожалуй, единственным, что объединяло их всех, было лишь предстоящее Учредительное собрание[4].

Конечно, столь широкий спектр политических сил для жителей еще недавно монархического государства был непривычным и сложным обстоятель-

---

[1] Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 150–168.

[2] *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петроград. М., 1989. С. 11–27.

[3] Политические партии России: история и современность... С. 256–257.

[4] *Сазонова Н.Н.* Политология: учебное пособие. М.; Берлин, 2015. С. 149.

ством. Теперь, чтобы соответствовать своим демократическим целям, народ должен был научиться разбираться в многообразии существовавших игроков и овладеть многими другими навыками, без которых невозможна политическая культура жителей демократического государства.

Такое, на наш взгляд, избыточное для одной страны количество партий получило отражение в не менее разнящихся симпатиях народа. Так, торгово-промышленные круги делали ставку на Временное правительство. Оно казалось наиболее легитимным органом власти и обладало широким кругом полномочий[5]. Нельзя сказать однозначно об уровне доверия к Временному правительству среди всего населения. Первые решения органа получили одобрение общества, так как отвечали популярным в то время требованиям. Среди них введение гражданских свобод, провозглашение равенства населения независимо от национальности и сословия, а главное, подготовка выборов в Учредительное собрание. Однако эти либеральные меры, приобщающие Россию к демократической политической практике, не решали главных и уже давно обострившихся проблем: безземелья, жутких условий труда и, самое важное, затянувшейся непонятной народу войны.

Среди рабочего населения куда большим авторитетом пользовались Советы. К лету 1917 г. они состояли из более чем 20 млн. человек и были распространены по всей стране, что делало их резонным претендентом на власть[6]. Советы порывались стать «собственной властной организацией» общества, чтобы претворять в жизнь истинно демократическое, народное правление, а потому контролировали деятельность большинства организаций того времени: местного самоуправления, общегосударственных и профсоюзных структур.

Большую роль в организации управления на местах играла самостоятельная инициатива населения, что привело к появлению множества различных правительственных форм. По всей стране создавались всевозможные общественные комитеты и организации, которые фактически брали на себя ответственность за ситуацию в своем регионе. Причем, как правило, в них были представлены как буржуазные слои общества, так и крайне революционно настроенная общественность[7]. Участие населения в проходивших преобразованиях было неоднородно. Часть в этом отношении была пассивна, другие же, ощутив свои гражданские права, творили откровенное «самоуправство», что в какой-то степени было связано с низким уровнем политического образования масс.

Можно отметить территориальные особенности политической ситуации в стране. Например, в промышленных районах популярностью пользовались революционные идеи, а основная власть находилась в руках Советов рабочих депутатов, которые были сформированы преимущественно

---

[5] *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 30–42.

[6] *Андреев А.М.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983. С. 24

[7] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. М., 1980. С. 196–198.

из большевиков[8]. Шла активная борьба за улучшение условий труда, ввод 8-часового рабочего дня и прочие меры, отвечающие интересам пролетариев. Ситуация дошла до того, что Советы стали не просто посредниками между буржуазией и трудящимися, а фактически взяли под контроль все дела в регионе.

В деревне наибольшую поддержку получили эсеры, отстаивавшие позиции крестьянского социализма. Программа партии, предусматривавшая социализацию земли, более всего отвечала интересам крестьян, поэтому последние видели в эсерах своих главных политических «защитников»[9].

В целом, можно сказать, что в регионах происходила стихийная демократизация управления. В ряде земель разрозненные власти пытались найти общий язык и сообща добиваться своих общих целей, в первую очередь расширения политических прав и возможностей. Однако власть в стране все же не была единой и систематизированной. Страна пребывала в непрерывном «брожении», не поддающемся конкретному определению, и ни о какой стабильности новых институтов не было речи.

Процесс перехода от монархического строя к буржуазному требовал отсутствия кризисной ситуации в стране в таком масштабе, в каком она существовала в 1917 году. Именно отсутствие политического единства в буржуазной элите, «усталость» от войны, нерешительность Временного правительства вкупе с активными пропагандистскими действиями «левонастроенных» сил привели к потере власти буржуазией и другими умеренными силами. Общество отчасти было готово к буржуазным изменениям в государстве, однако нерешительность Временного правительства, которое за полгода потеряло весь политический вес, развернула историю России на другой путь, «путь построения коммунизма». Ведь именно «большевики» смогли предстать той организованной силой, которая сумела сдержать «разрывающуюся» Россию, а главное – удержать ту власть, которая «была подобрана ими на улицах Петрограда» в Октябре. Наверное, на том этапе развития политического кризиса народу было нужно новое течение мысли, которое выступает решительно и действует в интересах наиболее сплоченной на той момент группы населения – рабочих Петрограда, которые на момент 1917 года обладали реальным политическим весом. Сделав ставку на них, «большевики» сумели захватить власть в столице, но не смогли привлечь на свою сторону значительные массы крестьянства, которые на выборах в Учредительное собрание массово проголосовали за соратников по левому крылу – эсеров, что предопределило последующий роспуск Учредительного собрания и новый политический кризис, который привел к диктатуре пролетариата и Гражданской войне.

---

[8] *Васьковский О.А., Заболотный Е.Б.* Итоги изучения социально-политических проблем О.Р. на Урале // Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937. Свердловск, 1985. С. 17.

[9] Политические партии России: история и современность... С. 188–198.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВЫХ ДЕКРЕТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Нуйкина Елена Юрьевна
(Историко-архивный институт РГГУ)

Обращение к трагическим революционным событиям 100-летней давности актуализирует вопросы законодательных инициатив новой власти, в том числе в области религиозной политики. Рассматривая религию как «один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах»[1], первые шаги советской власти были направлены на лишение Русской православной церкви каких бы то ни было прав, и в первую очередь, имущественных.

Первым делом из церковного ведения изымались монастырские земли. Уже 26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объявлял, что он берет власть в свои руки, и обещал обещаний обеспечить безвозмездную передачу «помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов»[2]. Декрет о земле от 27 октября 1917 г. закреплял это положение, провозглашая, что «помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле»[3].

Дальнейшее лишение Церкви принадлежащего ей имущества сопровождалось прекращением какой-либо государственной поддержки содержания храмов и священнослужителей[4].

В 1918 г. эти позиции были закреплены декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[5], согласно которому церковные и рели-

---

[1] *Ленин В.И.* Социализм и религия // ПСС. 5 изд. Т. 12. С. 142–147.

[2] Обращение II Всероссийского съезда советов к рабочим, солдатам и крестьянам от 26 октября 1917 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 10.12.2016).

[3] Декрет о земле // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. С. 4–6.

[4] Приказ Народного комиссариата государственного призрения РСФСР «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов» от 20 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 273.

[5] Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за

гиозные общества лишались права владения собственностью, права юридического лица, а все имущество объявлялось народным достоянием и переходило в непосредственное заведывание местных Советов, в том числе здания духовных и учебных заведений, а также церковно-приходских школ. В местный Совет Рабочих и Крестьянских депутатов необходимо было представить инвентарную опись имущества в трех экземплярах, на основе которой Совет принимал это имущество и передавал его в бесплатное пользование тем местным жителям (не менее 20 человек), которые желали взять его в пользование с учетом принятия на себя ряда обязательств, что закреплялось двусторонним соглашением (договором)[6].

Нарушение права пользования «этим имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей» и непринятие всех зависящих мер или же за прямое нарушение договора предполагало «уголовную ответственность по всей строгости революционных законов»[7].

Согласно Постановлению НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства» от 24 августа 1918 г.[8], не предназначенные специально для богослужебных целей «имущества церковных и религиозных обществ, а также бывших вероисповедных ведомств, как-то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все вообще доходные имущества, в чем бы они не заключались, не взятые до настоящего времени в ведение Советских установлений, незамедлительно отбираются от означенных обществ и бывших ведомств». Кроме того, капиталы церковных или религиозных обществ, хранившиеся в сберегательных кассах, а также наличные капиталы «бывших вероисповедных ведомств и церковных или религиозных обществ, каких бы наименований эти капиталы ни были и где бы они ни находились» подлежали перечислению в казну в двухнедельный срок[9].

Так, в ответ на телеграфный запрос Президиума Кинешемского исполкома от 17 марта 1919 г. VIII отдела Наркомюста разъяснял, что «от всех храмов, монастырей, кладбищ и прочих религиозных объединений должны быть затребованы в известный срок подробные описи богослужебного и прочего имущества, а также, на основании имеющихся в каждом храме приходо-расходных книг, подробные сведения о капиталах, как в процентных бумагах, так равно и в наличных деньгах. Все эти капиталы должны быть немедленно изъяты из ведения храмов, монастырей и проч., /на текущие расходы по совершению богослужений может быть оставляема некоторая сумма, по усмо-

---

1917–1918 гг. М., 1942. Отд. 1. Ст. 263. С. 286–287.

[6] Постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 62. Ст. 685. С. 849–858. Ст. 34.

[7] Там же.

[8] Постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 62. Ст. 685. С. 849–858.

[9] Там же. Пп. 16–25.

трению местного Исполкома/. Изъятые таким образом капиталы передаются на основании примерной ведомости, различным Советским ведомствам»[10]. В отношении имущества указывалось, что его следует разделить на две категории: имущество, предназначенное специально для богослужебных целей, и имущество, «представляющее из себя хозяйственное значение». Первое необходимо было на основании инструкции Народного Комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. передать группам граждан, желающим взять его в бесплатное пользование, на основании соглашения с местным Совдепом. Второй категорией Исполком мог распорядиться по своему усмотрению, т.е. или самому использовать «это имущество для тех или иных хозяйственных и культурно просветительных целей, или же передать его в арендное пользование тем или иным гражданам не исключая и служителей культов, на известный срок и по известному договору, на общих основаниях»[11].

Таким образом, первыми декретами Церковь если и не упразднялась совсем, то «по замыслу была представлена как сумма религиозных общин, которым и отдавались во временное пользование здания и богослужебные предметы»[12]. Законодательные инициативы, заложенные в первых декретах, касавшихся церковной политики, в дальнейшем получили развитие в сторону ужесточения и реализации политики, направленной на полное уничтожение религии в СССР, не совместимой с материалистической идеологией КПСС.

[10] ГА РФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 753. Л. 19.

[11] Там же. Л. 19 об.

[12] *Дамаскин (Орловский), игумен.* Епископ Гермоген (Долганев). М., 2010. С. 189.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ОТ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К НОВЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СИЛАМ ЧЕРЕЗ КРИЗИСЫ ВЛАСТИ

Оборский Евгений Юрьевич, к.и.н.
(Северо-Кавказский федеральный университет)

В огромном массиве исторической литературы важное место занимают споры об истоках революции 1917 года. Научный анализ определяет сложный комплекс причин, охватывающий все части российского общества начала XX века.

Модернизация и промышленная революция привели к сосуществованию новейших капиталистических элементов (начало плавной индустриализации, динамичное развитие отдельных отраслей промышленности, образование монополий, становление финансового сектора) с элементами феодализма (помещичье землевладение, абсолютная монархия, сословные привилегии). Описать состояние России в это время можно термином «многоукладность», предложенным К.Н. Тарновским[1]. Он отталкивался от мнения В.И. Ленина, последовательно доказывавшего тезис о российском империализме и его докапиталистических элементах, и называвшего состояние советской России в 1919 г. как «составленную из разнородных частей действительность», доставшуюся большевикам от прошлого[2].

В начале XX века внесла серьезные коррективы в сложившийся уклад урбанизация. Города и горожане активно пробивали себе нишу в сложившемся обществе. Городская среда разрушала крестьянский патриархальный менталитет, отрывала «новых» горожан от привычных условий обитания. По мнению С. Московичи «дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сел. В своем падении он увлек за собой традиционные религиозные и политические устои, а также духовные ценности. Вырванные из городских мест, из своей почвы люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиции к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой»[3].

Основоположник социологической науки П. Сорокин, будучи современником этих процессов, отмечал, что «люди в течение тысячелетий адаптировались к деревенской среде обитания, а не к городской. Перенесенный, одна-

[1] *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 226.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 38. С. 155.

[3] *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 44.

ко, волею истории со всем своим багажом старых инстинктов в город, человек ощущает себя лежащим на «кровати из гвоздей», к которой его рефлекторная система отнюдь не приспособлена»[4]. Жители городов становились новой социальной силой, которая изменила положение в стране. Именно в это время складывается прообраз массового общества не в классическом марксистском понимании – рабочая масса, крестьянская масса, а как объединение совершенно разных людей в ограниченном пространстве. Города становятся источниками культурного и духовного разлома всей страны. Все революционные импульсы исходили именно из городов. Если в XIX веке давление на власть и всю государственную систему идет из села, от нерешенности крестьянского вопроса, от надоевших всем феодальных пережитков, то уже в начале нового века горожане берут на себя инициативу перемен. Митинги и шествия проходят в городах. Газеты печатаются там же и рассылаются по ближайшим селам. Первыми возникают городские партийные ячейки, и только потом малочисленные сельские подразделения. В городах появляются многочисленные технические новинки, резко изменившие сознание всего человечества.

В условиях начавшейся войны Российская империя получила многомилионную армию, которая в совокупности с новой для России социальной общностью – горожанами и составила главную силу революции. Эта большая часть населения России не обладала собственностью, и поэтому была социально и политически мобильна. Фактически они находился в маргинальном положении, между классами. Пролетариат был молодым классом, без устоявшихся ценностей. Страна не выдержала напора новых социальных сил.

На это наслаивался глубокий системный кризис государственного управления страной. Самодержавная власть оказалась неспособна преодолеть системный кризис, вызванный попытками трансформации ее цивилизационных основ. В России не было такого социального института, который при всех противоречиях и конфликтах смог бы удержать политическую систему и общество от разрушительных процессов. Монархия, являвшаяся на протяжении всей ее истории фундаментом российской государственности, лишилась в начале XX века массовой социальной базы и стала утрачивать контроль над обществом. Утрата властью доверия и морального авторитета вела к усилению деспотических, репрессивных методов управления.

Происходила стремительная десакрализация царской власти. Все беды в своей жизни русский народ стал связывать с именем Николая II. В его глазах он перестал быть наместником Бога на земле, стал объектом насмешек, карикатур, массированной критики. Способствовали этому личные качества царя, сильное влияние Григория Распутина на государственные дела и даже национальность его жены[5].

Два с половиной года Первой мировой войны до предела обострили экономические проблемы страны. С 1916 г. все более заметным фактором внутриполитической жизни России становится хозяйственная разруха. Катастрофически не хватало топлива и металла, промышленные предприятия все

---

[4] *Сорокин П.А.* Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 287.

[5] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

чаще срывали военные заказы. Железнодорожный транспорт не справлялся с резко возросшим объемом перевозок, с эвакуацией населения, доставкой топлива, сырья, продовольствия[6]. В крупных городах, прежде всего в Петрограде и Москве, обострился продовольственный кризис. На улицах у магазинов появились длинные очереди.

Разруха ухудшала и без того тяжелое положение народных масс, подталкивая их к все более активным формам протеста. В деревне постоянные реквизиции хлеба, скота, лошадей провоцировали крестьянские волнения. Опасным для власти становилось антивоенное движение в армии и на флоте. На некоторых участках фронта российские солдаты устанавливали перемирие с противником, отказывались подчиняться офицерам, идти в наступление и т.п.

Важнейшей проблемой для России стала нерешенность аграрного вопроса. Решить его, не затрагивая помещичьего землевладения, было нельзя. А самодержавие, даже реформами, всячески поддерживало эту важную прослойку. Хотя, по сути, аграрная проблема России начала XX века носила не земельный, материальный характер, а психологический, поскольку реального прибавления наделов при разделе всех помещичьих земель между всеми крестьянами все равно не получилось бы.

Головную боль у правительства вызывала возросшая активность либеральной оппозиции. В Думе лидеры «Прогрессивного блока» резко критиковали царских министров за их неспособность привести страну к победе, доходя при этом до прямых обвинений в измене. В то же время, убедившись в нежелании царя идти на какие-то бы ни было уступки блоку, либералы стали разрабатывать планы свержения Николая II с престола.

Постоянно вспоминалась в общественном сознании революция 1905–1907 гг., которая еще была свежа в памяти народа и давала образцы протестного поведения.

На окраинах империи – Польше, Финляндии, Закавказье – существовала национальная напряженность, связанная со свертыванием автономий и политикой русификации и осложненная непростым положением евреев.

Указанный комплекс тенденций и условий привел к революционному взрыву 1917 года. Многие из этих проблем были решены только после кровопролитной гражданской войны.

[6] *Васильев Н.Г.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

Оленева Елена Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Первое упоминание такого термина, как либерализм, которое произошло от латинского «свобода»[1], относится к 1810 году[2], когда разработанная в Испании конституция была определена как «либеральная», а составителей текста конституции именовали «либералами». Затем данное понятие перешло в европейские языки, начиная с английского и французского.

Прообразы ряда классических концепций либерализма можно найти еще в античности. Хотя зарождение либеральной мысли происходило именно в XVII–XVIII веках, либеральные идеи также появлялись еще в эпоху Возрождения и Реформации. Многие великие мыслители занимались исследованием понятий прав и свобод человека, народного суверенитета и гражданского общества. Среди них – Джон Локк, Бенедикт Спиноза, Шарль Луи Монтескье, Френсис Хатчесон, Иммануил Кант и другие. Они стремились пересмотреть устаревшие устоявшиеся ценности и мировоззрение, касающиеся решения проблем в социально-экономических и политических сферах. Важной составляющей их позиции было изменение существовавших институтов, которые потеряли свою эффективность и перестали отвечать запросам времени. Появились новые тенденции в общественно-историческом развитии, отсюда следовала необходимость преобразования и усовершенствования общепринятых положений и концепций.

Основополагающей чертой либерализма является индивидуализм, который провозглашает приоритет личности в его отношениях с обществом и государством. Из идеи суверенитета и верховенства человека вытекает концепция прав и свобод личности, которые государство и общество должны гарантировать и всячески защищать, и которые не могут быть отчуждены. Первым провозглашенным главным правом человека была свобода вероисповедания, позднее главным правом стали считать право на обладание и распоряжение собственностью[3].

Такой документ, как Великая хартия вольностей 1215 года, можно считать идеологической первоосновой британской либеральной традиции. Например, в 39 параграфе указано, что свободный человек не может быть арестован, отправлен в тюрьму, лишен собственности, объявлен вне закона, изгнан или каким-либо иным способом обездолен, кроме как по решению судебного

[1] *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции. М., 2001. С. 25.

[2] Либерализм Запада XVII–XX вв. М., 1995.

[3] Либерализм Запада XVII–XX вв...

приговора пэров[4]. Идеи этого документа расширялись и дополнялись каждое столетие, а взаимоотношения парламента и монархии способствовали возникновению принципа разделения властей и развитию концепции правового государства.

XVII век можно по праву считать главным веком формирования принципов либеральной мысли в Великобритании[5]. Идеалами и принципами, которые впоследствии стали неотъемлемой частью либерального мировоззрения, руководствовались активисты английской буржуазной революции (середина XVII века), Славной революции (1688 год), а также войны за независимость в США или американской революции (1775–1783 года).

«Декларация независимости США» 1776 года является первым официальным документом, где либеральные идеи в должной мере были формально выражены. Под воздействием этого документа и самой американской революции сложились основополагающие либеральные традиции в США.

Стоит отметить, что зарождение и первоначальное развитие либерализма заключалось в формировании основного круга подходов, подбора различных способов аргументации и оснований главенства и важности либеральных идей[6].

Либерализм не единообразен в представлениях различных мыслителей, и, по сути своей, может считаться разнообразным и в чем-то внутренне противоречивым, так как он непосредственно базируется на проблеме прав и свобод личности[7].

---

[4] Великая хартия вольностей // Памятники истории Англии XI–XIII вв. М., 1936.

[5] Либерализм Запада XVII–XX вв...

[6] Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.) М., 2004. С. 3.

[7] Там же.

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Р.Г. МОЛЛОВ: ОПЫТ БИОГРАФИИ

Опилкин Алексей Сергеевич, к.и.н.
(Российский институт стратегических исследований)

Изучение «силовых структур» Российской империи в последние два десятилетия идет очень активно. Число публикаций в рамках исторических и юридических исследований исчисляется многими десятками. Значительная часть исследований связана с одним из ведущих подразделений Министерства внутренних дел – Департаментом полиции (ДП), в компетенцию которого входило руководство общей и политической полицией империи.

Несмотря на активное изучение системы управления как общей, так и политической полиции Российской империи в последние два десятилетия, целый ряд вопросов до сих пор не нашел отражения в работах исследователей. В частности, не рассмотрен личный вклад некоторых руководителей ДП в деятельность Министерства внутренних дел и политику России начала XX века.

Отчасти такая ситуация связана с тем обстоятельством, что в отечественной историографии сохраняется интерес в первую очередь к фигурам «первого порядка» – министрам и их товарищам (заместителям). Директор департамента, пусть даже полиции, воспринимается как второстепенная фигура, полностью контролируемая сверху. Однако изучение архивных материалов показывает, что не все так однозначно. В сложные периоды, такие как революционные события 1905–1907 гг. или период Первой мировой войны, «административный вес» директора ДП резко возрастал. Это касается как людей, достаточно длительное время стоявших во главе Департамента полиции, таких как М.И. Трусевич[1], так и тех, кто находился в должности директора департамента гораздо менее продолжительный срок.

Одним из таких руководителей был Р.Г. Моллов (1867–1925), директор Департамента полиции в сентябре–ноябре 1915 г.

Русчу (Гавриил) Георгиевич Моллов родился 20 ноября 1867 г., православный, болгарин[2]. Согласно семейному преданию, Русчу Георгиевич был взят в Россию после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. одним из генера-

[1] Трусевич Максимилиан Иванович – директор ДП в 1906–1909 гг., один из авторов проекта реформы полиции империи, проведший последние крупные преобразования в системе политического розыска, впоследствии сенатор и глава комиссии по расследованию убийства П.А. Столыпина.

[2] См.: Формулярный список о службе бывшего прокурора Одесской судебной палаты действительного статского советника Русчю Георгиевича Моллова // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 237–238.

лов русской армии[3]. В результате Р.Г. Моллов попал в элитное Императорское училище правоведения. Данное высшее учебное заведение славилось не только качеством преподавания, но и являлось прекрасной стартовой площадкой для карьеры. Достаточно сказать, что выпускниками училища были обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр внутренних дел А.Г. Булыгин, Эстляндский и Тверской губернатор Н.Г. фон Бюнтинг и четыре директора Департамента полиции (помимо Р.Г. Моллова – С.Э. Зволянский, М.И. Трусевич, Н.П. Зуев). Это же училище закончили получившие всемирную известность вне государственной службы П.И. Чайковский и А.А. Алехин.

После окончания училища в 1889 г.[4] Р.Г. Моллов служил «по судебному ведомству и по прокурорскому надзору»[5]. С 1891 по 1911 г. Русчу Георгиевич прошел путь от помощника секретаря Орловского окружного суда до прокурора Одесской судебной палаты.

За эти годы Р.Г. Моллов женился на Александре Львовне Старицкой (р. 1874) из семьи крупных землевладельцев Полтавской губернии[6] и стал отцом пятерых детей. Интересный факт: из рода Старицких была и жена выдающегося ученого В.И. Вернадского – Наталья Егоровна. В свою очередь, брат последней – Г.Е. Старицкий – являлся одноклассником Р.Г. Моллова по Училищу правоведения[7].

30 января 1897 г. Русчу Георгиевич вместе с сыном стал подданным Российской империи[8]. В 1910 г. будущий директор Департамента полиции получил чин действительного статского советника[9].

Практический интерес к деятельности спецслужб, к разведке и контрразведке, обнаружился у Р.Г. Моллова в начале 1910-х гг., когда он стал прокурором в Одесском округе. Пограничное положение округа постоянно привлекало к нему внимание австро-венгерских спецслужб, деятельность которых порой удавалось обнаружить. Именно здесь Русчу Георгиевич получил пер-

---

[3] См.: *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 гг. Кн. 2. Январь 1920 – март 1921. Киев, 1997. С. 147.

[4] См.: Список бывшим воспитанникам Императорского училища правоведения... 50-го выпуска, 1889 г. 19 мая в издании: *Пашенный Н.Л.* Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. URL: http://www.genrogge.ru/isj/isj-091-4.htm#v50 (дата обращения: 29.03.2013) – *Интересно, что в данном списке Моллов фигурирует как Русчу Егорович, а не Георгиевич.*

[5] См.: Формулярный список о службе бывшего прокурора Одесской судебной палаты действительного статского советника Русчю Георгиевича Моллова... С. 238–239.

[6] Там же. С. 238, 240.

[7] См.: Список бывшим воспитанникам Императорского училища правоведения... 50-го выпуска...

[8] См.: Формулярный список о службе бывшего прокурора Одесской судебной палаты действительного статского советника Русчю Георгиевича Моллова... С. 239.

[9] Там же.

вый опыт в сфере контрразведки. Начало Первой мировой войны как никогда актуализировало данную проблематику.

В итоге летом 1915 г. Р.Г. Моллов получил распоряжение великого князя Николая Николаевича (на тот момент главнокомандующего русской армией) разработать проект организации контрразведки[10].

В июне 1915 г. на пост министра внутренних дел достаточно неожиданного был назначен князь Н.Б. Щербатов, до этого руководивший Главным управлением государственного коннозаводства, губернский гласный и полтавский предводитель дворянства. На должность директора ДП князь пригласил лично ему знакомого бывшего прокурора полтавского окружного суда Р.Г. Моллова[11].

6 сентября 1915 г. Русчу Георгиевич Моллов был назначен директором Департамента полиции и оставался на этом посту вплоть до 23 ноября 1915 г.[12]

Должность главы Департамента полиции как нельзя лучше подходила для продолжения разработки плана по реорганизации контрразведки империи. Моллов создал специальную комиссию для разработки проекта «Положения о контрразведке». К работе комиссии были привлечены профессионалы, не питавшие иллюзий относительно кадрового состава контрразведывательных отделений и Корпуса жандармов. Эти люди достаточно хорошо представляли плюсы и минусы существующей модели управления политической полицией и контрразведкой и были знакомы с условиями работы в западной части империи. В результате активной работы комиссии при ДП, уже 17 октября 1915 г. проект «Положения о контрразведке» и докладная записка Р.Г. Моллова были представлены новому товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому[13].

За два с половиной месяца руководством Департаментом полиции Р.Г. Моллов не только вел текущие дела, но и попытался восстановить и повысить эффективность работы департамента. При этом необходимо учесть, что до 1915 г. Моллов не служил в Министерстве внутренних дел и не был знаком с работой ДП «изнутри». Новому директору априори было нужно время для вхождения в курс дела. И все это на фоне войны и задачи реорганизации контрразведки. Основная функция департамента – руководство общей и политической полицией империи – тоже никуда не исчезла, требуя большого количества времени и сил.

После снятия с поста директора 23 ноября 1915 г. Р.Г. Моллов не стал сенатором, как большинство руководителей ДП до него, а был назначен Полтавским губернатором[14]. Возможно, нарушение устоявшегося порядка связано с непродолжительным сроком пребывания в должности и «неподходящим»

---

[10] См.: *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): организационное строительство. М., 2004. С. 39.

[11] См.: Допрос князя Н.Б. Щербатова // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 224–225.

[12] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 139. Л. 76 об.

[13] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915. Д. 356. Л. 4.

[14] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 139. Л. 76 об.

происхождением (незадолго до этого Болгария вступила в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии). А может, свою роль сыграл факт чрезмерной независимости и «неудобности» назначившего его директором князя М.Б. Щербатова. Во всяком случае, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства князь Щербатов отмечал, что даже губернаторское место едва досталось Моллову[15].

После событий февраля 1917 г. Р.Г. Моллов с семьей какое-то время оставался в Полтавской губернии. В мае 1918 г. в Полтаве В.И. Вернадский обсуждал с ним внутриполитическую ситуацию на Украине[16].

Что касается последующей судьбы Р.Г. Моллова, то встречаются упоминания о его участии в «белом» движении, в частности, о службе в Вооруженных силах юга России[17], членстве в Совете государственного объединения России и поддержке командования французского экспедиционного корпуса в Одессе в 1919 г.[18]

Позже семья Молловых эмигрировала и в 1920 г. оказалась в Софии. Крах империи, которой Русчу Георгиевич служил бóльшую часть жизни, потеря средств к существованию и вынужденное бегство из России стали серьезным ударом, но не заставили его сложить руки или заняться устройством исключительно собственной судьбы.

В июле 1920 г. Р.Г. Моллов стал одним из членов-учредителей Общества единения русских в Болгарии[19]. Целями Общества было сплочение бывших подданных Российской империи на болгарской земле и содействие организации государственной власти, «способной вывести Россию из состояния анархии»[20].

Создатели Общества стремились преодолеть разобщенность эмигрантов – «политическую нетерпимость, кружковщину, верноподданность партийным программам». Предлагалось объединиться на базе русских национальных и культурных ценностей, на основе идеи служения Родине[21].

Р.Г. Моллов добился принятия устава Общества министром внутренних дел Болгарии[22] и заслуженно стал первым председателем Совета Общества[23]. В августе 1921 г. он активно участвовал в работе съезда русских

---

[15] Допрос князя Н.Б. Щербатова... С. 224.

[16] *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Кн. 1. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев, 1994. С. 79–80.

[17] См.: *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. М., 2002. С. 327; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 в шести томах. М., 2004. Т. 4. С. 623.

[18] См.: *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 491.

[19] ГА РФ. Ф. Р5767. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.

[20] Там же. Д. 1. Устав Общества единения русских в Болгарии. Л. 3.

[21] Там же. Л. 38.

[22] Там же. Д. 3. Л. 22 об.

[23] См.: *Алексеева Е.В.* «Общество единения русских в Болгарии» (1920–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/6.shtml (дата обращения: 2013.04.02)

беженцев, проживавших в Болгарии[24], стремясь объединить и организовать эмигрантов.

Смерть Русчу Георгиевича Моллова 29 ноября 1925 г. в Софии[25] подвела черту под его многолетним служением России.

[24] Там же.

[25] См.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999... С. 623.

РАБОТА М.А. БАКУНИНА «ФЕДЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И АНТИТЕОЛОГИЗМ»: ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Орлова Наталья Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Творческое наследие Бакунина представлено многочисленными работами, одной из которых является «Федерализм, социализм и антитеологизм». Данная работа была написана в 1867 году и представлена членам Лиги Мира и Свободы в качестве программного документа данной организации. Произведение не было дописано, так как его последняя глава «Антитеологизм» требовала доработок и должна была быть представлена Лиге позднее. Однако этим планам не было суждено сбыться. Бакунин покинул Лигу Мира и Свободы после ее второго съезда в 1868 году, а данная работа так и осталась незавершенной. Многие работы М.А. Бакунина не были закончены, в них отражен скептицизм по отношению к теории, догме, которые возникли у мыслителя в результате многолетней и разносторонней политической и революционной деятельности. Огромный запас энергии и желания преобразовать общество порождали у Бакунина «нетерпение» – желание поскорей, любыми средствами достичь цели, торопливость, граничащую с революционным авантюризмом[1].

Будучи крупнейшим практиком европейского революционного движения, Бакунин заложил основы революционного анархизма, наполняя анархизм «определенно социалистическим духом и революционной волей»[2]. Склонность человека к бунту, революции заложена самой природой. Инстинкт самосохранения и развития свойственен всем живым существам и человеку в том числе. Современное положение рабочего класса должно было, по мнению Бакунина, неминуемо привести к взрыву общественного недовольства и социальному бунту. Экономическое и социальное притеснение, отсутствие возможностей для саморазвития и образования должны были способствовать росту недовольства. Для осуществления революционной борьбы Бакунин старался «организовать активные силы, обратившись к социально-революционным инстинктам, дремавших... в массах»[3].

Рассматриваемая работа «Федерализм, социализм и антитеологизм» содержит в себе программу необходимых условий для создания общества на безгосударственной основе. Главной идей данного труда является построение

[1] *Бакунин М.А.* Избранные труды. М., 2010. С. 18–19.

[2] *Неттлау М.* Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. М., 1920. С. 72.

[3] Там же.

Соединенных Штатов Европы на основе свободы объединения общин (федерализм), принципах справедливости (социализм) и веры в человеческий разум, над которым не довлеют авторитеты Бога и абсолюта (антитеологизм). В этих принципах закрепились основные идейные положения философии Бакунина – антропологический принцип анализа социальной действительности, телеологизм, интуитивизм. Необходимыми условиями для проведения социальных преобразований Бакунин считал борьбу трех составляющих природы человека – животной природы человека, мысли и духа возмущения, которые тесно связаны с социальными и экономическими отношениями, наукой и свободой.

Природа человека состоит в удовлетворении потребностей, которые Бакунин разделял на «животные, основные» (низшие) и «собственно человеческие» (высшие). Потребности низшего уровня образуют необходимую для жизни человека основу, которые ему еще необходимо реализовать. Именно в необходимости реализации базовых потребностей Бакунин усматривал начало творческого начала человека и его способности мыслить и познавать окружающую действительность, т.е. начало собственно человеческих потребностей. Возвыситься до этого высшего уровня человеку не позволяют государство и религия. «Дух коллективной общественности» пагубно влияет на человека по причине своей неестественности, подавления «творческого физиологического процесса». Государству Бакунин противопоставляет «естественное общество». Такая форма общественной жизни, по мнению Бакунина, имеет потенциал неограниченно развития вследствие толчков, получаемых от частной инициативы[4]. Высшей ценностью «естественного общества» Бакунин называет свободу. Кроме названных ограничений – государства и религии препятствием на пути к свободе является неразвитость науки, которой не признаны законы общества и «должным образом не установлены».

По мнению Бакунина, государства, устанавливая общественной порядок, являются главной причиной антагонизма классов. Рабочий класс, угнетенный экономическими и социальными условиями, не имеет возможности для развития своих способностей ввиду отсутствия времени на досуг и невозможности сделать перерыв в трудовой деятельности.

Идеи социализма, которыми пропитаны массы, принесут обществу, по мнению Бакунина, не только экономическое освобождение, но и свободу от религиозного суеверия. Социализм, основанный народом и на принципах всеобщей свободы, не терпит надчеловеческих установлений, будь ими государство, законодательство или религия. Бакунинский антитеологизм, изложенный в данной работе, стал естественным заключением рассуждений мыслителя о свободе и построения анархистского общества.

Особый интерес представляет собой понятие патриотизма в социально-политической доктрине Бакунина. Связывая понятия патриотизма и государственного интереса, мыслитель приходит к выводу о том, что государство, действуя в рамках интереса всех граждан, может пойти на любые преступления. Действия, признаваемые преступлениями против морали, становятся благом, если речь идет о государственном интересе. Государственный интерес

[4] *Бакунин М.А.* Федерализм, социализм и антитеологизм // Избранные сочинения. М., 1920. Т. 3. С. 205.

и патриотизм способствуют разрушению всеобщей солидарности и свободы. Данные понятия несут в себе признаки превосходства одного народа над другим и заставляют совершать недопустимые поступки с точки зрения общечеловеческой морали – оскорблять, грабить, угнетать. Патриотизм представляет собой добродетель и составляет «наивысшую мораль Государства»[5]. Цель государства состоит в увеличении своего могущества, поэтому оно всегда будет пожирать, завоевывать, порабощать, чтобы не подвергнуться уничтожению[6].

Таким образом, работа Бакунина «Федерализм, социализм и антитеологизм» содержит следующие политические идеи:

– идеал М.А. Бакунина – общество, построенное на принципе объединения свободных ассоциации, подчиняющихся естественным законам и основанным на принципе всеобщей солидарности;

– общество, организованное по принципам социализма, основывается на идее справедливости и несет в себе свободу человека от экономического и религиозного рабства;

– антитеологизм представляет собой метод освобождения общества от государства;

– ликвидация государства как надчеловеческого образования, ограничивающего свободу народа;

– государства создают ценности человечности и справедливости внутри себя, по отношению к другим государствам они всегда враждебно настроено, следовательно, принцип патриотизма является губительным для всеобщей солидарности;

– основным элементом неравенства в обществе является несправедливое разделение труда и отсутствие равных возможностей для получения образования.

Идеалом общества для Бакунина является общество, построенное на принципах всеобщей справедливости и равенства, которые заключаются в примерно разных возможностях человека с его рождения. Человек, по мнению, Бакунина должен рождаться с возможностью для развития своих природных способностей и их применения в трудовой деятельности.

---

[5] *Бакунин М.А.* Указ. соч. С. 190.

[6] Там же.

БЕЛОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И АНТИСОВЕТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1918–1921 гг.: ФОРМЫ УЧАСТИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Петренко Андрей Анатольевич
(Российский государственный гуманитарный университет)

Антисоветское повстанческое движение в указанный период стало важным фактором военно-политической борьбы на территории Белоруссии, который влиял на отношения внутри белорусской деревни и на формирование психологии крестьянства. Одним из путей исследования этого влияния является рассмотрение форм участия крестьян в повстанческой борьбе, а также способы противостояния повстанцам.

Белорусскую деревню по отношению к повстанческому движению можно разделить на несколько групп: 1. Активно поддерживающая повстанческое движение; 2. Не поддерживающая ни одну из сторон конфликта (колеблющаяся); 3. Противостоящая повстанчеству.

Первую группу, можно разбить на несколько частей.

Первая часть – это непосредственно боевое ядро повстанческих организаций. Т.е. крестьяне, которые ушли на нелегальное положение – «в лес» [1]. Такой контингент не всегда был многочисленным, в первую очередь из-за специфики ведения партизанской войны, которая не предполагает крупных военных операций с задействованием многочисленного военного актива.

Вторая часть – это так называемый повстанческий резерв. Т.е. те люди, которые, находясь на легальном положении, готовы, однако, в любой момент вооружено выступить по первому зову повстанческих вожаков[2]. Эта часть крестьянского населения, как правило, была наиболее многочисленной, т.к. это позволяло экономить силы и поддерживать связь с активными партизанами.

Третья часть, пересекающаяся со второй, это «обслуживающий персонал» повстанчества. Т.е. крестьяне, находящиеся на легальном или нелегальном положении, которые занимались обеспечением продовольствием,

[1] Чаще всего это были дезертиры РККА (см.: *Хохлов А.Г.* Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 гг. Минск, 1981. С. 18, 47–48).

[2] В р-не г. Борисова, пор[учик] Кат создал из местных жителей пять отрядов, которые по его приказу собирались для налетов (см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 727. Л. 48).

сменой и кормлением лошадей, предоставлением ночлега[3] и т.п. Чаще всего этим занимались родственники повстанцев[4].

К этой же части крестьянского населения можно отнести участников повстанческих организаций, занимающихся связью: всевозможные связные, информаторы, «свои люди», проводники и т.п.

Сюда же нужно отнести учителей, врачей, кооператоров, священников – наиболее политически подготовленную и национально ориентированную часть белорусской деревни, представители которой не только часто возглавляли повстанческие организации, но и занимались их политической подготовкой.

Второй группой белорусских крестьян, которую мы выделили, является постоянно колеблющееся деревенское население. Те, кто приспосабливался к часто меняющимся условиям и участвовал в наиболее выгодных предприятиях. Например, могли входить в комитет беднейшего крестьянства, и одновременно помогать местной повстанческой организации. Делали они это не потому что они были идейными борцами с советской властью, а потому, что так было безопаснее или полезнее.

Данную группу тяжело выявить в море вооруженного белорусского крестьянства, так как симпатии таких крестьян постоянно менялись. Одни и те же крестьяне могли сначала громить советские структуры у себя в волости, но потом, после насилия со стороны какой-либо другой партизанской группы, могли записаться в отряд самообороны и бороться с повстанцами.

В партизаны часто шли не по убеждению, а из-за возможности поживиться. В Борисовском уезде в отношениях населения с «бандитами» практиковалась так называемая поденщина. «Поденщик» – обычный крестьянин, сам приходил к главарю «банды» и просился на какое-нибудь «дело», чтобы поправить свое материальное положение[5]. В советских документах часто встречаются сообщения о грабежах продовольствия, скота и др.[6]

Если одна часть крестьян смотрела на повстанцев как на освободителей и защитников от большевистского режима[7] и поэтому поддерживала их,

---

[3] «Средства к существованию получают при посредстве крестьян нейтральной полосы. Бандиты размещены по квартирам крестьян нейтральной зоны» (см.: ГАМО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 6. Л. 60).

[4] В 1931 г. на допросе в ГПУ колхозница Игуменского уезда Анна Соколова утверждала: «...Во время существования бандитизма в нашей местности все особы молодого возраста (...) все до одного были в бандитах. Дома остались старые и малые, но и они бандитам помогали – носили в лес еду» (см.: *Стружинська Н.І.* Білорусь бунтівна: з історії збройного антирадянського спротиву в 20-ті рр. XX століття. Мінськ, 2012. С. 277–278).

[5] *Тисецкий А.В.* Атаман Монич // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 787.

[6] Неизвестная повстанческая группа в окрестности местечка Шацк в августе 1921 г. угнала 27 голов скота (см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 727. Л. 100). Очевидно, что наличие при партизанском отряде даже нескольких коров, к примеру, сильно снижало мобильность отряда. Поэтому, можно предположить, что скот был уведен местными «поденщиками».

[7] Секретный осведомитель Бобруйской уездной комиссии по борьбе с банди-

то другая часть от них сильно страдала, что определяло отношение третьей группы крестьян к происходящей «малой войне». Сообщения об убийствах и грабежах мирных жителей повстанческими формированиями не сходили со страниц большевистских разведсводок и иных документов[8]. Поэтому совершенно закономерным является то, что часть местного населения участвовала в борьбе с повстанцами, создавая местные отряды самообороны и включаясь в большевистские силовые структуры[9]. Являясь агентами большевистского режима на местах, эта группа становилась одной из главных целей повстанцев и находилась под постоянной угрозой нападения[10], что приводило к эскалации конфликта между указанными группами крестьянского населения.

Как мы видим, повстанческое движение не только частично объединяло крестьянское общество под угрозой внешней опасности, но и развивало «разбойничью» психологию крестьян, создавая криминогенную обстановку, а также порождало конфликты и противоречия внутри белорусской деревни.

тизмом докладывал: «Население же в большинстве случаев относится к бандитам довольно сочувственно. Причина этому полная несознательность крестьянина, видящего в бандите защитника от власти, т.к. бандиты особенно ищут продагентов и убивают их беспощадно, так что выполнение разверстки практически остановилось» (см.: РГВА. Ф. 25848. Оп. 1. Д. 42. Л. 24).

[8] В Речицком уезде «зеленые» замучили более 100 человек, в Хойках убили и ранили 85 жителей. По подсчетам советской стороны более 75% населения волостного центра были полностью ограблены (см.: РГВА. Ф. 42.Оп. 1. Д. 1266. Л. 9); Отряд С. Павловского, присланный из Польши, своими злодеяниями заставлял крестьян Игуменского уезда при появлении повстанцев искать защиты у красноармейцев (см.: ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 47. Л. 22); повстанцы Слуцкого уезда осенью 1920 г. прибегали к наказаниям (25 ударов бича) за сокрытие продовольствия и подвод от повстанцев (см.: *Стружинська Н.І.* Указ. соч. С. 97).

[9] Банда атамана Киселя имела столкновение с таким отрядом 28.07.21 (см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 727. Л. 15); в марте 1918 г. Оршанский совет приступил к организации боевого отряда для борьбы с бандитизмом. Председатель уездного исполкома А.Л. Юрченко, в апреле 1918 г. организовал отряд, во главе которого вел борьбу с повстанцами в Мстиславском уезде. Отряду Бобруйского уезда в результате плодотворной работы местного ревкома удалось ликвидировать повстанческую организацию (см.: *Хохлов А.Г.* Указ. соч. С. 21–22); Коммунистическая ячейка Тимковской волости Слуцкого уезда в июле 1921 г. просила уездную организацию утвердить отряд особого назначения для предотвращения беспорядков, вызванных передвижениями повстанцев. И отпустить 50 винтовок с необходимым количеством снаряжения (см.: Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2001. С. 124).

[10] РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 727. Л. 4–6, 67.

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Петухова Александра Павловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

На рубеже XIX – начала XX в. в Российской империи проходили процессы трансформации традиционного политического строя, экономики и социальной структуры. Переход к модерности отличался рядом особенностей, но в целом соответствовал аналогичным процессам в других развитых странах. Ломка традиционной структуры сопровождалась глубокими кризисными явлениями. Представители правящих элит вынуждены были вырабатывать свое отношение к переменам, происходящим в стране, на фоне перманентного недовольства значительной части населения и серьезной агитации представителей левых движений. Эпоха рождения средств массовой информации предлагала и новые инструменты политической борьбы.

Факт наличия «революционной пропаганды» – организации систематической идеологической работы с населением со стороны левой оппозиции, – не подвергается сомнению. Гораздо более неоднозначным выглядит ответ на вопрос, существовал ли в информационном пространстве Российской империи симметричный ответ «справа».

Возможности «государственнической агитации» в целом оценивались очень скромно, отчасти под влиянием традиции, идущей от В.И. Ленина. Самодержавие упрекали в пренебрежении идеологическими проблемами, в отсутствии пропагандистских навыков, в абсолютном неумении завоевать читательскую аудиторию. Закономерно следовал вывод о неэффективности правительственной пропаганды[1]. Считалось, что самодержавие и правые силы в целом являли собой реликт, и по определению не могли противопоставить революционным силам сколько-нибудь работающий вариант идеологической программы.

Анализ информационного пространства Российской империи времен Николая II позволяет говорить о попытках организовать систему «правой» пропаганды сразу на нескольких уровнях.

1. Организация системного воздействия на население в рамках отдельных министерств.

[1] *Григорьев С.И.* Придворная цензура – последняя ведомственная цензура Российской империи. В кн.: Цензура в России: история и современность. Вып. 2. СПб., 2005. С. 32; *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX в. М., 2003. С. 47, 51.

Здесь стоит отдельно упомянуть о деятельности кабинета П.А. Столыпина и проектах И.Я. Гурлянда. С.Е. Крыжановский упоминал о создании зачатка «министерства пропаганды» и многочисленных формах идеологической работы с населением, которые апробировались при Столыпине[2]. Деятельность «рептильного фонда», поддержка печатных изданий, публикация агитационных брошюр, организация «полезного чтения» для военных – не полный их перечень[3].

2. Деятельность по воспитанию населения в духе правых ценностей, инициировавшаяся отдельными политическими партиями и общественными организациями. При этом нужно проводить четкий водораздел между пропагандистской деятельностью, вызванной прагматическими задачами (например, выборы) и теми случаями, когда работа с населением мыслилась как самоцель. Так, например, работу с общественным мнением видели своей важнейшей задачей члены Русского собрания[4].

3. Усилия в области организации массовой пропаганды среди населения, которые предпринимались отдельными людьми или кругом единомышленников, не связанных между собой строго формальными рамками. Хрестоматийными примерами может служить деятельность генерала Е.В. Богдановича на ниве организации патриотической пропаганды в широком смысле слова или генерала М.М. Бородкина и его коллег по созданию определенного видения проблем национальных окраин.

Е.В. Богданович занимался изданием и распространением брошюр и картин для пропаганды монархических идей в армии, во флоте, в системе образования. Он много ездил по стране, организовывал встречи с чиновниками и простонародьем, анализируя народные настроения и пытаясь воздействовать на них[5].

Эксперты по «финляндскому вопросу» сознательно использовали средства массовой информации вплоть до организации «кампаний» в прессе, пы-

---

[2] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е. Кр-кого, последнего государственного секретаря Российской империи. Б.г. Б.д. С. 103.

[3] Всеподданнейший отчет военного министерства. Общий обзор за 1908 год. СПб, 1910. С. 134; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства. М.-Л., 1926. Т. V. Допрос С.Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. С. 404, 408, 409, 410; По изданию газеты «Россия» за январь–июнь 1907 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 33. Д. 109. Л. 1–244.

[4] Черновые заметки Б.В. Никольского по вопросам деятельности «Русского собрания» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 588. Оп. 3. Д. 24. Л. 1–3, 6; Записка Б.В. Никольского на имя царя об организации распространения патриотических листовок и брошюр в войсках, 1905 г. // ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1307. Л. 1–2; Дело о постановлениях в заседаниях Совета Русского Собрания. // ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1244. Л. 20, 28.

[5] Материалы для биографии Е.В. Богдановича ко дню его восьмидесятилетия (26 февраля 1909 года). СПб., 1909. С. 27; Официальное письмо Е.В. Богдановичу о получении брошюры «Царь-освободитель» для раздачи полку от 10 сентября 1898 // Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Оп. 2. Д. 249.; Светлый юбилей. СПб, 1909. С. 13, 15, 28;

таясь лоббировать определенные решения в правительстве и одновременно создать в обществе «правильное» понимание путей развития отношений с Великим княжеством Финляндским и в целом национальной идеологии[6].

Действия акторов из указанных трех групп не всегда были скоординированы между собой. По всей вероятности, можно говорить о самом начале процесса организации системы государственной пропаганды. Тем не менее, в документах зафиксировано такое количество свидетельств активности консерваторов на поле идеологической работы с населением, что старый тезис о пассивности Ancien Regime перед лицом пропаганды и агитации левых политических сил не выдерживает критики.

Тема наличия активной правой пропаганды в информационном поле империи раскрывается не только в деятельности ее организаторов, но и при непосредственном анализе источников массовой информации, вплоть до выявления их новых типов. Так например, сохранились данные о массовой организации печати и распространения агитационных брошюр на самые разные сюжеты при правительстве Столыпина[7]. Но есть свидетельства, что данный инструмент активно использовался в работе с общественным мнением и до него. В частности, существует целый комплекс брошюр, выходивших в период англо-бурской войны. Исследователями выдвигалась гипотеза о намеренном вбрасывании этих изданий в информационное поле для решения вполне конкретных идеологических задач[8]. Большую роль играли брошюры в освещении правыми публицистами проблем национальных окраин.

Проблемное поле организации массовой пропаганды в информационном пространстве России времен поздней Империи включает в себя немало дискуссионных вопросов, в том числе об эффективности пропагандистской деятельности консерваторов, о согласованности их действий с официальной властью, об адресате соответствующих изданий, основных методах организации пропаганды и ее инструментах, жанровых и риторических особенностях. Как правило, это достаточно сложные вопросы, требующие дополнительных исследований. Однако целесообразным видится принцип рассмотрения их в рамках единой картины: попытка правых сил российского общества дать адекватный ответ на вызовы революционной эпохи, в контексте общих закономерностей трансформации идеологической жизни общества при переходе к модерному типу.

---

[6] Подробнее см.: *Петухова А.П.* «Скажи мне, кто твой враг...»: «антифинляндский дискурс» в пространстве общественно-политической коммуникации Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 202–204.

[7] *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 102–103.

[8] *Витухновский А.Л.* Россия и англо-бурская война. Л., 1949. (Микрофильм диссертации). С. 142–147.

РОЛЬ И МЕСТО СОВЕЩАНИЯ ЗАВЕДУЮЩИХ ОТДЕЛАМИ ЦК РКП(б) В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ЦК РКП(б). 1922–1924 гг.[1]

Пивоваров Никита Юрьевич, к.и.н.
(Российский государственный архив новейшей истории)

Политической истории «конструирования» ЦК РКП(б)[2] первой половины 1920-х годов посвящена обширная историография. Чаще всего исследователи анализировали процессы, происходившие в ЦК РКП(б), с точки зрения политической борьбы, развернутой лидерами партии. Гораздо реже историки обращались к организационным изменениям в ЦК, к таким «скучным» вопросам, как структура и делопроизводство, кадры и штаты ЦК, повестки дня различных заседаний. Не описаны в историографии функции и значение Совещания заведующих ЦК РКП(б) (далее – Совещание), за исключением небольшого обзора в монографии С.А. Павлюченкова[3].

Совещание было создано постановлением Секретариата ЦК РКП(б) от 16 июня 1922 г., подготовленным И.В. Сталиным: «3) Для разгрузки повестки дня заседания Секретариата и Оргбюро от вопросов мелкого, текущего характера установить при Секретариате ЦК постоянное совещание заведующих отделами ЦК под председательствованием секретаря ЦК РКП т. Куйбышева. 4) Совещание просматривает все вопросы, поступающие для внесения в Оргбюро или Секретариат ЦК, определяет какие из них и куда (Оргбюро или Секретариат) должны быть внесены и подготовляет материал к вносимым в Оргбюро или Секретариата вопросам»[4]. Кроме того, Секретариат ЦК утвердил положение о том, что если на Совещании не возникало разногласий по тем или иным вопросам и постановление принималось единогласно, то оно признавалось решением Секретариата ЦК и вносилось в протокол Секрета-

[1] Публикация подготовлена по гранту РГНФ № 16-01-00247.

[2] Термин «конструирование ЦК» был впервые применен на пленуме ЦК РКП(б) 15 марта 1921 г. Под ним понималось распределение обязанностей и функций между Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК РКП(б). См.: *Зеленов М.В., Чернобаев А.А., Крылова А.В., Пивоваров Н.Ю.* И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 – июнь 1922 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 120–121.

[3] *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 180–183. Автор считал, что Совещание было создано для укрепления личной власти И.В. Сталина и стало его «величайшей бюрократической революцией».

[4] *Зеленов М.В., Чернобаев А.А., Крылова А.В., Пивоваров Н.Ю.* Указ. соч. С. 144–145.

риата. Этим было определена роль (функция) Совещания в административной системе ЦК.

При создании Совещания руководители ЦК исходили из практики управления, сложившейся в годы революции и гражданской войны. В своих основных положениях новый орган ЦК опирался на функционировавшую с 1918 г. постоянную комиссию СНК – Малый Совнарком. В положении о Малом Совнаркоме, утвержденном декретом 1 июня 1920 г., есть прямо перекликающиеся пункты: «4) Малый Совнарком имеет право возбуждать в СНК все вопросы, входящие в компетенцию СНК [...] 6) Постановления Малого Совнаркома, по коим достигнуто единогласие всех членов последнего с представителями заинтересованных комиссариатов и с народным комиссариатом юстиции, представляются председателю Совнаркома, и, в случае утверждения им таковых, получают силу наравне с постановлениями Совнаркома, издаются и публикуются от имени Совнаркома»[5]. Совещание имело и своих «партийных» предшественников. Решением Секретариата ЦК от 10 апреля 1922 г. все проекты циркуляров, вносившиеся на обсуждение в Оргбюро или Секретариат ЦК, проходили через комиссию при Орготделе ЦК РКП(б), состоящую из трех ответственных сотрудников ЦК[6]. Реально делами комиссии занимались заведующие Орготделом (Л.М. Каганович) и Агитпропом (А.С. Бубнов). Возможно, именно этой «двойке» принадлежала идея создания Совещания.

Заседания Совещания были полны мельчайших вопросов – от поездки рабфаковцев в санатории Крыма за счет средств ЦК до материального положения работников ГПУ. Абсолютное большинство постановлений связано с кадровыми перестановками и назначениями. Однако назвать рядовыми решения, принимаемые на заседании Совещания, нельзя. Если мы обратимся к разделу кадровой политики, то увидим, что на заседаниях рассматривались такие ключевые вопросы, как назначение региональных руководителей, членов коллегий наркоматов, ответственных сотрудников ЦК компартий. На Совещании рассматривались и принимались решения по самым разнообразным политическим вопросам: о распределении учащихся в высшие учебные заведения, о проверке работы Пролеткульта, о взаимоотношениях ГПУ РСФСР и ГПУ УССР, о финансировании печати и т.д.

Вопросы, включавшиеся в повестку дня заседаний Совещания, чаще всего предварительно обсуждались на коллегиях и совещаниях отделов ЦК РКП(б). Сопоставляя протоколы заседаний коллегии Агитпропа и Женотдела, совещаний Оргинстра и Учраспреда с протоколами заседаний Совещания можно обнаружить поразительное сходство. Нередко не просто вопросы, а тексты постановлений без редакционных изменений перекочевывали из протоколов отделов в протоколы Совещания. Вопросы на заседании, если судить по протоколам, рассматривались в «блоковом» порядке, т.е. сначала шел блок вопросов от Агитпропа, затем от Оргинстра, от Женотдела и т.д. Повестку дня формировали и секретари ЦК.

---

[5] Декреты советской власти. М., 1978. Т. 9. С. 24.

[6] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 315. Л. 2.

После того как вопрос единогласно утверждался присутствовавшими на заседании постановление автоматически переносилось в протокол Секретариата ЦК РКП(б). По неполным подсчетам (только по протоколам за XI созыв) полностью идентичные (или с небольшой редакторской правкой) постановления Совещания составляли от 35 до 40% всех постановлений Секретариата ЦК. Если вопрос не был принят единогласно или требовал дополнительного решения вышестоящей партийной инстанции (Секретариата или Оргбюро ЦК), то принималась следующая формула: «Вопрос внести на заседание Секретариата», «Войти в Секретариат», «Перенести на заседание Оргбюро» и т.д. Таким образом, мы можем определить место Совещания как промежуточной инстанции между отделами ЦК и Секретариатом ЦК.

Общее руководство Совещанием осуществлял один из секретарей ЦК РКП(б). На протяжении всего XI созыва (с июня 1922 по апрель 1923 гг.) таким руководителем был В.В. Куйбышев. Из 40 заседаний Совещания он не присутствовал только на четырех. Но после XII съезда партии ситуация изменилась. Новым руководителем Совещания формально стал Я.Э. Рудзутак – секретарь ЦК РКП(б), избранный на место В.В. Куйбышева. Но из 50 заседаний Совещания XII и XIII созывов Я.Э. Рудзутак председательствовал только на 10-ти. С сентября 1923 г. Совещание становится вотчиной руководителей трех ключевых отделов ЦК – Учраспреда (Л.М. Кагановича), Оргинстра (И.И. Короткова) и Агитпропа (А.С. Бубнова). Именно они чаще всего председательствовали на Совещании.

В марте 1924 г. по предложению нового секретаря ЦК А.А. Андреева принято решение: «В целях упорядочивания составления повестки к заседаниям Секретариата и Оргбюро ЦК и разгрузки порядка дня от мелких вопросов установить следующий порядок: повестка к заседаниям Оргбюро и Секретариата ЦК предварительно составляется комиссией в составе т.т. Кагановича (председатель) и членов Короткова, Сырцова и Кнорина. Комиссия определяет вопросы, которые следует поставить на заседание Оргбюро, Секретариата ЦК или решить голосованием, путем опроса...»[7]. Несмотря на то, что функции Совещания были переданы Комиссии, Совещание продолжило работу вплоть до июля 1924 г., когда, наконец, было ликвидировано решением Оргбюро ЦК.

Таким образом, место Совещания (как коллегиального, совещательного органа с распределительными функциями) было определенно как промежуточной инстанции между отделами ЦК (как исполнительным аппаратом) и Секретариатом и Оргбюро ЦК (как политическими органами). Роль Совещания заключалась, с одной стороны, в «разгрузке» вышестоящих партийных инстанций от «мелких» вопросов, а, с другой, в придании политического статуса решениям отделов ЦК. Причины формирования нового механизма принятия решений и формирования повестки дня заседания Секретариата и Оргбюро – требуют дополнительного изучения.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 526. Л. 7.

ВОСПРИЯТИЕ ЭЛИТОЙ ГЕРМАНИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Пименов Олег Владимирович
(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

В 2017 г. отмечается столетие Февральской революции в России, сыгравшей важную роль в мировой истории и истории России. В результате революции в России была свергнута династия, правившая страной более трехсот лет, и изменена форма правления. В результате революционных потрясений Россия упустила инициативу в первой мировой войне, которая стала переходить к ней после брусиловского прорыва. Революционные события привели к упадку боевого духа и боеспособности российской армии и подарили Германии надежду на благоприятное завершение войны на два фронта. В связи с этим появилось множество теорий о решающей роли Германии в подготовке российской революции, что породило различные взгляды на оценку революционных событий 1917 г. Особое место среди них занимает проблема восприятия правящей политической элитой и военным командованием Германии Февральской революции 1917 г. в России.

Объектом исследования является Февральская революция 1917 г. в России.

Предметом выступает восприятие германскими элитами Февральской революции в России.

Цель исследования: выявить отношение германских элит к Февральской революции в России 1917 г.

В соответствии с целью, предполагается решение следующих задач:

– проанализировать воспоминания германских политиков и военных о Февральской революции;

– выявить оценку Февральской революции германскими политическими и военными кругами;

– рассмотреть эволюцию взглядов германской элиты на революционные события в России и их значение.

Первоначально новости о революции в России вызвали в германском обществе воодушевление. Это касалось как политических, так и военных кругов. Революцию в России ждали с нетерпением, но не думали, что она случится уже зимой 1917 г.

Император Вильгельм II, узнав о революционных событиях, отмечал, что необходимо, как можно скорее, установить контакт со сторонниками мира во Временном правительстве и оказать им поддержку. Кайзер в Февральской революции видел возможность для разрешения проблемы войны на два фронта.

Рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег полагал, что революция в России существенно облегчила положение Германии на Восточном фронте и в скором времени появится возможность для переброски войск на западный фронт. Кроме того, по мнению рейхсканцлера, теперь правящие круги России будут стремиться к установлению перемирия с центральными державами, маскируя его под временное бездействие[1].

Особую активность в оценке и реакции на Февральскую революцию проявили представители германского МИД. Статс-секретарь иностранных дел А. Циммерман указывал на необходимость оказания поддержки радикальному крылу русских революционеров[2]. Германские дипломаты указывали, что события в России дают шанс на заключение мира, но для этого необходимо еще сильнее дестабилизировать обстановку в России. Добиться этого предполагалось поддержкой радикальных элементов и содействию возвращения революционеров-эмигрантов в Россию, желающих завершить войну как можно скорее.

Германское политическое и военное руководство положительно расценивало двоевластие в России, считая его, отвечающим интересам немцев, так как сложившаяся ситуация оказывала дестабилизирующее влияние на Россию: в то время, как Временное правительство обязалось продолжать войну, Петроградский Совет осуждал внешнеполитическую линию Временного правительства.

Первоначально правящие круги Германии не исключали возможности заключения мира с Временным правительством. В связи с этим германское правительство в своих официальных документах заявляло о полном невмешательстве в дела России и своей заинтересованности установить с ней мирные отношения.

Такая позиция правительства не соответствовала интересам германского командования, которое видело в революции возможность нанесения завершающего удара по России. Генерал М. Гофман называл Февральскую революцию событием, имевшим всемирно-историческое значение и даривший Германии шанс на скорую победу[3]. Э. Людендорф полагал, что теперь Россия ослабла окончательно и не сможет провести успешное наступление на Восточном фронте[4]. По мнению германских генералов, революция привела к снижению боеспособности российской армии, и успешное наступление Германии на востоке может привести к скорейшему заключению мира.

Взгляды военных и политиков также различались и по вопросу о дальнейшем сосуществовании Германии и России. Если политики не исключали мирного и даже союзнического характера отношений, то военные полагали, что в будущем может произойти еще несколько конфликтов с соседями. Поэтому военные видели в Февральской революции средство для ослабления России, которое позволит в будущем исключить ее из числа серьезных противников.

---

[1] *Чернин О.В.* Дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 172.

[2] *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 68.

[3] *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М.-Л., 1925. С. 139.

[4] *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2001. С. 327.

Однако с течением времени в Германии стали оценивать революцию в России несколько иначе. Временное правительство показало, что собирается и впредь выполнять свои союзнические обязательства. Вильгельм II начал сомневаться в том, что новая власть в России пойдет на заключение мира с Германией. Кайзер связывал это с сервильностью членов Временного правительства в отношении Антанты[5].

В Германии начали осознавать, что Февральская революция 1917 г. несет не только благо для немцев, но и определенные риски. Германское правительство стало опасаться того, что революционные события в России могут вылиться в патриотический подъем российского народа.

Кроме того, правящие круги в Германии опасались повторения «российского сценария» в своей стране. В связи с этим, германскому руководству пришлось выступить с обещаниями демократических перемен, которые наступят после войны[6].

Летом 1917 г. произошли два события, повлиявшие на окончательную оценку Февральской революции Германией. Сначала временное правительство отвергло предложение сепаратного мира, а затем российские войска начали наступление на западном фронте. Эти шаги российской стороны продемонстрировали, что революция не надломила окончательно стойкость России. В связи с этим, в Германии стали осознавать необходимость активных действий, как на военном, так и на политическом фронтах для подавления сопротивления России.

---

[5] *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 381.

[6] Т. фон Бетман-Гольвег о послевоенных реформах в Германии. Из выступления в рейхстаге (14 марта 1917 г.) // История Германии. М., 2008. Т. 3. С. 303.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ПАРТИИ ЭСЕРОВ В 1917 ГОДУ

Поляков Юстас Александрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Партия социалистов-революционеров являлась одной из основных политических партий в России в начале XX века. В условиях крушения царизма и быстрой демократизации общественно-политической жизни партия эсеров не могла не начать адаптацию своей аграрной программы к новым условиям, один из основателей эсеровской партии В.М. Чернов в мае 1917 г. занял пост министра земледелия, впервые эсеры получили шанс реализовать свою программу. На второй петроградской конференции партии социалистов-революционеров в апреле 1917 г. в числе прочих резолюций была принята резолюция по аграрному вопросу.

В резолюции подчеркивалось, что социализация земли является для эсеров единственным вариантом решения аграрного вопроса, при этом отмечалось, что решение аграрного вопроса требует организованности и планомерности, а потому невозможно без санкции Учредительного собрания[1]. Захват земель крестьянами признавался нежелательным, так как вел к анархии в деревне и борьбе внутри крестьянства. Резолюцией предлагался ряд подготовительных мер для социализации земли, которые должны были осуществляться Временным правительством, Центральным земельным комитетом и местными комитетами. По плану эсеров, Временное правительство должно запретить продажу и аренду земли, лесов, недр земли и создать Центральный земельный комитет в Петрограде и местные земельные комитеты в губернских и уездных городах[2].

В деле разрешения аграрного вопроса необходимо отметить выступление В.М. Чернова на заседании Всероссийского совета крестьянских депутатов 16 мая 1917 г. В своем выступлении В.М. Чернов подчеркивал необходимость разработки трудовой и потребительской нормы земли[3]. Для каждой местности местные земельные комитеты должны выработать свои варианты этих норм с учетом местной специфики[4]. Трудовая норма должна было стать своеобразным эталоном при отчуждении земли. Количество земли сверх трудовой нормы подлежало отчуждению.

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 77.

[2] Там же. С. 78.

[3] Там же. С. 124.

[4] Там же.

Перед началом аграрной реформы нужно дождаться завершения всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи, чтобы точно знать количество земли, хозяйств и работников. Первым шагом реформы должно стать отчуждение земли[5]. Через некоторое время предполагалась возможность перехода от трудовой и потребительской нормы к новой всероссийской средней норме, одинаковой по всей стране для всего сельского населения[6]. В своем выступлении В.М. Чернов подчеркивал постепенность перехода к новому аграрному устройству. Так, земли инородцев не подлежали отчуждению, пока уровень их сельскохозяйственной грамотности не сравняется с русским[7]. Также с целью недопущения недовольства предполагалось постепенное отчуждение излишков земли у казаков.

В своем докладе «О пользовании землей до Учредительного собрания» на заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 16 мая 1917 г. эсер С.Л. Маслов выделил три части аграрной реформы. Первая – выработка земельного закона и определение порядков землепользования, вторая – воплощение нового земельного законодательства, провидение его в жизнь, третья – подготовительная, то есть те меры, которые необходимо осуществить в области земельной политики до созыва Учредительного собрания[8].

С 25 мая по 4 июня 1917 г. прошел III съезд партии социалистов-революционеров. Среди прочих резолюций, на нем была принята резолюция по аграрной политике[9]. В этой резолюции съезд решительно высказался за уничтожение какой бы то ни было собственности на землю и переход земли в общенародное достояние без выкупа для уравнительного трудового пользования[10]. По решению съезда до созыва Учредительного собрания необходимо было осуществить следующие мероприятия: переход всех земель в ведение сельскохозяйственных комитетов, распределение земельными комитетами рабочих сил между хозяйствами, учет рабочего скота и инвентаря, регулирование рубки леса и установление твердых цен на древесину, взятие на учет и, при необходимости, в общественное заведывание культурных земельных хозяйств, которым угрожает обесценивание или гибель, реорганизовать земельные комитеты на демократических началах.

26 октября 1917 г. была опубликована избирательная платформа партии социалистов-революционеров. В области аграрного законодательства партийная платформа отстаивала социализацию земли, уничтожение частной собственности на землю[11]. Земля должна быть без выкупа передана на уравнительно-трудовых началах в ведение народа и в пользование тех, кто трудится на ней своим трудом, единолично или в форме кооперации. Все недра земли, леса и воды передаются в ведение государства и местного самоуправ-

---

[5] Там же. С. 125.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 126.

[8] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 128.

[9] Там же. С. 602.

[10] Там же.

[11] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925. М., 2000. С. 34.

ления. Социализация земли должна была стать главной мерой, обеспечивающей развитие сельского хозяйства, промышленности и силу государства. В Учредительном собрании одним из направлений деятельности фракции социалистов-революционеров должна была стать работа над социализацией земли.

Нельзя не отметить проект эсеровского закона о земле, разработанного для внесения в Учредительное собрание. Законопроект предусматривал упразднение собственности на землю в пределах Российской республики «отныне и навсегда»[12]. Земли со всеми их недрами, водами и лесами объявлялись народным достоянием, все распоряжение ими объявлялось прерогативой республики в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления[13]. Земельные права, принадлежавшие на момент принятия закона отдельным лицам, союзам и учреждениям – отменяются. Отчуждение земель, недр, вод и лесов в народное достояние производится без права выкупа. Согласно законопроекту права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды может осуществляться только в форме пользования, пользователями земли, недр, лесов и вод могут быть все граждане Российской республики[14].

Закон устанавливал две нормы трудового землепользования: норму обеспечения (потребительную) и норму предельную (трудовую). Норма обеспечения – количество земли, которым должно быть обеспечено каждое малоземельное или безземельное хозяйство при перераспределении земельных запасов. Норма предельная – тот количество земли, которое в обычных условиях может быть обработано силами земледельческой семьи. Также законом определялись две задачи государственной аграрной политики. Первая задача – создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил. Вторая – справедливое распределение всех естественных благ среди населения. Следует отметить, что этот законопроект так и не был внесен на рассмотрение из-за разгона Учредительного собрания.

[12] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 305.

[13] Там же.

[14] Там же.

ВОСПОМИНАНИЯ Г.Н. БАТУРИНА КАК ИСТОЧНИК О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ЮГЕ РОССИИ

Попова Наталия Геннадьевна
(Центр документации новейшей истории Краснодарского края)

В последние десятилетия число источников по истории гражданской войны значительно расширилось. Источники личного происхождения – документы, передающие субъективное восприятие отдельной личностью событий и фактов истории, позволяют проанализировать эти события с точки зрения поведения человека в экстремальной ситуации.

Особый интерес представляют воспоминания из фондов Истпартов[1], которые были написаны в 1920-е годы, сразу по окончании военных событий. Как правило, такие воспоминания очень эмоциональны, в меньшей степени подвержены влиянию конъюнктуры. Показательным примером в этом отношении можно считать воспоминания Г.Н. Батурина – начальника штаба Таманской армии, в которых он подробно излагает сведения о формировании Красной гвардии и Таманской армии, их участии в событиях гражданской войны в северо-западных районах Юга России, характеризует военно-политическую обстановку, настроения армии и населения.

Прекрасным дополнением к воспоминаниям являются личные дела Г.Н. Батурина в фондах Кубано-Черноморского обкома РКП(б)[2] за 1923 год и Кубано-Черноморской областной контрольной комиссии[3] за 1924 год.

При знакомстве с воспоминаниями большой интерес вызывает личность Г.Н. Батурина – человека образованного, красноречивого, имеющего опыт в военном деле. Весь жизненный путь Григория Батурина связан с кубанской землей: рождение, становление и боевые страницы Таманской армии. В автобиографии, представленной «согласно отношения Славянского отдельского комитета ВКП(б) от 15 ноября 1923 года №5939», Григорий Николаевич Батурин пишет следующее: сын адвоката и актрисы, родился в 1880 году во время кратковременного пребывания родителей у своих знакомых на хуторах юрта ст. Ахтанизовской Таманского отдела Кубанской области. Отец происхождением из казаков, вышел по окончании университета из казачьего сословия и, не желая служить, выбрал вольную профессию (адвокатура).

---

[1] В Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) фонд № 2830.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531.

[3] ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 284, 2784.

В семье жил до 11-летнего возраста, после чего отдан был в казенное учебное заведение (кадетский корпус). Первоначальное воспитание в семье, а потом связь с нею во время каникулярных пребываний дома имели влияние на впоследствии сложившийся кругозор и убеждения...

В 1905 году будучи в чине поручика, т.к. к тому времени перевелся из кавалерийского казачьего полка в пехоту и, находясь в Петербурге в отпуске, был арестован за принадлежность к противоправительственной партии социал-революционеров, как тогда значилось в постановлении, и подвергнут заключению в крепость, а потом в одиночной тюрьме. Через четыре месяца был освобожден за неимением поводов к прямому обвинению, но через две недели, после освобождения мне предложено было выехать в Туринский уезд Тобольской губернии под надзор местной полиции, при чем объявлено, что по соглашению министерства военных и внутренних дел я за связь с лицами, считающимися государственными преступниками и как допустивший поступок, не соответствующий званию офицера, лишен такового звания, исключен из списков и распоряжением Петербургского охранного отделения отдан под надзор полиции, как лицо неблагонадежное в политическом отношении...

В 1909, 1910 и 1911 гг. находился на Таманском полуострове в ст. Титаровской, Стеблиевской и Ахтанизовской, где служил в сторожах «на багах» и тянул волокушу на лиманах... Таким образом продолжалось до войны 1914 года. При объявлении войны, когда вышел манифест, разрешающий вступать в ряды армии политическим ссыльным, я воспользовался этим, чтобы выйти из сложившегося для меня крайне тяжелого к тому времени положения и вступил рядовым в ряды действующей армии, в каковой и пробыл всю империалистическую войну. Произведенный за боевые отличия в офицерские чины в феврале месяце 1917 года, был уже в чине штабс-капитана, хотя производство в отношении меня шло против других более ограниченным, так как предыдущее положение рядового из ссыльных отражалось на производствах.

Февральская революция застала меня на Румынском фронте в госпитале в городе Баксо, после ранения. Выйдя из госпиталя, я от своей части был послан членом гарнизонного комитета, а затем делегирован в Одессу в ЦИК Румфронта и Одесской области (Румчерод), в каковой и был избран членом через фракцию коммунистов-большевиков, в которую вступил в декабре 1917 г. После эвакуации Румчерода из Одессы в Феодосию, а затем в Ростов, был командирован в тыл противника. Но, доехав до Перекопа, был привлечен к работе по обороне. После занятия Перекопа направился в Северо-Кавказский военный комиссариат, откуда получил назначение комиссаром по мобилизации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии на Таманский фронт, куда и прибыл в июне 1918 г. В это время обстановка на Таманском полуострове и в Таманской стреле привлекла меня к боевой работе. В июне и июле 1918 г. участвовал при обороне г. Темрюка и отступил с частями, составившими впоследствии Таманскую армию. В августе 1918 г. избран на собрании командного состава в г. Геленджике начальником штаба Таманской Армии и, утвержденный в этой должности потом РВС Северного Кавказа, находился все время походов Таманской армии.

Далее в Красной Армии занимал следующие должности: начальник 3-й стрелковой Таманской дивизии, начальником 1 особой, а потом 7-й кавдивизии, в сентябре 1919 г. назначен начальником 6-й кавдивизии корпуса тов. Бу-

денного, в 1920 г. переведен начальником штаба вновь сформированной 50-й Таманской дивизии, а по слиянию ее с 34-й дивизией прибыл в распоряжение полевого штаба РВСР, откуда получил назначение в 9-ю армию. По прибытии в Екатеринодар был назначен начальником штаба Екатеринодарского укрепрайона; по ликвидации Врангельского десанта и расформировании укрепрайона оставался до июня 1921 года в г. Краснодаре начальником гарнизона, а затем переведен в Ростов и получил назначение на должность инспектора пехоты СКВО. В апреле 1922 г. назначен начальником 2-й Донской дивизии, а после реорганизации и переименования в 9-ю Донскую дивизию утвержден в должности командира дивизии приказом РВСР, в каковой и пребывал до июня 1923 г.

Вследствие болезни зачислен в резерв РККА по должности командира дивизии, а по состоянию здоровья командирован для исполнения должности военного комиссара Славянского отдела Кубчеробласти. В этой должности остаюсь до настоящего момента составления автобиографии...»[4]

Воспоминания представляют собой «Краткий военно-исторический доклад о Таманской армии и частях, получивших впоследствии таковое же наименование, с очерком событий на Северном Кавказе в период революции 1918–1919 гг.». В самом начале доклада Г.Н. Батурин указывает на то, что «различные доклады и сведения, даваемые разными лицами, иногда мало посвященными, составившими себе общее понятие по мимолетным впечатлениям, а тем более получающими справки от третьих лиц, иногда в совершенно искаженном виде, создали довольно запутанное понятие о том, что такое представляла из себя Таманская Армия... Учитывая, что в будущем для истории Русской Революции весьма ценным материалом могут послужить правильные и беспристрастные описания протекших событий, постепенного развития революционного движения, контрреволюционных выступлений и организаций, а в частности, способов ведения народной войны в той или иной местности, я составил несколько докладов»[5].

Структуру доклада составляет двадцать разделов, характеризующих общую военную обстановку на Северном Кавказе и Таманском полуострове, возникновение Таманской армии, первоначальную организацию, описание первого похода и бои под Архипо-Осиповской; движение на Туапсе, бои за Михайловский перевал, поход на Белореченскую, взятие Армавира; соединение Таманской армии с войсками Северного Кавказа, бой под Барсуковской и наступление на Ставрополь и т.д. [6]

Небезынтересно, что в заключении Северо-Кавказского отдела Истпарта от 1 августа 1925 года указано: «Воспоминания тов. Батурина от 17-VII 1925 года ничего ценного для истории гражданской войны на Северном Кавказе не дают. Контрреволюционные настроения казачества и безразличие селянства, рисуемые в воспоминаниях, могут быть использованы в некоторых случаях, в особенности при изучении истории казачества и взаимоотношений последнего с крестьянством. Издавать эти воспоминания не следует, а исправить и хранить в архиве Истпарта вместе со стенограммой всего вечера

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Л. 4–5.

[5] ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 207. Л. 1.

[6] Там же. Л. 1–23.

воспоминаний»[7]. Именно «исправленные» воспоминания Г.Н. Батурина легли в основу краткого популярного военно-исторического очерка «Красная Таманская армия», изданного в 1940 году Краснодарским краевым книгоиздательством «к двадцатой годовщине освобождения Кубани и Черноморья от белогвардейских банд». В аннотации указывалось, что военно-исторический очерк Г.Н. Батурина, как повествование активного участника событий, представляет большой исторический интерес[8].

На наш взгляд, важное значение для исторической науки имеет именно стенограмма выступления на вечере воспоминаний от 1 августа 1925 года, на котором Г.Н. Батурин был представлен как «бывший начальник штаба Таманской армии, заместитель председателя комиссии по изучению истории гражданской войны при Истпарте Северо-Кавказского крайкома РКП(б)». В стенограмме уже гораздо больше деталей и эмоций, ярких примеров и умозаключений, реалистичных описаний пережитых событий. Наряду с подробным описанием доблестных боевых эпизодов Таманской армии особое внимание на вечере воспоминаний Г.Н. Батурин уделил описанию боя под станицей Барсуковской: «...начавшийся с утра бой, упорный бой продолжался до вечера. Настала уже ночь. Бой продолжался. Бой продолжался при свете загоревшейся деревянной церкви станицы Барсуковской, которая была зажжена снарядами. И вот, при зареве пожара, Таманские войска вломились в Барсуковскую, где противник засел в каждом доме, в каждом строении и упорно отстаивал свое существование. Бой кончился приблизительно к двум часам ночи... Проезжая по Барсуковской, трудно было разобраться, где убитые, раненые, а где заснувшие, утомленные и потрясенные после пережитого такого трагического дня наши красноармейцы»[9].

На страницах документов много переживаний Г.Н. Батурина о трудностях с продовольствием и обмундированием, недостатках боеприпасов и военной дисциплины, абсолютно лишенных идеологической составляющей. Сегодня мы с полной уверенностью можем утверждать, что эти документы все же предоставляют важную историческую ценность для изучения гражданской войны.

---

[7] ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 207 Л. 260.

[8] *Батурин Г.Н.* Красная Таманская армия. Краткий популярный военно-исторический очерк. Краснодар, 1940. С. 3.

[9] ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 207. Л. 59–60.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Прокофьева Мария Ильинична
(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

Вопрос о роли Русской Православной Церкви в Первой мировой войне на протяжении почти всего 20 века не привлекал внимания советских историков, как и сама война, которая была надежно упрятана в архивы нашей страны. Большинство священнослужителей были монархистами, а потому являлись контрреволюционерами и противниками новой власти. Изучение новых материалов, которые ранее были либо засекречены, либо недоступны в нашей стране, позволяют выявить основные направления деятельности церковной общины Новгородской губернии в годы Первой мировой войны. Одним их таких направлений является благотворительная деятельность священнослужителей во время войны.

По указу Императора и Синода во всех православных приходах стали создаваться попечительские советы для оказания помощи семьям фронтовиков[1]. Одним из первых в Новгородской губернии появился благотворительный комитет в Тихвине. 23 июля 1914 г. в Тихвине образовался церковный комитет для объединения деятельности Тихвинского духовенства по организации помощи семействам запасных и ратников, призванных в войска, а также больным и раненым воинам. За неделю своего существования церковный комитет сделал следующее: пригласил к пожертвованиям деньгами и вещами монастыри, церкви, духовенство и население Тихвина и Тихвинского уезда, пригласил к изготовлению белья для больных и раненых воинов учительниц церковно-приходских школ, жен священников и других интеллигентных женщин Тихвина и Тихвинского уезда, выдал подписные листы для сбора добровольных пожертвований членам комитета и посторонним лицам, хорошо известных комитету, произвел сбор добровольных пожертвований в кружки, предложил духовенству Тихвинского уезда отчислять из причтовых доходов ежемесячно по 1% в распоряжение комитета, а также предложил устроить несколько платных религиозно-нравственных чтений в пользу больных и раненых воинов[2].

[1] *Савинова И.Д.* «Да исправится молитва моя...» // Альманах «Чело». 2011. № 1. С. 40.

[2] *Смелков М.В.* Помощь воинам и их семействам // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1914. № 35. С. 1130.

Уже 30 июля образуется Центральный епархиальный комитет под председательством архиепископа Арсения, в него вошли настоятели монастырей, представители городского духовенства и мирян[3]. Открывая комитет, архиепископ обратился к своим соратникам: «...нужно ли говорить, что участие духовенства в деле призрения семейств не должно ограничиваться только одним словом. Все мы прекрасно понимаем, что одним словом не согреешь холодного, не оденешь нагого, не накормишь голодного. Поэтому и новгородское духовенство, призывая свою паству ко всякого рода жертвам для удовлетворения нужд войны, в то же самое время и само должно явить пример деятельности любви к ближнему»[4].

Епархиальный комитет исключительно на средства духовенства и процент отчислений служащих духовного ведомства оказывал помощь семьям запасных[5]. Средства комитета состояли и включали в себя постоянные отчисления и единовременные пожертвования. К постоянным средствам относились: 2% ежемесячных отчислений из текущего ежемесячного валового содержания церквей и духовенства 1–3 округов Новгорода, 2% ежемесячных отчислений из монастырского валового дохода и из братской кружки штатных монастырей епархии, 2% ежемесячных отчислений из содержания чиновников Консистории и служащих в духовно-учебных заведениях Новгорода, а также кружечных соборов «на семьи запасных» и поступлений приходских попечительных советов Новгорода[6]. К единовременным средствам относились: пожертвования монастырской епархии, частные пожертвования, передачи духовной Консисторией на нужды семей запасных оставшихся от минувшей русско-японской войны сумм и 1–3 благочинных округов города Новгорода и до этого времени хранящихся в Консистории[7].

На первом заседании владыка внес от себя единовременно 400 рублей с заявлением, что будет ежемесячно жертвовать из личных средств по 100 рублей[8]. Деятельность комитета заключалась в сборе продовольствия, медикаментов, одежды и белья для фронтовиков, материалов для пошива, а также предметов первой необходимости. В работу комитета входил не только сбор с прихожан, но и с самого духовенства. Денежные взносы и вещевые пожертвования от духовенства поступали в епархиальный комитет на протяжении всего военного времени. С началом войны, во всех монастырях Новгорода начинают действовать швейные мастерские, которые шили нательное и постельное бельё из тех материалов, который был пожертвован прихожанами для комитета. Деятельность и работа центрального епархиального комитета согласовывалась с земскими организациями, такими как: Земский союз, Дамский комитет и т.п.

---

[3] *Савинова И.Д.* «Да исправится молитва моя...» С. 45.

[4] Там же.

[5] Журнал № 1 Центрального Епархиального Комитета, открытого по случаю войны с Германией и Австрией // Новгородские Епархиальные Ведомости.1914. № 32. С. 1021.

[6] Журнал № 1 Центрального Епархиального Комитета... С. 1021.

[7] Там же.

[8] *Савинова И.Д.* «Да исправится молитва моя...». С. 45.

При приходских церквях были созданы попечительские советы, они регулярно осуществляли сбор средств для помощи воинам и их семьям.

Из состава Епархиального комитета был выделен особый «монастырский комитет» – для ведения хозяйственной части по оборудованию и содержанию «монастырского лазарета»[9]. Через монастырский комитет началось приспособление дома графини Орловой в Юрьевом монастыре под лазарет. Дворец Орловой, который принадлежал новгородскому Юрьеву монастырю, был приготовлен для 50 человек раненых воинов. Верхний этаж дворца был оборудован в палаты для больных, нижний же этаж служил для лазаретного персонала, был хорошо оборудован операционный зал и приемная врача[10].

Начиная с октября месяца эшелоны раненых солдат стали прибывать в Новгород. Их число постоянно росло. На заседании Центрального епархиального комитета 28 октября 1914 г. владыка Арсений предложил расширить монастырский лазарет за счет отделения на 20 коек, которые намечалось разместить в Арсеньевском доме – в помещениях для приезжего духовенства[11]. На следующий год владыка Арсений распорядился отвести под лазарет лучшее помещение в епархиальном доме, в котором проходили духовные чтения, в нем разместилось 70 коек, его торжественное освящение состоялось 16 сентября 1915 г[12]. Таким образом, оба лазарета (на 120 коек) находились на попечении новгородского духовенства.

Начиная с 1915 г. под руководством владыки Арсения в Новгороде был создан комитет для оказания помощи беженцам. По инициативе архиепископа Арсения в 1915 г. Савино-Вишерский монастырь близ Новгорода был предоставлен для эвакуированных 200 насельниц женских обителей Риги и Митавы[13].

Также Новгородская епархия оказывала помощь далеким братьям по вере. Новгородский епархиальный комитет в ноябре 1914 года отправил по тысячи рублей: Архиепископу Варшавскому Николаю на нужны разоренных войною жителей Царства Польского, для оказания помощи Сербскому народу, Епископу Волынскому Евлогию на галичан[14].

Таким образом, Новгородская епархия во главе с архиепископом Арсением на протяжении всего военного периода активно занимались благотворительностью. Благодаря деятельности Новгородского духовенства, и работе владыки Арсения, в частности, в Новгороде было создано два лазарета, которые на протяжении всего времени своего существования содержались за счет средств епархиального комитета .

---

[9] Журнал № 1 Центрального Епархиального Комитета... С. 1022.

[10] Освящение монастырского лазарета в городе Новгороде // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1914. № 40. С. 1288–1290.

[11] *Савинова И.Д.* Деятельность Новгородской Епархии в годы Первой мировой войны // Альманах «Чело». 2014. № 1–2. С. 40.

[12] Там же.

[13] *Иером, Фотий (Нечепоренко)*. Арсений (Стадницкий) // Православная энциклопедия. Т. III: «Анфимий – Афанасий». М., 2001. С. 410.

[14] *Белин М.* Помощь Новгородским епархии далеким братьям по вере // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1914. № 51–52. С. 1697.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ Л.А. ЮЗЕФОВИЧА «ЗИМНЯЯ ДОРОГА» (2015)

Прокудин Борис Александрович, к.полит.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Жанр произведения Леонида Абрамовича Юзефовича, посвященного последнему периоду Гражданской войны в России, обозначен как «документальный роман». И слово «роман», кажется, снимает с автора ответственность за историческую точность, однако в «Зимней дороге» нет ни одной выдуманной реплики, никаких романных фантазий. История складывается из дневников, писем, мемуаров. Это сама жизнь и сама реальность, но только настолько, насколько мемуары воспроизводят реальность.

Герой романа, белый генерал Анатолий Пепеляев, бежавший с остатками колчаковской армии в Харбин, подрабатывает грузчиком в порту. На дворе 1922 год, гражданская война практически завершилась победой красных на всех фронтах, а молодой генерал в 30 лет оказался без армии и без работы, с двумя детьми и долгами. Но тут он узнает об антибольшевистских бунтах в Якутии и дает себя убедить, что народ не принял новую власть, что поднимается волна крестьянского восстания, и нужна его помощь. Потому что народу нельзя навязывать никакого строя сверху, считал народник Пепеляев, крестьяне сами должны выработать собственные формы общественной жизни. Надо дать им возможность сделать свободный выбор.

Но когда Пепеляев с добровольческой дружиной высадился на охотском побережье, стало понятно, что он опоздал. Якутские бунты исчерпали себя, и освободительный поход многим казался обреченным. Но Пепеляев все еще надеялся на всенародное восстание и принял решение двигаться в направлении Якутска. Еще до первого сражения дружина Пепеляева начинает мерзнуть и голодать, а зима только близится. Суровая якутская зима.

В это время к нему навстречу с небольшим отрядом направился не менее удивительный человек, полный георгиевский кавалер Иван Строд, анархист, поклонник Петра Кропоткина, который примкнул к большевикам, но выступал против всех крайних партий, правых и левых, и мечтал стать писателем. Их отрядам суждено было встретиться в бою за небольшое поселение, состоящее из пяти юрт, под названием Сасыл-Сысы.

Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес говорил, что один из четырех вечных сюжетов мировой литературы – история крепости, которую штурмуют и обороняют герои. Леонид Юзефович изображает осаду Сасыл-Сысы именно так, как героический эпос. В этой истории, и правда, есть что-то античное. Ледяная осада воскрешает в нашей памяти архетипы Троянской войны и Фермопильского сражения. И сам Строд помогает Юзефовичу мыслить в подобном направлении, потому что детали этой трехнедельной осады мы узнаем из его автобиографической книги «В якутской тайге». Интересно,

что сам Строд в первый же день боя получил ранение и воспринимал реальность на грани видения.

Он описывал это так. Попав в окружение, бойцы заняли большую юрту, которую обнесли укреплением из плит замерзшего навоза, а образовавшиеся (в результате обстрела) прорехи придумали закрывать трупами. И лошадиными головами. Ничего другого не было. Замершие в нелепых позах красные и белые мертвецы, писал Строд, сплетаясь, образовывали стену, защищая живых от пуль[1]. А за стеной, внутри, измученные голодные люди три недели ползали на четвереньках вокруг пулеметов, а ночью распиливали окоченелые трупы лошадей на мясо. Вши, снег с кровью вместо воды, доводящий до сумасшествия мороз, и по обе стороны от этой странной стены – люди, сражающиеся друг с другом без ненависти, а лишь исполняя свой долг.

Роман «Зимняя дорога» предлагает новый, или хорошо забытый к концу 1920-х годов, взгляд на Гражданскую войну. Это не противостояние праведников и злодеев, жертв и палачей, это общая трагедия народа и общий подвиг. Так были написаны первые части романов «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Тихий Дон» М.А. Шолохова, так была написана повесть «Сорок первый» Б.А. Лавренева и много других произведений, в которых еще не применялись «технологии расчеловечивания» противника. Если в 1930-е годы, благодаря «усилению классовой борьбы», расчеловечиванию подвергались белые, то с конца 1980-х годов мы стали свидетелями «классового реванша», и расчеловечиванию в массовой культуре и искусстве подверглись красные[2]. Юзефович возвращает нас к ситуации 1920-х годов.

Гражданская война в России не была рыцарским турниром, да и не могла им быть, если брат шел на брата, а сын – на отца, но Пепеляев и Строд не расстреливали пленных, не жгли деревень, не грабили местное население. Оба искали примирения и не хотели крови. Осада Сасыл-сысы обернулась кошмаром для обеих сторон, но и красные и белые, пока осада не была снята, сумели обойтись без зверств и мести, проявляя уважение и даже жалость к противнику.

В 1923 году на показательном суде над Пепеляевым Строд выступал почти как защитник: «Пепеляев издал приказ не трогать пленных. Я считаю его гуманным человеком», – сказал красный командир. На что Пепеляев ответил: «Мы, все подсудимые, знаем о необычайной доблести отряда гражданина Строда и выражаем ему искреннее восхищение»[3]. Красный командир и белый генерал протянули друг другу руки. И если даже реального рукопожатия не было, фактически примирение – состоялось. И это самое главное.

Ведь когда мы говорим о единой общности, стране, понятно, что объединяет граждан внутри нее не только экономическая деятельность, единый

---

[1] *Юзефович Л.А.* Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. Документальный роман. М., 2015. С. 316–318.

[2] Нужно сказать, что изменение образа противника в советской (и постсоветской) литературе и кино о гражданской войне имело гораздо больше этапов. Например, белые офицеры в кино середины 1930-х гг. выглядят и ведут себя иначе, чем в кино 1950-х или в кино 1970-х гг. Но эта тема заслуживает отдельного исследования.

[3] См.: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 473.

образовательный стандарт или государственный язык, но и ощущение причастности к исторической судьбе народа. Общая история. Но какую историю принимать? Все самые острые общественные дискуссии происходят на почве трактовки исторических событий и личностей, которых в одних лагерях называют героями, а в других – злодеями.

А если все-таки представить, что история – это не набор досадных случайностей, что она имеет свою внутреннюю логику, свою правоту. И можно принимать всю свою историю, соединив в единое целое: дореволюционную, Советскую Россию, русское зарубежье и Россию современную?

Идеолог сменовеховства Николай Устрялов писал: «Наши внуки на вопрос: Чем велика Россия? с гордостью скажут: Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью, Петром Великим и великой русской революцией»[4]. Устрялов, Бердяев, Николай Трубецкой, все эти деятели русского зарубежья признавали революцию и советскую власть закономерным продолжением отечественной истории. И тут нет противоречий. Религиозная мысль ультраконсервативного Ивана Ильина – такое же достояние русского духа, как анархизм Петра Кропоткина. А эмигрантский роман «Лето Господне» Ивана Шмелева, поэтический гимн старой России, так же близок нашему сердцу, как поэма «Василий Теркин» Александра Твардовского или «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара – книжка, написанная для советских пионеров.

Все попытки расквитаться с историей, найти виноватых, не сослужат благу страны, но способствуют разобщению российского общества. Могут поссорить, но не сплотить людей. В этом смысле, примирение, которым заканчивается последнее сражение гражданской войны между Пепеляевым и Стродом – хороший пример нам сегодняшним, на пороге столетия революции.

[4] *Устрялов Н.В.* Patriotica // *Устрялов Н.В.* Сборник произведений. М., 2016. С. 12.

«ИЗНУРЯЮЩАЯ МЕЧТА»: В.В. РОЗАНОВ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕАЛАХ НАЧАЛА XX в.

Пучнина Ольга Евгеньевна, к.полит.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Об отношении В.В. Розанова (1856–1919) к революции написано уже достаточно много. Оценки политических и социальных событий, современником которых являлся этот неординарный философ, глубоки, оригинальны, афористичны, многогранны и противоречивы. Размышляя о причинах революции, Розанов неоднократно указывал и на роль русской литературы в подготовлении нигилистических настроений, и на всегда больной еврейский вопрос, и на менталитет русского «аполитического», «вневластного» народа, и на религиозное оскудении общества и «мертвую» христианскую религию.

Не останавливаясь подробно на анализе причин революции 1917 г. у Розанова, хотелось бы отметить его удивительный психологизм в оценке самих истоков революционной веры как таковой, секрете ее привлекательности и неизбежности «крушения» революционных идеалов.

Как консерватор Розанов отмечает, что коренной ошибкой новой революционной веры в начале XX в. является ее принципиальный утопизм. Все рационалистично составленные революционные теории и программы страдают одним пороком – полным отрицанием сложившейся естественным образом жизни с Царем, Церковью, Семьей. По мнению Розанова, все революционные «социальные системы» объединяет утопическое «неудержание в них чего-либо из строя существующего». И это главная беда революционных идей и одновременно – залог их конечного краха. «Потеря чувства действительности» – вот главнейшее основание всех революционных и социалистических теорий и программ. Этот отказ от действительной жизни по определению чреват закономерной «местью», которая рано или поздно восстановит нарушенный исторический баланс[1].

Розанов считает, что заведомая гибель революционного идеала – социалистического строя, необходимо вытекает из двух его оснований – отказа от истинных основ целостной органической жизни и следование манящим ярким призрачным образам нового. Вторую причину Розанов склонен трактовать как «повреждение души», «психоз». Неизбежен, по мнению мыслителя, крах социализма как якобы всеобщего мира, довольства и гармонии, каким его представляют в утопических мечтах всех теоретиков. Розанов четко видит весь вред, который несут в себе социалистические теории. «Как раковая опу-

[1] *Шульгин В.Н.* Русский пророк-консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. М., 2006. № 97–98.

холь растет и все прорывает собою, все разрушает, – и сосет силы организма, и нет силы ее остановить; так социализм. Это изнурительная мечта – неосуществимая, безнадежная, но которая вбирает все жизненные силы в себя»[2]. И люди, завороженные этой мечтой, как мотыльки летят на огонь, на смерть. Розанов горько замечает: «Мечта общего счастья посреди общего несчастья. Да: но именно *мечта* о счастье, а не работа для счастья»[3]. В пассивности, в созерцательности и в ожидании, что стоит только разрушить старое и прекрасное новое само выстроится, еще одна беда всех утопических идей, к сожалению, так характерная для нашей многострадальной истории.

Розанов как человек бесконечно близкий к природе, тонко чувствующий необходимую гармонию в мире и человеке, ценивший и прославлявший все естественное и натуральное, не может принять утопические идеи социального строительства еще по одной причине. Для него было очевидным, что все, что человеческий разум хочет сделать идеальным, совершенным, все это навсегда останется мертвым и механическим. «Все органическое – асимметрично. Между тем все постройки непременно будут симметричны. «Планировать нельзя иначе, чем *по линейке*. А из живого – ничего и никогда не удавалось завершить задуманное в точности и неизменности линейке»[4]. Все в природе, начиная от мельчайших клеточек и кристаллов до животных и растений, все во внешности и организме человека асимметрично и не бывает тождественным. А теоретики социальных утопий предлагают нам именно «строить», по плану, по мертвой схеме, симметрично, красиво. Розанов пишет, что в таком случае «мировые силы, космогонические силы всегда и непременно это перекосят, растянут и испортят»[5]. Посему социалистическое безбожное здание не может быть ни прочным, ни долговременным. Такой строй для Розанова пройдет как и всякая дисгармония, как буря, дождь, ветер – «взойдет солнышко и осушит все»[6].

Очевидно, что отношение Розанова к утопизму совершенно определенно – он его не приемлет. Только то, что твердо стоит на земле сегодня и то, что стояло века до нас, имеет для писателя ценность и авторитет. «Какая же чепуха эти «Солнечный город» и «Утопия»: суть коих *вечное счастье*. Т.е. окончательное «устойчивое равновесие». Это не «будущее», а смерть»[7].

---

[2] *Розанов В.В.* Опавшие листья. М., 2004. С. 303.

[3] Там же. С. 303–304.

[4] *Розанов В.В.* Последние листья. СПб., 2002. С. 93.

[5] Там же. С. 93–94.

[6] Подробнее эти идеи Розанов развил в статьях, посвященных разбору теории К.Н. Леонтьева: *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // Русский вестник. 1892. № 1; *Розанов В.В.* Теория исторического прогресса и упадка // Русский вестник. 1892. № 2, 3.

[7] *Розанов В.В.* Опавшие листья... С. 25.

ОЦЕНКА РОЛИ МОНАРХИИ В РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. КАВЕЛИНА

Пьенэ Андрей Петрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Первые мысли о роли монархического правления в России в сочинениях К.Д. Кавелина приходятся на «дореформенный» период его деятельности. Став преподавателем, он начинает активно публиковаться в «Отечественных записках» и «Современнике», где выходят сделавшие ему имя статьи по русской истории, объединенные в работу «Взгляд на юридический быт древней России», написанные на основе лекций и ставшие первой попыткой осмыслить происхождение русского государства.

В этой работе Кавелин, выстраивая собственную историософскую концепцию, отмечает роль единоличных государей в появлении Русского государства и его возрождении по окончании монголо-татарского ига. По мнению Кавелина, уже при правлении Ивана III «...проглядывает государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение»[1]. Именно его усилия по ограничению интересов знатных родов и принятие Судебника 1497 года стали, по мнению русского историка Н.И. Костомарова, началом борьбы государей за создание абсолютного самодержавия[2].

Следующим этапом усиления русского самодержавия являлось правление Ивана IV Грозного, имевшего цель отстранить боярскую знать от управления государством для установления собственной неограниченной верховной власти. Для этого царь он уничтожил институт областных правителей и «...все местное управление отдал в руки самих общин, подчиняющихся московским приказам»[3], таким образом ослабив роли местного родового дворянства и повышая политическую «прочность» формируемой им «вертикали» власти.

В период после Смутного времени роль родовой знати как самостоятельного субъекта политического процесса становится все менее значимой, окончательно исчезнув в период правления Петра I, вся жизнь которого, по мнению Кавелина, «есть первая фаза осуществления личности в русской истории»[4]. Он приходит к выводу, что установление единоличного правления и унич-

---

[1] *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 48.

[2] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.,1993. С. 137.

[3] *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 54.

[4] Там же. С. 58.

тожение удельной системы способствовали созданию единого Российского государства и выведения его на общеевропейскую цивилизационную орбиту.

Выражая поддержку абсолютной монархии как институту управления Российским государством, Кавелин, в то же время, выступал с критикой действительной политики Николая I. В своем письме 1848 года, адресованном историку Т.Н. Грановскому, Кавелин пишет: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, – только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни»[5].

В 1862 году выходит его брошюра «Дворянство и освобождение крестьян», в которой он рассуждает о роли дворянского сословия в истории России. Здесь он отмечает, что местные правители в прошлом «грабили и обирали» местных жителей, поучаствовав в закрепощении крестьянства. Это, наряду с нравственной деградацией и невежеством привело к тому, что «борьба с ними не могла не возбуждать в народе глубокого сочувствия к царской власти и придавало ей в глазах массы значение воплощенной божеской справедливости, карающей сильного и спесивого обидчика»[6]. Таким образом, Кавелин подчеркивает исторически обусловленное отношения населения России к государю как к защитнику своих интересов, замечая, что подобные взгляды владели массами даже в противоречивый период правления Ивана Грозного.

С несколько иного ракурса К.Д. Кавелин рассматривает отношения верховного правителя и народа в своем основном историософском труде «Мысли и заметки о русской истории». По мнению Кавелина, в древнерусском обществе не было места для общины, а родовая властная «вертикаль» послужила образцом для государственного устройства: «Царь, по представлению великорусского народа, есть воплощение государства»[7]. Он не является верховным главнокомандующим или главой административной власти в европейском понимании. Царь, согласно идее Кавелина, «есть само государство – идеальное, благотворное, но месте с тем и грозное». В некоторой степени умозаключения Кавелина перекликаются с утверждением Ю.Ф. Самарина о том, что главной задачей самодержавного государя должно быть «благоволение ко всем, особенно к беззащитным и одиноким, к нищим, сиротам и инокам»[8]. Императорская власть и государственное единство Российского государство – вещи взаимосвязанные исторически и «сжились у нас, как Англия со своим парламентом»[9]. Таким образом, Кавелин явственно выводит мысль о предопределенности и даже исторической необходимости наличия абсолютной монархии, подкрепленной, несомненно, различного рода преобразованиями общественной жизни.

В «пореформенный» период деятельности К.Д. Кавелина интерес представляет его небольшая, но важная для понимания политической теории Кавелина статья «Разговор с социалистом-революционером» 1880 года, в ко-

---

[5] *Кавелин К.Д.* О смерти Николая I. Письма к Т.Н. Грановскому // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 596.

[6] *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй... С. 137.

[7] *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 221.

[8] *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 52.

[9] *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 222.

торой представлена реакция мыслителя на радикализацию действий политических террористов в России. Кавелин утверждает, что введение конституции выгодно исключительно буржуазии, а истинным защитником народных масс является царь. Причиной революционных бурь в Западной Европе Кавелину видится как раз разлучение народа с верховной властью, а «конституция – это плен царя и разорение народа в пользу ничтожнейшего и притом развратнейшего меньшинства»[10]. Интересным представляется и предположение мыслителя о возможности появлении в России «самодержавной республики», имея в виду государство, лишенное «стены» в виде аристократии между народом и государем, наличествующей в западноевропейских государствах.

В дальнейшем, предлагая проекты реформ высших эшелонов власти, К.Д. Кавелин снова не затрагивает основ самодержавной власти, ратуя лишь за расширения прав земского самоуправления, введения в состав Государственного совета выборных от земств и предоставление права Государственному совету, комитету министров и Сенату напрямую обращаться со своими законодательными инициативами к императору. Государь, по его мнению, должен объявить широкую амнистию, отмену смертной казни и административных ссылок, свободу совести и вероисповедания, отмену ограничений для развития культуры и употребления языка национальных меньшинств. Все эти меры должны способствовать «умиротворению» общества и дальнейшему развитию государства[11].

Итак, самодержавная власть видится для Кавелина исторически обусловленной формой правления для России, органично появившейся вследствие развития семейной формы единоначалия на новое государственное образование, созданное русским народом.

[10] *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 438.

[11] *Кавелин К.Д.* Бюрократия и общество. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1897. Стб. 1078.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ П.Н. ТКАЧЕВА

Рудакова Юлия Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Истоки формирования политической биографии Петра Ткачева, одного из виднейших идеологов революционного народничества, зарождались во время беспрецедентного подъема общественной жизни, который происходил в России в середине XIX века. Непростая социально-политическая ситуация привела к глубокому общенациональному кризису, что вынудило власть пойти по пути реформ. Вследствие отмены крепостного права произошел качественный общественно-политический сдвиг, что, в свою очередь, привело к перелому в освободительном движении: на передний план выходит разночинец.

Как отмечает А.А. Ширинянц[1], в 60–70-х гг. XIX в. в среде разночинной интеллигенции возникает определенный стереотип сознания и поведения: феномен радикального активизма. В полной мере этому подвержена и концепция Ткачева, которая стала воплощением радикального направления в действенном народничестве.

Творческая биография Ткачева началась в гимназические годы, с написания стихотворений, которые ярко иллюстрируют направленность его мыслей. Так, например, в стихотворении 1862 г. «Друзьям» Ткачев видит революцию как «народно-бурный» поток, разрушающий все на своем пути:

Долой ненужные плотины,
Ведь ничего нельзя спасти,
Уносит все волна с собой,
Обломки тюрем и дворцов, обломки храмин и богов,
Покрытых плесенью вековой!..
Распался организм гнилой!
Но будет это распаденье
Для мира жданным обновленьем![2]

Так начинается первый, подготовительный период творчества Ткачева. Уже в эти годы, с 1862 по 1865, с ним начинают сотрудничать журналы, которые, как правило, опубликовывали целые циклы его статей. В основном работы юного публициста того периода были посвящены различным вопросам права и статистики. Исследователями отмечается высокий уровень первых статей Ткачева. Так, например, С.С. Остроумов отмечает «выдающуюся роль

[1] *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С. 150.

[2] *Ткачев П.Н.* Стихотворения // *Ткачев П.Н.* Избранное. М., 2010. С. 55.

П. Ткачева в развитии русской уголовной статистики и русского уголовного права»[3]. Также в эти годы Ткачев высказывал свое мнение по поводу философских и социологических проблем, состоялся его дебют как литературного критика.

Следующий творческий период начался для Ткачева в 1865 г., когда Г.Е. Благосветлов пригласил его к постоянному сотрудничеству в «Русском слове». Именно в этот период раскрылся его талант публициста. Ткачев проявляет себя в самых разнообразных жанрах журналистики: пишет статьи о «людях будущего» – революционерах, анализирует производительные силы России и Европы, высказывается по «женскому» и рабочему вопросах, по истории культуры и праву. В этот период Ткачев сформулировал основные принципы своего мировоззрения: применимость «экономического принципа» во всех сферах общественной жизни; вредность реакции, идеализма, отживших суеверий и религии; необходимость воспитания «новых людей». Второй период внезапно закончился в 1869 г., когда Ткачев был арестован по делу Нечаева.

Третий период его творчества (с 1869 г. до 1873 г.) пришелся на тюремное заключение и ссылку. Имея возможность писать, Ткачев не всегда мог надеяться на успешную публикацию своих работ, которые должны были пройти долгий путь цензуры. Изменилась и сама читающая публика, ее потребности. Читатели уже не чувствовали надобности в той «бурной, порывистой умственной жизни», которой они жили последние годы. Погоня за новыми идеалами и решениями утомила их, поэтому большим спросом стало пользоваться повторение и «разжевывание» идей, усвоенных ранее[4]. В соответствии с этим, меняется характер и содержание публицистики Ткачева. Стремлению как можно быстрее и полнее высказаться по всем вопросам, характерному для предыдущего периода, пришел на смену критический анализ собственных принципов, желание систематизировать высказанные ранее идеи и более глубоко погрузиться в изучение теории. Одно из центральных мест в творческих изысканиях Ткачева в этот период занимают вопросы социологии и, прежде всего, вопрос о прогрессе, который был очень популярен в то время среди многих мыслителей.

Четвертый период творчества Ткачева (1873–1879 гг.) дал ему возможность в полный голос заявить о своих политических убеждениях, сначала в открытой полемике с Лавровым, а затем, в журнале «Набат», который был основан им вместе с группой единомышленников и стал печатным органом «бланкистского» направления в революционном народничестве. Этот период можно назвать самым продуктивным в творчестве Ткачева. Пишутся критические статьи о работах русских революционных теоретиков, программные статьи в «Набате» (о перспективах революции в России, ее характере, движущих силах, роли политической власти в революционном процессе и др.). Ткачев высказывается по поводу многих крупных явлений русской литературы того времени: Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и других

---

[3] *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 22.

[4] *Ткачев П.Н.* Издательская и литературная деятельность Е.Г. Благосветлова // *Ткачев П.Н.* Избранное. М., 2010. С. 757.

писателей. Как мы видим, этот период его творчества, так же, как и второй, стал периодом большого разнообразия публицистических жанров.

Переход к пятому периоду в творчестве Ткачева не имеет четких временных рамок. Шахматов отмечает[5], что признаки этого перехода мы наблюдаем в 1879 г., когда Ткачев переехал из Швейцарии в Париж. Прежде всего они выразились в том, что резко упала интенсивности работы Ткачева. Он потерял связь с журналами, с которыми прежде сотрудничал. Также Ткачев не мог осуществить главную цель своего пребывания в эмиграции – повлиять на революционное движение в России. Провалилась попытка издавать «Набат» на родине. После событий 1 марта 1881 г. «Набат» был возобновлен в виде газеты. Ткачев писал: «Теперь «Набат» должен быть не учителем-теоретиком, а, если можно так выразиться, – практическим агитатором»[6].

Ткачев начал писать в газете о героях «Народной воли», в действиях которых он видел торжество своих идей, и пропагандировать терроризм, утверждая, что это «единственное средство нравственного и общественного возрождения России». Как отмечает Шахматов[7], все это говорит о вырождении революционности бланкистского толка, и сам Ткачев, скорее всего, понимал это. Газета «Набат» вскоре перестала выпускаться, а после разгрома «Народной воли» стало ясно, что ткачевизм утратил популярность среди нового поколения революционеров. Болезнь и смерть Ткачева в 1886 г. избавили его от необходимости наблюдать, как новая революционная практика и деятели нового поколения будут освобождаться от народнических утопий.

---

[5] *Шахматов Б.М.* П.Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981. С. 71.

[6] *Христофоров А.Х.* Материалы для биографии П.Н. Ткачева. Былое. 1907. № 8/20. С. 165. Цит. по: *Шахматов Б.М.* Указ. соч. С. 75.

[7] Там же.

ОБЩЕСТВО РУССКИХ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В САН-ФРАНЦИСКО: ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1924–1945 гг.)

Рыбаков Владислав Александрович
(НИУ «Высшая школа экономики»)

Актуальность и новизна темы обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, сегодня, когда отмечается 100-летие Первой мировой войны и предпринимаются попытки переосмысления этого важнейшего события, предопределившего ход мировой истории, одним из перспективных направлений исследования видится изучение организаций, занимавшихся сохранением памяти об этой войне.

В контексте современных массовых миграций в страны Запада представляет интерес исследование механизмов адаптации к новой жизни мигрантов предшествующих волн, в т.ч. на конкретных примерах.

Изучение общественной организации Русского зарубежья и США важно в рамках такого современного направления исторической науки как институциональная история, в контексте проблемы формирования гражданского общества.

Наконец, историография Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско (ОРВВВ) на сегодняшний день до конца не сложилась. Имеющаяся литература немногочисленна и представлена в основном статьями справочного и юбилейного характера, опирающимися на весьма ограниченную источниковую базу[1]. Нет специального исследования, посвященного организации и деятельности ОРВВВ.

Объектом настоящей работы является, согласно одной из парадигм исторического исследования, совокупность источников по теме «Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско». Согласно другой парадигме, объект – это непосредственно ОРВВВ.

Предметом исследования стала организация и деятельность Общества в 1924–1945 гг. Хронологические рамки ограничены первым двадцатилетием существования организации, когда ее возглавлял А.П. Будберг, чья личность во многом определила линию жизни ОРВВВ.

[1] См. например: Общество Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско // Белая Россия. http://whiterussia1.narod.ru/EMI/ROVSUSA.htm (дата обращения: 23.04.2016); *Попов А.В.* Документы по истории Первой мировой войны в музеях и архивах русского зарубежья // Российские и славянские исследования. Вып. 2. Минск, 2007. С. 115–126; *Забегалин А.* Юбилей Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско // Русская линия. 2014. 28 мая. http://rusk.ru/st.php?idar=66239 (дата обращения: 23.04.2016) и др. работы.

Источниковую базу работы составили две группы источников.

Первая из них – это впервые вводимые в научный оборот документы фонда Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына[2]. Имеются организационно-правовые документы, протоколы общих собраний и заседаний правления, его годовые отчеты и т.д. В целом документы ОРВВВ отличаются хорошей сохранностью и полнотой.

Вторая часть – это материалы Общества, опубликованные в «Вестнике Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско»[3]. Там публиковались основные организационные документы ОРВВВ, отчеты о проведенных мероприятиях, хроника событий.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам.

Созданное в 1924 г. в Сан-Франциско Общество русских ветеранов Великой войны стало первой военной организацией Русского зарубежья в Америке, объединившей представителей разных родов войск, попавших в США с Дальнего Востока.

Несмотря на декларирование в официальных документах Общества неполитических целей, организация преследовала и военно-политические цели, связанные со свержением большевистской власти в России.

Членский состав организации был немногочисленным, однако в ней состоял ряд известных военных деятелей русской армии, офицеров Генштаба.

Организационное устройство Общества было типичным для подобных объединений в императорской России. Руководящими органами ОРВВВ были общее собрание его членов, выполнявшее распорядительные функции, и правление – исполнительный орган – во главе с председателем. Контроль их деятельности осуществляла ревизионная комиссия. Важную роль игралсуд чести, рассматривавший поступки, порочившиерепутацию членов организации. Внутри Общества создавались группы, формировавшиеся по общности рода оружия или интересов.

Первый председатель ОРВВВ генерал-лейтенант барон А.П. Будберг, возглавлявший Общество более 20 лет, во многом определил лицо и деятельность организации. Основными задачами ОРВВВ на практике стали сохранение русской военной культуры начала XX в. и социальная помощь членам Общества. Особенно плодотворной была военно-научная, собирательская и популяризаторская деятельность.

Об активной военно-научной деятельности членов организации свидетельствуют многочисленные публикации их работ по истории, теории и практике военного дела. Собирание артефактовпривело к созданию в 1944 г. военного музея. Его уникальная коллекция знамен, мундиров, орденов, документов имеет большое значение для сохранения русской военной истории и истории Белого движения.

---

[2] Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.Ф. 80. Оп. 1. Д. 1–249.

[3] Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско – орган Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Двухмесячный военно-исторический и литературный журнал. Сан-Франциско, 1926–1941. № 1–180.

Созданная в 1925 г. библиотека насчитывала несколько тысяч томов, в число которых входили редкие книги антикварной ценности, изданные в эмиграции труды крупных представителей русской военной мысли, а также комплекты эмигрантских периодических изданий. Проводимая ОРВВВ популяризаторская работа способствовала сохранению русской культуры, консолидации русской эмиграции и расширению известности и авторитета Общества как в эмигрантской среде, так и за ее пределами.

Достижению этой цели способствовала и издательская деятельность организации. Выходивший с 1926 г. «Вестник Общества русских ветеранов Великой войны» получилвысокую оценку видных деятелей Белого движения, распространялся как в Америке, так и в Европе. Публиковавшиеся на его страницах материалы, в том числе научные труды и воспоминания членов ОРВВВ, представляют собой ценный источник как по истории самого Общества, так и по военной истории России начала XX в. Анализ публикаций журнала показывает, что, несмотря на определенную идеализацию Белого движения, они раскрывают малоизвестные страницы истории Первой мировой и Гражданской войн, показывают невоенную сторону войны, характеризуют развитие военной мысли, дают материал для осмысления причин революционных событий и Гражданской войны в России.

Исследование деятельности Общества показывает, что социальная помощь, являвшаяся в первые годы его существования первостепенной задачей, осуществлялась преимущественно через Кассу взаимопомощи и Инвалидный капитал. Через них оказывалась материальная поддержка нуждавшимся и нетрудоспособным членам организации. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что размеры Заемного и Инвалидного капиталов последовательно увеличивались, а число лиц, обращавшихся за ссудами, сокращалось, что свидетельствует о социальной адаптации русской эмиграции и относительном улучшении материального положения членов ОРВВВ.

Благотворительная деятельность Общества, осуществлявшаяся в самых разнообразных формах, способствовала сплочению русской диаспоры и укреплению связей ОРВВВ с соотечественниками за рубежом.

Таким образом, можно констатировать, что за два десятилетия, с 1924 по 1945 г., образовалась и укрепилась одна из первых русских военных эмигрантских организаций – Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Включенное в общую систему антибольшевистских объединений, Общество способствовало сплочению русских эмигрантов за рубежом, их социальной адаптации, внесло существенный вклад в сохранение военной истории и культуры императорской России и русской эмиграции.

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИИ ПО ОСВОЕНИЮ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В СССР В 1954–1955 ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИВАНОВСКОЙ, КОСТРОМСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Рыбин Андрей Александрович
(Костромской государственный университет)

Решением февральско – мартовского пленума 1954 года[1] был задан новый курс на восстановление экономики страны и преодоление послевоенного кризиса. Целинная кампания, по мнению руководства страны, должна была решить проблемы, связанные с нехваткой продуктов питания[2]. Регионы Советского Союза по призыву КПСС должны были включиться в процесс освоения новых земель ввосточных районахСССР, и обеспечить необходимыми ресурсами новые осваиваемые территории.

По окончанию Великой Отечественной войны экономика регионов Центральной России оказалась ослабленной. В Костромской области многие колхозы оказались в запущенном состоянии, а колхозникам на трудодни выдавалось мало сельскохозяйственных продуктов и денег. Только за период с 1945 по 1946 год самовольно выехало в другие области более 27 тысяч человек, многие демобилизованные солдаты из армии не возвращались в свои колхозы[3]. Число колхозных дворов уменьшилось за период с 1946 по 1954 год с 134,8 тысяч до 103,8 тысяч человек, а численность трудоспособных колхозников в этот же период снизилась с 184 тысяч до 132,5 тысяч человек[4]. В Ивановской области численность работников, занятых в сельском хозяйстве, к 1954 году сократилась с 376 тысяч до 267 тысяч человек, к тому же, уменьшилось количество трудоспособных работников колхозов с 161 тысячи до 124 тысяч человек[5]. Но при этом с число трудящихся на промышленных предприятиях к 1954 году увеличилось с 176 до 288 тысяч человек[6]. Члены

[1] *Хрущев Н.С.* О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. М., 1954. С. 11.

[2] *Волков И.М.* Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель. М., 1979. С. 14.

[3] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 14. Л. 1.

[4] Там же. Л. 1.

[5] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 16. Л. 3.

[6] Там же.

Ивановского обкома КПСС в своих записках отмечали[7], что рабочие колхозов получали малую заработанную плату на трудодни, в связи с этим заметно ослабевала трудовая дисциплина, часть колхозников переходила работать в промышленость.

В Ярославской области численность колхозного населения после войны сократилась на 50%, а в Ивановской области на 59%[8]. В Ярославской области, в отличие от Костромского края, ситуация с демобилизованными солдатами была иная. Из 56,5 тысяч прибывших военнослужащих было трудоустроено 51,6 тысяч человек, около половины были устроены в колхозы и совхозы[9].

В Костромской области в начале 1954 года особо ощущался недостаток рабочей силы в ряде колхозов Антроповского, Игодовского, Кадыйского, Павинского, Парфеньевского, Палкинского, Судайского, Чухломского, Пыщугского районов[10]. Руководство области обращало внимание на то, что из–за недостатка рабочей силы не выполнялись планы по развитию животноводства, растениеводства, колхозы получали очень низкие урожаи и валовые сборы всех сельскохозяйственных культур. В колхозах не выполнялись установленные планы сенокошения, силосования, трудовые кадры плохо справлялись с работой по улучшению лугов, пастбищ, медленно строились животноводческие помещения, из-за неудовлетворительного питания возникал падеж скота[11]. При этом урожай зерновых с одного гектара в течение ряда лет не превышал в среднем 5 центнеров, картофеля 65–70 центнеров, в 1953 году урожайность была в 1,5 раза ниже[12]. Денежные доходы с 1 гектара пашни в среднем по области не превышали 158 рублей, на 1 колхозный двор приходилось 1100 рублей в год, в других колхозах сумма могла варьироваться в размере 20–40 рублей с гектара или на двор 350–700 рублей. Колхозы области к 1954 году должны были по ссудам государству 146 тысяч тонн зерна и 159.9 миллионов[13] рублей.

В Ивановской области в начале 1954 года из общего числа трудоспособных колхозников количеством в 124 тысячи человек было занято на промышленности 24 тысячи человек. Нагрузка на одного трудоспособного колхозника составляла в среднем по области: пашни 6,7 гектаров на человека, и сенокосов 1,9 гектаров на человека, а при расчете только на полеводческие бригады приходилось пашни 10,9 гектаров на человека и сенокосов 2,9 гектаров на человека[14]. Для проведения полевых работ привлекалось много рабочей силы из промышленности[15], что в свою очередь сказывалось на себестоимости промышленной продукции. Пытаясь принять меры по улучшению сельскохозяйственной экономики области, в 1955 году в ЦК КПСС от Ивановского обкома

---

[7] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 16. Л. 3.

[8] *Руденко Л.Д.* Социально-демографические процессы в деревне 1946–1951 гг. (по материалам Ярославской области). Ярославль, 2005. С. 26.

[9] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 203. Л. 2–5.

[10] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 14. Л. 2.

[11] Там же. Л. 2.

[12] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 14. Л. 2.

[13] Там же.

[14] Там же. Л. 3.

[15] Там же. Л. 4.

партии и облисполкома поступило предложение, об организации 27 новых совхозов на базе 92 экономически слабых колхозов и 7 подсобных хозяйств[16]. Министерство сельского хозяйства РСФСР не поддержало указанное выше предложение, так как их принятие требовало больших финансовых затрат. Министерство планировало использовать денежные средства в основном на организацию новых зерновых совхозов на целинных и залежных землях[17].

В Ярославской области из-за нехватки рабочих рук широко использовался труд нетрудоспособных (пенсионеров, подростков и др.)[18] При этом условия жизни на селе были крайне тяжелыми, о чем свидетельствуют воспоминания А.Н. Пелевиной, жительницы села Масальское, Угличского района Ярославской области: «С 1947 и до 1955 года ситуация с продуктами питания была неудовлетворительна. Несмотря на то, что был свой участок земли, корова и другой скот, были большие налоги, сдавали в качестве налога молоко, шерсть, то есть со всего, что держали, приходилось отдавать. Сколько-то оставалось на семью, но немного. Большой дефицит был сахара, масла (особенно растительного), любых сладостей, конфет. Чая, кофе вообще не было. Хлеб пекли свой, вместо сахара сушили свеклу. Из-за налога стали меньше держать скота, потому что было невыгодно, на продажу вообще не оставалось»[19].

Жительница деревни Русанова Ярославского района Е.И. Поваренкова также вспоминает: «Жили бедно, мать, работая конюхом, получала один раз в год осенью хлеба и овощей 200 грамм за трудодень. Отец получал 40 рублей в месяц, а буханка хлеба стоила 20 копеек, кормились за счет собственного хозяйства и коровы. Особенно голодно было весной, когда все запасы заканчивались. Собирали по полям мороженую картошку, варили ее и из полученного крахмала делали оладьи, которые называли “симофорочками”»[20]. Люди искали лучших условий существования, поэтому отток населения из области был закономерным явлением.

Социально-экономическая и кадровая ситуация на момент кампании по освоению целинных земель в рассматриваемых областях была неудовлетворительна. Выполнять решение правительства и отправлять квалифицированные кадры в районы освоения новых земель, на начальном этапе кампании Ивановской, Костромской и Ярославской областям было проблематично, так как на местах не хватало рабочих рук. Тяжелые экономические условия заставляли рабочих покидать свои колхозы и совхозы, они уходили на заработки в города на предприятия или выезжали в поисках работы за пределы области. Регионы Центральной России пытались решить накопившиеся проблемы, обращаясь за помощью к государству, но все же политический курс заданный руководством страны был направлен на скорейшее освоение целинных районов в восточных областях Советского Союза, и должной поддержки области Нечерноземья не получили.

---

[16] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 14. Л. 13.

[17] Там же.

[18] *Руденко Л.Д.* Указ. соч. С. 68.

[19] *Марасанова В.М.* История Ярославского края в XX столетии. Ярославль, 2010. С. 131.

[20] Там же. С. 131.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР И ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНОГО ФОНДА Ю.Н. ПАНКОВА В РГАСПИ)

Савельева Майя Петровна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Взаимоотношения таких крупных европейских держав, как Россия и Франция, в новый и новейший периоды истории играли и продолжают играть одну из главных ролей в расстановке сил на мировой политической арене, чем и определяется актуальность выбранной темы.

Данный сюжет является предметом активного научного изучения. Написан широкий круг работ, всесторонне освещающий вышеуказанную проблему. Исследованием данного вопроса занимались как отечественные историки и публицисты[1], так и французские[2].

Претендовать на фундаментальность исследования русско-французских дипломатических отношений в рамках небольшой статьи было бы слишком смело. Тем не менее, автор полагает, что материалы личного фонда Юрия Николаевича Панкова в РГАСПИ и его собственные работы[3] позволяют расширить источниковедческую базу данного вопроса и взглянуть на него под другим углом.

Панков Юрий Николаевич (1926–2000 гг.) – профессиональный дипломат, сотрудник международного отдела ЦК КПСС (1949–1975 гг.), советник – посланник СССР во Франции (1975–1979 гг.), ректор Института общественных наук при ЦК КПСС (1979–1987 гг.); профессор.

Работая в МИДе и возглавляя франкоязычный сектор, он непосредственно готовил и обеспечивал визит Л.И. Брежнева во Францию в 1977 г. и под-

---

[1] *Громыко А.А.* История внешней политики СССР 1917–1980 гг. СССР и Франция. М., 1983;

Эльц Е.Э. Актуальные проблемы сотрудничества России и Франции в области государственных архивов. М., 2012.

[2] *Laurent J.* La France et la Russie: regards diplomatiques (XVII–XXI siècle). P., 2012; *Allain J.-C., Guillen P.*, Histoire de la diplomatie française: de 1815 à nos jours. P., 2007.

[3] *Кремер И., Панков Ю.Н.* Об искажении внешней политики Советского Союза буржуазными, реформистскими и ультралевыми историками и публицистами. М., 1980;

Панков Ю.Н. Международные отношения и массовые общественные движения. М., 1986.

писание ряда советско-французских соглашений, существенно улучшивших отношение СССР с этой страной и способствовавших активизации процесса разрядки международной напряженности.

Еще во времена существования СССР Франция в соответствии с голлистскими установками занимала особое положение в западном мире, пытаясь преодолевать противоречия между НАТО и ОВД и развивая сотрудничество с Москвой в различных сферах[4].

В 1966 г. произошло потепление в отношениях между СССР и Францией – после выхода последней из военной организации НАТО и визита президента Шарля де Голля в Москву. С 1970-х гг. динамику двусторонних отношений можно охарактеризовать в целом как положительную, однако не в полной мере отвечающую желаемому уровню двустороннего партнерства.

На примере саммита, прошедшего по инициативе французской стороны и личного приглашения президента Французской республики Валери-Жискар д'Эстена в 1977 г., можно проследить, как проявление основных мотивов брежневской внешней политики по отношению к Западу, так и главные черты восприятия советского руководителя западными лидерами. В обоих случаях, на лицо характерная двойственность взаимоотношений, выражавшаяся, с одной стороны, в желании наладить отношения в эпоху ядерного противостояния, а с другой, во взаимном недоверии, основанном не только на идеологических различиях, но и на значительной культурной и поведенческой разнице между руководителями двух стран.

Достигнутые договоренности и общая атмосфера переговоров свидетельствовали о хороших перспективах в углублении и расширении дружественных контактов стран, но спорные моменты переговоров, осторожность и недоверие лидеров по некоторым ключевым позициям позволяют нам провести некие параллели с современным состоянием российской внешней политики.

Подготовка к переговорам – многоэтапный процесс, требующий обработки большого объема информации. В личном фонде Ю.Н. Панкова собраны разнообразные документы (газетные вырезки, сообщения прессы и специальных корреспондентов ТАСС во Франции, тезисы к выступлениям, пресс-бюллетени, телеграммы, письма и т.п.). Отдельным блоком идут планы подготовки визита по группам внешней политики, культуры и информационно-пропагандистскому обеспечению. Собраны сведения о внутриполитическом положении дел во Франции, от состава правительства до экономических и промышленных показателей. Проанализированы выступления президента и других видных общественных и политических деятелей на предмет ожиданий от визита и впечатлений от его итогов, отношения к СССР и его новому лидеру.

Речь идет в первую очередь о материалах, связанных с Л. Де Гиренго – министре иностранных дел Франции, Ж. Марше – главе Французской Коммунистической партии, Р. Барре – генеральном секретаре ФКП, Ж. Ширакe – мэре Парижа и Ф. Миттеране – главе Французской Социалистической партии. Консульская информация о советских гражданах во Франции, намеченных совместных мероприятиях, действующих соглашениях на текущий момент так же составляет неотъемлемую часть подготовки к саммиту. Была

[4] *Vaïsse M.* Les relations internationales depuis 1945. P., 2005.

проведена работа с советскими и французскими средствами массовой информации, составлены пресс-бюллетени, в которых проведен обзор газетных сообщений и жалоб на некорректные заявления прессы.

На базе собранной информации были составлены мидовские дополнения и уточнения к проекту ожидающей подписания декларации, составлены тексты речей и выступлений. Проведены встречи с сотрудниками посольства и членами общества «Франция-СССР». Все это нашло отражение в отчетных выступлениях Ю.Н. Панкова, посла СССР во Франции С.В. Червоненко, министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, заявлениях Л.И. Брежнева.

Эти документы позволяю показать сам процесс сбора, анализа реакции французской и международной общественности, хода подготовки к визиту и внесения поправок и изменений как в сам документ, так и в процедурный процесс, т.е. ту дипломатическую деятельность, которая остается «за кадром» для глаз рядового современника событий. Скрытое от стороннего наблюдателя дипломатическое закулисье позволяет глубже понять причины и содержание конкретных политических шагов, которые в итоге меняют ход истории. Например, в фонде содержится интересное упоминание в прессе о встрече с госсекретарем США С. Вэнсом на следующий день после завершения визита Л.И. Брежнева. Внимания заслуживает и анализ встречи А.А. Громыко с Л. Де Гиренго в Москве накануне визита Л.И. Брежнева в Париж.

В истории, в том числе и в истории двусторонних отношений России и Франции наблюдаются относительно устойчивые тенденции, которые демонстрируют известную цикличность, повторяемость определенных явлений в контексте современных социально-политических и научно-экономических условий.

Противоречивое восприятие Запада и Франции в частности находит отражение в образе, который он сформировал в глазах русского человека: Запад – как партнер и образец привлекательных стандартов жизни, носитель определенных ценностей, институтов и культурных норм, и как противник – лицемерный и чуждый идеологически. Вышеуказанное противоречие свойственно российскому политическому дискурсу на протяжении нескольких веков и во многом определяет роли и места России в мире[5]. Риторика российской власти и общественное сознание диктуют нам идею необходимости признания России как части европейского общества, ведущей европейской державы, при условии единовременного исключения из ближнего круга стран, занимающих однозначно враждебную к нам позицию.

Понимание и принятие во внимание данных закономерностей будут способствовать решению многих политических проблем современности, что особенно актуально в виду нового витка напряженности в отношениях России и Запада, что вынуждает нас вновь обращаться к опыту эпохи разрядки 1970-х гг.

---

[5] *Морозов В.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009; *Neumann I.B.* Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, New York, 1996.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Садов Владислав Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Период февраля 1917 – января 1918 гг. стал поворотным в истории всей России, и вполне естественно, что события революции не минули Русской Православной Церкви – института, существовавшего на тот момент почти уже тысячу лет, во многом определившего ход истории дореволюционного Российского государства, а после гонимого и преследуемого кровавым террором.

Революцию Синод встретил в качестве одного из государственных ведомств, контролировавших духовную жизнь страны и полностью подотчетный правительству. На события февраля и марта, а именно на переворот и отречение императора Православная Церковь отреагировала практически безразлично, продолжая выполнять свои функции под управлением обер-прокурора В.Н. Львова. В первые этапы революции Православная Церковь сразу же столкнулась с рядом крайне острых проблем: по территории всей России вспыхнули беспорядки, в процессе которых разграблялись монастыри и храмы, преследовались священнослужители, а имущество церкви расхищалось; внутри самой Церкви начали зарождаться идеи необходимости реорганизации духовной жизни и устройства, кроме того, появлялись сторонники идей реформации православного вероучения; ко всему этому добавились сепаратистские настрои окраин, в особенности Грузии и Украины, где наряду с политическими требованиями все чаще звучали лозунги о предоставлении автокефалий местным церквям. Наиболее острым был вопрос автокефалии Украинской Православной Церкви, так как потеря Киевской кафедры могло серьезно сказаться на единстве Русской православной церкви.

Установившийся режим Временного правительства, следовавшего идеям либерализма и провозгласившего свободу совести и вероисповедания[1], во многом отказался от участия Церкви в политической и правовой сфере жизни общества: священнослужители более не были обязаны присутствовать при оглашении решений Временного правительства, в момент принесения присяги чиновников и т.п.[2] С этого момента Русская Православная Церковь потеряла свое исключительное положение в жизни общества. В марте 1917 г. по настоянию обер-прокурора В.Н. Львова кадровый состав Синода был пересмотрен, многие архиереи были уволены и заменены лояльными Временному

[1] Постановление Временного Правительства о свободе совести от 14 июля 1917 года // http://constitution.garant.ru/

[2] *Цыпин В.А.* История Русской Церкви 1917–1997 гг. М., 1997. С. 2–25.

правительству и новому режиму людьми. Кроме того, по проекту академика Б.В. Титлинова, издание «Всероссийского церковно-общественного вестника» было передано совету Петроградской Академии, чтобы он соответствовал тогдашнему течению общественной мысли[3]. Вполне естественно, что Синод данное решение не одобрил, а также отказался выделять деньги на публикации данного издания. 15 апреля последовал вполне ожидаемая реакция – зимняя сессия Синода была прекращена.

Летняя сессия Синода, вопреки ожиданиям обер-прокурора, оказалась также верна старым традициям, хотя и включала в себя нескольких архиереев либерального настроя, а некоторые (А. Рождественский, Ф. Филоненко, А. Смирнов) открыто поддерживали обновленческую группировку «Союз демократического духовенства и мирян»[4]. При продолжении возрастания внутреннего напряжения, появлении новых вызовов Русская Православная Церковь должна была переосмыслить свое положение. И вот, 29 апреля 1917 г. начинается подготовка к созыву Поместного Собора, открывшегося 5 июля. Вскоре произошли новые перемены в составе Временного правительства и должность обер-прокурора досталась А.В. Карташову, который вскоре занял пост министра исповеданий – должность, заменившая собой чин обер-прокурора.

15 августа ознаменовался открытием Всероссийского Поместного Собора. Заседания проходили в весьма тревожной обстановке, вызванной нарастающим беспокойством в стране, а также продолжавшейся войной, ведение которой осложнялось из-за продолжавшегося разложения армии. Кроме того, духовенство выражало явную озабоченность грядущим созывом Учредительного Собрания. Вдобавок к этому продолжали приходить известия о бандитах и дезертирах, грабящих монастыри и церкви. Постоянное усугубление ситуации привело к тому, что мысль о возрождении патриаршества, встречавшая множество противников до открытия Собора, не просто вновь зазвучала в дискурсе, но и обрела широкую поддержку – 11 октября был зачитан доклад, призывающий к восстановлению первосвятительства, а 28 октября Собор решает восстановить титул патриарха, подотчетного периодически созываемому Поместному Собору.

В эти дни кардинально ситуация изменилась не только в рядах Церкви, но и в судьбе всей страны – произошел арест Временного правительства, и теперь страна оказалась в руках партии большевиков, придерживавшейся ярой антиклерикальной политики, не желавшей мириться с наличием в структуре общества сильной церковной организации, несущей альтернативную коммунистической идеологию, а кроме того, способную собрать множество последователей вокруг себя. Конечно, какое-то время грядущее заседание Учредительного собрания еще внушало надежду на мирный исход, однако, разгон депутатов дал ясно понять, что большевики пойдут до конца. Кроме того, ликвидация министерства исповедания и отсутствие нового регламентирования отношений церкви и государства поставили духовенство вне системы, практически объявив его вне закона[5].

---

[3] *Цыпин В.А.* Указ. соч. С. 2–25.

[4] Там же.

[5] *Соколов А.В.* Государство и Православная церковь в России, февраль

Итак, год революции стал завершением синодального периода, продолжавшегося в истории церкви с 1700 года, с момента местоблюстительства митрополита Стефана Яворского, до 28 октября 1917 года, когда Поместный Собор вынес историческое решение, вернувшее в российскую историческую реальность почти двести лет отсутствовавший чин патриарха. Кроме того, он обозначил наличие острейших противоречий внутри самой церкви, сепаратистских наклонностей на окраинах, а также растущих реформаторских настроений, вполне грозившим новым расколом.

Однако, на мой взгляд, наиболее важным фактом, выявленным революцией, стал факт «оставленности» Русской Православной Церкви. Синод не высказывал негодований отречением императора и провозглашением Российской республики, не возмущался сменившимся законодательством в сфере духовного образования и новой роли церкви, однако не только не нашел поддержки в лице Временного Правительства, но и подвергался постоянным нападкам со стороны обер-прокурора В.Н. Львова; со стороны Советов Церковь также не ожидала поддержки, даже наоборот, с приближением октября 1917 г. все яснее становились перспективы грядущего противостояния, обещавшего быть кровавым.

Церкви приходилось действовать на ощупь, однако она смогла избрать единственную верную стратегию дальнейшего развития: консолидацию всех имеющихся у нее ресурсов, пересмотр своей структуры и стоящих перед ними вызовами в пользу выживания церкви как централизованного и крепкого института. Именно такой Русская Православная Церковь, возглавляемая новоизбранным патриархом Тихоном, вступила в новую эпоху грядущей гражданской войны.

1917 – январь 1918 г. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2014. С. 699–707.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЗЕМСТВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Саевская Мария Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Настаивая на необходимости «дать самое, по возможности, широкое развитие хозяйственной деятельности» земских учреждений, один из основных авторов проекта земского самоуправления Н.А. Милютин особо подчеркивал, что они «не могут и не должны иметь характера политического»[1].

Земское самоуправление было введено 1 января 1864 года «Положением о губернских и уездных земских учреждениях». Довольно широкий круг хозяйственной деятельности земств был ограничен указанием на то, что «земские учреждения, в постановлениях и распоряжениях своих, не могут выходить из круга указанных им дел» и «не вмешиваются в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений». В «Положении» было также прописано, что «Земские Собрания и Управы в действиях своих строго соблюдают общие пределы власти, земским учреждениям предоставленной», и подвергаются законной ответственности за превышение власти[2].

Следует отметить, что если сама деятельность земств изначально не предполагалась как политическая, то настроения земцев не могли не политизироваться в силу нарастания в земской среде либеральных и даже революционных идей. Начиная со дня своего основания, земства не раз пытались повлиять на власть, в том числе и с целью изменения существующего государственного строя. Однако всякий раз верховная власть, как при Александре II, так и при Александре III, пресекала подобные устремления. Земства оставались оппозиционными к власти. Александр III попытался изменить характер земств путем избрания в состав земских управ представителей дворянства. П.В. Мультатули пишет: «В представлении Царя дворяне, оплот режима, должны были превратить земства в опору трона. Но этого не произошло»[3].

Назначенный в 1902 году министром внутренних дел, В.К. Плеве стремился к возможному сотрудничеству с земствами, при условии их невмешательства в те вопросы, которые, по мнению министра внутренних дел, не должны были входить в компетенцию органов местного самоуправления.

---

[1] Цит. по: *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С. 21.

[2] ПСЗ II. Т. XXXIX. № 40457.

[3] *Мультатули П.В.* Строго посещает Господь нас гневом своим...: Император Николай II и революция 1905–1907 гг. СПб., 2003. С. 90.

Стремясь поставить земства под контроль государства, Плеве также хотел привлечь их к участию в обсуждении вопросов местного значения в государственных учреждениях[4]. Кроме того, он разрабатывал проекты объединения деятельности всех властей на местах. При предстоящей реформе губернского и уездного управлений земские учреждения планировалось теснее переплести с местными административными органами власти.

Революционный писатель В. Голубев[5] утверждал, что «наряду с самым грубым подавлением самостоятельности земских учреждений, уже при Сипягине, а в особенности при Плеве, бюрократия все чаще и чаще обращалась к земству с запросами о тех или иных проектах по части преобразования тех же земских учреждений, например, по вопросу о земском избирательном цензе и др.»[6]. Автор отмечает также, что «представители земств все чаще и чаще вызывались в Петербург на разные совещания и в комиссии»[7].

Вместе с тем, по мнению как современников тех событий, так и исследователей данного вопроса, первоначальная готовность к взаимодействию с земствами со стороны В.К. Плеве превратилась в итоге в довольно конфликтные взаимоотношения власти и земской интеллигенции.

Уже при производстве следствия по аграрным беспорядкам, происходившим в марте 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, выяснилось, что они были вызваны революционной пропагандой, в которой главное и деятельное участие принимали статистики полтавского губернского земства. Узнав об этом, Плеве добился ограничения земских статистических обследований в некоторых губерниях[8].

Возмущение земцев, по мнению современников, вызвали также ревизии Московского и Тверского земства.

Не меньшее неудовольствие среди земцев вызвало то, что В.К. Плеве добился прекращения деятельности общеземской организации, работавшей на Дальнем Востоке во время русско-японской войны. Однако у Плеве, видимо, были на то причины, так как эту организацию «действующую под руководством лживого, хитрого и слабовольного кн. Львова, с места наводнили революционные элементы»[9].

Распространение революционных идей в земской среде привело к тому, что в течение 1903 г. в целом ряде губерний по инициативе В.К. Плеве происходили неутверждения в должностях земских выбранных лиц, обыски и аресты многих земских гласных[10].

По справедливому замечанию В.И. Гурко, в то время даже государственно мыслящие слои населения совершенно не постигали, что революционная деятельность подтачивает не существующую форму правления, а устои все-

---

[4] *Верещагин А.Н.* Указ. соч. С. 91.

[5] *Голубев В.* Высочайший указ о введении в действие в 33-х губерниях Европейской России Положения о земских учреждениях // Историко-революционный альманах. СПб., 1907. С. 5–12.

[6] Там же. С. 11.

[7] Там же.

[8] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 287.

[9] Там же. С. 297.

[10] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. М., 1981. С. 29.

го социального строя страны и направлена, прежде всего, против них самих. «Либеральные элементы», – пишет Гурко, – «видели в революционной интеллигенции лишь мощного союзника в их борьбе за «правовой порядок» и от этого представления освободились в полной мере лишь после торжества в 1917 г. большевизма, упразднившего и право и порядок»[11].

Следует отметить, что опасения Плеве в революционной деятельности земств имели под собой основания. Уже вскоре после назначения В.К. Плеве министром внутренних дел на собрании представителей земств был выработан проект издания журнала «Освобождение», который издавался в немецком городе Штутгарте[12]. Вокруг этого журнала впоследствии сформировалась уже, по сути, революционная организация «Союз Освобождения». Современник тех событий А.А. Кизеветтер пишет: «Значительнейшая часть земских деятелей вошла коллективной массой в новую широкую общественную организацию, ставившую себе определенную задачу стремиться к замене самодержавия свободным государственным строем: летом 1903 г. был образован «Союз освобождения»[13].

Убийство Плеве 15 июля 1904 года стало переломной точкой для развития политической активности земства. Пришедший ему на смену новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский провозгласил искреннюю доброжелательность и доверие к земским организациям[14]. Началась широкая амнистия для многих либеральных деятелей, ограниченных в правах за пропаганду антиправительственных взглядов. Множеству лиц, сосланных либо высланных из определенных местностей, было предоставлено право свободного избрания места жительства[15].

По замечанию Г.Ш. Ганелина, «назначение Мирского и первые его шаги оказались толчком к известной радикализации, которую претерпели различные группы либеральной оппозиции»[16]. Представлявший либеральную общественность «Союз освобождения» в лице П.Н. Милюкова, П.Д. Долгорукова, П.Б. Струве и В.Я. Богучарского принял участие в состоявшейся в сентябре в Париже конференции «оппозиционных и революционных партий», на которой велись разговоры о подготовке террористических актов»[17].

Попытка выдвинуть более радикальные политические требования (созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права и др.), была предпринята в ходе развернувшейся в конце 1904 г. многолюдной «банкетной» кампании – серии банкетов, приуроченных к 40-летию судебной реформы 1864 г., отмечавшейся 20 ноября.

---

[11] *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 292.

[12] Кое-что о доверии // Освобождение. 1904. № 61. 30 ноября (13 декабря). С. 189.

[13] *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 245.

[14] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 568.

[15] Там же. С. 569

[16] *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 12.

[17] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 13.

Видный представитель общественного движения И.В. Гессен также увидел радикализацию земского движения в мероприятиях, посвященных юбилею сорокалетия судебных уставов: «Первое открытое выступление широким фронтом, бодрое и решительное, встретило со стороны власти бессильное колебание, – явное нежелание допустить банкеты и неспособность воспрепятствовать их устройству», – пишет он[18]. Комментируя эти события, А.И. Солженицин писал: «Правительство сразу сдало, сразу размякло и ослабло, как будто на одном Плеве держалось»[19].

Несколько иную точку зрения выразил П.В. Мультатули: «Между Царем и либеральной земской оппозицией легла пропасть», – резюмирует он – «которая с каждым годом все больше и больше увеличивалась. Историческая вина за эту пропасть лежит исключительно на либеральной оппозиции, которая, в отличие от Царя, совершенно не хотела и не умела жертвовать своими амбициями, жертвовать малым во имя достижения внутреннего согласия, которое столь необходимо России, стремясь лишь к коренному изменению государственного строя»[20].

---

[18] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 186.

[19] *Солженицын А.И.* Красное колесо. Узел II. Октябрь шестнадцатого. Книга 1 // *Солженицын А.И.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 9. М., 2007. С. 78.

[20] *Мультатули П.В.* Указ. соч. С. 104.

ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ»: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сазонова Татьяна Алексеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Само слово «revolutio» было образовано в христианской литературе поздней Античности. Оно происходит от латинского глагола revolvere[1]. Корнем этого глагола является слово volvo (volvī, volūtum, ere), принимающее значения: катать, катить, кататься. В свою очередь, приставка «re-» вместе с данным глаголом рождает слово «revolvo», принимающее значения: катить назад, откатывать. Этот смысл в дальнейшем наполнился новым содержанием через описание с помощью этого глагола ситуации «откатывания камня от гроба Христова». Наполняясь, таким образом, в контексте христианской религии все более обширным и глубоким теологическим смысловым наполнением. В том числе и таким, как «revelatio» – откатывание камня (от пещеры с гробом Христовым), открытие, «откровение» – «апокалипсис».

Данная семантика набирала все большее количество коннотаций. Например, связываясь с образом книги, свитка, процесса разворачивания, который именовался volume, впоследствии превратившись, например, в слово «эволюция». В свою очередь, сворачивание свитка именовалось «revolumen», собственно, и превратившись в слово с производным смыслом – «революция»[2]. Таким образом, можно увидеть, что в данном слове причудливо переплелись, как минимум, две смысловые линии, имеющие богатейшие коннотации в истории развития европейской культуры и цивилизации. Во-первых, относящиеся к образу раскрытия пещеры гроба Господня. Во-вторых, относящиеся к образу раскрытия, закрытия древнего свитка, «Книги Знаний».

Впоследствии эти и без того чрезвычайно богатые коннотации продолжили наполняться все более обширными смысловыми и культурно-историческими связями. Например, Великая французская революция наполнила понятие революции абсолютно новым историческим содержанием. Новое время ознаменовалось революцией в мировоззрении, вылившейся впоследствии в революцию и политическую.

Эта наполняемость имела место и в дальнейшие исторические эпохи. Например, в виде слова «револьвер», которое очень далеко отошло от своего первоначального христианского коннотата. Или, например, катящийся (откатываемый) камень в Великобритании стал наименованием группы Rolling Stone, ознаменовавшей очередную революцию в мировоззрении, нравах, вос-

[1] *Georges H.* (Hrsg.) Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Basel; Stuttgart, 1969. Bd. 2. S. 2381–2382.

[2] *Борухович В.Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976. С. 90–107.

питании, стилях и особенностях поведения больших масс людей, сперва молодежной субкультуры, а в дальнейшем современной европейской культуры. Сложный вопрос, чего можно больше увидеть в образе катящегося камня – мифа о Сизифе или сказания об откатываемом камне пещеры гроба Господня. А может быть одновременно и того, и другого?

Таким образом, в слове «революция» можно реконструировать весь длительный культурно-исторический базис европейской культуры, включающий в себя огромное количество мифов, легенд и сказаний, инспирировавших такое же количество социальных явлений и одновременно инспирировавшихся ими. Увязать понятие революция и с религиозно-историческими смыслами, и с семантическими комплексами значений эволюционных и революционных исторических процессов.

К.Р. «ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ»: АВТОР И ЕГО ВРЕМЯ

Сак Ксения Васильевна, к.и.н.
(Государственный академический университет гуманитарных наук)

Великий князь Константин Константинович, августейший поэт К.Р., закончил работу над драмой «Царь Иудейский» в 1912 г. Накануне Первой мировой войны она была поставлена на сцене Эрмитажного императорского театра. В основе сюжета лежали евангельские события от входа Господня в Иерусалим до Его воскресения. К.Р. не ставил перед собой задачи запечатлеть в литературных образах свое время. Однако, в художественных произведениях всегда отражается эпоха, «когда художник бессознательно, не придавая этому художественного значения, переносит в создаваемый им мир явления действительности или представления и понятия своей эпохи»[1]. О времени может рассказать и личность автора, которая раскрывается в процессе творчества, и, по словам Ю.Л. Бессмертного, своею уникальностью «раскроет нечто из уникальности его времени»[2]. «Царь Иудейский» в наше время практически забытая драма, но ее появление чуть более 100 лет назад, незадолго до революции, имело большой общественный резонанс. Сопоставление дневниковых записей[3], переписки и самого художественного текста дает ключ к пониманию этого многогранного источника и времени его создания.

Замысел драмы родился у великого князя в 1886 г. Это было не случайно, т.к. именно тогда в его жизни произошло несколько важных событий. Вышел первый сборник стихов с массой положительных отзывов. В результате великий князь получил публичное одобрение своему девиантному поведению – занятию поэзией – с точки зрения его отца, родственников и вообще норм элиты. Родился первенец Иоанн. В то же время впервые после женитьбы Константин Константинович поддался своему главному искушению – интимной близости с мужчинами. Осознание своей греховности вызывало у Константина Константиновича глубокое чувство покаяния и желание этот грех побороть. Занятие поэзией, в особенности христианской, в этот момент

[1] *Лихачев Д.С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 77.

[2] Цит. по: История через личность. М., 2005. С. 9.

[3] Дневники великого князя Константина Константиновича хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и его личном фонде (ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1–66). Некоторые фрагменты опубликованы: Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.). 1911–1915 (Под ред. В.М. Хрусталева). М., 2013.

становилось для него одним из способов преодоления этой, как он говорил, противоестественной наклонности[4].

К реализации своего замысла К.Р. приступил лишь спустя 25 лет. 1911 год также оказался для него знаковым. Константин Константинович переносит тяжелейший уремический приступ. Вскоре после этого он пишет свое завещание. Снова происходит духовное падение, августейший поэт опять предается своему пороку. Ощутив близость конца и духовную ущербность, он усиленно работает над текстом драмы, которая на этот раз может стать чуть ли не творческим завещанием поэта. Он формулирует главную цель – с помощью «Царя Иудейского» вернуть к вере отпавших современников[5]. Причем драма была обращена не столько к представителям высшего света, сколько к простому народу «ради отвлечения его от всякой пошлости и гадости»[6]. И здесь великий князь впервые озвучивает актуальную на тот момент проблему в обществе – кризис православной веры.

Константин Константинович еще не закончил сочинять текст, но уже решил поставить драму на сцене. Со стороны светской цензуры препятствий не возникло, но Синод запретил ее постановку, поскольку появление актеров на сцене в образах святых могло возмутить чувства верующих. Тем не менее, Константин Константинович сделал все возможное, вплоть до личного обращения к Николаю II[7], чтобы «Царя Иудейского» поставили, и отчасти добился своего – пьесу разрешено показывать в императорском театре, свободном от цензуры[8].

Чем объяснить такое стремление К.Р. увидеть драму на сцене? Желанием «священный подвиг совершить певца», как он сам о себе писал в стихотворении «Баловень судьбы», или жаждой славы? Сама тематика драмы и задача вернуть отпавших к вере не вызывает сомнений в «священном подвиге». Помимо этого, Константин Константинович хотел поставить пьесу во Франции в том случае, если бы ее запретили в России. Причем почву на этот счет он начал прощупывать еще до официального запрета. Значит, он писал ее не только для «родного православного народа».

Великий князь радовался, что вокруг запрещения «Царя Иудейского» Синодом поднялось много шума, т.к. это добавляло ей популярности. Автору льстило, по его словам, что драма была переведена на многие языки. Константин Константинович даже сравнивает себя с Гоголем, а «Царя Иудейского» – с «Мертвыми душами», когда просит императора разрешить постановку[9]. Исходя из этого, можно сказать, что К.Р., кроме своей духовной миссии, самоутверждался как поэт. Причем «Царь Иудейский» был также способом

---

[4] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 17. Л. 60 об. – 61.

[5] Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 407.

[6] Письмо вел. кн. Константина Константиновича Николаю II. 12 апреля 1914 г. // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 424.

[7] Письмо от 11 августа 1912 г. // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 407.

[8] Письмо от 14 сентября 1912 г. // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 409–410.

[9] Запись от 21.05.1912 // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 181.

гиперкомпенсации – публичное признание драмы для великого князя имело колоссальное значение.

Константин Константинович был предельно точен в деталях, когда писал об Иудее и обычаях Римской империи. Намеренная аналогия с современностью только одна – это влюбленные Александр, раб Пилата, и Лия, «списанные» с недавно женившегося сына К.Р. Иоанна и Елены[10]. В то же время, благодаря дневникам и письмам автора, можно найти куда больше совпадений.

Николай II после прочтения пьесы сказал, что опасается, как бы ее постановка не привела к еврейским погромам[11]. Основания для такого беспокойства были. Вот некоторые фразы: «О, жестоковыйный / Израильский народ! Народ строптивый! / Сыны погибели, вы позабыли, / Оставили вы Бога!»[12]. Формально К.Р. лишь пересказывал Евангельские события, но фактически он высказал негативное отношение к евреям, которое было распространено в обществе. Сам великий князь, говоря о Кишиневском погроме 1903 г., полагал, что «во многом евреи сами виноваты»[13].

Константин Константинович, хотя и был глубоко религиозным человеком, не всегда одобрительно отзывался о деятельности Синода. Синедрион, как и Синод, был высшим церковным учреждением. Про него читаем в драме: «У нас царит обрядность вместо веры, а вместо Господа – синедрион». Еврейские священники упрятали веру за «пышнотканную завесу и, в серебро и злато заковав /.../, заволокли куреньем фимиама». Эти слова звучали очень современно и вторили идеям «богоискателей».

На некоторые аналогии наталкивает образ Понтия Пилата. Главная черта его характера по тексту – слабая сила воли и растерянность перед толпой: «В угоду лишь толпе он Иисуса решил подвергнуть наказанью». Прокула, обращаясь к мужу перед судом, говорит ему: «Понтий, будь тверд на этот раз, я умоляю», а когда суд совершился, она констатирует: «да, сделка с совестью, уступка силе». Подобные замечания можно встретить в дневнике автора в адрес Николая II.

Уступкой, вырванной у власти, К.Р. называл манифест 17 октября 1905 г.[14] По-видимому, «Царь Иудейский», написанный незадолго до краха империи, стал своего рода рефлексией на события Первой русской революции, которая «посеяла безверие и разнузданность»[15]. Вряд ли был случайным выбор даты премьеры спектакля – 9 января, годовщина Кровавого воскресенья. В те смутные годы великому князю дважды предлагали объединить своих родственников в поддержку императора, но он от этого отказался. В драме же и на сцене Иосиф Аримафейский, герой, которого играл сам К.Р., действовал

---

[10] Запись от 16.07.1911 // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 118.

[11] Письмо от 14 сентября 1912 г. // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 409–410.

[12] Здесь и далее цитаты приводятся по тексту: К.Р. Царь Иудейский. http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_0030.shtml (актуально на 18.02.2017).

[13] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 156.

[14] Там же. Л. 70.

[15] Запись от 03.07.1912 // Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 189.

иначе. Сначала он обращается к Прокуле, а затем и к самому Понтию Пилату и пытается лично повлиять на его решение. Но прокуратор, главный представитель закона, поддался натиску обезумевшей толпы, и Христос был распят. Иосифу осталось только выпросить у Пилата тело Христа и похоронить Его в своей гробнице.

Для Константина Константиновича издание драмы и постановка ее на сцене, несмотря на все препятствия, несомненно, были успехом. Однако во всей этой истории имелась и обратная сторона. Автор принадлежал к правящему Дому, и его публичная жизнь должна была укреплять престиж династии. В случае же с «Царем Иудейским» К.Р. скорее его подрывал. Он оказался в центре скандала и, воспользовавшись родственными связями, выступил против решения Синода. Представитель закона публично продемонстрировал несостоятельность этого самого закона. Это отразило кризис мировоззрения, который переживала элита и, в частности, Романовы накануне революции.

В 1917 г. Николай II, подобно прокуратору Иудеи, оказался перед судьбоносным выбором и поставил крест на судьбе монархии в России. Отсюда напрашивается параллель между Евангельской историей, пересказанной К.Р. незадолго до краха империи, и судьбой России. В этом отношении драма была провидческой.

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАСТРОНОМИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сараева Диана Сергеевна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Революция всегда носит насильственный характер. Столкновение нескольких социальных слоев из-за объективных причин несет в себе перемены, которые полностью или частично изменяют устоявшийся склад общества. При рассмотрении революции как феномена зачастую рассматриваются политические и социальные преобразования, отвечающие на вопрос, как революция повлияла на развитие государства и жизни в целом. Но ведь изменения касаются не только этих частей, а также они влияют на развитие или упадок других процессов в обществе.

Одной из первых работ, связанной с «высокой кухней», стала книга «Французский повар», опубликованная Франсуа Пьером де ла Варени в 1651 году, где автор впервые приготовление блюд систематически, соблюдая правила и принципы так называемых рецептов.

В 1665 году камердинер Людовика XIV Николя де Бонэфо написал работу Les Delices de la Campagne, которая описывала состав обеда «для разумных людей». Этот обед состоял минимум из двадцати блюд. Эта работа впервые рассматривала французскую кухню как искусство, уделяя особенное внимание сервировке и подаче блюд. Именно этот момент можно считать началом продвижения французской гастрономии.

Во времена правления Людовика XV борьба между лордами за богатство и изысканность стола привела к созданию огромного количества новых блюд и рецептов. Среди знати так же стали пользоваться огромной популярностью большие пиршества. Один из ярких примеров того времени – пиршество на две тысячи человек, организованное под контролем Фансуа Вателем в честь Людовика XIV, который закончился для Франсуа трагично.

В этот период вся французская знать страдала характерным для из образа жизни болезнью – подагрой. При вскрытии тела Людовика XIV врачи отметили, что его желудок был в три раза больше среднего размера, что характеризует влиятельность гастрономии в высших слоях французского общества[1].

Людовик XI и Мария-Антуаннета использовали королевские обеды для повышения статусности короны. Аристократы следовали этой тенденции повышения изысканности и роскоши блюд, что требовало большого количества инвестиций. Буржуазия тем временем не могла позволить себе такое расточи-

[1] *Nicolas de Bonnefons*, Les délices de la campagne, suite du jardinier françois, où est enseigné à préparer pour l'usage de la vie tout ce qui croît sur terre et dans les eaux, 1655.

тельство, упрощая ингредиенты и состав блюд, что послужило созданию «La cuisine bourgeoise» от автора под псевдонимом Менон.

В 1765 году в Париже открывается первый ресторан под названием «Champ d'Oiseaur» от ресторатора Буланжер. В этом заведении готовили бульоны, которые были призваны восстанавливать здоровье. Отсюда и пошло название «ресторан», от французского глагола restaurer, что означает восстанавливать.

Более привычный облик ресторана стало носить заведение, открывшиеся в 1786 г. под названием La Grande Taverne de Londre под руководством Антонио Бовилье[2]. Отделка ресторана была изысканной и богатой, рассчитанной на класс аристократии. Именно в его ресторане зародились первые стандарты обслуживания для официантов. Но в скором времени ресторан стал местом собрания консервативных политических партий, и в 1795 г. он вынужден был закрыться.

Великая Французская Революция стала началом новой вехи в истории не только самой Франции, а также многих других государств, которые последовали ее примеру. Она повлияла не только на становление важных конституционных норм, которые являются ключевыми и в современном обществе, но также она дала толчок в развитии ресторанторства во Франции. Это был своеобразный толчок для эволюции французской гастрономии, ведь преобразования, которые происходили в этот период в государстве, так же сказывались на жизни поваров, навыки которых после свержения аристократии пошли в массы, что послужило открытию в этот период более 100 ресторанов[3].

Одной из важнейших фигур французской гастрономии этого времени стал Мари Антуан Карем – известный как «король поваров и повар королей»[4]. Под влиянием идей Екатерины Медичи, он стремился облегчить существующую гастрономию, сделав вкус блюд легче. Именно он ввел классификацию соусов, и стал автором нескольких кулинарных работ. Так же благодаря влиянию Талейрана, его поощрению новому вкусу, Карем стал создателем известного стола Тайлерана во время Венского конгресса.

В это же время благодаря дальновидности Наполеона положила свое начало консервная промышленность. В 1810 году Аппер опубликовывает свою работу и первую поваренную книгу о методах сохранения продуктов питания, которая в последствии активно используется в армии[5].

Стоит только вспомнить слова Наполеона «An army marches on its stomach»[6], чтобы понять, насколько культ французской кухни, развивавшийся с 17 века, становится острым вопросом в середине восемнадцатого столетия. В этот период появляются новые блюда, которые были рождены

---

[2] *Pierre Rival,* Gourmet Bistros and Restaurants of Paris, 2006.

[3] *Ali-Bab* – Gastronomie Pratique, Flammarion, 1975.

[4] Это прозвище использовалось для описания Карема, например, в сочинениях Дарра Гольдштейн. Где также отмечается, что его значение для гастрономии может быть преувеличено.

[5] *Гордон Л. Робертсон,* Упаковка для продуктов питания: принципы и практика, 1998.

[6] *Priscilla Parkhurst Ferguson* Accounting for Taste: The Triumph of French Cuisine, 2004.

путем интеграции изысканности аристократии и простотой кухни обычного парижанина, роскошь и изысканность становится доступна буржуазии, что повлияло на разработку стандартов в гастрономии и четкое разделение среди «работников» кухни. Теперь для каждой позиции, будь то пекарь, шев де парти или сотэшеф, – требовались отдельные навыки и знания, которые необходимо было изучить.

Первый ресторан в Париже[7], изысканность обедов, появление меню – все это эволюция гастрономии во Франции в период Великой Французской Революции. Все это выстраивало в сознании граждан культ вокруг французской гастрономии и открыто заявляло о гастрономической революции.

[7] *Susan Pinkard* – A Revolution in Taste: The Rise of French Cuisine, 1650–1800, 2010.

«АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ ЧУДОВИЩА»: РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЭСХАТОЛОГА

Свиридонова Анна Игоревна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Мы привыкли рассматривать влияние Великой Российской Революции в контексте политических, экономических и социальных изменений. Говоря о религиозной жизни людей, принято видеть влияние Революции на становление массового атеистического сознания и появление новомучеников.

Однако события 1917 года оказали также сильное влияние на возникновение новых образов и аналогий в старообрядческой эсхатологии. Свержение монарха и последующий приход большевиков к власти стали излюбленной темой сочинений не только беспоповских странников, но и иерархов Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Свое развитие эта идея нашла в текстах митрополита Иннокентия (Усова), объединенных после выхода в печать под общим названием «Апокалипсические чудовища». Эти тексты впервые были опубликованы в частном журнале бывшего секретаря Синода Е. Махараблидзе «Церковное обозрение»[1], возобновившего свою деятельность с конца 1941 г. в Белграде. Отдельные части «Апокалипсических чудовищ» публиковались в нем в течение 1942–1943 годов.

Митрополит Иннокентий (в миру Иван Григорьевич Усов) предстоятель РПсЦ, активно поддерживал Белое Движение. В годе Великой Отечественной войны был выслан с Кишиневской кафедры, которую он занимал с 1920 года. Скончался в 1942 году, мучимый психическим расстройством[2].

«Апокалипсические чудовища» – не простое дилетантское сочинение, стилизованное под откровение. Это – результат плодотворной работы, рефлексии жизненного опыта, попытка идеологически повлиять на события.

Подготовка читателя к откровению происходит еще во вступлении и осуществляется классической формой повествования – «сущее» – «толкование». Митрополит Иннокентий по ходу толкования и повествования успевает делать короткие вставки с критикой предшественников, предугадыванием сте-

[1] *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М., 2007. С. 40.

[2] Иннокентий (Усов), старообрядческий митрополит // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/49-1-0-90 (дата обращения: 22.01.2015).

реотипного мышления, что прибавляет ценность его сочинению в глазах верующих.

Митрополит Иннокентий терпим по отношению к инославным христианам. За антихристом в первую очередь пойдут безбожники, которые раньше были вольнодумцами, а теперь стали объединяться в организации – то есть буквально основывать «новую Церковь»[3].

Правильному восприятию приходу антихриста, по мнению автора, мешают стереотипы, суеверия, которые основаны на «сектантских представлениях о красном драконе»[4]. В каждом веке от рождества Христова люди видели предзнаменования, но интерпретировали их по-разному.

«Другие понимают свержение с неба на землю большого красного дракона в том смысле, что организованное безбожие будет изгнано в Европу, где и станут происходить ужасы, описанные в Апокалипсисе... безбожие водвориться в низших слоях общества, в темных, необразованных массах народа, которые сделают всеобщее восстание, или всемирную революцию»[5].

Отдельное место в событиях последних времен автор отводит нации-религии, которая породит «зверя» – это иудаизм. Признаком того, что именно в еврейской среде родится антихрист, является материальное господство нации – «В его руках вся или зависима от него промышленность, торговля»[6]. Свои размышления автор подкрепляет ссылками на труды американского журналиста Ионна Свинтона, французского писателя Леона де Понсена, немецкого политика Э. Берга[7], прославляющих экономический успех еврейской нации. Митрополит Иннокентий связывает их прогнозы с эсхатологическим предназначением иудейской нации. «Эта организация, эта религия-нация, еврейство, имеет господство над всеми народами... имеет, связь с красным драконом, франкмасонством, безбожничеством...»[8].

Прямым указанием на еврейское происхождение антихриста автор считает творчество современных ему еврейских писателей. Ненавистнические тенденции в их «новых апокрифах» якобы связаны с текстами Талмуда, который изначально содержит в себе факты «служения аввадоне». Продолжение талмудических идей находим в поэме Хаима Нахмана Бялика «Свиток о пламени»:

> «Если тенью коснется чистейшей из лилий их сада
> Почернеет она и завянет»[9].

---

[3] Митр. Иннокентий. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 6.

[4] Там же. С. 8.

[5] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 4. С. 8.

[6] Там же. С. 7.

[7] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 5. С. 7.

[8] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 8.

[9] *Бялик Х.Н.* Стихи и поэмы. Тель-Авив, 1964. С. 32.

В этих двух строчках зашифрована мысль о порче еврейской нацией-религией («тенью») христианской веры – «чистейшей лилии». Свершится эта порча, а точнее – уже свершилась – в 1917 году. Революция в России, спонсируемая евреями и организованная ими же. Русский народ, как носитель «чистой веры», первым принимает угрозу: «Еврейский народ непобедим, и потому судьба только русского народа, т.е. государства, поставлена на карту»[10].

Автор считает, что перед 1917 годом русскому народу было явлено знамение – «дело Бейлиса». Однако тайный знак следует искать отнюдь не в ритуальном убийстве и жажде чистой христианской крови. Важен сам факт противоречия и подозрение еврея, несмотря на то, что это, возможно, наговор – «Если бы даже и несправедливо поступило русское правительство по отношению к еврею Менделю Бейлису... стремиться победить, разрушить все христианские государства, погубить все народы, чтобы самому царствовать над всем миром, над всем человечеством»[11].

Страдания человеческие перед Страшным Судом дело рук иудеев: «конечная цель, идеал еврейства в полном порабощении всего человечества и издевательстве над ним»[12].

Есть и другой признак помощи делам антихриста. Автор считает, что запреты на очернение еврейства в прессе, размещение в печатных органах компрометирующей информации, говорит о том, что «тяготеет настоящий страх перед евреями»[13]. Евреев нельзя критиковать, нельзя писать о событиях, виновниками которых стали евреи.

Но евреи – не единственная движущая сила Апокалипсиса. «С этой целью сатана выдвигает организацию зла, которую тайнозритель выражает кратко, но выразительно: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли, он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»[14]. Автор предупреждает читателя об опасном заблуждении, в которое впадают многие христианские церкви – видеть антихриста в государственности. Агрессивная внешняя политика не может являться критерием, так как вообще любая политика – бездуховна. Реальную опасность в себе таят именно религиозные организации.

Автор называет протестантов вторым предвестником антихриста, появившимся за некоторое время до пришествия конца. В вину протестантам вменяется связь с еврейством: «протестантство во всех его видах действует как безбожие, заставляет всех людей преклоняться перед еврейством, изображенным барсовым зверем, требует признать его власть над всем миром... беспрекословно подчиняться ему»[15].

---

[10] Митр. Иннокентий. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 4. С. 8.

[11] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 12. С. 6.

[12] Там же.

[13] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 5. С. 8.

[14] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 4. С. 7.

[15] Он же. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 6.

Свои размышления о нации-религии автор приводит для того, чтобы доказать социалистический характер последних времен. День Страшного суда приближают не просто «евреи», но «евреи-интернационалисты». «Все будет подчинено 3 интернационалу, который господствует только в нескольких государствах мира. ... Все церкви будут закрыты, все имущество будет отобрано, все будут бегать из одного края света в другой, в надежде найти место, где лучше, но везде будет худо»[16].

Конечный итог рассуждений митрополита Иннокентия не отклоняется от классической христианской трактовки Апокалипсиса – мир не погибнет навсегда, Христос избавит верных от страданий, приносимых антихристом. Глубокий акцент на еврейском засилье объясняется влиянием соответствующей эпохи, а также выборкой источников. Митрополит Иннокентий – ярый антисоветчик, что объясняет нам столь тенденциозные взгляды.

Для старообрядчества в самом широком смысле этого термина Революция не стала событием, в корне ломающим прежнюю систему мировоззрения, а дала возможность увидеть новых героев исторического процесса и усилила восприятие событий, возможно описанных в Откровении. То есть, для старообрядцев это была одна из реперных точек континуума последних времен, начавшегося еще до раскола.

[16] Митр. Иннокентий. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1943. № 4. С. 7.

СЛУХИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТУЛЬСКАЯ МОЛВА»)

Секенова Ольга Игоревна
(Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

Слухи и сплетни – неотъемлемая составляющая массового сознания. В большом количестве исследований по социальной истории они рассматриваются как способ неформальной коммуникации, ложные недостоверные информационные образы, которые в повседневной жизни люди используют за недостатком фактической информации[1]. Зачастую историки интересуются именно влиянием широкого распространения слухов на важные исторические события[2]. Тем не менее, слухи и сплетни помогают исследователю и в отображении повседневной реальности людей, делают возможным проследить реакцию основной массы общества на те или иные, происходившие в их жизни события, дают представление об уровне информированности общества, особенностях коммуникации в среде городского и сельского населения, уровне политического и правового сознания граждан[3].

Особенность сплетен и слухов как способа неформальной коммуникации состоит в том, что его особенно сложно выявить в доступных архивных источниках. Слухи прямо и косвенно прослеживаются в переписке, дневниках и мемуарах, материалах правоохранительных органов (в особенности, текстах допросов и протоколах судебных дел по политическим вопросам), материалах цензуры и прессе. Задача данной статьи: рассмотреть одну из самых известных провинциальных газет Тульской губернии «Тульская молва» с точки

[1] *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 20–22; Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории. Сб. статей. Челябинск, 2011. С. 6–7.

[2] *Февр Л.* Гигантский лживый слух: Великий страх июля 1789 г. // Бои за историю. М.,1991. С. 414–421; *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Поиски исторической психологии: сообщения и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 мая 1997 г. СПб., 1997. Ч. III. С. 105–108; *Яров С.В.* Слухи как феномен общественного сознания (Петроград, март 1921 года) // Там же. С. 137–138.

[3] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

зрения источника самых разнообразных слухов и сплетен, многие из которых позволяют реконструировать некоторые особенности правосознания городского населения начала XX века.

«Тульская молва» (ранее «Тульская жизнь», «Тульская речь»)[4] – ежедневная политическая общественная и литературная газета, издававшаяся в 1906–1917 гг., была самым популярным периодическим изданием города[5]. Ослабление цензуры после первой русской революции способствовало увеличению периодических изданий, в том числе и в провинции. «Тульская молва» принадлежала частному издателю и во многом преследовала его коммерческие интересы (об этом, в частности, говорит обилие рекламы). Тем не менее, газета отличалась разнообразием новостного материала о жизни губернии, политической и общественной ситуации в империи в целом и военных действиях заграницей. Кроме того, обязательной составляющей почти каждого номера журнала были колонки «Происшествия», «Из зала суда» и «Фельетон».

Фельетоны в «Тульской молве» были злободневными и остроумными, темами для них становились последние события из жизни губернии (от громких правонарушений до праздничных гуляний населения). Одним из наиболее успешных фельетонистов был некто Эр. Печерский (вероятно, настоящее имя: Эразм Иустинович Павчинский)[6]. Очевидные для многих читателей аллюзии псевдонима со Святым Еразмом Печерским (Затворником), вероятно, только усугубляли провокационный характер большинства фельетонов. Многие авторы статей в «Тульской молве» прямо говорили о том, что источником их информации являлись не достоверные факты, а слухи и сплетни.

Кроме того, что в газете фиксировалось появление в городе тех или иных слухов, в редких случаях этот прием использовался для того, чтобы защитить источник информации. С другой стороны, нередко, особенно в 1917 году, слухи и сплетни выдавались за реальные факты, за некоторыми из которых вскоре следовало опровержение. Большая часть их относилась к разнообразным правонарушениям, из чего можно сделать некоторые выводы об их влиянии на правосознание городского населения – целевой аудитории газеты.

Слухи и сплетни, публикуемые в газете, выполняли самые разнообразные функции. Во-первых, они использовались для «украшения» статей, делали их более информативными и интересными для рядового читателя. Авторы не гнушались скабрезным характером этих слухов (например, в серии статей об убийстве самоварным фабрикантом А.П. Салищевым своей воспитанницы А.И. Кожиной и покушении его на самоубийство автор интригует своей осведомленностью не только в личных отношениях убийцы и жертвы, но и в сокровенных мыслях, посещавших их в различные моменты драмы)[7]. Тем не ме-

---

[4] ГУ ГАТО. Тульская молва. [Ежедневная общественная, политическая и литературная беспартийная газета]. Тула. 1907–1917.

[5] *Савченко С.В.* Культурная жизнь Тульской губернии в отражении местной периодической печати 1861–1917 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. Тула, 2007. С. 38.

[6] *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 357.

[7] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1912. № 1283, 1284, 1290.

нее, ироническое освещение криминальных событий, нередкое в фельетонах, абсолютно нехарактерно для статей фельетонистов о жестоких и резонансных преступлениях в губернии. Напротив, они переходят на возвышенно-патетический печальный тон, что отражает негласные нормы журналистской этики и «правильное» с точки зрения общества освещение событий такого рода в печати[8]. Интересным приемом использования слухов становятся слухи, изобретенные самим журналистом для фельетонов, для придания еще большего комического эффекта статье[9].

Во-вторых, слухи предостерегали людей. Так, без ссылки на любые источники в правоохранительных органах, в газете иногда появлялись слухи-предупреждения о фальшивомонетчиках, изготовителях фальшивых купонов и т.п.[10] С одной стороны, они информировали граждан о рисках, подстерегавших их в повседневной жизни, с другой стороны, напротив, вкупе с колонкой происшествий создавали образ опасного большого города с высоким уровнем криминала. Возможно, для облегчения этого впечатления, авторы статей сами иронизируют над подобного рода слухами («по обыкновению, в городе рассказывают целую историю о том, как фальшивые купоны попадают в Тулу»)[11]. К тому же, слухи создают особую полуфантастическую социальную реальность, способствуют разобщению социальных групп и формированию у них взаимно ложного представления. Например, в «Тульской молве» нередки истории о необразованных преступниках – чулковцах (жителях рабочего района города)[12] или о «диких» крестьянах, утопивших «феномен» – получеловека-полусобаку, родившемся в селе Успенском Богородицкого уезда[13].

В-третьих, увеличение количества сплетен и слухов – показатель недостатка информации, особенно выраженный в революционный период. Во многих номерах газеты за 1917 год встречаются опровержения той или иной сплетни: о пропаже людей, арестах, действиях самозванцев или находке больших объемов оружия[14]. Все эти слухи демонстрировали и поддерживали страхи людей, лишали их уверенности в собственной безопасности и маркировали наступление новой, революционной реальности.

---

[8] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1912. № 1284.

[9] Там же. № 1268.

[10] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1912. № 1270; 1289.

[11] Там же. № 1289.

[12] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1913. № 1566; 1914, № 1875.

[13] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1912. № 1305.

[14] ГУ ГАТО. Тульская молва. Тула, 1917. № 2786, 2787, 2790, 2795.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ПОЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ЧЕНСТОХОВСКИЙ ЯСНОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ)

Семененко Анна Вадимовна
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

После восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском начинаются масштабные реформы. Они были направлены на преобразование жизни этой «имперской окраины» и как можно более тесной ее интеграции в империю. Общее руководство монастырской реформой должен был осуществлять Комитет по делам Царства Польского, созданный после завершения Январского восстания, 25 февраля 1864 года. Председателем Комитета официально был император Александр II. В него вошли высшие сановники империи, такие как председатель Комитета министров Российской империи П.П. Гагарин, который замещал императора в его отсутствие, статс-секретарь по делам Царства Польского Н.А. Милютин и министр внутренних дел П.А. Валуев. Управляющим делами Комитета стал статс-секретарь С.М. Жуковский. Все они являются так называемыми «просвещенными бюрократами» – молодыми либеральными деятелями, группировавшимися вокруг великого князя Константина Николаевича[1].

Комитет должен был заниматься обсуждением и приведением в исполнение масштабных реформ в области гражданского управления, способствующих объединению Царства Польского с империей[2]. Гласным он стал после публикации именного указа 1 декабря 1866 г.[3] Таким образом, на протяжении почти двух лет Комитет был «несистемным» органом власти, формально не связанным с прочими министерствами и ведомствами, хотя мы видим, что на самом деле он был теснейшим образом в эту систему интегрирован, поскольку его члены входили в состав Государственного совета и «высших комитетов»[4].

---

[1] *Ружицкая И.В.* «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 1. С. 41.

[2] *Раскин Д.И.* Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В 4 томах. СПб., 2000. Т. 1. С. 78.

[3] Именной указ, объявленный Сенату министром юстиции, «Об учреждении Комитета по делам Царства Польского». 1 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 41 (1866) Ч. 2. № 43924. С. 316.

[4] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 203.

В Комитет по делам Царства Польского были назначены чиновники, у которых был опыт разработки реформ. Гагарин, Жуковский и Милютин активно участвовали в работе по подготовке отмены крепостного права. Так Гагарин состоял в Секретном комитете по крестьянскому вопросу, а позднее в Главном комитете по крестьянскому делу. Милютин, в свою очередь, находясь с 1859 г. на должности товарища министра внутренних дел, возглавил подготовку крестьянской реформы. Под его руководством в 1863–1864 гг. была составлена работа по статистике, финансам и политическому управлению «Исследования в Царстве Польском». Жуковский с 1863 года был правителем дел Особого комитета для рассмотрения проектов Милютина «об устройстве крестьян в Царстве Польском». Валуев участвовал также и в проведении Земской реформы 1864 г.

Работа Комитета по делам Царства Польского в Петербурге была сосредоточена на разработке реформ, текущим же руководством реформами на месте в Варшаве занимался Учредительный комитет в Царстве Польском, основанный 2 марта 1864 года, который возглавил наместник в Царстве Польском Ф.Ф. Берг. В состав Учредительного комитета вошло несколько политиков, известных своими славянофильскими взглядами: Ю. Самарин, князь В. Черкасский, В. Арцимович. Руководивший работой Учредительного комитета граф Милютин ввел в канцелярию Комитета еще одного ревностного славянофила, слависта А. Гильфердинга[5].

Таким образом, неминуемый конфликт между «теоретической разработкой» и «практической» реализацией реформ был в законодательном смысле осложнен и отсутствием четкого разграничения полномочий между Комитетом по делам Царства Польского и Учредительным комитетом. Однако конфликт сильно смягчался общностью «идеологической платформы» – все члены комитетов в той или иной степени поддерживали идеи русификации и интеграции Царства Польского. Варшавский комитет проработал до 1871 года, Петербургский был упразднен в 1881 году[6].

В этот период в Европе и Российской империи секуляризация уже была завершена. В 1789 г., с началом Великой французской революции, все монастыри в этой стране были закрыты. В начале XIX века Наполеон отобрал земли почти у всех монастырей в Италии, Германии и Бельгии, а отчасти и в герцогстве Варшавском. Брат Наполеона, испанский король Жозеф уничтожил все нищенствующие ордена, а королевским декретом 25 июня 1835 г. все монастыри были лишены поместий и десятин[7]. 28 мая 1834 г. королевским указом были закрыты все монастыри в Португалии. Указом 1847 г. в католических кантонах Швейцарии были закрыты почти все монастыри[8].

---

[5] *Сиесс–Кжишковский Ст.* Гражданский шрифт для польского языка. Эпизод из истории просвещения в Королевстве Польском // Про книги. № 1. 2007. С. 98.

[6] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. СПб., 1885. С. 224.

[7] *Rosenblatt N.A.* The Spanish “Moderados” and the Church, 1834–1835 // The Catholic Historical Review. October 1971. Vol. 57. № 3. P. 408.

[8] *Кубанова М.Н.* Гражданская война 1847 года в Швейцарии // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 117–130.

В Варшаве в 1864 году была учреждена специальная комиссия о монастырях, члены которой частично назначались наместником в Царстве Польском, а частично – самим императором. Закрытию подлежали все монастыри, в которых проживало менее восьми монахов (монахинь) «как лишенные средств к поддержанию порядка»[9] и все, принявшие участие в восстании – вне зависимости от числа монахов. Оставшиеся монастыри были разделены на штатные (получавшие содержание от казны) и заштатные. Последние должны были быть закрыты, как только в них окажется менее восьми монахов. Все монастыри в Царстве Польском передавались под управление общего епархиального начальства, а подчинение их орденам упразднялось. При этом епископы отвечали не только за соблюдение монахами духовно-нравственных норм, но и за «способ распоряжения (...) предоставленными им доходами и имуществом»[10]. Таким образом, Царство Польское все решительнее ставилось под имперский финансовый контроль, который распространялся на все сферы экономической жизни: с первого января 1851 г. упраздняется таможенная граница с Российской империей, в 1860-х гг. польский бюджет был включен в состав общегосударственной росписи[11].

Одним из наиболее интересных кейсов, относящихся к осуществлению этой реформы, является выработка правил финансовой отчетности Ченстоховского Ясногорского монастыря, который являлся главной святыней этого региона, и чья лояльность для имперских властей была принципиально важна. Монастырь был теснейшим образом включен в систему властных отношений в регионе, и, весьма вероятно, был в этой системе одним из ключевых звеньев.

Императорским указом от 22 ноября (4 декабря) 1864 г. за Куявско-Калишской епархией (в состав которой входила и Петроковская губерния, в которой располагался монастырь) было закреплено 12 штатных монастырей[12], в число которых вошел и Ченстоховский. В монастыре, по данным на 1863 г. было 64 монаха – из них 46 полноправных братьев, 14 ксендзов и 4 брата-послушника[13]. Теперь по штату в монастыре могли проживать только 24 монаха, на содержание монастыря из казны ежегодно выделялось 3 тысячи рублей серебром, при этом все земельные угодья и вспомогательные здания переходили в собственность казны[14].

Таким образом, монастырская реформа в Царстве Польском была направлена на унификацию положения католических и православных монастырей, с целью наиболее полного контроля над ними и ликвидации потенциальной базы новых восстаний.

---

[9] РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 79. Л. 7 об.

[10] РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 303 (Дело о выработке правил о денежной отчетности Ченстоховского Ясногорского монастыря). Л. 10 об.

[11] *Правилова Е.А* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. СПб., 2006. С. 79.

[12] РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3 (Преобразование порядка управления духовными делами римско-католиков). Л. 108 об.

[13] Там же. Л. 4.

[14] РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 303. Л. 92 об.

ЛИСТОВКА КАК ФОРМА АГИТАЦИОННОЙ БОРЬБЫ ЗА ЭЛЕКТОРАТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ – РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НА УРАЛЕ В 1917 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Семенова Татьяна Алексеевна
(Государственный архив административных органов Свердловской области)

Больше ста лет прошло с тех пор как в России стали возникать разнообразные политические партии, группы, течения, в 1902 году на исторической арене Российской империи появилась партия социалистов-революционеров – эсеров, за короткое время ставшей одной из крупнейших партий того периода. До февральской революции 1917 года положение партии было нелегальным, а после партия становится одной из самых популярных в России.

Это объясняется тем, что эсеры являлись прямыми наследниками старого народничества, основу которого составляла идея о возможности перехода России к социализму некапиталистическим путем. Эсеры призывали к свержению самодержавия, установлению в России народной демократической республики, реализацию основных политических прав и свобод граждан.

Деятельность партии легализуется по всей стране, и в начале марта 1917 г. на Урале стали появлятьсяпервые официальные организации эсеров. На фоне царившего хаоса одной из первостепенных задач, стоявших перед партией социалистов-революционеров была победа на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которая давала возможность реализации в жизнь требования программы-минимум, учреждении республики и осуществления социализации земли.

Подготовка выборов в Учредительное собрание началась сразу после Февральской революции, не дожидаясь официального положения о выборах. Началась активная агитационная борьба. Одной из популярных ее форм была листовка, кратко и доступно разъясняющая народу основные положения партии, цели и задачи которые она ставит перед собой. Проведение предвыборной борьбы было новым явлением для русского народа, партия эсеров располагала достаточным количество средств для ее реализации, что позволяло провести широкую агитацию среди всех слоев населения и выгодно выделяло ее на фоне остальных, менее обеспеченных партий.

Переживая переломный момент в истории своего Отечества и зачастую не осознавая этого, народу нужно было понять, зачем необходим созыв Учредительного собрания, что оно может дать народу и почему важно принимать участие в выборах. Екатеринбургский комитет партии социалистов-революционеров выпустил ряд листовок с целью разъяснить эти вопросы: «Что такое

Учредительное собрание?», «Что должно дать народу Учредительное собрание», «Что делать в Учредительном собрании?» и другие[1].

«Итак, для того, чтобы народ мог обеспечить себя от всякого насилия, от порабощения в будущем, чтобы он, наконец, стал хозяином своей земли, которую он тысячи лет поил своим потом и кровью, он должен сам учредить основы будущей жизни, так именно, чтобы уже никогда не выпустить власть из своих рук; тогда только у народа будут законы справедливые, выгодные для всего народа. А для этого нужно созвать Учредительное Собрание, которое должно состоять из представителей народа, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием»[2] – именно так видит цель созыва Всероссийского Учредительного Собрание Либин Владимир Борисович, один из членов партии, председатель губернского комитета партии социалистов-революционеров. Многие листовки содержат выдержки работ членов партии. Например, «бабушки русской революции», одной из создательниц партии эсеров Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской.

Осенью 1917 года борьба вокруг Учредительного собрания вступила в новую стадию и разгорелась с небывалой для прежних избирательных кампаний силой. Началось активное соперничество за каждого избирателя.

Позиционируя себя как крестьянская партия, эсеры в своей агитации большое внимания уделяют земельному вопросу. Одна из листовок о социализации «Вся земля – всему народу» гласит: «Мы, социалисты-революционеры, считаем, что вся земля должна быть передана в уравнительное пользование всему народу и чтобы частная собственность на землю была совершенно и навсегда уничтожена»[3].

Каждый голос был важен для партии, поэтому опираться необходимо было на широкие слои электората. Свою поддержку эсеры видели в интеллигенции. «Товарищи учителя!», – обращаются в мае 1917 года революционеры с призывом поддержать их на выборах. «Вы плоть от плоти, кровь от крови трудового народа, вы, воспитавшиеся на народные деньги, должны в этот исторический момент исполнить свой гражданский долг»[4].

Широкая предвыборная агитация не прошла зря, партия социалистов-революционеров одержала победу на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, успех эсеров в немалой степени обусловлен и активной предвыборной агитацией, позволившей привлечь на их сторону большинство крестьянства. Однако, воспользоваться своей победой эсерам не удалось. 6 января 1918 года учредительное собрание было распущено. В уральских губерниях так же, как и по всей стране, начался неуклонный процесс становления однопартийной диктатуры большевиков.

Листовка, как способ доведения до населения актуальной политической информации, остается актуальной для предвыборных кампаний современности, продолжая быть востребованной в век цифровых технологий.

---

[1] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21650. Л. 13, 21, 22, 45.

[2] Там же. Л. 22 об.

[3] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21650. Л. 46.

[4] Там же. Л. 23.

ЗАРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СКАУТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1920 гг.

Серебрякова Алена Сергеевна
(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

После установления советской власти в России существовало множество различных молодежных движений и организаций, одним из которых было скаутское движение. В современных исследованиях скаутизм определяется как мировое движение, а скаутинг – как воспитательная система, реализуемая в этом движении. Цель скаутского движения – воспитание у подрастающего поколения преданности своей стране, правительству, религии[1].

Основные идеи скаутской системы воспитания были разработаны еще в XIX в. английским полковником Р. Баден-Пауэллом. В 1907 г. им был основан первый лагерь для бойскаутов в Великобритании. Скаутские организации объединяли молодежь от 8 до 18 лет. Организации для мальчиков – бойскаутов и девочек – герлскаутов существовали отдельно, но принципы и цели их деятельности в основном были одинаковыми[2]. Свою программу скауты осуществляли через регулярные занятия, сборы, ежегодные лагеря, экскурсии, походы, систематические испытания на право получения значков[3].

Организация русского скаутского движения в начале XX в. в России была связана с именами А.К. Анохина, О.И. Пантюхова, О.Д. Петрова, В.А. Попова. Первые отряды юных разведчиков были организованы в 1910 г. в Петрограде (О.И. Пантюхов) и в Москве (Г.А. Захарченко)[4]. В 1917 г. в России насчитывалось 50 тысяч скаутов[5]. Скаут-мастера занимались с детьми и подростками бесплатно. Если не было помещения, где мог собраться отряд, то устраивали сборы на природе. Ребят привлекали в организации скрытность, кастовость,

---

[1] *Крапивина Л.А.* Причины кризиса скаутских патрулей, дружин и пионерских отрядов в России в начале XX в. // Педагогика. 2010. № 3. С. 62.

[2] Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 8102.
Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

[3] Там же.

[4] *Просветова Т.С.* Педагогические предпосылки становления социальной педагогики в России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6. С. 257.

[5] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

таинственность, а главное – самостоятельность, самодеятельность в достижении поставленных задач[6].

Октябрьские события 1917 г. и начавшаяся гражданская война поставили скаутов перед выбором, интересы какой стороны отстаивать. Деятельность скаутских организаций не соответствовала идеологии новой власти. И для того, чтобы сохранить скаутинг, в России стали создавать новые объединения ребят, такие как РОЮР (Российская организация юных разведчиков, члены организации – бывшие скауты) и юк-скауты, однако организации бойскаутов и герлскаутов также продолжали действовать. В 1918 г. Всеобуч и Народный комиссариат просвещения создали отряды юных коммунистов (юков), перед ними ставилась задача физического и нравственного развития детей. Цель и программа отряда юных коммунистов не были четко определены, и в их работе многое заимствовалось из скаутской системы[7].

Вслед за Москвой и Петроградом юк-скаутские, а также бойскаутские отряды стали возникать в других городах регионах страны, в том числе и в Новгородской губернии. Уже летом 1918 г. в Новгороде появилась первая детская организация «отряд советских бойскаутов» (юных разведчиков, следопытов)[8]. В это же время отряд бойскаутов появился и в Малой Вишере. Он вел свою деятельность до 1921 г. Скауты имели свою униформу: зеленые короткие брюки (до колена) и блузки с короткими рукавами (до локтей), треугольный зеленый галстук, а также зеленая пилотка, деревянный посох, на левом рукаве блузки нашивной бойскаутский значок. Бойскауты из Малой Вишеры в летнее время проводили свои сборы на стадионе. Занимались спортивными играми, учили азбуку Морзе, пели бойскаутский гимн[9].

В 1918 г. в Новгороде также появился отряд юк-скаутов. Отряды делились на звенья, которые носили названия зверей и птиц. Так, например, было звено «Волк», «Лисица», «Орел» и т.д. Ребята много играли в различные игры. Очень много внимания уделялось развитию хороших человеческих качеств: честности, доброты, любви к людям, смелости, находчивости и т.п. Часто проводилась игра: кто в течение определенного времени сделает как можно больше добрых дел. Члены отряда разбегались по улицам Новгорода и «делали добрые дела»: кто помогал старушке нести тяжелую сумку, кто вел домой заблудившихся детей, кто-то колол дрова, подметал улицу и т.д. После чего скауты возвращались в отряд и докладывали о сделанных «добрых делах»[10]. Много внимания уделялось художественной самодеятельности. Юки фактически являлись теми же отрядами скаутов, но в их работе уже присутствовали революционные элементы, они сотрудничали с комсомолом, проводили совместные мероприятия. Вместе с комсомольцами юк-скауты устраивали различные концерты, инсценировки преимущественно антирелигиозного характера. Нередко с такими постановками выходили в деревни за 20–25 км от города[11]. Иногда спектакли проводились за плату, а небольшой сбор от них

---

[6] *Крапивина Л.А.* Указ. соч. С. 63.

[7] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

[8] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 37. Л. 106.

[9] ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 133. Л. 10.

[10] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.

[11] Там же. Л. 21.

поступал на покупку спортивного инвентаря или школьных принадлежностей[12]. Однако у Новгородского отряда юков и бойскаутов с губернской организацией комсомола были частые столкновения[13]. Иногда доходило до драк прямо на улицах города. И стоило какому-нибудь бойскауту или герлскауту появиться в форме на улице, то от формы ничего не оставалось[14].

К сентябрю 1919 г., кроме Новгорода, юк-скаутские отряды стали создаваться и в других местах губернии. В Малой Вишере в отряд входило около 60 мальчишек и девчонок. Они разучивали революционные песни, занимались гимнастикой, изучали различные виды сигнализации, устраивали увлекательные игры и походы. Самым старшим из них – начальнику отряда Н. Верзилину и патрульному Августину Митину – было по 16 лет[15].

Политическая работа в скаутских организациях никогда не велась. В 1919 г. комсомол сделал попытку перестроить организацию юков, поставив в ее дружины и штабы политруков и политкомы[16]. В сентябре 1919 г. новгородские юк-скауты решили начать проведение политической работы, для чего скауты попросили у комсомола политического комиссара[17].

Вопрос о деятельности юк-скаутов обсуждался на первой губернской конференции РКСМ в Новгороде 4–5 сентября 1919 г. Председатель конференции И.С. Варфоломеев говорил о том, что «называть себя «юками», то есть юными коммунистами, они не имеют никакого нравственного права, так как таковыми не являются, не проявив себя сторонниками советской власти ни на фронтах, сражаясь в рядах Красной армии, ни на полях в отрядах по оказанию помощи семьям красноармейцев... Ввиду того, что организации юк-скаутов никакой политической работы не ведут, не стремятся к развитию классового самосознания, по своему составу представляют организацию почти белогвардейскую, но не пролетарскую, а посему юк-скаутов признать как организацию враждебную и постановить, таковую распустить, взамен их организовать спортивно-воспитательные отделы подростков при организациях РКСМ»[18]. После этого, на заседании бюро Губкома РКП(б) от 8 сентября совместно с представителями новгородских юк-скаутов, обсуждался предложенный П. Левиттом проект документа о задачах спортивно-воспитательного отдела. Содержание проекта сводилось к коренной реорганизации скаутской системы на началах полного подчинения спортивной организации подростков РКСМ. Представители скаутов с этим планом не согласились. В итоге вопрос так и не был решен[19]. Все попытки новой власти в целом не изменили положение организации.

В Новгородской губернии, как и по всей стране, комсомол последовательно боролся со скаутскими организациями. На II, III, IV съездах РКСМ

---

[12] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 36. Л. 22.

[13] ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

[14] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 36. Л. 57.

[15] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

[16] *Кучин В.Л.* Скауты России. 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. М., 2008. С. 166.

[17] ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

[18] ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

[19] ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

(1918–1920 гг.) были приняты решения о роспуске скаутских групп, выработан курс на создание детских организаций нового коммунистического типа[20]. На базе отрядов юк-скаутов и бойскаутов начали создавать отряды юных пионеров. К 1937 г. скаутинг в России был уничтожен. Не реорганизован и не адаптирован, а именно искоренен. Как отмечают В.С. Зотов, Н.В. Зеленова-Чешихина, одни из основателей скаутского движения, комсомол видел в скаутинге серьезную конкурирующую организацию, а в лице скаут-мастеров – педагогически подготовленных соперников. В воспоминаниях скаутов, опубликованных только в конце XX в., с горечью и обидой рассказывается о том, как бывшие скаут-мастера своими собственными руками создали для коммунистической партии детскую организацию, а после были уничтожены, высланы, репрессированы[21].

[20] ГАНИНО. Ф. 8102. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

[21] *Крапивина Л.А.* Указ. соч. С. 63–64.

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: КРАТКИЙ ОЧЕРК АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1844–1862 гг.

Скачилова Анастасия Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

По окончании лицея, в августе 1844 г. Салтыков-Щедрин поступил на службу в канцелярию Военного Министерства. Однако весной 1845 года был сослан в Вятку за повесть «Запутанное дело», которая привлекла внимание цензуры. В Вятке Салтыков-Щедрин стал работать канцелярским чиновником, затем, отличившись на службе, занимал высокие посты при вятской губернаторской канцелярии и вятском губернском правлении[1]. Параллельно с исполнением служебных обязанностей Салтыков-Щедрин занимается литературной деятельностью – правовые, экономические, философские и литературные искания тех лет стали основой его последующей творческой деятельности.

После смерти Николая I в России изменилась политическая ситуация. Взошедший на престол Александр II дал разрешение Салтыкову-Щедрину выехать из Вятки. Салтыков-Щедрин вернулся в Петербург и 12 февраля 1856 г. его «причислили» к министерству внутренних дел. «Он занимался вопросами ополченского дела, устройства православных церквей, градских и земских полиций»[2]. Особо стоит отметить, что при участии Салтыкова-Щедрина разрабатывался проект реформирования земского самоуправления[3]. В 1858 г. Салтыков-Щедрин был назначен вице-губернатором в Рязань, с 1860 г. занимал должность вице-губернатора в Твери.

В то же время, с 1856 г., М.Е. Салтыков-Щедрин активно участвовал в журнальной полемике по поводу «крестьянского вопроса». В период с середины 1850 гг. до Крестьянской реформы 19 февраля 1961 г. в журнале «Русский вестник» Салтыков-Щедрин напечатал цикл «Губернских очерков» (1856–1857 гг.), начал публиковать в журналах «Московский вестник», «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Современник», «Атеней», «Русская беседа» и др. рассказы, вошедшие впоследствии в циклы «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе» (1857–1863 г.), написал пьесу «Смерть Пазухина» (1857 г., журнал «Русский вестник»), повесть «Яшенька» (1859 г., «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного

[1] *Кривенко С.Н.* М.Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. СПб., 1891. С. 25–26.

[2] Там же. С. 36–37.

[3] *Захарова Л.Г.* Самодержавие и реформы в России 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. М., 1992. С. 32.

книгопродавца-издателя А.Ф. Смирдина»), отдельные небольшие произведения[4].

В ответ на рескрипты 1857 г. Александра II генерал-губернаторам В.И. Назимову и П.И. Игнатьеву, в которых сообщалось о подготовке к отмене крепостного права, Салтыков-Щедрин написал «Заметку о взаимных отношениях помещиков и крестьян» (1858 г.), которая предназначалась в печать, однако, опубликована не была. Салтыков-Щедрин предлагал свой вариант проведения реформы[5]. Уже после обнародования «Манифеста 19 февраля 1861 г.» Салтыков-Щедрин, еще находясь на службе в провинции, в печати критиковал некоторые положения крестьянской реформы и, в частности, предлагал установить ответственность мировых судей перед местными администрациями (статья «Об ответственности мировых посредников»[6]). Большое внимание Салтыков-Щедрин уделял причинам крестьянских волнений, которые начались в связи с подготовкой реформы и ее осуществлением. Этому вопросу посвящены статьи «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу»[7] и «Где истинные интересы дворянства?»[8].

Примечательно, что, когда Салтыков-Щедрин служил в Твери, на тверском губернском съезде дворянства, состоявшемся в начале 1862 г. под руководством А.М. Унковского и А.И. Европеуса (видных общественных деятелей, близких к кругу «петрашевцев»), был составлен адрес на имя императора, в котором критиковались положения «Манифеста 19 февраля», и в целом крестьянская реформа признавалась «неудовлетворительной». Биографы Салтыкова-Щедрина указывают на его возможное участие в деле составления этого обращения и связывают с этим скорую, хотя и добровольную, его отставку[9].

Итак, в 1862 г., когда Салтыков-Щедрин впервые выходит в отставку, начинается новый этап его жизни, в котором первостепенную роль играет журнальная деятельность[10], хотя окончательно он увольняется только через 6 лет, в 1868 г.

---

[4] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Жених // Собрание сочинений в двадцати томах. М., 1966. Т. 4. С. 5–63; *Салтыков-Щедрин М.Е.* Два отрывка из «Книги об умирающих» // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 4. С. 80–196; *Салтыков-Щедрин М.Е.* Характеры // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 4. С. 179–201.

[5] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян / Статьи 1856–1860 гг. // Собрание сочинений в двадцати томах. М., 1966. Т. 5. С. 69–83.

[6] См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Об ответственности мировых посредников / Газетные статьи 1861 г. // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 5. С. 101–111.

[7] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу / Газетные статьи 1861 г. // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 5. С. 112–120.

[8] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Где истинные интересы дворянства? / Газетные статьи 1861 г. // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 5. С. 131–135.

[9] *Турков А.М.* Салтыков-Щедрин. М., 1981.

[10] *Кривенко С.Н.* Указ. соч. С. 39.

Подводя итоги, следует отметить, что в период 1844–1862 гг. Салтыков-Щедрин занимался административной деятельностью, работая в столичных министерствах, а также занимая высокие посты в системе губернских органов управления. Это оказало значительное влияние на формирование его политических взглядов в этот период, а в частности, веру в организационные возможности местных администраций.

АМЕРИКА И РОССИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. ГЕРЦЕНА И М.Н. КАТКОВА 1860-х ГОДОВ

Смирнова Дарья Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Начало второй половины XIX века является одной из наиболее насыщенных событиями эпох в истории российско-американских отношений. Обстановка на мировой арене, а также некоторые внутриполитические процессы способствовали сближению двух государств, в результате чего Соединенные Штаты в 1860-х годах воспринимались в качестве чуть ли не единственного возможного союзника России как консервативными, так и либеральными мыслителями. Большинство событий этого периода нашло отражение в публицистике А.И. Герцена и М.Н. Каткова.

Еще в 1858 году Герцен говорит о том, что «у России в грядущем только и есть одни товарищ, один попутчик – Северные Штаты»[1]. В 1863 году схожую мысль высказывает и Катков, он также отмечает, говоря о дружественных отношениях России и Америки, что «в последнее время судьба как бы умышленно скрепила нашу взаимную дружбу тождественными событиями: у них сепаратизм южных штатов, эмансипация негров; у нас польское восстание, отмена крепостного права»[2].

В 1860-е годы происходит налаживание партнерских отношений, дипломатические визиты обеих сторон, одним из результатов которых явилась продажа Аляски. Например, в 1866 году американская делегация приезжает в Петербург после покушения на Александра II для поздравления его с благополучным сохранением жизни. Герцен пишет об этом событии, о перспективах российско-американского сотрудничества и подчеркивает значимость того, что встреча Америки и России происходит «по ту сторону», минуя целый мир «застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации»[3], имея в виду Европу. Это же событие освещает Катков в «Московских ведомостях»[4], говоря о значимости российско-американской дружбы. Ранее в этом году он писал о том, что Соединенные Штаты и Россия «сошлись у Тихого Океана, сошлись на границе

[1] *Герцен А.И.* Америка и Сибирь // Собрание сочинений. Т. 13. М., 1958. С. 399.

[2] *Катков М.Н.* Влияние междоусобий в Америке и Польше на другие страны // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М., 1897. С. 565.

[3] *Герцен А.И.* Америка и Россия // Собрание сочинений. Т. 19. М., 1960. С. 139.

[4] *Катков М.Н.* Сближение России с Северо-Американскими Штатами // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 г. М., 1897. С. 373–374.

самого мирного свойства, где им не о чем спорить и где они могут только подать друг другу руку на дружбу и союз»[5]. Эта мысль перекликается с идеей Герцена о том, что Тихий океан – Средиземное море будущего, впервые высказанной им в брошюре «Крещеная собственность»[6].

Одним из основных событий, привлекших внимание публицистов в данный период, была Гражданская война в США (1861–1865), выразившаяся в противостоянии Северных и Южных штатов по вопросу отмены рабства. Общим в отношении к противостоянию Севера и Юга у Герцена и Каткова является то, что оба они поддерживают северян, но их видение данного конфликта и, соответственно, освещение его ими в своих произведениях, достаточно различается.

Для Герцена, в прошлом идеализировавшего Америку, эта война, а точнее, явившееся ее причиной существование рабства стало поводом для временного разочарования. В 1859 году Герцен резко отзывается об американской демократии, где рабство «теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики»[7]. В 1862 году, после начала войны, его поражает то, как южане отстаивали в начавшейся Гражданской войне свое право иметь рабов. «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение – это ново и принадлежит Америке»[8], – пишет Герцен.

Для Герцена победа северян необходима, как победа над рабством и несправедливым строем. С другой стороны, Катков, не отрицая недопустимости существования рабства и выступая против кровавой войны, сутью конфликта видит «сепаратизм южных штатов» и проводит аналогии с польским восстанием 1863–1864 гг. В этом он сочувствует законному американскому правительству, которое представляют северяне, для него сохранение государственной целостности является наиболее важным вопросом. «И там, и здесь дело идет об отделении, <...> и там, и здесь между борющимися сторонами проходит более или менее глубокое различие в основах быта, причем как федералисты Америки, так и русские, что бы ни говорили наши близорукие недруги, являются представителями относительно высших общественных начал»[9], – находит общие черты в польском восстании и попытках отделения южан Катков в 1863 году.

Интересны также выводы обоих мыслителей о связи политического устройства Соединенных Штатов и идущего конфликта. В 1865 году Герцен говорит об окончании войны, которая, на его взгляд, доказала, что демократи-

---

[5] *Катков М.Н.* Наши взаимные симпатии с Северо-Американскими Соединенными Штатами // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 г. М., 1897. С. 17.

[6] *Герцен А.И.* Крещеная собственность // Собрание сочинений. Т. 12. М., 1957. С. 94–118.

[7] *Герцен А.И.* Русские немцы и немецкие русские // Собрание сочинений. Т. 14. М., 1959. С. 181.

[8] *Герцен А.И.* Mortuos plango // Собрание сочинений. Т. 16. М., 1959. С. 10.

[9] *Катков М.Н.* Влияние междоусобий в Америке и Польше на другие страны // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М., 1897. С. 565.

ческая республика вполне в силах защищать себя и вести длительные войны в случае необходимости: «американское общество не без гущи, но зато мышцы у него покрепче, это очень оскорбляет слабонервных детей европейской цивилизации»[10].

Для Каткова в федеральном устройстве Соединенных Штатов уже были заложены истоки гражданской войны. Допущение государственной самостоятельности отдельных штатов, по его мнению, неизбежно ведет к сепаратизму, что доказали события 1861–1865 гг. и на что он советует обратить внимание русским федералистам. Для него это было «убедительнейшим доказательством той политической истины, что федеральное устройство, даже при совершенном единстве национальности, носит в самом себе семена розни, неизбежно ведущей к распадению федерации»[11].

В соответствии с этим Герцен и Катков имеют разные взгляды на перспективы существования Соединенных Штатов и на то, какие уроки могла бы вынести из этого Россия. Для Герцена, поддерживающего идеи федерализма, успешное окончание войны было доказательством возможности существования сильного демократического федеративного государства, что могло бы стать примером для России. Катков же, хотя и смягчает резкость своих высказываний после победы северян при условии сохранения федеративного устройства, объясняет это тем, что Соединенные Штаты являются особым государством. В нем отдельные штаты никогда не имели независимого государственного существования, национальный состав однороден, а также отсутствуют соседние государства, которые могли бы вмешиваться во внутренние дела. Из этого можно сделать вывод, что для других государств, в том числе и для России, данное устройство все равно было бы неприемлемо.

Таким образом, несмотря на разную идеологическую приверженность Герцена и Каткова и следующую из нее полемику по целому ряду вопросов, относительно российско-американских отношений оба мыслителя имели сходную точку зрения. Но, разумеется, различия в их социально-политических взглядах сильно влияли на толкование ими некоторых процессов, что ярко выразилось, например, в освещении ими Гражданской войны.

---

[10] *Герцен А.И.* Письма к путешественнику // Собрание сочинений. Т. 18. М., 1959. С. 345.

[11] *Катков М.Н.* Военные действия в Северо-Американских Штатах. Предстоящие выборы президента и борьба политических партий // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. М., 1897. С. 596.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ И ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. БУРЛАЦКОГО

Соболев Владимир Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Понятия «власть» и «политика» являются одними из ключевых в политической науке. На сегодняшний день в политологии разработано значительное количество определений данных понятий. Однако дискуссии и споры об их значении продолжаются и сегодня. В рамках данного исследования более детально рассмотрим соотношение политической науки и ее объекта – политики в творчестве Федора Михайловича Бурлацкого[1], а также его трактовку понятия «власть».

Статья «О политической науке» в газете «Правда» от 10 января 1965 г. является первой работой Ф.М. Бурлацкого, посвященной проблеме соотношения политической науки и ее объекта – политики[2]. В ней Бурлацкий следующим образом очерчивает проблемное поле политологии: «Представляется, что главный объект исследования этой науки – политические отношения как в социалистическом, так и в капиталистическом обществе, отношения между государствами на международной арене. Если говорить более конкретно, то, на наш взгляд, эта наука должна заниматься изучением вопросов, связанных с устройством и деятельностью государства, политических партий, общественных организаций массовых движений, международных объединений и организаций, форм и методов дипломатической деятельности, общественного мнения, методов пропаганды и т.д.»[3] Основной задачей политической науки Бурлацкий видит «изучение механизма руководства обществом в динамике, т.е. изучение того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития»[4].

Ф.М. Бурлацкий фокусирует внимание на том, что «политику и политические отношения можно выделить из всей суммы общественных отношений, как нам кажется, только на основе их прямой или косвенной связи с властью и властной деятельностью. В самом общем виде определить политику можно как форму взаимоотношений между социальными группами, нациями,

---

[1] *Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2014. № 3. С. 124–128.

[2] *Соболев В.А., Ширинянц А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. Специальный выпуск.

[3] *Бурлацкий Ф.М.* О политической науке: избранные произведения. М., 2013. С. 17.

[4] Там же. С. 18.

связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования, понимаемой как способность принудить большие массы людей к выполнению тех или иных задач и решений»[5]. Так как понятие «власти» «дает ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики»[6]. Власть – «реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям; политическая власть как одно из важнейших проявлений власти характеризуется реальной способностью данного класса, группы, индивида проводить свою волю, выраженную в политике и правовых нормах»[7].

Для понимания содержания политики, по мнению Ф.М. Бурлацкого, существенны такие признаки власти: «во-первых, взаимосвязь с политической системой и, во-вторых, право и способность к принятию обязательных для всего общества решений по распределению ценностей между различными общностями и индивидами»[8]. А это, добавляет Бурлацкий, позволяет «учитывать как институциональную, так и функциональную стороны политического процесса»[9].

Однако только государственная власть, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, обладает монополией на принуждение «членов общества к выполнению своих (то есть государства) предначертаний»[10]. Государственная власть – «форма политической власти, обладающей классовым характером, располагающая монополией на издание законов и иных распоряжений, обязательных для всего населения, опирающаяся на специальный аппарат принуждения, как на одно из средств обеспечения соблюдения изданных законов и распоряжений»[11]. Но необходимо помнить, что «политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и с помощью других институтов социально-политической системы: партий, профсоюзов, международных организаций и т.д.»[12] Природу государственной власти характеризует «ее способность добиваться осуществления тех или иных целей с помощью принуждения.

---

[5] *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 16.

[6] *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 22.

[7] *Бурлацкий Ф.М.* От истоков к современному этапу развития политической науки в России... С. 22; *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика. М., 1970. С. 145–204; *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974. С. 15.

[8] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 19–21.

[9] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан... С. 21.

[10] Политические системы современности. Под. ред. Ф.М. Бурлацкого, В.Е. Чиркина. М., 1978. С. 26.

[11] Там же.

[12] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан... С. 19.

Вместе с тем, государственная власть не обязательно использует принуждение для достижения своих целей. Она может добиваться их и другими средствами – идеологическим воздействием, экономическим стимулированием и т.п.»[13]

Таким образом, обращение к творческому наследию Ф.М. Бурлацкого позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения политической науки и ее объекта – политики и на понятие «власть».

[13] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан... С. 19.

ПРОБЛЕМЫ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СТРАНИЦАХ МНОГОТИРАЖНЫХ ГАЗЕТ ФАБРИК «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» И «РОТ-ФРОНТ» В 1933 г. (КОМПЬЮТЕРИЗОВАННЫЙ АНАЛИЗ В ПРОГРАММЕ MAXQDA)

Солощенко Наталья Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Развитие промышленности СССР в 1930-х гг. осуществлялось путем реализации пятилетних планов развития народного хозяйства. Пищевая промышленность СССР являлась в тот период одной из крупнейших отраслей промышленности группы «Б». Кризис, «постигший страну»[1] на рубеже первой и второй пятилеток, существенным образом отразился на пищевой промышленности. Продовольственные затруднения и голод 1932–1933 гг. повлияли как на социальную сферу пищевой промышленности (снабжение, питание, здоровье рабочих), так и на производственную (сократили сырьевую базу пищевой промышленности).

Важным представляется рассмотреть, какие общие проблемы пищевой промышленности в кризисном 1933 году находили отражение на страницах фабричной печати – печати, которая отражала проблемы отрасли на «микроуровне». Что было приоритетным для многотиражной печати: освещение производственных или социальных проблем? Являлись ли проблемы, находившие отражение на страницах многотиражки одного предприятия, столь же типичными для другого предприятия данной отрасли?

Целью исследования является изучение отражения проблем пищевой промышленности в многотиражных газетах фабрик «Красный Октябрь» и «Рот-фронт» в 1933 г. Выбор именно этих предприятий для изучения обусловлен, во-первых, их крупным масштабом и образцовым характером, а, во-вторых, хорошей сохранностью их многотиражных газет.

Исследование подобного рода представляется актуальным ввиду слабой изученности данной проблемы. Новизна исследования обусловлена также введением в научный оборот новых источников: многотиражных газет кондитерских фабрик «Красный Октябрь» и «Рот-фронт».

Многотиражная газета фабрики «Красный Октябрь» выходила под названием «Наша правда». Газета издавалась с 1926 г. Многотиражная газета фабрики «Рот-фронт» начала выходить в 1931 г. под названием «За боевые темпы». Особенности этих изданий, связанные с их ролью в формировании

[1] *Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У.* Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92.

общественного мнения и ведения пропаганды в рамках предприятий, затруднили бы анализ данных источников. Именно поэтому для работы с газетами был избран метод контент-анализа.

Аналитическая часть исследования строится на использовании метода контент-анализа. Этот междисциплинарный метод, широко применяемый в гуманитарных и общественных дисциплинах, нашел применение и в исторической науке. Изучение прессы с помощью контент-анализа на протяжении многих лет является весьма популярным направлением исследований, как в России[2], так и за рубежом[3]. В настоящее время исследователями развиваются, в том числе, современные техники компьютеризованного контент-анализа[4]. Однако метод контент-анализа практически не применялся прежде для работы с многотиражной печатью и для изучения истории пищевой промышленности. Это также придает нашему исследованию научную новизну.

Анализ газет проводился в несколько этапов. Первым этапом стала оцифровка бумажных номеров изданий. Вторым этапом работы стал отбор материала для изучения. Был сделан выбор в пользу сплошного принципа изучения номеров за 1933 г. Решение ограничить исследуемый материал анализом редакционных статей было принято, во-первых, ввиду приоритетного характера проблем, которые находили отражение в редакционных статьях, а, во-вторых, ввиду достаточно большого объема номеров.

Третьим этапом работы стало изучение материалов газет с помощью компьютерной программы MAXQDA[5]. Данная программа относится к программам качественного анализа, поддерживающим комбинированные методы. Она была создана и развивается до сих пор немецкой фирмой VERBI. В ходе работы была использована бесплатная демо-версия MAXQDA 11.

Программа производила кодирование текста выделенными категориями и подсчет частоты встречаемости категорий в тексте. Полученные таблицы были использованы для последующего сравнительного анализа и общей интерпретации. Также с помощью MAXQDA были рассчитаны частоты совместной встречаемости категорий.

Сравнительный контент-анализ двух газет позволил выявить типичные проблемы пищевой промышленности, нашедшие отражение на страницах многотиражек. Контент-анализ редакционных статей показал, что для пе-

---

[2] *Гарскова И.М.* Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 8 (41) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840001255-9-1 (дата обращения: 15.02.2017). DOI: 10.18254/S0001255-9-1.

[3] *Reason, M. & García, B.* Approaches to the newspaper archive: content analysis and press coverage of Glasgow's Year of Culture // Media, Culture & Society. 2007. Vol. 29. Pp. 304–331. DOI: 10.1177/0163443707074261; *Schenk, C.* Nationalism in the Russian media: content analysis of newspaper coverage surrounding conflict in Stavropol, 24 May–7 June 2007 // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. Pp. 783–805.

[4] *Зингис К.А.* Публикации заключенных: контент-анализ газеты «Новые Соловки» (1925–1930 гг.) // Историческая информатика. 2015. № 3–4. С. 45–55; *Раздина Н.В.* Первые пятилетки: промышленная политика СССР в отражении газеты «За индустриализацию». М., 2016.

[5] MAXQDA. The Art of Data Analysis // http://www.maxqda.com/

риода кризиса при переходе от первой ко второй пятилетке с точки зрения редакции многотиражных газет более актуальными были производственные проблемы, которые получали преимущественное освещение в редакционных статьях многотиражной газеты. Однако неправильным было бы утверждать, что проблемы социальной сферы пищевой промышленности были менее актуальными для самих рабочих.

Выводы исследования базируются на результатах подсчета частот встречаемости категорий, соотношения производственных и социальных проблем и частот совместной встречаемости категорий.

ОБРАЗ РОССИИ В США КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА АМЕРИКАНСКИХ ДРУЗЕЙ РУССКОЙ СВОБОДЫ

Спартак Сергей Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Основную роль в формировании образа России в США в конце XIX – начале XX в. сыграло Общество американских друзей русской свободы. Оно было создано в Бостоне в 1891 г.: «Бостон с его аболиционистскими традициями был наиболее подходящим местом для основания организации»[1]. По мнению Бадда[2], местные общественные деятели и художественная богема с большим энтузиазмом откликнулась на призыв Общества. Американские либералы и социальные реформаторы увидели в борьбе русских социалистов близкое им дело, лозунги которого, как им казалось, были тождественны тем целям, за которые в США боролись участники прогрессивного движения. «Непоколебимая вера в правоту собственных идеалов, которые они пытались утвердить в США, вдохновляла американских реформаторов на участие в американском Обществе друзей русской свободы»[3].

Несмотря на большую популярность и поддержку его идей, первое время Общество испытывало определенные трудности. Так, известная американская суфражистка Э.С. Блэквелл пишет о малочисленность Общества друзей русской свободы, а также о том, что «вся агитация на страницах журнала «Free Russia» велась узким кругом лиц, которым было очень сложно уловить симпатии американского общества»[4]. Помимо антироссийской пропаганды, Общество участвовало в двух кампаниях: по сбору хлеба и денег голодающему населению России в 1891–1892 гг. и агитировало за отмену русско-американской конвенции 1887 г. о взаимной выдаче преступников[5]. Подключи-

---

[1] *Badd L.J.* Twain, Howells, and the Boston Nihilists //New England Quarterly. 1959. Vol. 39. № 3. P. 351–371.

[2] Ibid.

[3] *Thompson A.W.* The Reception of Russian Revolutionary Leaders in America, 1904–1906 // American Quarterly. 1966. Vol. 18. № 3. P. 452–476; *Thompson A.W., Hart R.A.* The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst, 1970. P. 17–18.

[4] *Blackwell A.S.* The Friends of Russian Freedom in America // Free Russia. English Edition. 1906. Vol. 17. № 1. P. 10–11.

[5] *Журавлева В.И.* Американский хлеб для России: помощь американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. // Родина. 1990. № 12. С. 76–77; Она же. Российско-американский договор 1887 г. // Вопросы истории. 1991. № 9/10. С. 272–274; Она же. Проблемы политической и социальной жизни России конца

лось и движение аболиционистов, которое на рубеже 19-го – 20-го веков было довольно сильно развито, сравнивая деспотическую Россию с рабовладельческим Югом США времен до гражданской войны. Как верно отмечает общественная деятельница, сторонница расового равноправия в США Уаймен: «бывшие сторонники отмены рабства увидели в российских политических иммигрантах близких им по духу людей, которые, как и они, были готовы посвятить жизнь борьбе за свои убеждения»[6].

Фоглесонг в своих работах рассматривает активность участников американского Общества американских друзей русской свободы в конце XIX – начале XX веков на фоне так называемого «крестового похода за Свободную Россию»[7]. По его мнению, «крестовый поход за свободную Россию» начался в период переоценки американским обществом своих базовых ценностей. В условиях стремительной индустриализации, огромного притока «новых иммигрантов», кризиса протестантизма, проблем дискриминации цветного населения, американцы восприняли Российскую империю и некоторые другие страны (Куба, Филиппины), население которых не имело политических прав, как идеальный объект для утверждения своей

Пропагандистские кампании Общества в 1891–1894 гг. и 1905–1907 гг., по мнению американского историка, служили как раз утверждению идеи о необходимости преобразовать «варварскую» и «отсталую» империю в «свободную Россию» посредством распространения американских ценностей среди ее населения[8]. Фоглесонг полагает, что американцы, мечтавшие о «свободной России», находились под сильным влиянием религиозных стереотипов и ценностей. По его мнению, христианство протестантского толка во многом способствовало формированию у членов американского Общество чувство мессианизма, которое помогало им верить в необходимость утверждения американских идеалов и в России[9].

Рассуждая о результатах деятельности Общества американских друзей русской свободы, нельзя не согласиться с тем, что его вклад в формирование образа России колоссальный. С этим согласно большинство исследователей рассматриваемого периода, если не все. Так, например, американские исследователи Бейли и Уильямс в своих работах по изучению американо-российских отношений подчеркивают, что Общество внесло большой вклад в формирование образа России в США[10].

XIX века в общественном мнении США. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1992; Она же. Кого демократическая Америка выдавала царской России? (русско-американская конвенция 1887 года о взаимной выдаче преступников) // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 116–126; Она же. Американская помощь России в период голода 1891–1892 годов. Из истории российско-американских отношений конца XIX века // Американский ежегодник. 1998. М., 1999. С. 148–164.

[6] *Wyman L.B.C.* American Chivalry. Boston, 1913. P. 134–139.

[7] *Фоглесонг Д.С.* Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию» // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.

[8] *Фоглесонг Д.С.* Указ. соч. С. 100–133.

[9] Там же.

[10] *Bailey T.A.* America faces Russia. Russian-American relations from early times

Данный тезис поддерживает и советский историк А.А. Трубаров, который писал о сильном влияние агитации Общества американских друзей русской свободы, одним из инициаторов и идеологов которого является Кеннан, утверждая, что оно «внесло большой вклад в дело ознакомления американцев с революционным движением в царской империи, что, в конечном счете, повлияло и на образ страны в целом»[11].

О большой роли Общества в формировании образа России пишет также В.И. Журавлева, наглядно показывая в своем исследовании, что именно благодаря Американскому обществу друзей русской свободы на рубеже XIX – XX веков Российская империя стала восприниматься многими американцами как отсталая варварская страна, нуждающаяся в усвоении американских ценностей[12]. Своей деятельностью Общество американских друзей русской свободы открыло новый этап развития социально-политической мысли США и придало совершенно новый образ России, до тех пор неизвестной и неизученной рядовым американским гражданином.

---

to our day. Ithaca, 1950; *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781–1947. N.Y., 1952.

[11] *Трубаров А.А.* Американская общественность и первая российская революция. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1984.

[12] *Журавлева В.И.* Предел допустимого в революции: 1905 г. в России в восприятии американцев // Русское открытие Америки. М., 2002. С. 292–301; *Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С.* Русский «другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 233–281; *Журавлева В.И.* Любить и познавать Россию: русофильский дискурс в США на рубеже XIX–XX веков // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. М., 2007. С. 48–64; Она же. Образ русской революции в американской политической карикатуристике // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность. Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США. М., 2007. С. 157–186.

ЭДУАРД КАРПЕНТЕР: РЕВОЛЮЦИЯ В ВИКТОРИАНСКОМ СТИЛЕ

Старченко Елена Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Представления о видах, роли и функциях революции многогранны и необъятны. Мнения встречаются самые разные: одни верят в то, что она есть необходимый и закономерный результат непрекращающейся классовой борьбы, другие – в ее неправомерность и отрицательный характер для любого общества. Но факт остается фактом, революция есть глубокое и качественное преобразование в определенной области, ведущее к коренному обновлению существующего порядка. И хотя мы, услышав это слово, представляем себе насильственный переворот с подавлением сопротивления целых слоев населения, это не всегда так. Существует мирный путь преобразований без применения какого-либо давления на людей, который заключается в изменении нравственных идеалов общества. И хотя многие выдающиеся мыслители предлагали свои концепции преобразований, сообразные с этим направлением, мы остановимся лишь на одном, чьи анархические воззрения сочетались с полным отказом от насильственного перехода к оптимальному для него социальному устройству.

Эдуард Карпентер (1844–1929) известен как поэт, философ и общественный деятель, идеи которого повлияли на становление британского социалистического движения. Будучи в свое время очень популярным и у себя на родине, и в дореволюционной России (сам Л.Н. Толстой выразил свой интерес к личности коллеги с Альбиона, попросив своего друга Э. Моода[1] поподробнее разузнать о нем), он был практически забыт в послевоенное время, но сейчас внимание к его персоне возрождается.

Общественно-политические воззрения Карпентера, зародившись в alma mater писателя, Кембридже, где он обучался на богословском факультете, преодолели долгий и нелегкий путь к их конечному виду. На их формирование оказали влияние К. Маркс, У. Моррис, Дж. Раскин, Л.Н. Толстой, У. Уитмен. В 1873 году, оставив духовную деятельность, Карпентер примкнул к движению за распространение образования среди не имеющих возможности обучаться в высших учебных заведениях и ездил по промышленным городам Северной Англии для чтения лекций. Именно в этот период он стал проповедником идей социалистического утопизма, хотя в активисты записался много позже, вступив в Социал-демократическую федерацию, а затем в Социалистическую Лигу вслед за Уильямом Моррисом. Вскоре Карпентер основал и возглавил Шеффилдское отделение Лиги, занявшее активную пропагандистскую пози-

[1] *Maude A.* The life of Tolstoy later years. New York, 1911. P. 622.

цию. В те же годы были изданы первые произведения, выражавшие свободные взгляды писателя на различные аспекты общественной жизни.

Творчество и общественная деятельность Карпентера были направлены на реализацию единственной цели – претворению в жизнь идеала товарищеского общежительства между людьми. В отличие от тех же марксистов, делающих упор на экономическую составляющую грядущей социальной трансформации, поэт почти не затрагивает вопрос о механизмах осуществления практических преобразований в обществе. Куда больше внимания он уделяет изменениям нравственным, которые проявятся в смене изживших себя идеалов капиталистического общества на принцип братства. И хотя замысел Карпентера об оптимальном политическом устройстве общества безусловно подвергся воздействию витавших над Европой анархических идей, к которым поэт проявлял явный интерес, писатель не поддерживал методов, пропагандируемых анархистами, считая, что революция должна произойти внутри, через положительное изменение душ, их перерождение. «Социалистическое... общество, к которому бессознательно стремятся и простые люди, и мыслители прогрессивных наций, будет обществом всеобщего взаимоуважения и взаимопонимания», – пишет мыслитель в поэме «Навстречу демократии»[2].

Как подмечает К.М. Андерсон, в отличие от большинства современников Эдуард Карпентер, критикуя искусственный индустриальный мир, делал акцент на эстетическом и метафизическом основаниях, отодвигая философские и экономические соображения на второй план[3]. Познание мировой души неизбежно перевернет все прежние человеческие представления о морали, основанные на индивидуализме. Психические и социальные изменения, вызрев, произведут переворот в человеческих жизнях, повлекши самые глубокие последствия, которые когда-либо видела история. Даже одно из них станет фатальным для всех существующих институтов, а вместе они сделают революцию настолько глобальной, что назвать ее простым развитием цивилизации будет неуместно. В этом и будет заключаться переворот сознания.

Очевидно, все социальные метаморфозы не случатся одномоментно, на проработку фундамента для перелома в общественном сознании потребуется довольно много времени. Одно время, мысля очень революционно, как утверждал сам Карпентер, он полагал, что любая революция должна быть хорошо подготовлена[4]. Но положительные сдвиги будут совершенствовать глубинные основы построения социума, избавляя их от пороков. Итогом этого революционного в своей сущности процесса перерождения станет сообразное велению природы свободное общество, основанное на прочных узах взаимного доверия и духе общности. Современное Карпентеру общество не сумеет быстро отказаться от укоренившегося в умах жесткого индивидуализма, но последующие поколения смогут стать счастливыми свидетелями чудесного превращения.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Эдуард Карпентер, мечтая о совершенном устройстве общества, где всякое давление на

---

[2] *Carpenter E.* Towards Democracy. London, 1907. P. 260.

[3] *Андерсон К.М.* Эдуард Карпентер: величие маргинала // Центры и периферии европейского мироустройства. М., 2014. С. 192–214.

[4] *Carpenter E.* My Days and Dreams. London, 1916. P. 129.

личность будет исключено, проповедовал нравственную борьбу с социальным неравенством и любого рода принуждением, оказываемым государством, видел идеал в простом и свободном обществе. Экономические или политические изменения не были ядром его концепции, уступая место обновленной нравственности. Этический социализм писателя, заражая своими настроениями британское социалистическое движение, дал последнему сильный утопический толчок, оказывавший свое воздействие на вольные умы еще долгое время.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ 1917 ГОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ МЭИ

Стасенко Никита Андреевич,
Ромашкина Татьяна Александровна
(НИУ «Московский энергетический институт»)

XX век оказался огромным испытанием для нашего народа. Мировые войны, гражданская война, тяжелейший голод, репрессии – все это обрушилось на Россию в течение жизни одного поколения. Неоднократно высказывалось мнение, что эти события отнюдь не случайны, а в значительной мере являются следствием революций 1917 г.

Авторы поставили перед собой цель заняться исследованием не столько причин и следствий событий 1917 года, сколько узнать, как эти события, сегодня, отзываются в среде современной молодежи. Еще В.О. Ключевский отмечал, что «ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем»[1].

Исследование заключалось в проведении опроса среди студентов Национального исследовательского университета«Московский энергетический институт» (НИУ «МЭИ»). Оно состояло из двух частей: личная беседа с респондентами и социальный опрос[2] в Интернете, где участникам было предложено ответить на ряд вопросов. Данные беседы и опросы проводились с целью не столько проверить респондентов на знание истории России, сколько понять, как относятся к революциям 1917 года современные студенты. В качестве главного источника авторы данной статьи решили обратиться не к документам и архивам, но к человеческой памяти, передающейся из поколения в поколения, и старающейся сохранять свою объективность и беспристрастность вне зависимости от идеологии государства и влияния средств массовой информации.

Первая часть данной работы заключалась в проведении интервью с несколькими добровольцами. Респондентам было задано пять вопросов, в которых затрагивались темы их личного отношения к революциям 1917 года, отношения их семей к данным событиям, а также как революции повлияли на их семьи. В личном опросе приняло участие 8 человек из различных направлений, специальностей, курсов и факультетов НИУ «МЭИ». При этом участники интервью имели право высказываться как анонимно, так и с указанием сведений о себе.

Первый вопрос звучал следующим образом: «Какими словами Вы можете выразить свое отношение к революциям и последующим событиям 1917

[1] *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 2008. С. 20.

[2] См. опрос «Революции 1917 года» на Google Forms // https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc_6b3Ojn9CWNCHhBwl7M6shWxX6qCrDWSuiqmxjWT0p1D3jQ/viewform [дата обращения: 27.02.2017 г.]

года?». Ответы уже на первый вопрос показали, насколько сильно и кардинально могут различаться мнения и оценки людей к революциям даже в пределах одной социальной группы.

Наиболее аргументированно высказалась студентка группы С-10-13 Ананий Ксения: «Мое отношение к революции 1917 двоякое. С одной стороны имеется недовольство царствующей персоной в то время, потому что только благодаря ряду политических ошибок Николая II удалось уничтожить монархию фактически за одну неделю. Абсолютное отсутствие какого-либо компромисса, неумение политических оппонентов слушать друг друга привели к Февральской и Октябрьской революции, за которыми последовала страшная гражданская война...»

Большинство же ответов носило весьма краткую форму. Бывший студент группы Э-02м-09 Мартынов Михаил сказал, что его отношение к революциям скорее положительное, нежели отрицательное. А студент группы А-14м-16 Мигаль Иван ответил: «Отношение очень простое: это – исторический факт, только и всего».

Второй вопрос был сформулирован следующим образом: «В чем, на ваш взгляд, заключается главное значение революций 1917 года?» Ответы на этот вопрос тоже получились достаточно разноплановыми.

Мартынов Михаил ответил на этот вопрос так: «Революция позволила перейти к более прогрессивному строю и сделать из аграрной страны промышленную державу, массово дать детям образование, а всему народу – электроэнергию. Хотя расправу над царской семьей однозначно не поддерживаю».

Студент группы Эл-01м-16 Николай Федорцов ответил следующим образом: «Я кратко, не вижу смысла более дискутировать об этом вопросе... В советское время подобные рассуждения сопровождались неким благоговением, после распада Союза с пеной у рта кричали совсем другое. Да и сейчас хватает сторонников и противников у каждой стороны».

В третьем вопросе авторы хотели узнать, как к революции относятся семьи наших респондентов, и какое отношение к этому историческому событию передавалось из поколения в поколение.

Ксения Ананий ответила на этот вопрос также емко: «К сожалению, в моей семье не осталось очевидцев событий революции. В основном все выросли в советское время. Поколение, рожденное в 1924–1935 годах, разделилось на тех, кто побывал в ссылке с семьей и на тех, кто не помнит этого кошмара или просто еще не родился. Соответственно, и мнения у всех разные. Родители, выросшие в советский период, также имеют разные взгляды. 2–3 человека из всей семьи питают откровенную ненависть к некоторым политическим деятелем того времени (Ленин, Зиновьев, Троцкий Сталин), больше половины считают, что так было нужно, поскольку правительство стало умнее и благоразумнее».

Мигаль Иван ответил, что в его семье к Революциям всегда относились плохо, поскольку любые революционные процессы – это огромные шаги назад, сопровождающиеся смертью людей и «сломом» жизни.

Четвертый вопрос звучал так: «Как революции повлияли на вашу семью?» А пятый: «Есть ли информация, кем были представители вашей семьи до 1917 года? И как изменилось ваше положение после всех его событий?» Эти вопросы, по мнению авторов, являются наиболее интересными и показательными в том плане, что они позволяют продемонстрировать, как сильно могут поменяться условия жизни людей, их престиж и положения в обществе. Очень часто эти изменения были кардинальными.

Многие респонденты дали единый ответ на эти два вопроса. К числу относится и Ананий Ксения, чей ответ был таков: «Мамина линия: мой дедушка был из дворянской семьи. В 1927 году родителей убили. Он с сестрой стал беспризорником, и в итоге попали в детдом. Моя бабушка родилась в многодетной семье (10 человек). Прадедушка был очень хорошим валенщиком (был достаток в виде коровы, дома и сада). После революции все имущество конфисковали, а его семью отправили в ссылку. Вернулись они с испорченным здоровьем и стали строить новый дом. Папина линия: родители как были крестьянами, так ими и остались, а жизнь их никак не изменилась после революции».

По результатам интервью нужно отметить, что отношение к революции у ребят скорее негативное, нежели позитивное. Основной причиной такого отношения явились, сохранившиеся в семье тяжелые воспоминания об этом периоде.

Вторая часть данной работы заключалось в проведении социального опроса среди студентов, посвященного февральской и октябрьской революциям 1917 г. Студентам было предложено ответить на 7 вопросов, где каждый вопрос имел несколько вариантов ответа. В данном опросе приняло участие 130 человек.

Первый вопрос звучал таким образом: «Какое влияние революции 1917 года, на ваш взгляд, оказали на дальнейшие события и исторические процессы XX века?»[3] Здесь было предложено три варианта ответа, которые в итоге распределились следующим образом: 53,8% проголосовали за вариант «значительное влияние», 38,5% – «максимальное влияние», 5% выбрали «незначительное влияние», а 2,7% затруднились ответить на данный вопрос[4].

Во втором вопросе респондентам предлагалось определиться с характером революций. Стоит отметить, что большинство опрашиваемых студентов в данном вопросе уверены в том, что эти революции являются закономерным итогом непростых общественных отношений конца XIX – начала XX века (за этот вариант проголосовало 83,8% процентов респондентов), в то время как лишь 10,8% посчитали революции чередой случайный событий и совпадений. Остальные 5,4% затруднились ответить на этот вопрос.

В третьем вопросе участникам опроса было предложено поразмыслить над объективными причинами революций и выбрать, на их взгляд, основную. На данный вопрос было предложено 9 вариантов ответов. По мнению опрошенных студентов, именно кризис самодержавия послужил основной объективной причиной революций 1917 года – 59,2% респондентов отметили именно этот вариант. На второе место студенты поставили экономические трудности, которые испытывала Российская империя из-за своего участия в первой мировой войне (52,3%), а на третье место студенты поставили тяжелые условия жизни рабочего класса в те годы (43,1%). Меньше всего голосов набрал вариант «несправедливая национальная политика» (18,5%), а 5,4% опрошенных и вовсе затруднились ответить на данный вопрос.

Четвертый вопрос был аналогичен третьему, но за тем исключением, что вместо основной объективной причины участникам было предложено выбрать субъективную. Здесь было предложено четыре варианта ответов, которые по итогам опроса распределились следующим образом: 46,2% опрошен-

[3] Опрос «Революции 1917 года» на Google Forms...

[4] Там же.

ных посчитали главным субъективным фактором революций наличие хорошо организованной дисциплинированной группы – партии большевиков; 33,1% посчитали именно идеологические метания интеллигенции в те годы основной причиной революций; 19,2% затруднились ответить на данный вопрос; 16,2% уверены, что главной субъективной причиной послужила пассивность населения в 1917 году.

Пятый вопрос предлагал респондентам выделить, по их мнению, главный итог революций. Этот вопрос содержал в себе семь различных вариантов ответов. Чаще всего студенты выбирали вариант «отречение царя и ликвидация монархии» – 45,4% ответов. Далее расположился вариант «Россия в течение нескольких следующих лет превратилась из аграрной в индустриальную державу» – 40,8%. Замкнул тройку лидеров вариант «полная смена элиты» – 35,4%. Меньше всего голосов набрал вариант «образование двоевластия» (имелся в виду созыв Учредительного собрания и его «противостояние» с советской властью) – 4,6%[5].

В шестом вопросе студентам было предложено еще раз выразить свое отношение к революциям 1917 года, где было четыре варианта ответов. 59,2% опрошенных считают революции 1917 года военным и государственным переворотом, 22,3% относятся к этим явлениям, как великим и закономерным историческим событиям, 10,8% затруднились ответить, а 7,7% вообще никак не относятся к революциям.

Заключительный седьмой вопрос звучал так: «Как вы считаете, какое место по своей важности занимают Революции в истории России?»[6] Здесь оценки респондентов получились достаточно интересными и необычными: 82,3% опрошенных считают революции одним из главных событий отечественной истории, в то время, как всего лишь 1,3% считает, что революции являются самым значимым событием в российской истории. 13,8% считают революции рядовым событием, поскольку массовые восстания и мятежи были и до 1917 года.

Несмотря на то, что опросы и интервью проводились в сравнительно небольшой и однородной среде, мнения и отношения к революциям в некоторых случаях различаются кардинальным образом. К тому же, многие оценки не совпадают с теми, которые превалировали, как в советском, так и в нынешнем российском обществе. Авторы считают, что данное исследование должно стать первым шагом на большом и трудном пути – подобные опросы нужно проводить среди различных социальных групп, включая студенческие. Авторы предлагают не забывать про человеческую память. История человечества не раз доказывала, что очень часто именно человеческая память являлась наиболее объективным и честным критерием общественно значимых событий прошлого.

В заключение можно привести слова выдающегося российского историка Сергея Михайловича Соловьева: «Спросим человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спросим народ его истории, и мы узнаем народ»[7].

---

[5] Опрос «Революции 1917 года» на Google Forms...

[6] Там же.

[7] *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 15.

НОВЫЕ ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XVII в.

Страхов Александр Борисович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В XVII веке в России после потрясений Смутного времени сменилась правящая династия – вместо угасшей московской линии Рюриковичей в 1613 году на престол по итогам Земского собора взошёл Михаил Фёдорович Романов. Новой династии требовались оправдание и доказательство того, что она имеет право на царствование. Право Романовых на престол стало ключевым моментом исторической политики Русского царства. Было очевидно, что те постулаты, которые выработала историческая политика в России в XVI веке, должны были быть переосмыслены и адаптированы с учётом социальных и политических сдвигов. Существует множество текстов, в которых можно обнаружить новые, по сравнению с предыдущим столетием, духовно-политические смыслы, однако наиболее ярко они проявляются в трёх – Утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Фёдоровича 1613 года, «Временнике по седмой тысящи от Сотворения света во осмой в первые лета» дьяка Ивана Тимофеевича Семёнова (кон. XVI – 1617, незначительные правки до 1631) и Новом летописце, продолжении Никоновской летописи (1630)[1].

Утвержденная грамота «была написана и прочтена на соборе»[2] 1613 года, на котором был избран Михаил Фёдорович, и распадается на три части. Короткое богословское введение и беглый обзор истории династии Рюриковичей до ухода в монастырь вдовы царя Фёдора Ивановича являются прямым цитированием аналогичной грамоты Бориса Годунова. Они содержат те духовно-политические смыслы, которые были найдены в XVI в. – богоизбранность русских царей («От Него же приимша земля наша Руская своими государи обладаема быти»[3]), происхождение династии от римского императора Августа («царей Росийских корень изыде от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресвѣтлаго корени Августа кесаря, обладающего всею вселенною»[4]) и постепенное накопление благочестия в России.

[1] Общепринятая дата. Дискуссии вокруг датировки «Нового летописца» см., напр.: *Солодкин Я.Г.* О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 39–46.

[2] Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова (с предисловием С.А. Белокурова). М., 1906. С. 2.

[3] Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова (с предисловием С.А. Белокурова). М., 1906. С. 23.

[4] Там же.

Третья же часть, наиболее обширная, посвящена событиям Смутного времени и избранию на царство Михаила Фёдоровича.

Основной вопрос новой исторической политики – доказательство права новой династии занять престол – в Утвержденной грамоте был решён через родство последнего царя из Рюриковичей с отцом первого царя из Романовых, патриархом Филаретом: «Нашъ царь і великиі князь Федор Іванович, всеа Русиі самодержец,... душу свою праведную приказал отцу своему и богомолцу, святѣйшему Иеву, патриарху Московскому і всеа Русиі, да брату своему царскому Федору Микитичю Романову»[5]; «блаженные памяти царя і великого князя Федора Івановіча всеа Русиі, племянника Михайла Федоровича Романова-Юрьева»[6]; «Он, великиі государь, блаженные памяти хвалам достойнаго великаго государя царя і великого князя Федора Ивановича, всеа Русиі самодержца, двоюродного брата Федора Никитича Романова-Юрьева сын]»[7] и проч. Кроме того, несмотря на достаточно подробное описание избрания нового царя народом, составитель Утвержденной грамоты подчёркивает именно богоизбранность новой династии: «Христолюбиваго и Богом ізбраннаго, великого государя царя і великого князя Михайла Федоровіча всеа Русиі...»[8].

Подобные смыслы находятся и во втором предложенном тексте. В научной литературе сложилась краткая форма его названия – Временник Ивана Тимофеева. Собственно Романовым в тексте «Временника» уделено не так много места. Это главы «О царице Анастасии Романовне и её детях» (в описываемые времена Романовы ещё не носили эту фамилию) и «О вдовстве московского государства». При их сопоставлении можно заметить ряд особенностей. Во-первых, Тимофеев не указывает прямо на родство первых Романовых с Иваном Грозным. Единственной связью можно условно считать лишь следующее высказывание: «До избрания и нововоцарения воздвигнутого богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси...»[9]. Во-вторых, исходя из этого же отрывка, можно предположить, что, несмотря на факт избрания царя, Тимофеев в первую очередь считает, что Михаил Фёдорович поставлен и дан России Богом после покаяния и усердных молитв. Этому в тексте находятся ещё подтверждения: «Но через некоторое время вместо утерянной нашли иную, новую, подобную той, – говорю о боголичном Михаиле, которого бог воздвиг после благонравного царя Федора. Он призван не от людей и не людьми, – как говорит Павел»[10]. Тимофеев превозносит царя Михаила Фёдоровича и его отца патриарха Филарета, считая их воцарение спасением Божиим: «Так и нашему государю Михаилу царю великое русское царство, предуготовав, отдал в полную власть... он возвысил любителя благочестия и красоты церковной – трижды святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и

[5] Там же. С. 27.

[6] Там же. С. 37.

[7] Там же. С. 43.

[8] Там же. С. 46.

[9] «Временник» Ивана Тимофеева / Подг. к печати, перевод и комм. О.А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 333.

[10] Там же. С. 339.

всей великой Руси, избранного по смотрению божию на превысочайший святительский престол»[11].

Аналогичные смыслы прослеживаются и в Новом летописце. Во-первых, автор подчёркивает, что избрание Михаила – всего лишь исполнение воли Божией: «Бывшу же волненію велію, и никто же смѣяше проглаголати, еже кто и хотяше здѣлати, коли Богу чему не повелѣвшу и не угодно Ему бысть»[12]. Однако смутное и широко трактуемое упоминание родства «наследника царского» Михаила с Рюриковичами здесь заменено полноценным указанием на степень связи: «Тако благослови Богъ и прослави племя и сродство царское, достославного и святого и блаженныя памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русіи самодержца, сына велика боярского роду боярина Фёдорова сына Никитича Юрьева»[13]. Это призвано подчеркнуть прямую преемственность Романовых от Рюриковичей, которые уже «наработали» благочестие и стали настоящими предстателями Русской земли перед Богом.

Таким образом, одними из важнейших смыслов новой исторической политики России в XVII в. стали родство Романовых с Рюриковичами (при этом подробность описания степени этого родства разнится) и богоизбранность новой династии даже с учётом и признанием того, что Михаил Фёдорович был избран на Земском соборе.

[11] Там же. С. 345.

[12] Книга глаголемая Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. С. 129.

[13] Книга глаголемая Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. С. 129.

ИДЕИ И ЛИЧНОСТЬ В.И. ЛЕНИНА В СВЕТЕ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 ГОДА

Стрекалов Илья Николаевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В 2017 году исполняется 100 лет Октябрьской революции – событию, значение и масштабы которого трудно переоценить как для России, так и для всего мира. Первым лицом этого исторического события считается лидер большевиков, создатель Советского государства Владимир Ильич Ленин. Его идеи, высказывания, действия как партийного и государственного деятеля стали эталоном для преемников, стремившихся во всём следовать «заветам Ильича». Не обошли стороной идеи Ленина и процесс создания последней Советской Конституции 1977 года, которой в год 100-летия революции исполняется 40 лет.

В годы после принятия Конституции значение ленинского наследия не подвергалось сомнению: о новом Основном законе говорилось, что в нём «сохранены и развиты намеченные еще В.И. Лениным характерные черты конституции социалистического типа»[1]. Современные исследователи вскользь упоминают о том, что разработчики Конституции восприняли идеи вождя пролетариата при подготовке материалов и проектов: А.Н. Медушевский говорит о том, что труды В.И. Ленина рассматривались как «сакральные тексты» для идеологических «ритуалов»[2]. С.А. Байбаков считает, что возвращение к ленинским идеям в противовес обозначенному культу личности И.В. Сталина позволяло критически подойти к анализу действующей Конституции 1936 г., но, с другой стороны, сужало «диапазон поиска, канонизируя теоретическое наследие Ленина, принадлежавшее к другой исторической эпохе»[3].

Думается, следует говорить о том, что ленинские идеи понимались создателями Конституции и формально (как лозунг, призыв, декларация), и содержательно (причём и в негативном, и в позитивном ключе). Изученные нами архивные документы ГА РФ и РГАНИ подтверждают это – записки, справки,

---

[1] В.И. Ленин, КПСС о Советской Конституции. М., Политиздат, 1979. С. 5.

[2] *Медушевский А.Н.* Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // Общественные науки и современность. 2014, № 3. С. 87.

[3] *Байбаков С.А.* Альтернативные представления о реформировании высших органов государственной власти на начальном этапе разработки проекта третьей Конституции СССР // Компаративистика-2012: сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, сравнительная политология: Сб. ст. М., 2013. С. 240.

проекты и материалы сотрудников аппарата Президиума Верховного Совета СССР; предложения граждан, поступавшие в Конституционную комиссию (по факту – в Президиум ВС СССР); записки рабочей группы ЦК КПСС по подготовке Конституции, а также записи заседаний Политбюро ЦК КПСС.

Идея возврата к постулатам вождя Октябрьской революции пришла к Н.С. Хрущёву после критики культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС от 14 декабря 1959 г., посвящённого разработке новой Программы партии, показывает это. Н.С. Хрущёв отметил, упомянув действующую Конституцию и говоря о сменяемости руководства всех звеньев государственной власти: «Этим мы переходим к реализации положения Ленина, что каждая кухарка должна уметь управлять своим государством. Здесь получится очерёдность в выполнении общественных функций»[4]. В этом его поддержал, в частности, А.И. Микоян[5], а также другие выступавшие. Так, был поставлен вопрос о демократизации общества в свете новой концепции развёрнутого строительства коммунизма, подспудно было сказано о необходимости изменить Конституцию.

25 апреля 1962 г. при Верховном Совете СССР была создана Конституционная комиссия, председателем которой стал Никита Сергеевич. К работе над проектом были привлечены сотрудники аппарата Президиума ВС СССР. В одном из архивных дел имеется справка «Материалы по конституционным вопросам»[6], датируемая предположительно 1962 г. Она содержит раздел о роли В.И. Ленина в создании Конституций 1918 и 1924 гг., об основных положениях этих Конституций – некоторые подчёркнуты в тексте карандашом, например: «вся власть в центре и на местах принадлежит... Советам»[7], о выступлении Ленина против плана Сталина об автономизации республик[8], о праве союзных республик принимать свои уголовные и гражданские кодексы по Конституции 1924 г.[9], о связи Советов с производством – «выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам»[10]. Подчёркнуты и два разных, но вместе стоящих в тексте высказывания Ленина о роли партии в государстве: о том, что каждый важный политический или организационный вопрос решается с руководящим указанием партии, но, с другой стороны, и о том, что надо «за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без ...мелкого вмешательства»[11]. По большинству из этих вопросов (усиление роли Советов, децентрализация управления, производственный принцип выборов, руководящая роль партии) в аппарате Президиума ВС СССР и среди представителей научного сообщества проходили

---

[4] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2015. С. 416.

[5] Там же. С. 417.

[6] Материалы по конституционным вопросам. 1962 г. // Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 98–142.

[7] Там же. Л. 103.

[8] Там же. Л. 108.

[9] Там же. Л. 109.

[10] Там же. Л. 111.

[11] Там же. Л. 114.

дискуссии. В том же архивном деле сохранилась копия справки «В.И. Ленин о Конституции»[12]. Она содержит цитаты – высказывания В.И. Ленина по политическим, идеологическим, конституционным вопросам.

Конкретные предложения разработчиков Конституции, отражённые в архивных документах, часто восходят к позициям В.И. Ленина. Например, в записке «Об итогах деятельности Верховного Совета СССР...» марта 1962 г. говорилось о снижении активности органов народного представительства, поскольку в Конституции 1936 г. было указано, что Верховный Совет осуществляет все права Союза ССР, если они не принадлежат подотчётным ему органам – Президиуму, Правительству и министерствам. В условиях, как пишут авторы, культа личности И.В. Сталина такое положение давало возможность нарушить важный ленинский принцип полновластия Советов. Это сказалось и на круге рассматриваемых Верховным Советом СССР вопросов: отмечалось, что по практике, сложившейся при жизни В.И. Ленина, «на обсуждение съездов Советов и сессий ВЦИК и ЦИК регулярно выносились вопросы, касающиеся промышленного и сельскохозяйственного развития страны, финансовой и торговой политики Советского государства»[13], а за всё время своего существования с 1937 г. Верховный Совет СССР «ни разу не обсуждал вопросы, связанные с деятельностью Советов депутатов трудящихся»[14]. Поэтому в проекте Конституции СССР осени 1964 г. говорилось о том, что Верховный Совет может принимать к рассмотрению любой вопрос союзного значения, закреплена его исключительная компетенция[15].

Были и другие предложения, связанные с идеями вождя Октябрьской революции 1917 года. Заведующий Отделом по вопросам работы Советов Президиума ВС СССР П.В. Туманов направил записку от 4 ноября 1962 г. на имя Председателя Президиума ВС СССР Л.И. Брежнева об организации власти на местах по ленинским принципам в свете проходившего в стране укрупнения сельсоветов. «В отдельных населенных пунктах... низовыми органами власти (местного самоуправления) должны являться общие собрания граждан. ...общие собрания граждан будут проводиться по кварталам, улицам, микрорайонам. (Согласно Конституции РСФСР 1918 года в отдельных населенных пунктах вопросы управления разрешались общими собраниями избирателей)»[16]. Далее П.В. Туманов предложил компетенцию таких собраний – от вопросов благоустройства территории до здравоохранения[17]. Данный институт был обозначен термином «народные собрания» и закреплён в

---

[12] В.И. Ленин о Конституции. 1962 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 148–174.

[13] Об итогах деятельности Верховного Совета СССР четвёртого и пятого созывов и некоторых вопросах работы Советов депутатов трудящихся, март 1962 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 206.

[14] Там же. Л. 207.

[15] Конституция СССР (проект). Осень 1964 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Л. 132–133.

[16] Принципы организации низового органа государственной власти, 4 ноября 1962 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 169.

[17] Там же. Л. 170.

главе XIII проекта Конституции СССР осени 1964 г.[18], хотя в Конституции, принятой в 1977 г., этого не было закреплено.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. в руководстве страны произошли перестановки, а радикальная идея развёрнутого строительства коммунизма вскоре сменилась умеренной концепцией развитого социализма. Председателем Конституционной комиссии стал Л.И. Брежнев. Процесс разработки Конституции замедлился, хотя и продолжался. В записке рабочей группы ЦК КПСС по подготовке проекта Конституции во главе с А.Н. Яковлевым, датируемой не ранее 31 августа 1968 г., говорится о предложении изменить наименование правительства – Совета Министров СССР. «...Правительство – Совет Народных Комиссаров, а член Правительства – народный комиссар. ...Наименование Правительства Советом Народных Комиссаров подчёркивало бы его историческую преемственность с первым Советским правительством во главе с В.И. Лениным»[19]. Как известно, в итоге к старому обозначению Правительства возвращаться не стали.

Интересно замечание сотрудников аппарата Президиума ВС СССР, которое было направлено на критическое осмысление идей В.И. Ленина. Сохранилась записка (без подписи) июля 1975 года, в которой ставится под вопрос существование статьи 6 проекта Конституции о руководящей роли партии в государстве и обществе: «...забываются ленинские принципиальные указания о том, что авторитет партии опирается не на принуждение, а на убеждение»[20]. Однако, как известно, статья 6 была сохранена.

Рис. 1. Герб Носредина Кулиева, 1965 г.

Рис. 2. Герб Владимира Павловского, 1970 г.

Интересным образом отразилась личность Владимира Ленина как человека, символизирующего Советский Союз, его непростую историю, в письмах граждан, поступавших в Конституционную комиссию, то есть в Президиум

---

[18] Конституция СССР (проект). Осень 1964 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Лл. 127–129.

[19] Некоторые вопросы, связанные с подготовкой проекта новой Конституции СССР. Не ранее 31 августа 1968 г. // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 296. Л. 32.

[20] К вопросу о подготовке нового текста Конституции. Июль 1975 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 57.

ВС СССР. В изображение действующего союзного герба они вклеивали вырезанное из газеты или журнала изображение лица В.И. Ленина. Например, Носредин Кулиев в письме от 24 февраля 1965 г. указывал, присылая изображение нового герба СССР: «Поэт В.В. Маяковский писал: «Мы говорим – Ленин, подразумеваем – партия, Мы говорим – партия, подразумеваем – Ленин». Теперь можно сказать: Будем говорить – Ленин, подразумеваем – СССР, Мы будем говорить – СССР, подразумевать будем – Ленин»[21]. Владимир Павловский в письме от 4 апреля 1970 г. в связи со 100-летием со дня рождения вождя просит: «в верхней части герба, где находилась звезда, поместить бюст В.И. Ленина как создателя первого в мире многонационального государства рабочих и крестьян»[22]. Анатолий Будков в письме июля 1973 г. так обосновал своё предложение поместить в центр герба портрет В.И. Ленина: «Я думаю он этого достоин и в этом я думаю согласится весь Советский народ»[23]. Однако создателям Конституции, по всей видимости, существующее изображение Государственного герба СССР показалось настолько гармоничным во всех пропорциях, что его не стали изменять.

Рис. 3. Герб Анатолия Будкова,1973 г.

7 октября 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в заключительном слове на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР IX созыва после того, как Конституция была официально принята, сказал следующее. «Пройдут годы, десятилетия, но этот октябрьский день навсегда останется в памяти народной как яркое свидетельство подлинного торжества ленинских принципов народовластия»[24]. Увы, построенная на ленинских идеях Конституция не просуществовала и полутора десятка лет. Конечно, архивные документы свидетельствуют о том, что были попытки критически осмыслить идейное наследие вождя пролетариата, а не слепо повторять красивые и

[21] Письмо Н. Кулиева. 24 февраля 1965 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 348. Л. 232.

[22] Письмо В. Павловского. 4 апреля 1970 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 361. Л. 198.

[23] Письмо А. Будкова. Июль 1973 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 364. Л. 5.

[24] *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978. С. 543.

заученные цитаты классика, но эти попытки ничем не кончились. Безусловно и то, что в отказе от ряда новаций сыграли свою роль консервативные настроения в высшем партийном руководстве страны.

В то же время нельзя счесть Конституцию 1977 года реакционным документом, поскольку ленинские принципы народовластия, о которых сказал генсек, действительно были закреплены в положениях Конституции о Верховном Совете СССР (например, возможность вынесения закона на референдум при разногласиях его палат в процессе принятия закона), отчасти – в положениях о местных Советах и народных депутатах. Как знать, возможно, «перестройка» второй половины 1980-х гг. с её серьёзными и неоднозначными изменениями Конституции разрушила план постепенного демократического развития, намечавшийся в последней Советской Конституции в свете мыслей вождя Октябрьской революции Владимира Ленина.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ

Сулоев Иван Николаевич к.и.н.
(Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

В 1906–1907 гг. прошли выборы в I и II Государственные думы, в которых приняло участие крестьянство, стремившееся решить аграрный вопрос.

В отечественной историографии деятельность депутатов-крестьян Верхнего Поволжья в I и II Государственных думах не достаточно изучена[1]. В данной статье на основе различных источников ставится задача исследования социально-политических предпочтений крестьянских депутатов Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний в I и II Государственных думах.

От Владимирской губернии в I Государственную думу прошло два народных избранника – крестьянина: Ф.Г. Баринов и В.Ф. Лебедев. Оба депутата были беспартийными. Во время деятельности Думы В.Ф. Лебедев примкнул к трудовикам[2]. Ф.Г. Баринов не примкнул ни к одной фракции. 8 июня 1906 г. В.Ф. Лебедев подписал законопроект о немедленной национализации всех природных богатств и отмене частной собственности на землю, разработанный эсерами[3]. Одновременно депутат поставил свою подпись в законопроекте 151 члена Думы «О гражданском равенстве», предложенном кадетами[4]. Таким образом, В.Ф. Лебедев в парламенте поддержал идеи трёх фракций, в совокупности отражавших его взгляды в целом.

От Костромской губернии в парламент прошло два крестьянина – беспартийный П.Д. Горохов и кадет И.В. Замыслов. От Ярославской губернии был делегирован А.М. Костров. В ходе работы парламента в Трудовую группу вошел беспартийный П.Д. Горохов и член КДП И.В. Замыслов[5]. Следова-

---

[1] *Кияшко О.Л.* Трудовая группа в Государственной думе в 1906–1917 гг. Дисс...канд. истор. наук. Волгоград, 1999, *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

[2] *Колесниченко Д.А.* Состав Трудовой группы I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988. С. 30.

[3] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 74.

[4] Там же.

[5] *Колесниченко Д.А.* Состав Трудовой группы I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988. С. 18, 62.

тельно, Трудовая группа больше воспринималась народными избранниками как социально-профессиональное объединение. В тоже время А.М. Костров примкнул к кадетам[6], что обусловлено его социально-политическими предпочтениями. Во время работы Думы П.Д. Горохов не подписывал законопроекты. Ярославский депутат-крестьянин А.М. Костров поддержал кадетов и подписал семь запросов, а также законопроект 151 члена Думы[7]. Костров принимал участие в обсуждении аграрного вопроса. Костромской депутат И.В. Замыслов подписал 15 заявлений и кадетский вариант решения земельного вопроса[8]. 18 мая 1906 г. Замыслов поставил свою подпись под заявлением 151 члена Думы, что вполне соответствовало тактике кадетов[9]. Следовательно, взгляды И.В. Замыслова и А.М. Кострова были ближе к кадетам, чем трудовикам.

От Тверской губернии в Государственную думу было избрано четыре депутата-крестьянина: трое кадетов и один беспартийный – И.Н. Субботин, который в парламенте вошёл в состав Трудовой группы[10]. Во время деятельности Думы депутаты-крестьяне, присоединившиеся к кадетам: В.Е. Карандашёв, А.С. Медведев, Н.И. Ромашёв – поддержали законопроект 151-го члена[11]. Наряду с этим, А.С. Медведев подписал законопроект кадетов 42-х членов Государственной думы по аграрному вопросу[12]. Депутат И.Н. Субботин придерживался линии трудовиков и 24 мая 1906 г. согласился с заявлением об образовании местных аграрных комитетов[13]. Таким образом, большинство депутатов-крестьян Тверской губернии являлись сторонниками кадетов. Следовательно, в период деятельности первого парламента социально-политические взгляды сельских избранников были ближе к кадетам.

После роспуска Государственной думы 9 июля 1906 г. народные избранники подписали Выборгское воззвание. Из девяти депутатов-крестьян Верхнего Поволжья его одобрило шесть[14], из них: три кадета, один кадет-трудовик и два трудовика. Следовательно, леворадикальные идеи Выборгского воззвания совпадали со взглядами депутатов-крестьян кадетов и трудовиков. Не подписало воззвание три депутата, которые возможно побоялись уголовного преследования.

---

[6] Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия. М., 2006. Т. 1. С. 307.

[7] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 67.

[8] Там же. С. 57.

[9] Там же.

[10] Государственная дума первого созыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. С. 84.

[11] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 61, 82.

[12] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 82.

[13] Там же. С. 117.

[14] Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

В период выборов и деятельности II Государственной думы социально-политические предпочтения депутатов-крестьян меняются. От Владимирской губернии прошло в парламент два депутата-крестьянина: Ф.П. Герасимов и Г.И. Ситников, которые входили в Трудовую группу и фракцию Всероссийского Крестьянского союза (ВКС)[15]. Поддержали во втором парламенте кадетов костромские крестьяне-депутаты Н.Е. Антонов и Ф.И. Галунов [16]. Народные избранники от обеих губерний в Государственной думе с трибуны не выступали, наказы и законопроекты не подписывали. Аналогичным образом повели себя крестьянские депутаты-кадеты Ярославской губернии В.Е. Ваулин и И.Г. Лавров. Вместе с тем, В.Е. Ваулин один раз с трибуны выступил[17]. Пассивно проявили себя и депутаты-крестьяне Тверской губернии. И.Я. Быков и В.И. Толмачевский состояли в Трудовой группе и ВКС. В тоже время Толмачевский в ходе работы парламента примкнул к эсерам[18]. В партию социалистов-революционеров вступил также А.Ф. Кузнецов. 1 июня 1907 г. Кузнецов огласил «заявление о сочувствии своём и 4-х своих товарищей теоретическим и тактическим взглядам социал-демократической фракции, по поводу привлечения к уголовной ответственности 55-ти её членов»[19].

Таким образом, в 1906–1907 гг. социально-политические предпочтения и тактика в парламенте крестьянских депутатов Верхнего Поволжья под воздействием революции изменяется. Для большей части сельских депутатов в 1906–1907 гг. характерна эволюция тактики в Думе от активной к пассивной борьбе, что соответствовало тактике кадетов «сбережения Думы». В политическом отношении в 1906–1907 гг. взгляды сельских депутатов Костромской и Ярославской губерний становятся ближе к кадетам, а Владимирской и Тверской происходит постепенно переход от поддержки кадетов в первой Думе к сближению с эсерами во второй.

---

[15] Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия. М., 2006. Т. 1. С. 33, 127.

[16] Там же. С. 28, 34.

[17] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907). СПб., 1907. С. 64.

[18] Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия. М., 2006. Т. 1. С. 75, 615.

[19] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907). СПб., 1907. С. 95.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИРИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Султангужина Гульфия Юнировна, к.и.н.
(Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук)

Революция 1917 г. предоставила женщинам равные права с мужчинами во всех сферах общественной жизни. После победы революции перед новой властью встала задача привлечения женского населения на свою сторону. Началось активное вовлечение их в строительство новой жизни.

Гражданская война и голод нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству Башкирии. Посевные площади сельскохозяйственных культур в 1920 г., по сравнению с довоенным периодом, уменьшились на 61%, резко снизилась урожайность, поголовье скота сократилось на 55%[1]. Восстановление пришедшего в упадок сельского хозяйства требовало больших усилий. На решение этой важной задачи, на развитие кооперации в деревне государственные и партийные органы направляли свою деятельность.

В эти годы в аграрном секторе значительное внимание уделялось охвату женского населения кооперацией, так как считалось одним из средств их вовлечения в социалистическое строительство. В республике вопросы кооперативного строительства неоднократно поднимались на областных партийных конференциях, пленумах обкома партии. Так, V Башкирская конференция РКП(б) (1922 г.), принимая во внимание, что «кооперация должна сыграть видную роль в деле реконструкции сельского хозяйства, признала, необходимым обратить сугубое внимание партийных организаций на активное их участие в работе всех видов кооперации». Перед советскими органами была поставлена задача содействовать развитию кооперации, особенно сельскохозяйственной и кустарно-промысловой, что имело для Башкирии, находящейся в условиях голода, разрухи, важное значение. Уделялось особое внимание необходимости широкого привлечения женщин в сельскохозяйственную кооперацию[2].

Кооперативная деятельность способствовала раскрепощению женщин, росту их культурного уровня. В тезисах ЦК РКП(б) по докладу «Кооперация и задачи женотделов», адресованных местным организациям, указывалось,

[1] Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: Исторические очерки. Уфа, 2009. С. 86.

[2] Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917–1940). Уфа, 1959. С. 147–148.

что «через посредство кооперации, женщины сумеют быстрее использовать свои гражданские права, данные революцией 1917 г. В кооперации женщина облегчит свой труд путем применения различного рода сельскохозяйственных машин и поднимет свой культурный уровень»[3].

В этот период в сельской местности значительное внимание уделялось развитию садоводческих и огороднических кооперативов, участию в их деятельности женщин. В этих целях для них создавались курсы и кружки, где читались лекции по вопросам развития этой кооперации. Особое внимание обращалось на организацию учебно-показательных огородов. Так, на создание показательных участков и сельскохозяйственных курсов для женщин из бюджета Башкирии выделялись немалые средства. Эти и другие мероприятия позволили увеличить посевы овощных культур. Одно из лучших хозяйств было организовано в деревне Сатлыково Аргаяшского кантона[4].

Проблемой вовлечения женского населения в огородные артели также занимались женотделы. В частности, в Белебеевском кантоне в 1923 г. благодаря женотделу была организована огородная артель для крестьянок, где трудились 7 русских, 24 татарок и башкирок, 2 чувашек[5]. За период с июня 1922 г. по июнь 1923 г. при участии женотдела Башобкома РКП(б) были организованы 14 женских огородных артелей, в том числе 10 для башкирок[6]. Однако развитию огородничества препятствовали нехватка качественных семян, отсутствие опыта у некоторых женщин, особенно у башкирок по ведению садоводства и огородничества.

В эти годы традиционными для Башкирии были молочно-маслодельные артели. На 1 октября 1926 г. по линии Башмаслосоюза было кооперировано 2,9% женщин, через год – 6,5%, а к апрелю 1928 г. – 8,2%, из них доля башкирок и татарок составляла 41,6%[7]. Доля женщин по национальному признаку в молочной кооперации на 1 октября 1927 г. была следующей: башкирок – 31,6%, русских – 31,5%, латышек – 22,3%, татарок – 10%, немок – 2,9%, эстонок – 1,7%. К сентябрю 1929 г. в молочной кооперации было занято 10% общей численности женщин, где значительная часть приходилась на нерусских женщин[8].

В эти годы активно создавались животноводческие и птицеводческие кооперации. С целью вовлечения женщин в сельскохозяйственную кооперацию в 1925 г. по данным Башсельскосоюза были созданы 8 артелей по птицеводству. На 1 января 1926 г. они объединили 886 хозяйств, из которых 14 возглавляли женщины. К примеру, в Топорнинском районе возникло товарищество «Хатынлар алга!», где трудились 49 башкирок[9]. На 1 сентября 1929 г. по линии

---

[3] НА РБ. Ф.П. 122. Оп. 2. Д. 110. Л. 32–34.

[4] Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 85, 95.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 352. Л. 28 об.

[6] НА РБ. Ф. 122. П. Оп. 2. Д. 153. Л. 30 об.

[7] НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 605. Л. 230.

[8] НА РБ. Ф.П. 122. Оп. 7. Д. 127. Л. 86 об; Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сб. документов и материалов. Уфа, 2008. С. 170.

[9] 10 лет работы партии среди женщин Башкирии. Уфа, 1927. С. 39–40.

животноводства было кооперировано 10,4% женщин от общей их численности[10].

В республике был организован целый ряд женских артелей в сфере кустарно-промыслового производства. На июнь 1928 г. в 36 кооперативах было объединено 176 женщин-кустарей, что составляло 7,7% от общего числа кооперированных кустарей. Создавались артели по производству ковров, ювелирно-художественных изделий, сукна и др. Так, в 1928 г. в Зилаирском кантоне существовало 6 пуховязальных артелей с числом членов 507 человек[11]. Однако в кустарно-промысловой кооперации Башкирии применение женского труда не получило широкого распространения.

Значительную роль в кооперировании крестьянок сыграла комиссия по улучшению труда и быта тружениц при БЦИК (КУТБ), которая была организована в Башкирии в ноябре 1926 г. Деятельность КУТБ Башкирии по организации сети женских артелей по птицеводству, огородничеству, маслоделию была высоко оценена Центральной комиссией по улучшению труда и быта женщин. В сентябре 1928 г. она специально заслушала вопрос о работе комиссии в Башкирии и отметила, что КУТБ «работает развернутым фронтом, получила известное признание и завоевала себе определенное место в бюджетном отношении»[12].

Проводимая работа партийными и государственными органами в области кооперации постепенно способствовала росту числа женщин в кооперации. Так, с 1927 по 1933 г. число женщин, объединенных в артели, выросло с 5517 до 52 745, а нерусских национальностей – с 3475 до 37 105[13].

Таким образом, в период революции 1917 г. и в послереволюционное десятилетие положение женщин в обществе претерпело существенные перемены. В этот период наблюдалось значительное их вовлечение в общественное производство, активное применение женского труда[14]. Государственными и кооперативными органами проводилась целенаправленная работа по вовлечению женщин в кооперацию. Участие женщин в кооперативном движении в деревне имело важное значение в деле их социально-экономического раскрепощения. Вовлекаясь в кооперацию, женщины, в их числе нерусских национальностей, приобщались к общественному труду, приобретали навыки хозяйственного управления, получали профессию и повышали квалификацию. Происходившие в сельском хозяйстве процессы изменили привычный уклад жизни женского населения. Отныне женщины вынуждены были совмещать производственную и общественную деятельность с семейными функциями.

---

[10] Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сб. документов и материалов. Уфа, 2008. С. 169–170.

[11] НА РБ. Ф.П. 122. Оп. 7. Д. 126. Л. 115.

[12] *Сулейманова Р.Н.* Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа, 2014. С. 157.

[13] НА РБ. Ф. П. 122. Оп. 7. Д. 127. Л. 165.

[14] *Сулейманова Р.Н.* Женский вопрос в России в 1917 году: региональный опыт. Уфа, 2008. С. 130.

ПЕРВАЯ ГАЗЕТА ТУРКЕСТАНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тальская Ольга Дмитриевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В конце 1888 года в Ташкенте была основана типография С.А. Порцева, просуществовавшая до национализации всех полиграфических предприятий Туркестана (март 1918 г.). Первыми печатными изданиями были книги, написанные русскими учеными, исследовавшими Туркестанский край, его природные условия, экономику, культуру и быт населения. В 1868 году ташкентской типографией была напечатана первая книга – работа известного русского ученого Н.А. Северцева, но первым периодическим изданием Средней Азии считается газета «Туркестанские ведомости».

Именно после присоединения, вскоре после образования Туркестанского генерал-губернаторства как орган последнего 28 апреля (10 мая) 1870 г. вышел первый номер первой в Средней Азии газеты «Туркестанские ведомости». Этот день считается днем рождения периодической печати в Средней Азии. Отпечатана она была в ташкентской типографии, основанной еще в 1868 году при военно-окружном штабе. Газета «Туркестанские ведомости» значительно отличалась от издававшихся в то время губернских и областных ведомостей. В то время как в России редакцией местных газет занимались исключительно столоначальники газетного дела областного правления, в Туркестане газета редактировалась военными, состоявшими в распоряжении генерал-губернатора. Фактически же в первые пять лет существования газеты редактором ее был сам генерал-губернатор Кауфман.

Первым официальным редактором газеты был офицер пехоты Н.А. Маев, являвшейся авторов многих работ по географии и этнографии среднеазиатского региона. Он был редактором с 1870 по 1892 годы. Затем его сменил А.П. Романович, позже С.А. Геппенер, а с 1901 по 1907 редактором «Туркестанских ведомостей» являлся Н.Г. Малицкий[1].

Сначала газета выходила нерегулярно. Так, например, в течение 1870 года было выпущено лишь 17 номеров. С 1871 года газета начала выходить регулярно – один раз в неделю, а с декабря 1903 года – три раза в месяц, с марта 1907 года – четыре раза в месяц, наконец, с июля 1907 года она начала выпускаться ежедневно.

Газета служила в основном целям царской администрации, знакомила читателей с официальными правительственными новостями. Статьи ее при-

[1] *Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И.* История печати Туркестана (1870–1925 гг.). Ташкент, 1976. С. 14.

званы были укреплять авторитет имперского правительства и проводимой царской политики в Туркестане. Печатное слово в это время нужно было, в первую очередь, для распространения среди местного населения идеи покорности царской власти, местным чиновникам, для нивелирования социальных противоречий, возникавших на почве сословного, религиозного, межэтнического и культурного расслоения, а также для русификации местного населения. Нужно оно было и для распространения грамоты и просвещения, нужда в которых диктовалась политическим и экономическим развитием края. На страницах печатались материалы, посвященные экономической, социальной, политической и культурной жизни Туркестана и Средней Азии в целом.

Вначале «Туркестанские ведомости» имели малое число подписчиков. Первые номера газеты печатались тиражом 1000 экземпляров. Осенью 1901 года тираж газеты достигал уже 2500 экземпляров.

Внимание читателей привлекало обилие статей о состоянии и мерах по развитию хлопководства, рекомендации по улучшению сортов хлопчатника, распространению американских сортов, по мерам поощрения тех, кто засевает американский хлопчатник вместо местных сортов, так как он лучше по многим качественным показателям. Таким образом, тут прослеживалась позиция России в стремлении превратить край в источник сырья для промышленности империи, уйти от американской зависимости в хлопке. В газете также много материалов и по другим отраслям хозяйства. Примечательно, что большое внимание уделялось развитию отдельных перспективных отраслей ремесленной промышленности. В газете сотрудничали известные востоковеды, такие как В.В. Бартольд, А.Г. Гребенкин, Н.П. Остроумов, А.П. Федченко, В.Ф. Ошанин и др.[2]

Печатались, особенно в годы революционного подъема, материалы, критикующие представителей торговых фирм, ростовщиков, отдельные порядки на хлопкоочистительных и других промышленных предприятиях. На страницах «Туркестанских ведомостей» появлялась информация о недовольствах и волнениях населения, что тоже могло говорить о характере волнений, точнее об организаторах – революционную ли среду они представляли, или это была стихийная стачка на фоне ухудшающегося материального положения.

«Туркестанские ведомости» издавались исключительно на русском языке и были ориентированы на русское население, проживающее в Туркестанском крае. Газета знакомила читателей с правительственными новостями, описывался быт и обычаи местного населения, что помогало ориентироваться в среде туземцев, а также отражало и в некой степени формировало отношение русских к среднеазиатским народностям. Газета состояла из двух больших блоков: официальная часть и неофициальная. В «официальном отделе» печатались приказы по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, распоряжения Министерства внутренних дел империи, а также объявления областных правлений. В неофициальной части печатались путевые заметки, публиковались материалы, характеризующие социальную, экономическую, политическую сферы жизни Средней Азии, объявления (в основном, о продаже домов, открытии училищ и торговых домов). В ру-

[2] Подробнее см.: *Бабаханов М.* Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987. С. 32.

брике «Торговое обозрение» давалось подробные сведения о торговле – что, кем, на какую сумму и в какие города вывезено из Туркестанского края. Эти сведения публиковались ежемесячно. Примечательно то, что в рубрике «Заметки о соседних странах» освещалось, по большей части, положение дел в Британской Индии, проведение англичанами геодезических и иных работ в Средней Азии. Это говорит о заинтересованности туркестанской администрации действиями британских властей и, следовательно, о формировании мнений у жителей Центральной Азии по вопросу «английской угрозы» в регионе.

«Туркестанские ведомости» имели своих корреспондентов в Петербурге, Москве, Владивостоке и других городах Российской империи. Систематически освещались вопросы промышленности и торговли. В первом номере 1872 года было опубликовано обращение «Общества содействия русской промышленности и торговли» об открытии в Ташкенте отделения «Общества»[3]. Газета из номера в номер публиковала торговое обозрение. В газете освещалась также культурная жизнь края.

О значительной роли «Туркестанских ведомостей» говорил академик В.В. Бартольд: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время, – писал он, – вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественно-историческом и статистическом отношениях, но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого. Значительное количество статей по изучению края было помещено в официальной газете «Туркестанские ведомости»[4].

На страницах газеты печатался фактический материал по развитию общественной мысли и культуры. Авторами этих статей были в основном русские ученые и востоковеды, изучавшие Среднюю Азию. Можно найти также и статьи авторов местных национальностей. Среди них нужно отметить Саттархана Абдул Гафарова, в частности его краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства накануне его присоединения к России.

В коротких сообщениях, помещенных в разделе «Известия и заметки», имелись ценные сведения об истории материальной культуры народов Средней Азии. В них рассказывалось, к примеру, об археологических находках, открытиях исторических памятников. Очень много материалов было напечатано по литературе и фольклору народов края.

По классификации А. Эткинда политику России в Средней Азии можно было бы считать не колониальной из-за отсутствия одного из ключевых элементов – культурной экспансии. В местных периодических изданиях на сартском, узбекском и других языках нельзя встретить агитационные религиозные материалы.

Конец XIX века был периодом жестоких столкновений в связи с классовыми, религиозными, этническими, экономическими противоречиями внутри населения. Так, например, в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях с 1887 по 1897 год отмечено 668 дехканских выступлений. «Ведомости» обходили эти факты народных волнений. Страницы газеты были за-

---

[3] Туркестанские ведомости. 1872. № 1.

[4] *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911. С. 228.

полнены в этот период материалами преимущественно религиозного содержания, а также всеми теми рубриками, о которых говорилось выше.

Последний номер «ведомостей» вышел в середине декабря 1917 года. Тираж колебался от одной тысячи до трех. Всего было выпущено 640 номеров. «Ведомости» просуществовали 48 лет[5].

Таким образом, первая печатная газета «Туркестанские ведомости» как орган Туркестанского генерал-губернаторства по понятным и объективным причинам выражала мнение властной элиты, поэтому и события «освободительной» борьбы народных масс не нашли своего отражения на ее страницах.

[5] *Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И.* История печати Туркестана (1870–1925 гг.). Ташкент, 1976. С. 14.

«БОРЦЫ ОКТЯБРЯ, ЖИЗНЬ СВОЮ ОТДАВШИЕ ДЕЛУ РЕВОЛЮЦИИ...» ОБРАЗ ГЕРОЕВ РЕВОЛЮЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» В 1920-е ГОДЫ

Танцевова Анастасия Владимировна
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Революция 1917 года стала не только знаковым событием в истории России, но и отправной точкой формирования новой исторической памяти. Формирование образа Великого Октября, мифов, идеологем об Октябре началось сразу же после победы большевиков. Творцами нового советского исторического нарратива выступали вчерашние революционеры. Как, справедливо отметил В.П. Булдаков, люди «победившей революции» стали ее «первыми мифотворцами»[1]. Это особенно наглядно видно через периодическую печать первого десятилетия советской власти. Через образы, транслируемые на страницах прессы, формировались новые ценностные ориентиры в условиях складывания официальной идеологии советского государства в 1920-е гг.

Массовый общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек» с момента своего воссоздания в апреле 1923 г. был включен в процесс советского мифотворчества событий 1917 года. Уже в первых номерах журнала появляется рубрика, которую условно можно назвать «Из революционного прошлого». В ней рассказывалось об истории революции, ее участниках, о событиях Гражданской войны, печатались рассказы, очерки, воспоминания и выдержки из мемуаров участников октябрьских событий, в которых представлялся притягательный образ героев революции. Для власти большевиков было важным, чтобы образ Октября остался в общественном сознании как событие, доказывающее легитимность их власти, т.к. большевики и герои революции были новыми лицами на арене политической борьбы.

Воспоминания участников революционных событий позволяли не только красочно и эмоционально воссоздавать героическое прошлое, ведя рассказ от первого лица, но и репрезентовать образ народной, справедливой, а главное – легитимной власти большевиков, получившей ее по воле самого народа. Героем революции представлялся каждый, кто сражался и поддерживал власть большевиков в 1917 году, от простого рабочего и крестьянина до военачальника и партийного лидера.

---

[1] *Булдаков В.П.* Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.). М., 2012. С. 60.

Так, об отношении к советской власти, поддержке большевиков накануне революции повествует рассказ А. Аросева «Перед революцией среди юнкеров»[2]. Автор пишет о близости взглядов с большевиками и о готовности идти за ними воспитанников юнкерского училища: «...Большевики хотят, чтобы правительство было рабочее и крестьянское, так как и вся наша страна есть трудовая... Да здравствует власть Советов, наших Советов!»[3]. В очерке «Как мы брали Зимний», написанном в форме воспоминаний рабочих, участвующих в знаменитом штурме дворца в октябре 1917 года, описывается не только сам штурм, но и содержатся оценки исторического события. В простой и красочной форме рассказывает о штурме Зимнего, как о справедливой борьбе, сын рабочего Духвинский, сам работавший в подполье партии РСДРП: «Я со своей группой тоже побежал к дворцу, но уже около главных ворот с винтовками наперевес бежали красногвардейцы и матросы... Некоторые матросы начали рассматривать, находящиеся в помещении предметы, другие кричали: “Ничего не трогать и не забирать!”. Один матрос не вытерпел и саданул в портрет какого-то императора и разорвал его»[4]. О готовности идти до конца и об общем эмоциональном подъеме вспоминал товарищ Болбека: «Я отдавал себе полный отчет, зачем я шел в рядах с другими тысячами боевиков победить или умереть (“теперь или никогда”)»[5].

О том, что большевики уже в день взятия власти начали преобразования во имя народа, пишет в своих воспоминаниях «В часы Октября» большевик, один из руководителей штурма Зимнего дворца Н.И. Подвойский: «И в ночь на 25 октября из под пера т. Ленина выливается декрет о мире и о земле трудящихся»[6]. Статья Г.Н. Геронского «Люди революции – Ракосовский» представляет образ нового героя, который подавляет контрреволюционные восстания и защищает интересы рабочих и крестьян[7]. С помощью таких материалов, отражающих единство большевиков, крестьян, рабочих и солдат, борющихся за общее дело в октябре 1917 года, образ революции становился народным, справедливым, а главное – легитимным, что было крайне важным для большевиков в период политической неустойчивости власти. Важность данных образов, формирующихся в дискурсе советской власти, отмечают и современные исследователи: «Власть, конструируя память, формирует нужные ей установки и актуализирует те события и персонажи из прошлого, которые выстраиваются в соответствии с логикой советского исторического мифа»[8].

---

[2] Перед революцией среди юнкеров // Огонек. 1927. № 45. С. 12.

[3] Там же.

[4] Как мы брали Зимний // Огонек. 1927. № 45. С. 5.

[5] Как мы брали Зимний // Огонек. 1927. № 45. С. 5.

[6] *Подвойский Н.И.* В часы Октября // Огонек. 1925. № 46. С. 1.

[7] *Геронский Г.* Люди революции – Ракосовский // Огонек. 1923. № 32. С. 11.

[8] *Кутдусова В.А.* Первая мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 66. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-mirovaya-voyna-v-sovetskom-pechatnom-diskurse-1920-1940-h-gg (Дата обращения: 10.04.2016).

Новые герои служили символами нового государства и новой эпохи. Образы героев революции рисовались в массовом сознании как наиболее притягательные, те, на которые необходимо было равняться. Особенно канонизировался образ вождя революции В.И. Ленина. В год десятилетия революции в «Огоньке» был опубликован фотоколлаж, занимающий целый разворот, под названием «Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции – их нет с нами! Нарождающийся коммунистический мир веками будет чтить их имена»[9]. На фотографиях изображены революционеры: В. Володарский, М. Урицкий, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский, и др. Центральное место в этой композиции занимала фотография В.И. Ленина, что свидетельствовало об усилении культа вождя.

В «Огоньке» часто публиковались воспоминания ближайшего соратника Ленина, старого большевика В.Д. Бонч-Бруевича. Его очерк-воспоминание «Гудки петроградского пролетариата», опубликованный в журнале «Огонек» в 1927 году, освещает обстановку сложившуюся в стране к февралю 1918 года, борьбу пролетариата с иностранной интервенцией и контрреволюцией: «На зов нашей партии, на приказы исполнительных органов действующей диктатуры пролетариата – поднялся, весь, как один, рабочий класс... и мы ответим твердо, спокойно и ясно: – Всегда готовы!»[10] В таких очерках-воспоминаниях читается не только идея народной борьбы с контрреволюцией, но и возможность ее продолжения, если этого потребуют обстоятельства. Таким образом, революция не осталась в прошлом, как героический сюжет начала советской истории, а стала процессом строительства нового пролетарского государства. Нужно отметить, что очерки, воспоминания, посвященные революционной борьбе, всегда содержали призывы-лозунги, пропитанные духом коллективизма, единства народа и власти, побуждающие к действию: «Мы добьемся!», «Мы готовы!» и т.д. Создаваемые образы героев революции выступали ориентирами для поведения членов советского общества, а пролетарская революция положила начало новому пути – пути строительства социализма. Материалы, посвящённые революции и ее героям, обладали довольно значительным психологическим и эмоциональным воздействием, являлись важной частью дискурса советской власти, что было необходимым условием упрочнения советской политической системы и формирования советской идентичности.

---

[9] Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции // Огонек. 1927. № 44. С. 10–11.

[10] *Бонч-Бруевич В.* «Гудки петроградского пролетариата» // Огонек. 1927. № 8. С. 5–6.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 ГОДА

Тарасов Станислав Витальевич
(Тверской государственный университет)

История советско-японской войны в настоящее время заслуживает дальнейшего изучения. Для этого необходимо обратиться к такому важному виду исторических источников как протоколы допросов военнопленных Квантунской армии. Всего автором исследовано 39 протоколов допросов японских и маньчжурских военных, принадлежащих в большинстве своём к пехоте и возрастом, в основном, от 19 до 40 лет.

Как известно, во время конфликта в плен было захвачено более 640 тысяч японских военнослужащих[1], в основном сложивших оружие на основании императорского указа о капитуляции, а не по своей воле, вследствие чего военнопленными они себя не считали. Сохранилось немало протоколов их допросов, которые были произведены разведотделами частей Красной Армии как непосредственно в период конфликта, так и по его завершению. Необходимо отметить, что данный вид исторических источников является особенно важным для понимания внешних аспектов процессов, происходивших в сознании японских военнослужащих в период конфликта. Также существенно и то, что данные документы есть основной архивный источник по истории повседневности, так как абсолютное большинство источников личного происхождения, принадлежавших военнослужащим Квантунской армии в период советско-японской войны, было утеряно при самых различных обстоятельствах. Целью доклада является понять информационные возможности протоколов допросов японских военных как исторического источника по истории повседневности.

Информационные возможности данных источников велики. В них японские военнослужащие рассказывают обо всех деталях своей повседневности, причём как материальных её аспектов, так и нематериальных, таких как этнопсихологические, мировоззренческие и т.д.

Относительно первых в данных документах описываются основные виды оборонительных и наступательных вооружений Квантунской армии, их характеристики. Особенно широкое освещение в показаниях военнопленных получает боевая техника, в первую очередь танки, из чего вытекает то, что основными боевыми машинами оставались легкий танк Тип 95 «Ха-Го», вооружённый 37-мм противотанковым орудием, и средний Тип 97 «Чи-Ха» первых моделей с короткоствольной 57-мм гаубицей. Обе машины выпускались по

[1] *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 538.

стандартам 30-х годов и предназначались для сражения исключительно с вражеской пехотой, о чём свидетельствует малый калибр их пушек и слабая броня, не превышавшая 30 мм. Это подтверждает также и примитивная организация танковых частей Квантунской армии, описываемая капитулировавшими военнослужащими[2]. Данное устройство было рассчитано исключительно на поддержку пехоты, как и во времена Первой Мировой войны, а также можно констатировать полное моральное устаревание японских боевых машин и абсолютную их неэффективность против современной военной техники Красной Армии.

Стрелкового оружия в пехотных частях, согласно показаниям пленных, зачастую не хватало, и многие солдаты вооружались только штыками и другими видами холодного оружия[3]. Также большое внимание военнопленные в своих показаниях уделяют химическому оружию и средствам индивидуальной защиты от него[4], что доказывает то, что Квантунская армия не придерживалась запретов Женевской конвенции относительно методов ведения войны, в частности и во время маньчжурского наступления советских войск.

Отдельно описаны типы укрепрайонов и узлов сопротивления, их особенности, процедуры строительства, а также данные относительно того, какие именно категории военнослужащих и в какой период данный процесс в каждом конкретном случае осуществляли. Из текстов следует, что в основном для строительства укрепрайонов использовали японских солдат, однако для выполнения незначительных работ ограниченно привлекалось и местное китайское население, но далеко не на всех участках фронта[5]. Узлы сопротивления, расположенные между укрепрайонами, зачастую не имели в своём составе долговременных оборонительных сооружений, ограничиваясь дерево-земляными защитными конструкциями и связывающими их сетями окопов.

Также в протоколах допросов самым подробнейшим образом описывается распорядок дня японского военнослужащего, рацион питания, бывший, что примечательно, абсолютно одинаковым для солдат и офицеров[6], виды взысканий и порядок их наложения. Основным методом наказания являлось заключение на гауптвахте за малейшие неточности в исполнении приказов, так как более крупные проступки в силу этнопсихологически обусловленной очень высокой дисциплинированности частей японской императорской армии в целом, и Квантунской в частности, встречались не слишком часто, и в основном носили мелкий бытовой характер.

Что касается нематериальных аспектов повседневности, то военнопленные, в первую очередь, рассказывают о своей реакции на советское наступление, ставшее для них полной неожиданностью и смешавшее в одночасье все планы высшего командования относительно ведения оборонительной войны

---

[2] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 304. Оп. 110127с. Д. 1. Л. 294–296.

[3] ЦАМО. Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 177.

[4] ЦАМО. Ф. 304. Оп. 110127с. Д. 1. Л. 34–38.

[5] ЦАМО. Ф. 304. Оп. 110127с. Д. 1. Л. 389.

[6] Там же. Л. 52.

против сил Союзников, а также представления о противнике[7]. Даётся боевая оценка Красной Армии, которую японцы оценивают как очень хорошо подготовленную в техническом плане, однако очень сильно уступающую японской по боевым качествам пехоты, таким как стрельба, гранатометание и рукопашный бой[8].

Речь также идёт и об этнопсихологических моментах и идеологической обработке в частях. Так, пленные заявляют, что Япония в войне будет раздавлена, но они будут продолжать сражаться против русских так, как этого требует японский дух[9]. Принимая во внимание национальные особенности менталитета, это были не пустые заявления, и военнослужащие действительно собирались действовать в строгом соответствии с ними.

Что касается непосредственно идеологии, то из показаний одного из военнопленных становится ясно, что в частях проводились регулярные воспитательно-идеологические беседы, а политинформация проводилась дежурным офицером на вечерней поверке. Пересказывается также и содержание писем, приходивших военнослужащим из дома. Они были крайне скудного содержания и доходили до адресатов в виде нескольких строчек, содержащих самые общие сведения в краткой форме, так как даже намёки на несоответствующие милитаристской идеологии мысли и реальное бедственное положение дел в Японии нещадно вычёркивались жесточайшей цензурой[10]. Имелась в подразделениях, как указано в протоколах допросов, также и наглядная агитация – картины и лозунги. Из периодической печати – газеты и журналы, которые использовались офицерами в целях обработки солдат. Немаловажными являются и религиозные аспекты, относительно которых пленные показывают, что богослужение организованно не проводилось, служителя культа в частях не было. Поклонение духу бога и вспоминание императора проходило на утренней поверке вместе с чтением вслух рескрипта солдатам и морякам, также известного как «пять слов» с основными правилами армейской службы[11].

Итак, рассмотрев вопрос об информационной ценности протоколов допросов японских солдат и офицеров как исторических источников по истории военной повседневности, можно сделать вывод о том, что данные делопроизводственные источники предоставляют исчерпывающие возможности для изучения истории повседневности в рамках советско-японского конфликта вследствие того, что большая часть источников личного происхождения военнослужащих, актуальных событиям конфликта между СССР и Японией, либо утеряна, либо недоступна в настоящий момент для исследования и существует как раз только лишь в кратких пересказах военнопленных на допросах. Сведения, предоставляемые данными протоколами, имеют высочайшую научно-исследовательскую ценность, в том числе и на том основании, что часть их до сих пор не вводилась в научный оборот.

---

[7] ЦАМО. Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 121.

[8] ЦАМО. Ф. 304. Оп. 110127с. Д. 1. Л. 40.

[9] Там же. Л. 168.

[10] ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6980. Д. 84. Л. 244.

[11] ЦАМО. Ф. 304. Оп. 110127с. Д. 1. Л. 148.

ПОЛИТИКА НЕГАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Тимофеев Андрей Петрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

После распада СССР перед постсоветскими государствами встала задача формирования политической нации. Это обусловлено тем, что для новых суверенных республик, в большинстве своем не имевших длительных традиций государственности, вопросы гражданской солидарности и единства имеют первостепенное значение, т.к. от этого зависит их территориальная целостность и жизнеспособность в целом.

Кроме того, для большинства руководств постсоветских государств проблематика формирования нации была неразрывно связана с легитимизацией установившихся в них политических режимов и консолидацией элит для выработки стратегии перехода к новому типу ценностей и изменению структуры социальных и экономических отношений.

Таким образом, бывшие советские республики занялись проектированием национальной идентичности, т.е. конструированием новых смыслов, целей и норм для эмоционального и когнитивного самоотождествления граждан с государством[1]. Стоит отметить, что новые государства в осуществлении своей политики нациестроительства не должны были начинать с чистого листа. В советское время очень многое уже было сделано для нерусского населения: проведено национальное размежевание территории СССР с выделением титульных этнических групп, создана национальная интеллигенция и руководящие кадры, на национальных языках в республиках выходили книги и газеты, велось преподавание в школах и вузах, в каждой республике создавалась национальная версия истории, пусть и вписанная в общесоветский исторический нарратив[2].

В качестве доктрины нациестроительства практически во всех постсоветских государствах начиная с политики «перестройки» в СССР и приходом к власти в союзных республиках этнократических сил повсеместно (в том числе национальных регионах России) в местных СМИ начал активно использоваться постколониальный дискурс, формировавший представления о республике как собственности «титульной нации» и т.д. Так, суверенные

[1] *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров. М., 2016. С. 28.

[2] *Летняков Д.Э.* Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sozdavaya-natsiyu-politika-identichnosti-v-postsovetskih-gosudarstvah (дата обращения: 26.02.2017).

республики в местном медийном пространстве стали рассматривать себя в качестве бывших российских колоний, соответственно, политика памяти там начала выстраиваться на противопоставлении мрачного советского и досоветского прошлого, с одной стороны, и периода независимости, с другой, открывающего перед освободившимися народами новые перспективы[3].

Для более детального рассмотрения политики идентичности, проводимой в постсоветских государствах, следует обратиться к известному американскому социальному психологу Эрику Эриксону, который выделял в структуре идентичности позитивные и негативные элементы. Он отмечал, что формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух составляющих, а в кризисном обществе существует опасность негативной конверсии, при которой элементы негативной идентичности становятся господствующими. В зависимости от силы общественного кризиса возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей негативные элементы выходят на передний план при разрушении позитивной идентичности. Негативная идентичность строится по схеме «Я/мы не такие-то» и содержит неприятие или отрицание того или иного социального объекта и/или тотальное противопоставление «нас – им»[4]. «Само сообщество конституируется при этом отношении к негативному фактору, чужому или враждебному, который становится условием солидарности его членов, объединяемых таким образом, сознающих себя в рамках подобного значимого и ценного для них единства, где они противопоставлены чужим»[5].

Таким образом, мы можем констатировать, что начало острого социально-экономического кризиса, связанного с переходом экономик стран бывшего СССР на рыночные рельсы, результатом которого стало резкое падение в них уровня жизни большинства населения, способствовало утверждению негативной национальной идентичности.

Исходя из выше сказанного, можно сказать, что политика негативной идентичности стала доминирующей стратегией нациестроительства и до сегодняшнего дня в разной степени функционирует в Прибалтике (Эстонии, Латвии, Литве), Грузии, Украине, Молдавии, Азербайджане, Туркмении, Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Армении, Казахстане и Белоруссии. Для нас важно отметить, что во всех этих государствах основой государственного строительства выступает то или иное противопоставление себя России и русским как историческим врагам, оккупантам, угнетателям и т.д. На этой этнонационалистической, антиимперской логике была создана национальная история новых государств, разрушаются исторические памятники, до сих пор происходит переименование населенных пунктов и улиц, происходит борьба с инакомыслием вплоть до физического уничтожения.

Справедливо отметить, что такая драматичная ситуация происходит не на всем постсоветском пространстве. В последние годы, благодаря интенсификации интеграционных процессов в рамках Таможенного союза Евразийского экономического сообщества и Организации Договора о коллективной безопасности политика негативной идентичности в таких государствах как

---

[3] Там же.

[4] *Erikson E.* Insight and Responsibility. N.-Y., 1964. С. 203–204.

[5] *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 272.

Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия и Таджикистан приобрела инертный характер, но не изжила себя вовсе. Дело в том, что для всех постсоветских республик политика негативной идентичности стала основой нациестроительства и более того смыслом существования самих государств и даже проведения внешней политики. Вступление Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО и Европейский Союз, а также стремление попасть туда Грузии, Украины и Молдавии – явное тому подтверждение.

Отдельно следует сказать о языковой политике в контексте процессов нациестроительства на постсоветском пространстве. Хорошо известная проблема русского языка в ряде республик бывшего СССР связана с тем, что русский язык воспринимается как прямая угроза нациестроительства. Язык всегда имел особое значение для идеологии национализма, выступая важным маркером идентичности. В этой связи практически повсеместно в странах ближнего зарубежья наблюдается репрессивная политика в отношении русского языка: вытеснение его из публичной сферы и делопроизводства, сокращение числа русскоязычных школ, запрет на вещание российских телеканалов и т.д. Исключением из этих процессов, пожалуй, можно назвать три государства. Это Белоруссия, где русский язык не только остается главным языком общения, но и имеет статус второго государственного, а также Казахстан и Киргизия, где русский объявлен официальным языком[6].

Подводя итог, можно сказать, что политика негативной идентичности как основа нациестроительства с теоретической точки зрения наименее ресурсозатратна и довольно легко может быть закреплена в массовом сознании в моноэтничных государствах, не вызывая общественного протеста. Но в виду того, что большинство постсоветских республик неоднородны по своему этническому и языковому составу, проведение данной модели нациестроительства проходит противоречиво и несет в себе довольно опасный конфликтный потенциал. Поэтому для постсоветских государств процесс нациестроительства далеко не завершен, а задачи национальной консолидации по-прежнему остаются актуальными.

[6] *Летняков Д.Э.* Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sozdavaya-natsiyu-politika-identichnosti-v-postsovetskih-gosudarstvah (дата обращения: 26.02.2017).

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКИХ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ 1920-х гг.

Тихонов Виталий Витальевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)

Революция 1917 года являлась ключевым событием в советском историческом нарративе. Она была началом нового государства и общества, а в любой идеологической системе миф о рождении является структурообразующим. Кроме того, именно революция 1917 года, точнее утверждение об ее исторической неизбежности и ее героика, должна была играть в советской идеологии легитимирующую роль, демонстрируя историческую обусловленность советской власти.

Миф о революции был прочно вписан в советскую идеологию, поэтому и трансформировался вместе с ней. В 1920-е гг. формируется «революционный культурный код» (образы-символы, узнаваемый событийный ряд и т.д.), а коммеморации приобретают функцию утверждения новых ценностей и приобщения к ним человека, советизации его мышления. Уже первая годовщина показала, что символика Октябрьской революции тесно переплетается с фигурой В.И. Ленина.

Уже в 1918 г. начал складываться канон революционных торжеств: митинги, установки памятников, демонстрации. Причем новая власть стремилась контролировать идейное наполнение торжеств. В частности, именно тогда утвердилась традиция предварительной публикации лозунгов в газете «Правда». Учитывая непростое время, в 1918 г. доминировали мобилизующие на борьбу призывы. Заметную роль играли лозунги жертвенности во имя революции и ее завоеваний. Отдельным элементом демонстрации стал проход с портретами павших борцов. Рекомендовалось дополнить их следующими стихами:

– Не нужно ни песен, ни слез мертвецам:
Иной им воздайте почет!
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

Первые годовщины отличались масштабностью и театрализованностью. Например, в 1920 г. на Дворцовой площади (переименованной в площадь Урицкого) прошла инсценировка взятия Зимнего дворца, в которой приняли участие до 6000 человек[1]. Но с наступлением НЭПа настала эпоха экономии,

[1] *Джурова Т.С.* Театрализация действительности. «Взятие Зимнего дворца» Николая Евреинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1 (17). С. 104–107.

и средств на празднование годовщин революции отпускалось немного[2]. На 5-летие закладывается еще одна традиция революционных коммемораций. На заседании Политбюро от 24 августа 1922 г. было решено подготовить и выпустить сборник по хозяйственному и административному строительству в Советской России, который должен был продемонстрировать достижения нового строя в сравнении с Российской империей 1913 г.[3] В последующие юбилеи такие сборники стали традицией.

Минимализм эпохи НЭПа в преддверии 10-летия, объявленного «Великим юбилеем», был признан неуместным. Критики указывали: революционные годовщины больше не вдохновляют людей, они скучны и незрелищны и т.д.[4] Теоретики массовой культуры видели в торжествах способ борьбы за повышение производительности и труда и против пережитков старого мира. В ноябре 1926 г. была образована Центральная праздничная комиссия по подготовке и проведению празднования, подчинявшейся непосредственно ЦИК. Ее руководителем был назначен М.И. Калинин[5]. Торжественные мероприятия возглавляли Сталин и Молотов[6].

Именно теперь большевистская революция, до этого чаще всего именуемая «переворотом», получила официальное название – «Великая Октябрьская социалистическая революция». Кроме того, был подготовлен манифест, оценивающий путь советской России за 10 лет – как прорыв из царства угнетения к новой жизни.

Юбилей сопровождался масштабной социальной программой. Было решено объявить широкую амнистию, касавшуюся даже политических заключенных, ввести в эксплуатацию или начать строительство нового жилья. Студентам учреждалась массовая стипендия в честь 10-летия Октября. Наконец, было решено выпустить массовую сувенирную продукцию для награждения участников революции и гражданской войны[7]. Большое значение придавалось обещанию в ближайшее время перейти на 7 часовой рабочий день. Руководство партии считало это самым зримым примером достижений советской власти в социальной сфере. Уже были запущены эксперименты на ряде предприятий, которые, как уверяли, доказали возможность этого шага. Для демонстрации утвердили особый лозунг: «Наступающий капитал на Западе удлиняет рабочий день. Рабочие СССР завоевали в октябре 8-ми часовой день и идут к 7-ми часовому рабочему дню!»[8].

Для успешного проведения мероприятий были выработаны общесоюзные стандарты торжеств. Представителей провинции специально приглашали в Москву для обмена опытом и инструктажа. Особенностью юбилея стало то, что он совпал по времени с напряженной международной обстановкой. Во-первых, летом в СССР началась т.н. «военная тревога», связанная с обостре-

---

[2] *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. С. 84.

[3] Лозунги к Октябрьским торжествам (историческая справка) // РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 22. Ед.хр. 214. Л. 4.

[4] *Рольф М.* Указ. соч. С. 91.

[5] Там же. С. 104–105.

[6] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Ед.хр. 214. Л. 54.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 85.

нием отношений с Великобританией и опасением начала полномасштабной войны с капиталистическими странами. Большие надежды вызвала китайская революция, которая всколыхнула надежды на скорую мировую революцию. В этой связи мероприятия приобрели заметный милитаризированный оттенок.

Непростой была и внутренняя обстановка. К тому времени стало ясно, что крестьяне сдадут заметно меньше хлеба, чем рассчитывали власти. Но главной головной болью оставалась оппозиция. Сторонники Троцкого активно, пусть и не всегда открыто, использовали для критики своих политических оппонентов метафору «преданной революции» и считали необходимым смену действующего политического и экономического курса. Со стороны троцкистов опасались открытых действий: борьба за наследие Октября все еще не была завершена. Отнюдь не случайно в утвержденном перечне лозунгов встречалось что-то вроде этого: «Кто нарушает единство ВКП(б), тот изменяет Октябрю. Долой раскольников и дезорганизаторов!»[9].

Во время проведения самих торжеств 7 ноября 1927 г. в Москве на демонстрации вышло около 1 млн. человек. По Красной площади прошли колонны военных (с духовым оркестром) и рабочих. Окрестные здания были украшены плакатами, на которых красовались цифры достижений советского строя за 10 лет. С речами выступили Калинин и Бухарин. На празднике присутствовали иностранные делегации[10]. Юбилею старались придать и международное звучание. Советские газеты чутко фиксировали факты солидарности зарубежных трудящихся с СССР в день юбилея. Это было особенно важным в связи с «военной тревогой» и надеждой советской власти на поддержку рабочих зарубежных стран в случае войны с их правительствами.

В сценарий триумфа явно не вписывались выступления троцкистов, принявших участие в демонстрациях в Москве и Ленинграде с лозунгами «Выполним завещание Ленина», «Повернем огонь направо – против нэпмана, кулака и бюрократа», «За ленинский Центральный Комитет» и др. Демонстранты были разогнаны, вскоре прошли аресты[11].

Впрочем, если в крупных городах торжества более или менее удались (хотя часто на них не хватало средств), то в деревнях их встретили сдержано. Понимая, что для крестьян советский праздник остается чуждыми, организаторы юбилея рекомендовали совместить его с Праздником урожая[12]. Несмотря на это, в отчетах с сельских мест фиксировалось скорее равнодушие людей, чем энтузиазм[13].

В юбилейный год был выпущен и ряд фильмов, утвердивших канонический образ революционных событий 1917 года. В 1927 г. на экраны вышли фильмы «Конец Санкт-Петербурга» Вс. Пудовкина и «Москва в Октябре»

---

[9] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Ед.хр. 214. Л. 88.

[10] Правда. 1927. 9 ноября.

[11] *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 35.

[12] *Шаповалов С.Н.* Празднование партийных и государственных юбилеев на Кубани в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 178.

[13] *Рольф. М.* Указ. соч. С. 189.

Б. Барнета. Но самым масштабным проектом стала картина «Октябрь» С. Эйзенштейна. Премьера состоялась 7 ноября 1927 г. В этот же день, после инцидентов с разгоном оппозиционных демонстрантов, из фильма пришлось удалить все сцены с Троцким. Картина стала классической и заложила кинематографический канон показа революции 1917 года[14].

Несмотря ни на что, 10-летний юбилей Октябрьской революции стал эталоном для дальнейших коммеморативных торжеств[15]. С этого года 7 и 8 ноября объявлялись нерабочими днями (до этого нерабочим был только один день – 7 ноября), что повышало значение праздника в глазах простых людей. В 1929 г. была проведена очередная реформа календаря и, помимо 7 и 8 ноября, нерабочими днями были объявлены 1 мая и день смерти Ленина (22 января). Тем самым формировался «советский» годовой праздничный цикл. На протяжении всех 1920-х гг. 12 марта (День низвержения самодержавия) также было нерабочим днем. Но реформа праздничного календаря привела к тому, что это событие, прочно ассоциирующееся с Февральской революцией, перестало быть нерабочим днем, и поэтому теряло свой статус и значение для масс. Таким образом, был запущен механизм «забывания» февральских событий.

[14] *Романова О.* «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции. URL: http://urokiistorii.ru/learning/method/2549 (дата обращения: 20.12.2016).

[15] *Рольф М.* Указ. соч. С. 8, 93.

ХУЛИГАНСТВО В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЭПОХИ ОТЕПЕЛИ И ЕГО ПРИЧИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Тумаков Денис Васильевич, к.и.н.
(Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России)

Несмотря на значительные перемены к лучшему в положении населения СССР после смерти Сталина и начала хрущёвских реформ, хулиганы продолжали оставаться важной составляющей повседневной жизни советской провинции. Ярославская область не была исключением. Лаконичные заметки в региональной печати и более обширные письма граждан свидетельствуют о немалых масштабах этой проблемы. Хулиганы избивали своих родных, устраивали скандалы в местах скопления людей, иногда активно сопротивлялись работникам милиции.

Некоторые из них совершали настоящие уголовные преступления. В этой связи особую угрозу представляли праздничные и предпраздничные дни. Например, встреча нового 1961 года в Доме культуры посёлка Некрасовское вместо молодёжного бала-маскарада завершилась пьяной дракой, в ходе которого рабочий машиностроительного завода М.А. Трубников сбросил с балкона вниз головой гражданина Ларионова[1]. В деревне Заболотье того же района в ночь на 31 декабря 1960 года конюх колхоза «Приволжье» С.А. Коротков в пьяной драке нанёс тяжёлые телесные повреждения женщине[2]. В день религиозного праздника «Никола» 19 декабря 1960 года в деревне Гуменново Некрасовского района произошла аналогичная драка, в результате которой 4 человека получили ножевые ранения, а некий Хлопин скончался на следующий день в районной больнице. Виновных – двух братьев Грошевых – милиция привлекла к уголовной ответственности[3]. В последующем виновные в совершении преступлений приговаривалась к различным срокам лишения свободы, но означенные факты были далеко не единственными.

Власти через местную печать стремились объяснить явления пьянства и тесно связанного с ним хулиганства тем, что в условиях «безраздельного господства социалистической идеологии в нашей стране ещё не все советские граждане освободились от прошлого, от наследия капитализма». В официальной версии злоупотребление алкоголем воспринималось в качестве реак-

[1] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

[2] Там же. Л. 88.

[3] Там же. Л. 90.

ции трудящихся зарубежных государств на низкий жизненный уровень, то есть «один из вреднейших пережитков капитализма». При этом в Советском Союзе, как лицемерно утверждали на страницах региональных изданий сотрудники райздравотделов, милиции, судов или прокуратуры, «социальные корни алкоголизма были подорваны и не было почвы для его развития»[4]. В силу этого констатировалось лишь наличие отдельных пьяниц и алкоголиков. Однако даже в этих сугубо официальных статьях и заметках приводились сравнительно многочисленные факты пьяных хулиганств, грабежей, драк или дорожно-транспортных происшествий, в результате которых имелись жертвы[5].

Анализ вышеупомянутых источников позволяет выделить в качестве основополагающих причин хулиганства и злоупотребления алкоголем со стороны значительной части населения относительно невысокий уровень его жизни, отсутствие или непопулярность других («культурных») форм досуга в провинции, соответствующие традиции местного населения и протест против окружавшей действительности. Например, на сессии Пречистенского райсовета в 1954 году утверждалось, что в некоторых сельпо не хватало хлеба и безалкогольных напитков, в райпотребкооперации – стройматериалов, высоким оставался уровень растрат и хищений. Даже сам райцентр Пречистое в тот период нельзя было назвать благоустроенным: по словам чиновников, местная электростанция работала «из рук вон плохо», а баня «пришла в полную ветхость» (из первоначального варианта текста вычеркнут более жёсткий вариант – «по существу отсутствует»), а новая не строилась[6]. Врачи открыто говорили о «довольно широком распространении среди населения» глистных заболеваний, объясняя их употреблением сырой пищи и грязной воды[7]. В ряде совхозов того же района, как гласили письма читателей в редакции местных газет, полностью отсутствовала охрана труда, собрания рабочих происходили от случая к случаю, членские взносы они порой не выплачивали в течение года. В совхозе «XX лет РККА» не было ни «красного уголка», ни даже профсоюзной организации, работникам не читали лекций[8].

Справедливости ради, необходимо признать, что власти всё же принимали меры по исправлению и улучшению ситуации на периферии, пытались благоустроить населённые пункты. Так, в 1960 году после соответствующих наказов со стороны населения в райцентре Некрасовское было высажено 3500 молодых деревьев различных пород и свыше 105000 штук цветов. В 1961 году поселковый совет обязался завершить закладку нового зелёного парка, благоустроить берег реки Солониха для нормального отдыха жителей, а также улучшить водоснабжение, выстроить детские площадки и привести в порядок гравийные и шоссейные дороги[9]. В райцентре Пречистое в середине 1950-х гг. были построены несколько десятков жилых домов, новое здание

---

[4] ГАЯО. Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 22. Л. 151.

[5] Там же. Л. 151–156, 197–199.

[6] Там же. Л. 3–4.

[7] ГАЯО. Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 23. Л. 380–381.

[8] Там же. Л. 30.

[9] ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 48. Л. 48.

районной больницы, два магазина, велось строительство жилого дома для школьных работников, детсада и чайной[10].

Однако, рекламируя собственные успехи в прессе, региональные власти были вынуждены признать, что улицы провинциальных населённых пунктов остаются грязными. Около жилых домов не было ни мусорных ящиков, ни помойных ям, следствием чего становились кучи мусора, отбросов и даже навоза возле них. Редкое исключение составляли различные официальные учреждения. Единственным источником водоснабжения посёлка Пречистое продолжали оставаться три колодца на берегу ручья, где вода регулярно загрязнялась различными нечистотами.

Слабо поставлена была и работа народных дружин. В Некрасовском районе они дежурили лишь в праздничные или выходные дни, при этом в феврале 1961 года из почти 150 значившихся в списке дружинников райцентра в реальности на дежурства выходили лишь местные комсомольцы. На крахмалопаточном комбинате в посёлке Красный Профинтерн созданная в 1960 году дружина фактически не работала: из почти 50 её членов к дежурствам в клубе привлекались лишь 15, в других общественных местах их не было. Дружинники даже не знали своих прав и обязанностей, у них не было ни журнала, ни собственной комнаты, а потому они не могли серьёзно помочь администрации в борьбе с многочисленными хищениями или детской безнадзорностью[11]. Аналогичное положение складывалось и во многих других народных дружинах Ярославской области.

В качестве мер борьбы с хулиганством власти, кроме чисто милицейских, использовали также печатную агитацию через местные СМИ, организацию лекций, спортивных состязаний, концертов художественной самодеятельности, праздничных балов-маскарадов в провинции. Такие мероприятия пользовались популярностью в народе, а информация о них также относительно регулярно публиковалась в местной периодической печати[12]. Тем не менее, в силу сохранения первопричин хулиганства добиться окончательной победы над ним государственным и правоохранительным органам не удалось.

---

[10] ГАЯО. Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 23. Л. 287.

[11] ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 49. Л. 110–111.

[12] ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 48. Л. 12–15, 43–45, 61; Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 22. Л. 7, 35; Д. 23. Л. 6, 34, 40.

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О СЛАВЯНСКОМ ВОПРОСЕ

Убирия Изабелла Феликсовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Выдающийся русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) был активным участником дипломатической борьбы на Балканах, испытывал значительный интерес к международной политике Российской империи, в частности к тесно связанным между собой славянскому и восточному вопросам[1]. Значительную роль в формировании воззрений Леонтьева на славянскую проблематику сыграла его дипломатическая служба на Востоке. В этот период его взгляды на славянский вопрос претерпевали существенные изменения.

В 1863 г. в начале своей дипломатической службы на Востоке Леонтьев восторженно отзывался о регионе и его жителях и был преисполнен веры в югославян: «Мильоны славян говорят почти тем же языком, которым писана наша Библия; в глухих, диких деревнях с восторгом произносят наше имя!», там – «живописные места; Дунай; первобытные народы, которых даже западные путешественники ставят сердцем выше греков, а умом выше турок; монастыри в горах, где молятся за наше государство; монахи там настоящие монахи – знают близко смерть и нужду; древние забавы, песни народные и эпическое время не прошло еще для них... Благодушны, гостеприимны, чисты нравами; за «честный крест»... каждый мужик готов кровь отдать без приказания. Если южная пылкость у них слабее, чем в Италии, зато мудрой стойкости больше»[2].

Путешествуя по провинциям Османской империи, острову Крит и Константинополю, Леонтьев с горечью наблюдал, как европейское влияние на его глазах разрушает древние традиции христианских народов, сталкиваясь при этом с внушительным препятствием в виде суровой консервативной патриархальной власти Османской империи, сохранившей в себе средневековые, феодальные черты. Наблюдая это, он проникся мыслью, что именно благодаря туркам православное и славянское держится на Востоке: «отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших славянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...»[3].

---

[1] См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000; *Мячин А.Г., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX века: К.Н. Леонтьев. М., 1995.

[2] *Леонтьев К.Н.* В своем краю // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 269.

[3] *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 546.

В способности южных славян самостоятельно, без влияния Османской империи отстоять свое культурное и национальное своеобразие перед натиском европейских идей Леонтьев сомневался: «под турецким владычеством многие стеснения еще отдаляют их от Европы и от бесплодных дешевых подражаний. Раз освободившись каким-нибудь стечением обстоятельств от политической зависимости, что противопоставят они подавляющей культуре Запада? Стоит взглянуть только на независимых греков, чтобы видеть, как мало в них самобытного. Кроме уважения по привычке к древнегреческому языку и (на словах) к великим авторам древности, (у которых они не учатся ни политической мудрости, ни вкусу в общественной жизни), они влачатся во всех понятиях за французской буржуазией ... Европеизированные греки турецких провинций стоят еще ниже их. Болгары и того не имеют, что имеют греки...»[4].

Леонтьев был убежден, что восточнославянским христианам нравилось в России то, что она представляла собой могущественную православную славянскую державу со значительным политическим весом и огромной армией, неоднократно демонстрирующей свое военное превосходство. Также их привлекало в России наличие значительного количества по-европейски образованных людей, кроме того, они очень высоко ценили «наши дипломатические способности и дальновидную глубину нашей политики»[5]. При всем этом собственно русское их не привлекало. Однако Леонтьев желал, чтобы балканские народы видели в России не только «большую, единоверную политическую силу, но и сверх того и своеобразный государственно-национальный организм и своеобразное общество, и еще более своеобразный простой народ, и своеобразную литературу, единственную по свежести теперь во всем мире, и особую историческую науку более и более развиваемую»[6].

С точки зрения Леонтьева, характерное для балканских славян и греков отсутствие национальной самостоятельности и неуемное подражание всему европейскому было следствием того, что и балканские народы, и греки по сути и характеру своей жизни – европейские буржуа, одинаково расположенные к филистерству[7].

В целом итоги рассуждений Леонтьева о восточных народах можно свести к трем выводам.

Во-первых, «люди на Востоке (особенно христиане) гораздо однообразнее наших, сходнее между собою и потому вообще тупее и беднее духом, чем наши (на Афонских монахах напр. эта разница поразительна)».

Во-вторых, «простота патриархальной, безграмотной религиозности здесь при крайней демократизации общества чрезвычайно легко превращается в простоту буржуазно-прогрессивного индифферентизма».

В-третьих, «тех идеально-религиозных чувств, того внутреннего огня, *того беспокойства*, которое пожирает столь многих русских всех воспитаний

---

[4] *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-свободително движение: 1856/1876. Документи и материали. Т. II. София, 1990. С. 210–211.

[5] *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 95.

[6] *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-свободително движение: 1856/1876. Документи и материали. Т. II. София, 1990. С. 211.

[7] *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 125.

и всех слоев общественных, начиная от вельможи и писателя до последнего нищего, я на Востоке не замечал ни у греков, ни у болгар. У них как-то нет живой середины между холодным старообрядчеством и холодным прогрессом индифферентизма»[8].

Впоследствии у Леонтьева стали появляться опасения, что в случае падения власти Османской империи на Балканах Россия может не суметь или не успеет «*вовремя* заменить давление Мусульманства другой, более высокой дисциплиной – дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унизительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*»[9], и не сможет воспрепятствовать полному принятию западных идеалов восточнославянскими народами.

В этой связи Леонтьев заблаговременно заботился об укреплении культурного и духовного влияния России на православном Востоке, закономерно опасаясь, что по мере распространения европейского влияния и утилитарного «поверхностного» знания, духовный авторитет России в Юго-Восточной Европе будет падать[10]. Для укрепления духовного и культурного присутствия России на Востоке он предлагал распространить влияние русской культуры и русского языка в балканском регионе, в частности учредить там за государственный счет гимназии и распространять изданные в России книги[11].

Леонтьев был убежден, что России есть что противопоставить западному влиянию: русскую литературу, историю, искусство, иконопись, неовизантийскую архитектуру, влияние некоторых обычаев и т.п. Даже черты и свойства, являющиеся лишь наполовину русскими, а наполовину западными, по мнению Леонтьева, были бы полезнее для турецких христиан, чем влияния чисто западные, например, французские[12].

Мыслитель вынашивал мысль об образовании славянской конфедерации под гегемонией России, призванной стать щитом против Запада с его либеральными и революционными устремлениями. Впоследствии данная идея воплотилась в XX в. в странах социалистического блока, когда русский язык в этих государствах преподавался в общеобразовательных школах[13].

Исторические события, последовавшие за освобождением южных славян от власти Османской империи, показали, что, несмотря на поддержку балканских христиан Россией, признательность их зачастую превращалась в свою противоположность, что еще в XIX в. проницательно отметил Отто фон Бисмарк: «Все эти народности с радостью приняли помощь России в освобождении от турок; но как только они обрели свободу, они не проявили желания принять царя в качестве наследника султана»[14].

---

[8] Цит. по: *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 97.

[9] *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 546.

[10] *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-свободително движение: 1856/1876. Документи и материали. София, 1990. Т. II. С. 210.

[11] Там же. С. 210–212.

[12] Там же. С. 212.

[13] *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 48.

[14] Цит. по: *Кинросс Лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 572.

МОСКОВСКИЕ ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК МЕХАНИЗМ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1923)

Удовенко Илья Витальевич
(Институт российской истории РАН)

После Октябрьского переворота советской властью были учреждены республиканские наркоматы, в том числе Наркомат внутренних дел и Наркомат юстиции. 7-го декабря 1917 г. при Совете Народных Комиссаров была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил Ф.Э. Дзержинский. Помимо роли исполнительного органа власти (розыск и поимка преступников), ВЧК имела судебную и законодательную функции – право на ведение следствия и фактическое осуществление политики государственного террора.

При Наркомате юстиции существовало Главное управление мест заключения, которое было расформировано в апреле 1918 г., а на его основе создан Центральный карательный отдел (ЦКО). Этот орган предпринял решительную модернизацию мест заключения, основополагающими принципами которой были самоокупаемость и перевоспитание заключенных[1].

Тюремных площадей ЦКО для изоляции и содержания огромного количества так называемых врагов революции не хватало. Еще в апреле 1918 г. при Наркомате по военным делам была организована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев – Центропленбеж[2], которая имела в своем распоряжении довольно развитую сеть концлагерей для военнопленных, сохранившихся еще со времен Первой мировой.

После подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. эти лагеря начали постепенно освобождаться и были перепрофилированы под содержание пленных белогвардейцев Гражданской войны. 5 сентября 1918 г. вышел Декрет СНК «О красном терроре», в котором прямо указывалось: «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»[3]. Организацию новых концентрационных лагерей брала на себя ВЧК.

В последующие годы система концлагерей несколько раз видоизменялась, но суть оставалась неизменной – изолирование классовых врагов Советской власти. В 1919 году к организации лагерей приступает НКВД РСФСР. 17 мая внутри наркомата был образован Отдел принудительных работ, вскоре реорганизованный в Главное управление принудительных работ (ГУПР). Официально существовало пять типов лагерей: лагеря особого назначения,

[1] ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 1. Л. 21

[2] ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 35

[3] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных и лагеря-распределители[4]. Таким образом, все места лишения свободы в РСФСР к 1919 году были распределены по трем организациям: ЦКО НКЮ, ВЧК и ГУПР НКВД.

Места заключения ЦКО предназначались для уголовников, а лагеря ГУПР-ВЧК для политических врагов советской власти. Вполне объяснимо, что огромное количество таких «врагов революции» оказалось в крупных городах, в том числе и в Москве.

Еще в 1917 г. после принятия «Декрета о земле» начался процесс полного отчуждения церковных земель в пользу государства. В период с осени 1918 г. по весну 1919 г. в Москве появились первые концентрационные лагеря, которые располагались в пяти монастырях: Рождественском, Ивановском, Покровском, Новоспасском и Андрониковском. Юридически создание лагерей было оформлено декретом ВЦИК от 17 мая 1919 г., который предписывал следующее:

«В зависимости от местных условий, лагери принудительных работ могут быть устраиваемы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.

По организации лагеря, таковой передается в ведение отдела соответствующего Исполнительного Комитета, с разрешения Отдела Принудительных Работ Народного Комиссариата Внутренних Дел»[5].

Всего в Москве по различным данным существовало от 8 до 15 концлагерей. В 1922 г. внутри Главного управления принудительных работ был образован Принкуст – бюро принудительного труда, задачей которого было распределение трудового ресурса лагерей. Целью создание такого ведомства являлось:

«...целесообразное использование труда заключенных...

...всемерное использование сил заключенных на находящихся в его ведении заводах, фабриках, совхозах и других предприятиях...»[6].

Этот документ, по сути, вводит принцип использования бесплатного принудительного труда, как основу существующей лагерной системы. Этот же принцип впоследствии будет являться краеугольным камнем экономики ГУЛАГа.

Заключенные попадали в московские лагеря принудительных работ как в судебном, так и во внесудебном порядке – по решению ВЧК или революционных трибуналов. Определенное количество заключенных содержалось в московских лагерях по решению народных судов «до окончания Гражданской войны». Лагеря отличались большой текучестью состава заключенных, сроки лишения свободы варьировались от нескольких месяцев до пожизненного[7]. Например, за 1920 г. через Покровский лагерь прошло свыше 9000 человек, хотя единовременное число заключенных в лагере не превышало 1100 осужденных.

---

[4] ГА РФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1в. Л. 112.

[5] Известия ВЦИК. № 105. 17.05.1919.

[6] ГА РФ. Ф. Р1726. Оп. 1. Д. 73. Л. 15.

[7] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 4.

Организация труда заключенных происходила как непосредственно на лагерных территориях, так и на различных производственных объектах Москвы и Подмосковья. Внутри каждого лагеря организовывались типовые ремонтные, столярные, сапожные и другие мастерские. Отдельно выделялся лагерь принудительных работ № 1, организованный в 1920 г. при Московско-Казанской железной дороге. Сюда командировали заключенных из других лагерей для работ по ремонту ж/д путей. Приметы будущей системы ГУЛАГа можно увидеть и в организации досуга заключенных. В лагерях устраивались театры, певчие хоры, где играли как осужденные, так и приглашенные труппы. Но, несомненно, в начале 1920-х гг. в системе лагерей принудительных работ существовал весьма демократичный режим содержания по сравнению с московскими тюрьмами и будущими исправительно-трудовыми лагерями. Заключенных навещали родственники, которым было разрешено приносить передачи. В карательный отдел НКЮ и ГУПР направлялись просьбы заключенных личного характера о переводе из одного лагеря в другой. Наиболее жестким режимом отличались лагеря, в которых содержался «иностранный элемент». В Ивановском концлагере основную часть иностранных заключенных составляли поляки, однако были и литовцы, британцы, сербы, греки и венгры.

Отдельной задачей Главного управления принудительных работ являлась организация условий проживания и быта заключенных, которые оставляли желать лучшего. В 1920 г. Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции было проведено обследование всех московских мест заключения, результаты этой проверки были зафиксированы в подробном докладе, адресованном лично Сталину. Доклад изобилует сведениями о многочисленных нарушениях условий содержания заключенных, о фактах проявления халатности со стороны руководства, превышений должностных полномочий, бюрократической путаницы:

«Владыкинский лагерь

...Санитарные условия лагеря чрезвычайно неудовлетворительны. Нет ни водопровода, ни канализации... С января месяца были 2 вспышки сыпного тифа. За три месяца умерло 79 человек.

... Охрана ведется неудовлетворительно... был обнаружен спящий часовой, у которого была взята винтовка...

Ивановский особого назначения лагерь

...Некоторые заключенные с разрешения Отдела Принудработ отпускаются на праздники и на весь день и ночь домой...

...Питание весьма недостаточно; выдача ниже голодной нормы»[8].

В 1922–1923 гг. все московские лагеря принудительных работ были закрыты. Часть заключенных была освобождена, остальных перевели в Северные лагеря особого назначения ОГПУ. Революция закончилась, но опыт использования лагерей принудительного труда остался. Советское руководство видело огромный потенциал в использовании труда заключенных, а именно – осуществление колонизации новых земель и пространств для добычи и обработки природных богатств, столь необходимых молодой Советской Республике. Поэтому содержание тысяч заключенных в столице и других губернских городах у всех на виду представлялось отныне бессмысленным.

[8] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 3–5

«БОЛЬШЕВИЗМ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬ СИЛОЙ, НО МОЖНО ОСТАНОВИТЬ ЕДОЙ»: ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА АМЕРИКАНСКУЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ ЕВРОПЕ (1917–1920)

Федорова Мария Андреевна, Ph.D.
(Университет Калифорнии, Санта-Барбара, США)

В данном докладе рассматривается влияние Октябрьской революции, событий Первой мировой войны и политической нестабильности в Европе на формирование международной гуманитарной помощи, оказанной Соединенными Штатами Америки Европе с 1917 по 1919 г. В отличие от работ, рассматривающих влияние продовольственного кризиса на начало революционных событий в России, данная работа ставит своей задачей проанализировать то, как американское правительство в лице Американской продовольственной администрации (1917–1918) и Американской администрации помощи (1918–1923) использовало международную продовольственную помощь в качестве инструмента внешней политики.

Доклад, в частности, обращает особое внимание на то, как США рассматривали поставки продовольствия в качестве инструмента предотвращения будущих революций и сохранения демократических режимов в Европе и США. На основе исследования архивных коллекций в Институте Гувера, а также опубликованных материалов в американской прессе автор приходит к выводу, что Октябрьская революция, а также Первая мировая война оказали значительное влияние на формирование гуманитарной продовольственной программы США во время войны и в течение первых послевоенных лет[1].

В период Первой мировой войны продовольственная политика переросла из национального вопроса в проблему международного значения. В 1917 г. Герберт Гувер, глава Американской продовольственной администрации (АПА), которого пресса окрестила «продовольственным диктатором», заявил, что еда «постепенно заняла более значимую роль в экономике, государственном регулировании и военной стратегии»[2]. Гувер как никто другой

[1] Для данного доклада были проанализированы архивные коллекции Американской продовольственной администрации (U.S. Food Administration) и Американской администрации помощи (American Relief Administration), которые хранятся в Институте Гувера в Пало Альто, Калифорния.

[2] “Food Big War Factor” // The Washington Post. September 20. 1917; “Hoover for Food Dictator of World” // The Washington Post. July 21. 1918.

понимал огромное значение продовольствия в политической стабильности Европы и России.

Будучи организатором Помощи Бельгии, а затем и АПА и АРА, Гувер воочию видел разрушение европейской сельскохозяйственной экономики и истощение продовольственных запасов. Он видел голод и его последствия. По мнению американского политика, голод и неудачная продовольственная политика приводили только к одному – к революциям. Таким образом, целью Гувера и АПА стало использование гуманитарной программы в качестве защиты США от видимой нарастающей политической нестабильности в России и европейских странах. По словам АПА, роль Америки, как «большого брата всего мира», теперь состояла в том, чтобы «сохранить [мировую] демократию»[3].

В пропаганде американской гуманитарной помощи Европе событиям Октябрьской революции уделялось значительное внимание. Россия, по словам близкого соратника Гувера, Рэя Уилбура, пала жертвой коммунизма из-за неудачной продовольственной политики Временного правительства. Уилбур заявлял, что «Россия пала не из-за того, что немцы были у ее границ, а из-за того, что она была не способна накормить свой народ»[4]. В отличие от российской нерациональной продовольственной политики Уилбур представлял американскую программу как «упорядоченную, продуманную и бескорыстную помощь человечеству»[5].

АПА представляла свои гуманитарные идеи американским гражданам как необходимый шаг для предотвращения революционных потрясений в США. В своих выступлениях Уилбур предупреждал американцев, что если те не выполнят свой гражданский долг и не помогут страдающей от голода Европе, то их, американцев, ждет та же участь, что постигла Россию[6]. «Еще восемь месяцев ... и эта страна, которую мы знаем, исчезнет: наша демократия погибнет, и наша свобода испарится», – утверждал Уилбур. Приводя Октябрьскую революцию в качестве примера, Уилбур заявлял, что голодные люди «борются только за еду. Революции происходят из-за хлебных очередей». «Неважно, будет это Петроград, Москва, Нью-Йорк, Чикаго, Сиэтл или Спокэн, – продолжал Уилбур. – Это не имеет никакого значения в условиях голода. Люди собираются вместе и свергают правительство»[7]. Таким образом, АПА убеждала своих соотечественников в том, что у истоков революции лежит голод и что долг американцев – не допустить такого положения в США и Европе.

После окончания Первой мировой войны в американской гуманитарной политике стала еще четче прослеживаться цель предотвращения революций и

---

[3] Ten Lessons in Food Conservation. Washington: Government Printing Office, 1917. 3.

[4] *Raymond Wilbur*. Address at Conference of County Food Committee of Ohio in Senate Chamber, Columbus, December 3, 1917 // FA Papers, Box 7, Folder 16.

[5] *Raymond Wilbur*. Draft of a Speech, Sept 1917 // FA Papers, Box 7, Folder 16.

[6] *Raymond Wilbur*."Fighting with Food," Speech by Wilbur, May 8, 1918 // U.S. Food Administration, Box 8, Folder 1, Hoover Archive & Library.

[7] *Ray Lyman Wilbur*. "Fighting with Food," Speech delivered to the County Food Administrators, State of Washington, May 8, 1918 at Spokane, WA // FA Papers, Box 7, Folder 21, page 10.

распространения большевизма в Европе. В своем обращении к Конгрессу президент США Вудро Уилсон заявил, что революция и большевизм «медленно продвигаются на запад». Они «не могут быть остановлены силой, но могут быть остановлены едой». Такое заявление было отчасти спровоцировано нарастающей радикализацией европейских настроений[8]. По наблюдениям американцев, Германия и Восточная Европа, ослабленные продовольственными кризисами, были наиболее склонны к революционным идеям.

С июня по сентябрь 1919 г. американские газеты пестрили отчетами о продовольственных бунтах в Берлине, Гамбурге, Мюнхене и других немецких городах. Новости об этих бунтах были обострены слухами о нарастающей популярности коммунистических идей в этих регионах. Например, в июне 1919 г., когда Коммунистическая партия и Спартаковцы захватили здание городской администрации в Гамбурге, американские журналисты заявили, что коммунисты используют «продовольственные восстания в качестве причины своих попыток взять контроль» над городом[9]. Несмотря на неудачные попытки европейских коммунистов захватить власть в этих регионах, в умах американских политиков и американской общественности продовольственные бунты прочно ассоциировались с большевистским радикализмом и революцией.

В качестве конкретного примера удачной попытки американской гуманитарной программы предотвратить установление коммунистического режима можно привести события лета 1919 г. в Венгрии[10]. По словам капитана Американской администрации помощи (АРА) в Европе, С.С. Грегори, организации удалось в кратчайшие сроки свергнуть правительство Бела Кун в Венгрии после того, как АРА прекратила продовольственную помощь стране. Вследствие того, что режим был неспособен справиться с продовольственным кризисом без американской гуманитарной помощи, он был вскоре свергнут, и на место его было поставлено «либеральное» правительство.

В заключение необходимо отметить, что Октябрьская революция и политическая нестабильность Европы оказали фундаментальное влияние на формирование гуманитарной продовольственной политики США. Эффективность гуманитарных программ во время Первой мировой войны и в послевоенный период доказала значение международных продовольственных организаций в борьбе против радикализма. Таким образом, опыт АПА и АРА в борьбе против революций в Европе и США прочно закрепил гуманитарные продовольственные программы в арсенале инструментов внешней политики.

---

[8] "The Food Riots in Italy" // Chicago Daily Tribune. July 7. 1919; "Majorcans in Food Riots" // Washington Post. February 20. 1919; "Food Riots Grow in Northern Italy" // New York Times. July 6. 1919.

[9] "185 Are Reported Killed in German Seaport; Soviet to Be Set Up" // Washington Post. June 27. 1919; "Spartacans Riot in Hamburg" // San Francisco Chronicle. June 27. 1919.

[10] *Gregory T.C.C.* "Overthrowing a Red Regime" // World's Work (June 1921); "Relief and Reaction" // Soviet Russia 5 (September 1921). P. 96–97.

ИСПАНСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фернандес-Эрес Анна Павловна
(Российский государственный архив фонодокументов)

Основной причиной массового исхода испанских республиканцев в СССР в 1939 г. стало поражение в Испанской гражданской войне антифашистских сил, в результате чего в стране надолго установилась диктатура Франсиско Франко. К этому времени в СССР уже находились «испанские дети», для которых были созданы специальные детские дома, где они жили и учились.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для испанской эмиграции в СССР. В целом война поставила перед испанцами множество проблем, моральных и материальных. Прежде всего, многим было необходимо определиться, стоит ли открыто выступать на защиту Советского Союза от фашизма и вступать в ряды Красной Армии.

Разные группы эмигрантов и отдельные эмигранты решали эти проблемы по-разному. Безусловно, там были люди преклонного возраста, инвалиды, женщины, которые отправились в эвакуацию, которая сама по себе стала тяжелым испытанием, в разные регионы Советского Союза. Среди эвакуированных оказались и здоровые мужчины, в том числе – с боевым опытом, которые были не готовы по разным причинам воевать с оружием в руках и рисковать своей жизнью. Но было среди испанских эмигрантов-республиканцев и активное меньшинство, готовое отправиться снова в бой с врагом. Все они надеялись на будущий реванш. Верили в то, что воюя в Советском Союзе с Гитлером, они способствуют свержению франкизма в Испании.

Что касается испанской компартии и той части испанской эмиграции, которая составляла наиболее привилегированную ее часть, то она в годы войны сконцентрировалась на агитации и пропаганде. КПИ по-прежнему продолжала бороться с режимом Франко, а также направила все свои усилия на задачу недопущения участия Испании во Второй мировой войне на стороне Гитлера и его союзников. При этом материальное положение верхушки испанской компартии по отношению к своим соотечественникам было гораздо более благополучным.

Вот как воспоминает о том, как испанцы добивались отправки на фронт в ту пору, рабочий завода им. Сталина (ЗИС) Хосе Гросс: «Каждый думал, что его место на фронте, а не на заводе. Мы писали письма в испанскую компартию, в КИМ, обращались к советскому правительству и лично к товарищу Сталину, с просьбой принять нас добровольцами наряду с нашими русскими братьями в замечательную Красную Армию»[1].

[1] *Gros J.* Abriendo camino. Relatos de un guerrillero comunista. Paris, 1971. C. 31.

В итоге советское правительство пошло навстречу просьбам испанских ветеранов боевых действий и разрешило им добровольно вступать в ряды Красной Армии.

С началом войны многие испанцы вошли в состав первого Мотострелкового полка отдельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД СССР. О деятельности этого подразделения следует сказать отдельно. Как следует из предисловия к фонду 38719с. РГВА на основании личного приказа Народного комиссара внутренних дел СССР начальником 2 отдела НКВД СССР старшим майором госбезопасности Судоплатовым была сформирована особая группа (ОГ) при НКВД СССР, состоявшая из штаба в 5 отрядов и саперно-подрывной роты. В июле 1941 г. особая группа сформировала Первую бригаду в составе 4 батальонов (в каждом батальоне 3 отряда, в отряде – 3 группы, в группе – 3 звена). Интернациональный батальон, входящий в состав бригады, был сформирован из добровольцев, присланных по путевкам Коминтерна. Значительную часть его составляли испанцы. Начальником 4-го отряда бригады был назначен учащийся школы Коминтерна Перегрин Перес Галарса. Политруком отряда стал бывший комиссар дивизии Испанской республиканской армии Альварес Рей Сеферино.

К этому времени за плечами Перегрина Переса был значительный боевой опыт, приобретенный во время Гражданской войны в Испании. К моменту начала Великой Отечественной войны в СССР Перегрину Пересу исполнилось 30 лет. Выходец из Валенсии, по профессии каменщик, он рано увлекся политикой и вступил в Компартию Испании в 1933 г. С началом гражданской войны воевал в войсках Республиканской армии, в частях специального назначения и партизанских отрядах. В 1938 г. он становится командиром партизанской дивизии, действовавшей на Арагонском, а затем на Каталонском фронтах. Неоднократно был ранен, войну закончил в звании майора. В мае 1939 г. прибыл в СССР. С сентября 1939 г. по июль 1941 г. был слушателем школы Коминтерна.

На должности командиров боевых групп также были назначены испанцы. Так, командиром первой боевой группы стал Кострильо Модесто, командиром второй группы – Севиль Хосе, командиром третьей группы – Серна Мартинес Роке, написавший впоследствии мемуары. Командиром первого звена стал Хусто Лопес Делафойте, командиром второго звена – Сандавал Морис Хосе[2].

Всего в этом списке, относящемуся к лету 1941 г., фигурируют 90 испанских фамилий. Отметим, что средний возраст испанских добровольцев к 1941 г. – 28–35 лет. Это были люди, уже имеющие за плечами боевой опыт, не юноши, но вполне ощущающие в себе силы принять участие в новой войне. К этому времени в СССР они прожили уже два года. Как следует из документов, почти никто из них к началу ВОВ не обзавелся собственным отдельным жильем, русской женой, советским паспортом. С бытовой точки зрения их адаптация в советском обществе вовсе не казалась успешно пройденной. Многие из них (на это указывают большинство мемуаристов), еще плохо владели русским языком.

[2] Российский государственный военный архив. Ф. 38719. Д. 11. Л. 72.

И.Г. Старинов писал, что в ходе Великой Отечественной войны под его командованием в 5-й отдельной инженерной бригаде специального назначения сражались 320 добровольцев – бывших военных армии республиканской Испании[3].

Многие испанцы оказались включенными и в другие в партизанские соединения. Так, Хосе Гросс также повествует, как в качестве партизана вместе с другими испанцами добровольно вступил в один из партизанских отрядов под командованием Дмитрия Медведева. Любопытны его сообщения о контактах партизан с украинскими националистами. Хосе Гросс рассказывает о подрывах поездов с ценным грузом, о карательных походах гестапо против партизан, о гибели партизанки Марфы Струтинской под Лутцком, о том, как однажды одной миной удалось уничтожить железнодорожный состав вместе с мостом, о собственном ранении у села Карачун, о том, как партизану Фадееву из-за отсутствия необходимых инструментов ампутировали ногу обычной пилой. Хосе Гросс упоминает, что во время одной из перестрелок погиб испанец Антонио Бланко[4].

А.В. Елпатьевский пишет о группе испанских авиаторов в составе Красной Армии, принадлежащим разным коллективам рабочих и служащих Москвы и Горького.

Так, ячейка завода имени Сталина состояла из Франсиско Мероньо, Антонио Кано, Висенте Бельтрана, Хосе Марии Паскуаля, Мануэля Леона, Северино Буруэньо, Франсиско Бенито (пилоты), Хосе Маретанеса (пулеметчика), Дамиана Макайи (наблюдателя) и Хесуса Риваса (механика).

В ячейку с завода им. Молотова в Горьком входили Ладислао Дуарте, Альфредо Фернандес Вильялон, Франсиско Паредес, Исидоро Диас Нахера (пилоты), Игнасио Агинана (механик).

Ячейка из Педагогического института Менделеева включала только одного авиатора Франсиско Бланко де ла Каррера (пилот-наблюдатель)[5]. Испанские пилоты включались в боевые различные соединения. Среди них были и те, кто сражался в Испании, и те, кто окончил летную школу в Кировабаде.

Многие испанские женщины с детьми, пока их мужья находились на фронте, отправились в длительную и тяжелую эвакуацию в тыл. Так, Эстер Урибес Санчес, дочь видного представителя Испанской компартии и активного участника Гражданской войны, политэмигранта Морено Хосе Антонио Урибеса, сохранила воспоминания о своем пребывании в детском саду Коминтерна, который располагался в доме отдыха «Лесной курорт» Горьковской области, на берегах реки Ветлуги. Она вспоминала о холодных зимах, о том, как ее мама ходила за тридцать километров, чтобы принести молока. В детском саду оказались одни женщины и дети (члены семей иностранных коммунистов), которые были абсолютно беспомощны, к тому же плохо говорили по-русски. В памяти Эстер ярко запечатлелся приезд отца, который был инструктором политотдела на Волховском фронте, где воевала испанская

---

[3] *Серна Роке*. Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 8.

[4] *Gros J.* Abriendo camino. Relatos de un guerrillero comunista. Paris, 1971. С. 58.

[5] *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. С. 167.

«Голубая дивизия», и занимался агитацией, призывая франкистов не воевать против Красной Армии[6].

Отметим, что путь испанских добровольцев в ряды Красной Армии был в самом начале войны делом непростым, однако им удалось убедить советское руководство, что они смогут быть полезными в борьбе с фашизмом. Многие испанцы воспринимали Великую Отечественную войну как продолжение той борьбы, которую они начали у себя на родине.

[6] Российский государственный архив фонодокументов. Ф. 20 (Устная история). Воспоминания Эстер Урибес Санчес.

СССР И МАНЬЧЖУРСКИЙ КРИЗИС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Филинов Андрей Владимирович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

После 1991 г. и распада СССР началось медленное, но неуклонное открытие архивов, а также освобождение от безраздельно господствовавших многие годы в советской историографии направлений. Собственно российских работ было пока не очень много[1], но стремление посмотреть под другим углом зрения на ставшие привычными темы, в том числе и на ситуацию в Китае в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было налицо. «Архивная революция» конца 1980-х – начала 1990-х гг. дала толчок к более активному исследованию вопросов, связанных с созданием военно-промышленного комплекса[2] как средства укрепления обороноспособности Дальнего Востока в 1930-е гг. Рассматривались советско-японские отношения как в период маньчжурского кризиса, так и после его затухания[3], в качестве этапа, предшествовавшего развязыванию Второй мировой войны на Тихом океане.

Во второй половине 1990-х гг. всё больший интерес у специалистов вызывает тематика, имеющая отношение как к истории советских спецслужб, выполнявших разведывательные функции[4], но также и к таким вопросам внутренней политики СССР в Дальневосточном регионе, как проведение массовых политических репрессий[5] в первой половине 1930-х гг. Весьма успешно продолжается изучение многочисленных проблем, связанных с влиянием маньчжурского кризиса на Советский Союз в целом[6], на планирование развития военной экономики[7], и функционирование военно-промышленно-

---

[1] *Чубаров В.В.* Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.

[2] *Davies R.W.* Soviet Military Expenditure and the Armaments Industry 1929–1933: A Reconsideration // Euro-Asia Studies. Vol. 45. 1993, № 4.

[3] *Haslam J.* The Soviet Union and the threat from the East, 1933–1941: Moscow, Tokyo, and the prelude to the Pacific War. University of Pittsburgh Press, 1992.

[4] Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 2: 1917–1933 гг. М., 1996.; Т. 3: 1933–1941 гг. М., 1997.

[5] *Деревянко А.П.* Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е гг.: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997.

[6] *Тэраяма К.* Маньчжурский инцидент и СССР // Acta Slavica Iaponica. Т. 14. 1996.

[7] *Harrison M., Davies R.W.* The Soviet Military – Economic Effort during the Second Five-year Plan (1933–1937) // Euro-Asian Studies. Vol. 49. 1997. № 3.

го комплекса[8], на налаживание работы транспортной системы на Дальнем Востоке[9].

По-прежнему вызывают интерес проблемные моменты внешнеполитических контактов между государствами, обладавшими определёнными интересами в дальневосточном регионе[10], но постепенно подобные темы отходят на второй план, уступая место более детальному рассмотрению механизмов принятия решений советскими лидерами[11] и руководством Японии[12] не только касательно друг друга, но и относительно иных стран[13], оказавшихся вовлечёнными в маньчжурский кризис.

Военно-стратегическое планирование[14], оборонное строительство[15], создание и развитие военно-промышленного комплекса в условиях индустриализации Дальнего Востока[16], а также другие внутриполитические мероприятия, имеющие отношения к политике коллективизации в Дальневосточном регионе[17] и реакции на неё местного населения[18], занимают значительное место в трудах историков. Отдельными темами исследований служат не только проблемы обеспечения ОКДВА в условиях длительного противостояния с японскими вооружёнными силами[19], но и вопросы военного судостроения[20], создания военно-морских сил на Тихом океане[21] и в Маньчжурии (Амурская флотилия[22]).

---

[8] *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

[9] *Тэраяма К.* Военизация (милитаризация) железных дорог на Дальнем Востоке СССР (1931–1934 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999, № 2.

[10] *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

[11] *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009.

[12] *Бикс Г.* Хирохито и создание современной Японии. М., 2002.

[13] *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М., 2001.

[14] *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.

[15] *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012.

[16] *Дубинина Н.И.* Дальний Восток Яна Гамарника. Хабаровск, 2011.

[17] *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: сельское хозяйство СССР 1931–1933 гг. М., 2011.

[18] *Астанина Е.А.* Отношение дальневосточного крестьянства к политике коллективизации (начало 1930-х гг.) // Региональные проблемы. 2011. Т. 14. № 2.

[19] *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010.

[20] *Жабровец И.В., Лосик А.В.* Политика советского государства в области военного судостроения и её реализация отечественной судостроительной промышленностью в 1920–1930-е гг. XX в. СПб, 2010.

[21] *Гуринов С.Л.* Деятельность морских сил Дальнего Востока (1932–1935 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 114.

[22] *Мурсалов А.В.* Развитие Амурской флотилии (1930–1941 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 89.

Достаточно новым, но именно в последнее время активно развивающимся направлением изучения является исследование проблем формирования образа Японии[23] в глазах не только советской политической[24] и военной[25] элиты, но и населения СССР в целом[26], а также постепенно начинает изучаться и образ Советского Союза, складывавшийся у жителей страны Восходящего солнца[27].

Поистине неисчерпаемым кладезем информации представляется разработка вопросов, тесно связанных с деятельностью военной разведки[28], их борьба не только с белогвардейской эмиграцией[29], но и с японскими спецслужбами[30]. Изучаются методы и принципы их деятельности[31], кроме того, проведение репрессивных мероприятий[32].

Определённое и достаточно важное место занимают в историографии исследования ситуации на КВЖД как до начала[33] консультаций о продаже Китайской Восточной железной дороги, так и труды, изучающие непосредственно ход этого длительного и весьма непростого переговорного процесса[34].

---

[23] *Ложкина А.С.* «...Два огромных зуба, торчащих изо рта»: формирование образа Японии в советской периодической печати // Родина. 2010. № 9.

[24] *Георгиев Ю.* Как И.В. Сталин изучал Японию // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2.

[25] *Ложкина А.С.* Япония в представлениях советского военного руководства 1930-х гг. // Известия Алтайского госуниверситета. Серия история, политика. 2008. № 4/5.

[26] *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.

[27] *Ёкотэ С.* Представление японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских следователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001.

[28] *Лота В.И.* За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. М., 2008.

[29] *Егоров Н., Цыбин А.* Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

[30] *Капистка В.В.* Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8.

[31] *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945 гг.). М., 2012.

[32] *Шинин О.В.* Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922–1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4.

[33] *Кротова М.В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1.

[34] *Молодяков В.Э.* Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения // Япония. ежегодник. 2009. № 38.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО У КАРЛА ШМИТТА И ХАННЫ АРЕНДТ

Филяева Алина Игоревна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В истории политических учений концепции Карла Шмитта и Ханны Арендт часто противопоставляют друг другу. Однако, несмотря на различие взглядов и расставляемых акцентов, Шмитт и Арендт занимались схожими проблемами. Так, и Карл Шмитт, и Ханна Арендт рассматривали историческое измерение понятия политического, отмечая, что в разные эпохи существовали различные взгляды, описывающие данную категорию, и что XX век внес существенные изменения в представление о политическом.

Карл Шмитт (1888–1985) является одним из наиболее известных и спорных классиков политической философии XX века[1]. Шмитт получил юридическое образование, что, вероятно, повлияло на характер и содержание его работ. Зрелые годы Шмитта приходятся на трудный для Германии период времени: последствия поражения Германии в Первой мировой войне, крах империи и возникновение Веймарской республики создавали неустойчивую, тревожную ситуацию. Как указывает А.Ф. Филиппов, фактически «суверенитет Германии был ограничен, а единство страны... находилось под угрозой сепаратизма, который поощрялся извне»[2]. Экономическое положение Германии зависело от вмешательства США и Великобритании. Неудивительно, что в концепции Шмитта особое место занимают проблемы международного права.

Не менее известным философом XX века является Ханна Арендт (1906–1975). Тематика работ Арендт тесно связана с ее личным опытом. Ханна Арендт принадлежала к состоятельной прослойке немецких евреев, которые считали себя немцами. Отношение Ханны Арендт к своему происхождению, восприятие ею Холокоста, политических преследований, которые она пережила, отразилось в ее концепции тоталитаризма[3] и ее определении политического, которое она в первую очередь связывает со свободой, возможностью совершения поступков и произнесения речей.

Арендт и Шмитт солидарны в убеждении, что старое понятие политического более не релевантно современному. Интересно, что, как отмечал Дж. Агамбен, «термин всемирная гражданская война» для обозначения специфики политической истории «краткого XX в.» появился практически одновре-

[1] *Филиппов А.Ф.* К истории понятия политического // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб., 2016. С. 437.

[2] Там же. С. 529.

[3] *Swift S.* Hannah Arendt. London, 2008. 124 p.

менно в 1963 году в книге Ханны Арендт «О революции» и в работе Карла Шмитта «Теория партизана»[4].

С точки зрения Арендт, имеет место кризис традиции политической мысли, которая не способна осмыслить масштаб происходящего в XX веке и новые политические феномены, такие, как тоталитарное государство и современная тирания, «в силу их беспримерности»[5]. Этой проблеме посвящена книга Ханны Арендт «Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли», в которой она предпринимает попытки политического осмысления современной ей реальности. Как писала Арендт, «главная цель этой интерпретации – открыть действительные истоки традиционных понятий, чтобы заново дистиллировать их изначальный дух, который столь печальным образом испарился из ключевых слов политического языка»[6]. С точки зрения Ханны Арендт, традиция политической мысли начинается с учения Платона, использовавшего аллегорию пещеры для описания «сферы человеческих дел». В этом мифе, с точке зрения Арендт, мир теней на стене пещеры – это социальная сфера, коллективная жизнь людей в общем мире, а мир за пределами пещеры – мир политического[7]. Конец традиции политической мысли пришел, когда Маркс заявил, что «философия и ее истина располагаются не за пределами сферы человеческих дел и общего мира людей, а как раз в них и могут «осуществиться» только в сфере коллективной жизни... посредством возникновения «обобществленных людей»[8]. Другими словами, Маркс постулирует то «заблужение», которое Арендт критикует в «Vita activa» – «недоразумение», приравнивающее политическое начало к социальному.

Однако окончательный перелом в области политической мысли, как считает Х. Арендт, произошел не в результате «бунта против традиции» К. Маркса, Ф. Ницше и С. Кьеркегора, а в результате объективных изменений в политической сфере, которые являлись свершившимся, необсуждаемым фактом – в результате появления тоталитаризма.

Критика Х. Арендт современного ей мира, точнее, систем социальной и политической жизни в условиях массового общества, связана с ограничением действия и речи (которые являются основой политической деятельности, по Х. Арендт) в пользу частной жизни и экономических интересов[9]. Социальное начинает превалировать над политическим, частные интересы становятся важнее, чем свободное участие в политической жизни, серьезной проблемой становятся манипуляции общественным мнением. Как пишет Арендт, убеждению в том, что высшая ценность для человека – «явление и самоактуализация его собственного существа», противостоят убеждения, что «жизнь есть высшее благо» и «произведение больше своего создателя»[10]. Поступки и раз-

---

[4] *Дмитриев Т.А.* Теория партизана вчера и сегодня // *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007. С. 264–265.

[5] *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. М., 2014. С. 41.

[6] Там же. С. 25–26.

[7] Там же. С. 28.

[8] Там же.

[9] *Passerin d Ėntrèves M.* The political philosophy of Hannah Arendt. London, 2001. P. 3.

[10] *Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни. СПб., 2002. С. 276.

говоры друг с другом считают «пустой суетой» и имеющими место постольку, поскольку они «служат общей пользе»[11].

Карл Шмитт также считает, что мир изменился, и старые концепции политического ему более не соответствуют. Однако он смещает акценты, говоря в основном не о феномене тоталитаризма и проблеме ограничения действия и речи, как Арендт, а о «всемирной гражданской войне».

В своей работе «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического» К. Шмитт утверждает, что в XVIII–XIX веках было сформулировано европейское международное право, которое позволяло установить границы между понятиями «войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, межгосударственной и гражданской войны»[12]. Как пишет Шмитт, «классическое, зафиксированное в XVIII–XIX вв. понятие политического было основано на государстве европейского международного права и сделало войну классического международного права оберегаемой в международно-правовом смысле, чистой межгосударственной войной. С XX века эта война государств с ее обереганиями устраняется и заменяется революционной войной партий»[13]. Т.А. Дмитриев в статье «Теория партизана вчера и сегодня» отмечает, что К. Шмитт подразумевает борьбу мирового пролетариата против буржуазии, в условиях которой «европейское суверенное государство перестает быть главным субъектом и последней инстанцией политического»[14], и первичной становится не государство, а политика.

Основной проблемой современного ему мира Шмитт считал утрату принципов международного права, сопряженную с появлением альтернативных государству политических акторов, претендующих на его роль. Поскольку в XX веке война государств сменяется войной партий, как указывалось выше, участниками политики, кроме государства, становятся партии и партизаны.

По Шмитту, всемирная гражданская война подразумевает абсолютизацию враждебности и нацеленность на уничтожение противника. В результате разрушения правил ведения войны, которое, в свою очередь, произошло из-за утраты государством главенствующей роли, центральной фигурой всемирной гражданской войны становится партизан. Причем, если партизан теряет связь с землей и населением, как это происходит в эпоху революций, то его деятельность перестает быть оборонительной, он теряет свою легитимность, а его враги из действительных превращаются в абсолютных. В перспективе Шмитт видел возможность превращения партизана в «простое техническое средство на службе у противоборствующих военно-политических блоков»[15]. В любом случае, изменение понятия партизана, как считает Шмитт, сопряжено с изменением пространства войны в контексте усиления ненадежности и всеобщего недоверия, и вражды – в целом, что делает крайне сложным ограничение войны.

---

[11] Там же.

[12] *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007. С. 52.

[13] Там же. С. 77.

[14] *Дмитриев Т.А.* Теория партизана вчера и сегодня // *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007. С. 267.

[15] Там же. С. 284.

Таким образом, для анализа концепций Шмитта и Арендт был особенно важен тот факт, что современная им эпоха была временем изменений. Очевидно, что их работы, независимо от желания авторов, отражают их стремление решить именно те проблемы, которые ставило их время, а также личный опыт философов. К. Шмитт и Х. Арендт занимались близкими по проблематике вопросами – феноменом массового общества, соответствующей проблемой изменения политической реальности и несостоятельности традиционной, классической политической мысли. Однако мыслители рассматривали разные грани политического: критика массового общества у Шмитта связана с проблемами определения воюющих сторон, войны и врага в международном праве, у Арендт – с проблемой ущемления свободы действия и говорения – политической деятельности людей.

БИОГРАФИЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Фокин Александр Александрович, к.и.н.
(Южно-Уральский государственный университет)

«Биографический поворот» в современной историографии связан с идеей о том, что историописание необходимо переориентировать с традиционных сюжетов политической и экономической истории на антропологический подход, где человек становится центральной фигурой. В последнее время в России растет популярность жизнеописаний выдающихся исторических и современных деятелей политики, науки и культуры и, в меньшей степени, «обычных», ничем не примечательных людей из прошедших эпох. Одну из важнейших ролей в этом процессе играют каналы распространения массовой культуры. Телевидение и кинематограф способны транслировать представление о прошлом на большую аудиторию. В результате для многих зрителей, в силу разных факторов, в том числе из-за плохого знания исторического контекста и труднодоступности других видов информации, фильмы и сериалы оказывают чуть ли не единственным способом формирования исторической картины мира.

Популярность фильмов-биографий, или байопиков (англ. biopic – biographical picture), связана не только с тенденциями последнего времени. Советский кинематограф создал целый пласт фильмов про исторических деятелей. Евгений Добренко, опираясь на материалы кинематографа, показывает, как в сталинскую эпоху происходило формирование исторического нарратива и политического воображаемого[1]. Одним из главных биографических фильмов в этом аспекте является лента Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», этот фильм стал базой для исторических представлений о князе и Ледовом побоище у массы людей на протяжении нескольких поколений. Слова из заключительного монолога в фильме: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!» – многими воспринимаются как аутентичный исторический текст[2]. Если в советский период кинематограф находился под пристальным вниманием партии и правительства и существовал определенный центр формирования исторического нарратива, то в современной России формально отсутствует цензура, и государство имеет только косвенные рычаги влияния

[1] *Добренко Е.* Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.

[2] *Шенк Ф.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 409–409.

в этой сфере. Например, Министерство культуры утверждает приоритетные темы государственной поддержки кинопроизводства[3].

В последнее время можно отметить стремление государства и отдельных представителей власти сформировать новый большой исторический нарратив. Был принят историко-культурный стандарт, который должен был стать базой для единого учебника истории, что означает сокращение возможных интерпретаций прошлого в школьном курсе. И активное участие в коммеморационных практиках, это и масштабное празднование столетия начала Первой мировой войны, это и установление контроля над акцией «Бессмертный полк», и установка памятника князю Владимиру Святославичу в центре Москвы в 2016 году.

Символично, что в один год с установкой памятника состоялась премьера фильма «Викинг», посвященного князю Владимиру. Это не первая попытка российского кинематографа обратиться к его биографии: в 2006 году был выпущен мультфильм «Князь Владимир», главную роль в нем озвучил Сергей Безруков. Фильм 2016 года, вышедший в канун Нового года, претендовал не только на коммерческий успех, но и на особый статус. Подтверждением этому является встреча президента РФ Владимира Путина со съемочной группой киноленты. Мнение президента должно было стать маркетинговым ходом для фильма и сделать его частью государственного исторического нарратива.

Следует обратить внимание, что в 2008 году, когда на канале «Россия» было запущенно шоу «Имя России» – на тот момент один из самых масштабных проектов в рамках публичной истории России – князь Владимир не попал даже в топ-50[4], при том, что там оказались не самые крупные исторические фигуры, например, полулегендарный Рюрик, Григорий Потемкин, Антон Деникин. Выбор из 500 имен исторических деятелей проходил на основе зрительского голосования, следовательно, Владимир Святой не занимал важное место в исторической памяти россиян. Это частично связано с тем, что в 20 веке не сложился устойчивый образ крестителя Руси в массовой культуре. Как отмечает Виктор Хохлов, «в целом можно констатировать, что князь Владимир в советском кинематографе так и остался второстепенным героем, и при этом довольно противоречивым»[5].

Чем тогда можно объяснить активное вхождение князя Владимира в повестку дня и активные усилия по включению его в коммеморационные практики? На мой взгляд, установка памятника и выход фильма не могут быть объяснены в отрыве от усиления православно-патриотического аспекта, и князь Владимир выступает как духовный основатель государства Российского. Неслучайно В. Путин на открытии памятника, которое состоялось в День народного единства, сказал: «Этот выбор стал общим духовным истоком для народов России, Белоруссии, Украины, заложил нравственные, ценност-

---

[3] Приказ Министерства культуры РФ от 12 мая 2016 г. № 1040 «О приоритетных темах государственной финансовой поддержки кинопроизводства в 2016 году». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71337292/

[4] URL: http://top50.nameofrussia.ru/

[5] *Хохлов В.* Князь Владимир Святославич – креститель Руси как герой отечественного кино. Советское и постсоветское «воображаемое русское»: витязи на распутье. URL: http://gefter.ru/archive/19714

ные основы, которые определяют нашу жизнь и поныне»[6]. Это высказывание одновременно связано и со второй причиной – присоединением Крыма, где Владимир принимает крещение. В 2014 году в послании президента к Федеральному Собранию говорилось: «Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение. Потому, что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь»[7]. Именно принятие христианства становится основной линией в фильме «Викинг», при этом многие спорные моменты биографии князя там показаны так, чтобы оправдать героя: например, изнасилование Рогнеды или убийство брата. В финале фильма после захвата Корсуни показываются кадры крещения Руси как высшей точки биографии Владимира, причем сделано это в радостной и веселой стилистике, что, видимо, должно создавать антитезу известному выражению про крещение огнем и мечом и формировать образ добровольного принятия христианства.

Выход фильма «Викинг», даже если и не был прямым государственным заказом, стал частью проекта по формированию историко-политической повестки в современной России. Продукт массовой культуры, ориентированный на коммерческий успех, должен был создать удобный для восприятия исторический нарратив с отсылками к современным проблемам. С одной стороны, кассовые сборы показывают, что удалось добиться широкого охвата аудитории, с другой стороны – низкие рейтинги фильма говорят о недовольстве многих зрителей картиной. В силу этой и других причин, вряд ли можно предположить, что «Викинг» сможет создать такой устойчивый биографический сюжет, как в свое время «Александр Невский» или «Чапаев», но при этом он является важным кейсом, который требует более глубокого изучения для понимания исторической политики в целом и популярности биографии как способа исторического повествования, в частности.

[6] *Путин В.* Речь на открытии памятника князю Владимиру. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53211

[7] *Путин В.* Послание Президента Федеральному Собранию. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕЕ ОЧЕВИДЦЕВ

Фролов Андрей Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

История человечества является нелинейным, динамично развивающимся процессом. Продолжительные периоды стагнации и стабилизации общественной жизни чередуются с радикальными, коренными переворотами в её устройстве. Данные перевороты в научной и публицистической традициях обозначаются как «революции».

Следует отметить, что понятие «революция» не имеет исключительно негативной коннотации. Так, внедрение инновационных разработок в процесс промышленного производства вряд ли может быть детерминировано как отрицательное явление. Однако при анализе политических революций невозможно дать однозначно положительную или однозначно отрицательную оценку ходу и последствиям произошедших событий.

Тема Великой Российской Революции[1] является одной из самых обсуждаемых в современном политологическом, историческом и смежных с ними дискурсах. Дискуссии вокруг её действительной роли в истории России, неизбежности смены правящего режима не прекращаются даже по прошествии 100 лет со дня начала этого события. На наш взгляд, определить цикл военно-политических потрясений 1917 года как оказавший абсолютно положительное или абсолютно отрицательное влияние на развитие страны невозможно. Для лучшего понимания логики последовавших за сменой формы правления событий необходимо изучение не только нормативно-правовых актов, издававшихся в то время, но и художественных произведений, поскольку именно в них отражены действительные впечатления современников – творцов великих перемен. Именно от особенностей интерпретации происходящего зависят дальнейшие поступки человека, в то время как закон может лишь устанавливать общие рамки поведения или же и вовсе быть действующим только формально, в то время как его положения не выполняются.

В своей работе мы считаем необходимым в первую очередь проанализировать примеры работ, которые написаны под влиянием двух противоположных идеологий: коммунизма и монархизма. Так, Владимир Маяковский, будучи сторонником переворота 7 ноября, приветствует установление нового порядка, считая его установление правильным и прогрессивным. Поэт уверен в том,

[1] Под термином «Великая Российская Революция» мы понимаем события, произошедшие в период с 8 марта по 7 ноября 1917 года (по новому стилю).

что «триэтажный призрак со стороны России» должен распространиться на остальные страны, «республик и царств беря барьеры»[2].

Сергей Бехтеев, являясь убежденным сторонником монархии и Николая II, старается убедить читателя в том, что и февральский и октябрьский перевороты были ошибочными, преступными. По его мнению, революционеры похоронили тысячелетний труд своих предков: «Да будут прокляты потомством сыны, дерзнувшие предать с таким преступным вероломством свою беспомощную мать»[3]. Автор уверен в том, что без монарха Россию ждут потери и поражения, а бедственное положение конца 1917 года теперь станет постоянным: «Когда-то властная царица, гроза и страх своих врагов, теперь ты жалкая блудница, раба, прислужница рабов!»[4]

Гораздо большую ценность для исследований образа Великой Российской Революции в сознании её современников представляют художественные произведения авторов, избежавших идеологизированно одностороннего изображения событий и народных настроений. Михаил Шолохов, описывая настроения казачества до, во время и после 1917 года отмечал, что многим членам донского казачьего войска было непонятно, ради чего были проведена смена режима; на примере судьбы Григория Мелехова автор показывает, что и красные , и белые одинаково неправы, и те и другие не хотят остановить братоубийственную войну, в то время как люди не понимают, почему нужно во имя малопонятных им идей полностью изменить уклад жизни, почему они должны отдать пришлым людям свою землю[5]. Казакам не понятно, почему вместо врага они должны убивать своих соседей. Революция 1917 года по Шолохову – это непонятный обычным людям вихрь кровавой бойни между братьями, ломающий вековые устои русского человеческого общежития.

Несколько иная трактовка революции отражена в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Следует отметить, что данное произведение имеет ярко выраженные элементы автобиографии, однако поскольку сам Пастернак принадлежал к так называемой «интеллигенции», то отношение главного героя – Юрия Живаго – к революции может быть оценено как отношение к революции интеллигенции в целом. Наступление перемен ощущалось обществом задолго до 1917 года: «Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный воздух. Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты»[6]. Однако, по мнению автора, человек растворяется в революции, не он ее творец, не ему суждено изменить её ход, но он способен осознать масштаб перемен, величие исторического момента. Главная же задача старой интеллигенции – найти свое место в новом мире, потому что старых порядков больше не существует.

Одну из наиболее сложных трактовок революционной тематики дает в своей поэме «12» Александр Блок. Он отмечает, что во многих аспектах революция была для населения желанна, но её последствия карикатурно не-

---

[2] Там же.

[3] *Бехтеев С.С.* Грядущее. Стихотворения. СПб., 2004.

[4] Там же.

[5] *Шолохов М.А.* Тихий дон. М., 1980.

[6] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. Повести. М., 2012.

лепы[7]. Безопасность обеспечивают те, кто сами всегда готовы к грабежам и убийствам. Многие люди приняли революцию, но не поняли её: раз за разом отрекаясь от Бога, солдаты фактически отвергают не религию, а официальную церковь, Бог же все равно идет перед ними[8]. Красноармейцы пытаются насадить новый порядок через насилие и мародерство, грех и святая цель сливаются в единое целое. Автор отмечает, что будущее страны неясно: будет ли это путь к чему-то светлому или же наоборот – нравственная деградация зависит от двенадцати красноармейцев, в образе которых можно проследить образ новой власти и народа в целом.

Таким образом, Великая Российская Революция представлена в художественных произведениях её очевидцев как комплексное, неоднозначное явление. Его исход (а в некоторых случаях и смысл) непонятен части населения России, однако абсолютное большинство признает, что «жизнь по-старому» более невозможна, великий исторический выбор сделан, и теперь от действий народа огромной страны зависит, будет ли этот выбор ошибочным или же приведет Россию к процветанию.

[7] Блок А.А. Двенадцать. М., 2011.

[8] Следует также учесть принадлежность А.А. Блока к символистам. В произведениях представителей данного литературного направления значительная часть информации передается через использование авторами образов – символов.

ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИИ В ТЕКСТЕ ПАЛИМПСЕСТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Хараишвили Кристина Владимировна,
Бакуменко Геннадий Владимирович
(Краснодарский государственный институт культуры)

Актуальность постановки проблемы прочтения истории путем культурологического анализа символического содержания объектов городской среды (архитектуры, памятников и памятных мест, ландшафтов, топонимов и пр.) обусловлена необходимостью осмысления ресурсного потенциала историко-культурного наследия, раскрывающего закономерности эволюции исторической памяти.

В данном докладе мы выделяем методологические аспекты авторского подхода, нуждающегося в апробации.

Термин «текст палимпсеста городской среды» мы используем вслед за А.П. Артеменко[1], который предложил метафору «палимпсест городской среды» с опорой на работы Т. Адорно, В.С. Вахштайна, Г.-Х. Гадамера, Г. Зиммеля, М. Кастельса, А. Лефевра, К. Линча, М. Мамардашвили и др. Этим термином мы обозначаем символическое пространство городской среды в его исторической ретроспективе, состоящее из отражений в комплексе исторических архитектурно-ландшафтных объектов, топонимов, памятников и памятных мест смысловых и ценностных дефиниций мировоззрения горожан, которые в совокупности могут выражать некоторый культурный концепт коллективного успеха, предопределяющий историко-культурные интерпретации исторической событийности. Историческая реконструкция этапов развития городской среды, раскрывает причинность замены одних символов другими, что в свою очередь раскрывает тенденции формирования исторической памяти и культурной идентичности жителей города.

В основе авторского описательно-аналитического метода прочтения истории как культурного текста лежат четыре основных принципа.

1) Принцип комплексности исследования памятников историко-культурного наследия во всем многообразии их материальных, этических, эстетических современных и культурно-исторических ценностных характеристик, предложенный Д.С. Лихачевым[2].

2) Принцип символизации успеха – символическое содержание является следствием включенности объекта в сферу социальной коммуникации, фундаментальной функцией которой является определение стратегии выживания или получения некоторого преимущества для выживания участников

[1] *Артеменко А.П.* Текст или палимпсест города? 2017.

[2] *Лихачев Д.С.* Экология культуры. 1980.

коммуникации, что и ощущается ими как успех. Успех коммуникации является фактором ее продолжения или неоднократного возобновления[3].

3) Принцип перцепции[4] уравнивает когнитивные и перцептивные составляющие восприятия культуры. В отличие от глубоко изученной когнитивной стороны восприятия культуры (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. Фуко, Ф. дэ Соссюр, Ю.М. Лотман и др.), перцептивная лишь контурно определена (К. Юнг, Л.С. Выготский, П.А. Сорокин, П. Бурдье и др.). Но массовые культурные явления опираются не на логические, а на интуитивные формы восприятия (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, М. Бубер, М. Маклюэен, и др.). Объекты материальной культуры (посуда с плоским дном, каблуки на обуви и пр.) как и элементы духовной культуры (законы формальной логики, понятие греха, принципы эмпирического исследования Ф. Бэкона и пр.) транслируются не только посредством когнитивной природы нашего мышления, но и в непосредственном практическом опыте, основанном на ощущениях. Успех, как и его символы, ощущаются людьми, что направляет их деятельность в предсказуемое русло, пока опыт не дискредитирует ведущую идеальную модель успеха.

4) Принцип тернарности Ю.М. Лотмана[5]. Бинарные концепты взаимноопосредованы, их смысловые дефиниции оппонентно представлены, определение одного определяет положение другого, противолежащего на ценностной шкале. Ю.М. Лотман указывает на непостоянство бинарных концептов, на их взаимозаменяемость на вершине ценностной шкалы. Такие смены, происходящие по мере завершения самоописания семиотической системы, сопровождаются серьезными революционными смысловыми сдвигами (взрывами) и социальными потрясениями. Взрыву Ю.М. Лотман противопоставляет культуру, основанную на принципе тернарности, когда два концепта определяются через третий. В этом случае семиосфера развивается эволюционным путем, революционная смена смысловых дефиниций в одном или нескольких пластах культуры уравновешивается стабильностью некоторого культурного пласта, неподверженного переосмыслению.

На примере палимпсеста городской среды Армавира Краснодарского края тезисно обозначим объекты, отражающие роль революционных событий и гражданской войны начала XX века в истории города.

В Армавире 1–2 февраля 1918 г. состоялся I съезд Советов Кубанской области в помещении кинотеатра «Марс» (в советское время кинотеатр «Октябрь», ныне «Марс»), одного из первых на Кубани (построен в 1913 г.), располагавшегося на ул. Генерала Засса (ныне ул. Комсомольская) между Николаевским проспектом (ул. Кирова) и ул. Лорис-Меликовской (К. Либкнехта). Барон фон Г.Х. Засс (1797–1883 гг.) основатель Армавира (1839 г.)[6].

---

[3] Подробнее: *Бакуменко Г.В.* Символизация успеха как социокультурная рефлексия. 2015; *Он же.* Концепт социокультурного процесса символизации успеха. 2014.

[4] *Он же.* Перцепция в социокультурном процессе символизации успеха. 2014.

[5] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. 1992.

[6] *Ктиторов С.Н.* История Армавира: досоветский период: 1839–1918 гг. 2002.

На следующем квартале между ул. Лорис-Меликовской (К. Либкнехта) и Атамановской (К. Маркса) располагался Свято-Никольский храм РПЦ, разрушенный советской властью в 1920-х и восстановленный прихожанами на историческом месте в 2000-х. На территории бывшей Церковной площади сейчас Парк им. 30-летия Победы, в центре которого «Братская могила партизан и советских воинов, погибших в боях с фашистскими захватчиками в 1942–1943 годы»[7], здесь же похоронен герой Гражданской войны комбриг 1-й Конной армии И.А. Трутнев (1878–1943 гг.)[8]. Кварталом выше по Николаевскому проспекту в сторону Владикавказской железной дороги располагается здание первого на Кубани Зимнего театра (ныне Армавирский театр драмы и комедии). Еще выше кварталом ЖД-вокзал Армавир-Ростовский и сама железная дорога, сыгравшая важную роль в развитии инфраструктуры города, определившая стратегическое значение серии ожесточенных сражений красных и белых, в одном из которых Добровольческой армией был задействован бронепоезд «Единая Россия»[9].

Перечисленные выше принципы позволяют описать исторический процесс в аспекте генезиса культурных концептов, предопределяющих и ход истории, и социокультурные особенности ее интерпретации. Переименование (перекодирование) социокультурных элементов городской среды отражает столкновение и противоборство двух бинарных семиотических систем. Победа (успех) одной из них предполагает наименьшую степень ее самоописания, что и ведет к переименованию материального наследия и уничтожение той ее части, которая не поддается переименованию. Между тем тернарный концепт примирения с историей подразумевает диалектический синтез противоречий и устойчивое социокультурное развитие, в чем и заключается колоссальный символический ресурс историко-культурного наследия. Историческая память, в этой связи, представляет собой сферу диалектического синтеза социальных противоречий и она тем глубже, чем меньше исторической событийности из себя исключает.

---

[7] В реестре памятников историко-культурного наследия Краснодарского края № 537.

[8] *Бакуменко Г.В.* Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы сохранения историко-культурного наследия. 2015.

[9] Город Армавир Краснодарского края – История // СМИ ЭЛ Армавир.ру, 2014–2017 [Электронный ресурс]. URL: http://armavir.ru/istoriya-armavira (дата обращения: 27.02.2017).

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БОРЬБЫ В УКРАИНЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1921 гг.)

Харламов Михаил Иванович, к.и.н.
(Национальный университет гражданской защиты Украины)

Революция, а также гражданская война окончательно разрушили имперскую систему пожарной охраны в Украине и в других регионах. Территории уже бывшей Российской империи продолжали страдать от пожаров. Новая власть, понимая важность создания эффективной системы пожарной безопасности, начала издавать ряд декретов, которые должны были улучшить ситуацию в данном направлении. Согласно первому законодательному акту в этой отрасли – декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР от 17 апреля 1918 года «Об организации государственных мер борьбы с огнем», были определены новые направления борьбы с пожарами на территориях подконтрольных большевикам, в том числе и на украинских землях.

Большой вклад в разработку этого законопроекта сделал М.Т. Елизаров, которому было поручено сделать анализ состояния дел в системе противопожарной безопасности. Елизаров в докладе Совету Народных Комиссаров рассказал об огромном вреде, который наносят экономике пожары. Так, отмечалось, что многомиллионные убытки хозяйства государства, которые были подсчитаны органами статистики, не являются окончательными. Колоссальными стали косвенные убытки государства от огненного бедствия, проявлявшиеся в остановке хозяйственной деятельности, отвлечении огромной массы рабочих на восстановление предприятий.

Марк Елизаров проанализировал основные причины возникновения пожаров. К ним он отнес: отсутствие обязательных противопожарных нормативов, эффективного руководства и специального государственного органа противопожарного надзора, недостаток специалистов и специальных противопожарных средств и инвентаря[1]. Кроме Елизарова, в разработке декрета принимали участие: председатель Правления Всероссийского профессионального союза и заведующий Петроградскими курсами пожарных техников Яворовский, член правления Всероссийского союза пожарных и страховых деятелей Федотов, председатель правления Российского союза противопожарного страхования Яичков. Совнарком РСФСР, подробно обсудив положения декрета, принял с поправками данный документ. Поправки вносил председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин).

В этом документе было сказано: «1. В целях ограждения народного достояния Российской Советской Федеративной Республики от пожарных бед-

[1] *Назаров Ю.А.* Бойцы огненного фронта. М., 1980. С. 17.

ствий и для учреждения высшего руководства, объединения, направления и развития мероприятий по борьбе с огнем, учреждается Пожарный Совет, под председательством Главного комиссара по делам страхования, в должности которого присваивается наименование: Главный комиссар по делам страхования и борьбы с огнем. 2. Ведению Пожарного Совета подлежат все вообще дела по изысканию и применению как предупредительных, так и оборонительных мер борьбы с пожарным бедствием»[2].

Как видим, специально созданный Пожарный Совет должен был координировать все вопросы, которые касались проблемы пожарной безопасности в стране, в том числе контролировать предварительное рассмотрение и разработку законодательных актов по пожарному делу. Главный комиссар по делам страхования и борьбы с огнем вообще становился одним из важнейших управленцев. Так как, по пункту XXII этого же декрета организация отделов Пожарного Совета, формирование окончательного состава этих учреждений, определение комплекса их прав и обязанностей, назначение окладов денежного содержания для сотрудников Совета, а также вопросы общего внедрения данного законодательного акта полагались на указанное выше должностное лицо[3].

Кроме того, в документе была отмечена необходимость дальнейшего развития пожарного законодательства, был сделан акцент на усилении средств профилактики пожаров, планировании поселений и огнестойком строительстве, водоснабжении и развитии добровольных пожарных организаций. Отдельно был поставлен вопрос о подготовке квалифицированных кадров и прогрессивные научно-технические разработки в области пожарной. Предлагалось вести тщательные исследования причин возникновения пожаров и внедрять единую статистическую систему подсчетов количества пожаров и убытков, которые те наносят народному хозяйству. Особенно ставился акцент на необходимости участия местных советов в решении вопросов пожарной охраны.

Этот документ имел важное значение в дальнейшем для развития системы борьбы с пожарами в советской Украине 1920-х годов, поскольку тогда были заложены главные принципы ее построения, определены приоритетные пути развития. Этот декрет, а также другие законодательные и нормативные акты Российской республики были признаны и приняты к внедрению на всей территории УССР Всеукраинским революционным комитетом уже 27 января 1920 года[4]. Хотя украинское руководство принимало лишь декреты, касавшиеся военной, продовольственной, финансовой и хозяйственной сферы.

Также согласно положениям декрета «Об организации государственных мер борьбы с огнем» в 1918 году были приняты обязательные постановления о противопожарной охране заводов и фабрик, введено в действие положение об организации противопожарного надзора, разработан проект пожарной

---

[2] Сорок лет пожарной охраны СССР (1918–1958). Специальный выпуск Управления пожарной охраны МВД Белорусской ССР и совета Белорусского добровольческого пожарного общества. Минск, 1958. С. 2.

[3] Перетнемо дорогу вогню. К., 1964. С. 9.

[4] Там же. С. 12.

опытной станции; был создан отдельный фонд для получения займов и помощи на противопожарные мероприятия[5].

В конце 1918 года Совнарком РСФСР принимает новый декрет «Об организации страхового дела в Российской республике». Согласно данному документу, в связи с образованием Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) Пожарный Совет и Главный комиссар по делам страхования и борьбы с огнем подчинялись созданному учреждению. Была создана новая организация в структуре ВСНХ – Пожарно-страховой отдел ВСНХ. 20 мая 1919 года ВСНХ принимает постановление «Об управлении пожарным и страховым делом РСФСР». В ней, в частности, подчеркивалось, что Пожарно-страховой отдел ВСНХ, на который возлагалось общее руководство пожарным и страховым делом в республике, разрабатывает и осуществляет через соответствующие государственные органы меры общегосударственного характера в сфере профилактики и борьбы с пожарами, в том числе огнестойкое строительство и планирование поселений. В функции Пожарно-страхового отдела входило также определение потребности в пожарной технике, ее распределение и учет, выдача ссуд на противопожарные мероприятия, решение спорных вопросов между профильными организациями и учреждениями, издание обязательных постановлений общего значения, ведение общегосударственной пожарной статистики.

Этим же постановлением 1919 года определялись функции губернских и уездных пожарных органов. В 12 статье положения предусматривалось, что средства на содержание местных городских и сельских пожарных дружин должны были выдаваться из местных бюджетов. Эта статья была изменена специальным постановлением ВСНХ от 3 ноября 1919 года.

Центральные органы управления перекладывали основное финансовое бремя борьбы с пожарами на региональные органы, это приводило к ухудшению состояния пожарной безопасности на местах, поскольку местные бюджеты не наполнялись надлежащим образом. К делам защиты территорий от пожаров активно привлекалось население, как добровольно, так и принудительно в виде создания добровольных пожарных дружин, разного рода налогов и повинностей на борьбу с огнем. Данная практика российских управленцев была воспринята украинским руководством в начале 1920-х годов практически полностью.

Следует отметить, что развитие теории и практики системы пожарной безопасности в российской советской республике имело существенное влияние на формирование структуры системы пожарной безопасности в УССР 1920-х годов. Украинское руководство утверждало российские декреты для внедрения на своей территории. Таким образом, можно сказать, что законодательные акты, принятые Совнаркомом РСФСР в 1918–1919 годах, стали основой для создания системы борьбы с огнем в УССР в 1920-е годы.

---

[5] *Замостьев А.* Бойцы огненного фронта. Пособие для докладчиков о 40-й годовщине Советской пожарной охраны. К., 1958. С. 8.

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ: ВЗГЛЯД «ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ»

Царегородцева Галина Игоревна, к.и.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В годовщину Октябрьской революций в России, оказавшей на мировое сообщество влияние, которое сложное переоценить, нельзя пройти мимо событий в Иране, названных американской журналисткой Робин Райт «последней великой революцией XX века».

Существует ряд мнений по поводу происхождения революции, ее отличительных признаков, последствий и исторического значения. В основу данной статьи легли работы двух исследователей – журналистов, на протяжении многих лет наблюдавших за ситуацией в Иране изнутри и извне. Это американская журналистка Р. Райт (ее книга «Последняя великая революция»[1]) и египетский журналист М. Хейкал (его книга «Возвращение аятоллы»[2]).

Хейкал был хорошо известен как на Ближнем Востоке, так и во всем мире, как сторонник и соратник Г. Насера, талантливый журналист, одно время занимавший пост министра информации в Египте. Робин Райт – известный в США журналист, писавшая для «Вашингтон Пост», «Форин афэирс», «СиБиЭс» и многих других. Оба автора – признанные аналитики международных отношений. Именно Хейкала пригласили посетить американское посольство захватившие его иранцы. Воспоминания Хекала об этом визите, его размышления об Иране до и во время революции дополняют общеизвестные факты о событиях меткими замечаниями и неожиданно яркими деталями.

Взгляд Райт иной. Ее книга опубликована в 2000-м году, что позволяет автору смотреть на события в ретроспективе, без сильных эмоций, вызванных захватом заложников. Вместе с тем, нельзя не отметить, что если Хейкала с иранцами сближает стремление к независимости, религия, историческое прошлое региона, то Райт испытывает симпатию к иранскому народу, который, по ее мнению, гораздо больше похож на американский, чем это может показаться на первый взгляд[3]. Хейкала высоко оценивали многие советские и российские исследователи, в т.ч. Е. Примаков[4]. Райт получила звание «журналист года» от Американской Академии Дипломатии в 2004 году.

---

[1] *Heikal M.* The Return of the Ayatollah: The Iranian Revolution from Mossadeq to Khomeini. L., 1983.

[2] *Wright R.* The Last Great Revolution: Turmoil and Transformation in Iran. N.Y., 2000.

[3] *Wright R.* Op. cit. P. 6.

[4] *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016. С. 32.

Какой же была для них иранская революция? Оба автора подчеркивают огромную роль ислама. Хейкал приводит следующие характеристики шиитского течения. Во-первых, его история, связанная с мученичеством сына Али Хусейна. Во-вторых, принадлежность Али к имамам, в-третьих, революционный характер течения с социальной составляющей[5]. Райт, в свою очередь, подчеркивает, что «Шиизм призывает к священной войне с несправедливостью и тиранией, даже если это ведет к смерти. Ислам стал источником национальной силы для Ирана»[6].

Также журналисты единодушно признают накопившиеся социально-экономические проблемы в стране. За период правления шаха Мохаммеда Реза Пахлеви, он, по словам М. Хейкала, неоднократно бравшего у него интервью в разные периоды правления, из робкого юноши превратился в уверенного лидера, который считал, что Штаты нуждаются в нем больше, чем он в них. Все основные сферы экономики, политики и общественной жизни контролировались членами шахской семьи. Это не могло не вызывать протест в обществе, которое нищало, не находя своего пути ни в коммунизме, ни в западной демократии, что в контексте холодной войны имело большое значение. Как пишет Хейкал, символом противостояния сверхдержав стали два посольства в Тегеране: советское и американское. Именно американское посольство в Тегеране стало нервным центром для контроля над всем регионом. Когда Иран начал играть роль полицейского в зоне Персидского залива, американское посольство стало полицейским участком. Функции работников посольства были более чем просты: поддерживать дипломатические отношения с шахом, это скорее означало выступать защитником режима. Это также означало, что власть была поделена между шахом и американцами, именно посольство стало в результате наиболее значимым пунктом во всем Иране[7]. И именно американское посольство было захвачено группой юных революционеров, что стало для Вашингтона огромным политическим поражением. Оба автора подчеркивают, что аятолла Хомейни стал главной фигурой, символом революции, который при всех попытках передать власть своим соратникам и вернуться к духовной жизни потерпел неудачу, что во многом определило характер революции.

Журналисты по-разному расставляют акценты. М. Хейкал подчеркивает религиозную составляющую событий, не забывая и о социально-экономических и политических причинах. В свою очередь, Р. Райт, выделяя также исламский характер революции в Иране, в своей книге ссылается на работы американского историка К. Бринтона, в том числе на «Анатомию революций»[8], ставит иранскую революцию в один ряд с английской, французской и русской революциями. Все «восстания, возглавляемые индепендентами, якобинцами или большевиками требовали свободы и власти, находившейся у правящего меньшинства» (королевской власти), которую нужно было взять в свои руки; «также поступили и иранские революционеры». Иран даже не был новатором в использовании религиозных идей в революции, пишет Райт, приводя в при-

[5] *Heikal M.* Op. cit. P. 82.

[6] *Wright R.* Op. cit. P. 9–10.

[7] *Heikal M.* Op. cit. P. 100, 16.

[8] *Wright R.* Op. cit. P. 12.

мер реформацию в Европе[9]. Именно Райт, приводя фрагменты своих бесед с рядовыми жителями Ирана после революции, говорит об их разочаровании, о сожалении о прошлом. Хейкал встречается с шахом, аятоллой, студентами в американском посольстве. Его интересует прежде всего революция как процесс, ее основные действующие лица, а Райт много внимания уделяет описанию быта иранцев до и после революции, ей интересны не только и возможно не столько лидеры революции, сколько те, чью жизнь революция поменяла – таксисты, уличные музыканты, посетители музеев и т.д.

Очень часто мы обращаемся к прошлому, надеясь понять современность и хоть немного заглянуть в будущее, с учетом прежних достижений и ошибок. Однако иногда не столь отдаленное прошлое может стать не менее ценным материалом для понимания событий прошлого и позапрошлого веков, особенно если взглянуть на нее глазами современников из разных частей света, как географически, так и политически. Таким примером сегодня может стать Исламская революция в Иране, которую западный исследователь называет «последней великой революцией». На наш взгляд, «величие» в данном случае определяется степенью изменений в обществе и влияния, которое она оказала на другие страны и народы. Значение революции в Иране действительно велико. Если взглянуть на нее с разных сторон, то с одной стороны перед нами позиция египетского журналиста М. Хейкала, известного своей работой с Насером, Садатом, пользовавшегося большим уважением у своих коллег-журналистов и дипломатов в разных точках мира; с другой стороны, прозападный взгляд американской журналистки Робин Райт. Но обе точки зрения не являются полярными, и сходство во взглядах объяснимо. Действительно, исламская революция произошла под влиянием ряда объективных факторов, имела очевидные недостатки (одного главу, аятоллу, который пытался держать в своих руках все бразды правления, одновременно желая устраниться от политики), а ее влияние вышло за пределы отдельной страны, его эффект ощутил и ближневосточный регион, и сверхдержавы, а самое главное, Иран до сих пор является непредсказуемым игроком на мировой арене, его традиционно плохие отношения с Израилем, неоднозначные отношения с НАТО и Россией заставляют политиков, дипломатов и военных во всем мире держать его под пристальным вниманием, а значит, постоянно изучать, исследовать, анализировать события почти сорокалетней давности.

[9] Ibid. P. 13.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ В 1960–1980-е гг.: ОПЫТ СОЧЕТАНИЯ АРХИВНЫХ ДАННЫХ И ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Цветков Эдуард Георгиев
(Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова)

Архивы Российской Федерации располагают огромным количеством сведений о современной истории Африки и различных аспектах советско-африканских отношений. Их потенциал в изучении эволюции и специфики советско-африканских связей огромен, однако это направление исследований нельзя назвать популярным.

Известно, что сотрудничество СССР со странами Африки было политически обусловлено. Главной задачей можно считать установление советского влияния, что имело принципиальную важность для СССР в условиях холодной войны. Для ее успешного осуществления была создана масштабная система партнерства с Африкой. Отправной точкой ее реализации стала выработка правовой основы для развития межгосударственных отношений. После дипломатического признания следовали соглашения о военном, экономическом, финансовом и культурном сотрудничестве, исполнение которых создавало сложную систему советско-африканских связей. Существенной частью этой системы были многочисленные советские специалисты, которые на практике осуществляли политическую волю руководства СССР.

В литературе советского периода этот феномен не разрабатывался. Предпочтительным считалось освещение более масштабных вопросов развития стран «социалистической ориентации», различных аспектов теории советско-африканского партнерства и преувеличенных размеров содействия программам экономических и социальных преобразований. Сами специалисты рассматривались исключительно как необходимость в контексте осуществления африканской политики СССР, как элементы производственного или непроизводственного сотрудничества, исполняющие свой интернациональный долг.

В действительности круг проблем, связанных с деятельностью советских специалистов в Тропической Африке, достаточно широк. К нему можно отнести феномен «советских колоний», деятельность «физкультурных организаций», условия, оплата и результаты труда специалистов, вопросы обеспечения и досуга, медицинского обслуживания, решение бытовых вопросов, задачи пропаганды, характер взаимоотношений с органами власти и местным населением. В этом ракурсе на передний план выходят истории конкретных людей, что актуализирует поиск необходимых источников.

Историография новой России уделяет больше внимания изучению локальных сюжетов истории. Авторы, стремящиеся в своих исследованиях к детализации, вынуждены обращаться к источникам личного происхождения: мемуарам, дневникам, письмам, воспоминаниям, данным анкетирования

и интервью. Многими они воспринимаются как произвольные и лишенные собственно исторической ценности. Они тяжелее поддаются обработке, а их использование и вовсе теряет смысл в рамках недостаточно разработанного контекста. Однако только благодаря наличию в них вариативности и субъективности, можно выразить конкретный облик исторических процессов, насытить их неповторимостью, поскольку слишком гладкое и непротиворечивое изложение широкой проблемы не может быть полноценным. Касаемо проблем недавней истории, действующие лица которой еще живы, а так же с учетом случившихся за последнее время изменений в нашей стране, их осмысление прошлого представляет значительный интерес.

Специфика круга проблем, связанных с советскими специалистами как наиболее значимым элементом внешней политики СССР в Тропической Африке, диктует необходимость сочетания различных по качеству источников информации – от архивов и материалов периодической печати до поиска и интервьюирования непосредственных участников событий.

Ценным свойством архивных материалов является их пластичность. Возможность использования архивных данных в разной степени приближения, вплоть до детальной конкретизации каких-либо частных сюжетов открывает широкие возможности их совместного использования с другими типами исторических источников для более полного исследования.

Обширные сведения по истории Тропической Африки содержатся в фондах ряда федеральных архивов (АВП РФ, РГАЭ, РГАСПИ и др.). В соответствии со специализацией в них представлены материалы, освещающие различные вопросы развития африканских стран и взаимодействия с ними Советского Союза. В контексте проблемы советских специалистов существенный интерес представляют записи бесед и рабочая переписка различных ведомств (от МИД до КМО) по конкретным вопросам двухстороннего взаимодействия с Тропической Африкой. Однако встречаются в архивах и абсолютно уникальные свидетельства рядовых участников советско-африканских отношений – письма, отчеты, жалобы и др. Эти на первый взгляд не первостепенной важности документы выгодно отличаются от официальных в силу большей эмоциональности.

Настоящим открытием стали документы и материалы фонда молодежных организаций РГАСПИ (читальный зал №3), которые содержат сведения о развитии советско-африканских связей по линии молодежи. Центральное место в этом вопросе, безусловно, отводится документам КМО – Комитета Молодежных организаций, принимавшего непосредственное и активное участие в развитии отношений с молодежью стран Тропической Африки, и оказывавшего ей различного рода содействие, в том числе и форме командирования необходимых специалистов. В отношении Африки молодежная тематика продолжает оставаться очень актуальной в связи с тем, что именно молодые люди как тогда, так и сейчас составляют большинство населения стран Африки, поэтому молодежным организациям и молодежной политике африканские лидеры традиционно уделяли много внимания. Фактически силами КМО выполнялась работа по одному из важнейших направлений внешней политики СССР.

В настоящее время первостепенное внимание уделяется поиску «живых» документов, способных сформировать относительно целостную картину жизни людей, их взаимоотношений, проблем, радостей, восприятия, репрезентации и субъективных оценок африканской действительности. Этот массив имеющихся архивных сведений практически не изучен.

Отдельного упоминания заслуживают источники регионального происхождения[1]. Региональные архивы по общим вопросам советско-африканских отношений не имеют возможности дать сколь либо значимые сведения. Но их главное преимущество в том, что они располагают небольшим количеством очень качественной конкретной информации по исполнению решений центральных органов власти. К примеру, небольшой архив и музей ЯМЗ[2] располагает ценнейшими сведениями о своих сотрудниках, которые работали в странах Тропической Африки в составе гарантийных групп по обслуживанию советской автомобильной техники, поставляемой СССР в рамках экономических соглашений.

Отдельные интервью ярославских специалистов, работавших в Африке в 1960–1980-е гг., существенно дополняют имеющийся архивный материал уникальными свидетельствами непосредственных участников событий, информацией, практически не встречающейся в документальных источниках. Результатом работы по поиску респондентов, сбору и обработке полученных сведений стало 21 интервью людей разных профессий и разной судьбы, объединенных тем, что у каждого из них своя африканская история, своя Африка. У них достаточно широкая география пребывания в Африке – ярославские специалисты работали в Алжире, Мали, Конго-Браззавиль, Танзании, Гане, Сомали, Гвинее-Конакри и Гвинее-Бисау, Судане и др. В профессиональном плане присутствуют спортсмены, учителя, инженеры, военные. Некоторые интервью рассказывают о первой половине 1960-х гг., наиболее раннем времени становления и развития советско-африканских связей, другие становились участниками действительно заметных исторических событий.

Может ли им быть отказано в том, чтобы занять свое место в истории советско-африканских отношений? На основе имеющихся архивных материалов и их сочетании с другими источниками, прежде всего интервью, автором уже предпринимались попытки осветить некоторые аспекты истории советских специалистов в Тропической Африке[3].

---

[1] Региональный уровень рассматривается в контексте обозначенной проблемы советских специалистов на примере Ярославской области.

[2] ЯМЗ – Ярославский моторный завод.

[3] См. *Цветков Э.Г.* Гвинея-Конакри. Воспоминания советского специалиста 50 лет спустя // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2014. № 2 (28), апрель-июнь. С. 17–20; *Цветков Э.Г.* «Советские колонии» и «физкультурные организации» в Африке в 1960-е гг. (по материалам фондов РГАЭ, РГАСПИ и воспоминаниям советских специалистов) // Материалы XIV Всероссийской школы молодых африканистов. Москва, 17–18 ноября 2015 г.: Тезисы. М., 2015. С. 109–112; *Цветков Э.Г.* Ярославские учителя в Гане в 1960-е годы // Африканский сборник – 2015. СПб., 2015. С. 109–121; *Цветков Э.Г.* Советские специалисты в Тропической Африке. 1960–1970-е гг.: проблемы повседневности // История: научно-образовательный журнал, 2016. Выпуск 3 (47) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840001462-7-1; *Цветков Э.Г.* Некоторые документы из истории советско-африканских отношений рубежа 1950-х – 1960-х гг. XX века // Источниковедение истории Африки и диаспоры: сб. материалов по итогам Всероссийской конференции с международным участием 30 марта 2016 г. Ярославль, 2016. С. 178–187; *Цветков Э.Г.* Архивные документы о советско-африканских отношениях конца 1950-х – начала 1970-х гг. // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов. Ярославль, 2016. С. 167–213.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАПЕЗУНДЕ (1916 г. – ОСЕНЬ 1917 г.)[1]

Цыпкина Анна Георгиевна
(Архив РАН)

Кавказскому фронту Первой мировой войны посвящено не так много работ. Его не считали главным или решающим ни государь император, ни военачальники[2], ни даже важным – некоторые историки впоследствии[3]. Революционному Трапезунду в известной многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» почти не уделено внимания вовсе. Коллектив авторов во главе с советским историком, впоследствии – академиком (1946) И.И. Минцем обходит этот сюжет, ограничиваясь фразой о том, что «Кавказский фронт как оторванный от страны особого значения не имел»[4]. В некоторой степени нарушает молчание о Кавказе сравнительно недавно появившаяся статья Х.Д. Акарджи «Превращение османского города в русский»[5]. Как русская администрация Трапезундского вилайета разрешала и предотвращала этнические конфликты – главная тема настоящего выступления.

Основными источниками в освещении этого вопроса на данный момент станут воспоминания некоторых очевидцев событий, а именно чиновников администрации (доктора Я.И. Кефели, караима, городского головы Трапезунда до августа 1917 г.; С.Р. Минцлова, автора «Трапезондской эпопеи», изданной в 1925 г. уже в эмиграции, в Берлине) и Ф.И. Успенского, руководителя научной экспедиции, посланной Академией Наук и археологическими обществами Москвы и Петербурга). Кроме того, часть информации возможно почерпнуть из русской печати, осветившей взятие Трапезунда русскими войсками 5 апреля 1916 г., и газеты «Трапезондский военный листок», издававшейся непосредственно в Трапезунде сначала С.Р. Минцловым, а после его отъезда в феврале 1917 г. – бывшим помощником С.Р. Минцловым по типографии, Г.И. Ивановым[6].

---

[1] Работа выполнена по проекту РНФ № 14–28–00213.

[2] *Цыпкина А.Г.* Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. Вып. 9. СПб., 2015. С. 212–237.

[3] *Цыпкина А.Г., Селиванова О.В.* Трапезундский фронт 1916 г. глазами ученого-византиниста Ф.И. Успенского // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2 (20). С. 113–128. DOI: 10.7256/2222–1972.2014.2.12812.

[4] История Гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 273.

[5] *Акарджа Х.Д.* Превращение османского города в русский во время Первой мировой войны // Русский сборник. М., 2010. С. 95–111.

[6] *Минцлов С.Р.* Трапезондская эпопея. Берлин, 1925. С. 289.

Одна из самых широко известных трагедий произошла накануне захода русской армии в город. О геноциде армян есть свидетельства в дневниках Ф.И. Успенского[7], а Я.И. Кефели и вовсе столкнулся с грустной историей любви трапезундских Ромео и Джульетты, молодых и красивых турецкого офицера и армянской девушки...[8]

Первоначально межнациональными вопросами занялись на высшем уровне. Был издан особый рескрипт, где отмечалось, что Трапезундский округ «перешёл под власть Российской империи и отныне подчиняется её законам», а русский закон «не допускает обид, а тем более грабежей и насилий над населением, какой бы национальности оно не было. Армяне, греки и турки, перешедшие в русское подданство, все равны в правах на русской земле», а вражды и старые счёты между кем бы то ни было должны быть кончены навсегда», споры – разбираться Начальником уезда и мирным путём. Неповиновавшихся ждала Сибирь и другие наказание по всей строгости российского законодательства[9].

На момент занятия армией генерала Ляхова население Трапезунда состояло в основном из греков и турок, и именно администрации генерала Шварца, начальника Трапезундского укрепленного района, предстояло решать национальный вопрос. Одним из удачных дипломатических решений генерала А.В. фон Шварца (вопреки мнению литератора и чиновника особых поручений при генерале А.В. фон Шварце С.Р. Минцлова) стало назначение доктора Я.И. Кефели, караима по национальности, в силу своей религии почитавшего пророками как Магомета, так и Иисуса Христа, на должность городского головы Трапезунда. Кроме того, по просьбе оставшихся в Трапезунде турок А.В. Шварц решил пополнить состав моноэтничной греческой управы двумя членами – турками. Как представителю русской администрации, Кефели удалось наладить мирные отношения с греками. Даже ревностный защитник греческого населения, митрополит Хрисанф, прекрасно образованный человек и тонкий дипломат, владевший многими языками, среди которых, однако, не было русского, при встрече с Я.И. Кефели в Константинополе уже в 1920-х гг., отозвался о нём весьма высоко: «Ни один городской голова старого Трапезунда не сделал для города и его благоустройства столько, сколько сделали Вы за несколько месяцев»[10]. Обязанными Я.И. Кефели считали себя и турки. В свете этой памяти даже министр здравоохранения Турции в 1923 г. обещал сделать для Я.И. Кефели всё возможное, чтобы тот смог беспрепятственно наладить свой аптечный бизнес в Константинополе – в Трапезунде Кефели и его жена, оба немного знающие турецкий язык, прослыли среди турецкого населения защитниками. Жена доктора занималась благотворительностью, потом (при большом количестве нуждающихся) некоторые средства на поддержку населения были выделены от трапезундской управы. В отношении православной религии в Трапезунде в праздники было принято сослужение русского и греческого священников. Накануне февральского переворота русской администрацией в Трапезунде была открыта школа для

---

[7] СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 310. Л. 5.

[8] BAR. *Kefeli* papers. P. 135.

[9] РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 54.

[10] BAR. *Kefeli* papers. P. 331.

турецких детей. Шеренга турецких мальчиков в фесках по-военному приветствовала пришедшего по просьбе турок генерала Шварца. «Милейшего» Алексея Владимировича, его «чарующую личность» и любовь к нему «всего туземного населения», при встрече в Константинополе вспомнили Я.И. Кефели и Хрисанф.

Руководитель научной экспедиции академик Ф.И. Успенский, помимо вещей, представлявших историческую ценность, собирал в созданном им хранилище документов внутри мечети Орта Хисар и иные, современные документы полицейского или земельного характера[11]. Кроме того, Трапезундская экспедиция в первую очередь имела именно охранительные цели по отношению к памятникам византийского искусства и местам мусульманского культа. Сразу по прибытии в Трапезунд, 18 и 22 мая 1916 г. Ф.И. Успенским были написаны ходатайства командиру 5-го армейского корпуса генералу Яблочкину с описанием мер, которые, с точки зрения академика, следовало бы принять в отношении памятников – мечетей и других. О людях, выдавших себя за представителей духовенства, наводили справки. Художник Н.К. Клуге в письме к Б.В. Фармаковскому сообщает, что «при исследовании памятников решено было вести работы так, чтобы не «подводить» туземное христианского население на тот случай, если турки снова заберут Трапезунд, т.е. в мечетях – церквах не снимать со стен штукатурки и по возможности избегать всего того, что могло бы оскорбить религиозное чувство турок». Конечно, такие предосторожности не могли не мешать научным целям экспедиции. Многие осмотренные экспедицией храмы до сих пор не изучены целиком, и некоторые фотографии фресок, сделанные ею при зондаже храмов, остаются и по сей день единственным источником по росписи, например, храма Св. Евгения[12].

Погромы русской армии в Трапезунде, получавшие всё большее распространение осенью 1917 г., были вызваны, скорее, общим разложением войск, чем какими-то национальными причинами. Я.И. Кефели в своих воспоминаниях с горечью писал: «Развал дисциплины и службы был полный», «каждую минуту можно было ждать бегства всего фронта под малейшим напором германо-турок, которые умышленно дали возможность русской армии разложиться»[13].

---

[11] *[Успенский Ф. И.]* Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. в заседании Отд. историч. наук и филологии Академии наук // Известия Академии наук. Сер. VI. № 5. 1918. С. 207–238 (Отчёт академика *А.Е. Крымского* на С. 212–214); НБУ. Ф.I. 26607. «Дневник о работе акад. Успенского в Трапезунте по сбору и разбору восточных рукописей в мечети Орта-Хиссар». Л. 2.

[12] Подробнее об этом см.: *Захарова А.В., Цыпкина А.Г.* Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф.И. Успенского // ВВ. 2017. Т. 100. (в печати).

[13] BAR. *Kefeli* papers. P. 343.

К ИСТОРИИ СОЗЫВА ВСЕМИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НЕГРИТЯНСКИХ РАБОЧИХ В 1930 г.

Чекалова Мария Андреевна
(Российский государственный
архив социально-политической истории)

Негритянский вопрос не раз становился объектом многочисленных дискуссий в Коммунистическом Интернационале, с самого начала его деятельности в 1919 году. Дело в том, что эта проблема, в соответствии с марксистско-ленинской парадигмой, вписывалась в канву национального вопроса, тем самым становясь одновременно и частью вопроса колониального. Стоит отметить, что до создания специальной структуры – Негритянского бюро в 1929 г.[1], обозначенный вопрос рассматривался достаточно поверхностно в рамках соответствующих комиссий Восточного и Англо-Американского секретариатов Исполнительного Комитета Коминтерна (последний контролировал деятельность коммунистических партий в Южной Африке и США).

Одним из таких дискуссионных вопросов стал созыв Всемирной негритянской конференции (съезда), признанной необходимостью на IV Конгрессе Коминтерна в 1922 г. В Резолюции по негритянскому вопросу, принятой 30 ноября 1922 г., было отмечено, что после отмены рабства на территории США положение негров не изменилось в лучшую сторону, т.к. американский империализм, созданный трудом невольников, ударил по ним самим (при этом расовый аспект проблемы был опущен). Было отмечено, что «враг негритянской расы и враг белых рабочих один и тот же – капитализм и империализм»[2]. Принимая во внимание исторический опыт противостояния угнетателям и воинственность негритянского народа, Коминтерн призывал поддерживать любые формы революционного движения чернокожих, способные подорвать корни капитализма и империализма. Самым важным итогом IV Конгресса Коммунистического Интернационала по негритянскому вопросу стало заявление, что он «немедленно предпримет шаги для созыва всеобщей негритянской конференции или съезда в Москве»[3].

Одним из немногих, кто поддержал данную инициативу, был представитель Коммунистической партии Японии в ИККИ Сен Катаяма (1859–1933). В своем докладе «Негритянская раса как фактор грядущей мировой социальной революции» он заявил, что «Негритянский Конгресс в Москве станет важ-

[1] Решение Восточного Секретариата ИККИ 22–23.11.1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 54. Л. 1–2.

[2] Резолюция по негритянскому вопросу, принятая IV конгрессом Коминтерна 30 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5. Л. 14.

[3] Там же. Л. 17.

ным событием на пути борьбы негритянской расы против эксплуатации»[4]. Его оптимизм в отношении успеха данного мероприятия был связан с тем, что Коминтерну уже приходилось ставить перед собой задачу помощи разным народам и решать ее. Например, стоит отметить его деятельность по оказанию помощи восточным народам, в частности, проведение Конференции тружеников Востока в марте 1921 года.

В целом, предложение сразу же было встречено бурной критикой со стороны коммунистов разных стран, главный аргумент которых состоял в опасности апелляции преимущественно к расовому аспекту негритянской проблемы. Так, И. Амтер, (1881–1945), представитель КП США, член ИККИ, писал, что расовый подход в деле созыва Негритянской Конференции является неверным, поскольку «негритянский расовый вопрос не является революционным фактором и ...для наступления на капитал имеет небольшое значение»[5]. Поэтому, по его мнению, нужно обратиться не к расовой, а классовой солидарности всех рабочих. Чтобы укрепить свою позицию, Амтер написал статью «Негры и мировая революция», в которой указал на отсутствие преемственности между политикой Второго Интернационала (который рассматривал в качестве главной движущей силы революции исключительно белый пролетариат) и Третьим, главная задача которого – объединить белых и чернокожих рабочих перед лицом единственной угрозы. Поэтому «негритянская раса должна занять позицию позади линии фронта рабочих в Коммунистическом Интернационале в борьбе за власть»[6].

После выхода этой статьи Д.А. Джонс (1883–1924), представитель КП Южной Африки в ИККИ, направил письмо в Исполком Коминтерна 23 марта 1923 г. с дополнительными замечаниями по обсуждаемому вопросу (изменив свою позицию от поддержки до отрицательного отношения к созыву негритянского Конгресса). Идея, высказанная в письме, была созвучна позиции И. Амтера: необходимо объединить черных и белых рабочих в рамках мирового пролетарского движения против капитализма. Джонс также считал, что «проводить расовый конгресс – значит создавать источник замешательства и путаницы»[7].

Таким образом, мнения по поводу необходимости созыва Всемирной негритянской конференции в Коминтерне разделились, и вопрос был отложен вплоть до 1928 г. Чем же объяснить данное решение? Дело в том, что изначально в коминтерновской стратегии был обнаружен серьезный изъян – проведение расового Конгресса стало бы поддержкой набиравшего в это время мощь панафриканского движения, а точнее, его буржуазного крыла (речь идет о гарвеизме и движении под руководством У. Дюбуа), которые, с одной стороны, стремились пробудить у негров анти-белый расизм, а с другой –

---

[4] Negro race as a factor in the coming world social revolution by S. Katayama // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 9.

[5] Negro question. (Discussion in Anglo – Saxon group) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 9–10.

[6] The negro and the world revolution by I. Amter // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 33.

[7] Further note on the proposed Negro Congress (by Ivon Jones) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 5.

грозили вызвать эффект классового замешательства лозунгом ухода «назад в Африку».

Программы обоих лидеров негритянского движения – уроженца Ямайки, Маркуса Гарви (1887–1940), и общественно-политического деятеля США, Уильяма Дюбуа Э.Б. (1868–1963), хотя и содержали достаточно позитивные требования: отмену линчеваний, дискриминации в области труда, образования; утверждение всеобщего избирательного права для негров, – в то же время противостояли коммунистической пропаганде солидарности всех рабочих, независимо от расы и цвета кожи[8]. По сути же оба лидера стремились достичь собственных интересов, пытаясь направить черное самосознание в нужное русло. Гарви и Дюбуа были не только идеологами панафриканского движения, но также создателями крупнейших негритянских организаций, действовавших как на территории США, так и за ее пределами. Организация М. Гарви действовала с 1917 по 1923 г. и называлась «Всемирной Ассоциацией по улучшению положения негров». Это была радикальная расовая организация, занимающаяся, помимо пропаганды борьбы за расовое равноправие (включая силовые методы), также сбором средств для возвращения негритянских масс в Африку. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН), созданная в 1910 г., где У. Дюбуа занял пост директора отдела пропаганды и исследований, была скорее пацифистской, нежели революционной, так как не пропагандировала и не использовала насильственные методы достижения благополучия чернокожего народа[9]. В целом, обе структуры, объявляя буржуазию социальной опорой движения, все-таки действовали от лица капиталистов, нежели негритянского пролетариата.

К вопросу о созыве Всемирной Негритянской конференции вернулись только в 1928–1929 гг.: в 1928 г. при содействии Международного объединения профсоюзов (Профинтерна) был создан Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих, который должен был включать в свои ряды чернокожих рабочих США, Черной Африки и Вест-Индии, а в 1929 г. Исполнительное бюро Профинтерна выпустило резолюцию о созыве Всемирной конференции негритянских рабочих[10]. Тем самым первоначальный замысел созыва расового Конгресса был успешно заменен принципом классовым – объединения негритянского пролетариата всего мира. Итогом долгих споров и разногласий стало проведение Конференции в 1930 г. в Гамбурге, которая прошла под лозунгом «Долой империализм!»[11].

---

[8] *Фостер У.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955. С. 576–589; 548–552.

[9] Справка о всемирных негритянских организациях, подготовленная Восточным Секретариатом ИККИ // Коминтерн и Африка: Документы. СПб., 2003. С. 103–105.

[10] On the convening of the First International Conference of negro workers // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 53. Л. 3.

[11] A report of proceedings and decisions of the First International Conference of negro workers [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicalpapers.wits.ac.za/inventories/inv_pdfo/AD1715/AD1715-13-9-11-001-jpeg.pdf (дата обращения: 26.02.2017).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ: ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕТЕНДЕНТ НА ГЛАВЕНСТВО В ДОМЕ РОМАНОВЫХ?

Черемухин Вячеслав Владиславович
(Московский педагогический государственный университет)

Русская революция 1917 года породила не только общественно-политические изменения и проблемы, которые возникли в русском обществе с изменением политического строя. Более частные вопросы касались того, что станет с вопросами престолонаследия в России. За отречением Императора Николая II за себя и своего сына Цесаревича Алексея 2 марта 1917 года последовало отречение Великого Князя Михаила Александровича, который отрекся уже на следующий день в Петрограде. Отдавая судьбу монархии на решение Учредительного Собрания, Великий Князь создал прецедент, который до сих пор используется различными общественными и политическими деятелями с целью дискредитировать идею престолонаследия в Доме Романовых.

Один из наиболее известных российских военных теоретиков генерал Н.Н. Головин фиксирует следующие замечания: «Совершая этот акт [отречение 3 марта. – *В.Ч.*], Великий Князь Михаил Александрович сообщал акту отречения Императора Николая II за себя и за сына еще большее моральное значение. Отказываясь принять бразды правления страной в столь критические для нее минуты, он вместе с тем отказывался от выполнения долга, составляющего моральную сущность прежней Царской власти, и этим самым колебал в основе веру народных масс в эту власть»[1]. В.Д. Набоков в воспоминаниях говорил, что уже в акте 2 марта «был неустранимый внутренний порок. Наши основные законы не предусматривали возможности отречения... Но, разумеется, никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения, или помешать ему. Это есть именно тот факт, с которым должны быть связаны юридические последствия»[2].

Различные историки и юристы (В.Ж. Цветков, Е.В. Староверова и др.) в общем и целом солидарны с мнением, что отречение императора по юридическим основаниям было невозможно.

На основании Основных Законов Российской Империи редакции 1906 г., который предполагал в традиции престолонаследия полусалическую систему наследования, где мужчины и женщины имеют права наследования, но приоритет отдается мужчинам, и только после смерти последнего из них наследие может переходить по женской линии. Следующим преемником пре-

[1] *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 19–20.

[2] *Набоков В.Д.* До и после Временного правительства: Избранные произведения. СПб., 2015. С. 236–237.

стола на основании законов являлся Великий Князь Кирилл Владимирович (р. 12 октября 1876 года), двоюродный брат Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. Несмотря на то, что его действия во время Февральской революции имеют свои основания для обвинений его в измене присяге[3], возглавление Императорского Дома переходило к нему, как к старшему в порядке наследования, а не в роду.

Уже в эмиграции в 1920-е гг. во время поиска объединяющего знамени многие русские правые столкнулись перед выбором: Великий Князь Кирилл Владимирович, Великий Князь Николай Николаевич-мл. и Великий Князь Дмитрий Павлович. Если первые два претендента были известны широкой массе беженцев, имя Дмитрия Павловича было удивительно, потому что он был известен лишь участием в убийстве Г.Е. Распутина в ноябре 1916 года.

Великий Князь Дмитрий Павлович (р. 18 сентября 1891), сын Великого Князя Павла Александровича, сына Александра II. В 1921 году его имя на волне поисков действительно оказалось на слуху. Особенно это оказалось выгодно монархистам-конституционалистам. В это время он переехал из Персии в Германию, которая на время стала столицей русской правой эмиграции.

Один из русских правоведов даже сделал достаточно серьезную попытку, правда, запоздалую, оправдать потенциальные права на возглавление династии. Им стал бывший приват-доцент Московского университета, а в эмиграции преподаватель Софийского университета М.В. Зызыкин, который делает детальное рассмотрение ветвей династий, старшей из которых является ветвь Великого Князя Владимировича Александровича. В ней родились: Великие Князья Кирилл Владимирович (р. 1875), его сын князь Владимир Кириллович (р. 1917), Борис (р. 1877) и Андрей Владимировичи (р. 1879). Зызыкин отмечает, что «все происходившие от этой линии агнаты рождены от матери, не принявшей православие до брака [речь идет о Великой Княгине Марии Павловне-ст., урожденной принцессе Мекленбург-Шверинской. – *В.Ч.*]», следовательно, эта ветвь могла наследовать престол только «за неимением агнатов удовлетворяющих всем требованиям Основных Законов»[4]. Автор составил следующую «очередь, следующему по православному легитимному принципу Основных Законов: Великий Князь Алексей Николаевич, Великий Князь Михаил Александрович, Великий Князь Дмитрий Павлович, Князь Всеволод Иоаннович, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Петр Николаевич...»[5].

По поводу выдвижения кандидатуры Дмитрия Павловича Г.К. Граф писал: «Генерал Бискупский... первоначально вошел в связь с русской группой монархистов-конституционалистов в Берлине, которые хотели выдвинуть ве-

---

[3] *Иванов А.А.* «Разве я не испытывал гнет старого режима?»: Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938). // Русская народная линия [электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/history/2016/11/01/razve_ya_ne_ispytyval_gnet_starogo_rezhima/ (дата обращения: 11.11.2016).

[4] *Зызыкин В.М.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 186–187.

[5] Там же. С. 189.

ликого князя Дмитрия Павловича главой династии, но... убедился, что легитимным главой династии может быть только Кирилл Владимирович»[6].

В марте 1921 года Дмитрий Павлович был выбран почетным членом русского общественного собрания в Берлине[7]. И после этого в беседе с корреспондентом «Последних Новостей» заявил, «что он лично монархист по традиции, но не позволит никому говорить о его кандидатуре на трон, не только потому, что считает великого князя Михаила Александровича живым, но еще и по той причине, что теперь не время для подобных разговоров... Я, повторил Дмитрий Павлович, монархист, но если народ пожелает ввести республику, то я подчинюсь»[8]. «Воля России» из Праги декларировала, что «Руль» «безнадежно увяз в реакционной атмосфере, создаваемой в Берлине, Константинополе и Будапеште, монархических планов». «Руль» обвинял авторов «Последних новостей», которые пытались лишь найти возможность для того, чтобы опубликовать сенсацию, ожидая, что «молодой “претендент” что-нибудь “сморозит” бестактное и неловкое и даст новую пищу для нападок на монархистов и на разоблачение их преступных замыслов». «Воля России» не забыла язвительно посмеяться над редакцией, говоря: «В добрый час. Сбрасывайте, господа, вашу личину. Чем скорее вы, по примеру до сих пор признаваемого вами великим князем Дмитрия Романова, объявите себя монархистами, тем скорее, следуя вашему собственному выражению, “воздух очистится”»[9].

Заявление Дмитрия Павловича оказалось фактически последним его политическим решением. Несмотря на то, что за 1921–1926 гг. Дмитрий Павлович не раз был участником различных монархических кружков, а также занимал пост Представителя «Его Императорского Величества в Париже»[10], чаще всего «совершенно легитимным делом не занимается и даже просто не интересуется»[11].

Таким образом, несмотря на отдельные попытки сделать из Великого Князя Дмитрия Павловича «главу» династии Романовых, он сам лично не дал возможности данным идеям развиться дальше и достаточно быстро сошел с политической арены русской эмиграции.

---

[6] *Граф Г.К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004. С. 49.

[7] Среди монархистов // Руль (Берлин). 9 марта 1921 г.

[8] Заявление Великого Князя Дмитрия Павловича // Руль (Берлин). 15 марта 1921 г.

[9] Вылезшее ушко // Воля России (Прага). 19 марта 1921 г.

[10] Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 6: Схватка. М., 2013. С. 654.

[11] Там же. С. 597.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС 1993 г. В ДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОРОДА МОСКВЫ

Чирков Илья Сергеевич
(Центральный государственный архив Москвы)

События 21 сентября – 4 ноября 1993 г., некоторыми политиками и исследователями именуемые «революцией 1993 года», значительно повлияли на дальнейший ход истории нашей страны, изменив ее государственное устройство, что и по сей день оказывает воздействие на жизнь граждан России, сопредельных государств и всего мира. Таким образом, события эти некоторым образом можно сопоставить с теми, что потрясли страну в начале XX века. Их значение еще предстоит установить. Но прошла почти четверть века, и этот срок позволяет взглянуть на политический кризис 1993 года более объективно, глазами историка, а не участника и жертвы катаклизма. Полноценное исследование проблем, связанных с событиями 1993 г., возможно лишь с привлечением широкого круга источников. В их числе находятся и документы, собранные в Центральном государственном архиве города Москвы (ГБУ «ЦГА Москвы»).

Кризис 1993 г. одна сторона именовала неудавшейся попыткой государственного переворота, другая – государственным переворотом. Очевидно, всякое подобное событие – это, в первую очередь, факт общественной жизни, результат происходящей в обществе борьбы политических группировок. Без изучения общественных движений невозможно ни понимание причин «революционных» событий, ни установление последовательности произошедшего, ни объективная, взвешенная оценка последствий государственного переворота и вновь выстроенной модели управления. В ГБУ «ЦГА Москвы» хранится самое крупное в России собрание документов общественных объединений, начиная с 1980-х гг. до наших дней. Деятельность первых общественных движений, возникших в период т.н. «перестройки» и поставивших под сомнение авторитет КПСС, несомненно, была одной из причин, приведших страну к «августовскому путчу» 1991 г. Фонды и коллекции документов этих первых общественных объединений, от Движения «Демократическая Россия» до Общества «Память», широко представлены в ГБУ «ЦГА Москвы». Архив предлагает исследователю самую полную базу источников о деятельности общественных объединений конца советского периода и начала 1990-х гг., об разных политических групп в событиях того времени. В 1991 г. организации ветеранов и офицеров, националистов и правозащитников участвовали в митингах, в открытом противостоянии у Белого дома, выносили резолюции и выпускали воззвания с одобрением или осуждением того или иного события.

То же касается и событий 1993 г., участниками которых стало значительно бóльшее количество общественных объединений – не только представленных

в Парламенте политических партий, но и активистов, поддерживавших одну из сторон конфликта между Президентом и Парламентом. Каждая многочисленная и сколько-нибудь влиятельная общественная организация того времени должна была каким-либо способом выразить свое отношение к конфликту, принять участие в происходящем.

Работу исследователя по выявлению документов в некоторой степени облегчает наличие в архиве, помимо фондов и коллекций документов непосредственно общественных объединений, также и тематических коллекций. События 1993 года отражены, прежде всего, в коллекции документов «Политический кризис 21 сентября – 4 октября 1993 г.» (Ф. П-8649). Документы были собраны в ходе сентябрьско-октябрьского противостояния сотрудниками архива и частично переданы коллекционерами. Целый раздел коллекции был сформирован из документов, обнаруженных во время работы ликвидационной комиссии в помещениях Свердловского райсовета города Москвы в ноябре 1993 г.

Хронологические рамки коллекции охватывают период с марта 1993 г. по февраль 1994 г. Листовки, материалы Всероссийского совещания Советов народных депутатов всех уровней от 18 сентября 1993 года дают представление об атмосфере в обществе, предшествовавшей открытому столкновению. Последним по времени документом, вошедшим в коллекцию, стала листовка сторонников Верховного Совета от февраля 1994 г. с перечнем трагических последствий и жертв политического кризиса 21 сентября – 4 октября 1993 г.

Листовки, обращения, воззвания в поддержку распущенного указом Президента Б.Н. Ельцина Верховного Совета РФ собирались в ходе митингов и демонстраций сторонников Верховного Совета в районе милицейского оцепления у Дома Советов. Ксерокопированные официальные документы Верховного Совета РФ и 10-го Чрезвычайного (внеочередного) съезда народных депутатов распространялись там же. Высокая активность сторонников распущенного Парламента в распространении агитационных материалов предопределила преобладание в коллекции документов в поддержку Верховного Совета и Съезда народных депутатов, тем более что сторонники Президента вели свою пропагандистскую кампанию преимущественно через средства массовой информации.

В числе документов коллекции: Обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго, документы Моссовета, в том числе решения о «преодолении попытки государственного переворота», областных и городских Советов народных депутатов, общественно-политических организаций и групп военнослужащих. Разнообразно представлены документы исполняющего обязанности Президента Российской Федерации А.В. Руцкого.

Предпосылки кризиса 1993 года отражает также хранящаяся в ГБУ «ЦГА Москвы» коллекция документов «Депутатские группы и фракции в Верховном Совете РСФСР (РФ) 1990–1993 гг.» (Ф. П-8714). Поскольку огромное количество документов Верховного Совета РФ погибло в огне, эта коллекция имеет особую ценность.

Процесс выхода страны из политического кризиса 1993 г. получил отражение в коллекции документов «Конституционное совещание, Общественная палата Конституционного совещания и Общественная палата при Президенте Российской Федерации» 1993–1995 гг. (Ф. П-8672) Большой интерес вызывают поправки к проекту Конституции РФ, подготовленные участниками

Конституционного совещания, многие из которых представлены в рукописных вариантах.

Значительная часть материалов этих двух коллекций поступила от бывшего помощника руководителя Администрации Президента РФ И.А. Харичева. Многие документы были получены сотрудниками архива в ходе контактов с представителями думских фракций, политических партий и общественных движений.

В настоящее время в ГБУ «ЦГА Москвы» проходят научное описание документы Регионального благотворительного общественного фонда содействия увековечению памяти погибших граждан в сентябре – октябре 1993 года (Ф. П-8847). Целью этой организации, учрежденной в 2002 г. участниками событий, является не только возведение мемориала «погибшим защитникам Дома Советов», но и помощь семьям пострадавших в ходе противостояния граждан, а также просветительская деятельность. Непонятны причины, по которым Российский государственный архив социально-политической истории в 2011 г. отказался принять на хранение документы Фонда (письмо зам. директора РГАСПИ В.Н. Шепелева Председателю Правления Фонда Смирнову М.И. № 1385 от 07.07.2011).

Несомненный интерес для исследователя представляет переданное Фондом обширное собрание листовок, фотографий, газетных статей и других документов, связанных с событиями 1993 года. Также среди документов Фонда – списки умерших защитников Белого дома, материалы судебного процесса Фонда против журналиста Л.М. Млечина. Но не менее интересны протоколы Правления и общих собраний Фонда. Они показывают современное положение участников политических потрясений и то, как спустя годы события 1993 года продолжает влиять на жизнь множества наших соотечественников.

Документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве города Москвы, необходимы для исследователя событий 1993 года не только по причине своей широкой репрезентативности, но и потому, что их изучение ставит новые и новые вопросы, только ответив на которые можно будет понять значение произошедших четверть века назад потрясений.

ИДЕЯ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. УОЛЛСТОНКРАФТ

Шабельникова Маргарита Викторовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Любое крупное политическое событие является своеобразным водоразделом в истории – жизнь общества делится на до и после. В этом смысле Великая французская революция сыграла определяющую роль. Безоговорочным является тот факт, что она привнесла новые формы мышления – разразились «памфлетные войны», сталкивая между собой диаметрально противоположные точки зрения на общественное устройство, а уж сколько было написано книг, брошюр, сколько умов со всего мира участвовали в осмыслении происходящего. Одним словом, Великая французская революция, революция как явление общественной жизни, не оставила равнодушным никого.

Английская писательница Мери Уоллстонкрафт (1759–1797) в «войне брошюр» оказалась по ту сторону от конституционной монархии и аристократии. Произведение М. Уоллстонкрафт «Защита прав человека»[1], изданное в 1790 году, стало ответом на книгу Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции»[2] и принесло ей общеевропейскую известность. Теперь она стала заметной не только для английского общества XVIII века, но и для эпицентра революционно новых событий – Франции. Впоследствии книги пера М. Уоллстонкрафт пользовались огромной популярностью и вызывали противоречивые оценки.

В целом писательница выступает за радикальные перемены, необходимость в которых совершенно оправдана. Традиции прошлого больше не могут быть авторитетом для настоящего, а прогресс требует новой опоры. Изменением должно подвергнуться всё – от моральных установок до объективного политического устройства. Критика М. Уоллстонкрафт касается вопросов общественной справедливости, положения церкви, права наследования и собственности, гендерного неравенства в обществе, где женщина становится средством имущественного обмена. Вопрос о политических правах женщин является центральным сюжетом её художественных и публицистических произведений. По словам М. Уоллстонкрафт, человек становится гражданином в процессе общения и под влиянием среды, в которой живёт, ведь у детей нет прирождённой склонности ни к добру, ни к злу. Первичная среда, куда попадает маленький будущий гражданин сразу после рождения – это обще-

[1] *Wollstonecraft M.* A Vindication of the Rights of Men, in a Letter to the Right Honourable Edmund Burke. L., 1790.

[2] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.

ство его матери, а потому на ней лежит основная ответственность за молодое поколение. Определяющим фактором здесь является воспитание. Воспитание – это неотъемлемая составляющая развития личности, а его правильная организация – сродни искусству. Разум маленького человека очень восприимчив к окружающей среде и подобен чистому листу бумаги – именно поэтому воспитание должно происходить не с помощью нормативных предписаний, а посредством добрых родительских наставлений и собственного примера родителя или мудрого наставника. Неотъемлемой частью воспитания М. Уоллстонкрафт считает образование. Она настаивает на глобальных изменениях и в этой системе, например, повсеместное внедрение совместного образования мальчиков и девочек. Большое желание писательницы внести изменения именно в эту сферу основывается на её личном опыте. В семье, где она росла, гораздо большее внимание уделялось образованию сына, а образование дочерей осуществлялось по остаточному принципу.

Основная проблема общества, по мнению мыслительницы, заключается в том, что оно воспринимает женщин как неразумных существ, не способных принять никаких самостоятельных решений. Женщинам просто не дают возможности конкурировать в этом с мужчинами. А пока в обществе торжествуют пережитки прошлого, негативное влияние которых искажают действительность, общество не сможет развиваться.

Невозможно прийти к успеху и построить «здоровое государство» без гендерных предрассудков, несправедливости, эксплуатации, неравенства, о которых говорит М. Уоллстонкрафт, не совершив ценностного обновления в обществе. Его гражданам необходимо самим осознать собственное право на нечто большее, чем то, что им предлагает их правительство. Речь здесь не идёт о кровавом восстании – только через революцию в головах осуществимы глубокие общественные перемены.

Н.Ф. ДОБРОХОТОВ О РОЛИ БОЛЬШЕВИКОВ В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА В г. ЯРОСЛАВЛЕ И В СТРАНЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИЗ ФОНДОВ ЦДНИ ГАЯО)

Шанина Ольга Николаевна, к.и.н.
(Центр документации новейшей истории Ярославской области)

Доброхотов Н.Ф. – делегат с правом решающего голоса II и III Всероссийских съездов Советов, председатель первого постоянного послереволюционного исполкома Ярославского городского Совета, председатель Ярославского губернского исполкома. Доброхотов Н.Ф. являлся активным участником революционных событий, как в г. Ярославле, так и г. Петрограде, о чем оставил свои воспоминания. Они были собраны и оформлены за подписью автора сотрудниками ярославского областного отдела истории ВКП(б) в 1927 году и с тех пор находятся на постоянном хранении в Центре документации новейшей истории (бывшем партийном архиве). Их изучение дает возможность понять расстановку сил и оценить роль большевиков в революционных потрясениях 1917 года, взглянуть на события глазами представителя одной из основных политических групп, принимавших участие в революции.

Николай Федорович Доброхотов родился 22 мая 1879 года в с. Рождествено Даниловского уезда Ярославской губернии в семье почетного гражданина Доброхотова Федора Степановича и его жены Анны Алексеевны. Н.Ф. Доброхотов окончил Ярославскую семинарию, до 1917 года работал народным учителем. Революционную деятельность начал еще во время своего пребывания в семинарии, участвуя в работе подпольных кружков. С 1905 года был членом нелегального учительского союза. В ряды РСДРП вступил в 1906 году. На подпольной работе был организатором и агитатором в Ярославской и Пермской губерниях. За революционную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению. С марта по декабрь 1917 года Доброхотов Н.Ф. занимал должность председателя Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов, а с декабря 1917 года по июнь 1918 года – председателя Ярославского губисполкома, что позволило многим краеведам называть его первым «советским губернатором»[1].

Свои воспоминания Доброхотов Н.Ф. начинает с февральской революции 1917 года. Прежде всего, он отмечает слабое влияние большевиков (в отличие от меньшевиков и эсеров) в разворачивавшихся в г. Ярославле в тот момент событиях. Говоря о причинах подобной ситуации, он объясняет этот факт тем, что процесс классовой дифференциации еще только начинался, и рабочие

[1] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 17. Д. 1970.

еще не осознавали своего положения и влияния. «А тут еще манифестации, марсельеза, алый цвет и бутафорские речи эсеров и меньшевиков»[2].

Так, в избранном в первых числах апреля Ярославском Совете рабочих и солдатских депутатов было следующее партийное соотношение: 35% большевиков (в основном за счет солдатской секции), 40% меньшевиков (в основном в рабочей секции) и 25% эсеров. Советский орган печати «Власть Труда» также находился в руках меньшевиков. По воспоминаниям Н.Ф. Доброхотова оформление Ярославской большевистской организации произошло только лишь в начале мая 1917 года, и на тот момент ее численность составляла не более ста человек[3]. Однако все последовавшие затем события ярко свидетельствуют о планомерном и целенаправленном продвижении большевиков к власти на фоне развернувшегося всеобщего хаоса и растерянности других политических сил губернии.

В конце мая было создано Губернское бюро Советов, председателем которого в скором времени и стал сам Н.Ф. Доброхотов. Главной задачей бюро была организация Советов на местах, но по сути дела оно стало проводить работу по организации большевистских ячеек и стало, по мнению Доброхотова, фактическим «зародышем губернского партийного комитета большевиков»[4]. Первой «пробой пера» для только что оформившейся группы большевиков стала первомайская демонстрация. Толпа манифестантов из рабочих и солдат, хоть еще и не под большевистскими лозунгами, но уже приветствовала большевиков. А накануне 1 мая впервые удалось выпустить номер газеты «Власть Труда» с передовой об отношении большевиков к войне[5].

Первой крупной победой будущих коммунистов Доброхотов называет демонстрацию 18 июня 1917 года в г. Ярославле. Как он пишет в своих воспоминаниях, меньшевики и эсеры не возражали против этого мероприятия, так как были уверены, что массы не пойдут за большевиками. Однако демонстрация была многочисленна и прошла уже под большевистскими лозунгами «Долой войну!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Да здравствуют Советы!»[6].

Называя причины начавшихся после февраля неудач других политических сил, Доброхотов прежде всего подчеркивает их нерешительность и демагогию. Так, например, организацию земельных комитетов он справедливо называет попыткой закрепления эсеров за счет привлечения на свою сторону крестьянских масс. Однако, по его образному выражению, «дальше словесных упражнений они не шли. Ждать учредилки мужики не пожелали и начали практически осуществлять тезисы Ильича, захватывая помещичьи и монастырские земли, начались «аграрные беспорядки». «Демократическое» правительство Керенского приняло испытанные при Николае меры усмирения – начались аресты земельных комитетов. Деревня ощетинилась»[7].

Именно предложение четкого и радикального решения двух главных на тот момент вопросов – вопроса о мире и о земле, по мнению Доброхотова, и

---

[2] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 3.

[3] Там же. Л. 3.

[4] Там же. Л. 4.

[5] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 5–6.

[6] Там же. Л. 6.

[7] Там же. Л. 11.

привело большую часть населения, пусть и не совсем осознанно, но под лозунги большевиков. «Все эти вопросы нашли свое выражение в лозунге Ленина: «Вся власть Советам!»[8].

Действительно, если обратиться к документам ярославских большевиков, то станет очевидным тот факт, что данная партия (немногочисленная на тот момент и не имевшая поддержки большинства даже в пределах Ярославля) единственная в губернии сразу же после своего организационного оформления на 1 и 2 губернских конференциях в начале октября 1917 года поставила перед собой четко сформулированную цель захвата власти и не боялась ее достижения[9].

Основной причиной октябрьских событий Доброхотов называет «преступную политику Керенского», окутанную ложью и бессилием. По мнению Доброхотова, временное правительство в октябре 1917 года отдавало в пространство пустые приказы, само уже не веря в их исполнение, а тем временем страна захлебывалась от войны и разрухи. В связи с этим, как пишет Доброхотов, «Лозунг «вся власть Советам» был уже не достаточен: нужно было эту власть взять, а взять ее можно было только вооруженным восстанием»[10]. Интересно отметить, что Доброхотов Н.Ф. в отличие от событий февраля 1917 года, названных им революцией, события октября 1917 года называет «переворотом». Но истоки этого переворота он предлагает искать все-таки в глубоких пластах народных масс, апеллируя к тем фактам, что первые декреты советской власти о земле и мире полностью выражали народные чаяния и желания. «Кто имел уши, чтобы слышать и глаза, чтобы видеть – тот слышал подземные раскаты, сотрясающие основы старого мира, и видел, как в глубоких пластах масс совершается великий исторический переворот»[11].

Вспоминая о том, как устанавливалась власть большевиков в самом Ярославле, Доброхотов Н.Ф. также говорит о планомерном захвате городского и губернского аппарата управления на фоне растерянности и саботажа со стороны оппозиции[12].

Н.Ф. Доброхотов принадлежал к плеяде «старых» большевиков, лично прошедших революцию и гражданскую войну, имел свой взгляд на все события. В связи со своей принципиальностью он стал не удобен для новой власти, был расстрелян в 1938 году и захоронен в братской могиле у деревни Селифонтово под Ярославлем.

Безусловно, его мемуары являются субъективным историческим источником, и многие высказывания из них не являются бесспорными и выражают личное мнение автора. Однако они могут дать ценные дополнения к уже имеющейся в историографии событийной канве в плане понимания и трактовки спорных исторических моментов, дискуссии вокруг которых не утихают и по сей день.

---

[8] Там же.

[9] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 17–18.

[10] Там же. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 16.

[11] Там же. Л. 17.

[12] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 16, 25–32.

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ АНДРЕЙ БОГДАНОВИЧ ВАСЕНКО

Шувалова Анастасия Николаевна
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Советский период истории России подарил немало значительных изобретений и великолепных учёных в различных областях наук. Такое явление происходило и в воздухоплавании. В 1930-х гг. прозвучало имя воздухоплавателя Андрея Богдановича Васенко.

Будущий конструктор стратостата «Осоавиахим-1», Андрей Васенко, родился 28 декабря 1899 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, Богдан Петрович, был инженером Управления казенной железной дороги. Мать, Софья Эмильевна, преподавала в Царскосельской женской гимназии Министерства народного просвещения. В 1903 г. его мать решает переехать в Царское Село. Именно здесь осенью 1908 г. Андрей был принят на учёбу в школу Пушкаревой – Мальцевой, но вскоре перешёл в Николаевскую мужскую гимназию.

Детство Андрея пришлось на 1900-ые годы. Его мать писала в своём дневнике о сыне: «4 января 1906 года... Я его прозвала протестант и революционер. Вечно он чем-нибудь недоволен и протестует...».

Будучи учеником гимназии, Васенко начал издавать собственный рукописный журнал «Молодое», а также писать стихи. Первыми стихотворениями стали: «Я», «Бог», «Жизнь», вошедшие в первый сборник «Недосказанное»[1]. Во время учёбы он увлекается и работами по физике – читает К.Э. Циолковского.

В 1918 г. А. Васенко оканчивает Николаевскую мужскую гимназию. С началом Гражданской войны он стал добровольцем в железнодорожном отряде Красной Армии и сражался на Восточном фронте[2]. Сегодня нельзя точно ответить на вопрос, каких политических предпочтений придерживался будущий стратонавт в 1917 г. Наверное, он относился к тем людям, которые приветствовали революцию и большевиков. Так, в его тетрадях-сборниках часто звучали революционные идеи. К примеру, в сборнике стихотворений «Сталь». «“Люди, остановитесь!” Хочется крикнуть им. Вперёд и вперёд, гремит девиз двадцатого века, и каждый человек крупинка мироздания говорит: “Мы идем вперёд”. И становится ясно, что люди ослеплены», – писал А.Б. Васенко в своём стихотворении «Вы слышите».

Позже он участвовал в боях за Тобольск, вдоль Сибирской железной магистрали к Новониколаевску. Васенко был демобилизован, и в 1920 г. по-

[1] *Мощеникова М., Корнилова Н.* Икар из Царского Села // Царскосельская газета. 2006. № 4. С. 6.

[2] *Пронин В.А.* Шагнувшие в небо. Саранск, 1986. С. 45.

ступает в Институт инженеров путей сообщения на воздушный факультет[3]. В 1927 г. Васенко оканчивает институт. Тогда же он составил проект воздушного корабля для исследования высоких слоёв атмосферы.

С 16 марта 1929 г. Васенко работает в Павловской метеорологической и магнитной обсерватории. Именно здесь он впервые задумался над созданием стратостата. Затем учёный работал в Институте аэрофотосъёмки, в институте Гражданского воздушного флота. В 1930–1932 гг. Васенко проводит испытание специальных типов аэростатов для нужд аэрофотосъёмки.

В 1931 г. при Ленинградском областном Осоавиахиме было создано Бюро воздушной техники, которое сплотило вокруг себя инженерно-технические силы Ленинграда[4]. В 1930 г. в план работ Бюро воздушной техники по инициативе инженера А.Б. Васенко была включена тема: «высотный стратостат»[5]. Васенко возглавил бригаду по разработке проекта аэростата. Тщательная работа над стратостатом была организована в 1932 г. Одновременно в разных уголках Ленинграда создавался новый стратостат.

Ещё летом 1930 г. по проекту Васенко в мастерских Павловской аэрологической обсерватории был построен небольшой привязной аэростат, который предназначался для исследования обледенения.

Над устройством нового стратостата работали многие учёные. В Бюро входили известные специалисты: П.Ф. Федосеенко, Е.Е. Чертовский, А.Б. Васенко, Ю.К. Юневич, К.С. Кирпичников, Н.С. Дмитриев. Полёт стратостата должен был решить ряд важных научных вопросов: измерить солнечную радиацию, магнетизм стратосферной оболочки, проверить наличие заряженности воздуха на разных высотах.

В конце 1932 г. проектирование стратостата было закончено, и в январе 1933 г. проект «Осоавиахим-1» получил одобрение, а Центральный совет Осоавиахима СССР дал разрешение на его постройку. Проект стратостата утвердил Научно-исследовательский институт Военно-Воздушных сил.

На 28 июля 1933 г. был назначен тренировочный полёт на воздушном шаре, в котором участвовали А.Б. Васенко, П.Ф. Федосеенко и И.Д. Усыскин. Впервые стратонавты увидели Ленинград с высоты 3000 м.

В самом начале новый стратостат планировали запустить одновременно с другим стратостатом – «СССР-1», но этому не удалось сбыться. Стратостат «Осоавиахим-1» изготовлялся в Ленинграде, а «СССР-1» – в Москве. Эта борьба городов перекликалась и с внутриполитической борьбой между партийными лидерами РКП(б): И.В. Сталиным и С.М. Кировым. Стратостат «Осоавиахим-1» не полностью был готов к полёту в стратосферу. Он не имел хорошего технического оборудования, тем самым в экстренной ситуации стратонавты не могли выбраться. И.В. Сталин хотел установить новый мировой рекорд[6]. Полёт стратостата «Осоавиахим-1» планировался весной

---

[3] *Рынин Н.А.* Штурм стратосферы. Киев–Одесса, 1935. С. 107.

[4] *Кирпичников К.С.* Советский стратостат ОАХ-1. М., 1933. С. 3.

[5] *Сытин В.А.* Стратосферный фронт. Как и зачем изучают и завоёвывают стратосферу. М.; Л., 1936. С. 76.

[6] Причиной гибели послужило стремление поставить мировой сверхрекорд. Документы о катастрофе стратостата «Осоавиахим-1» // Источник. Документы русской истории. 1997. № 2. С. 89–108.

1934 г., но в связи с очередным съездом ВКП(б) дату перенесли на январь. Объявление о полёте стратостата «Осоавиахим-1» упоминается в записке К. Ворошилова И. Сталину от 9 января 1934 г.

30 января 1934 г. отправился в стратосферу первый в мире зимний стратостат. Сразу начались переговоры по радиосвязи. В полдень связь оборвалась. Никто не знал о судьбе членов экипажа. Однако сигналы ловили случайно неизвестные люди. В доме радиолюбителя Кержакова в с. Ям Московской области прозвучало: «Земля, отвечайте... Достигли 21 км., подъем продолжается, отвечайте, перехожу на приём»[7].

Комиссия ожидала посадки стратостата в районе Коломны. Именно здесь приземлился стратостат «СССР-1». Только на следующий день стало известно Москве о гибели стратонавтов в Мордовской области. В гондоле были обнаружены тела трех стратонавтов.

Инженеры до последнего момента своей жизни продолжали свои наблюдения[8]. Официальная причина гибели – оболочка стратостата от удара оторвалась[9]. Гибель стратонавтов вызвала поток публикаций, как в советских газетах, так и в зарубежной прессе. В дневнике журналиста Л. Хвата говорилось, что весь мир хоронил трёх учёных[10]. Также из Америки пришла телеграмма от Вильгельма Рамдольфа Херста, где говорилось, что герои стратосферы пожертвовали жизнью не только ради своей страны, но и ради всего мира. В Польше в газете «Курьер» писали, что рекорд, поставленный советскими летчиками, является рекордом науки.

1 февраля 1934 г. состоялся последний путь трёх молодых учёных по Москве. В здании бывших Верхних торговых рядов в вестибюле дома ВЦИК был поставлен постамент для трёх урн героев СССР[11]. За самоотверженность в деле освоения стратосферы П.Ф. Федосеенко, И.Д. Усыскин и А.Б. Васенко посмертно были награждены орденом Ленина[12]. Сами похороны стратонавтов состоялись 2 февраля 1934 г. Члены правительства ЦИК ССР и членов президиума 17 съезда стояли в почётном карауле: С.М. Киров, А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе, Ем. Ярославский.

Интересно, что уже 20 марта 1934 года Ворошилов просил о разрешении НКВМОРу (по УВВС) приступить к организации конструкции нового стратостата с обязательством соответствующим заводам дать задание о строительстве такого стратостата в 1934 г.[13]

Также ещё 16 февраля 1934 года советское правительство создало фонд имени т. Федосеенко, Васенко и Усыскина, средства от которого должны были расходоваться на цели, связанные с исследованием стратосферы. Требование

---

[7] *Дорофеева В.Б., Дорофеев В.В.* 439 минут «Сириуса». Докум. повесть. М., 1977. С. 231.

[8] *Молчанов П.А.* Полеты в стратосферу. М.; Л., 1935. С. 40.

[9] *Захарова Н.* «Они приблизились к Солнцу» // Царскосельская газета. 1999. № 13. С. 2.

[10] *Хват Л.* Записки журналиста // Смена. 1937. № 4. С. 14–15.

[11] *Трофимова Н.* Андрей Васенко // Вперёд. 1973. № 14. С. 3.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 938. Л. 4.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 941. Л. 5.

звучало об открытии счёта в Госбанке, куда будут перечислены средства трудящегося населения на завоевание стратосферы через организации[14].

Более того, по предложению товарища Ворошилова был создан и наблюдательный совет о полётах в стратосферу в составе Ворошилова (председатель), Эндеймана, Уншлихта, Алксниса, Пятакова[15].

Так наша страна лишилась талантливого учёного – А.Б. Васенко, который до последних минут своей жизни выполнял задание – достичь 22 000 м над уровнем моря.

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 939. Л. 13.

[15] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 943. Л. 23.

РЫНОК ЖЕНСКОГО ТРУДА В МОСКВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В СТАТИСТИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Щинова Анастасия Кирилловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

После прихода Советской власти был взят курс на установление равноправия мужчин и женщин и предоставление последним прав и свобод – например, в сфере труда. Однако путь к этому был тернистым. Только на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи стала возобладать тенденция к привлечению женщин в производство – за 1900–1913 гг. их доля увеличилась с 26,1% до 31,7%[1]. А какой была ситуация в промышленных центрах – например, в Москве?

Данное исследование раскрывает проблему женского труда в Москве на рубеже XIX–XX вв. на основе статистических источников – переписей населения Москвы 1882, 1902 и 1912 гг. и Всероссийской переписи населения 1897 года, содержащих сведения как о численности всего населения, так и о занятости мужчин и женщин. Главный акцент в работе делается на профессиональном распределении по группам и сферам занятий и на динамике трудовой активности за 1882–1912 гг.

Несмотря на ценность этих данных, они не лишены недостатков: так, при сборе и обработке сведений могли допускаться погрешности из-за неграмотности, неосведомлённости или скрытности/недоступности интервьюируемых и неподготовленности интервьюеров, что часто искажало результаты. Однако ошибки не повлияли на репрезентативность источника.

Так как исследований, посвящённых женскому труду в дореволюционной Москве, мало, то в качестве литературы использовались книги и статьи общего характера – о женском движении в России[2], о демографической ситуации[3], о статистике трудовой активности рабочих в Москве[4].

Для исследования применялись методы дескриптивного (описательного) анализа. Сначала были подготовлены таблицы с данными переписей о за-

---

[1] *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. С. 192, 195, 196, 229.

[2] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

[3] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. об-ва и правового государства: в 2 т. СПб., 2003.

[4] *Динеева О.В.* Индустриальная безработица в Москве в начале XX в. и муниципальные мероприятия помощи безработным // Экономический журнал. 2002. № 5 URL: http://economicarggu.ru/2002_5/05.shtml#_edn6/ (дата обращения: 23.02.2017).

нятости женщин Москвы[5] в программе Microsoft Excel. Затем – подсчитано распределение самодеятельного женского населения в % (где за 100% берётся общая численность лиц женского пола определённой категории по всем группам занятий), а также темп прироста трудового населения в % за определённый промежуток времени по формуле:

$$K = (Xt - X1) / X1 * 100\%.$$

После вычислений были построены графики и диаграммы для визуализации и последующей интерпретации результатов.

Сфера занятий (производств)	1882 год	1897 год	1902 год	1912 год	Общий прирост за 1882–1912 гг.	Прирост за первые 15 лет	Прирост за вторые 15 лет
Промышленность	54 691	67 095	76 495	116 050	101%	16%	73%
Торговля, сфера услуг, транспорт	6777	19 983	20 308	35 492	424%	195%	78%
Домашняя прислуга и перем. поденные работники	61 008	79 018	73 469	95 899	57%	30%	21%
Военные, придворные, гражданские и церковные служители и свобод. профессии	11 372	15 987	20 152	33 149	191%	41%	107%
Без занятий, без точного указания занятий или вовсе без указаний	32 743	46 348	58 586	85 692	162%	42%	85%
ИТОГО ВСЕ ЗАНЯТИЯ	169 591	228 431	249 010	366 282	116%	35%	60%

Рис. 1. Табл. 1. Распределение женского самодеятельного населения г. Москвы по сферам труда

Помимо анализа данных каждой переписи, сравнивались показатели по группам занятий отдельно за 1882–1897 гг. и 1902–1912 гг., так как в переписях 1882[6] и 1897 гг.[7] группы формировались по отраслевому принципу, а в переписях 1902[8] и 1912 гг.[9] – по социальному положению/статусу работни-

[5] Таблицы по занятиям из переписей населения Российской империи 1897 г. и Москвы 1902 г. // Центр экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/DBASES/Cencus/ (дата обращения: 23.02.2017).

[6] Перепись Москвы 1882 года. Вып. 2: Население и занятия. М., 1885. Стб. 131–134.

[7] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXIV. Город Москва: Тетр. 2. Санкт-Петербург, 1904. С. 170–171.

[8] Главнейшие данные переписи города Москвы 31 января 1902 года. Вып. 6. Население Москвы по занятиям... М., 1907. С. 9–10.

[9] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 68–74.

ка в рабочей иерархии. Также было выделено 5 сфер занятий для сравнения данных за 1882–1912 гг. – «Промышленность», «Торговля и сфера услуг», «Домашняя прислуга и переменные поденные работники», «Военные, придворные, гражданские и церковные служители и свободные профессии», «Без занятий, без точного указания занятий или вовсе без указания». Стоит отметить, что на этапе их формирования возникли трудности, так как некоторые группы в переписях 1902 и 1912 гг. объединяли под собой занятия из разных сфер деятельности (например, «рабочие по добыванию и обрабатыванию минералов» и «кухарки» находились в одной группе «Рабочие фабрик и заводов» или «фабриканты и рабочие», «хозяева транспортных предприятий», «хозяева трактиров» – в группе «Хозяева»). По этой причине некоторые занятия, находящиеся в одной группе, были отнесены отдельно в сферу промышленности, отдельно – в сфере услуг и торговли.

Рынок женского труда в Москве имел следующие особенности. Так, в промышленности наблюдался активный рост числа женщин (общий прирост за 1882–1912 гг. – 101%), связанный как со стремлением фабрикантов ввести в производство экономически более выгодный и спокойный женский элемент (особенно после революции 1905 г.)[10], так и с модернизацией промышленности.

В поденной и домашней службе динамика имела скачкообразный характер – наблюдался прирост за 1882–1897 гг., затем спад в 1897–1902 гг. (–7%) вследствие экономического кризиса начала века и поднявшейся волны увольнений[11], в 1902–1912 гг. снова прирост. Эта сфера оставалась популярной по причине своей доступности для низкоквалифицированной и низкооплачиваемой категории населения, к коей относилось и большинство женщин. К тому же наблюдался спрос на такую рабочую силу – «только представители недостаточных классов не имели в Москве прислугу»[12].

В сфере услуг и торговли – бурный рост в 1882–1897 гг. (195%), затем замедление темпов, которое, однако, мало повлияло на конечный внушительный прирост (424%) числа работниц за 30 лет.

Медленнее, чем в сфере услуг, но быстрее, чем в домашней службе, росло число женщин, находящихся на военных, гражданских, придворных, церковных и пр. должностях (191%). Долгое время и торговля, и образование, и гражданская служба были вне сферы деятельности женщин. Но развитие женского гимназического и высшего образования (т.н. ВЖК) к началу XX века[13] привело к повышению уровня грамотности женщин и их включению в эти занятия.

В последней сфере, не связанной с активной трудовой деятельностью («живущие за счёт дохода», «безработные»), прирост числа женщин также шёл вверх (162%), что показывало обратную сторону процесса вовлечения женщин в трудовую активность.

---

[10] Свод отчётов фабричных инспекторов за 1907 г. СПб., 1909. С. VII; Свод отчётов фабричных инспекторов за 1908 г. СПб., 1910. С. 012.

[11] *Динеева О.В.* Указ. соч. [Электронный ресурс].

[12] *Руга В.Э.* Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта начала XX века. М., 2010. С. 473.

[13] *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 46.

Рис. 2. Диаграмма 1. Распределение женского самодеятельного населения г. Москвы по сферам труда

В целом на протяжении 30 лет как женское, так и мужское население росло равномерно, но прирост женского был больше прироста мужского на 28% (131% против 103%). При этом прирост женского трудового населения за 30 лет составил 116%, что было на 30% больше, чем прирост мужского. И если в первом 15-летии (1882–1897 гг.) прирост составил 35%, то во втором 15-летии (1897–1912 гг.) увеличился в 2 раза и составил уже 60%.

В итоге, общее количество работниц за 30 лет возросло – с 32% до 35%, тогда как работников – упало с 68% до 65%. Этому способствовал как приток крестьянского женского населения в города вслед за мужским (вследствие проблемы малоземелья), так и включение самих горожанок в новые виды деятельности. Конечно, последующая за этим война и революция дали женщинам в их борьбе за свои права карт-бланш, однако первые шаги на пути к этому (в том числе и в трудовой сфере) были сделаны ещё до революции, несмотря на всё еще патриархальное понимание роли женщин и мужчин в российском обществе.

КОЛЛЕКЦИЯ БОРИСА СУВАРИНА В БИБЛИОТЕКЕ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЖЕНЕВА, ШВЕЙЦАРИЯ)

Якимович Светлана Анатольевна, библиотекарь (Graduate Institute of International and Development studies, IHEID, Швейцария)

Коллекция Бориса Суварина (1895–1984) – подлинное отражение сферы его интересов в течение долгих лет его активной жизни. Основатель Французской Коммунистической партии (1920) и член Исполнительного Комитета Коминтерна (1921–1924), исключенный за свои критические взгляды на линию партии, по возвращении во Францию стал корреспондентом Института Маркса и Энгельса, покупая по просьбе Давида Рязанова редкие книги и архивы деятелей социалистического направления. Страсть к сохранению архивов и материалов на темы истории рабочего движения осталась у Суварина до глубокой старости.

Став одним из первых анти-сталинистов, он пытался привлечь внимание европейцев к «атмосфере погрома, созданной сталинской прессой», разоблачать политику Исполнительного Комитета Коминтерна и показывать условия жизни трудящихся при диктатуре пролетариата в своих многочисленных критических статьях. Суварин не жалел усилий, осуждая преступления сталинизма, пытаясь спасти осужденных диссидентов и раскрыть горькую правду, скрываемую за ложью официальной советской пропаганды. Его главный труд «Сталин. Исторический обзор большевизма», впервые опубликованный в 1935, – не только хорошо проработанный портрет диктатора, но и история русской революции.

Широкий спектр архивных документов, книг, брошюр и периодических изданий, переданных Сувариным Женевскому институту, отражает изменение политических взглядов коллекционера, но главная тема предопределена областью его особого интереса и названием руководимого им Института – коллекция фокусируется на социальных и исторических аспектах современного коммунизма.

Основав Институт Социальной Истории в Париже в 1935 как филиал Международного Института Социальной Истории в Амстердаме, Борис Суварин скрупулезно пополнял его библиотеку, взяв за основу своего собрания документы и переписку 20 годов. После возвращения из США в 1948 году Суварин воссоздал Парижский Институт и продолжал публиковать журнал *Социальный Контракт*, пополнять архивы и библиотеку, делиться своими знаниями и опытом в области современной политики до выхода на пенсию в 1976 году.

В конце 1950 годов ухудшающееся здоровье и финансовое бремя привели к критической ситуации, в результате которой Суварин был вынужден искать покупателя для своей библиотеки. В то время его коллекция считалась четвертой по важности в мире по своей тематике, после Московского Института Маркса и Энгельса, библиотеки Амстердамского Института и Библиотеки Джанджакомо Фельтринелли в Милане. Желая, чтобы вся коллекция осталась в Европе, и намереваясь иметь возможность продолжать работу с ее материалами, Суварин предложил свою Библиотеку Женевскому Институту Международных отношений.

Согласно меморандуму Суварина от 4 декабря 1959, его Библиотека состояла из приблизительно 12 000 томов в области истории социализма и коммунизма, среди которых имелись ценные коллекции газет и журналов на темы истории социальных движений, революций и экономических доктрин. В дополнение к этому в коллекции имелись несколько тысяч памфлетов и брошюр, представлявших немалую ценность в то время. Договор о покупке библиотеки был подписан в начале 1961, и передача книг и материалов продолжалась с весны 1961 до смерти Бориса Суварина четверть века спустя. Последние коробки архивов были отправлены в Женеву в сентябре 1985 вдовой коллекционера. Директор Женевского Института того времени, г-н Жак Фремон, надеялся не только обогатить собрание своей библиотеки, но и открыть новые перспективы для будущих исследований.

Суварин очень серьезно отнесся к работе по передаче своей библиотеки Женевскому институту, заказав машинописные копии корреспонденции 1920-х годов, снабдив некоторые документы своими примечаниями и приложив вкладыш с транслитерацией фамилии автора и переводом названия работы на французский язык практически в каждую книгу и брошюру на русском языке. По оценке, данной Суварином своему архиву в письме г-ну Фремону от 30.03.1971: «Как бы фрагментарна и неполна ни была моя коллекция, она представляет большой интерес в различных областях. Она отрицает установившиеся легенды о повседневной жизни Коминтерна при Ленине, о том, как проводились обсуждения и принимались решения, об отношениях с национальными секциями, о пресловутом денежном вопросе, о советском шпионаже, и т.д.

В основном она освещает вопросы отношений Исполнительного Комитета с Коммунистической партией Франции, но характер этих отношений свойственен также работе с другими секциями Коминтерна. Она содержит тексты и документы, касающиеся деятельности коммунистических партий и различных малоизвестных эпизодов истории международного коммунизма. В ней сохранены письма Зиновьева, Бухарина, Троцкого, Куусинена, Лозовского, Мануильского, Розмера, Садула, Бордига, Рутгерса и др., которые вносят свой вклад в понимание этих людей и исторических фактов. Она дает все необходимые материалы о ФКП для будущей правдивой истории этой партии в развитии, ее кризисов, ее преобразования в инструмент Советского государства. Благодаря этим разнообразным материалам коллекция незаменима и заслуживает опубликования».

Архив Бориса Суварина в нашем институте состоит из нескольких секций:

– Документы, собранные лично Борисом Суварином (переписка 1918–1929, вырезки из прессы, исторические фотографии, статьи, памфлеты);

– Архив Анатоля де Монзи, французского политического деятеля и администратора (документы и обширная переписка на тему возобновления дипломатических отношений с Россией и возвращения царских займов);

– Архив Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича (переписка, рукописи статей, коллекция эмигрантской прессы 1900–1954);

– Несколько папок на различные темы – Андре Марти, деятель ФКП; Артур Раффалович (русский финансовый агент в Лондоне); папки, озаглавленные НКВД, содержащие произведения на руском и французском языках под названием «Меч революции»; листовки «Paix et libérté » и пр.

В настоящее время ведется работа по созданию описания архива Бориса Суварина и его опубликованию на сайте нашего института в соответсвии с пожеланием Бориса Суварина, высказанным в письме г-ну Фремону 05.07.1973: «Я бы хотел, чтобы был создан машинописный список архива, воспроизводящий даты и мои примечания к каждому документу».

Под руководством профессора современной истории нашего института, г-на Андре Либиша, подготовлена и выпущена книга на английском языке «From communism to anti-communism. Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institue, Geneva» с комментариями историков к фотографиям эпохи 2 конгресса Коминтерна и другим историческим фото из коллекции Суварина. Электронная версия книги доступна по ссылке:

https://books.openedition.org/iheid/6440.

Также эти фотографии можно увидеть по ссылке:

https://www.flickr.com/photos/graduateinstitute_library.

Цель доклада – раскрыть архивы нашего института для русско- и франкоязычных исследователей, привлечь их внимание к малоизвестным деталям современной истории и биографий Бориса Суварина, Анатоля де Монзи, и особенно нашей соотечественницы, Екатерины Дмитриевны Кусковой (1869–1958), замечательной женщины и человека необычайной твердости и высоких моральных ценностей.

РАСОВЫЕ ТЕОРИИ Ж.А. ГОБИНО И Г. ГЮНТЕРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Яковлев Игорь Вячеславович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

«Отцом-основателем» расовой теории по праву считается Жозеф Артюр Гобино, чья теория появилась вслед за открытиями и исследованиями Чарльза Дарвина, Рихарда Вагнера, Карла Маркса, немецкого биолога и врача К.Г. Каруса и французского историка и философа В. Курте. В частности, дружеские отношения с Вагнером явились причиной сходства их воззрений. Примером служат убеждения о том, что человечество состоит из нескольких неравных рас, что высокие расы могут господствовать над низшими и т.д.[1] А ряд основных положений книги Каруса «О неравных способностях различных человеческих рас к высокому духовному развитию» (1849 г.) Жозеф Артюр Гобино впоследствии развивал в своей теории.

Однако стоит отметить, что Ж.А. Гобино является не единственным теоретиком расизма, который связывает между собой развитие цивилизаций и расы народов. В учении главного расолога Третьего рейха Ганса Гюнтера расам так же отводится ведущая роль в историческом процессе, а значит, и в развитии цивилизаций. Ганс Фридрих Карл Гюнтер был не просто теоретиком, он на практике применял свою теорию. Помимо преподавания в университетах Вены, Берлина, Фрайберга, он являлся главным евгенистом, оказавшем своими научными трудами значительное влияние на проводимую расовую политику немецких национал-социалистов. В книге Г. Гюнтера «Избранные работы по расологии» исследователь проследить данную закономерность. По Г. Гюнтеру, «цивилизация и изменение цивилизации народа это, прежде всего, выражение конфликта представленных в этом народе расовых душ между собой и с окружающим миром»[2]. История – всегда является конфликтом расовых особенностей, в связи с этим «направление цивилизационной деятельности всегда зависит от доминирующей в данном народе расовой души, от той расовой души, которая после конфликта с другими представленными в данном народе расовыми душами завоевывает господство»[3].

Если сравнивать эти части концепции Ж.А. Гобино и учения Г. Гюнтера, то можно увидеть, что у этих двух авторов цивилизация выступает в качестве результата смешения между расами. Но, несмотря на схожесть этих идей, существует два важных различия между ними.

---

[1] См: *Тагиефф П.-А.* Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009. С. 9–10.

[2] *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии. М., 2005. С. 176.

[3] Там же.

Во-первых, если в концепции Ж.А. Гобино смешение рас и возникновение цивилизаций проходят мирным путем, то в учении Ганса Гюнтера это смешение обязательно сопровождается борьбой между расами. Кроме того, Жозеф Артюр Гобино говорит о том, что смешение проходит естественным путем и является по своей сути латентным процессом, постоянно действующим в истории. У Ганса Гюнтера смешение рас обязательно является совсем не естественным процессом, а скорее наоборот. И становление цивилизации является ярко выраженным процессом.

Во-вторых, ведущую роль в процессе становления цивилизаций и развития истории Ж.А. Гобино отводит только представителям белой расы. По его мнению, только данные индивиды способны привнести в дикое общество черты цивилизованности. «Она (история) показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго продержаться без ее участия, что общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего народа»[4].

Если же обратиться к учению Ганса Гюнтера, то можно заметить, что автор в процессе становления цивилизаций не отдает доминирующую роль ни одной из рас. Становление цивилизации, по Г. Гюнтеру, происходит в результате победы одной расовой души над другой.

Таким образом, если для Ж.А. Гобино цивилизация возникает только в случае смешения белой расы с какой-либо другой, то, по мнению Ганса Гюнтера, цивилизация может возникнуть в результате смешения любых рас.

Вопрос о неравенстве человеческих рас Жозеф Артюр Гобино начинает рассматривать с самого его истока, а именно – с происхождения человека. Проведя ряд рассуждений, автор приходит к выводу, что все человечество произошло от одного источника и является потомком «первородной адамовой ветви»[5]. Стоит отметить, что, по мнению Гофмана А.Б., такое допущение Ж.А. Гобино о происхождении человечества из единой «адамовой ветви» обусловлено нежеланием автора вступать в конфликт с христианской религией[6].

Г. Гюнтер, в свою очередь, вопросу происхождения человека отводил не такую значимую роль. Для него основным элементом теории была идея сохранения чистоты какой-либо расы. Несмотря на то, что он не превозносил белую расу, он настаивал на ее абсолютной автохтонности.

Различались у этих двух авторов и взгляды на выделение самих рас. По мнению Ж.А. Гобино, существует несколько различающихся друг от друга рас: белые, черные и желтые. Это и есть чистые расы, из которых состоит человечество. Может возникнуть представление о том, что Ж.А. Гобино за основу своего деления брал цвет кожи. Но он, предвидя такое развитие событий, сразу отметил, что цвет кожи – это только повод для обозначения рас, а само деление он проводил по совсем другим критериям, отличным от этого. По

---

[4] *Гобино Ж.А.* Опыт о неравенстве человеческих рас. Т. 1. М., 2001. С. 198–199.

[5] Там же. С. 21.

[6] *Гофман А.Б.* Элитизм и расизм: критика философско-исторических воззрений А. де Гобино // Расы и народы. 1977. № 7. С. 135.

мнению А.-П. Тагиефф, эта классификация является отражением распространенных в то время представлений о различии людей[7]. Но, как бы то ни было, Ж.А. Гобино выделяет белую, черную и желтую расы.

Критерием для выделения рас служат три признака, а именно: физическая сила, красота тела, интеллектуальные способности.

Стоит отметить, что классификация рас по данным основаниям является основной (и по сей день), но не единственной. Так, расовая теория главного расолога Третьего рейха Ганса Гюнтера базируется на совершенно других принципах. В концепции Ганса Гюнтера нет ярко выраженных критериев при выделении конкретных рас. Для него ключевыми характеристиками являются: внешность, телосложение, ментальные особенности и особенности духовной организации. Исходя из этих принципов, Ганс Гюнтер делит человечество на 6 рас: Нордическая, Западная, Динарская, Восточная, Восточно-балтийская, Фальская.

Каждая из этих рас обладает набором своих особенных признаков. Так, представители нордической расы характеризуются «высоким ростом, длинной головой, узким лицом с выступающим подбородком, узким носом с высоким основанием; мягкими, светлыми волосами, глубоко поставленными светлыми глазами, розовато-белой кожей»[8].

Таким образом, можно заметить, что, в отличие от Ганса Гюнтера, Ж.А. Гобино придерживался более конкретных характеристик при выделении тех или иных расовых групп. При этом Ж.А. Гобино считал не столь важным обоснование в различии физической силы и красоты представителей различных рас. А вот неравенство в интеллектуальном плане он трактовал особым образом.

---

[7] См.: *Тагиефф П.-А.* Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009. С. 48.

[8] *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии. М., 2005. С. 63.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Яковлева Инна Алексеевна
(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

Становление и развитие советского спорта шло под чутким контролем партии большевиков. Ища поддержку народа, она использовала все возможные средства объединения и привлечения широких масс населения к физической культуре. В советской России на первый план в области физической культуры и спорта выдвигалось всеобщее оздоровление, подготовка к труду и обороне, в то время как достижение каких-либо результатов и установление рекордов считалось «буржуазным» пережитком[1].

Новгородскую губернию, как и всю страну, коснулись изменения и новации в области спорта и физической культуры. С введением всеобщего военного обучения и созданием Новгородского губернского отдела «Всевобуч», а также отделов при уездных военкоматах в 1918 году[2], вся агитационная и пропагандистская деятельность была сосредоточена в них.

Основными направлениями агитационной работы в органах Всевобуча были создание спортивных клубов и кружков, а также выпуск брошюр и листовок пропагандистского содержания. Так, по состоянию на 1 декабря 1921 года в Новгородской губернии существовало 19 спортивных организаций, 8 из которых вели работу под руководством органов Всевобуч. В общей сложности в клубах состояло 920 членов, 505 из которых – граждане допризывного возраста. Наибольшее число спортивных организаций зарегистрировано в Боровичском и Маловишерском уездах – 8 и 6 соответственно. Из-за отсутствия информации в изученных нами документах, мы не можем охарактеризовать состояние спортивных организаций в Новгородском уезде и г. Новгороде, как губернском центре, однако в нём отмечается самое большое число членов спортивных клубов – 525 человек[3]. Важно отметить, что членство в клубах, организованных всевобучем, было бесплатным, и вступить в них мог любой желающий. Это отличает советские спортивные организации

[1] *Ивановский Б.* Спорт // БСЭ. 1-е изд. М., 1947. Т. 52. С. 446–447.

[2] Доклады начальников территориально-полкового округа и ротных участков о состоянии всеобуча и о ходе реорганизации органов всеобуча за 1918 г. // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 76. Л. 30а–32.

[3] Сведения уездвоенкоматов о состоянии спортивной и допризывной подготовки за 1921 г. // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 455. Л. 110.

от существовавших в дореволюционной России, где членство в клубе предполагало взносы и самостоятельную покупку инвентаря.

Отделы всеобщего военного обучения для продвижения своих идей также пользовались средствами массовой информации. В губернской газете «Звезда» регулярно публиковались объявления о проведении каких-либо спортивных мероприятий или о наборе в спортивные организации. В самих органах всевобуча регулярно выпускались инструкции и методические рекомендации по созданию спортивных кружков и клубов, внедрению курсов подготовки спортсменов и допризывников. Так, например, окружным инспектором всевобуча Петроградского округа М. Собецким была утверждена Временная инструкция по организации допризывной подготовки и по созданию спортивных кружков, отделов и клубов. Она регулировала учреждение спортивных организаций в губерниях, разъясняла правила создания клубов в уездных городах и волостях, давала рекомендации по оборудованию секций и тиров[4].

В 1919 году в Новгородской губернии был создан Коммунистический союз молодежи. Основной задачей, поставленной перед комсомолом В.И. Лениным в области «спортизации», стала культурно-просветительская и агитационная работа с населением для распространения идей всевобуча. В 1920–1921 годах при Новгородском комитете РКСМ был создан военно-спортивный отдел, который предпринимал попытки решить эту проблему. Проводились спектакли и митинги, членами спортивных клубов читались лекции о важности физической подготовки в жизни советского гражданина. Как писали позднее в отчетах, агитационно-просветительской деятельности комсомолом уделялось много сил и времени[5].

Уже в 1922 году приказом по Губвоенкомату от 29 сентября 1922 года № 307 был создан Новгородский совет физической культуры, в котором, согласно постановлению Высшего Совета физической культуры, «ввиду необходимости расширения рамок своих работ»[6], предполагалось организовать три комиссии: научную, административно-организационную, агитационно-просветительную. Эти три комиссии должны были осуществлять политику всеобщего военного обучения. Одним из ключевых направлений работы данного органа была агитационно-просветительская деятельность для привлечения большего числа граждан в спортивные организации и приобщения их к спортивной культуре.

Еще одним из важных направлений агитационно-пропагандистской деятельности в области спорта стало проведение различных спортивных мероприятий и соревнований. Первые соревнования стали проводится ещё в 1918 году, однако они не были рассчитаны на широкую публику. Более серьезные и массовые мероприятия стали организовывать уже в 1920 году. Обычно они приурочивались к каким-либо годовщинам или определенным событиям, происходившим в стране, тем самым обеспечивая себе массовость и гласность.

---

[4] Материалы по работе отдела спорта и допризывной подготовки губвоенкомата за 1919 г. // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 160. Л. 32–32 об.

[5] Телеграммы, переписка Бологовской организации по военным и спортивным вопросам // ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

[6] Циркулярные указания Главного управления всеобщего военного обучения и Петроградского окружного Управления всеобщего военного обучения // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 642. Л. 16.

«День Всевобуча» в Новгородской губернии ежегодно проводился в мае-июле, начиная с 1920 года. Данное мероприятие проводилось не только на губернском, но и на местном, уездном уровне. Праздник обычно включал парады, концерты и спектакли, показательные выступления спортсменов и соревнования. Времени на подготовку выделялось немного, поэтому состязания ограничивались футбольными матчами и легкой атлетикой. Например, в мае 1922 года в городе Новгород прошёл праздник «День русского спорта», приуроченный к «четвертой годовщине Всевобуча». В программу были включены парад спортсменов и допризывников, показательные спортивные соревнования по легкой атлетике, матчи по футболу, баскетболу и французская борьба[7]. Так, баскетбольный матч между «Синими» и «Белыми» закончился со счетом 15:7 в пользу «Синих»[8].

Одним из самых крупных спортивных мероприятий из проводимых в губернии, привлекавшим наибольшее количество зрителей и участников, была губернская олимпиада. Первая подобная олимпиада была проведена в августе 1921 года в г. Новгороде, где каждый уезд представляла команда из допризывников и спортсменов. Всего в олимпиаде участвовало 137 человек[9]. По общей сумме очков команды Новгородского, Демянского и Маловишерского уездов заняли 1, 2 и 3 места соответственно.

В феврале 1923 года в г. Новгороде был устроен «День физической культуры». В первую очередь, его проведение было ориентировано на показательные спортивные выступления для профсоюза, Красной Армии, РКСМ, членов РКП(б). Но, в тоже время, попутно с выступлениями проводились лекции, «касающиеся наступающего вырождения человечества, а в особенности трудящихся масс и демонстрации способов в борьбе с этим явлением»[10].

Большое внимание уделялось составлению лозунгов, призывающих к занятиям физической культурой и спортом. В Новгородской губернии подобного рода лозунги публиковались в местных газетах. Например, в 1920 году, лозунгом всех спортивных организаций стал: «Для спортсмена необходимы – воздух, солнце и вода». В этот период на первый план выходят основы гигиены и медицинское наблюдение спортсменов. В газете «Красная молодежь» приведен такой лозунг для всех новгородских спортсменов:

«В спортивные клубы и площадки
На вольный воздух из душных стен,
Полною грудью его вдыхая,
Ближе к спорту,
Рабоче-крестьянская молодежь!»[11]

---

[7] Греко-римская борьба. Отличительной чертой является использование в единоборстве только захватов руками.

[8] Документы по всеобучу и спортивной подготовке // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 648. Л. 63 об.

[9] Материалы по всеобучу за 1921 г. // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 453. Л. 120–121.

[10] Документы о работе отдела всеобуча губвоенкомата // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 650. Л. 15.

[11] Журнал «Красная молодежь». 1921–1922 гг. // ГАНИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 6.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на большую проведенную работу органами всеобщего военного обучения, РКСМ по пропаганде и агитации физической культуры и спортивного движения, вплоть до 1923 года ощущалась незаинтересованность граждан в спорте. Особенно это касалось деревень, где спортивная подготовка практически не велась, в связи с кадровыми и финансовыми проблемами. «На все благие начинания, крестьяне, благодаря своей темноте, смотрят недоверчиво и критически»[12], – писал в отчете губернский начальник всеобщего военного обучения. Негативно сказывалась и тяжелая социально-экономическая ситуация в стране.

[12] Материалы по работе отделов спорта и допризывной подготовки губвоенкомата и уездвоенкоматов за 1919 год // ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 159а. Л. 26.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО-2017»

Армавирский государственный педагогический университет

Архив Российской академии наук

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия (Республика Беларусь)

Белорусский государственный архив научно-технической документации (Республика Беларусь)

Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)

Библиотека Российской академии наук

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Бухарский Государственный музей-заповедник, филиал «Тарикат Накшбандийа» (Узбекистан)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Волгоградский государственный университет

Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I

Всероссийский Государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова

Государственная Дума Федерального Собрания РФ

Государственное бюджетное образовательное учреждение «Лицей № 1574» (г. Москва)

Государственный академический университет гуманитарных наук

Государственный архив административных органов Свердловской области

Государственный архив Новгородской области

Государственный архив новейшей истории Ульяновской области

Государственный музей истории ГУЛАГа

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан)

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Журнал «Вестник архивиста»

Институт истории, археологии и этнографии Нахчыванского отделения НАНА (Республика Азербайджан)

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Институт постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Институт российской истории Российской академии наук

Институт славяноведения Российской академии наук

Институт стратегии развития образования Российской академии образования

Институт США и Канады Российской академии наук

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко (Украина)

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Краснодарский государственный институт культуры

Кубанский медицинский институт

Медицинский институт РЕАВИЗ (г. Самара)

Международный образовательный центр «Воронежский институт высоких технологий»

Минский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Республика Беларусь)

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

Московский политехнический университет

Московский технологический университет (МИРЭА)

Московский финансово – юридический университет (МФЮА)

Музей истории города Ярославля

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 64» (г. Самара)

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 30» (г. Череповец)

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 4» (г. Ярославль)

Национальный архив Республики Карелия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Национальный университет гражданской защиты Украины (Украина)

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Новомосковский филиал Тульского областного медицинского колледжа

Петрозаводский государственный университет

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Российская государственная библиотека искусств (РГБИ)

Российский государственный архив военно-морского флота

Российский государственный архив новейшей истории

Российский государственный архив социально-политической истории

Российский государственный архив фонодокументов

Российский государственный военный архив

Российский государственный гуманитарный университет

Российский институт стратегических исследований

Российский научно-исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова

Российский педагогический университет им. А.И. Герцена

Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Северо-Кавказский федеральный университет
Тверской государственный университет
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Узбекский государственный институт физической культуры (Республика Узбекистан)
Университет Калифорнии (США)
Уральский государственный военно-исторический музей
Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка
Фонд Антонио Грамши (Италия)
Центр документации новейшей истории Краснодарского края
Центр документации новейшей истории Ярославской области
Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки
Центральный государственный архив Москвы
Центральный государственный архив Московской области
Челябинский государственный университет
Череповецкий государственный университет
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
The Graduate Institute of International and Development Studies (Женева, Швейцария)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдикаликова Динара Ниязбековна – студентка Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан), shopik-8989@mail.ru

Авакян Дарья Айрапетовна – советник Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России, avakyan88@mail.ru

Акимченков Виктор Владимирович – аспирант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, viktor_akimchenkov@mail.ru

Аксенова Екатерина Андреевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ek.aksenova@gmail.com

Алексашина Мария Геннадьевна – главный специалист РГАСПИ, аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, saschina.m@yandex.ru

Амвросова Алина Раилевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, gtaag@mail.ru

Ананьев Дмитрий Алексеевич – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, ananiev95@yandex.ru

Ананьев Никита Александрович – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, nikita_a_ananiev@mail.ru

Артамонова Жанна Владимировна – главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, к.и.н., xoreks@yandex.ru

Асатова Гульсара Рашидовна – доцент кафедры «история Узбекистана» Узбекского государственного института физической культуры (Узбекистан), к.и.н., grasat@rambler.ru

Ахметова Анна Валинуровна – доцент Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, к.и.н., wyrds@rambler.ru

Баженова Рената Сергеевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, itsrenebazh@gmail.com

Бакуменко Геннадий Владимирович – аспирант Армавирского государственного педагогического университета, genn-1@mail.ru

Балачевцева Марта Александровна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, Marta.balachevtseva@yandex.ru

Барабанова Ксения Сергеевна – независимый исследователь, barabanova13@gmail.com

Бибичадзе Анна Георгиевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, bibichadze.anna@mail.ru

Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, магистр исторических наук (Республика Беларусь), vik-1987@bk.ru

Бобылев Илья Владимирович – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, mail.rubin@mail.ru

Болдин Владимир Алексеевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, boldin.v.a@gmail.com

Большакова Ольга Валерьевна – преподаватель Новомосковского филиала Тульского областного медицинского колледжа, bolshackova.o@mail.ru

Бондарева Анна Геннадьевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, annabondarieva1996@mail.ru

Бондаренко Владимир Игоревич – преподаватель кафедры общественных наук и организации здравоохранения Кубанского медицинского института, к.и.н., bondarenko89@list.ru

Борелли Андреа – исследователь в Фонде Антонио Грамши (г. Рим, Италия), PhD, andrea.borelli@unifi.it

Борзых Наталья Евгеньевна – учитель истории школы № 64 г.о. Самара, net831@mail.ru

Будаева Лина Андреевна – соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, linabudaeva7@yandex.ru

Бычкова Нина Сергеевна – аспирантка Института США и Канады РАН, секретарь кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, nsbychkova@mail.ru

Верютин Максим Игоревич – специалист 1-й категории РГАСПИ, Verjutin.Maksim@rambler.ru

Веселов Александр Александрович – доцент кафедры истории и культурологии НИУ «Московский энергетический институт», к.и.н., ostash@yandex.ru

Вишнякова Зоя Николаевна – главный специалист РГАСПИ, аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, zoyacherry@mail.ru

Вовк Алексей Юрьевич – преподаватель лицея № 1574 г. Москва, к.и.н., lewa84@mail.ru

Волкова Ольга Николаевна – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, volkovaoliya@gmail.com

Волошенко Ольга Владимировна – ведущий специалист РГАНИ, olgavlshenk@rambler.ru

Волощун Полина Васильевна – доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского научно-исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, к.и.н., pvoloshun@gmail.com

Вуколов Александр Алексеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, sandrovukolov@gmail.com

Гарифуллин Артур Тахирович – аспирант Казанского национального исследовательского технологического университета, tartarkzn@gmail.com

Герасимов Иван Сергеевич – аспирант Казанского национального исследовательского технологического университета, vanyagerasimow@yandex.ru

Голбин Артем Юрьевич – аспирант Историко-архивного института РГГУ, golbinartem@gmail.com

Гоманенко Олеся Александровна – доцент Волгоградского государственного университета, к.и.н., gomanenko.olesya@mail.ru

Гончаренко Ян Владимирович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, yan_goncharenko@mail.ru

Горшенин Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского института РЕАВИЗ (Самара), aleksandr_gorshenin@rambler.ru

Григорьева Ольга Игоревна – старший научный сотрудник Аналитической службы МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., grig@rector.msu.ru

Грищенко Святослав Александрович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Института радиотехнических и телекоммуникационных систем Московского технологического университета (МИРЭА), svjatoslav11@bk.ru

Дмитриев Иван Евгеньевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, jicky2010@mail.ru

Добровольский Евгений Сергеевич – аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, учитель истории школы № 30 г. Череповца, jekeedee@mail.ru

Долгова Анжела Валерьевна – ведущий сотрудник Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка, к.и.н., angela_dol@mail.ru

Елисеев Алексей Борисович – заместитель директора по учебной работе Минского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Республика Беларусь), к.и.н., alexcom@mail.ru

Еремина Елена Александровна – соискатель кафедры киноведения Всероссийского Государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова, eromaar@yandex.ru

Еремина Ксения Вячеславовна – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета, ekv0212@gmail.com

Ермаков Вадим Андреевич – доцент Московского финансово-юридического университета (МФЮА), к.и.н., fact-476@yandex.ru

Ефимов Андрей Александрович – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, к.и.н. aaefimov5@gmail.com

Зверева Мария Александровна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, m-zvereva1996@mail.ru

Зверева Мария Семеновна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, manutaz@mail.ru

Зотова Екатерина Николаевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, malevich1721@gmail.com

Иванов Вячеслав Александрович – аспирант Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко (Украина), slavik1855@gmail.com

Иконников Сергей Анатольевич – старший преподаватель кафедры истории, философии и русского языка Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, к.и.н., ikonnikovsergey88@mail.ru

Ильязова Рената Витальевна – ведущий архивист Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, аспирантка Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, rena.ilyazova@mail.ru

Исповедников Дмитрий Юрьевич – главный специалист Российского государственного военного архива, к.и.н., mitispo@gmail.com

Кальбизаде Эльнур Хашимович – научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Нахчыванского отделения НАНА (Азербайджан), к.и.н., caspianman@mail.ru

Карафизи Анна-Мари Ивановна – специалист международного образовательного центра «Воронежский институт высоких технологий», iec@vivt.ru

Кащеев Андрей Владимирович – аспирант Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), kascheevav@rambler.ru

Каюмова Мадина Расуловна – главный архивист Национального архива Республики Карелия, аспирантка Петрозаводского государственного университета, madina.kayumova@gmail.com

Киктева Евгения Викторовна – аспирантка историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, eva_solv2@mail.ru

Кирсанов Роман Геннадиевич – старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., romankirsanov@yandex.ru

Кирсанова Екатерина Геннадьевна – ассистент МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., e-kirsanova@mail.ru

Клименко Юлия Николаевна – заместитель заведующего отделом НСА и информационных технологий ЦГАМО, Klimenko_Ulia94@mail.ru

Князев Александр Сергеевич – научный сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Alexlord09@mail.ru

Князев Павел Юрьевич – магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, pavkneazev@yandex.ru

Ковалев Максим Константинович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, maxim6972@gmail.com

Козлова Наталья Алексеевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, natulka09@gmail.com

Козлова Светлана Юрьевна – аспирантка кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, libushe19@yandex.ru

Комкова Мария Станиславовна – аспирантка Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского, komkovamaria@mail.ru

Комочев Никита Алексеевич – научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент кафедры археографии Историко-архивного института РГГУ, к.и.н., komni@list.ru

Кононенко Олег Сергеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, okey_ok_ey@hotmail.com

Кононова Ольга Алексеевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, olgakononova@yandex.ru

Косован Елена Анатольевна – доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, к.и.н., ekkade@gmail.com

Кошелева Марина Евгеньевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, makar-marina97@yandex.ru

Крадецкая Сусанна Вячеславовна – доцент Московского политехнического университета, к.и.н., susanna.mosca@gmail.com

Крылова Анна Владимировна – доцент Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, к.и.н., aespirance@yandex.ru

Кулинок Святослав Валентинович – заведующий отделом информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации (Республика Беларусь), к.и.н., svkulinok@tut.by

Курбанов Фируз Голибович – младший научный сотрудник Бухарского Государственного музея–заповедника, филиала «Тарикат Накшбандийа» (Республика Узбекистан), thegame2488@mail.ru

Лагузова Мария Андреевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, laguzova@bk.ru

Лапаева Антонина Сергеевна – магистрант Челябинского государственного университета, antoshka.a-93@mail.ru

Лаптева Татьяна Николаевна – научный сотрудник Архива РАН, lapti-stv@yandex.ru

Лепаловская Валерия Александровна – заместитель генерального директора по информационным технологиям и филиалам Уральского государственного военно-исторического музея, lera@museumvdv.ru

Лепихина Наталья Александровна – старший специалист 1-го разряда Государственной Думы ФС РФ, соискатель факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, nat.lepikhina@gmail.com

Лещева Венера Рафаэльовна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, venera.valieva@gmail.com

Лиманова Светлана Андреевна – младший научный сотрудник Архива РАН, к.и.н., serovasvetlana@mail.ru

Лобова Алиса Андреевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, alice.l.maps@gmail.com

Лоза Сергей Николаевич – магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, Loza.Sergey.N@yandex.ru

Лысенков Николай Александрович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н., nlysenkov@gmail.com

Любомирова Екатерина Сергеевна – преподаватель факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, katya1good@gmail.com

Магдеев Сабир Игоревич – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, sabir-93@yandex.ru

Мажара Петр Юрьевич – ведущий специалист РГАВМФ, к.и.н., pmazhara@mail.ru

Малютин Георгий Александрович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н., malyutingeorgii@mail.ru

Мамонова Виктория Борисовна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, mamonova.viktoria@gmail.com

Манухин Алексей Анатольевич – доцент кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, к.и.н., warcraftdouble@yandex.ru

Маргушева Алина Зауровна – студентка МГУ факультета политологии имени М.В. Ломоносова, maralina2@mail.ru

Марченко Никита Алексеевич – учащийся Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, nikitamar95@yandex.ru

Меркулова Анастасия Михайловна – научный сотрудник Аналитической службы МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., scopulus@mail.ru

Мигачева Алина Николаевна – ведущий специалист «кабинета Германии» отдела специальных коллекций Центра Социально-Политической истории Государственной публичной исторической библиотеки, аспирантка факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, amiga88@list.ru

Мигланов Максим Александрович – магистрант Московского педагогического государственного университета, maksmiglanov@mail.ru

Милованов Константин Юрьевич – старший научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, к.и.н., milkonst82@mail.ru

Милославская Софья Павловна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, smiloslavskaya@gmail.com

Миронова Ольга Юрьевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, lvlironova@gmail.com

Мишина Анастасия Александровна – магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, nastya-mishina@mail.ru

Новгородцев Максим Викторович – аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, novgmax@gmail.com

Новикова Мария Олеговна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, mariya.novikova1@mail.ru

Нуйкина Елена Юрьевна – аспирантка Историко-архивного института РГГУ, заместитель главного редактора журнала «Вестник архивиста», elenaf.2014@mail.ru

Оборский Евгений Юрьевич – доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, к.и.н., oborskye@gmail.com

Оленева Елена Андреевна – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ryjaya93@mail.ru

Опилкин Алексей Сергеевич – научный сотрудник Российского института стратегических исследований, к.и.н., aleksey_opilkin@mail.ru

Орлова Наталья Сергеевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, arlovans@gmail.com

Петренко Андрей Анатольевич – магистрант Российского государственного гуманитарного университета, hmara1921@gmail.com

Петухова Александра Павловна – соискатель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, egorovaa1@yandex.ru

Пивоваров Никита Юрьевич – главный специалист Российского государственного архива новейшей истории, к.и.н., pivovarov.hist@gmail.com

Пименов Олег Владимирович – магистрант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, volgskimugyk@mail.ru

Поляков Юстас Александрович – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, youstaspolyakov@mail.ru

Попова Наталия Геннадьевна – начальник отдела использования архивных документов Центра документации новейшей истории Краснодарского края, natalia-popova75@mail.ru

Прокофьева Мария Ильинична – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, natalya.fedoruk@novsu.ru

Прокудин Борис Александрович – доцент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., probor@bk.ru

Пучков Владимир Михайлович – студент МГУ имени М.В. Ломоносова

Пучнина Ольга Евгеньевна – старший научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., srkpdv@gmail.com

Пьенэ Андрей Петрович – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, andyoutoo@list.ru

Ромашкина Татьяна Александровна – студент НИУ «Московский энергетический институт», lightcamomile@gmail.com

Рудакова Юлия Владимировна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, juli-d1@yandex.ru

Рыбаков Владислав Александрович – стажер-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, varybakov@edu.hse.ru

Рыбин Андрей Александрович – аспирант Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, rybin-andreyka@bk.ru

Савельева Майя Петровна – специалист 1-й категории РГАСПИ, maya-1605@mail.ru

Садов Владислав Владимирович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, v-sadoff2013@yandex.ru

Саевская Мария Александровна – магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, masha-saevskaya@yandex.ru

Сазонова Татьяна Алексеевна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, TSA1694@yandex.ru

Сак Ксения Васильевна – доцент *Государственного академического университета гуманитарных наук*, к.и.н., ksenia.sak@gmail.com

Сараева Диана Сергеевна – студентка Российского государственного гуманитарного университета, Disimonmt@gmail.com

Свиридонова Анна Игоревна – студентка Российского государственного гуманитарного университета, kas174@ya.ru

Секенова Ольга Игоревна – ассистент Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, jkzkray@mail.ru

Семененко Анна Вадимовна – аспирантка Санкт-Петербургского института российской истории РАН, aleteia@mail.ru

Семенова Татьяна Алексеевна – главный археограф Государственного архива административных органов Свердловской области, tanushant@rambler.ru

Серебрякова Алёна Сергеевна – студентка исторического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, aliona.serebriakova@yandex.ru

Скачилова Анастасия Александровна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, skachilovaa@list.ru

Смирнова Дарья Сергеевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, dssmirnova306@mail.ru

Соболев Владимир Андреевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, sobvlad1992@yandex.ru

Солощенко Наталья Владимировна – магистрант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, soloshchenko-natalya@yandex.ru

Спартак Сергей Андреевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, sspartak@yandex.ru

Старченко Елена Александровна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, estarchenko@hotmail.com

Стасенко Никита Андреевич – магистрант НИУ «Московский энергетический институт», kutuzoff94@yandex.ru

Страхов Александр Борисович – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, falconian@yandex.ru

Стрекалов Илья Николаевич – магистрант юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, strek93@mail.ru

Сулоев Иван Николаевич – старший научный сотрудник отдела хранения Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, к.и.н., iwdoroga@mail.ru

Султангужина Гульфия Юнировна – младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, к.и.н., sultanguzhina@rambler.ru

Тальская Ольга Дмитриевна – специалист по учебно-методической работе факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ollytalsky@gmail.com

Танцевова Анастасия Владимировна – аспирантка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, tantsevova@mail.ru

Тарасов Станислав Витальевич – аспирант Тверского государственного университета, ctas_tarasov@mail.ru

Тимофеев Андрей Петрович – магистрант МГУ имени М.В. Ломоносова, tatyn1@mail.ru

Тихонов Виталий Витальевич – старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., tihonovvitaliy@list.ru

Тумаков Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Минздрава России, к.и.н., denistumakov@yandex.ru

Убирия Изабелла Феликсовна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, iubiriya@gmail.com

Удовенко Илья Витальевич – аспирант Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Государственного музея истории ГУЛАГа, ilvitud@gmail.com

Федорова Мария Андреевна – Ph.D. Candidate, University of California (Santa Barbara, USA), maria.a.fedorova@gmail.com

Фернандес-Эрес Анна Павловна – ведущий специалист РГАФД, annafernandes@yandex.ru

Филинов Андрей Владимирович – соискатель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, fiann@inbox.ru

Филяева Алина Игоревна – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, alinf95@mail.ru

Фокин Александр Александрович – доцент Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), к.и.н., aafokin@yandex.ru

Фролов Андрей Алексеевич – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, andrej_fr@mail.ru

Хараишвили Кристина Владимировна – аспирантка Краснодарского государственного института культуры, kristina.kharaishvili@yandex.ru

Харламов Михаил Иванович – доцент Национальный университет гражданской защиты Украины (г. Харьков, Украина), к.и.н., mike_kharlamov@mail.ru

Царегородцева Галина Игоревна – преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., galina23.11@mail.ru

Цветков Эдуард Георгиев – учитель истории средней школы № 4 г. Ярославля, соискатель ЯрГУ им. П.Г. Демидова, egeo84@gmail.com

Цыпкина Анна Георгиевна – младший научный сотрудник Архива РАН, соискатель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, anna021090@yandex.ru

Чекалова Мария Андреевна – специалист 1-й категории РГАСПИ, студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, mariya.chekalova.94@mail.ru

Черемухин Вячеслав Владиславович – студент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, cheremuchin_v_v@mail.ru

Чирков Илья Сергеевич – главный архивист ЦГА Москвы, tdelcaopim@mail.ru

Шабельникова Маргарита Викторовна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, margarit.shabelnikov@gmail.com

Шанина Ольга Николаевна – заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов Центра документации новейшей истории Ярославской области, o-shanina@mail.ru

Шувалова Анастасия Николаевна – магистрант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, библиотекарь Библиотеки Российской академии наук, nastia_220295@mail.ru

Щинова Анастасия Кирилловна – студентка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, anastasiashchinova@gmail.com

Якимович Светлана Анатольевна – библиотекарь Graduate Institute (Женева, Швейцария), svetlana.yakimovich@graduateinstitute.ch

Яковлев Игорь Вячеславович – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, igor.yakovlev92@gmail.com

Яковлева Инна Алексеевна – заместитель заведующего отдела использования документов Государственного архива Новгородской области, студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, ta_samaya_inna@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Абдикаликова Д.Н.
Революция 1917 года в воспоминаниях российских и французских современников 5

Авакян Д.А.
Феномен промышленной революции в западноевропейской политической мысли XIX века 8

Акимченков В.В.
Документы личного происхождения как источник по истории в крымоведческих исследованиях: на примере восстановления биографии профессора Моисея Даяна 11

Аксенова Е.А.
Общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революций 1917 года 16

Алексашина М.Г.
Изучение политической доктрины Томаса Спенса в Западной Европе 19

Амвросова А.Л.
Формирование концепции «плавильного котла» и проблема поиска национальной идентичности иммигрантов в произведении И. Зангуилла «Плавильный котел» и М. Энтин «Земля обетованная» 23

Ананьев Д.А.
Основания социально-политических воззрений И.Т. Посошкова 26

Ананьев Н.А.
Основные субъекты консервативной политики Российского государства в начале XX века 29

Артамонова Ж.В.
Ходатайства о помиловании осужденных на Московских процессах 1936 года и 1938 года как исторический источник 31

Асатова Г.Р.
Исторический опыт Узбекистана: деятельность женщин в спортивной и физкультурно-массовой работе в годы Второй мировой войны 35

Ахметова А.В.
Развитие культуры коренных этносов национального села Сикачи-Алян в XIX – начале XX в. 39

Баженова Р.С.
Оценка советских воспитательных практик по материалам газеты «Пионерская правда» 42

Балачевцева М.А.
Политические течения Английской буржуазной революции XVII века 44

Барабанова К.С.
Способы привлечения благотворителей в период эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 году 46

Бибичадзе А.Г.
Вильгельм Райх о сущности «сексуальной революции» 49
Блохин В.Н.
Причины революций: теоретический аспект 52
Бобылев И.В.
Политическая концепция И.И. Сергиева (Иоанна Кронштадского) 55
Болдин В.А.
О дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке 58
Большакова О.В.
П.А. Столыпин как организатор борьбы охранных структур империи с революционным движением. (1906–1910 гг.) 62
Бондарева А.Г.
Социальная политика советского государства в годы гражданской войны (1917–1922 гг.) 65
Бондаренко В.И.
Особенности национальной политики и межнациональных отношений в СССР (на примере ликвидации последствий природных и техногенных катастроф второй половины XX века) 68
Борелли А.
1917: русские революции в западной историографии с 1991 года до наших дней 71
Борзых Н.Е.
Учебник отечественной истории как конструктор исторической памяти (на примере революционных событий 1917 года) 73
Будаева Л.А.
А.М. Коллонтай и агитационно-пропагандистская деятельность журнала «Работница» в 1917–1918 гг. 76
Бычкова Н.С.
«Лидерство из-за спины» в военной политике США на современном этапе» ... 79
Верютин М.И.
Динамика представлений о мировом лидерстве США в конце XX – начале XXI в. (На основе выступлений американских президентов) 82
Веселов А.А.
Санитарные проблемы российской провинции в первые годы Советской власти на примере города Осташкова Тверской губернии 86
Вишнякова З.Н.
Политическая карикатура и антирелигиозная пропаганда в период НЭП 90
Вовк А.Ю.
Быт русских парижан в годы Второй мировой войны. Изучая дневники и письма 93
Волкова О.Н.
Влияние социально-политических идей Н.В. Устрялова на Русское Зарубежье. 95
Волошенко О.В.
Особенности организации цензуры в период перестройки 98
Волошун П.В.
О необходимости систематизации источников личного происхождения

об императрице Александре Федоровне на основании анализа вовлеченности их авторов в ее повседневную жизнь 101

Вуколов А.А.
Понятие государства в политическом учении Ф. Ницше: прошлое, настоящее, будущее 104

Гарифуллин А.Т.
Становление молодежного движения в Татарстане (1990–2000-е гг.): проблемы историографии 107

Герасимов И.С.
Шахматы как социальный феномен повседневной жизни населения Казанской губернии первой половины XIX века 111

Голбин А.Ю.
Механизмы репрезентации событий 1917 года в советской художественной пропаганде 1930-х гг. 115

Гоманенко О.А.
Проблема подготовки кадров для речного транспорта СССР в 1930-е годы (на примере волжских пароходств) 118

Гончаренко Я.В.
Новая элита как результат революции: номенклатура 121

Горшенин А.В.
Использование документов местных архивов для создания биографии рядовой революционерки (на примере жизни Марии Оскаровны Авейде) 124

Григорьева О.И.
Московский университет в 1917 году: возвращение профессоров и сохранение его научного и образовательного потенциала 128

Гриценко С.А.
К вопросу о немецком влиянии на развитие шведской социал-демократии в конце XIX – начале XX в. 132

Дмитриев И.Е.
Влияние Первой мировой войны и революции 1917 года на развитие парфюмерной индустрии XX века 135

Добровольский Е.С.
Ноябрьская революция 1918 года в оценках будущих христианских демократов Германии 138

Долгова А.В.
Основные факторы развития дезертирства крестьян Пермской губернии в 1919 года 141

Елисеев А.Б.
Октябрьская революция и самоопределение Беларуси на советской основе 144

Еремина Е.А.
«Звуковой» контент периода немого кино (на примере творчества актрисы Веры Георгиевны Орловой) 147

Еремина К.В.
Проведение судебной реформы в Новороссии в 60-х годах XIX века 150

Ермаков В.А.
Великая русская революция 1917 года в контексте теории Т. Скочпол 154

Ефимов А.А.
Трудности роста дворцовых городов на примере Петергофа при Николае I . . . 157
Зверева М.А.
Положение фабрично-заводских рабочих в Новгородской губернии в начале XX века 160
Зверева М.С.
Образ революции в искусстве XIX–XX вв. 163
Зотова Е.Н.
«Верховное постижение Платона» между Февральским и Октябрьским переворотом 1917 года 166
Иванов В.А.
Лапландская война 1944–1945 гг. как часть Второй мировой войны в освещении зарубежной историографии 169
Иконников С.А.
Низкий уровень материального обеспечения приходского духовенства как фактор принятия священно- и церковнослужителями Февральской революции 1917 года (на примере духовенства Центрального Черноземья) . . . 172
Ильязова Р.В.
Фотоколлекция Государственного архива новейшей истории Ульяновской области как источник по изучению Великой Российской революции (1917–1922 гг.) 175
Исповедников Д.Ю.
Гражданская война на Дальнем Востоке в публикациях источников иностранного происхождения. 179
Кальбизаде Э.Х.
Административно территориальное деление Нахчывана в 20-е гг. XX века (историко-географическое исследование) 184
Карафизи А-М.И.
Принудительный труд 1939–1945 гг.: онлайн-платформа «Обучение на основе интервью» как опыт российско-германского проектного сотрудничества 186
Кащеев А.В.
Комплектование армяно-григорианского военного духовенства действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны 188
Каюмова М.Р.
Репрезентация Октябрьской революции в экспозициях Карельского государственного краеведческого музея в 1950–1960-х гг. 192
Киктева Е.В.
Отражение русско-японской войны 1904–1905 гг. в прессе и публицистике Германского флотского союза 196
Кирсанов Р.Г.
Проблемы внедрения новых методов организации труда в СССР в 1970-е годы 199
Кирсанова Е.Г.
Модернизация политической истории России сквозь призму принципа «реформы-контрреформы» 202
Клименко Ю.Н.
Ильинский боевой участок Можайской линии обороны Московской битвы 1941–1942 гг. – обзор фондов личного происхождения Центрального государственного архива Московской области. 205

Князев А.С.
К вопросу об усилении влияния коммунистической партии в архивной системе Верхнего Поволжья: 1918–1929 гг. (на материалах Костромской, Ярославской, Иваново-Вознесенской губерний и Государственного архива Российской Федерации) 209

Князев П.Ю.
Между Реформацией и революцией: характеристика революционного процесса в сочинениях Абрахама Кёйпера 213

Ковалев М.К.
Проблема политического поражения либеральных партий после февраля 1917 г. в современной отечественной историографии 216

Козлова Н.А.
Современная трактовка объективных и субъективных причин революции 1917 года в работах отечественных историков 219

Козлова С.Ю.
Группы по защите женщины в итальянском движении Сопротивления (1943–1945 гг.) 222

Комкова М.С.
Революция глазами белоэмигранта через призму британских статей 225

Комочев Н.А.
Об «археографических революциях» в истории России 228

Кононенко О.С.
Партия «Алаш» как одна из движущих сил революции на среднеазиатских территориях Российской Империи 231

Кононова О.А.
«Будем стараться выяснить себе истину»: социокультурные запросы российского рабочего на рубеже XIX–XX вв. 234

Косован Е.А.
Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1918 гг. 238

Кошелева М.Е.
Мартин Лютер и Реформация в Германии как «раннебуржуазная революция» Нового времени 241

Крадецкая С.В.
Феминизм как ресурс революции 244

Крылова А.В.
Трансформация работы ЦК РКП(б) с руководящими кадрами после революции и первые годы НЭПа: опыт разработки одной аналитической технологии 247

Кулинок С.В.
Система семейного заложничества как способ вербовки немецкими спецслужбами женщин и детей в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) 250

Курбанов Ф.Г.
К истории крепостной стены Бухары: архивные документы Т.Ф. Гелаха 253

Лагузова М.А.
К вопросу о крушении Российской империи 256

Лапаева А.С.
Особенности проведения выборов в Советы народных депутатов СССР в 1989 году 259

Лаптева Т.Н.
Вопрос организации Российской академии наук в дискуссиях Президиума АН СССР в октябре 1989 – январе 1990 гг. 262

Лепаловская В.А.
Возможности использования источников личного происхождения для изучения повседневной жизни Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.). 266

Лепихина Н.А.
Организационные принципы деятельности Боевой организации максималистов 269

Лещева В.Р.
Проблема национального и общечеловеческого в трудах идеологов почвенничества 272

Лиманова С.А.
Экранный образ Николая II в 1917 г. 275

Лобова А.А.
Поколение реформаторов в Китае конца XIX века 278

Лоза С.Н.
Авторское «Я» или о переводе славянской Эклоги законов. 281

Лысенков Н.А.
Из истории взаимоотношений Временного Правительства России с политическим руководством Финляндии в марте–октябре 1917 года 284

Любомирова Е.С.
Формирование охранительного лобби в молодёжной политике ФРГ 1949–1957 гг. 287

Магдеев С.И.
Социальные основания революции 290

Мажара П.Ю.
Новые материалы по истории революции 1917 года в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке 293

Малютин Г.А.
«Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1850–1860-е гг. 297

Мамонова В.Б.
Особенности формирования светского образа Александра Невского в начале XVIII века 301

Манухин А.А.
Национальный и региональный уровни лидерства в мексиканской революции: внешнеполитический аспект 304

Маргушева А.З.
Социология знания К. Мангейма как ответ на вызовы эпохи: теория и метод. 307

Марченко Н.А.
Две жертвы «Красного террора» – архиепископ Андроник (Никольский)

и Великий князь Михаил Романов в воспоминаниях профессора Пермского университета Г.В. Вернадского. 310

Меркулова А.М.
«Революционная перестройка» глазами очевидца Октябрьской революции (из дневников ректора Московского университета И.С. Галкина (1898–1990 гг.)) 314

Мигачева А.Н.
Противодействие комсомольцев анархистской молодежи (на примере Нижегородской губернии в 1919 г.) 317

Мигланов М.А.
Государство и общество России первой половины XIX в.: полицейское самодержавие против революционизма 320

Милованов К.Ю.
Реформистский курс Министерства народного просвещения и Российская революция 1917 года 323

Милославская С.П.
Р. Оуэн и Д. Беллерс: теоретики мирной революции 326

Миронова О.Ю.
Революция 1917 года глазами Джона Рида 328

Мишина А.А.
Нация и национализм в социально-политическом учении Ауробиндо Гхоша. 332

Новгородцев М.В.
Раскол ПЛСР в 1918 году и генезис Партии революционного коммунизма . . . 335

Новикова М.О., Пучков В.М.
Дилемма «Февраль – Октябрь»: проблема выбора между демократическим развитием и диктаторской альтернативой 337

Нуйкина Е.Ю.
Имущественные права Русской православной церкви в первых декретах советской власти 340

Оборский Е.Ю.
Истоки революции 1917 года: от промышленной модернизации к новым социальным силам через кризисы власти. 343

Оленева Е.А.
Исторические и идейные предпосылки возникновения либерализма 346

Опилкин А.С.
Директор Департамента полиции Р.Г. Моллов: опыт биграфии 348

Орлова Н.С.
Работа М.А. Бакунина «Федерализм, социализм и антитеологизм»: политико-текстологический анализ 353

Петренко А.А.
Белорусское крестьянство и антисоветское повстанческое движение в 1918–1921 гг.: формы участия и противостояния. 356

Петухова А.П.
Русские консерваторы и попытки организации государственной пропаганды в Российской империи конца XIX – начала XX в. 359

Пивоваров Н.Ю.
Роль и место Совещания заведующих отделами ЦК РКП(б) в административной системе ЦК РКП(б). 1922–1924 гг. 362
Пименов О.В.
Восприятие элитой Германии Февральской революции 1917 г. в России 365
Поляков Ю.А.
Аграрная программа партии эсеров в 1917 году 368
Попова Н.Г.
Воспоминания Батурина Г.Н. как источник о гражданской войне на Юге России 371
Прокофьева М.И.
Благотворительная деятельность Новгородской Епархии в годы Первой мировой войны 375
Прокудин Б.А.
Изображение гражданской войны в романе Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога» (2015) 378
Пучнина О.Е.
«Изнуряющая мечта»: В.В. Розанов о революционных идеалах начала XX в. 381
Пьенэ А.П.
Оценка роли монархии в творчестве К.Д. Кавелина 383
Рудакова Ю.В.
Основные вехи творческой биографии П.Н. Ткачева 386
Рыбаков В.А.
Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско: организация и деятельность (1924–1945 гг.) 389
Рыбин А.А.
Социально-экономическая ситуация и кадровый потенциал Центральной России в начальный период проведения кампании по освоению целинных и залежных земель в СССР в 1954–1955 годах (По материалам Ивановской, Костромской, Ярославской областей) 392
Савельева М.П.
Дипломатические отношения СССР и Франции во второй половине 1970-х гг. (на материалах личного фонда Панкова Ю.Н. в РГАСПИ) 395
Садов В.В.
Русская Православная Церковь в период революции 1917 года 398
Саевская М.А.
К вопросу о политической активности земств накануне первой русской революции 401
Сазонова Т.А.
Понятие «революция»: этимологический, семантический и культурно-исторический анализ 405
Сак К.В.
К.Р. «Царь Иудейский»: автор и его время 407
Сараева Д.С.
Эволюция французской гастрономии в период Великой Французской Революции 411

Свиридонова А.И.
«Апокалипсические чудовища»: революция глазами старообрядческого эсхатолога. 414

Секенова О.И.
Слухи как источник по истории правосознания провинциального городского населения в начале XX века (по материалам газеты «Тульская молва») 418

Семененко А.В.
Церковная реформа середины XIX века в польских губерниях Российской империи (Ченстоховский Ясногорский монастырь). 421

Семенова Т.А.
Листовка как форма агитационной борьбы за электорат партии Социалистов – Революционеров на Урале в 1917 г. (по материалам Государственного архива административных органов Свердловской области) 424

Серебрякова А.С.
Зарождение и функционирование скаутского движения в Новгородской губернии в 1917–1920 гг. 426

Скачилова А.А.
М.Е. Салтыков-Щедрин: краткий очерк административной и общественной деятельности в 1844–1862 гг. 430

Смирнова Д.С.
Америка и Россия в публицистике А.И. Герцена и М.Н. Каткова 1860-х годов. 433

Соболев В.А.
Исследования политики и власти в творчестве Ф.М. Бурлацкого 436

Солощенко Н.В.
Проблемы пищевой промышленности на страницах многотиражных газет фабрик «Красный Октябрь» и «Рот-фронт» в 1933 г. (компьютеризованный анализ в программе MAXQDA) 439

Спартак С.А.
Образ России в США конца XIX – начала XX в. под влиянием деятельности Общества американских друзей русской свободы 442

Старченко Е.А.
Эдуард Карпентер: революция в викторианском стиле 445

Стасенко Н.А., Ромашкина Т.А.
Революции 1917 года глазами студентов МЭИ 448

Страхов А.Б.
Новые духовно-политические основания в исторической политике России в XVII в. 452

Стрекалов И.Н.
Идеи и личность В.И. Ленина в свете истории создания Конституции СССР 1977 года 455

Сулоев И.Н.
Социально-политические предпочтения крестьянских депутатов Верхнего Поволжья в I и II Государственных думах 461

Султангужина Г.Ю.
Использование женского труда в сельском хозяйстве Башкирии в послереволюционный период 464

Тальская О.Д.
Первая газета Туркестана и ее влияние на общественно-политическую мысль Средней Азии 467

Танцевова А.В.
«Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции...»: образ героев революции в журнале «Огонек» в 1920-е годы 471

Тарасов С.В.
Протоколы допросов японских военнопленных как источник по истории повседневности советско-японской войны 1945 года 474

Тимофеев А.П.
Политика негативной идентичности как основа нациестроительства в государствах постсоветского пространства 477

Тихонов В.В.
Октябрьская революция в советских коммеморативных практиках 1920-х гг. 480

Тумаков Д.В.
Хулиганство в провинциальной жизни эпохи оттепели и его причины (по материалам Ярославской области) 484

Убирия И.Ф.
К.Н. Леонтьев о славянском вопросе 487

Удовенко И.В.
Московские лагеря принудительных работ как механизм революции (1917–1923) 490

Федорова М.А.
«Большевизм нельзя остановить силой, но можно остановить едой»: Влияние Октябрьской революции на американскую продовольственную помощь Европе (1917–1920 гг.) 493

Фернандес А.П.
Испанские эмигранты в СССР в годы Великой Отечественной войны 496

Филинов А.В.
СССР и маньчжурский кризис в отечественной и зарубежной историографии после 1991 года 500

Филяева А.И.
Исторический аспект понимания политического у Карла Шмитта и Ханны Арендт 503

Фокин А.А.
Биография князя Владимира Святославича в современной российской культурной памяти 507

Фролов А.А.
Великая Российская Революция в литературных произведениях её очевидцев 510

Хараишвили К.В., Бакуменко Г.В.
Прочтение истории в тексте палимпсеста городской среды 513

Харламов М.И.
Формирование системы противопожарной борьбы в Украине в период революционных событий и гражданской войны (1917–1921 гг.) 516

Царегородцева Г.И.
Исламская революция в Иране: взгляд «третьей стороны» 519

Цветков Э.Г.
Внешняя политика СССР в Тропической Африке в 1960–1980-е гг.: опыт сочетания архивных данных и источников личного происхождения 522

Цыпкина А.Г.
Межнациональные отношения в Трапезунде (1916 г. – осень 1917 г.) 525

Чекалова М.А.
К истории созыва Всемирной Конференции негритянских рабочих в 1930 г. 528

Черемухин В.В.
Великий Князь Дмитрий Павлович: возможный претендент на главенство в Доме Романовых? 531

Чирков И.С.
Конституционный кризис 1993 г. в документах Центрального государственного архива города Москвы 534

Шабельникова М.В.
Идея мирной революции в творчестве М. Уоллстонкрафт 537

Шанина О.Н.
Н.Ф. Доброхотов о роли большевиков в событиях 1917 года в г. Ярославле и в стране (по воспоминаниям из фондов ЦДНИ ГАЯО) 539

Шувалова А.Н.
Воздухоплаватель Андрей Богданович Васенко 542

Щинова А.К.
Рынок женского труда в Москве на рубеже XIX–XX вв. в статистической ретроспективе 546

Якимович С.А.
Коллекция Бориса Суварина в библиотеке Института международных отношений (Женева, Швейцария) 550

Яковлев И.В.
Расовые теории Ж.А. Гобино и Г. Гюнтера: сравнительный анализ 553

Яковлева И.А.
Агитация и пропаганда физической культуры и спорта в первые годы советской власти (на примере Новгородской губернии) 556

Список организаций, принимающих участие в конференции «КЛИО-2017» 560

Сведения об авторах 563

Научное издание

Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени

Сборник материалов
Седьмой международной конференции
молодых ученых и специалистов
«Clio-2017»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*
Вапускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.03.2017
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,5.
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)